

МИНУВШЕЕ

ИСТОРИЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ

23

МИНУВШЕЕ

ИСТОРИЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ

Редакционная коллегия: Николай Богомолов, Жан Бонамур, Эльда Гарэтто, Александр Добкин, Джон Малмстад, Ричард Пайпс, Марк Раев, Дмитрий Сегал, Анатолий Смелянский

Главный редактор: Владимир Аллой

МИНУВШЕЕ

ИСТОРИЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ

23

ATHENEUM — ФЕНИКС

С.-ПЕТЕРБУРГ

1998

ББК 63. 3(2)
УДК [947 + 957]
М-62

М-62   **МИНУВШЕЕ: Исторический альманах. 23.** — СПб.:
Atheneum; Издательство Феникс, 1998. — 632 с., ил.

ISBN 5-901027-12-6

В настоящем выпуске читатель найдет: воспоминания о художественной и музейной жизни России 1900-1960-х и о русской эмиграции 1970-1980-х; письма и документы В.И.Вернадского, М.С.Грушевского, Е.В.Тарле, А.А.Шахматова и др. ученых; материалы о русском футуризме, кабаре «Бродячая собака», А.Белом, Р.В.Иванове-Разумнике и др.; записи разговоров с Ахматовой и путевые заметки о Франции 1920-х. Все публикуемые тексты подробно откомментированы.

Книга рассчитана как на специалистов, так и на широкий круг читателей, интересующихся отечественным прошлым.

ББК 63.3(2)

ISBN 5-901027-12-4

© Издательство «Феникс», 1998
World © «Atheneum», 1998

ВОСПОМИНАНИЯ

Л.В.Розенталь
НЕПРИМЕЧАТЕЛЬНЫЕ ДОСТОВЕРНОСТИ

Публикация Б.Рогинского

Искусствовед Лазарь Владимирович Розенталь родился в Лодзи 13 июня 1894 в семье бухгалтера ткацкой фабрики¹. В 1900 семья переехала в Петербург². Розенталь учился в Петришуле, в 1906 поступил в 3-й класс Тенишевского училища. Это произошло до некоторой степени случайно: отец показал свои литературные опыты³ соседу по лестнице — писателю Ангелу Богдановичу; тот познакомил его с А.Я.Острогорским, редактором журнала «Образование». Напечатать повесть В.С.Розенталя не удалось по цензурным соображениям, но зато Острогорский, директор Тенишевского училища, предложил перевести туда мальчика. В «Тенишевке», по-видимому, и определилось главное увлечение Л.В. — живопись. В 1912-1918 он учился на историко-филологическом факультете Петербургского (Петроградского) университета на славяно-русском и историческом отделениях, занимался в искусствоведческом семинаре проф. Д.В.Айналова. С 1910 посещал все крупные художественные выставки, позднее водил по музеям экскурсии рабочих. В 1914 совершил путешествие по Северной и Центральной Италии. После революции, служа во внешкольном отделе Севпроса, разъезжал по Петроградской губернии с передвижной выставкой репродукций, читал лекции о русской живописи. В 1919-1922 заведовал Нижегородским народным ху-

---

¹ Отец Розенталя — Владимир (Вольдемар) Соломонович (кон. 1850-х — 1934, Москва) — сын агента по продаже леса, учился в минском хедере, занимался самообразованием, в 1880-е бежал в Австро-Венгрию (в связи с арестами его друзей, замешанных в революционной деятельности); окончил в Вене коммерческие курсы и, женившись в 1888 на Елизавете Григорьевне Сыркиной (1867, Брест-Литовск — 1921, Москва), обосновался в Лодзи. Кроме Л.В. у них был еще сын и две дочери.

² В.С.Розенталь представлял в столице интересы лодзинских мануфактурных фирм; вскоре стал купцом второй гильдии и возглавил торговый дом.

³ Возможно, было представлено его произведение о положении еврейских ткачей.

дожественным музеем, не переставая читать лекции на различных курсах в появившихся тогда многочисленных клубах и студиях.

С осени 1922 жил в Москве, где работал при экскурсионной секции МОНО. Читал курс введения в историю искусств на педагогическом факультете Пречистенского практического института (1922-1923), вел кружки по изучению живописи при ЦД работников просвещения. С января 1925 — научный сотрудник Третьяковской галереи. Этот период своей жизни сам Розенталь описывает так:

С 1922 года в Москве водил неистовое количество экскурсий, занимался разработкой экскурсионной методики, систематически поставлял в журнал «Печать и революция» рецензии на книги, шесть лет (1925-31) ведал просветработой Третьяковской галереи. Написал несколько книжонок⁴. С 1931 года — десятилетие великой халтуры. Пять раз перебежал с места на место: два музея, культучреждения. Подкармливался, ничем не брезгуя.

Розенталя, как одного из «стариков», коснулась музейная перестройка начала 1930-х: он вынужден был уйти из центрального образцового музейного учреждения страны и работать в ВОКСе (Всесоюзное общество культурных связей с заграницей), Музее керамики в Кусково.

К концу войны сосредоточился на чтении курса истории искусства в художественных техникумах, художественных студиях и вузах (с 1944 г. — факультет прикладного искусства Текстильного института)⁵.

В 1958 г. вышел на пенсию, но в течение последующих лет продолжал преподавать в допускаемых законом для пенсионеров размерах и тиснул еще три статейки.

К сказанному следует прибавить, что с 1937 по конец 1940-х Розенталь выпустил еще несколько небольших книг⁶. Основная часть его на-

---

⁴ Речь идет о кн.: Изучение музейного зрителя / Под ред. Л.В.Розенталя. М., 1928; Краткий путеводитель по Третьяковской галерее / Сост. Л.В.Розенталя. М., 1928-1930 (3 издания); По залам художественных музеев: В помощь музейному зрителю. Л., 1929; И.Е.Репин (1844-1930). М., 1930; Как смотреть живопись, скульптуру, архитектуру. М., 1930; Указатель литературы по истории русской живописи, скульптуры и графики 18-20 века: В помощь посетителю Третьяковской галереи. М., 1931, и др. Поздняя пренебрежительная оценка автором этих изданий никак не свидетельствует об их низком качестве. Следующие далее слова о «великой халтуре» и иные скептические высказывания Л.В. о его искусствоведческой и преподавательской работе могут быть правильно поняты лишь с учетом крайне высоких требований, предъявлявшихся Розенталем к действительности и самому себе на протяжении всей жизни (см. подробнее далее).

⁵ Кроме Московского текстильного ин-та Л.В. преподавал в Московском художественном училище им. 1905 года и в ГИТИСе.

⁶ Основное об искусстве: Живопись; Скульптура; Архитектура. [М.; Л.], 1937; Николай Васильевич Неврев: 1830-1904. [Творческий путь]. М.; Л., 1946; «Не ждали»: Картина Репина. М.; Л., 1947.

следия осталась неопубликованной. Кроме публикуемых здесь воспоминаний «Непримечательные достоверности», это «Свидетельские показания любителя стихов начала XX века» (1931) — заметки о поэзии Бодлера, Вл. Соловьева, Сологуба, Тютчева, Боратынского, Блока, Некрасова, Мандельштама и других; «Вчерашний день» (1942) — обзор литературы двадцатилетия между двумя мировыми войнами; обширные труды «Классификация искусств» (1945), «Краткая история искусств» (1952-1954), «От Федотова до Татлина» (1970-е), другие теоретические работы по искусствоведению; эссе о Тютчеве, Блоке, Тургеневе, Чехове и др. Ждут своего издателя и замечательные прозаические миниатюры Л.В.

***

Розенталь писал свои «Непримечательные достоверности» — три объемистых тома машинописи — долго, с 1948 по 1983 (умер он в августе 1990), не рассчитывая на публикацию и, видимо, вообще на читательский интерес к нему самому. И действительно, из воспоминаний печатались только отрывки, где речь шла об известных людях: Блоке, Розанове, Мандельштаме, Набокове, Н.Н.Купреянове⁷. Над книгой автор работал как бы в три приема, что было тесно связано, как мы можем предположить, с событиями в его жизни. «Непримечательные достоверности» начаты в 1948, два года спустя после смерти первой жены — Аси (Э.С.Фишбейн). Необходимое для создания мемуаров ощущение завершенности, прожитости жизни было вызвано не только личной трагедией, но и окончанием Второй мировой войны. Способствовала воспоминаниям и удушливая атмосфера эпохи, отрезавшей все пути внешней самореализации и подталкивавшей к писанию «для себя». В 1950-1954, когда Лиля (Лиля Соломоновна Франкфурт, близкий друг Розенталя и его будущая вторая жена) находилась в лагере, работа над мемуарами прерывалась. В 1954-1955 создается III часть воспоминаний — повесть «Забывать нельзя», основанная на рассказах и письмах Лили Соломоновны. Все прочее написано в 1964-1983, видимо, в основном после 1966, года смерти Л.С.

Каждый из трех томов «Непримечательных достоверностей» обладает собственной структурой, но также соотносится с общим замыслом книги. Первый том (он же — первая часть, «Чистосердечные признания так называемого искусствоведа»), охватывает период от последних лет XIX в. (художественные впечатления детства в Лодзи) до середины 1960-х. По жанру эта часть книги ближе всего к традиционным мемуарам. Здесь

⁷ Ранние годы Н.Н.Купреянова: Отрывки из воспоминаний // Николай Николаевич Купреянов. М., 1973. С.45-48; 57-58; Как изгоняли Розанова / Публ. Л.А.Ильюниной // Ленинградская панорама. 1989. №11. С.32-34; Мандельштам: Свидетельские показания любителя стихов начала XX века; Бородатый Мандельштам: Непримечательные достоверности // «Сохрани мою речь...»: Мандельштамовский сборник. М., 1991; Александр Блок; Коля и Володя [о Набокове]; Затея князя Тенишева: Непримечательные достоверности // Наше наследие. 1991. №1. С.103-108.

в небольших этюдах, не образующих единого повествования, намечается каркас произведения, опорные точки биографии героя. В настоящую публикацию включены главы: «Сквозь щелочку», «Мелочишка», «Gewissensbisse», «Голоса арф».

Второй том объединяет вторую, третью и четвертую части. Его жанр можно определить как короткие новеллы. Часть вторая — «Мемуарные экзерсисы» — хронологически повторяет «Чистосердечные признания...», но герой отступает здесь на задний план, автор скорее стремится создать образ эпохи (публикуется глава «Из "черной тетради"»). Героиня третьей части — «Забыть нельзя» — Л.С.Франкфурт (в комментарии включена глава «На один лишь миг — щелочка»). «Авантюрная» четвертая часть — «Страницы итинерариев за полвека» — рассказывает о путешествиях автора (публикуются главы «Анабасис» и «Разбойничий корабль»).

Третий том, названный «Петербург. Довесок к Непримечательным достоверностям», включает восемь очерков из жизни Петербурга—Петрограда в 1900-1918 гг. Отсюда нами взята глава «Из истории внешкольного образования в России».

Воспоминаниям предпослана таблица, где все эпизоды выстроены в хронологическом порядке. Розенталь пишет: «Читать главу за главой подряд не обязательно. Можно также руководствоваться примерной хронологической последовательностью того, что в них рассказано...». Поскольку сам автор не настаивает на строгом соблюдении очередности, мы сочли возможным для большей ясности расположить публикуемые главы в соответствии с хронологией.

Но самостоятельность отдельных эпизодов вовсе не свидетельствует о том, что композиция книги не имела для Розенталя значения. Очевидно, что перед автором стояли не только чисто мемуарные, но и художественные задачи. Это подтверждается и свойствами самого текста, и неоднократно высказываемым отношением автора к нему. На первой же странице мы читаем: «Выдумывать не умею. Знаю заранее, если попробую выдумывать, допущу какую-нибудь неточность ради большей занимательности, получится совсем плохо. Ограничиваюсь поэтому одними лишь достоверностями. Хотя бы и непримечательными». Эти слова повторяются с небольшими вариациями несколько раз на протяжении книги, они звучат почти как заклинание. Казалось бы, смысл его ясен: стремление к объективности. Но это не историческая объективность летописца. Здесь скорее чувствуется ответственность художника за свое творение: самое страшное, если «получится совсем плохо». Автор не вспоминает, «как я жил», а стремится изобразить эпоху и себя в ней. Эти воспоминания не автобиография. По уровню осмысления истории они примыкают к «Былому и думам», по степени художественной объективированности героя — к «Истории моего современника». Это позволяет говорить отдельно об «авторе» и «герое». Текст образителен: действительность подобна живописному полотну или киноленте. Автор — объектив, выхватывающий из жизни сценки, не замеченные или не осмысленные другими, «непримечательные достоверности», из которых рождается образ времени.

О какой бы эпохе ни шла речь у Розенталя, нам показываются лишь «боковые», почти анекдотические истории. Автор будто намеренно избегал сюжетов, чреватых общими местами: на оба выступления Ленина на Внешкольном съезде он опоздал, все встречи с Горьким и Уэллсом обернулись «невстречами», даже на знаменитую выставку Пикассо в 1956-м шел неохотно... Но каждая из «непримечательных достоверностей» именно в силу своей случайности, непреднамеренности говорит о главном в эпохе, о ее «тектонических движениях». Как и многие юноши предреволюционной поры, Розенталь был захвачен символистским мироощущением, и стремление увидеть в бытовой детали исторический смысл он пронес через всю жизнь.

Рассказ о тайной детской влюбленности героя в «Девочку с персиками» (не включенный в настоящую публикацию) особенно остро через смутное сознание подростка передает духовную атмосферу начала века. Здесь, по-видимому, истоки преданности героя живописному искусству, начало развития его личности. После революции герой посещает музей-усадьбу Мамонтовых, где был написан портрет, встречается с Анной Саввовой, сестрой «девочки с персиками», и понимает, что прежнее чувство не вернется:

Обыденная реальность недавнего прошлого, замеченного революцией, легла поверх того образа девочки, который когда-то стал для меня воображаемой временной реальностью /.../ для меня она сделалась музейно-экскурсионной обыденностью. Лишь изредка взор «Девочки с персиками» силился пробить эту болотную ямку каждодневности и напомнить о той душевной теплоте, которую он мне некогда дарил.

В этих словах прочитывается и нечто большее — судьба целого поколения творческой интеллигенции и в какой-то мере всей русской культуры XX века.

***

Остановимся теперь на основных темах воспоминаний Розенталя и попытаемся уловить специфику его видения эпохи. В изображенной им России первых послереволюционных лет формально установленная диктатура пролетариата еще не проникла во все сферы жизни, регламентация малоощутительна даже во вновь возникших советских учреждениях: петроградский Наркомпрос предстает здесь непомерно раздутым учреждением, прибежищем голодных и энтузиастических интеллигентов, жаждущих нести в народ знания и не знающих, как это делать. В первые годы Советской власти именно на «внешкольном образовании» (т.е. образовании взрослых) странным образом сошлись просветительские устремления демократической интеллигенции, пропагандистская политика власти и духовные запросы народа. Внешкольное образование (в него входили ликвидация безграмотности, лекции, экскурсии, организация клубов, библиотек, театральных студий) было для власти единственным средст-

вом донести до обнищавшего и безграмотного крестьянства новую идеологию. Официальные документы того времени, касающиеся образования, нелепые и почти объективные:

1. Война пробудила в широких массах бесконечный ряд новых вопросов и тем самым породила ненасытную жажду знания. Революция, поставив перед пролетариатом и трудовым крестьянством задачи колоссальной важности, еще более углубила эту жажду знания и вызвала настоятельную необходимость в самом широком развитии внешкольного образования.

2. Отсутствие у народных масс элементарных знаний и убогость внешкольного образования при старом строе настоятельно требуют проведения ряда мероприятий, отвечающих широкому запросу народных масс. Цель этих мероприятий — следить не только за тем, чтобы будить в массах новые запросы, сколько в том, чтобы возможно скорее и полнее удовлетворить проснувшиеся потребности и открыть перед жаждущими широкую область знания, показав, что может дать наука⁸.

С другой стороны, земская интеллигенция, находившаяся в оппозиции к царскому Министерству народного просвещения, теперь если и не заняла главные посты в отделах наробраза, то составила основной корпус его служащих. Духовные побуждения здесь нельзя отделить от материальных: во-первых, служба в советском учреждении позволяла сводить концы с концами, во-вторых, из поездок по деревням иногда возвращались в голодный Петроград с добычей. Эта сторона просветительской и агитационной деятельности была настолько важной, что в виде оговорок просачивалась и в официальные документы. Вот как регламентировалась работа литературно-инструкторских поездов и пароходов (один из которых описан Розенталем): «Инструктора во время стоянок поезда знакомятся с работой местных организаций, инструктируют ответственных работников и *собирают ценные материалы*»⁹ (курсив мой. — Б.Р.).

В отношении художественных запросов масс автор воспоминаний настроен весьма скептически. Но он сам признает, что выставки и особенно лекции с волшебным фонарем имели успех, хотя бы вызванный извечной народной любовью к зрелищам. Уловленные Розенталем сцены и герои в духе Андрея Платонова свидетельствуют, конечно, не о литературном влиянии, а лишь о подлинности персонажей и ситуаций.

В рассказах о музейной работе, выставках, юбилеях, приемах, съездах в Москве 1920-1930-х все время звучит одна подспудная тема — становление нового стиля в искусстве, музейном деле, общественной жизни, политике, увиденное глазами искусствоведа. Перед нами Нестеров в 1928

⁸ Резолюции, принятые на Съезде по народному образованию при Комиссарате просвещения в Москве в августе—сентябре 1918 г. // Внешкольное образование (Пг.). 1918. №1. С.22.

⁹ Сообщение о работе Комиссии по руководству и управлению литературно-инструкторскими поездами и пароходами // Внешкольное образование. 1919. №4/5. С.74-75.

году: «старенький, сухонький, затаивший в своей внешней немощности недовольство, неприятие сегодняшнего дня» — казалось бы, человек совершенно устаревший, маргинал, не нужный новой эпохе. А вот настоящий представитель революционного искусства, первый заслуженный деятель искусств РСФСР Татлин: «эдакий рослый и нескладный, настоящий "пролетарий-симпатяга"». Прошло всего несколько лет, и на выставке «Советская живопись за 15 лет» Татлин, работы которого допущены, как и работы Малевича, только в виде «ретроспекции», сам катит основание модели Башни III Интернационала к месту экспозиции, желая вернуть расположение начальства, но вызывает только ярость наркома просвещения: «еще неизвестно, следует ли показывать Башню». А ученик и последователь Нестерова Павел Корин на предложение того же наркома Бубнова разместить в другом месте бездарный портрет Горького «отрезал вежливо, но с достоинством /.../: "Нет, Андрей Сергеевич, здесь будет лучше"». Рубеж 20-30-х годов — время перехода от революционного авангарда к стилю, получившему в архитектуре неофициальное наименование «сталинский классицизм» и пронизавшему все сферы жизни. Горький, размышлявший тогда о теории социалистического реализма, недаром в начале 30-х заметил малоизвестного Корина: именно традиции позднего передвижничества, сочетание привычного обывателю реализма с романтической приподнятостью и немалой долей русофильства подходили для создания «большого стиля» в изобразительном искусстве. В 1928 вышла книга Розенталя об изучении зрительского вкуса в Третьяковской галерее. Результаты исследований, опубликованные в ней, показывали, что посетители музея очень мало интересуются «новейшим искусством» (только 3% зрителей), в то время как передвижники пользуются неизменным спросом (89%). Это наблюдение позволяет несколько уточнить распространившиеся в последние годы взгляды на государственную политику того времени в области искусства¹⁰. Борьба с «формализмом» («губительное рыбе слово», как называет его Розенталь), открыто начавшаяся в 1934, противопоставление ему «социалистического реализма» были связаны не только с отказом власти от идеи мировой революции и поворотом ее к национально-государственному строительству, но и с переориентацией пропаганды на вкусы сформировавшегося нового среднего класса. То, что работы Малевича, Татлина и других художников-модернистов были в 1936 переведены в фонды «по требованию зрителей», — отнюдь не демагогическое утверждение. Реформировалось в связи с новой политической линией и само музейное дело. XVI съезд ВКП(б), состоявшийся в 1930, констатировал, что на фоне «победоносного наступления социализма по всему фронту» музей остается отсталым, чрезмерно консервативным явлением, не соответствующим духу времени.

В программной статье журнала «Советский музей», издававшегося с 1931, мы читаем:

¹⁰ Ср., напр.: Максименков Л.В. «Сумбур вместо музыки»: Сталинская культурная революция 1936-1938. М., 1997.

Если бы мы захотели одним словом охарактеризовать те процессы, которые совершаются сейчас во многих музеях, то этим словом является перестройка /.../. Она требует решительно выбросить за борт музейный балласт, пополнить ряды новыми бойцами, совлечь с себя ветхого музейного Адама, изжить осужденную на смерть музейную психологию и влиться организованным боевым отрядом в великую армию строительства с ее коммунистическим штабом¹¹.

Основная тенденция нового музея — его политизация и переориентация на широкие массы!¹².

Та же просветительская направленность в работе музеев ошутимо проявлялась в предреволюционной России и во многом определяла государственную политику в области музейного дела в начале 20-х гг. Но в 30-е годы педагогическая концепция музеев формируется на основе жесткой политизации и регламентации /.../ Сфера его [музея] деятельности постоянно расширялась, а задачи, напротив, сужались до наглядно-иллюстративной, информационной. Характерно, что на страницах журнала почти не встречается понятие «эстетическое» или «художественное» воспитание, котрому такое видное место отводили идеологи коммунистического воспитания в 20-е годы¹³.

В этой системе все труднее становилось существовать людям с таким мировоззрением, как Розенталь или близкий ему по духу А.В.Бакушинский...

***

Каким человеком представляется нам герой, а вслед за ним автор «Непримечательных достоверностей»? В юности это прежде всего человек, органически связанный с русской культурой, внешне почти, а внутренне — совсем не ущемленный своим еврейством, тенишевец, репетитор Володи Набокова, эстет, воспитанный «Художественными письмами» Бенуа и быстро переросший их. В 11 лет он, как и молодой Мандельштам, симпатизирует эсерам, но в 25 — убежденный пораженец, что ясно свидетельствует об отсутствии у него политического идеализма. Розенталь — внимательный и глубокий читатель Тютчева, Боратынского, Блока, Мандельштама. Его любовь к живописи не поверхностна и должна определить призвание. Но призвание не находится. Он водит экскурсии

¹¹ Луппол И.К. О задачах «Советского музея» // Советский музей. 1931. №3.

¹² Вообще стремление демократизировать музеи, приблизить их к самым разным социальным и возрастным слоям было заметно и в других странах, прежде всего в наиболее «музейных» — Германии (к концу 30-х гг. там было 1506 музеев) и США (1500).

¹³ Юхневич М.Ю. Музейная пропаганда 1920-30-х годов на страницах журнала «Советский музей» (1931-1940) // Музейная пропаганда 1920-30-х годов в зеркале прессы. М., 1991.

рабочих и даже увлечен этим, но не забывает упомянуть, что экскурсии «в то время стали оплачиваемыми»: он не чувствует в себе народнического, просветительского пафоса. Здесь мы начинаем понимать, почему в воспоминаниях Розенталя, экскурсовода революционной поры, имя Н.П. Анциферова упоминается всего один раз, да и то мельком. Они представляют два до некоторой степени противоположных типа русского интеллигента начала века. Ориентация Анциферова на «людей 40-х годов», приподнято-романтическое отношение к действительности, идеи нравственного и культурного служения, жизнестроительство — все это глубоко чуждо ироничному и скептическому Розенталю. Между тем, обыденным его мирозерцанием не назовешь, в нем тоже чувствуется пламя, но более сухое и строгое.

Все, что он делает после революции, — более или менее вынужденно. По необходимости, хотя не без задора, берется за дело «внешкольного образования», нехотя заведует музеем в Нижнем, нехотя водит экскурсии в Третьяковской галерее. Искусствоведение тоже не стало призванием в полной мере: Розенталь называет себя в воспоминаниях «случайно обретшим сомнительную профессию искусствоведа». Он чудом не попал в жертва сталинской эпохи, но всю жизнь должен был заниматься, как он считал, не своим делом. Кроме внешних ограничений, его постоянно мучило сознание внутренней неприкаянности. Трагедия заключалась в том, что он не мог испытывать воодушевления без достаточно веского повода, и это делало его одиноким. Источник скепсиса Розенталя не в озлобленном, прозякающем или ограниченном взгляде на жизнь, а в невероятных высоких требованиях, которые он предъявляет к искусству, истории и прежде всего к самому себе. Отсюда происходит вторая важнейшая черта его личности — ирония. Безусловно, это не ирония «маленького человека», выражающая бессилие перед обстоятельствами и снимающая ответственность за любую мысль. Ирония Розенталя — это единственное средство примирить высокие представления о должном и истинном с нелепостью происходящего вокруг и в душе героя. Она позволяет смотреть на историю глазами если не Шекспира, то хотя бы музейного зрителя. Такая отстраненность в жизни спасала от отчаяния, но не от одиночества.

Но почему все-таки, читая «Непримечательные достоверности», мы чувствуем, что личность автора бесконечно значительнее внешних обстоятельств его биографии? Ни ирония, ни «ветхозаветный» нравственный и эстетический ригоризм еще не объясняют этого. Кажется, что автор постоянно умалчивает о чем-то самом важном. Это его художественное дарование. За каждой строкой слышится биение нерезализованных творческих возможностей. Страшно сказать, но истинно свободное дыхание автор обретает в повести «Забить нельзя». Об аресте Лили, о следствии, о лагерной жизни и пересылках он знал только по рассказам. Здесь, когда воображение автора не стеснено личными впечатлениями, он целиком отдается творческой стихии (сохраняя при этом всю возможную достоверность), и, быть может, в художественном отношении эти страницы воспоминаний самые сильные. Они не включены в публикацию (за исключением

небольшого отрывка) только потому, что представляют меньшую историческую ценность, и если убрать из них всю горечь и тревогу за любимого человека, мастерски выписанные образы следователей, доносчиков, заключенных, то останется материал, который мы найдем во многих других рассказах о ГУЛАГе.

Для Розенталя, по-видимому, творчество вообще связывалось с некоторой абсолютной объективностью, способностью встать выше себя, забыть обо всем ради того, что ты сейчас видишь, делаешь. Для него, как и для его сверстников — Платонова, Зошенко, Бабеля, Шкловского, Тынянова, послереволюционная «всамделишность» жизни была не просто временем надежд, а эпохой, которая создала их именно как поколение и сообщила на всю жизнь энергию творчества. В «Непримечательных достоверностях» есть несколько моментов высшего зрения, когда перед героем как бы приоткрывается истинная сущность мира. Эти эпизоды выпадают из общей ткани повествования, они совсем о другом.

Два самых ярких из них — это услышанные героем голоса арф в 1936 перед «Возвращением блудного сына» Рембрандта и еще раз, через 20 лет, на знаменитой пикассовской выставке. Автор отдает себе отчет, что здесь не было ничего от обычного восприятия искусства, все происходило вопреки вкусу, настроению, вопреки внешней линии развития личности. Откровения эти не подготовлены жизнью — в 1956 не чувствуется радости: герой устал и раздражен, пережитое «забыть нельзя», ему претит пошловатый ажиотаж вокруг выставки, он идет туда, только «выполняя гражданский долг». Что же это, шопенгауэровский взгляд на искусство как на нечто противоположное жизни и приносящее из области небытия на короткий миг утешение в мирских страданиях? Нет, скорее ответ мироздания человеку, заслуженная, но всегда неожиданная награда, известная любому художнику, — награда герою за, как ему казалось, безответную преданность живописи, за вечное самоограничение, за попытки любой ценой сохранить порядочность, за честность перед собой, за любовь к близким. «Голоса арф» — это оправдание всей жизни героя, они не снимают трагизма эпохи и его личной судьбы, но придают им высший, гармонический смысл.

***

Воспоминания Л.В.Розенталя печатаются по авторизованной машинописи, хранящейся в архиве племянницы автора — Инны Яковлевны Розенталь (Москва). Пользуемся случаем выразить ей нашу самую живую признательность за всестороннюю помощь при подготовке настоящей публикации. Благодарим также за предоставленные сведения Т.Г.Франкфурт и Г.А.Левинтона.

Текст приведен в основном в соответствии с современными нормами орфографии и пунктуации. Индивидуальные авторские особенности сохранены.

1. СКВОЗЬ ЩЕЛОЧКУ

I

Я начал с витрин эстампных магазинов на Литейном. Они находились на моем ежедневном пути в школу. Я заворачивал на Симеоновскую улицу, но мне, конечно, не было тогда никакого дела до того, что в доме у угла лет семь—восемь тому назад помещалась редакция журнала «Мир искусства»¹.

Витрины были полны ходких тогда репродукций. Тысячекратно повторялись «Бетховен» Балестриери, «Меланхолия» Гринберга, «Сказка» Боденгаузена, «Остров мертвых» Беклина². Это была своя штампованная классика сытого мещанства. Я начал с того, что очаровался «Сказкой». Она была моей первой покупкой.

Путь вел мимо этих картинок в школу, в одну из лучших школ тогдашней России, в Тенишевское училище. Оно дало мне многое, очень многое; там я услышал и о настоящем искусстве. Четырнадцатилетние мальчики делились впечатлениями от художественных выставок.

Вожатым в новый мир искусства, который первоначально сливался для меня с новым «Миром искусства»³, стал Александр Бенуа. Он обращался ко мне, ко всем моим современникам с своими «Художественными письмами», используя для этого столбцы интеллигентско-либеральной газеты⁴. Даже москвичи помнили, в какой день недели надо ждать очередного «Художественного письма» в петербургской «Речи». Вырезки со статьями Бенуа были предметом коллекционирования. «Художественные письма» повели меня на выставки; но они же предостерегали против «Передвижной» и «Весенней», которые я так и ни разу не отважился посетить. «История русской живописи XIX века»⁵ сделала меня постоянным посетителем Русского музея. Многие суждения этого столько раз уже осужденного и все же такого неожиданно долговечного «памфлета на русскую живопись» — неистребимы из моей памяти. А «Путеводитель по Эрмитажу»⁶ долгие годы служил надежной лощей в плаваниях по дальним морям итальянской, испанской, фламандской, голландской, французской живописи.

Мы вырастали и научились ходить без чужой указки. Мы начинали досадовать на импрессионизм и субъективизм по-женски импульсивного и увлекающегося Александра Бенуа. Как бы ни были его восторги заразительны, мы подмечали все чаще и чаще его ошибки, личные пристрастия. Раздражались старомодным лиризмом, излишеством личных, домашних воспоминаний, превращав-

ших газетный фельетон в публикацию интимных мемуаров. Раздражались тщательными стараниями все принимать, не отставать от века, не верили его восторгам перед полотнами Сезанна на французской выставке 1912 года и его колокольному звону в честь Натальи Гончаровой.

И все же Александр Бенуа оставался нашим вожатым, и мы продолжали ловить каждое его слово. Он был не только нашим ментором в искусстве, но и нашей первой любовью, подлинной «художественной совестью» того безвременья, которое мы называли нашим временем. С волнением, издала, исподтишка, как бы сквозь щелочку следили за появлением его кругленькой, какой-то совсем еврейской фигуры на вернисажах. Смотрели, как он медлительно-нежно целует ручки у невзрачных пожилых дам. Подслушивали, как перед теми же дамами он защищает «Красного коня» Петрова-Водкина и цветастые холсты избранных «бубнивовалетчиков», как он разговаривает с иностранцами на прекрасном французском языке, и знали его жену, его детей в лицо⁷.

В годы Первой мировой войны нас удивило его внезапное появление на заседаниях Религиозно-философского общества, где он садился за стол президиума и что-то внимательно записывал. Его, как мы узнали позже, тошнило от кровавого месива войны. Все изумлялись, а многие, в том числе и я, радовались тому, что после Февральской революции он сбежал из кадетской «Речи». Он нашел себе временный приют в «Новой жизни» Горького. С Горьким он вступил в какой-то чудной союз. Более того, Александр Бенуа пробовал быть активным в первые месяцы после Октябрьской революции, участвовал в комиссиях, создаваемых Луначарским⁸. Но он уже не мог больше учительствовать. Его домашний некролог скульптору Оберу⁹ был совсем неуместен среди революционной бури. Он замолчал.

II

Алексей Викторович Щусев¹⁰ привел его в Третьяковскую галерею осенью 1927 года. Править Галереей Щусеву давалось нелегко. Помощники у него были нерадивые — Машковцев и Эфрос¹¹. Александр Николаевич Бенуа, приехавший в Москву перед отъездом за границу, должен был сказать веское слово о планах новой экспозиции Галереи¹².

Петр Иванович Нерадовский¹³, всячески покровительствовавший молодым научным сотрудникам Галереи, представил их Александру Николаевичу. А затем все засели в кабинете директора. Эфрос и Машковцев докладывали свои экспозиционные планы.

По существу, у обоих не было ничего достаточно продуманного. Но Абрам Маркович как всегда сумел выйти из трудного положения. Он быстро и эффектно изложил свою общую концепцию развески по строго историческому принципу. Что же касается Николая Георгиевича, то тот начал мямлить о рациональности отведения худших зал нижнего этажа под произведения второстепенных мастеров, каких-то несуществующих анималистов и т.п.

Александр Николаевич выслушал, затем взял карандаш, набросал на бумажке расположение галерейских зал и отметил распределение в них экспозиционного материала по плану Эфроса. Потом вынул из бокового кармана вечное перо и стал, не спеша, чернилом, на том же своем чертеже отмечать план Машковцева. Кончив, немножко помялся и пожелал ознакомиться с ображениями других присутствующих.

Поддавшись какому-то наитию, я решился выступить с весьма резкой критикой обоих планов. Абрам Маркович воззрился на меня свирепо. Николай Георгиевич — с обычным своим, нескрываемым «скрытым» презрением, Алексей Викторович — удивленно, но снисходительно. Он был все-таки доволен, что кто-то из молодежи тоже говорит. Мне казалось, что Бенуа слушает с каким-то интересом. Быть может — одобрительно. Когда я начал протестовать против помещения такого живописца, как Константин Коровин¹⁴, в самые темные нижние залы с боковым светом, то Александр Николаевич поддержал меня репликой: «Да, это — живописец *par excellence*».

Выслушал он все так же внимательно и вежливо еще несколько выступлений. Убедился окончательно в сложности и трудности вопроса и нашел для себя выход в том, что выразил желание предварительно пройтись по Галерее. Хотя стояла уже поздняя осень, все же топить еще не начинали. Александр Бенуа пошел последний раз перед отъездом из России, последний раз в жизни по залам старой Третьяковки в пальто и с зонтиком в руках. Мы потянулись за ним. Зашептали: «Прогулка короля». Но это скорее походило на «Осмотр старого дома» Крамского¹⁵. Обошли верхний этаж. Александр Николаевич подагрически припадал на одну ногу. Смотрел вокруг себя совершенно безразлично. Он видел залы, но не Галерею. Заговаривал о постороннем. Помню его мимоходом брошенное признание в совершенном равнодушии к палешанам.

Спустились вниз. Там было так холодно, что Александр Николаевич шутливо сжался, поднял воротник пальто и подхватил Алексея Викторовича под руку. Пошли быстрее. Казалось, вокруг были голые стены. Проходя залы Верещагина, он вспомнил о

какой-то большой картине из серии северного путешествия этого художника, о картине с медведем, которую сейчас продает знаковая дама. Странно было: Бенуа рекомендует купить Верещагина¹⁶!

После обхода Галереи пошли греться в кабинет директора. Собрание продолжалось уже в более тесном кругу. Что сказал Александр Николаевич, да и сказал ли он что-либо, осталось неизвестным. Мы видели его лишь сквозь щелочку, лишь в просвете полураскрытой двери.

Он просидел недолго. Я проходил через вестибюль, когда он направлялся к выходу. Я поклонился. Он обернулся и протянул мне с любезной улыбкой руку.

И вот в мою жизнь вошло прощальное рукопожатие Александра Николаевича Бенуа.

2. НЕПОВТОРИМЫЕ РАДОСТИ

Дворники из всех сил соскребают с тротуаров зиму. В водосточных трубах грохочут сорвавшиеся льдинки. Пахнущая ржавыми крышами капля закатывается за воротник. На Невском уже совсем весна. Видна даже просинь неба. Но во дворе Армянской церкви, что насупротив Гостиного двора, груды слежавшегося снега. Здесь во флигеле справа — выставка «Союза русских художников»¹⁷.

И так уж с тех пор повелось, что если идешь на выставку, то как будто началась весна. Отнюдь не обязательно, чтобы при этом была бы оттепель в полном разгаре: ручьи от тающего снега, свежий ветер, солнце. Случалось, что предвестием весны была лишь одна только затуманенность воздуха. Или же наоборот, обнадеживающая солнечность морозного дня. А то и всего-навсего — по-особому, предвесеннему взметнувшаяся снежная пурга.

Выставка «Союза» в доме Армянской церкви была первой в моей жизни и последней, на которой участвовали «мирискусники»¹⁸. О ней говорили и писали в газетах немало. В который раз снова на радость ненавистникам всяческого «декадентства» Репин полемизировал с Александром Бенуа. Бенуа, резкость суждений которого послужила поводом для раскола «Союза», энтузиастически отозвался о новой картине Петрова-Водкина «Сон». Репин же в вечерней газетке, которую было принято попросту именовать «Биржевой», обругал Петрова-Водкина «безграмотным рабом... двух нахальных самоучек Гогена и Матисса». В спор ввязался журнал «Аполлон». Этот новоявленный «arbiter elegantiarum» допускал, что Матисс пока что лишь «парадоксальный искатель».

Но его возмутила безграмотность сопоставления этого имени с именем «патриарха новой школы» Гогена¹⁹.

Новая живопись в ту пору, вместе с символической поэзией и концертами модернистической музыки, уже прочно входила в обиход столичной культурной элиты. Среди моих товарищей по шестому классу Тенишевского училища, этого привилегированно-просвещеннейшего среднеучебного заведения, было немало до того начавших посещать художественные выставки. Еще за год до того я наслушался разговоров о выставке «Салон»²⁰. Особенно — о картине Бакста с латинским названием «Terror antiquus». Пока я собирался в «Салон», он закрылся. Но вот на этот раз я постарался не прозевать выставки «Союза».

Все же пошел я туда с некоторым опозданием. Те, кто побывали там раньше, вооружили меня каталогом. В первой комнате висела картина того же Бакста «Дорога в Аид». Особой значительности в ней не было. О ней говорили, что если это и дорога в ад, то та самая, которая вымощена добрыми намерениями.

Выставка помещалась в двух больших барских квартирах. Множество комнат, то посветлей, то темноватых, то побольше, то совсем крохотных, были расположены как-то путано. Из одной части выставки переходить в другую приходилось через лестничную площадку. Картины были по большей части, так сказать, семейно-домашних размеров. Немало места занимали этюды, эскизы, примитивно окантованные наброски, рисунки, акварели. Все было буднично, устроено явно наспех, даже — неряшливо.

И все же с восторженностью неопита, а также по присущей мне бездарности начетчика я старался просмотреть все. Сверялся по каталогу, не упущено ли что-либо. Конечно, прежде всего я искал знакомые имена. Это были преимущественно имена художников круга «Мира искусства». Начало знакомству с ними положили иллюстрации в трехтомнике замечательной хрестоматии «Живое слово», составленной, кстати сказать, первым директором все того же Тенишевского училища — А.Я.Острогорским²¹. Меня уже определенно тянуло к чему-нибудь неповседневному, необычному, хотя бы к модернистическому, эстетски-новаторскому. Жизнерадостная же верность природе у московских доморощенных «импрессионистов»²², несмотря на всю их красочность, не очень прельщала.

Меня сейчас так и подмывает сказать, что я очень хорошо помню где-то в полутемном углу выставки большой синий картон, на котором почти магически, из скупых штрихов мела и угля, возникала фигура балерины. Она загребала воздух руками и летела «как пух из уст Эола». С такой же неистребимой четко-

стью перед моим взором возникают сейчас и цветастый платок на спине полуобернувшейся к зрителю курносой дамы. Я не забыл интригующе романтических рисунков к какой-то повести о старом Петербурге. А также — виртуозных зарисовок восточных плясуний. Но разве я могу поручиться, что уже тогда, на шестнадцатом году своей жизни, я в полной мере ощутил прелесть «Павловой» Серова, «Портрета жены» Кустодиева, иллюстраций Добужинского к «Ночному принцу», бакстовских эскизов балетных костюмов²³? И еще много другого, увиденного впервые на выставке «Союза»? Нет, лучше не брать на душу греха проецирования в дальнее прошлое тех чувств, которые пришли позже при повторных встречах со всеми этими произведениями!

Все увиденное тогда восстает сейчас оболоченным единым воспоминанием о торопливой и жадной восторженности. Конечно, это был энтузиазм ученический, энтузиазм познания, а не только непосредственных переживаний. Но все же радости были неповторимые! Я как-то сразу повзрослел. Правда, еще недостаточно. Перед столь прославившимся «Сном» я все же оробел. Не по душе был необычный колорит, чудная нагота фигур, непонятный пейзаж — то ли воображаемый лунный, то ли пустыня Сахара. Смушала и безнадежно невнятная символика изображенного. А раз непонятен был сюжет, то и картина не могла понравиться.

Сюжету, наименованию я придавал непомерно важное значение. С совершенно детской настойчивостью я разыскивал по всей выставке картину, многообещающе названную в каталоге сказкой. Я нашел эту «Сказку» в крохотной светлой комнатке. Оказалось, что это целая серия картин, которую было бы вернее именовать «Сновидениями». Наивная призрачность изображений, общедоступная прелесть красок воздействовали много убедительнее безрадостной монументальности петрово-водкинское «Сна». Особенно хорош был омываемый волнами морского залива луг у подножия широкоступенной, неизвестно куда подымавшейся лестницы. Ангелы реяли вверх среди облаков и спускались по лестнице на луг рвать цветы. Это был андерсено-боттичеллиевский мир. У художника была необычная фамилия — Чурлянис²⁴.

Еще большие, более сознательные радости были мне суждены на следующий зимний сезон. «Мир искусства», отделившись от «союзников», возродил свои выставки. Для начала он попытался обосноваться в «Меншиковском доме»²⁵. Своей старинностью этот дворец как нельзя лучше отвечал вкусам художников, влюбленных в петербургскую старину. Но большой дворцовый зал был суров, неуютен и плохо ладил с вторгшимися в него выставоч-

ными стендами. То вьюжные крутня, то мерзкие снежные хлопья бесчинствовали над Невой и набережной Васильевского острова, когда я устремился на выставку. Это было тотчас же после ее открытия. Робости во мне на этот раз уже не было. Стоял январь, а мной владели поистине предвесенние волнения.

Особенно волновало ожидание встречи с Серовым. Увы, он выставил всего лишь две портретные головы. Однако и это было многое. Одна демонстрировала широкое живописное письмо, другая — чарующую новизну мнимого незаконченного портретного рисунка. Весь уж седой, вихрастый, бородастый Стасов, вскинув голову, смотрел сквозь пенсне испытующе, словно давний знакомый. А госпожа Грюнберг с еврейской печалью в глазах являла собой тогдашний интеллигентский идеал утонченной женской красоты²⁶.

И чего только не было еще на выставке «Мир искусства»! Сомов не только прельщал старинными маскарадами и фейерверками, но и состязался, изобразив немислимого красавца Добужинского, с Серовым в мастерстве карандашного портрета. Рерих подавлял продуктивностью и многосюжетностью, но я уже тогда усомнился, на пользу ли это. Зато одна-единственная картина Чурляниса «Всадник» сразу же убеждала как пророческое видение. Иллюстрации Замирайлы к несуществующим фантастическим повестям и воображаемые ландшафты Богаевского также могли бы именоваться «Сказками». Одинаково значительными казались и традиционно высохшая графика Нарбута, который был еще не самим собой, а всего лишь Билибиным, и красивая красочность молодого Анисфельда. Неизбежно тянуло к Сапунову, хотя я и был еще в неведении относительно чувства цвета. Быть может, притягивала жуть гротеска в его замечательном «Шарфе Коломбины»²⁷.

Прошел еще год, и вот снова в январе открылась вторая выставка «Мира искусства». Мое нетерпение было так велико, что я не пожалел рубля, чтобы побывать там в день открытия. Стояли сильные морозы, солнце светило неоспоримо по-зимнему, но в сердце у меня властвовала весна. Мне только что удалось сдать труднейший экзамен по латыни, необходимый для поступления в Университет. Предвидимые заранее выставочные радости представлялись наградой за одержанную победу.

На этот раз «Мир искусства» удовольствовался квартирой на углу Невского и Троицкой над знаменитой булочной Филиппова²⁸. В первых же комнатах зрителя встречали два больших портрета недавно умершего Серова — «Графиня Орлова» и «Ида Рубинштейн». «Орлова» казалась значительнее едва ли не всех старин-

ных парадных портретов. Такова уж власть ощущений современности! Серов сказал правду о человеке *сегодняшнего* дня! «Ида» же, на которую уже был возложен терновый венец яростных нападков²⁹, оказалась сущей скромницей, согрешившей лишь наготой тела и умеренной стилизацией его контуров. Но это компенсировалось изысканностью позы и красотой лица.

Я пришел к самому началу открытия. В последней комнате выставки еще не была закончена развеска. Здесь отвели место еще для одной тризны — для посмертного показа живописного творчества Чурляниса. Сам Добужинский собственной персоной выискивал на стенах свободные места, куда бы получше можно было бы затиснуть лежавшие на полу картины. Его высокая фигура, аристократическая неспешка движений и посейчас у меня перед глазами. Он казался воплощением снисходительной участливости. У его помощницы, ничем не примечательной, еще молодой, но не по-молодому печальной женщины, была прическа с косами, скрученными в овалы над ушами. Их называли «котлетами»; так частенько причесывались курсистки. Я явственно помню, как она с грустной покорностью подымала с пола указанную Добужинским картину.

Между этими двумя полюсами — Серовым и Чурлянисом — на всем пространстве выставки соблюдался регламент. Кто постарше — ближе к ее началу, кто поновее — к концу. Рядом с Серовым роскошествовали дворцово-многокрасочные акварели Александра Бенуа — окончательный вариант иллюстраций к «Пиковой даме». Я испытывал радости узнавания художников-знакомцев. Картины Серебряковой угадывались без всякого труда. Ее «Автопортрет со свечой», «Купальщица», «Пьеро» — все были совершенно на одно лицо. Казалось даже, что и портрет жены Георгия Чулкова³⁰, несмотря на черноту волосиков над верхней губой, тоже был схож с ними. Всех их предусмотрительно повесили в разных местах. И все же они с такой прелестной улыбкой переглядывались друг с другом, что этот наивный стереотип их милovidности не мог не расположить в пользу художницы, постоянно повторявшей образ самое себя. Я тогда уже понимал, что не надо обольщаться сюжетом, что важна живописность, что слащавость должна быть презираема. Но разве мыслимо было не поддаться обаянию Серебряковой?

Радости выставочных вернисажей — это радости не только встреч с теми, кого знаешь, но и приобретения новых знакомств. Для самостоятельных открытий в мире художественных ценностей я еще не созрел. Приходилось прозелитически прислушиваться к чужим мнениям. Живопись московских «бубнововалетчиков»,

такая «грубая», что о нее можно «глаза занозить», кой-где внедрилась в экспозицию последних комнат выставки. О ней говорили всерьез. Однако ее новизна меня не убеждала. Но зато от написанных темперой, похожих на детские аппликации картин Сарьяна веяло подлинно константинопольской жарой. Не только улочки Сарьяна, но и его «Портрет Щукина», помнится, представлялись мне моим собственным «открытием».

На выставке было тесно не только потому, что картины висели впритык, но и оттого, что все казалось почти одинаково достойным запоминания. Ощущение тесноты возрастало: к обилию экспонатов присоединилась скученность все прибывающей вернисажной толпы. Под конец уже ничего нельзя было рассмотреть. Оставалось лишь толкаться и развлекаться разговорами. Я не был сыт; выставка «Мира искусства» казалась так хороша, что требовала повторных посещений.

И вот я снова пошел туда. Не знаю, насытило ли это меня полностью. Во всяком случае, и на этот раз восторженность меня не покидала. Среди всего прочего я в предпоследней комнате обратил внимание на небольшой холст, притулившийся над дверью. Быть может, потому, что на нем были изображены еврейские похороны. Но больше всего из-за того, что похороны были какие-то фантастически нелепые: покойник лежал на улице, а вокруг гроба были натканы подсвечники с горящими свечами. Все шло вкривь, вкось, все было неказисто, скорее курьезно, чем убеждающе, и все-таки не отпускало от себя. Картину я запомнил, но не имя ее автора. Впоследствии я узнал, что это был Марк Шагал.

Для следующей, третьей выставки место нашлось в огромном церковном зале дома на левой стороне Малой Конюшенной³¹. Снова была зима, но день был туманный и не то по-позднеосеннему, не то по-предвесеннему мгlistый. Выставка открылась под звуки оркестра и при электрическом освещении. Электричество противоборствовало ранним петербургским сумеркам, как участие новаторской молодежи — неизбежному «Götterdämmerung» — сумеркам заправил «Мира искусства». Правда, заправили еще не думали сдаваться. Рерих снова показал неистовое количество новых своих работ. Порой как будто и превосходных, а все же чересчур уж многочисленных. Однако нужен был также и некий новый, более молодой спаситель пошатнувшегося господства. И вот над всей выставкой вознеслось большое полотно, на котором характерно петрово-водкинский мальчик, призванный стать Зигфридом «Мира искусства», купал красного коня.

«Купание красного коня» Петрова-Водкина стало оселком, на котором обтачивались тогдашние художественные пристрастия.

Но я был еще по-щенячьи слеп. Монументальность в живописи о ту пору была для меня лишь новым термином, а не осязаемой зримостью. «Красный конь» нисколько не пугал, даже привлекал, но любви внушить не смог. Я оставался ретроградом. На антресолях над выставочным залом была комната, казавшаяся битком набитой новейшей буяничающей московской живописью. Здесь я уж окончательно чувствовал себя чужим, хотя и пытался, отвращаясь и критикуя, что-то принять.

И вот получалось так, что подлинно неповторимые вернисажные радости мне доставляли по-прежнему все те же старые «мирискусники». А также — ужившиеся с ними художники «Голубой розы»³². Длинный ряд сапуновских полотен, очередная тризна по полгода назад нелепо утонувшему художнику, стала наибольшей из этих радостей. Но что делать, по какому-то капризу памяти из всего тогда представленного цветового богатства Сапунова отчетливее всего сейчас у меня перед глазами лишь черная борода на портрете Милиоти³³!

Электрический свет понадобился на вернисаже «Мира искусства» и на следующий раз, в последнюю предвоенную зиму. Былые смутьяны-«декаденты» вторглись в давнее логово передвижничества — в залы Общества поощрения художеств на Большой Морской. В этом нелепейшем и мрачном выставочном помещении, которым и поныне владеет в качестве законного наследника передвижников ЛОССХ, приходилось довольствоваться на редкость скверным освещением. Хотя «Миру искусства» там было не очень-то по себе, и дело обошлось без оркестра, все же вернисаж получился на славу³⁴.

У начальных стендов выставки я увидел мне уже знакомого молодого художника Натана Альтмана³⁵. Он нарядился в где-то добытую визитку. Сзади него возвышался написанный им женский портрет во весь рост. Портрет демонстрировал парафразы последнего парижского новшества — кубистическую геометризацию объемных форм. Парафразы были крайне умеренными. И все же Альтман чувствовал себя именинником. Не меньшее внимание привлек другой дебютант — Борис Григорьев³⁶. «Старики», конечно, тоже доставили немало радостей. Но преимущественно графическими работами, а не живописными. «Раскрашенные картинки» и самое стилизаторство «мирискусников», монотонное и несмелое, стали приедаться. А вернисажным ценителям теперь милее всего были настоящая живописность и смелая новизна.

Александр Бенуа и «Аполлон» старались выдвинуть еще и других именинников: пошумевшего затем, но не взлетевшего «неоакадемика» Александра Яковлева, например, или оставшегося

безвестным парижанина-традиционалиста Евгения Зака³⁷. Но подлинным триумфатором на выставке был все же Татлин³⁸. А показал он всего лишь заранее обреченные остаться втуне эскизы к «Жизни за царя». На этих эскизах незабываемо забавно выступали, словно гуси, стрельцы в красных кафтанах. Сам Татлин, эдакий неуклюжий верзила, московская богема, бродил по выставке, дивясь своему триумфу. За ним следовала стайка обязательных «мироносиц» — восторженных курсисткообразных девиц, быть может — учениц каких-нибудь художественных студий. От общего восхищения что-то передалось и мне. Но не могу судить, насколько мой энтузиазм был искренен. Мода, злободневность значат многое!

Я сделался выставочным завсегдаем. Был методичен, разборчив, но не всегда одинаково награждаем должными радостями. Выставка «Союза молодежи»³⁹, например, лишь разочаровывала. Ее поместили в почти не отапливаемой, несмотря на мороз, квартире первого этажа на Невском, поблизости от Московского вокзала. Она отличалась полным безлюдием. Представленные на ней картины казались неряшливо написанными в соответствии с небрежностью всего помещения. Зато знаменитая выставка «Французское искусство за сто лет» в Юсуповском особняке, основательно почитавшемся «домом Пиковой дамы»⁴⁰, потребовала многократных посещений. Она стала источником неисчислимых, можно сказать — музейных масштабов, радостей. Ради этой выставки любители искусств специально приезжали из Москвы. Я заранее истово к ней готовился, конспектировал статьи Тугенхольда о французском искусстве⁴¹ и соответствующие главы из Мутеровой «Живописи XIX века»⁴². Никогда больше мне не пришлось увидеть в таком блеске Эдуарда Мане. Подумать только: «Бар», «Нана», «Портрет Берты Моризо в черном», «Аржан-тайль»!

У «Мира искусства» был в своем роде двойник — «Новое общество художников»⁴³. Только заметно худосочнее, поплоче и ретроградней. Его выставки особых восторгов не сулили. Если не считать той, на которой с трехлетним опозданием справлялись поминки по Врубелю⁴⁴. Отдельная комната была отведена его произведениям. Это были незаконченные или малоудавшиеся холсты, наброски и рисунки или раннего периода, или последних лет. Словом, все то, что не попало в музей и не разошлось еще по рукам коллекционеров.

Поклониться Врубелю я пошел на следующий же день после открытия выставки. В квартире у Казанского собора, арендованной «Новым обществом», в то хмурое петербургское утро народу

было мало. Смутное чувство овладело мною при виде такого множества произведений, представляющих «кухню» великого живописца. Магическая сила «Перед камином», видений пророка, «Ребенка в коляске», раковин, безумием дышащих автопортретов, набросков скомканного одеяла была очевидна. Но рядом с этим было так много чего-то недосказанного, мучительно не нашедшего себе выражения! В середине комнаты на стульях сидели две дамы. Они разговаривали друг с другом несколько громче, чем то полагалось обычным выставочным посетителям. Затем одна из них, менее заметная, ушла. Оставшаяся сквозь лорнет оглядывала взиравшие на нее со стен картины и рисунки, весь этот мир врубелевских линий, красок, лиц, оглядывала с грустной удовлетворенностью, по-хозяйски. Лорнет направлялся и на немногочисленных посетителей. Наверное, он остановился и на мне, робющем студенте-первокурснике.

К лорнетодержательнице я поначалу отнесся неприязненно. Во врубелевском святилище она вела себя так, как будто бы сидела в гостиной у знакомых или принимала гостей у себя дома. Но все же в ее лице, во всей ее фигуре было что-то значительное. А близорукие глаза казались уже виденными мною раньше. Я был тугодум, не сразу сообразил, что ведь это же — Надежда Ивановна Забелла-Врубель⁴⁵. А когда сообразил, то мне начало представляться, что в сумраке этой плохо освещенной комнаты-святилища у всех врубелевских лиц такие же глаза.

Только Врубель и был интересен на этой выставке. Да и вообще в ту пору тягаться с «Миром искусства» мог лишь «Союз русских художников». Посещать его вернисажи, правда, не считалось обязательным. Но систематически следить за его выставками было общепринятым. Осободившись от прежних своих сомнительных компаньонов, петербуржцев-«мирискусников», эстетов и новаторов, «Союз» приобрел стабильность. Из года в год он устраивал свое выставочное торжище в не совсем отделанном левом флигеле Русского музея, вытягивавшемся к Екатерининскому каналу⁴⁶. И неизменно — к концу зимы. В «Союз» любили ходить люди посolidнее, благодушнее. К нему тяготели более широкие круги интеллигенции: врачи, юристы, инженеры. Приходили по воскресеньям до обеда целыми семьями. Насытившись нехитрой реалистической маэстрией Жуковского, Виноградова⁴⁷ и всех иже с ними, уходили в еще большем благодушии, шурясь от предвесеннего солнца и предвкушая сытную праздничную трапезу.

У ведущих художников «Союза» были из года в год свои одни и те же постоянные места. Заранее было известно, кто из них в

каком углу, на какой стенке экспонируется. Да и самые картины были как будто одни и те же. Вот, например, Туржанский⁴⁸. У него всегда пейзажи с лошадьми. «Весенний день» — вороны, повернуты влево. «Осенний вечер» — сивки, повернуты вправо. А на стенке Бычкова⁴⁹ — маленькие, в соответствии с уменьшительной формой его фамилии, картинки, портретные изображения волжских пароходов. У Константина Коровина — розы, копченые рыбы, Шаляпин в белом костюме на отдыхе, кафе над пляжем, огни ночных крымских ларьков.

Коровин также повторял себя, как и прочие «союзники». И все же его картины всегда оставались в сфере неповторимых выставочных радостей. К той же категории радостей с наименьшей основательностью должны быть отнесены также и таившие в себе новизну ощущений картины Юона⁵⁰. Тогда они еще неизменно таили в себе новизну ощущений. Мне, петербуржцу, они раскрыли прелесть настоящей русской зимы и подмосковного пейзажа.

При всей своей приверженности реализму москвичи отнюдь не чуждались и модерна. Но только поумеренное, своего, московского. На выставках «Союза» находили пристанище и кое-кто из бездомной «Голубой розы». Где-то к углу прижимался скромный, оваянный воспоминаниями о борисово-мусатовской поэзии Уткин⁵¹. Несколько более видное место отводилось Ульянову⁵², хотя он и не принадлежал к выставочным тузам. Своими откровенно серовоподобными карандашными портретами он заслужил прозвище «Серова для бедных». Но зато он проявлял неоспоримое своеобразие в щемяще-таинственных изображениях карточных фигур и карусельных вихрей.

Самым же своеобразным среди «союзников» был не кто-нибудь из живописцев, а скульптор Коненков⁵³. На выставках скульптуру обычно почти не замечали. Даже Голубкину⁵⁴, не говоря уж об Александре Матвееве⁵⁵. Но Коненков заставлял себя увидеть.

С началом Первой мировой войны «Союз» лишился своего постоянного пристанища. Оно было занято под лазарет. Временно пришлось удовольствоваться помещением во втором этаже только что отстроенного дома-утиуга у Пяти углов. Там были непривычно большие окна-витрины. Посетители выставки чувствовали себя, как в террариуме⁵⁶. Но мне, помнится, и в этом террариуме было блаженно-хорошо. Я пришел на выставку вместе с Асей⁵⁷. Мы уже решили вообще всю жизнь быть вместе. Нам одинаково больше всего понравились замечательные утренние пейзажи Крымова⁵⁸. До сих пор мне кажется, что это лучшее из всего, им написанного.

«Память, ты слабее год от году...»⁵⁹! И вот я не в силах отличить с той же ясностью выставки последующих, военных лет одну от другой. Причиной тому вовсе не чрезмерное их обилие. И отнюдь не утрата первоначальной, жадно все в себя впитывающей восторженности. Мои тогдашние выставочные впечатления смотрелись единым клубком прежде всего потому, что все наиболее примечательные среди них связаны с воспоминаниями о Художественном бюро Добычиной⁶⁰.

Бюро зародилось где-то на Петербургской стороне. Затем недолгое время оно довольствовалось квартирой в тихом уголке на Мойке по соседству с Невским проспектом. Оно искало связей с передовыми художественными кругами и полюбилось им. Не ограничиваясь обычным посредничеством по продаже картин, Бюро все чаще стало предоставлять свое помещение под выставки. Они с одинаковым успехом пропагандировали и искусство веселых рисовальщиков-поденщиков весьма любимого тогда юмористического журнала «Сатирикон», и чересчур уж на петербургский взгляд смелую живопись Натальи Гончаровой. Накануне войны Добычина перебралась в большой старинный дом на Марсовом поле. Здесь было и просторней и светлей. «Мирикусники» с ней особенно дружили. На балконе дома появилась издалика заметная вывеска Бюро. Ее не погнушалась нарисовать Остроумова-Лебедева. Вывеска изображала вид на Неву с трискорниевским львом на первом плане.

В истории выставочной жизни столицы наступил, можно сказать, «добычинский период». Наиболее отличной от других была выставка московских пришельцев — «бубнововалетчиков». Кончаловский и Машков⁶¹ заняли своими разудало-огромными цветастыми холстами каждый по отдельному залу. Все прочие их товарищи были оттеснены в дальние комнаты. Каюсь, что даже Фалька⁶² я там не отличил от других. Каюсь в большем, в непонимании серьезности этой живописи. Мне казалось, что она лишь ищет, торопясь и озорничая. Трудно было себе представить, что коллекционер-любитель найдет для нее место у себя дома или что она может стать достоянием музеев. Слишком уж она ошеломляла, дразнила, неряшничала.

Кроме этой выставки, следует из слипшихся ныне комом воспоминаний обо всем увиденном у Добычиной особо выделить также и три разновременные портретные сенсации. Сенсационность была и в самих портретируемых: известнейший режиссер-новатор, молодая, но уже покорившая многие души поэтесса, реформатор музыки, что-то собиравшийся сделать и не исполнивший своих обещаний. Но еще больше привлекали к себе внимание нов-

шества их портретного изображения. Мейерхольд на большом полотне Бориса Григорьева был весьма эффектно воспроизведен во фраке, с цилиндром и тут же еще раз — в одежде слуги про-сцениума. Здесь преобладало ловкачество и при том — явно в ущерб содержательности. Более убедительным представлялось портретное новаторство Альтмана, написавшего Ахматову. Особую же смелость и остроту восприятия проявил рисовальщик Митурич, неожиданно обратившийся в своем портрете Артура Лурье к живописи маслом⁶³. Успех этих трех портретов весьма показателен для сдвига в развитии художественных вкусов у завсегдаев петербургских выставок «послесеровского» времени. Я тоже стал завсегдаем и не отставал от других.

Стараясь не отставать, чрезмерно прислушиваясь к чужим суждениям, подчиняясь им, человек уже не в силах уяснить себе, что же именно в его чувствованиях по-настоящему его собственное. Тем более не может быть уверенности в полновесности простодушных, но все же торопливых восторгов тех давних лет. Случайного, наносного было в них немало. Вот только разве — Марк Шагал! О нем мы узнали сначала из статьи Тугендхольда. А затем он появился у Добычиной. На первый раз — «Евреи», все в один ряд. А затем — целая комната рисунков. Это были всего лишь наброски, зарисовки. Но в них заостренность выражения сочеталась с душевностью. Почему-то особенно помнится умиление, с которым Ася остановилась перед «Идиотиком», сидящим оди-шенкой на самом краю скамейки.

«Евреи» полюбились нам не потому, что это были евреи, что Шагал — еврейский художник. То, что это были евреи, конечно, являлось весьма существенным. Но лишь настолько, насколько оно облегчало понимание подлинно живописного цвета и принятие нового языка живописи. Того языка, для обозначения которого лучшего слова, чем «экспрессионизм», все-таки не найдешь! Экспрессионизм тогда уже был разлит в воздухе искусства, он стал необходимостью. Даже для тех, кто приобщался к живописи через азы серовского психологизма и «мирискус-нической» эстетской повествовательности. Я не стану утверждать, что радость узнавания Шагала была самой значительной в те годы. Но она оказалась самой устойчивой, прочной.

В Бюро Добычиной мы так часто ходили, так привыкли к его особой атмосфере, атмосфере «выставочного профессионализма», что чувствовали там себя как дома. Я даже отважился однажды войти туда с группой рабочих, с которыми до того провел несколько экскурсий по музеям. Что было на выставке и что я показывал, ничего не помню. Вероятно, мои слушатели

проявили скорее почтительность, чем заинтересованность. Когда я кончил, один из них, в котором я не без оснований подозревал партийца-подпольщика, попросил помочь ему найти картину, указанную в каталоге под названием «В тюрьме». Внутренне усмехаясь, я повел его к ней. На картинке какой-то эстетствующей художницы была изображена голая женщина с чудными аксессуарами. Видимо — ввергнутая в узилище и колдующая ведьма. Мой экскурсант был разочарован. Полагаю, он ожидал увидеть что-нибудь вроде «Заключенного» Ярошенко.

Вскоре после того началась революция. «Добычинский период» кончился. В первую годовщину Октября художники занялись праздничным убранством города⁶⁴. А затем к Первому мая в Зимнем, оправдывая его переименование в Дворец искусств, была открыта художественная выставка⁶⁵. Самая большая за всю мою жизнь. Всем художественным объединениям была предоставлена возможность выставиться вволю. Также — и отдельным художникам, не входившим в объединения. Места хватило на всех.

В больших залах с окнами на площадь пригревало солнце. Но сколько было еще комнат, где застоялся холод не топившегося всю зиму помещения! Все ходили не снимая пальто. Лишь оркестранты симфонического оркестра, исполнявшие Бетховена в концертном зале, были во фраках. На эстраде виднелась китайско-еврейская физиономия Альтмана⁶⁶. На нем тоже не было верхней одежды. Он представлял администрацию. Но мне, конечно, не было дела до бетховенской музыки, даже бесплатной. Я всласть побродил по всяким художественным объединениям. Впервые увидел продукцию современных мне передвижников. Там были и «Бурлаки», как будто бы написанные самодеятельным «пуантилистом», но на поверку оказавшиеся новейшим произведением Репина, вариантом его прославленной картины.

Перед входившими на выставку прежде всего были выложены два основных туза раскованной революцией живописи — Филонов и Шагал. Оба художника вопреки тяготам времени работали исто-во. Каждому из них был отведен отдельный зал. Живопись Филонова как всегда ассоциировалась с мясной лавкой. Картины же Шагала были сплошное ликование. То ли от счастья женитьбы⁶⁷, то ли от озаренности солнцем революции. Это были большие картины. Художник поднялся на воздух и вывернул голову, чтобы поднести жене букет. Надев красный фрак, он взгромоздился к ней на плечи и поднял заздравный бокал. Синяя картина, разделенная диагоналями на четыре треугольника разной интенсивности цвета, изображала Благовещение художника. Несколько пере-

иначе изречение одного из великих физиков нашего времени, могу засвидетельствовать, что это было искусство достаточно безумное для того, чтобы стать по-настоящему правдой своего времени⁶⁶.

Мой обратный путь из Зимнего пролегал по Невскому проспекту. На всем его протяжении висели приказы Троцкого, «*courte et énergique!*» — как и подобает военным приказам революции. На некоторых из них уже красовалась чья-то, не менее энергичная, наискось карандашом надписанная резолюция «Жид писал».

Вскоре после этого судьба лишила меня Петербурга. Но при одном из кратковременных возвращений туда мне еще раз довелось побывать на выставке все еще не сдававшегося «Мира искусства». Кажется, это было его последнее выступление⁶⁹. Петербург тогда освободился от обязательства называться Петроградом, и на краткое время можно было его снова именовать исконным именем. «Миру искусства» были даны несколько комнат в Аничковом дворце. Я явился в день его открытия спозаранку, так как через несколько часов уходил мой поезд. Выставка была художочная, бескозырная. Почему-то много было картин Браза⁷⁰ и Серебряковой. Я запомнил также картину Сомова. Молодой человек в летней рубашке и белых брюках сидел на пригорке и корректно читал книжечку. Рядом стояла дама в наимоднейшей шляпе и, видимо, готовилась искупаться в расстилающейся перед ней невзрачной лужице. Она стягивала с себя платье и уже бесстыдно обнажила плечи и грудь. Вдали паслись коровки. Жеманный эротизм этой картины представлялся теперь отделенным от сегодняшнего дня едва ли не тысячелетием⁷¹. На выставке суетился Митрохин⁷². «Последний из могикиан» развешивал у картин номерки. Я присутствовал при предсмертном лепетании «Мира искусства».

Петербургу не удалось удержать свое былое наименование. А я был обречен уже навсегда стать москвичом. В Москве мое выставочное завсегдаество стало профессиональным обязательством так называемого искусствоведа. Профессионализм, так же как и вхождение в зрелый возраст, лишает нас способности восторгаться. Но все же я не могу сказать, что в последующие годы уже совершенно не испытывал выставочных радостей. Только неповторимости у них уже не было. И источались эти радости не отечественным искусством сегодняшнего дня, а преимущественно зарубежным. Неуклюжая новизна экспрессионизма, показанная в начале 20-х годов в Москве на наспах собранной выставке немецкого искусства⁷³, запомнилась как большее в конечном счете «эстетическое потрясение», чем живопись художнической группы «ОСТ»⁷⁴. Вопреки всей искренности исканий для выражения ре-

волюционной современности, «остовцам» не было суждено не то что процвести, но даже и возрасти. А «бубнововалетчики», рас-терянно переряжавшиеся в «московских живописцев»⁷⁵, уже почти ничем не могли порадовать. Это стало особенно очевидным в конце 20-х годов, после выставки современного французского искусства. На этой выставке, правда, не было ни Пикассо, ни Матисса, но зато на ней москвичи увидели впервые Утрилло и Модильяни.

Настало время, когда и для меня с Асей выставочные вернисажи стали местом обычных встреч с людьми своего музейно-художническо-искусствоведческого круга. Вернисажи советских выставок 20-30-х годов пародировали былую великосветскую жизнь. Пригласительные билеты становились все нарядней. На вернисаже для избранных, в число которых частенько входили и мы, было обязательным бесплатно получить каталог. Теперь он являл собой не тощую брошюрку времен «Мира искусства» и «Союза русских художников», а целую книжку с по всем правилам составленным списком экспонатов и с иллюстрациями. И также обязательным было быть приглашаемым в укромный уголок, где поили чаем. К чаю полагались торт и пирожные, которые в годы довоенных пятилеток с меньшей обязательностью начинались изготовленным из маргарина кремом. Много маргаринного было и в самих выставках. Не без стыда вспоминаю, как я тужился испытать какие-то радости на трехдневной, открытой «только для избранных» выставке Нестерова⁷⁶. Стариковская, неожиданно удачливая портретная живопись на этой выставке была все же полита обычной для этого художника модернистической патокой с примесью лампадного масла.

Я был методичен в стараньи ничего сколько-нибудь значительного не упускать. Я видел все персональные выставки Кончаловского и Фалька. Помню совершенно точно: фальковских выставок было пять — в Третьяковке, Цекубу, Доме писателей, Цедри, МОСХе⁷⁷. Выставкам же Кончаловского «несть числа»⁷⁸. Вопреки профессиональному равнодушию, особенно свойственному пожилому возрасту, порой доводилось испытать некое волнение также и при удачах живописцев следующего поколения. Что-то значительнее обычного мерещилось в картинах-плакатах Дейнеки и в аскетически-чернявых и злых портретах Корина⁷⁹. Но, увы, то были волнения без радостей от ощущения новизны.

Как ни хотелось быть разборчивым, все же профессионально-выставочное завсегдатайство стало просто скверной привычкой. Оно приучало к всеядности. Мой желудок не очень-то усваивал торты и пирожные на маргарине, но сам-то я с годами приспособился к безразличному поглощению маргаринного художе-

ства. На вернисажах, как это принято испокон веков, мы обменивались рукопожатиями, приветствиями и скороспелыми суждениями о том, что выставлено. Восторженности в этих суждениях было маловато. Преобладали снисходительное одобрение, чаще всего вымученное, или тупая, давно уж приевшаяся разочарованность. Порой — опасливая ханжеская сдержанность, порой — злобная издевка, нашептываемая вполголоса на ушко.

Случилось как-то раз, что некий бес автоматике понес меня на вернисаж выставки Павла Скали⁸⁰. Этот художник был подлинным «fa presto» («валяй быстро») советской живописи. С покорностью алкоголика он тотчас же откликался на любой «социальный заказ». Одним из «гвоздей» его выставки стала большая картина «В гости к сыну». Тема была самая что ни на есть актуальная. Откормленный совработник-спец, вероятнее всего — инженер, с толстеннейшим портфелем и с физиономией потенциально-го диверсанта, растерянно смотрел на потупившегося мальчугана. Рядом лежали предназначенные ему подарки. Деликатно убранные на второй план фигуры матери мальчика и ее второго мужа, простого советского человека, союз с которым несомненно был счастливым, выражали благородно сдерживаемое негодование. Я было подивился оперативности Скали, с завидной быстротой откликнувшегося на очередную злободневность. Но тут подошедший ко мне знакомый художник совсем иного толка, Владимир Алексеевич Милашевский⁸¹, злыдня и умница, доверительным шепотом обратил мое внимание на то, что мальчик похож на отца: «Вот где трагедия!». Шептун был прав: «валяй быстро» написал лица мальчика и второго мужа в соответствии с эталоном советского положительного типа и тем самым неосмотрительно придал им черты явного фамильного сходства.

Вернисажное злопыхательство стало нашей болезнью. Даже самые малые выставочные радости выпадали на нашу долю так редко, что казались событиями. Так, своего рода событием мне почему-то представилась удача акварели Сергея Герасимова, являвшейся иллюстрацией не к какому-либо определенному чеховскому произведению, а к Чехову вообще⁸². Это было то ли в самом конце Второй мировой войны, то ли тотчас после ее окончания. Ася была тогда уже очень слаба. Но я все же уговорил ее пойти на выставку в тот час, когда там было мало народу. Акварель изображала улицу провинциального города. Не все ли равно, был ли то чеховский Серпухов или родина Герасимова — Можайск. Прохожие на улице были подлинно из рассказов Чехова. И уж и не помню, насколько все это пришлось по душе Асе. Но весь уклад этой жизни был ей по кое-каким детским воспомина-

нениям знакомей, чем мне. Асе больше не пришлось бывать на выставках. А быть может, и для меня эта иллюстрация к Чехову была последней настоящей радостью от произведения живописи с датой сегодняшнего дня.

Конечно, я и в дальнейшем немало усердствовал в посещении всяких выставок. Искусствоведческая «noblesse», подкрепленная степенью кандидата и званием доцента, обязывала не пренебрегать и современным советским искусством. Вернисаж очередной персональной выставки Грабаря был вскоре после Асиной смерти⁸³. Я устало в одиночку подымался по лестнице. Меня обогнала юная пара. Особенно торопливы были частые шажки миловидной девушки. Платице на ней было не очень-то новенькое, скромненькое. Но зато в руке она держала нарядно вышитую старинную сумочку. Вместе со своим спутником она, видимо, боялась упустить торжественный момент открытия, на которое им посчастливилось добыть пригласительный билет. Оба они предвкушали испытанные и мною когда-то вместе с Асей неповторимые выставочные радости.

Вкус к вернисажам был потерян. Верней было бы сказать, что мой «вернисажный век» кончился. Приметой этого вскоре стала смерть Павла Давыдовича Эттингера⁸⁴. Нескольким поколениям выставочных завсегдатаев его добродушная пингвинообразная фигура могла представляться, наподобие древнеримских домашних ларов, неким «вернисажным ларом». Вплоть до середины сороковых годов он воплощал собой воспоминания о радостях всех московских художественных выставок за полвека.

Было бы, однако, неправдой сказать, что с исчезновением Павла Давыдовича эти радости исчезли совсем. Мое исконное хождение, хотя бы и не вернисажное, на выставки, порой такие невзрачные, плохенькие, не кончилось. Их так много, что жизнь кажется чрезмерно затянувшейся. Что-то менялось, обновлялось из всей жизни вокруг. Обновлялось и в моей жизни. Пришло время, особенно в постсталинские годы, для новых непредвиденных радостей. Москвичи, не покидая родного города, смогли увидеть картины Дрезденской галереи, пейзажи Констебла и Тёрнера, «Парнас» Мантеньи⁸⁵, «Цыганку» Франса Хальса, «Абсент» Дега. Судьба чуточку смилостивилась: пред нами промелькнуло кое-что от позднего Пикассо, какие-то крохи Брака, Руо, Сутина⁸⁶... Но все это было по существу не выставочными, а музейными радостями. И даже скучные образцы абстракционизма пришлось увидеть лишь тогда, когда он становился вчерашним днем.

Конечно, в радости от стихов Тютчева для моего поколения не могло быть такой же неповторимой обостренности, как от

стихов Блока или Ахматовой, впервые увиденных в только что появившемся альманахе или в пахнущей типографской краской новой книжке журнала. Так же неспоставимы радости, которые мы ищем в живописи сегодняшней, с радостями от того, что принадлежит уже прошлому. Горестна участь обреченных на одни лишь художественные ретроспекции! Но все же нельзя не быть благодарными за те восторги мимолетом, что дают нам выставки искусства, уже ставшего или становящегося достоянием музеев. Год проходит за годом. И порой справедливость торжествует. Правда — запоздало.

Так было с Фальком, художником, на чью долю выпало сверх всех прочих гонений еще и посмертное поношение. Шестая московская выставка его картин, открывшаяся несколько лет спустя после его смерти, значила многое не только эстетически, но и этически⁸⁷. На выставку я пришел с утра. Но она уже была полна народу. Триумф дался нелегко. На лице распорядительницы фалькова наследства⁸⁸ я прочел выражение не только удовлетворенности, но и измученности. Какой-либо светскости в отличие от дамы, что я некогда в юности принял всего лишь за «лорнетодержательницу», в ней не было. Она смиренно вела экскурсию по выставке покойного мужа. Время от времени ей приходилось раздраженным голосом упрашивать слушателей не прикасаться к картинам. Живопись Фалька была для меня радостью повторной, запоздалой. Неповторимости чувств не было. Но все же это было немалой радостью. Светило солнце. День был ясный, холодный, позднеосенний. /.../

3. АНАБАСИС

Ночью не качало. А все же спалось плохо. Пароход тревожно гудел, замедлял ход, поворачивался. Наконец остановился. На палубе громыхали цепями. Какие-то дикие полчища поднялись по трапам, топтались на палубе, на лестницах. Пароход было заерзал и снова замер. На этот раз надолго.

Наутро мы увидели ясное небо, спокойное море, надлежащей лазурности, лесистый берег неподалеку от нас, развалины храма с колоннами на одном из его мысов. А совсем рядом — грязное грузопассажирское судно. Это был совершеннейший двойник нашего парохода. Отличие было только в том, что на его корме красовалось не «Дафна», а более героическое — «Антигона».

От Пирея, оказалось, мы отошли лишь самую малость. «Антигона» сидела на мели. Вокруг нее в явной растерянности шнырял совсем уж грязнувший буксирчик «Цербер». Наша «Дафна»

еще ночью приняла ее пассажиров к себе на борт и теперь тщи-лась помочь.

Провозились целый день. Можно было бы на лодочке подъехать к мраморным руинам на мысу. Но ведь никто не мог знать, как долго будем стоять. Трос лопнул. Так и не сдвинули злосчастную «Антигону» с места. Лишь поздним вечером решились наконец покинуть ее и плыть дальше.

Потеряв сутки, мыплыли весь следующий день. В Салоники пришли ранним утром. На берегу виднелся самый что ни на есть всамделишный турок в красной феске, верхом на крохотном ослике, поднимавшийся в горы. Одновременно с нами прибыл пароход, вышедший из Пирея днем позже. Напрасно мы не задержались там; мы могли бы увидеть Афины, Акрополь и не потерять нисколько ущерба во времени.

Мы являли собой вид некоей орды. Или вернее — табора. Нас вместе с таким же табором со второго парохода втиснули в поезд. «Анабасис» продолжался теперь по суше.

Подобно походу-анабасису десяти тысяч греков, пробившихся некогда под предводительством Ксенофонта к родной «таласса», вот к этому самому Эгейскому морю, которое мы сейчас покидали, наше возвращение в Россию было никак не «восхождением», а скорее «нисхождением» — катабасисом⁸⁹.

Для меня оно началось с того, что, узнав об объявлении Германией войны Россией, я из Италии, где путешествовал одиночкой, метнулся в Швейцарию. Там в ту пору жили мои родные. Они приехали на лето. Оттуда после месяца смутных надежд на скорый поворот военных событий и тревожного ожидания денежного перевода мы отважились наконец всей семьей направиться в Бриндизи.

В течение суток мы прорезали на поезде почти всю Италию с севера на юг. Итальянцы, вопреки обязательствам Тройственного союза, тогда еще не знали, на чьей они стороне. Бессонной ночью в битком набитом вагоне я разговорился, почти подружился с парнишкой, везшим накладную на вагон лимонов для Австрии. Он пока что не очень возражал против войны.

В какой-то дрянной портовой лавчонке в Бриндизи пришлось совсем по старинке купить на бумажные лиры золотые монеты. Комфортабельные пароходы всяких там «ллойдов» опасались совершать рейсы. Капитан же «туземного» грузовозного судна принимал плату за проезд пассажиров только золотом: у звонкой монеты нет национальности. Я заплатил английскими фунтами с изображением лебеда. Мы грузились ночью на рейде с лодок. Брызги от весел светились мириадами искр.

Наша семья влилась в ораву полонивших пароход россиян. Это были люди различной степени зажиточности и чванливости. Разного звания, общественного положения, но все же примерно одинакового внешнего облика, одинаково по-обыкательски мерзко растревоженные, попавшие впросак, негодующие на внезапное исчезновение причитающегося хозяевам жизни комфорта. Одинаково заметна была и крикливая суетня как всегда кажущегося непомерным множества евреев и кастовое хамство бюрократической черносотенной элиты. Всех объединяла одна и та же ностальгия по уюту своего домашнего корыта. Все чувствовали себя патриотами.

Выделялась лишь кучка устроившихся на палубе парижских студентов-медиков, евреев из России, направлявшихся в Сербию для работы в госпиталях. И еще весьма заметна была неблагоприятного вида дама с рыжей кошкой на цепочке, сопровождаемая мужем-французом, явным шпионом.

Адриатика продемонстрировала свое величие и негостеприимство. Нас изрядно качало. На острове Корфу с синевой небесной и морской состязалась красочность фруктового и цветочного базара. Но затем мы поплыли по Коринфскому заливу. Здесь уж никак нельзя было себя убедить, что вот эта выжженная и бурая земля окрест тебя и есть Эллада.

Мы прострочили Грецию сначала с запада на восток, а после этого — с юга на север. И вот из Салоник поезд увез нас в Сербию. На этот раз уже без всяких сожалений о том, что что-то мелькнуло в окне и тотчас исчезло. На нашем пути уже не было поводов для исторических реминисценций. Мы уже больше не видели ни памятников старины, ни даже обычных туристических достопримечательностей.

Незапоминающийся пейзаж казался сожженным не только солнцем, но и внезапностью военного бедствия. На станциях с славянскими названиями, имитирующими русские, ничего нельзя было купить. Разве только за совершенный бесценнок гигантскую гроздь винограда.

Русская кровь лилась из-за Сербии, и поэтому нас везли бесплатно. Контролер проверил вместо железнодорожных билетов наши паспорта с гербом Российской империи. Он оглядел нас понимающе-сочувственно. Это было до обидности незаслуженно. Наш табор кровь не проливал. Он лишь брезгливо роптал на тяготы пути и вынужденное безденежье. Рассовавшись по отдельным купе вагонов, мы уже враждовали меж собой из-за лишнего местечка. Мнимые компатриоты, еврей-коммерсанты и потомственное чиновничество уже косились друг на друга и шипели.

Студенты-медики отделились от табора в Нише⁹⁰. В облаках знойной пыли, нависших над равниной, мерещились запахи госпиталя. Над жалким селом, именуемым городом, в котором ныне укрылся сам король со своим двором, склонилось марево близкого фронта. В жалких бараках ютились беженцы. Вдали виднелись солдатские палатки. Издалека доносились гулы, похожие на звуки канонады.

Но можно ли было во всем этом угадать предвещание еще больших, нарастающих неустойств, беженств, канонад, всеобщих катаклизмов, ставших обыденностью последующих десятилетий? Разве можно было сомневаться, что столь располыхавшееся пожарище войны должно вскорости погаснуть? Все верили, что оно продлится месяца три, самое большее — полгода! А затем будет все то же: жизнь на курортах всей семьей, даже с малыми детьми, аккредитивы на иностранные банки, круговые железнодорожные билеты, образовательные поездки, доступные и при более скромных средствах. Снова не будет страха перед мобилизацией, страха за жизнь того, кто попал в мясорубку военной доблести.

Нашему табору в злосчастном Нише не было места. Отставших от табора для отдыха в пути было немного. Все жались с деньгами и поэтому особенно самоотверженно рвались домой, на родину. Мы прорвались в Болгарию. Вернее, нас тотчас же втиснули в поезд, идущий в Софию.

Болгария, подобно Италии, еще не знала тогда, на чьей стороне ей надлежит лить кровь. Но ее трехцветный флаг был копией русского. К нам отнеслись если не дружески, то благосклонно. Повезли за половинную плату. Для болгар война оборачивалась пока что лишь общей неразберихой.

Вывески и надписи все так же искажали русский язык. Как будто обыкновенный губернский город где-то на юге России, а воображает себя столицей! В Софии можно было бы ограничиться прогулкой по привокзальной площади. Мнимовизантийский собор и памятник «Освободителю» оказались надлежащим образом стандартными.

Все так же засовываемые в вагонные купе, все так же суетящиеся или дремлющие, недосыпающие, мы стойчески продолжали пробиваться к отчизне. Где-то по дороге мелькнули отроги Балканов. До Рушука добрались уже после заката солнца. Переправа на другой берег Дуная была закрыта. Мы заночевали в какой-то харчевне. Надо было хотя бы отведать знаменитого ягурта — болгарской простокваши. Нас долго не могли понять. Напрягая все свои знания студента историко-филологического факультета,

я вспомнил о неполногласных формах и выдал из себя: «Кислое млеко». Простокваша оказалась замечательной.

Лишь на следующий день после полудня мы очутились на румынской стороне реки. Поезд пролетал мимо не помышляющих о войне садов, огородов и полей. По примеру болгар, нам и здесь устроили проезд со скидкой. Бухарест был окутан прелестью теплых сумерек, освеженных недавним дождем. Трамваи весело дребезжали. На улицах и бульварах, старавшихся походить на парижские, зажигались вечерние огни. Разбитной чиновник в русском посольстве, отрекомендовавшийся Барабановым, дал благой совет поехать на Галац, ссудил немного денег. В его услужливости было что-то и от той тревоги, которая нас ждала в разворошенной войной России.

В Галаце разводил пары пароход с русским флагом на корме. Самый настоящий русский буфетчик поставил на стол большой чайник с кипятком и маленький с настоящей российской трактирной заваркой. Остатки табора, избравшие путь на Галац, вздыхали облегченно.

Еврейская дама — стопроцентная одесситка — первым делом устроила что-то вроде бани для своих двух девочек и придела их. Конечно, это были сущие ангелочки. Свекровь, сопровождавшая ее, попросила меня послать сыну телеграмму, извещающую о возвращении. Это надо было сделать почему-то тайком от невестки, с которой она враждовала.

Мы плыли среди зарослей дунайских низовий. Можно было подумать, что мы на Волге. На невзрачной, совсем как будто волжской пристани-барже с громким наименованием «Измаил» стоял подросток в гимназической шинели. Это было уже поздним вечером.

А затем спустилась ночь, и наш пароход, не в пример волжским плоскодонным, вышел в помрачневшее Черное море. Оно было угрюмым, но не свирепствовало. До рассвета еще было далеко, а мы уже стали приближаться к русскому берегу. Было зябко, сыро и тревожно.

Паспортные и таможенные формальности не были долгими. Жердеобразная дама с рыжей кошечкой на цепочке и ее французский шпионоподобный муж-толстячок подозрительно заерзали. На пароход проникли кое-кто из встречающих. Старуха, чью телеграмму я посылал, из благодарности сочла нужным познакомиться меня со своим сыном. Она не решалась назвать меня всего лишь студентом и представила, полагая по-еврейски, что все студенты — медики, доктором.

«Десять тысяч оборванных греков, обнимая друг друга, крича, заплакали: "тáласса"».

Теснясь на шатких сходнях, мы уже плохо помнили своих попутчиков и забывали с ними проститься. Но все же всем нам одинаково хотелось с боязливым облегчением воскликнуть: «Одесса». /.../

4. ИЗ «ЧЕРНОЙ ТЕТРАДИ»

«Черная тетрадь» — действительно черная. Это обыкновенная ученическая толстая тетрадь в черном дерматиновом переплете. В ней 210 страниц. Общее название — «Непристойности». Они непримечательны. Но история самой «Черной тетради» примечательна. Об этой истории — в главе девятой третьей части⁹¹.

Всех «непристойностей» — двадцать одна. Две — пересказы неприличных анекдотов (один — стилизация под старинную итальянскую новеллу), две — образцы эпистолярной литературы, одна — страничка из дневника, одна — тематическая сводка анекдотов, из которых лишь один по-настоящему неприличен, девять — «мемуарные экзерсисы» более интимного характера.

Вот остальные шесть «непристойностей»:

I. Это я хорошо запомнил (по-своему неприлично)

Тогда еще никому не было вдомек, что мировую войну придется называть «Первой мировой». Она затягивалась. Зинаида Гишпиус надумала выступить с докладом.

Очередное заседание Религиозно-философского общества, именовавшегося также и попросту «Религиозкой», было назначено вопреки обыкновению не в Малом зале Географического общества, а в специально снятом для этого большом помещении. Народу пришло много. Зинаида Николаевна была слаба голосом. Доклад читал за нее Философов. Она же восседала на эстраде рядом с ним и с высокомерным торжеством, плохо прикрываемым смиренно-благожелательными улыбками, шурилась на публику.

В докладе с необычайной и все же соблюдающей чувство меры смелостью изобличалась несправедливость войны, ее несовместимость с исповеданием христианства⁹². Вполголоса высказывались те мысли, которые втайне роились у слушателей. Доклад был умный и даже по-своему последовательный. Аплодисменты звучали искреннее обычного. Но выступавшие в прениях как всегда говорили замысловато и скучно и как всегда оставались не-

сносно неискренними в своем стремлении искренне выразить ту невнятицу, что переполняла их головы.

И вот на эстраде появился Данилов⁹³. Его фигура странника с картины Сурикова «Боярыня Морозова», его путаная речь, в которой легкое окание и придыхания никак не могли прикрыть ее чисто интеллигентской путаности и многоглаголения, были обязательны для «Религиозки». Данилов был нужен для того букета различных религиозных сознаний, которые старательно подбирали и не могли связать воедино Мережковский, Гиппиус и Философов. Так же нужен, как либеральный батюшка — Константин Аггеев⁹⁴, как свой «живой Фейербах» — еврей и марксист Борис Аркадьевич Столлнер⁹⁵, как взбунтовавшийся семинарист — профессор Антон Владимирович Карташов⁹⁶. Без них пустозвонное умствование Мережковского, одобренное жеманничанием Зинаиды и нудным аристократизмом Философова, были бы просто неслышны.

Данилов, профессиональный искатель божеской истины, никогда не снимал своей коричневой шинели. И никогда не надевал шапки. Когда-то при нем избили человека за то, что тот не скинул тотчас же шапки при виде начальства. Данилов решил раз и навсегда, что лучше обходиться вовсе без головного убора. Он любил порисоваться своим нищенством, нищенством петербургского Франциска Ассизского. Любил в присутствии студенческой молодежи, почтительно поглядывающей на его аскетическую фигуру, простецки поговорить с гардеробщиками «Религиозки». Гардеробщики по-настоящему ему сочувствовали, когда он уходил с непокрытой головой в сырую осеннюю мглу, в поисках пристанища где-то на краю города, едва ли не на Охте. Когда он умер, Философов почтил его корректно прочувствованным некрологом в «Речи».

Выступление Данилова в тот вечер было совершенно необычным. Он вышелушивался из своего косноязычия. Его слова были повиты пламенем полной убежденности. Председатель не мог его остановить. Все ждали, что вот-вот появится пристав и разгонит собрание. Оратор явно забыл о благоразумии, более того — об элементарном приличии; он был бестактен, он подвергал «Религиозку» опасности быть совсем закрытой.

Данилов рассказывал о своих странствиях в первый месяц войны по России. Он заверял, что нигде, ни в поездах, ни на дорогах, ни в крестьянских избах, ни где бы то ни было, где ему приходилось вести разговоры с теми, кто ему встречался, он не услышал ни одного слова о нужности человекоубийства, именуемого войной. Он утверждал, что народ не знает, что такое Рос-

сия, родина. Нет русского народа! Есть лишь некое финско-славяно-татарское племя. И оно хочет жить. Ему нет никакого дела до политики, до государственных интересов. Ему чужды всякие высокие патриотические идеи, высокие задачи борьбы с германским варварством.

Речь Данилова прорвала все плотины благоразумия. Она подлинно вздымалась «над схваткой».

И я ее хорошо запомнил.

2. И мои воспоминания о Горьком (неприличное равнодушие)

Максим Горький, Леонид Андреев, Федор Сологуб подняли щит над евреями. В конце первой военной зимы они возглавили своими именами афишу большого благотворительного концерта⁹⁷. Вслед за концертом последовало издание беллетристическо-публицистического сборника под их же редакцией и с той же благотворительной целью. Сборник так и назывался «Щит»⁹⁸.

Концерт демонстрировал интеллигентский протест против усиливавшегося во дни войны антисемитизма. В числе обещавших выступить на защитно-еврейском концерте была даже Тамара Карсавина⁹⁹. Устроители приняли все меры, чтобы в зале сидело как можно меньше евреев. Заказывать билеты предлагалось, во избежание очередей, по почте, и все заказчики с явно неарийскими фамилиями получили один и тот же ответ, что они опоздали, и на них билетов не хватило.

Все же стараниями моего приятеля, вездесущего Шурика, сумевшего затесаться, несмотря на свое еврейство, в контролеры, я попал на концерт. Но опоздал. Карсавина уже оттанцевала свой номер. Мне пришлось довольствоваться лишь концом первого отделения. Зинаида Гиппиус, жеманно стараясь быть величавой, прощebetала восьмистишие, славившее Его — Христа и заканчивавшееся напоминанием, что он — еврей¹⁰⁰. Что-то с обычным для него равнодушием бормотал Сологуб. Горькому не разрешили прочесть то, что он наметил. Он ненадолго появился на сцене с книжкой «Детство». Он начал читать почти вполголоса. Перелистал две-три страницы и оборвал. Он и не думал скрывать, что выступает внеохотку.

В антракте, буксируемый все тем же пронырливым Шуриком, я просочился в артистическую. Завидя знакомого студента Соломошу, неизменного распорядителя на благотворительных концертах, лекциях, вечерах любой национальности, я изо всех сил поспешил протолкнуться к нему. И внезапно очутился рядом с

Максимом Горьким. Горький присел к столу и на титульном листе растрепанного томика «Детства» вывел огрызком карандаша семь букв своего имени. Затем протянул книжку хмельному от счастья Соломоше, сердито буркнув «больше писать не буду», и отошел. Он был весьма похож на памятную мне с детских лет карикатуру, которая изображала его зло огрызающимся на пристававших поклонников.

В другом конце артистической длинноволосый красавец в художественной блузе надписывал книгу для худощавого юноши в студенческом сюртуке. Красавец оказался Леонидом Андреевым. Соломоша и сюртучный юноша начали ребячески величаться друг перед другом полученными автографами. У сюртучного юноши надпись была подлиннее, но он специально принес из дому новую книжку Леонида Андреева, чтобы умолить автора написать ее. Зато Соломоше удалось заполучить экземпляр «Детства», бывший собственностью Горького.

Долго толкаться в артистической не пришлось. Старичок с физиогномией заслуженного охранника высадил меня, как и многих других посторонних, из комнаты. По ту сторону двери стояли двое рабочих в парадных пиджачках и трепетно молили, чтобы их допустили лицезреть Алексея Максимовича. Их пролетарскому облику как-то совсем не шла институтская восторженность молящих взоров.

Три с половиной года спустя, уже при Советской власти, Горький, пораздумав, решил простить большевикам закрытие своей газеты «Новая жизнь». Он надумал собрать ленинградских интеллигентов в Таврическом дворце, чтобы преподать им, как надо себя вести и что делать в условиях пролетарской диктатуры¹⁰¹. Я счел своим долгом присутствовать при сем. Желающих послушать Горького оказалось очень много. Их выстраивали в колонны на улицах вокруг Таврического сада. Когда моя колонна наконец добралась до дворцового двора, то оказалось, что Горький уже успел не только кончить свой коротенький доклад, но и уехать. Во двор вышел кто-то другой: он что-то разъяснял интеллигентам от имени большевиков, но даже и его не было слышно.

Это было в начале трудной голодной зимы 1918-19 года. К концу той же зимы Горький попытался поддержать отошавших писателей устройством их выступлений перед широкими народными массами. На первом таком выступлении, происходившем в помещении театра-фарса¹⁰², в котором до революции актрисы призывали выступать едва ли не в полном «без-белье», массы оказались представлены преимущественно мальчишками-папиросниками и прочей публикой с Невского проспекта: «Экваториальный

лес», великолепно прочитанный Гумилевым, нашел у слушателей отклик. Последним выступал Блок. Он читал «Перед судом», у него вместо лица была маска. Горький, что-то глухо бормотавший по книжке, появился в середине вечера и не вызвал никакого восторга. На нем были франтоватые белые валенки выше колен.

В последний раз фигура Горького промелькнула предо мной много лет спустя в Москве. Он изжил наконец, изжил решительно и бесповоротно былые несогласия с Советской властью. Он вновь появился на родине. Госиздат рекламировал выпуск полного собрания его сочинений в небывало большом тираже. Плакаты с портретами Горького, приглашавшие подписаться на это издание, рассыпались по всему городу. Чудесный летний вечер спустился над Леонтьевским переулком, где меня задержала случайно встретившаяся знакомая. Мы остановились нанюхот от подъезда, у которого выростала толпа. В этот подъезд только что вошел Горький¹⁰³. Не успели мы с моей знакомой перекинуться несколькими словами, как толпа зашевелилась. В дверях подъезда появился высокий сутулый человек. Это был Горький. Он сел в машину вместе с Халатовым¹⁰⁴, ловкачом из Госиздата, курчавым плотным мужчиной, мозолившим всем глаза своей неизменно грязной кожаной курткой, и уехал. /.../

5. ЮБИЛЕЙНЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ

Революция взвихривается во имя будущего. Но взвихривает ее нестерпимость настоящего. И над тем, что с ней будет, она не задумывается. Победа для нее не обязательна. Поражение ее не умаляет. Она — вихрь; ей все прощительно. О ней вспоминают не только почтительно, но и восхищенно, с любовью. Годовщины ее взвихрения отмечаются всенародными празднествами даже тогда, когда она уже давно отзвучала.

У революции всегда много дела. Так много, что не только тем, кто вершит революцию, но и рядовым ее очевидцам просто некогда помыслить о возможности дожить до более отдаленного ее юбилея. Вряд ли кто-либо из участников и очевидцев провозглашения в России новой государственной власти, власти трудящихся, думал в те буйствующие дни, что сможет прожить еще полвека и увидит пышнейшие торжества пятидесятилетнего прославления Октября как победы полной и окончательной.

Громогласие этих торжеств необычайно, а для поколения, видевшего Октябрь, слово «дожить» звучит почти так же как «выжить». Я из числа «выживших-доживших». И уж по одному этому чувствую себя сейчас чуть ли не героем. Во всяком случае —

как бы юбиляром. Октябрьские дни для меня — реальность. Правда — давнишняя, изрядно истершаяся в хлябях последующих десятилетий, потускневшая, но все еще волнующе опутимая. И вот, словно на меня наложено обязательство, я оглядываюсь на те давние времена.

Мои представления о том, какой должна быть революция, определялись воспоминаниями о 1905 годе. Революция отступила, но без нее никак нельзя! Отрочество и юность были полны чаяниями о новом ее пришествии. Правда, я уже осознавал свое непризнание к общественной, политической и, тем более, к революционной деятельности. Героика риска и самопожертвования отнюдь не была в моих возможностях. Меня вполне устраивал общедоступный эстетский скептицизм. Но отнюдь не снобистический, а упрощенно анатольфрансовский, уживающийся с политическим радикализмом. Хоть ты и скептик и индивидуалист, а все-таки революция — самое прекрасное из всего, что знает история, и социализм — лучшее, чего только можно сейчас пожелать!

В безрадостные годы своего юношеского аполитизма я навсегда усвоил понимание революции как стихийного начала. Ее ждут, торопят, пытаются с смешной уверенностью установить сроки ее обязательного прихода, и все же она нисходит внезапно. И так же непредвиденно, вопреки всем надеждам и расчетам, ее силы начинают иссякать. Мне казалось неизбежным, что ее запросы превышают существующие возможности. Ее победа не может быть исчерпывающей.

И вот наконец эта долгожданная и все же неожиданная гостья, нет, не гостья, а хозяйка пришла. Вопреки всем тяготам столь долгой войны, у нее была необычайно легкая поступь. Среди кровавого месива общеевропейской бойни и российской неразберихи революция поначалу предстала не столь уж грозной. Она не требовала больших жертв, особого героизма, не очень карала. Ее приход был подлинным праздником. Это походило на роман Уэллса о благополучном столкновении Земли с таинственной кометы¹⁰⁵. Как будто бы действительно из кометы источилось в земную атмосферу благодетельно вразумляющее людей, таинственное вещество. Все сделались взаимоуступчивыми и необычайно блажелательными. Но это лишь казалось. И при том весьма недолго.

Многовековой самодержавный строй был давно уж поколеблен. И развалился он в одночасье. Было от чего охмелеть! Но никто еще не знал, как грозен может быть хмель нежданно легкой победы.

Я с великим трудом продираюсь сейчас сквозь самого себя, каким я стал в последующие десятилетия, к тому самому себе,

каким я был в 1917 году. Я не забыл себя тогдашнего. Но это как будто бы не я. Романтически бездеятельная вовлеченность в революционное взвихрение была в порядке вещей. Так же, как и обывательское беспечное выжидание: лишь бы с войной поскорее кончали, и все тогда наладится к лучшему. Однако к этому присодинилась своего рода социальная анестезия, достаточно чуждая моему теперешнему сознанию. И вот недоумеваю, как это можно было тогда оставаться нечувствительным к знамениям надвигающегося катаклизма.

Но что поделаешь, удивляйся, не удивляйся, а так было. Недальновидно судили о происходящем и более искушенные в политике умы!

Как кончать с войной, толком не знали, становилось все годней, власть была временная, неопытная. Она головотяпничала. Казалось, что у нее лишь одна забота — как-нибудь дотянуть до Учредительного собрания, а там видно будет. Учредительное же собрание затеяли созвать, несмотря на трех неграмотных, приходившихся на каждого грамотного, с скрупулезным соблюдением всеобщего волеизъявления. Революция обеспечивала свободное исповедание любых политических воззрений. Можешь выбирать, с кем вместе хочешь действовать. Или по крайней мере — за кого будешь голосовать.

Сторонники монархизма, даже конституционного, как будто вымерли. Они могли бороться лишь кровью своей и чужой, а не подачей избирательных бюллетеней. Они камуфлировали, и от этого подозрительно распухла либеральная «кадетская» партия. Ей это было не по душе. Она и без того уже стеснялась своей умеренности. Философ Лосский, представитель интуитивизма, предлагал переименоваться из «конституционалистов-демократов» в «эволюционных социалистов». Приставка «социал» была тогда в большой чести.

Интеллигентски-сдержанным, но все же откровенным поборникам капитализма и обязательной военной победы противостояли социалисты. Среди них, конечно, были люди разные, разной степени решимости и революционного накала. Однако решающим для них все еще было различие истоков революционных идей. Тихайшие народные социалисты, а тем более закаленные подпольной борьбой социалисты-революционеры выступали как преемники русских народников, подвижников и страстотерпцев, знавших лишь «если погибнуть придется». Социал-демократы же опирались на учение марксизма. Они были рассудительны и необычайно уверены в себе, и поэтому казались трезвее и расчетливее. Но фанатически убежденные в научной доказуемости неизбежной по-

беды социализма и надежности пролетарской революции, они были способны также и на подвижничество.

С детских лет социалисты-революционеры — «эсеры» представлялись мне романтиками революционного подполья. Позже я научился уважать их за типично интеллигентские идеологические искания. Признанием значимости индивидуальной воли они побуждали к жертвенному подвигу. Но все же доморощенность и старомодность теоретиков народничества не могла импонировать. Не внушало доверия и компромиссное единство «эсеров» вопреки резкому расхождению отдельных их группировок. Их связывал, как мне представлялось тогда, лишь их основной козырь — «земля — крестьянам». Этот же козырь привлекал к ним и либеральничающего городского обывателя. «Эсеровская» партия становилась аморфной.

Иное дело — марксисты. Правда, с пониманием роли личности у них не все было ладно, их запоздало-гегельянская философия казалась мне явно необязательной, а сами они — излишне заносчивыми и чрезмерно самоуверенными. Но зато вдохновлявшая их политэкономическая теория, даже когда знаешь лишь ее азы, являла собой нечто крупномасштабное, вполне наукоподобное, непрекаемое. Марксисты никогда не держались за единство. К началу революции «меньшевики» и «большевики» уже и не вспоминали о том, что начинали они вместе.

Меньшевики были как будто благоразумней, предусмотрительней, дальновидней. Но вот дружности уберечь не смогли. Рассуждали убедительно, последовательно, но слишком уж много, не соглашаясь даже друг с другом. Это сковывало их действия, и поэтому убеждать им удавалось лишь тех немногих, кто так же чрезмерно были рассудительны, т.е. *немногих*. Более умеренных среди них, «соглашателей» и особенно «социал-патриотов», я, помнится, от души презирал. Но зато прислушивался к тем, кто мужественно осознавал всю сложность создававшегося положения. И очень огорчался, что им суждено остаться «гласом вопиющего в пустыне». У них не было никаких козырей.

Большевики же меня пугали своей темпераментностью. И бесцеремонностью: «пломбированный вагон», братание на фронте. Но они умели рисковать, и их успехи возрастали. Я недоумевал, как это можно так неинтеллигентски враждебно трактовать тех, с кем еще недавно бок о бок орудовал в подполье? Умеренные социалисты в своей уступчивой нерешительности бесспорно перерождались. Но не перерождались ли и большевики? Как это ни курьезно, а должен признаться, что я не доверял не только их призывам приступить незамедлительно к построению социализма, но

и их уверенности в осуществимости этого. Их взвихряла действенность боевого клика «Бери власть». Но у них был еще более сильный козырь «Кончай войну».

Не хотелось допустить и мысли о том, что эти расчетливые и все же явно непредусмотрительные смельчаки могут добиться победы. Однако со дня на день становилось все очевиднее, что им верят уже за одно то, что они звали к решительным действиям. За ними шел не один только питерский пролетариат. Но и лишние флотские «братишки», и солдаты, не согласная лезть обратно в окопы. Большевики, не задумываясь, обещали мир, хлеб и созыв Учредительного собрания.

Они расковывали оклократию. По моим наивным расчетам, это грозило разгромом революции. Я достаточно хорошо знал греческий язык и привык различать «демос» и «охлос». Но революция пренебрегает строгостью терминологических определений. Моя беда была в том, что я руководствовался не жизненными наблюдениями, а вычитанным в книгах. Преимущественно — поэтическими образами. Я все еще не отрешился от представленной о революции по заграничному старомодному трафарету. Немножко — по Виктору Гюго. А вернее — по Тургеневу: «Наши послали», смерть Рудина на баррикадах. Но вместе с тем сызмальства в моих ушах звучало страшное — пушкинское «Вязать Борисова щенка!». Малышом я очень жалел этого «щенка». Немножко подросши, я любил самому себе декламировать речи из «Юлия Цезаря»: краткую, прозаическую — Брута и пространную, в стихах — Антония¹⁰⁶, и возненавидел раз и навсегда хитрецов-демагогов. Позже мимо моего внимания не прошла и фраза из «Капитанской дочки»: «Не приведи бог видеть русский бунт — бессмысленный и беспощадный». И я оставался в неведении того, что в революции без демагогии не обойтись и что от «русского бунта» не уберечься.

Революция развернула целый веер партийных программ. Но я с малодушной горделивостью сохранял особливость. В тайне души я стеснялся своей бездеятельности. И все же ни одна из политических партий не могла мне внушить достаточного доверия к надежности избранного ею пути. Не скажу, что я так уж ничегоненьки не понимал в революции. Но сомнения относительно ее истинного лика я еще долго отгонял от себя.

Да и как разобраться во всем этом? Для одних революция — свобода и справедливость, для других — сытость и равенство. Случается, что «вошь делает революцию», а баба, которой без мужика долго никак нельзя, оказывается тоже силой. Мужуку прежде всего нужно землицы добыть, и винтовка в его руках —

веский аргумент. Революция — воля к действию; тут уж «учредилка» ни к чему. Начав действовать, захочешь властвовать, а, как известно, «власть портит человека».

И что тут можно сделать, если революция, обороняясь, рискует потерять не только своих лучших людей, но и свои первоначальные намерения? Не у всех такая же сплоченность и решимость к самопожертвованию, как у питерских рабочих в кепках и кожанках. Даже у кое-кого из сормовских пролетариев имелись свои огородики. В человеке он как глубоко сидит «добытчик», собственник! И есть еще многое, чего никак не поймет не только подобный мне самонадеянный дилетант-политик, но и человек величайшей воли, расчета, интуиции, творящий революцию. Пусть уж историк разбирается во всем этом!

Не следует отречься от того, что «страсть к разрушению — страсть созидательная». Но надо признать, что и созидание порой нерасчетливо разрушительно. Особенно во имя будущего. И вот печальный вывод: самый страшный враг человечества — его будущее.

Заглядывать в отдаленное прошлое — дело рискованное. Вспоминать свои былые суждения — это еще куда бы ни шло. Но вспоминать отдельные события? Особенно — «величайшего исторического значения»? Нет, лучше не надо! Тут обязательно упустишь самое существенное, перепутаешь и невольно приврешь. Нет, уж лучше мне обратиться к автоцитате. Вот что я записал к двадцатипятилетнему юбилею Октября, когда память была еще сравнительно свежа:

Великая дата

В сырой свежести поздней осени чудится веяние свежего морского ветра. Это веяние мне запомнилось в тот предвечерний час, когда я, закончив урок, преподанный мною бледнолицему отпрыску Робинсона, совладельца знаменитой конфектной фирмы «Блигкен и Робинсон», вышел на Невский проспект¹⁰⁷. Кипение, все нараставшее в октябрьски-хмуром Петербурге, и которое я особенно ясно почуял дня два перед тем, побывав в Смольном, достигало, видимо, предельной точки. Висели воззвания, обещавшие, что Российская социал-демократическая партия (большевики) единственно может дать мир — стране, землю — крестьянам, хлеб — голодным и обеспечить созыв Учредительного собрания. Вечерний сумрак сгущался, сердце билось предчувствием; но на тот вечер у меня были билеты в Мариинский театр, и без

всякой охоты, из одного лишь упрямства я вытащил Асю из дома и увлек ее без убежденности, что удастся доехать, в тревожно дребезжащий трамвай, в котором одинокие пассажиры читали «Вечернюю биржевку» с огромными плешинами. В Мариинском же неизменно, не хуже, чем обычно, танцевали снежинки из «Шелкунчика» и носился по сцене Эрот с нелепо-неподвижными крыльями. В антракте мы, забравшись на галерею фойе, прислушивались к глухим звукам, похожим на пушечные выстрелы. Наш случайный собеседник — стандартный студент, живший, верно, на родительские 40-50 рублей, высылаемых из глухой провинции, ничего словно не знал, ни о чем не беспокоился. Он уверял, что это стук хлопающих дверей. Через окна фойе мы увидели отблески молний от проходивших по площади трамваев и поверили обывательской успокоенности этого студентика. Спектакль длился недолго, а обратный путь отрезан не был. Мы втиснулись в один из редких трамваев, который — о, радость! — вопреки всем маршрутам шел прямо до Николаевского вокзала, до нашего дома. На углу Садовой и Невского стало ясно, что жизнь сохранена лишь по одну сторону от Гостиного двора, по направлению к вокзалу. Вверх же, к Адмиралтейству, царил мрак, бестрамвайности. Туда направлялись небольшие отряды подростков под предводительством матросов. Было ясно, что, согласно показаниям всех мудрых буржуазных исторических учебников, новая власть, которая с такой легкостью и столь буднично, не встречая сколько-нибудь уверенного в себе сопротивления, сейчас побеждает, удержится недолго, всего месяц какой-нибудь, может быть, самое большее — 80-90 дней...

Вот все, пожалуй, о том, как начинался Великий Октябрь. И только еще в дополнение к юбилейным воспоминаниям — кое-что из воспоминаний о юбилее. Они — много свежее, достовернее. Но тоже тускловаты. То ли я ничего не видел, то ли вообще ничего такого особенного не было.

Стояла на редкость пригожая осень и задержалась надолго. Даже на невских берегах октябрь не очень хмурился. Лишь несколько дней было непогодистых. Ветер с моря погнал реку вспять. Вода в каналах поднялась под самое брюхо мостов. По радио отменили занятия второй смены в школах.

В Эрмитаже приезжая публика по-обычному сонно блуждала, но дежурные в помрачневших залах тревожно перешептывались. На всякий случай закрыли уборные в полуподвалах, а из третьего этажа Зимнего дворца начали выгонять посетителей. Там из окон особенно хорошо было видно, как «Нева обратно шла гневна,

бурлива». Она залила гранитные спуски набережной вплоть до верхней ступеньки и уже выплескивалась на мостовую. Но все же «как зверь остервенясь» не кинулась на предпраздничный город. Буднично заморосил дождь. Из Гавани сообщили, что вода пошла на убыль.

Все в жизни убывает. Изгладились даже воспоминания о былых высокопарных признаниях: «Революция предстала пред нами такой, что мы не могли не признать ее правды и вместе с тем не отвратить от нее лица». В городе Ленина к ее пятидесятилетию демонстрировалось умение наращивать новые кварталы, спешно реконструировать мосты, прокладывать новые линии метро. «Аврора» снова встала на свое «историческое место» за бывшим Николаевским мостом. Ей предстояло после полувекового перерыва повторить в юбилейный час сигнал к совершению переворота — выстрел вхолостую.

О Великом Октябре тшились напомнить также и старинные круглые тумбы для афиш. Их установили кое-где в центре города временно и без толку. У них был откровенно бутафорский вид. Кто-то очень верно сказал, что руины уже по одному тому, что они руины, принадлежат настоящему, а не прошлому. Тумбы были из сегодняшнего дня. Текст расклеенных на них нескладных ротاپринтовых копий кое-каких газет, воззваний, объявлений предоктябрьских дней 1917 года был тщательно процежен. Я был одним из немногих, кто задержался у этих тумб.

Ленинград старательно прихорашивался. На Невском сплошь заново красили дома. Невский, как только мог, пытался выглядеть именинником и стать не таким, каким был пятьдесят лет тому назад, а таким, каким запечатлен в знаменитой панораме, нарисованной Садовниковым в 1834 году.

Город лихорадило от предъюбилейных хлопот. Принаряжались также, в меру отпущенных на то кредитов, и прочие города и веси. А уж о сердце советской отчизны Москве и говорить нечего! «Правда» сообщила, что в Москву к праздникам отправлен вагон, груженный живыми осетрами в специальных чанах с водой. Один вагон для 8 600 000 человек, пожалуй, маловато. Но все же закусовая вареная осетрина кое-где к празднику продавалась.

Что поделаешь с обывателем! Соответственно величию юбилейных торжеств и количеству отпущенных на то выходных дней он особенно рьяно и заблаговременно запасся «выпивоном» и всяческой снедью. Он рассчитывал также и на предпраздничную «неделю изобилия», и ему пришлось истово и при том злопахотельствуя носиться по городу диаметром тридцать километров в

поисках попадавшегося то там, то здесь «промтоварного дефицита», редкостного «импорта». Кто пошустрее, совершали «маршбросок» и за пределы города. Даже, скажем, в Орехове-Зуеве, где внезапно были «выкинута» не какие-нибудь ГДР-овские, а подлинно парижские дамские костюмы и блузки.

В Москве особенно постарались насчет иллюминации. Красная площадь по вечерам была черным-черна от множества народу. В первом этаже новооткрытой гостиницы-гиганта «Россия» сквозь огромные витринные стекла виднелись столы ресторана, за которыми восседала нарядная публика.

О нет, нет, на отель «Швейцерхоф» из записок князя Нехлюдова это не походило! Внутри трапезовала не обязательно какая-нибудь сверхэлита. Там могли быть и обыкновенные советские делегации. Стеклянная преграда отнюдь не символизировала классовый антагонизм. Но все же стекла, отделявшие сияющее ресторанное тепло от ночной темноты, в которой ежились на ветру восторженно прильнувшие к витрине малыши, были очень-очень толстыми. Что делать! Октябрь — «он к самой черной прикоснулся язве, но исцелить ее не мог»¹⁰⁸.

Как положено, праздничные газеты были заполнены отчетом о торжественном заседании. На экране телевизоров появилась новейшая, самая что ни на есть глобальная ракета, демонстрировавшаяся во время парада на Красной площади. А вслед за тем по радио «Голос Америки» поспешил предупредить, что СССР даже с такими ракетными чудовищами сможет внезапным ударом уничтожить лишь десятую часть американских бомбовых запасов, после чего остальные девять десятых втуне, конечно, не останутся.

Но пока что, слава Богу, вечернее небо над советскими городами озарилось лишь мирными прародительницами ракетного оружия. И пожалуй, лишь эти фейерверковые взвихрения, рассыпавшиеся затем разноцветным огненным дождем, да еще суровая водяная хлябь, грозившая выплеснуться из Невы, единственно из всего, что мне довелось видеть в предъюбилейные и юбилейные дни, свидетельствовали о былом революционном пафосе.

От юбилея остались выпущенные в его ознаменование монеты особого образца. Разменные аппараты в метро с ними не срабатывали. Видимо, при чеканке были допущены отступления от стандарта. На автоматах появились бумажки с предупреждающей надписью: «Юбилейные не меняет». /.../

6. ИЗ ИСТОРИИ ВНЕШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ

Всегда путал названия, имена. Правда, я — не дамочка из рассказа не то Аверченки, не то Тэффи, не делавшая различия между копытом и подковой. Но все же до сих пор не запомнил, какая транскрипция сейчас общепринята: Нефертити или Нефретити.

Мне сказали, что надо поехать в Колпино: там предлагают развернуть передвижную выставку репродукций с картин русских художников, которой я ведал¹⁰⁹. А я спутал Колпино и Тосно, две станции Николаевской железной дороги, одна под самым Петербургом, другая — подальше. Поехал в Тосно. И лишь проехав Колпино, сообразил, что еду не туда. В Колпино большой Ижорский завод, там выставка нужнее. Но было поздно, поехал дальше. В Тосно жил Сулягин.

Сулягин, хотя свое и отвоевал, демобилизовался вчистую, все же продолжал, как многие, носить солдатскую шинель. Он был какой-то самородок. Среднего образования не получил, но стал преданнейшим и опытным работником по части просвещения взрослого населения, т.е. того, что стало именоваться внешкольным образованием. В Губернском отделе народного образования, который сокращенно назывался не то Губотнаробом, не то Губнаробразом, был своим человеком.

При первом нашем разговоре он отрекомендовался учеником Евгения Александровича Медынского, одного, можно сказать, из основоположников внешкольного образования и фанатика этого дела¹¹⁰. С Евгением Александровичем я познакомился незадолго перед тем в Нижнем. Он содействовал моему вхождению в сферу народного просветительства. Разговоры о Медынском сблизили меня с Сулягиным, «человеком в шинели». Человек он был простой и деловой. С ним было легко.

Тосно — железнодорожный поселок. Жилось там плохо. Огороды скудные. От дачников прибыль небольшая. Прирабатывали, по ироническому замечанию Сулягина, тем, что детишки продавали проезжавшим пассажирам полевые цветы да лесную ягоду. Но вот наступили времена, когда дачники перевелись, а пассажирам было не до цветов. Жить стало еще труднее.

В Тосно я первым делом пошел в сельсовет и тотчас же разыскал Сулягина. Он слегка поморщился, узнав, что я приехал устраивать выставку. Вскользь упомянул, что она совсем не ко времени. Однако сразу же сообразил, что к чему, и принялся действовать. Повел меня в недавно открывшуюся чайную, которая долж-

на была служить чем-то вроде просветительного центра, каким-то подобием клуба¹¹¹.

Под чайную было отведено стоявшее без дела помещение, просторное, светлое и чистое, пригодное для собраний. Там соблюдался сносный минимум тепла. Лежало ли что из съедобного на прилавке, не скажу, не помню. Но кипяток и заварка чайного суррогата всегда наличествовали. Чайная была нужна. Народ призывал в нее заходить. Мы с Сулягиным решили, что под выставку годится.

Из имеющегося у меня внушительного запаса репродукций я отобрал побольше цветных. И само собой разумеется — понятнее по содержанию. Сулягин помог мне развесить их на стенах. Получилось неплохо. Словоохотливый, медлительно опорожнивавший стакан за стаканом завсегдатай чайной особенно хвалил «Учение солдат в Николаевское время» Добужинского¹¹² — вот единственно, что запечатлелось в моей памяти на этой выставке.

Во время выставки надлежало мне прочесть лекцию о русских художниках. И тут Сулягин снова проявил надлежащую распорядительность. В Тосно по другую сторону оврага, на пригорке, возвышалась новенькая, ладно построенная сельская школа. Самое подходящее место для лекции! Зима началась сурово, выпало много снега, дни становились все короче, забот не оберешься, вечером тоскливо. На лекцию на непривычную тему, да еще с «волшебным фонарем», собралось народу немало, и школьники, и взрослые. «Культурно-просветительные мероприятия» были здесь еще совсем внове.

Перед лекциями я всегда боялся, не подведет ли проекционный фонарь. В те времена «точечных» электроламп не было, источником света была вольтова дуга с ненадежными угольными палочками или какая-то горелка с хрупкой асбестовой сеткой. Но нашли умелые руки, все обошлось благополучно.

Четкая проекция меня вдохновляла. Наибольший успех, конечно, имели цветные, раскрашенные от руки диапозитивы. «Девочка с персиками» Серова и «Троице-Сергиева лавра зимой» Юона вызвали восторг: я понял, чем надо поражать слушателей в финале лекции.

Когда я коротенько, но с пафосом рассказывал о судьбе Александра Иванова, меня, извинившись, прервал какой-то старорежимный, словно из рассказа Глеба Успенского, энтузиаст-педагог. Он не мог удержаться, чтобы не обратиться к «детям», т.е. к своим питомцам в зале, с наставлением следовать примеру художника-передвижника¹¹³.

В перерыве я попросил у энтузиаста попить водички. Он жил при школе. Он принес стакан на блюдечке и с ложечкой. В воде было что-то намешано. Я помешал дополнительно. Напиток был волшебный — сушеная малина. Это была заслуженная мною награда, мне кажется, что ее вкус до сих пор у меня на губах.

Не помню, сколько раз мне пришлось побывать в Тосно. Во всяком случае — несколько. Два раза оставался ночевать. Меня приютил предсельсовета, человек, привыкший властвовать, но обходительный. Сулягин относился к нему хоть и запросто, а все же с легким неодобрением.

В избе у предсельсовета на столе лежала книжка: история французской революции 1848 года. Из серии, издававшейся Брокгаузом-Эфроном после девятьсот пятого года. Не очень-то популярная. Детей в доме не было. Хозяйка — молодая, миловидная, стесняющаяся. Ее свекровь — старуха поразговорчивее, не без ворчливости. В избе царило блаженное тепло, какое может исходить лишь русская печь.

Мне постелили на полу. Постелили хорошо. Но наслаждение теплом мешало уснуть. Хозяин куда-то ушел — дел много. Затем вернулся. Заметил, что я ворочаюсь, сел за стол, взял книжку. Я деликатно притворился засыпающим. Хозяин прислушался, захлопнул книжку, задул лампочку, полез к жене на печь.

Несколько месяцев спустя, уже весной, проглядывая свежую питерскую газету, я наткнулся на знакомую фамилию. Теперь ее не помню, да и тогда не сразу сообразил, что ведь это тосненский предсельсовета. Газета сухо сообщала о его расстреле за участие в контрреволюционном заговоре.

В Нижнем был необычайный урожай яблок. И хотя велась борьба с мешочничеством, яблоки разрешалось вывозить беспрепятственно. Для вящего поощрения вывоза выдавались даже специальные разрешения. Перед отъездом в Петербург-Петроград я запасся таковым. Но в корзинке у меня, кроме яблок, было еще кое-какое продовольствие. Когда поезд подходил к бывшей столице, заградительный отряд провел облаву по вагонам. Моя корзинка вызвала подозрения. Я гордо предъявил свою бумажку. Мне поверили, что я везу только яблоки.

Из вагона нас выпустили не к вокзалу, а во двор. Я подошел к воротам на площадь одновременно с подводой, нагруженной всяким добром. Охрана задержала ее. Створки ворот стали смыкаться. Кто-то из охраны выстрелил в воздух. Я со своей корзинкой успел протиснуться в щель между створками.

На площади же было все по-прежнему мирно. Стоял «комод, на комодке бегемот, на бегемоте обормот». Наименование «пугала» он еще не получил. И от «обормота-пугала», памятника Александру III, по-прежнему незабываемо, стрелой к Адмиралтейству, уносился, дребезжа трамвайными звонками, Невский. Извозчиков стало как будто меньше. Но на тротуарах все так же сновали прохожие. Все какие-то стремительные, озабоченные.

Под копыта клодтова коня на Аничковом мосту из-за угла вынырнула женщина с миской котлет. На нее налетели. В несколько минут распродала все. Я не был уверен, нужны ли они мне, медлил, и на мою долю ничего не осталось. Одна из счастливиц, на пробу дожевавшая купленное, иронически-удовлетворенно сообщила мне, что съедобно. Котлеты были из кофейной гущи.

Все жили в тенетах продовольственных карточек — «кто не работает, не ест». А также среди соблазнов всевозможных безвозмездных культурно-просветительных мероприятий: студии, кружки, популярные лекции, дискуссии, общедоступные концерты. Театральные афиши наперебой обещали нечто новое, бывшее прежде под запретом, героическое, занимательное, изысканное.

В «Александринку» мы с Асей пошли на весьма романтическую пьесу «Рыцарь Гаван». В зале, самом красивом из театральных зал, неизменно сверкавшем царственной позолотой и роскошествовавшем красным бархатом кресел, теперь сидели не снимая пальто. О чем была пьеса, ничегошеньки не помню.

Но не забыл, как встретили там близкую приятельницу, у которой в сумочке был ломтик черного хлеба и кусочек селедки. Чудно! Театру семнадцатого ли века или наших дней вполне пристало, если «слабо пахнет апельсиновой коркой»¹¹⁴. Ася допускала также конфеты, шоколад. Только не селедка!

Селедка была, казалось бы, уместнее в каком-нибудь невзрачном театрике во дворе на Литейном. Однако и там на сцене можно было увидеть лишь необычное. Например, «Севильского обольстителя» Тирсо де Молина в декорациях Добужинского или «Дерево превращений» — пьесу Гумилева, в которой лучше всех прочих играл актер, изображавший обезьяну.

Ася приехала в Петербург раньше меня и сразу же устроилась на работу. Помогла ее подготовка по дошкольному воспитанию. В Царском Селе, где столько было прекрасных особняков, покинутых их владельцами, открылся огромный интернат для детей питерского пролетариата. Царское переименовали в Детское. Там Ася была обеспечена теплым жильем, питанием и, главное, увлекательной новой работой.

Я же приступил было к сдаче государственных экзаменов. Это обеспечивало продовольственную карточку. Но нужен был и заработок. Расчет на репетиторство и чтение лекций оказался эфемерным. Случайная встреча на улице, рекомендательная записка решили все дело. Я поступил на постоянную работу в Губернский отдел народного образования. От экзаменов пришлось отказаться.

У меня было два козыря. Первый — четыре года руководства экскурсиями по Русскому музею и Эрмитажу с группами, организуемыми рабочими страхкассами. Это — в мои студенческие годы, до Революции. Работа редкостная, вроде бы пропагандистская. О ней — в книжке «Пролетариат и искусство» Л.Клейнборта, вышедшей в 20-х годах, но ставшей мне известной лишь позже, в более трудное время. И хотя в ней упоминается мое имя, я про эту книжку старался забыть, поскольку ее автор стал одиозен¹⁵.

Второй козырь — недолгая послереволюционная работа в Нижнем в Союзе просветительских организаций. Сейчас смутно представляю себе, что это за учреждение было. Оно оказалось весьма недолговечным. Вне государственной системы просвещения, без какой-либо (по крайней мере — на первых порах) партийной «прослойки». Финансировалось, вероятно, кооперативными объединениями. Я храбро пошел туда и предложил устраивать выставки-передвижки и читать популярные лекции о русских художниках. Просветсоюз, словно сонная рыба, еще только-только начинал шевелить плавниками. За мое предложение ухватились, послали в Москву закупить репродукции и диапозитивы.

Смутно вспоминаю, как я с отважностью пионера, проникающего в глубь пампасов, выезжал то с выставкой, то с лекцией, а однажды и с той и с другой в разные места: в какой-то клуб в Сормове, в Балахну на совещание по просветработе, на варенье-варенный завод, продолжавший работать, так как вовремя вместо сахара запаса патокой, в какие-то процветающие кооперативные уголья на Оке.

Вот тогда-то мне довелось познакомиться с Е.А.Медынским. От его суетливо-подвижной худощавой фигуры, интеллигентской бородки клинышком, просторного пиджака так и веяло, как мне казалось, земством, журналом «Русское богатство», народническими идеями, несогласием с марксизмом, страстной увлеченностью своей работой на «ниве народного просвещения». Уж не знаю что, но все же кое-что он мне преподавал.

Года два спустя я снова встретился с ним. Он держался в тени, вел занятия на каких-то курсах, по-прежнему оставался «нон-

комформистом», по-прежнему был предан избранной им специальности просветительства. Даже дошел до утверждения, что внешкольное образование может стать наукой. Я сам тогда слышал его страстный доклад на эту тему.

Прошло года два-три, и «Правда» опубликовала его письмо об отказе от прежних политических убеждений и о вступлении в партию. Он стал профессором МГУ. И в самой его тощей фигуре появилось что-то профессорское. Достиг звания действительного члена Академии педагогических наук. Взамен внешкольного образования занялся историей педагогики.

Экскурсии, выставка-передвижка, лекции — это в ту пору кое-что уже значило. Внешкольному просвещению приходилось начинать, как сейчас принято говорить, с «нулевки». Могло ли быть так, чтобы Петроградскому Губернскому отделу народного образования я оказался бы не нужен? Возглавлявшая отдел Анна Яковлевна Гуревич, давняя эсдечка, первоначально, полагаю, меньшевичка, женщина энергичная и предприимчивая, отнеслась ко мне достаточно доброжелательно¹¹⁶.

Губернский отдел мне представился не только строителем новой системы образования, но и наследником петербургского земства, его сотрудников, его инвентаря, его адреса. Мне казалось, что земским духом пропитаны даже стены приветливого дома где-то на Кабинетской улице, не то что бы в центре столицы, но все же и не на окраине. Такая же улица была бы уместной и в губернском городе.

Сотрудники отдела были преимущественно все люди солиднее, характерного интеллигентского обличия, любящие и знающие свое дело. По инерции, в силу неискоренимой привычки добросовестных культурных людей, они старались чем-то заняться или, по крайней мере, казаться занятыми, хотя чего-либо достигать в своей работе становилось все труднее.

Мое внимание привлек некто Николай Эммануилович Сум¹¹⁷, человек мрачноватый и сосредоточенный. Он был автором каких-то книжек, брошюр. Как-то в разговоре упомянул, что вот вышла еще одна. Я не преминул осведомиться об ее названии. Оказалось, — «Почему вредно пить политуру и лак». Впоследствии я узнал, что этот самый Сум был когда-то вихрастым студентом-репетитором, удачливо соперничавшим в усадьбе Менделеева с Блоком по части ухаживания за барышнями.

Из сотрудников помоложе, выполнявших секретарскую работу и поэтому более усердствовавших, мне чаще всего приходилось иметь дело с Марией Федоровной, совсем юной особой, чью фамилию я безнадежно запомнил. Я на два года старше,

но служебный опыт у нее был позначительнее. Едва только окончив Стоюнинскую гимназию, хорошо мне известную, она вышла замуж. Уже имела двоих детей, которых пока что пришлось отдать бабушке, жившей неподалеку от Петербурга. Да и муж работал не в городе, а поблизости. И вообще в этой «стоюнинке» поверх всей ее петербургскости было что-то губернское, «от земли», от тех просторов, что именуются Россией.

Меня втянуло в общую струю безнадзорного, старательного, а все же то и дело спотыкающегося народного просветительства. Затей было много, но неполадок еще больше. И жить, существовать становилось все труднее. При отделе была своя столовая, автономная и снабженная солидным запасом чечевицы. Да, да, той самой чечевицы, в обмен на которую Исав продал свое первородство! Еда грубая, но необычайно вкусная. Жаль только, что есть приходилось ее каждодневно, то на первое (похлебка), то на второе (каша), а случалось, и на первое и на второе.

В голодных желудках, чем темней и холодней становились дни, урчало все ошутимее. Не выдерживали, бежали совсем неинтеллигентно, раньше времени, к закрытым дверям столовой и выстаивались в позорную очередь. Не потому, что хотели, управившись поскорее с обедом, пораньше вернуться домой, а просто потому, что ждать обеда становилось неважно.

Всем приходилось трудновато, но это не имело никакого отношения к моей интеллигентско-тупой преданности затеянному делу. Я, конечно, летом в Нижнем немножко, как говорится, поднаторел по части внешкольного образования. И все же мне и вдомек не было, что в тогдашние «минуты роковые» России, исполненные попервоначалу подлинно революционного пафоса и уже озаренные заревом разгоравшейся гражданской распри, организация выставки репродукций с картин могла представляться смешной детской забавой. Но все-таки выставка-передвижка — это же одно из средств внешкольного образования, и поэтому в Губернском отделе ко мне отнеслись сочувственно. Даже уважительно. Но без какого-либо живого интереса.

Я действовал в одиночку. Бежал по опустевшим национализированным книжным и эстампным магазинам, старательно выискивая нужное. Набрал много, в том числе по возможности цветные воспроизведения качеством получше — «драйфарбендрук»¹¹⁸. Основой послужили три альбома издательства Кнебель («Третьяковская галерея», «Русский музей», «Румянцевский музей») и, конечно, «Школа русской живописи» Александра Бенуа. А в дополнение к этому кое-что еще и из прочей продукции все того же

замечательного издательства Кнебель («Картины современных художников», «Картины по русской истории», отдельные гелио-гравюры). И из собранного в меру моих искусствоведческих знаний и художественного вкуса со старательностью, как будто я имел дело не с репродукциями, а с оригиналами, и уподобившись ребенку, подражающему в своей игре взрослым, тщательно выделал самое достойное. Выставка должна была получиться весьма солидной, с научной обстоятельностью прослеживающей развитие русской живописи.

Немало потрудился я и над подбором диапозитивов. В свитском доме Мраморного дворца помещалась только что народившаяся Центральная диатека, немало унаследовавшая от какого-то просветительного учреждения имени принца Ольденбургского¹¹⁹. Там я заказал уймищу диапозитивов. Некоторые из них весьма исправно раскрашивались от руки. Раскрашивали, как я узнал, дочки Александра Бенуа¹²⁰, получая за свою работу сушие гроши. Интеллигенция хваталась за интересную работу, пренебрегая скудостью оплаты. А я гордился, что вот какого качества у меня картинки для «волшебного фонаря»!

Еще существовали по-старинке исправно работающие артели. Одна из них, картонажная, добротнo оформила весь мой репродукционный фонд: паспарту с колечками для повески на стену, папки для хранения и перевозки¹²¹. Выставка приобрела весьма пристойный вид и стала надлежаще портативной¹²². И вот первая проба, как уже рассказывалось, была проведена в Тосненской чайной. Но до того город отпраздновал первую годовщину Великого Октября.

В сырой ноябрьский, а все же приветливый теплый вечер ехал я на трамвае по Литейному мосту. В руках у меня был самовар. Я ехал на вечеринку в безалаберный дом, где интеллигентская беспомощность за послереволюционный год дошла до того, что потеряли крышку от самовара. На Неве стояли военные корабли. В честь Октябрьской годовщины они были великолепно иллюминированы. Я впервые видел такое. Петербургская осенняя сырость лишь способствовала этому световому волшебству.

Вечеринка была вскладчину. Каждый принес, что мог. Не столько пиршествовали, сколько разговаривали, обсуждали, пытались предсказывать. Цитировали стихи, где рифмовались «Керенский» и «равенство». Стихи были хорошие. И, несмотря на свою новизну, уже какие-то блеклые, как бы о прошлом. Трамвай ходить кончали рано. Все остались ночевать. Но не спали. Так же, как солдаты в окопах, — из-за холода.

В те дни кое-где на стенах домов можно было заметить плакат с озорничавшей цитатой из «Двенадцати» — «Мы на горе всем буржуйам...»¹²³ В годовщину Октября обещания мира, хлеба, Учредительного собрания сменились призывами к мировой революции. Поэма Александра Блока была внове. Казалось бы, она за всеобщий очистительный пожар. Противившиеся революции отвернулись от поэта. Но и те, кто защищали ее, оглядывали его недоуменно. Смущали в поэме не только Христос и розы «с алого венчика», но и люмпен-пролетарии, почти бандиты, подменившие красную гвардию, питерских рабочих.

Нужнее внезапной символистски-смутной прозорливости «трагического тенора эпохи» была угодливая буффонада-скоропелка вчерашнего футуриста Маяковского¹²⁴. Мне очень хотелось попасть на ее представление в театральном зале Консерватории. Но билеты туда не продавались, а бесплатно «распределялись». На мою долю не пришлось.

Зато праздничное убранство площадей и улиц было доступно для всеобщего обозрения. Тут потрудились множество художников. Намерения были превеликие, опыта же не хватало. Неизвестно откуда вынырнувший художник с диковинной двойной фамилией Баранов-Россинэ попытался принарядить большую Знаменскую площадь¹²⁵. На домах вокруг «Обормота» никчемно повисли какие-то цветные лоскутики. Торжественности не получилось.

По-иному распорядился с Театральной площадью Петров-Водкин. Он был тогда в зените славы и достиг расцвета творческих сил. Монументалист прежде всего, но не декоратор, он ограничился лишь тем, что рядом с Мариинским театром водрузил на хлипких подпорках два больших панно-плаката. На одном — Степан Разин, на другом — что-то, помнится, аллегорическое про Иванушку и Жар-птицу. Написаны панно были спешно, но смотрелись великолепно. Однако петербургский осенний ветер обошелся и со Степаном и с аллегорией немилостиво, изодрал в клочки.

Добужинскому, одному из лучших камерных художников-ретроспективистов из группы «Мир искусства», было поручено Адмиралтейство. Он соблюдал надлежащий пиетет перед великим созданием Адриана Захарова. Ограничился лишь кое-какими живописно-орнаментальными добавками к скульптурному декору здания.

А тут же рядом с Адмиралтейством буруеваемый революционным новаторством Натан Альтман вступил в единоборство с ансамблем Дворцовой площади. Как были «украшены» фасады Растрелли и Росси, в моей памяти не удержалось. Главной сен-

сацией стала конструкция, пытавшаяся сковать колонну Монферрана. Но холста, как мне пришлось услышать от самого Натана Исаевича, пытавшегося полвека спустя оправдаться в своей неудаче, не хватило. Огромные плоскости холста, окрашенные в разные цвета и весьма экспрессивно «сикось-накось» вздымавшиеся, смогли охватить лишь низ Александрийского столпа.

В ненастную ночь после окончания торжеств эта незавершенная тряпичная конструкция являла собой подлинно драматическое зрелище. Дождь и ветер исхлестали натянутые на легкие подрамники куски холста, которые к тому же покрылись потеками непрочной краски. Слинявшие и трепещущие в ночной мгле лохмотья лишь оттеняли неколебимость колонной вертикали, гранитную неискоренимость привычного российского тоталитаризма.

«Есть в России город Луга Петербургского округа...»

В Лугу я поехал почти тотчас же после тосненского эксперимента. Там проводилось совещание по вопросам народного просвещения в уездном масштабе. Поехал не один, а вместе с Софьей Измайловой. Мы должны были представлять Губернский отдел и выступать как докладчики.

Софья Измайловна была дама разговорчивая, приветливая, уверенная в себе и предприимчивая. Несколько по-старомодному «эмансипé», была опытна по части библиотек и даже составила себе некоторое имя в этой области. Но, как все в те годы, отягощенная житейскими заботами. Ее фамилия как будто Рагозина. Но в этом у меня сейчас нет уверенности. С мужем она разошлась, имела сына от кого-то другого. С фамилией могу напутать.

В Луге всем распоряжались Архаров и Сибирцев¹²⁶. Распоряжались дружно. В обоих бурлили молодые силы, разбуженная Революцией потребность что-то создавать, начинать, чем-то распоряжаться. Архаров был главнее. Он был из тех, кто продолжал жить темпами Смольного в дни Октября. Мне казалось, что он — питерский рабочий, присланный в Лугу, где вся промышленность сводилась к одной лишь лесопилке, для укрепления местной партийной организации.

Сибирцев же идеологии предпочитал администрирование. Ведал внешкольным образованием. По призванию был импресарио. Успешно орудовал насчет концертов, театральных спектаклей. Подозреваю, что настоящая его фамилия была другая, не кончавшаяся на «ев», «ов»¹²⁷.

К нам, двум представителям вышестоящего управления, Архаров и Сибирцев отнеслись весьма равнодушно. А мы рассчитывали на кое-какие дополнительные блага по части продоволь-

ствования. Тогдашние петербуржцы, особенно интеллигенты, оставались еще плохо осведомлены о скудости Ингерманланда, Ижорской земли, той болотной топи, из которой вырос их город. Софья Измайловна надеялась даже что-то если не купить, то выменять. Прихватила с собой в Лугу и сынишку, необычайно красивого подростка, тихоненького, воспитанного и неглупого. Мама явно с него снимала пылинки. Оставить дома одного не решилась. И, вероятно, предполагала немножко подпоить его молочком.

Все-таки ей представилась удача. Явственно помню, как мы все трое уныло брели по сумеречной улице, и внезапно Софья Измайловна, словно охотник, подозривший зайца, ринулась куда-то в сторону. Кто-то подал ей знак. Через минуту она вернулась со счастливым лицом и с неказистым, но полным хлебных корок мешочком в руках (купленным у деревенского нищего, старика-побирушки — об этом только в скобках). Оправдывалась, что перемелет кофейной мельницей, прожарит на сковородке и сможет испечь кекс.

Житейские заботы не помешали ей, однако, толково провести инструктаж по работе с книгой. Я же выступал с докладом о своей выставке-передвижке. Демонстрация диапозитивов послужила хорошей приманкой. Меня ждал неожиданный успех. Ко мне подскочил Сибирцев. Он был в совершеннейшем раже. Учужал, что выставка и лекции с проекционным фонарем об искусстве — перспективное, выражаясь языком наших дней, мероприятие по части внешкольного образования. Заявил, что я должен объездить весь подведомственный ему уезд.

Мало того. Он вспомнил наше недовольство местной общественной столовой. На несколько минут исчез, а затем появился с краюхой черного хлеба. Это был аванс мне. Краюху по-братски я поделил с Софьей Измайловной.

И вот я принялась просвещать Лугу и Лужский уезд, пропагандировать достижения русской живописи, учить смотреть картины. Нет, то была не робкая романтика, порожденная Революцией, а сущая фантастика среди голодной неразберихи надвинувшейся гражданской войны.

В следующий мой приезд в Лугу Сибирцев легкомысленно направил меня ночевать в только что открывшуюся гостиницу. В доме, неплохо обжитом каким-нибудь местным, ныне сбежавшим буржуем, ярко горел электрический свет, было просторно и опрятно, было постельное белье и солдатские одеяла. Но ни одного постояльца и ни одного полена для топки. Я впервые познал, что такое ночь в нетопленном помещении. То ли гостиница пустовала из-за отсутствия дров, то ли дров не подвезли из-за

безлюдия в ней. Размышления на эту тему не прибавили мне тепла.

Едва только рассвело, я побежал разыскивать Сибирцева. Он было нахмурился, но быстро сообразил, что дело плохо, куда-то исчез, пропадал долго, наконец явился. И повел меня в рай. В настоящий рай, буржуазный, еврейский. Если на тебе фуфайка или свитер, то там пальто придется снять. В просторной гостиной с мягкой мебелью уцелели пальмы. Однако в полутемной столовой тесновато из-за огромности обеденного стола и множества стульев.

Хозяйка этого рая источала благодушие пожилой еврейки. Стряпать было ее призванием. Все силы она жертвенно отдавала кухне, какими-то особыми путями, вероятно, не без содействия Сибирцева, добывшего мне краюху хлеба, она получала кое-какие продукты. Даже жиры у нее были в запасе. Не было картошки, но был мешок турнепса, из которого она готовила такой гарнир, что пальчики оближешь.

Ее столовая была не только комнатой для трапез, но и неким учреждением, которое, соединяя термины разных эпох, можно назвать «домашние обеды для элиты». Сибирцев был постоянным посетителем, то и дело приводил с собой еще кого-нибудь. Ураганом, всегда второпях, налетал Архаров. Мелькали какие-то фигуры поскромнее. А по вечерам после концерта здесь ужинали в ожидании петербургского поезда приезжие гастролеры, балерины из «Мариинки», эстрадник-имитатор Мильтон и еще всякие знаменитости.

В раю мне отвели для ночлега диванчик из гостинного гарнитура. И вот я на все последующие мои наезды в Лугу обрел, подобно крыловской стрекозе, «и стол и дом». В гостиной, ставшей моим пристанищем, за ширмочкой был уголок Мальчикова. Эта столь легко запоминающаяся и издевательски звучащая фамилия так же обличает «тайну рождения» ее владельца, как и фамилия Нежданова из тургеневской «Нови». Хозяйке ни к чему было почтительно вполголоса мне разъяснить, что ее постоялец — внебрачный сын какого-то очень важного царского вельможи. Юноша Мальчиков мог бы позировать Гейнсборо¹²⁸: почти патологическая утонченность аристократических черт и редкостная воспитанность, умение сохранять достоинство. Он был музыкально одарен, отсиживался в Луге под эгидой Сибирцева в качестве руководителя музыкального кружка, аккомпаниатора, тапера. У меня с ним установились дружеские отношения.

Как-то раз Мальчиков повел меня в клуб посмотреть на танцульку. Молодежь там так разбушевалась, что это угрожало воз-

вышавшемуся на эстраде бюсту Карла Маркса. Почему-то особо в памяти запечатлелось благородное негодование на лице внезапно появившегося Архарова. Он самоотверженно подхватил гипсового Маркса в объятия и благоговейно отнес в безопасное место. И еще по контрасту вспоминается, как в другой вечер в тишине и полумраке нашего райского обиталища Мальчиков, играя на рояле что-то из «Царя Салтана», тщето пытался разъяснить мне прелесть мелодий Римского-Корсакова.

Этот композитор, которого я невзлюбил за колокольный звон, пушечную пальбу и шмелиное жужжание в его музыке, для меня ассоциируется с представлениями о Луге. Там неподалеку было его имение, где о ту пору, видимо, отсиживались его наследники. А Сибирцеву почему-то понадобилось направить ко мне младшего сына Римского-Корсакова¹²⁹, числившегося инструктором-пропагандистом музыки, для консультации со мной, «специалистом» по внешкольному образованию. Я тупо смотрел на ладные бурки усадебного обывателя, завидовал ему, еще не зная, что валенки теплее этой роскошной обуви, и ничем не смог ему помочь.

Архаров, Сибирцев, хозяйка райского приюта, Мальчиков, «инструктор» Римский-Корсаков и еще какая-то надоедливая энтузиастка-библиотекарша, совершенно отошала от преданности Советской власти и партии! Они решительно теснят сейчас во мне всего лишь смутные представления о том, что должно было бы быть главным, о моем лужском внешкольном просветительстве, о выставке, о лекциях. То, что я делал там, безнадежно неразличимо сливается со сходной моей работой в другое время и в других местах. Я даже начинаю сомневаться, развернул ли я свою передвижку в самой Луге, читал ли я там лекцию?

Нет, нет выставка в Луге была, была и лекция, быть может, даже две! Под выставку мне предоставили большое помещение, несколько просторных комнат. Да, да, именно там я смог полностью показать весь имеющийся у меня материал. В развеске придерживался с совершенно неуместным педантизмом строго исторической последовательности. Старательно выделял основные направления, основных художников. Нашлось даже место для больших репродукций с памятников русской архитектуры. Я чувствовал себя едва ли не директором Русского музея или Третьяковской галереи.

И все же все — как в тумане. Ничего толком, уверенно рассказать не могу. У меня был помощник, бездомный сметливый подросток. Кажется, на выставке какая-то женщина дежурила. Стало быть, появлялись посетители, и, надо думать, некоторое

время выставка просуществовала. Предполагаю, что лекция (или лекции) смогли привлечь к ней внимание.

Несколько явственнее представляется, что были даже кое-какие завсегдатаи. Походило на клуб любителей искусства, велись разговоры о картинах. Так что могу немножко утешиться, что все-таки моя тогдашняя тупо фанатическая, безоглядная увлеченность выставкой-передвижкой была не только самоублажением. И не совсем походила на безнадежное писательство нынешних дней, писательство не для печати и даже не для «самиздата», а только «себе в стол».

Из лужских выставочных завсегдатаев особенно активен был какой-то молодчик, военный в невероятно широких галифе. Но отнюдь не кавалерист, а из автомобильной части. Он досаждал мне восторгами перед библейскими эскизами Александра Иванова. Рекомендовался знающим теософские учения и особо заинтересовался сиянием, исходящим из чрева Девы Марии.

Его суматошливая общительность переходила в втирушество. Ему хотелось, уж не знаю с какой целью, придать «клубу» побольше сплоченности. Как-то раз прибежал на выставку с видом удачливого добытчика и, демонстративно оглянувшись по сторонам, нет ли посторонних, вытаскил из своих галифе фляжку и чарочку. Крепкое спиртное было под запретом, он угощал чем-то самодельным. Мне пришлось тоже сделать глотка два, после чего я некоторое время ходил, опасаясь, что от меня пахнет, как от автомобиля.

При входе каждому вручался квиток. В полночь после боя часов и торжественного поздравления с Новым годом все встали в очередь за получением рюмочки вина по квитку. Вино было превосходное, рюмочка крохотная. Мы с Асей чокнулись друг с другом. Вообще же встреча Нового года была приятная. Все принарядились, исправно горело электричество, от множества собравшихся прибавилось тепла, была концертная часть, было кое-какое угощение и при том без квитков, затем немножко потанцевали. Все своя компания, сослуживцы и их близкие, преимущественно — молодежь.

В Петербурге—Петрограде зима, казалось, все сковала — «в грозных айсбергах Марсово поле»¹³⁰. Это, однако, не мешало неумной богемной интеллигенции добираться до «Привала комедиантов» в доме Адамини. В Царском—Детском Селе же, где мы встречали Новый 1919-й год, улицы утопали в снежных сугробах. Все же около тех домов, где были размещены дети питерских рабочих, снег немножко разгребали. Эти дома удавалось сносно

протапливать, к тому же позаботились, чтобы дети были, хоть и не очень казисто, несколько «по-приютски» однообразно, но все же тепло одеты. Особенно же старались, елико возможно, досья их накормить.

В каждом таком доме (обычно это был покинутый владельцами барский особняк) кроме служащих «нянюшек» жили две воспитательницы. Им приходилось иметь дело преимущественно с малышами дошкольного возраста. Методика воспитательной работы в «детских садах» в России была еще в зачаточном состоянии, но тем увлекательнее представлялась такая работа.

Конечно, в новоокрещенном Детском Селе удалось устроить лишь малую часть столичной пролетарской детворы. Но тем более начатому делу сразу надлежало стать образцово-показательным. Забота о детях трудящихся имела особо важное политико-пропагандистское значение. Руководство было поручено Анне Александровне Луначарской, жене наркома просвещения¹³¹. Она сумела создать нужный педагогический коллектив. Будучи сама женщиной не только обходительно-распорядительной, но и миловидной, располагающей к себе, она при подборе воспитательниц придавала значение, помимо всяких других качеств, также и привлекательной наружности.

Работали дружно и старательно-любовно, учились у более опытных педагогов-методистов. Уместно ли это или нет, а хочется назвать имена тех трех ревнительниц дошкольного воспитания, с которыми Асю связала и личная приязнь. Самая старшая и особо уважаемая — Александра Михайловна Калмыкова¹³². Ей в заслугу ставят давнее знакомство с Лениным. Я же смог оценить лишь составленную ею (совместно с Капицей) чудесную хрестоматию для рассказывания детям. Там в числе прочего — умные пересказы библейских легенд. Непосредственное же и очень деятельное участие в детсадовской работе принимали опытейшая Елизавета Ивановна Тихеева и Евгения Егоровна Соловьева¹³³, ставшая в кругу Луначарских как бы «придворной фрейлиной».

Особая забота о детях, поселенных в бывшем Царском Селе, самой здоровой местности в окрестностях столицы, проявлялась не только в снабжении продовольствием, дровами, одеждой, но и в разносторонности воспитательной работы. Асе посчастливилось присутствовать на, можно сказать, историческом выездном спектакле Мариинского балета в казавшемся недоступным для простых смертных Китайском театре. Подумать только — близости от Александровского дворца, где года полтора тому назад жила царская семья, дети рабочих, наполнив придворный летний театр, увидели на сцене то ли «Фею кукол» в декорациях и

с костюмами Бакста, то ли «Щелкунчика» в постановке великого Петипа (вероятнее — «Фею»). Возможно, то был последний спектакль в этом помещении. Причуда Екатерины, деревянная постройка, «шинуазри» классициста Камерона, простоявшая полтора года лет, вскоре после этого сгорела.

Если я приезжал в отпускной для Асиной напарницы Любови Ивановны вечер, то оставался ночевать. Ася подкармливала меня остатками от ужина детей. В просторном особняке было тихо и по-своему уютно. Зябко становилось лишь к утру. Как-то раз в предвечерних сумерках отвлеченная какими-то особыми делами Ася оставила на мое попечение небольшую стайку своих питомцев. У детей, оторванных от семей, был все-таки сиротский вид. С любопытством глазели на чужого дядю. Но не чинились. Я прочел им одну из чудесных «Английских сказок» Джекобса¹³⁴. Прочел еще и вторую. Решил, что хватит. Показал картинку на последней странице: сердитый толстяк в парадной ливрее трезвонил огромным колокольчиком, а внизу была надпись: «Слушайте, слушайте, слушайте! Английским сказкам конец. Маленьким детям пора спать». Малыши, сидевшие поближе ко мне, принялись ладошками бить по толстяку. Но я все же чтения больше не продолжал.

На этом кончился мой экскурс в сферу дошкольного воспитания. У меня было свое дело — внешкольное образование.

В Лужском уезде были леса, болота, озера, среди которых затерялся Череменецкий монастырь, показавшийся мне когда-то похожим на сказку. Сибирцев в пору увлечения утверждал, что в уезде есть десятка два пунктов, нуждающихся в моей передвижке. Но я побывал лишь в нескольких из них. Решительно отказываюсь вспомнить, в скольких. В четырех, в пяти? Все слилось воедино.

Отчетливее восстают образы того, как я возвращался оттуда. Единственный раз мне посчастливилось вывезти что-то из продовольствия: два огромных белоснежных кочана капусты. Кочаны я вез в рюкзаке. Что с ними делать, не знал. Отнес к родным, к своей тетке. В ту зиму я у нее почти не бывал. Но она жила поблизости, на углу улицы Жуковского и Греческого проспекта, в первом этаже. Тетя особого удовольствия не выразила. Лучше было бы что-нибудь из молочных продуктов. Но кочаны все-таки приняла.

Другой раз на пути к станции Варшавской дороги мне пришлось проезжать через диковинный сосновый лес. Все как положено: безмолвие поздней ночи, скрип деревянных полозьев и восторженное восклицание возницы, сравнившего стройно растущие

деревья с иголками. Нет, не просто могучая «корабельная роща» Шишкина, а мачтовый лес! Ведь не так далеко отсюда до Балтики, Финского залива, парусных судов.

Было также, что однажды, возвратившись на рассвете на Варшавский вокзал и одурев от сонной усталости, я решил перейти забитые поездными составами пути напрямик, подлезая под вагоны. Бог меня спас, составы стояли недвижимо.

Ездил я со своей передвижкой не один, а вместе с тем славным понятливым пареньком, что помогал мне на выставке в Луге. Одиноким, скрытным, ничего о себе не рассказавшим, он быстро ориентировался при развеске картин, хотя ими несколько не заинтересовался. На него можно было положиться. И к тому же он как будто ко мне почуствовал привязанность. А вот моя память-долготельница не сберегла его имени!

Почему-то в ней, однако, уцелел начальный момент нашего первого выезда. За нами прислали дровни. У меня не было зимней шапки. На голове старая студенческая фуражка. Чтобы сберечь уши от мороза, я возможно выше поднял воротник пальто, а мой спутник со смешком, но заботливо повязал мне мое кашне поверх воротника. И помог получше укутать ноги, защищенные лишь шерстяными носками, в жалких кожаных башмаках, сеном. Ехать пришлось верст тридцать. Ничего, доехали! А в селе, которому почему-то понадобилось в ту беспокойную голодную зиму устроить «выставку репродукций с картин русских художников», нас приняли приветливо.

Цепляясь за злосчастную фуражку, за кашне, повязанное поверх воротника, в моем сознании воскресают еще кой-какие образы первого лужского выезда в уезд. Заведующий сельской школой забрал меня к себе на постой. В моем помощнике опознал мальчишку-газетчика, торговавшего в Луге год назад на вокзале (единственная деталь из его таинственной биографии, ставшая мне известной!). Увел его куда-то, заверив меня, что он будет хорошо устроен на ночлег и как-то накормлен. Учителю не терпелось остаться со мной наедине. Он изголодался по людям, от которых мог бы узнать что-то новое.

Он жил один с матерью-старухой. Сельсовет на мой прокорм отпустил овсяной муки. У старухи нашлось подсолнечное масло, она напекла блинов вволю. Была возможность купить молока. Я ел весь день с перерывами. И все не мог наесться. Стал опасаться за чрезмерную тяжесть в животе. Освободиться от нее было нелегко. Но когда освободился, испытал дополнительное к удовольствию от сытости удовлетворение.

С хозяином велись обстоятельные разговоры обо всем переживаемом. Общей направленности или, как теперешним канцелярским языком говорится, «основной установки» не было. Мой собеседник в Библии, в Книге Даниила, выискивал какие-то намеки на нашу современность, на двух цариц, мать и жену, на Распутина, на 1917 год, но в этом видел не прорицания, а необъяснимое совпадение. Умолил меня оставить ему «В огне» Анри Барбюса, книжную новинку¹³⁵, которую я взял в дорогу, и тем самым избавил меня от необходимости дочитывать ее.

Когда я как-то задремал после очередного блинопожирания, к хозяину зашел местный интеллигент. Сквозь сон я понял, что он пребывал в превеликом смущении. Ему предлагали по дешевке купить маслобойку, но без сепаратора. До сих пор у меня в ушах звенит его неустанно повторяемое мучительное: «Маслобойка без сепаратора — пустой звук».

Что же касается выставки в этом селе, то она, развернутая в небольшом помещении, где не было искусственного освещения, и открытая для посещения лишь в течение короткого зимнего дня, была, думается, «пустым звуком».

Другой мой выезд в какой-то особенно барственный усадебный дом, в котором разместился эвакуированный откуда-то школьный интернат, представляется мне уже в совершеннейшем тумане. Ночью я проснулся от доносившихся из соседней комнаты причитаний нервической интеллигентной дамы, заявлявшей, что больше жить здесь она не в силах. Робкий мужской голос тщетно пытался ей что-то обещать, как-то успокоить. А днем так же неминуемо орали галки в верхушках вековых деревьев огромного парка.

Один из учителей, владевший ключами от усадебной библиотеки, показал мне ее. Первый же, наугад выдернутый из шкапа томик оказался библиографической редкостью: русская книжка о Гаспаре Дебюро¹³⁶. Я мог бы ее выпросить себе, но не решился. Ночная истерика, галки, издание тридцатых годов XIX века — я впервые поверил и реальность «усадебных рассказов» Бунина и Алексея Н. Толстого! И лишь где-то позади этой реальности мне мерещится лекция о русских художниках.

А в последний раз я выезжал на небольшую железнодорожную станцию Струги Белые (ныне — Струги Красные). Выставку там удалось устроить пообширнее. Мой парнишка был, однако, недоволен. Кормежка чересчур уж была скудная. Ему частенько приходилось оставаться на выставке одному. Редко кто туда заглядывал. Ему было скучно. Я же предпочитал общество Карбовского, то и дело забегал к нему на дом, просиживал там часами.

Карбовский был фармацевт, интеллигент, заметно старше меня. До войны владел местной аптекой. Аптеку национализировали, он остался на должности заведующего ею, вступил в партию, стал ведать также делами просвещения. Брюзжал на непорядки, особенно был недоволен командованием Сибирцева. Его жена, молодая привлекательная женщина, в меру возможностей того тугого времени радушная хозяйка, была много бойчее. Мы подолгу беседовали о разных разностях, о том, что еще нас ждет в будущем.

К нам присоединялся еще один еврей, совсем желторотый юноша, вечно торчавший у Карбовских. Над его неиссякаемой увлеченностью всяческой революционной новизной слегка мы подтрунивали. До революции, еще мальчиком, он был весь во власти сионистских чаяний. Затем уверовал в «пролетариев Сиона» — «Поалей Цион», ухитрившись сочетать идеи сионизма с марксизмом, отнюдь не умеренным, не по Плеханову, а по Ленину. После этого уже без особого труда обратился в пламенного большевика. Его безотчетная убежденность не могла не вызывать симпатию. К охваченности пафосом социальной революции присоединялась одержимость стихами Маяковского. Он не то что бы неустанно их цитировал, он ими проповедовал.

После Стругов Белых Варшавская железная дорога убегала на Псковщину. Но поезда туда не ходили. Там все явственнее зашевелились интервенты и белогвардейцы. Сибирцев согласился со мной, что пока что Лужский уезд может обойтись без передвижки. Я увез ее в Петербург. Перед отъездом получил причитающийся мне сверх зарплаты гонорар за лекции. Сибирцев по своему разумению определил его размер применительно к вознаграждению за концертные выступления. Получилась внушительная сумма.

Когда я зашел к Архарову подписать счет, он с героической поспешностью выгребал из ящика письменного стола кобуру с маузером и широкий кожаный пояс. Он уезжал на фронт. Счет тотчас же подмахнул, попрощался доброжелательно.

Надо было распорядиться полученными деньгами. На мелочи растратить не хотелось. Купил часики для Аси. Они оказались ей кстати.

Всю зиму я прожил в покинутой, оставленной на попечение старшего дворника родительской квартире на Надеждинской (некогда — Шестилавочная, ныне — Маяковского), номер четыре, третий дом от Невского. В квартире осталась вся обстановка. Ею пользовались временно вселявшиеся туда случайные знакомые.

В начале зимы вместе со мною жили Семковские: муж, жена, крохотный ребенок, сестра жены. Летом 1917 года они приехали из Швейцарии, по примеру Ленина, через Германию во втором «пломбированном» вагоне вместе с Мартовым. Семковский был меньшевик-интернационалист, но, судя по всему, все более сближавшийся с большевиками¹³⁷. Человек быстрый, решительный, много знающий, особенно по части марксистской теории, всецело отдавшийся общественно-политической деятельности, по уши увязший в ней. Его жена заключила договор с издательством «Всемирная литература» на перевод толстеннейшего романа Готфрида Келлера «Зеленый Генрих». Пестовать малыша ей пособляла сестра, бесцветная отощавшая девушка. Встречаясь со мной на кухне, она со странной откровенностью жаловалась на свое зависимое, унижительное положение какой-то прислуги, а не родственницы. Пыталась показать, как надо чистить селедку. Но безуспешно.

По моему совету Семковские расположились в сердцевине квартиры, в самых теплых комнатах. Забот о ребенке у них было выше головы. В моем Губернском отделе, где вообще-то «выдача» не было, как-то раз все же «распределили» между сотрудниками какие-то флаконы с питательным драже, предназначенным для грудных детей. Мне драже было ни к чему. Мой флакон был принят Семковскими с благодарностью.

Сам я легкомысленно расположился в просторной комнате рядом с передней. Зимы по-настоящему еще не было, когда ко мне забрел зачем-то Сулягин. Своей шинели не снял, но все же он, такой закаленный человек, удивился, как я мог жить в этакое холодище.

В середине зимы Семковские внезапно уехали на Украину. Семковский, видимо, там понадобился. Возможно, надеялся, что и для ребенка будет лучше. Впоследствии он стал действительным членом новообразованной Украинской Академии наук. А что дальше с ним стало, не знаю.

После их отъезда я переселился в самую крохотную и самую теплую комнатенку с окном во двор. Все мое отрочество и моя юность прошли в ней за столом у окна с видом на глухую стену соседнего дома, замыкавшую колодец нашего двора. В комнатенке была круглая печь, обитая листовым железом и выложенная внутри кирпичами. Еще оставались кое-какие дровишки, сложенные в передней. Моя печь держала тепло лучше еще не изобретенных тогда и столь прославившихся «буржук». Но все же к утру безбожно остывала. Я исправно топил ее всякий раз, когда из Детского Села приезжала Ася.

Подобных мне невольных отшельников, ютившихся в больших промерзших квартирах бывшей столицы, становилось все больше. Город, потерявший главенство, заметно опустел. «...Петрополь — город твой, твой брат, Петрополь, умирает»¹³⁸. Зима тянулась долго. Казалось, ей не будет конца.

Анну Яковлевну сняли с руководства Губернским отделом. Сняли внезапно. Это было не только несправедливо. Она чувствовала себя не просто обиженной, а оскорбленной. Наиболее преданные ей сотрудники (в их числе оказался и я) собрались вместе с ней для совещания на частной квартире. Наиболее горячие головы по старой интеллигентской привычке предложили всем вместе демонстративно уйти с работы. Но Анна Яковлевна запротестовала. Можно было заранее предсказать, что многие и без того, предвидя общий развал и всякие новшества, сами уволятся. Поэтому пока что решили на прощание сняться единой группой в фотографии на углу Литейного и Невского, напротив ресторана Палкина¹³⁹.

Вслед за сменой руководства последовало переселение Губернского отдела в новое, менее просторное, но зато, возможно, более теплое помещение на Литейном, между Симеоновской и Пантелеймоновской. Анна Яковлевна навсегда исчезла из моей жизни. (Лишь недавно из примечания, набранного петитом, к одной из публикаций материала о Блоке я узнал, что А.Я.Гуревич прожила долгую жизнь, постоянно пребывая в партии, и почиталась старой большевичкой.) Вместо нее на посту заведующего отделом появилась весьма юная партийка, по всему своему обличку принадлежащая к новой пролетарской интеллигенции. Равнодушно приветливая, бездумно решительная, вооруженная не столько интересом к делу, сколько обещанием, что партия всегда ее поддержит в трудную минуту, она вызывала некоторую симпатию, но никак не уважение¹⁴⁰.

В новом помещении и при новом начальстве все невольно слонялись без дела. К организации новых выездов с передвижкой меня не влекло. Да и никто этим не интересовался. Я выполнял кое-какие мелкие задания как эксперт по части внешкольно-образовательной пропаганды искусства. Столько любви и труда потратил на подбор репродукций для выставки и диапозитивов для лекций, а теперь мне стало безразлично, что будет со всем этим добром, когда брошу работу в Губернском отделе! И впоследствии я и не пытался узнать об этом. Как говорится: с глаз долой, из сердца вон. Новое начальство удовлетворило мою просьбу об увольнении в связи с переходом на другую работу мол-

ниеносно. Даже не потребовало составления акта о сдаче находящегося на моем попечении государственного имущества.

Мое прощальное воспоминание о Губернском отделе — Мария Федоровна. Возможно, это было, когда я уже после своего увольнения для чего-то заглянул в помещение на Литейном. И тут как раз еще кто-то забежал сообщить на ходу, что ее муж заболел сыпным тифом, его уже свезли в больницу, надо спешно ехать к нему. Я впервые в жизни видел такую безмерность беды. Подружки пытались утешить, чем-то помочь, но у всех хватало своих самых неотложных дел. Мне поручили хоть немножко проводить Марию Федоровну.

На улице она несколько оправилась. Заговорила о том, о чем говорят все, попав в трясину неизбывного горя. Худшее ей казалось уже свершившимся. Это было банально. Но всякая банальность тут смывалась беспредельностью отчаяния. Мы дошли до Невского. Мария Федоровна заявила, что в провожатом больше не нуждается. Я помог ей сесть в трамвай.

Если идти по солнечной стороне Невского к Николаевскому вокзалу, то уже с высоты Аничкова моста можно было вдали различить над головами прохожих «часы Винтера». Они висели воперек тротуара и принадлежали часовому магазину в угловом доме по ту сторону Литейного проспекта. Весьма вероятно, что их уже больше не заводили, но все равно «под часами Винтера» осталось излюбленным местом петербуржцев для назначения встреч.

Наискось от этих часов, в доме на углу Владимирской улицы, служившей продолжением Литейного, находилась другая достопримечательность этого особенно оживленного перекрестка — ресторан Палкина. Он вошел в историю русской литературы. Но тогда был низведен на положение общественной столовой. Оловянные ложки, соответствовавшие той бурде, которую приходилось ими хлебать, выдавались у входа под денежный залог. Как-то раз в столовой я встретился со школьным товарищем, мы так заговорились, что оставили ложки на столе и не выручили своего залога.

Забывчивость стала знаменем времени. Свидетельством об этом для меня почему-то стал еще один дом на том же перекрестке. Тот, что с угла Литейного глядел прямоком через Невский на бывший ресторан Палкина. Там на верхотуре помещалось фотоателье, в котором мы вскладчину группой снимались вместе с Анной Яковлевной. Деньги были внесены вперед. А за готовым фотоснимком я не удосужился зайти. И вот до сих пор держу в памяти, как я забыл про ложку и про фотографию.

Однако про «часы Винтера», шли они или остановились, ничего утверждать не могу. Очень бы хотелось сказать, что они стояли. Но это было бы выдумкой. А выдумывать не умею, получается неубедительно. Для меня лучше ограничиться лишь тем, что, хоть и мало примечательно, но зато достоверно. Достоверностью было то, что Невский вообще тогда обветшал. Да и весь город также.

«Наряжены мы вместе город ведать...»¹⁴¹

Так могли бы сказать Зиновьев и Луначарский после переезда правительства в Москву. Оба они остались в Петербурге—Петрограде для подкрепления местного руководства. Луначарский возглавлял Наркомат просвещения, но в Москве у него был заместитель — историк М.Н.Покровский¹⁴². Непосредственно же ему пришлось ведать делами Севпроса.

Севпрос вопреки своему названию был занят просвещением не только всего севера Советской России, сколько одного лишь Петрограда. В недавней столице осталось великое множество всяческих просветительных учреждений. Севпрос расположился в помещении бывшего Министерства народного просвещения. Но даже в большом здании, возведенном на Чернышевской площади как часть грандиозного архитектурного ансамбля, он не смог вместить всех своих отделов. ТЕО (Театральный отдел) предпочел обособиться в бывшем дворце великого князя Владимира Михайловича на набережной Невы¹⁴³.

Для заметной части петербургской, так сказать, «коллорационистской» интеллигенции Севпрос стал пристанищем. Большой зал перед приемной наркома гудел, как улей. Кого только нельзя было тут встретить! Здесь искали защиты, покровительства, содействия, работы. Царское Министерство народного просвещения нам представляется озабоченным преимущественно школьным образованием. Но деятельность Наркомпроса, а следовательно и Севпроса, стала неизмеримо многообразнее. Появилось множество новых отделов. Рядом со школьным росли отдел внешкольного образования и отдел дошкольного воспитания.

Во главе этих двух новых отделов стали сестры чекиста Менжинского. Людмила Рудольфовна — внешкольного, Вера Рудольфовна — дошкольного¹⁴⁴. Обе — типичные польские аристократки-интеллигентки. Это сказывалось и во внешнем облике, и в манере держаться. Вера Рудольфовна была доступнее, сдержанна, спокойна, внимательна и деликатно осторожна. (Я встречался с ней позже, когда она казалась мне представительницей окружав-

шей Крупскую старой большевистской гвардии.) Людмила Рудольфовна же была суровее, властнее, шляхетски надменна.

Каким-то ветром, а каким именно, и сообразить сейчас не могу, меня понесло во внешкольный отдел Севпроса. Там за меня ухватился заведующий одним из секторов (или подотделов?), название которого также не удержалось у меня в голове. Заведующий был младшим братом видного старого большевика Шиперовича и его сестры, также весьма преданного члена партии. Шиперович-младший во внешкольном деле был совершеннейший неофит¹⁴⁵. Он лишь администрировал, пытался что-то наладить, организовать. Я козырнул своим опытом по части передвижек, лекций, экскурсий. В Севпросе же в большинстве сидели люди, для которых служба в государственном учреждении была предпочтительнее других видов обязательной для всех трудовой деятельности. Ну как тут можно не принять меня, «бывалого» внешкольного просветителя, на какую-нибудь организаторскую должность? Точно не скажу на какую. Возможно — инструктора.

В Севпросе было шумно, многолюдно, весело. Бывали изредка «выдачи» продуктов. Не совсем привычных, но разнообразных, вплоть до какого-то «искусственного меда» и конины. А что касается работы, то тут уж без гоголевской «совершеннейшей чепухи» и всякого «прожектерства» обойтись было трудно. Однако Севпрос, хоть и помещался в здании, построенном при жизни Гоголя, на департамент тех времен все же не походил. Не та была дисциплина! Некоторое сходство можно заподозрить с диккенсовским «Министерством волокиты», если руководствоваться названием последнего. Но в Севпросе был всяческий народ, то зачислялся, то увольнялся, а в «Министерстве» служили лишь Полипы, и уж навечно, до смерти.

На свою память-долгожительницу я не сетую. А все же досадно, что никак не соображу, в каком это подотделе внешкольного отдела Севпроса я тогда начал работать. Ведь были же там еще сотрудники! Но они чем ведали, чем занимались? Нет, не знаю!

Представляю себе сейчас лишь двоих из них: Бомаш и Сидоров. Бомаш — мой ровесник, такой же, как будто, не вполне доучившийся студент, но практический ум, на лице — ироническая ухмылка. Меня наставлял, что теперь уж не идейные люди в фаворе, а лишь карьеристы или дураки. Наш Шиперович из первой категории, но не чужд и второй.

Сидоров же был еще совсем юнец, привлекающий к себе какой-то сплошной своей белокуростью и незащищенностью. На него на общем собрании внешкольного отдела обрушилось несчастье. Только что освободили Дон от белогвардейцев, надо бы-

ло туда на помощь для организации просветработы послать нескольких добровольцев, но таковых на собрании не объявилось. Тогда Людмила Рудольфовна сама назначила в порядке мобилизации «донцев». В их число попал Сидоров. Два дня он ходил сам не свой. Оказалось — зря! На Дону нужны были не «мобилизованные» из Севпроса, а передовые представители питерского пролетариата.

Бомаша и Сидорова вижу как бы воочию. Но только не за работой. Сам же я как будто пытался что-то делать. Шиперович-младший требовал больших масштабов. Хотел сразу подготовить несколько выставок-передвижек. Я начал было закупку репродукций и альбомов, но национализированные букинистические и эстампные магазины оказались опустошены. И не знал, можно ли теперь собрать нужный материал.

Молва о начатых мною закупках распространилась по Севпросу. Ко мне внезапно ворвался Столпянский¹⁴⁶. Это был чудак-энтузиаст из рассказов Гофмана. Он был таким знатоком Старого Петербурга, что казался прожившим в этом городе вот уже более двухсот лет с самого его основания. Он принес какой-то старинный план города и настаивал, чтобы я немедленно купил его для устраиваемой мною выставки. Ему решительно не было никакого дела до того, что это за выставка и что мне нужно. Ему не терпелось продать свой план тотчас же любому, у кого есть хоть малая толика денег. Его следовало бы прежде всего накормить, но это не было в моих возможностях.

С выставками можно было не торопиться, а Шиперович возложил на меня также обязанности инспектора по части экскурсий в художественных музеях. Инспектировать — это было не по мне, но я поехал вместе со школьной группой в царскосельский Екатерининский дворец. День выдался по-петербургски предвесенне-промоглый, во дворце ребята зябли, но слушали с разинутыми ртами. Царский дворец, ведь это такая диковинка! А экскурсии в то время, хоть и без всякой «методики», проявляли старательность. Было трудно, а все-таки увлекались. Мне возражать было нечего.

Одна из преподавательниц, сопровождавших экскурсию, весьма беспокоилась о талонах в столовую во дворце. Поездка за город, как же тут без кормежки! Талоны добыла. Один из них пришелся и на мою долю. На второе подали какое-то варево из мясных отходов неизвестного происхождения. На тарелках после нашей еды остались лишь обсосанные кости и сухожилия среди следов подливки. Девочка-подросток в каком-то невозможном вретисе, не совсем, однако, утратившем былые претензии на наряд-

ность, и с голодной искоркой в идиотически помутнелом взоре нерешительно подошла к столу. А затем с внезапной проворностью опытной побирušки подхватила косточку покрупнее, сунула в рот и стала старательно досасывать. Кто-то не то в негодовании, не то с отвращением отогнал ее. Она отошла в сторонку, где виднелось еще несколько таких же жалких существ, изготовившихся к ловитве. Такое видишь сквозь более чем полустолетнюю отдаленность так, как будто это было вчера. Вот и я вижу во всех подробностях.

Инспектирование было нужным делом. Музейные экскурсии проводились кустарно, самочинно, так же, как и многое по части внешкольного образования. До поглощения внешкольного образования политпросветом (политическим просвещением) было еще далеко. Но новосоздаваемая государственная машина, требовавшаяся тотчас же взамен старой («сломанной»), уже утверждала свой контроль над всеми формами идеологического воздействия. Я привык к земскому либерализму в Губернском отделе, и поэтому мне было невдомек, что в Севпросе я стал как бы «государственным чиновником». И тянулся никак не к инспекционной деятельности, а к экспертизе и консультированию.

Кто-то направил ко мне бойкую молодую, весьма с виду интеллигентную женщину. Она занималась историей искусств. Хотела стать экскурсоводкой. При мне на пробу провела экскурсию по Русскому музею. Я одобрил. Претендентке на просветрабату выдали справку, что она годится в экскурсоводы. Я неожиданно оказался благодетелем. Не только для нее, но для целой семьи: муж, родители мужа. Все они числились как бывшие буржуи «нетрудовым элементом», а теперь в семье появился «трудоющийся», и все прочие стали иждивенцами. (Впоследствии я случайно узнал, что семья эта благополучно перебралась через финскую границу туда, где иметь продовольственные карточки необязательно.)

Обратилась ко мне и целая группа студентов Института истории искусств, учрежденного графом Зубовым. Под руководством эрудитнейшего искусствоведа Голованя¹⁴⁷ они изучали теоретические работы Гильдебранта и Конрада Фидлера¹⁴⁸. Но, кроме учебы, нужен был и заработок. Хотели стать экскурсоводами.

Я взялся поделиться с ними своим опытом. Занятия вел в Русском музее. Сколько именно? В таких случаях обыкновенно говорят «несколько» или «целый ряд». Но я буду точнее: два-три.

Мои наставления были категоричны. Для более широкой аудитории нужнее знаний по истории искусств разъяснение основной сущности искусства. В лекции с проекционным фонарем, а тем

более на музейной экскурсии, нужно особое внимание уделять отдельным произведениям искусства. Надлежит говорить не по поводу рассматриваемого произведения искусства, а о нем самом. Главная задача — научить смотреть художественные произведения.

Начинать приходится с «содержания», с сюжета, с того, что изображено, но затем обязательно надо переходить к тому, как это изображено, как выражено. Экскурсоводу не следует превращаться в лектора, он должен вести беседу со своими слушателями, помня, что они прежде всего зрители.

Я чувствовал себя ментором. Это вдохновляло. Перед картинами Русского музея велись не лекции, а беседы. Мои слушатели были как будто довольны. Они надеялись и сами вести экскурсии. Нужда в экскурсоводах с наступлением теплого времени должна была возрасти.

Весна медлила, но все же наступила. Подобным мне анахоретам, одиноким обитателям больших квартир, жить стало легче. Солнце начинало греть. Ася могла чаще приезжать ко мне. Она съездила на дошкольный съезд в Москву¹⁴⁹, детскосельская работа ее наполняла. Пожалуй, больше, чем меня моя севпросовская. Но и я был как будто доволен.

Нет, это было не от одного лишь сознания своих молодых сил, но и от того, что было незримо разлито вокруг, — от «эпохи». Нам пришлось трудно, мы не знали, что ближайшие годы будут еще труднее и что весь двадцатый век ознаменуется еще всяческими (ох, какими!) событиями. Мы полагали, что главное, решающее уже свершилось — 1917 год. Его именовали по-разному. (Одни — Свержение самодержавия и Великая Октябрьская, другие — Февральская революция и Октябрьский переворот, а много позже появилось название, пожалуй, поточнее — Октябрьская революция, начавшаяся уже в феврале.) Но полагали, что вскорости так или иначе «все образуется». И, конечно, никому не хотелось думать о том, что в начале предпоследнего десятилетия века могут реальностью стать самые что ни на есть апокалиптические опасения. Именно опасения, а не предвидения. И что всерьез, а не ради красного словца, будут утешаться надеждой на инстинкт самосохранения человечества, который все-таки, вопреки людской самонадеянной тупости, в нужный момент сработает, и Третьей мировой не будет.

Город оживал. И услаждался процветанием свободных художеств. Многообразие, государственное поощрение, революционное новаторство и почитание классики! В бесчисленных залах

Зимнего дворца, старающегося упорством промерзлости оправдать свое название, открылась грандиозная художественная выставка. Все объединения, общества, любой художник-одиночка — все одинаково могли предстать перед народом с любым количеством произведений! Места было вдосталь. В Старом Эрмитаже, из окон которого так хорошо было любоваться Невой со второго этажа, расположилась экспозиция новых поступлений. Она, правда, обманула ожидания, что революция обнаружит в России новые несметные сокровища. Но все же пыталась повеличаться немалым количеством невзрачных картин с громкими именами (от плохенького Филиппо Липпи до явно сомнительного Франса Хальса).

В театры стало возможным ходить не в шубах и без двойной пары теплых чулок. И чего только нельзя было увидеть на сцене! В помещении театра-фарс Валентины Лин, что над омертвевшим обжорным магазином Елисеева, поставили «Персов» Эхила: архаика, сплошная декламация, всего лишь хор и два актера. Но там было про победу над интервентами и к тому же удалось ввести немножко комического. Зрители отнеслись уважительно.

На улицах пестрели афиши о гастролях московского Камерного театра. Они громогласили весьма приманчивыми названиями пьес без имен авторов: «Король-арлекин», «Покрывало Пьеретты», «Голубой ковер», «Саломея», «Ящик с игрушками». Я знал лишь «Саломею» Оскара Уайльда. Но хотел посмотреть все.

Случилось, однако, так, что побывать на спектаклях Камерного театра не удалось. Помешал Всероссийский съезд по внешкольному образованию¹⁵⁰. Еще зимой кто-то из ездивших в Москву по организации съезда предложил мне подать заявку на выступление с докладом о своей работе. Я написал тезисы, не нужно обстоятельные и детски многословные. Мой соблазнитель увез их с собой и пропал. Как назывался доклад, какие вопросы в нем ставились, сейчас совершенно не представляю себе. Во всяком случае, там все было по моей части, касалось методов и способов распространения знаний об искусстве.

Лишь перед самым съездом, разбирая присланную в Севпрос довольно внушительную стопку съездовских предварительных материалов, я не без волнения наткнулся на эти тезисы. Мой доклад был включен в программу съезда, но меня не известили. Шиперович, однако, настоял, чтобы я поехал на съезд вместе с делегацией от Севпроса, в которую он как руководитель сектора (подотдела?) неизбежно входил.

Делегация с отъездом несколько запоздала из-за возглавлявшей ее Людмилы Владимировны¹⁵¹, которая поехала в другом,

более комфортабельном вагоне, но в пути все же милостиво навестила своих подопечных. Делегатская стайка по российскому обычаю тотчас же у себя в купе учинила совместное чаепитие. Большинство было женщин, очень уж говорливых и убежденных в своей деловитости.

Мужчин же было трое: Шиперович, Зеленко¹⁵² и я. Шиперович в темном уголку верхней полки втихомолку дополнительно к складчине поедал что-то из личных припасов. Василий Адамович Зеленко, почти такой же авторитет в области внешкольного образования, как Евгений Александрович Медынский и так же, по всей видимости, неконформистски настроенный, соблюдал молчаливость, держался обособленно от щебечущей женской компании. Помимо своей воли имел вид обиженный. Словно недоумевал, как это так получилось, что он — не главный. (Позже, в двадцатых годах, я с ним встретился, когда он в Ленинграде занимал, не знаю, какой ценой, важный пост. Видимо, ему, как и Евгению Александровичу и Анне Яковлевне, не сиделось сложа руки.) Был он человек плотного телосложения, крупногабаритный, но на ночь мы с ним все же неплохо устроились на одной полке.

На съезд наша компания явилась уже после открытия. Мы зарегистрировались, когда Ленин окончил вступительную речь¹⁵³. Шиперович изображал отчаяние, Людмила Рудольфовна осталась невозмутимой, она-то знала Ленина лично. Нам пришлось удовольствоваться основным докладом Крупской. С интеллигентской честностью она извинилась, что из-за непомерной занятости не успела подготовиться так, как бы хотелось. Докладчик она была никакой. О содержании того, что она говорила, я не решался судить. Но сидевший рядом со мной Василий Адамович все время ерзал и шипел. После доклада начались удививший меня сплошной «подхалимаж» и кажделение фимиама. Требовали, чтобы доклад был тотчас же размножен на всеобщую потребу. Надежда Константиновна растерянно возражала, что у нее на руках всего лишь листочки с беглыми заметками. Все равно утверждали, что и листочки нужно отпечатать.

Съезд являл собой картину величайшего людского многообразия. Он проводился в Малом Харитоньевском переулке, в высоком доме, специально отведенном под бесчисленные съезды Наркомпроса. Съезды стали любимым детищем Революции. И, конечно, я тут должен был встретить Сулягина. Несмотря на теплую погоду, он не изменил своей солдатской шинели. На съездах чувствовал себя как рыба в воде. Но особого довольства не выражал. Ночевал в съездовском общежитии. Рассказал мне, как в первое же утро с соночлежниками побежал на Сухаревку, что по-

близости, ошеломился московской доступностью снеди на рынке и изрядно растряс денежки.

Свой доклад я отчитал в какой-то странной секции, объединившей проблемы пропаганды всех видов искусства. Руководила секцией жена председателя Моссовета, приходившаяся также сестрой военнаркому¹⁵⁴. Поначалу она была в растерянности. Обрадовалась, когда я к ней подошел. Людей в секции было маловато. Выступил я одним из первых, если даже не самым первым. Мои слушатели в большинстве имели отношение к театру или музыке.

Участвовавшие в прениях, как водится, говорили лишь по поводу доклада и преимущественно о чем-нибудь своем. Путано и долго что-то о потребностях крестьянина в искусстве, об избе с тараканами распространялся какой-то с виду простоватый человек. Но его все-таки слушали, что-то ему возражали. Потом я узнал, что это был художник Малявин¹⁵⁵.

Как бы мой доклад ни был воспринят, все равно мне, как положено, и при том весьма настойчиво, было предложено его представить в письменном виде. Он будет напечатан в «Трудах» съезда. Нужно побольше материала. Но я этого не понимал. Стеснялся, рукописи не дал. Потом жалел, все-таки остался бы след.

Когда морока с заслушиванием моего доклада и прениями кончилась, ко мне подошли двое, рассыпавшиеся в заверениях о своем особом интересе к нему. Досадовали, что он был поставлен на обсуждение не в той секции, где надо. Следовало бы его вторично заслушать в музейной секции вместе с докладами о музейно-эстетических экскурсиях. И мне необходимо сейчас же познакомиться с главным ревнителем этих экскурсий.

Но сначала мы по выданным нам талонам пообедали в съедовской столовой. А затем меня повели, по тогдашнему московскому обыкновению, проходными дворами, пересекая кривящиеся и горбящиеся улочки и переулки, куда-то на Покровку в приветливую мешански-интеллигентную квартиру. Хозяин только что оправился от простудной болезни, которую еще не привыкли называть гриппом. На ногах валенки, небольшого роста, какой-то живчик. Но преждевременно облысел — «голова босиком». Говорил быстро, с неизменной возбужденностью и неистребимым оканием. Имя-отчество у живчика, как у наркома Луначарского.

К Анатолию Васильевичу Бакушинскому¹⁵⁶ меня прежде всего расположило то, что он знал замечательную книгу Лихтварка, название которой звучит в буквальном русском переводе весьма неуклюже: «Упражнения в рассматривании художественных картин»¹⁵⁷. Он даже перевел одну главу этих «Юбунген». Мы совпадали в основных принципах: беседа, а не лекция, подробный ана-

лиз немногих произведений. И в понимании основной задачи: учить смотреть живопись. (В скобках замечу, что года два спустя я совершенно по-ребячьи торжествовал, прочтя статью М. О. Гершензона, в которой он, будучи сам историком-литературоведом, настойчиво предлагал в средней школе вместо истории литературы ввести обучение пониманию художественных качеств литературных произведений¹⁵⁸).

Несколько смущало меня пристрастие Бакушинского ко всяким «методологиям» и «методикам». И как петербуржец-скептик я не соглашался с его туманными, порой надуманными толкованиями эмоционального воздействия тех или иных картин. Энтузиаст-самородок, безоглядно увлекаемый всяческими идеями, он умел «заражать» других своей любовью к искусству. Но одного этого умения недостаточно при более массовой просветительной работе, именовавшейся внешкольным образованием.

Впечатления от начала знакомства с Бакушинским во мне сохранились вне какой-либо связи с воспоминанием о Внешкольном съезде. Самый же съезд мне представился забавным, даже привлекательным смещением всяческой неразберихи, белиберды, пустословия с искренней увлеченностью идеями всеобщего просветительства. Внезапный порыв к новому строительству, творчеству, работе обессиливался отсутствием опыта, руководства, нужных людских кадров, материальных ресурсов. Но такова уж была революционная эпоха! «Маслобойка», но без «сепаратора», и потому «пустой звук!» И потом в течение стольких десятилетий, словно по инерции, и в больших делах, и в малых все то же — маслобойка без сепаратора, пустой звук!

Я слонялся без дела, слушал кое-какие доклады в секциях, знакомился даже с работой московских просветительных учреждений. Толку было мало. И я воспользовался возможностью на два-три дня съездить в Нижний. Поехал в теплушке. На ночь, несмотря на тесноту, устроился не так плохо. Под утро почувствовал — еще одна непримечательная достоверность! — укус в шею. В Нижнем несколько задержался. Обратный ехал в классном вагоне. Приехал в Москву, когда съезд уже закончился. На заключительном собрании снова выступал Ленин. Я вторично упустил возможность услышать его речь.

В Петербурге в Севпросе меня сразу же схватили, вернее — «заграбастали», повезли на драндулете, бывшем когда-то автомобилем, в Ксенинский институт на Благовещенской площади. Там заседал Губернский съезд по делам просвещения¹⁵⁹. Докладчиков не хватало, а съезд надо было провести. Вот я и выручал. Народу в зале было не густо. В президиуме — все знакомые по

Луге. Можно подумать, что съезд не в губернском масштабе, а в уездном. Доклад я прочел, были даже прения.

После прений ко мне подошла Мария Федоровна. В белом платье, весенняя, радостная, почти ликующая. Господи, как это в жизни бывает! Все страшные напасти отошли. Мужа выходила, детишки не болеют, по-прежнему у бабушки-дедушки, весной жить стало немножко легче. Сама по-прежнему работает в Губернском отделе, приспособилась к новому руководству.

Что было еще по моему приезду? В Севпросе без меня «выдали» валенки. Пришлось похлопотать, и меня повели в подвал, где лежала груда оставшихся валенок. Впоследствии при знакомстве с сюрреалистической живописью Ива Танги¹⁶⁰ я вспомнил эту кучу. Пришлось подбирать себе пару. Это было нелегко. Подобрал неплохо. Две последующие зимы она сослужила мне неплохую службу.

Город прихорашивался, сдаваться ему не хотелось. И все же было тревожно. В Прибалтике обосновались белогвардейцы, в Финляндии шевелился генерал Маннергейм. Внезапно было постановлено отказаться от детских интернатов в Детском Селе. Село осталось при своем новом названии, но детей вернули их семьям. Часть их, однако, осталась на попечении государства, их должны были перевезти в Москву вместе со всем педагогическим коллективом. Там под руководством все той же Анны Александровны¹⁶¹ начатое дело должно было дальше развиваться и расти.

Все предложили также переселиться в Москву. Она отказалась. Порывать с Петербургом не хотелось. Но и жить в нем становилось все труднее. Мы решили пока что в ожидании лучшего поехать на лето в Нижний. Времена были такие, что я молниеносно освободился от работы в Севпросе. Не то временно, не то вчистую.

Перед самым отъездом у меня поднялась температура. Очень высоко, и все же Ася увезла меня, совсем немощного. Как раз прошло надлежащее число дней со времени укуса теплушечной вши. Она была тифозной. Инкубационный период кончился. Я заболел «сыпняком».

Болею основательно, но выжил, летом долго поправлялся. В Нижнем мы застряли на три года. А затем перебрались в Москву, остались там навсегда. Я не «вернулся в мой город, знакомый до слез, до прожилок, до детски припухлых желез»¹⁶². Наезжал туда часто, порой задерживался долго. Но все же лишь наезжал¹⁶³.

7. РАЗБОЙНИЧИЙ КОРАБЛЬ

Нет, ни к чему было «Керженцу» все лето стоять на месте! Волга была освобождена от белых целиком. Навигация по всей реке наладилась вплоть до Астрахани. Тут немало помогали «стихийные силы». Всем хотелось поплыть в низовья¹⁶⁴.

«Керженец» накрепко пришвартовался к одной из пристаней Нижнего базара в Нижнем Новгороде. Это был обычного типа пассажирский пароход, но небольших размеров. Он, видимо, использовался для рейсов местного значения. Все же в салоне первого класса стояло пианино. Управление речного флота отдало пароход на весь навигационный сезон в кабалу краткосрочным курсам по внешкольному образованию и дошкольному воспитанию. Несколько десятков курсантов были поселены в каютах. Занятия велись тут же, на «Керженце», в салонах или на палубе. Речному флоту нужны были работники для детских садов, библиотек и клубов в затонах. На помощь нищего безалаберного Наркомпроса надеяться не приходилось. Речному флоту приходилось самому, мобилизуя своих же «речников», готовить необходимые кадры. Это было тогда в обычае.

Из Москвы Управление прислало своего, не подчиняющегося местному Губотнаробу «крепкого парня». Правда, с фамилией Монастырский, но зато и с партбилетом, и с хорошей головой. Он мигом набрал нужных преподавателей, соблазняя местных интеллигентов благами из пайка «речников». В их числе были и светило, не только местное, но и общероссийское, по части внешкольного образования¹⁶⁵, и видный врач, специализировавшийся по части санитарии и гигиены, и даже два настоящих доцента-естественника. А также и мы с Асей: она как руководительница показательного детского сада, а я всего лишь на том основании, что заведовал Нижегородским народным художественным музеем и мог что-то объяснить насчет искусства.

В течение месяца мы спускались для занятий по сходням на обреченный лишь изредка, самую чуточку, покачиваться на легкой окской волне и жалобно при этом скрипевший «Керженец». А затем Монастырский съездил в Москву, кого надо убедил, добыл нужные разрешения. Решено было наш дошкольно-внешкольный учебный стационар сделать более динамичным. Занятия пойдут еще успешней, если их вести не на неподвижно стоящем, а на плавающем пароходе!

И вот «Керженец» отдал чалку. Монастырский выписал из Москвы жену и, как полновластный начальник экспедиции, поселился в капитанской каюте. Капитана же оттеснил в каюту пер-

вого штурмана. Часть курсантов была переведена в помещение третьего класса, а в их каютах разместили преподавателей. Запаслись всяким учебным снаряжением. Я раздобыл проекционный фонарь и обещал лекции по истории искусств с диапозитивами. Сверх того, уже в индивидуальном порядке, снарядились кое-чем для товарообмена, заменившего в ту пору обычные негодии. Монастырский вскользь упомянул о золоте. Во время предстоящего нашего отважного плавания можно было нажиться, в отличие от первооткрывателей новых материков, не на обмене бус на золото, а на продаже золотых монет. Но их у нас не было. Мы запаслись спичками, мылом, мануфактурой, предполагая взамен всего этого заполучить продовольствие.

Было лето, сияло солнце, было тепло. Не надо было ежиться от холода и не хотелось задумываться. Была молодость. И веял ветер еще не отзвучавшей революции. Он расковывал волю к действию.

Мы поплыли. О систематических занятиях с курсантами не помышляли. Предполагалось, что с этим было уже закончено на стационаре. Занятия заключались в том, что мы видели Волгу, новые места, города, людей и, время от времени причаливая к берегу, осматривали клубы, библиотеки, музеи, детские сады. Преподаватели были не намного старше своих слушателей. Они не только наставляли, но и обсуждали; была даже дискуссия на тему «Внешкольное образование как наука». О чем только в ту пору не рассуждали!

В Васильевске пришлось долго и упорно подыматься в гору, чтобы знакомиться с уездного масштаба просветучреждениями. Казань мы прошли ночью: предполагалось побывать там на обратном пути. По крутым путям снова подымались вверх в Симбирске: здесь уже были губернские габариты и романно-романтические реминисценции. В Самаре нас встретила экзотика отечественного ориентализма — тощие верблюды на базарной площади. Где-то в Вольске мы начали млеть от жары. В Зарайске, перекрещенном в Маркштадт, мы соблазнили немок кусками мыла. Пугливо озираясь на молчаливых мужей, они за «зайфе», без которой для них жизнь была не в жизнь, отдавали драгоценную «манна-грюце». В Саратове надлежало осматривать образцово необразцовый Радищевский музей. А также пройтись вечером, поскольку это разрешалось все еще не отмененным комендантским часом, по приволжскому бульвару.

Далее Волгу объяли пустынно-монотонные берега. И вот наконец Астрахань с стариной своего Кремля, с картинной галереей, неожиданно показавшейся значительно не только Сим-

бирского музея, но и Саратовского, с не столь уж нестерпимым рыбным зловонием.

Но мы поплыли и дальше, к самым низовьям. Предполагалось пополнить причитающийся нам обеденный рацион рыбой. Рано утром мы причалили к безоговорочно изумрудному свежему лугу, на котором стояли калмыцкие юрты. Это были не музейные экспонаты, а та всамделишность, которая на всю жизнь остается у тебя в глазах. В этих юртах жили люди, жили попросту и недоверчиво удивлялись нашему восхищенному изумлению. Кто-то поблагоразумнее среди нас опасливо шептал о «бытовом сифилисе» у калмыков. Но что значит этот «бытовой», когда ты стоишь нос к носу перед экзотической реальностью, существующей независимо от картин Павла Кузнецова¹⁶⁶ и всяких «гогеноидов»!

Мы подплыли к самому Каспию. Мы знакомились с рыболовецким промыслом, смотрели на бившиеся огромные осетровые туши. В этом была необычайность. Но все же не такая, как вот тут же рядом в степных кочевьях. В тот же день уже на обратном пути вечером «Керженец» подошел к селению, где соль лежала в амбарах грудами и ее гребли лопатами. На соль здесь было цены. За грошвые «керенки» нам нагребали полные мешки. Наш пароход отрывисто и тревожно гудел, торопил, лопаты при свете фонарей воровато скрипели. Мы отчалили второпях и пошли к Астрахани.

Рассвет был тревожным. Сквозь сон были слышны какие-то свистки, «Керженец» убыстрял ход, кто-то подчалил, раздавались громкие голоса, потом стало тише, машина ворочалась глухо. Все поднялись. Оказалось, что Астрахань уже на виду. У борта нашего судна качался катерок, а на палубе правил суд и расправу какой-то интеллигент, недоучившийся студент, идейный, но неопытный чекист. Он требовал сдать соль. Курсантки уже успели ее кой-куда припрятать, никаких мешков около их коек не было, и они уже начинали кокетничать с растерявшимся блюстителем законности. Он готов был сдать ее и, упарившись, потянулся к стоящему на столе чайнику. Он попытался налить себе в кружку воды. Чайник был тяжелый, но вода из него почему-то не лилась. Чекист приподнял крышку. Внутри оказалась соль. Все погибло! Был предъявлен ультиматум: в 20 минут сдать добровольно всю соль. Если же затем при обыске она будет обнаружена, то... Пояснить это «то» было излишне.

Мы ссыпали сами свою соль в общую кучу на корме. Светило внешкольного образования продемонстрировал мне свой эсеровский опыт конспирации: насыпал, сколько мог, соли в кринку, постелил сверху листок почтовой бумаги, а на листок положил

немного простокваши. Я же с решимостью отчаяния сберег немного соли, засунув кулек в проекционный фонарь, бездеятельно покоившийся в моей каюте. Один из доцентов ухитрился сохранить свое солевое сокровище целиком, рассыпав его на полу уборной и не погнушавшись затем его снова собрать в мешок.

Обыска не последовало. Чека удовлетворилось добровольно отданным. Но мы остались безутешны. В волжских верховьях соль фантастически ценилась! Для иных мешок соли означал запас дров на всю зиму. И к тому же мы досадовали: парходная команда ничего не отдала; ее мешки были спрятаны в трюме.

Но разве можно было поддаться сожалениям об утраченном. Пароход плыл вверх, плыл домой, а радости речного плавания оставались неизменными. Правда, все немножко уже устали, о благих целях нашего учебного путешествия забывали, но Волга была все той же Волгой.

Царицын по каким-то соображениям был тогда объявлен городом вольной торговли. Кажется, это называется «порто-франко». В помещении царицынского крытого рынка царило оживление не меньшее, может быть, чем в царские времена в Санкт-Петербургской фондовой бирже. Здесь можно было все купить, и золото, и шоколад. А также соль. Без всякой опаски. Соль здесь лопатами не сгребали, но все же те, у кого деньги еще остались, купили ее и старались не вспоминать, почему она была поблизости от Каспия.

Дальше наш «Керженец» плыл уже с опаской. Больших пристаней избегал, а топливом предпочитал запасаться на каких-то случайных, незаметных базах. У него появились повадки пирата. И при том пирата заподозренного. Он опасался, что после истории с солью его «взяли на заметку». Можно было ждать всяких каверз от заградительных отрядов Чека.

Путешествие затягивалось. Преподаватели взбунтовались и вызвали Монастырского для объяснений. Ведь все мы были народ занятой и получили отпуск на определенный срок. Монастырский не стал нас заковывать в кандалы и не приказал сажать в трюм, а внушительно и властно разъяснил неизбежность столь медленного плавания. Конечно, тут дело было не в том, что мы двигались против течения. Тут действовали другие силы. Сам Монастырский, видимо, не был, хотя и завладел капитанской каютой, властен над ними. Он явно скрывал, что ему приходится дипломатничать. Мы же поняли, что наше добросовестное культуртрегерство используется и как камуфляж.

Под Казанью мы очутились среди подлинного столпотворения. По обе стороны перекатов сгрудились пароходы. И рейсовые,

и такие же, как наш — с специальными заданиями. Например, агитпароход «Труд-фронт». Орудовали запоздавшие землечерпалки. С пароходов, которые из-за глубокой посадки не могли одолеть перекаатов, сгружали пассажиров на катера. Те перевозили их через полосу мелководья, а затем они снова грузились на пароходы, стоявшие по ту сторону перекаатов.

Но наш маленький «Керженец» лихо миновал столпотворение и у Казани благоразумно не стал задерживаться. Он предпочел лишь к вечеру, и притом вопреки всяким правилам, причалить прямо к берегу в довольно-таки пустынном месте. Матросы извлекли из трюма какие-то большие мешки и понесли их куда-то в глубь страны. В мешках был лен из Тверской губернии. Нам же была предоставлена возможность познакомиться с жизнью близлежащего села. Народ веселился, хотя было голодно и мужиков явно не хватало. Не только бабы и девки, но и все мальчишки были просто влюблены в лихого Карла, пленного австрияка, застрывшего здесь.

В Горький мы изловчились прибыть в предвечерье. Предполагалось, что так безопасней. «Керженец» не стал заходить в Оку, а опять-таки вопреки правилам пришвартовался у какой-то ведомственно чужой, но дружелюбной ему пристани под Откосом на Волге. Мы спешно разгружались. Казалось бы, чего лучше — наш разбойничий корабль стоял поблизости от моего музея. Но до музея надо было добираться по крутому склону Откоса. Ася должна была остаться сторожить вещи, а мне предстояло одному, не рассчитывая на чью-либо помощь, перетаскать их понемногу вверх.

Но вдруг к нам спустилось спасение — Лиза¹⁶⁷. Как всегда, какая-то потерянная и голодная. Она уже несколько дней поджидала нас и выходила на Откос. Разглядела, что вот идет «Керженец», заметила, где он причалил, и спустилась вниз. С Лизой дело пошло веселей.

Нас встретил чинный уют нашей поистине «директорской» квартиры при музее. Здесь было прохладно и тихо. Все на местах, все окутано солидным полумраком. Мы сложили наши трофеи в углу. Среди них был и мешок соли из Царицына.

И, покинув корабль, натрудивший в морях полотно,
Одиссей возвратился, пространством и временем полный¹⁶⁸.

/.../

8. МЕЛОЧИШКА

Шляпа в руках Добужинского представлялась напоминанием, что в Москве на вернисаже он всего лишь гость. Она очень подходила ко всему его аристократическому обличению. Если бы ее не было, мне бы следовало выдумать, что он ее держал. Он все еще был очень похож на свой портрет, сделанный Сомовым уже почти пятнадцать лет тому назад¹⁶⁹.

Я отважился быть ему представленным. Незадолго перед этим появился мой первый, если не считать нескольких рецензиек, печатный опус — статья «Добужинский-иллюстратор»¹⁷⁰. Со всеми знакомый и всем от души служащий Константин Васильевич Кандауров¹⁷¹, который для московского художнического мира навсегда остался «Костей Кандауровым», уловил удобную минутку и подвел меня к Мстиславу Валериановичу. И вот один из столов «Мира искусства», перед которыми я некогда так благоговел, вошел в круг моих личных знакомств. Но увы — мимоходом!

Пожимая мне руку, он с любезной снисходительностью сказал о радости увидеть того, о ком какие-то «мы в Петербурге», прочтя мою статью, гадали, кто бы это мог быть. Мои реплики выражали лишь почтительность и растерянность. Добужинский рассказал о своих новых работах. Как бы вскользь упомянул о большой монографии о его творчестве, написанной Сергеем Маковским¹⁷². Изредка поглядывал по сторонам. Он рассчитывал еще кое с кем встретиться. Наш разговор не мог быть долгим. Он приехал в Москву выхлопатывать пропуск за границу. Он покидал Россию навсегда.

Москвичи, живописцы «Бубнового валета», отличались мощью и крепостью тела. Мощнее всех был Кончаловский. Это был воjak, боевой слон. Машков уступал ему в огромности. Но не ростом. Был коренаст и очень силен. Лентулов¹⁷³ в своих телесных габаритах несколько отставал от них обоих. Но это тоже был слон. Также боевой, только — поменьше. Что же касается Фалька и Рождественского¹⁷⁴, то они при немалом росте выделялись большей стройностью. Обыденнее всех прочих выглядел Куприн¹⁷⁵, он был тщедушнее, носил бородку и усы.

Александр Васильевич Куприн обладал превосходным музыкальным слухом. Таким же точным, как его чувство декоративной красоты цвета. Он любил также столярничать. Когда утонул его единственный сын, чудесный мальчик Сашук, он принялся соорудить у себя в мастерской небольшой орган. Его жена, необычай-

ной самоотверженности женщина, которую он с особой нежностью называл Настенькой, была в страхе. А что если орган не заиграет? Но орган заиграл.

В то тяжелое для Александра Васильевича и Настасьи Трофимовны время Ася частенько их навещала. Однажды при ней там собрались приятели — «бубнововалетчики». Орган еще не был собран. Лежало множество отдельных деревянных труб. Гости схватили их и изобразили нечто вроде духового оркестра. Ася очень забавно рассказала об этом. Сейчас мне кажется, что я сам это видел: солидные дяди, можно сказать, знаменитости, художники «Бубнового валета», все вкуче дуют в дудки — трубы будущего органа.

На персональной выставке Кончаловского в Цветковской галерее¹⁷⁶ особенно выделялись пейзажи Рима и Новгорода. Сам Петр Петрович и его жена, Ольга Васильевна, оба крупнотелые и источающие благодущие, восседали на креслах у стены. Около них вертелся какой-то французик. Две реплики из их диалога я могу воспроизвести дословно.

Французик вдруг в каком-то раже выпалил: «vous êtes le plus grand portraitiste de notre époque!»¹⁷⁷ Я вчуже так и обомлел. Ну, думаю, как же Кончаловский проглотит эдакий финик. Ведь даже такую превосходную вещь, как изображение дочери Наташи¹⁷⁸, никак нельзя счесть портретным шедевром!

Петр Петрович остался невозмутим. А Ольга Васильевна после минуты степенного молчания произнесла: «Il faut travailler»¹⁷⁹. Наставительно и как будто с легким вздохом.

В перерыве заседания ГАХНа, т. е. Академии художественных наук, отмечавшего десятилетие со дня смерти Сурикова, в дверях при выходе из зала Кончаловский столкнулся с Нестеровым. Один — во цвете лет, огромный, неизменно благодуществующий, все приемлющий в жизни. Другой — уже старенький, сухонький, затаивший в своей внешней немощности недовольство, неприятие сегодняшнего дня. Произошла заминка. В детстве я читал о морском обычае: в каком-то проливе большие корабли уступают дорогу малым. Петр Петрович с почти хозяйской улыбкой пропустил Михаила Васильевича вперед. «Бубновый валет» признал заслуги позднего передвижничества, зять Сурикова оказал надлежащее почтение младшему другу своего тестя.

В Третьяковскую галерею принесли для продажи огромный портрет дочери археолога Адриана Прахова, написанный Викто-

ром Васнецовым¹⁸⁰. Робеющая некрасивая барышня с глазами плаксы была изображена в нарядном платье у рояля в богатой гостиной. Рядом с ней никчемно возвышался великолепный и огромный синагогальный пятисвешник. Портрет поставили в комнате, где я занимался.

Нестеров пришел в Галерею специально для того, чтобы его посмотреть. Он был восхищен и глубоко растроган. Должно быть, ему хотелось распространить свою восторженность и на других. Он обратился ко мне, человеку ему не знакомому. Он как-то резко спросил: «А как вам нравится, товарищ?» Вероятно, принял меня за партийного. Кто знает, быть может — из-за моего большого еврейского носа. Я пробормотал что-то невнятное.

Тогдашнюю взволнованность Нестерова я понял много позже. В обстоятельной биографии художника приводится его собственное свидетельство о том, что он «был недалеко от того, чтобы влюбиться в нее (Лелю Прахову) и связать ее судьбу со своей»¹⁸¹.

Татлин, эдакий рослый и нескладный, настоящий пролетарий-«симпатыга», взволнованно шел по амфиладе галерейских зал. «Третьяковка» намеревалась приобрести кое-что из его произведений. Но денежные средства отпускались тогда для ее пополнения весьма скупо. Татлина сопровождали молодые сотрудники Галереи. Он пытался острить. Не слишком удачно. Но просто-сердечно: «Предлагают, чтоб я "скинул". А что я могу скинуть? Штаны, что ли?»

В ту пору в Третьяковской галерее единственной оседлостью для научных сотрудников был гигантский стол в зале, предназначенном для заседаний. В зал, где толклось народу немало, заглянула старая женщина, неказисто одетая. Как будто ничего примечательного. Вот только разве большой рост. Стеснительная, угрюмая, угловатая. Искала Николая Георгиевича Машковцева. Он еще не приходил. Исчезла, снова появилась. Ждать ей пришлось долго. Старалась быть незаметной. И все же что-то в ней, неизвестно почему, было значительное, такое, чего нельзя забыть.

Машковцев как всегда безбожно запаздывал. Он считал, что ему это позволительно. Появившись наконец, он все же на этот раз смутился. Старуха-нелюдимка, безропотно его дожидавшаяся, была Анна Семеновна Голубкина.

Бывает же так! Мне даже показалось неприятным то, что Анри Барбюс оказался таким похожим на свои портреты. Этот

худющий человек, сущий сухарь, но с оживленным взором, был ходячей формулой самого себя. Показывая ему Третьяковскую галерею, я расхрабрился, кое-как лепил французские фразы одна за другой и не так уж часто нуждался в помощи переводчицы. В зале Перова я его подвел к портрету Достоевского. Барбюс оживился, произнес небольшую речь.

Он обратился ко мне и к переводчице. Но и другая его спутница, женщина маленького росточка, костлявая, в беретике, в несолидной пелеринке внимала ему привычно и сочувственно. Барбюс говорил умно, убежденно, едва ли не вдохновенно. Но вместе с тем отточенность его суждений о Достоевском была чрезмерной. Они звучали как трюизмы. Уж очень они тшились походить на изречения большого писателя-мыслителя. И неизбежно обличали второразрядность Барбюса.

Он ораторствовал в расчете на то, что его слова глубоко западут в сердца слушателей. Но мое сердце не откликнулось.

Было жарко и чрезмерно многолюдно. И все же вернисаж выставки Павла Кузнецова удался на славу¹⁸². Новые его произведения не уступали его прежним достижениям. Они свидетельствовали о неизменном расцвете творческих сил. Это было «акме» живописца.

Павел Варфоломеевич стоял у входа на выставку. За его спиной на стенах виднелись фигуры пастухов, степные пейзажи, натюрморты. Вернисажная толпа уже редела, но ее гул не слабел. Художник, видимо, досыта наглотался похвал. Он стоял один. Было как-то странно не видеть около него маленькой фигурки неизменно его сопровождавшей Елены Михайловны Бебутовой, его жены¹⁸³. Обычное выражение сонливой покорности стерлось с его лица. Он торжествующе обводил невидящим взором все вокруг.

Это был победитель, триумфатор.

На всякую «заумь» в искусстве косились все больше и больше. Выставка Малевича оказалась в конце 20-х гг. не к благовремени. В листовке, разъясняющей трудное творчество этого художника, пришлось прибегнуть к осторожничающим «хотя» и «тем не менее»¹⁸⁴.

Имя-отчество «Казимир Северинович» подходило Малевичу. Не только к его не совсем русской внешности и к его совсем не московско-художнической себенаумсдержанности. Но и к особой, также «себенауме» деловитости его художнических исканий. Появившись на выставке, он взялся самолично их прокомментировать.

Решиться написать черный квадрат на белом фоне стоило ему немалых усилий. Надо было забыть все прежнее, включая и кубизм, и начать сызнова. После квадрата он обратился к сочетаниям простейших геометрических фигур. Сочетания усложнились, разнообразились. Разнообразилась и их окраска. Так возникал супрематизм.

Квадрат был неправильный: одна сторона чуть-чуть косила. Но Казимир Северинович заверил, что это не простая небрежность. Раз косит, значит, так нужно. Полная точность здесь неуместна. К педантизму Казимир Северинович не был склонен. Он не очень огорчился, обнаружив, что некоторые из его картин повешены вверх ногами или верхом набок. Сохраняя деликатное спокойствие, он заверил, что, где верх, низ, бок — это не так уж существенно. Спокойная, хотя и с оттенком некоторой грусти, уверенность художника в правильности избранного им пути — убеждала.

На «Черном квадрате» появились кракелюры. Казимир Северинович принялся писать его повторение для замены гибнущего оригинала. Он весьма старательно копировал свою картину по утрам, когда публику еще не пускали в залы. Оригинал он все же не изъял, а вернул Третьяковской галерее. Там он ныне в запаснике. Копия же, если не ошибаюсь, — в экспозиции Метрополитэн музея в Нью-Йорке¹⁸⁵.

Малевич демонстрировал также и свои новейшие «архитектонки», образцы своего рода «объемного супрематизма». Это были сочетания прямоугольных объемов, аккуратно отлитые в гипсе, беленькие, чистенькие, изящные. Алексей Васильевич Щусев¹⁸⁶ снисходительно отметил, что они могут подсказать кое-какие архитектурные идеи. Казимир Северинович старательно и терпеливо разъяснял, что «архитектона» — всего лишь композиция стереометрических фигур. Это — вещь ни для чего. Но он не возражает, если ее используют как украшение комнаты. Или, соответствующе увеличив, поставят среди площади. Она может послужить постаментом для статуи или монумента. А если на ее верх накакает птичка, то он тоже не будет возражать.

Бернард Шоу осматривал залы нижнего этажа Галереи. О да, конечно, инкогнито и в одиночку. Я шел за ним некоторое время по пятам, стараясь оставаться незаметным. Его руки были в серых перчатках. Все, все в нем было надлежащее: высокий рост, сухопарость, плохо гнущиеся колени, борода, почти окладистая и вместе с тем торчком, решительность движений. Он добросовестно, но чересчур уж быстро обходил вдоль всех стен: Сомов,

Бакст, Бенуа, Кустодиев. Весьма вероятно, что он ни на одной из их картин не остановил своего внимания так же, как сам остался незамеченным для редких посетителей этих зал. Никому из них даже и вдумек не было, что этот долговязый гражданин, должно быть иностранец, — известный писатель. И даже не просто писатель, мировая знаменитость, а нечто совершенно несоизмеримое с буднями «третьего решающего года пятилетки»: Бернард Шоу!

Через некоторое время я снова увидел его. Он спускался по большой Галерейской лестнице. Спускался медленно и осторожно, как-то боком. По залам уже, видно, разнесся слух о нем. И вверху лестницы, и внизу толпился народ и глазел. Две пожилые дамы, недовольно озираясь на посторонних, следили за каждым шагом нисходящего дряхлеца-крепыша.

Вероятно, были еще провожатые, мною не замеченные.

В наркоме просвещения Бубнове солдафон теснил былого революционера-подпольщика¹⁸⁷. Бубнов не только самолично следил за запоздалым устройством выставки в Москве «Советская живопись за пятнадцать лет»¹⁸⁸, но и пытался командовать повоенному. Мороча получилась изрядная. Художники склочничали и интриговали. А главное, приходилось все время оглядываться в сторону высшей партийной инстанции, командира столь же путанного, сколь и безапелляционного. Оглядываться приходилось и в сторону кое-кого по отдельности.

В ту пору высшая инстанция, слегка приподняв тяжелые веки века, искоса взглянула и на «изоискусство». Но нужное губительное «рыбье слово» еще не появилось. Термин «формализм» стал обиходным лишь год спустя. Почему-то все еще было возможным оказать особый фавор Павлу Кузнецову и Петрову-Водкину. На выставке им отвели столь же почетное место, что и Бродскому¹⁸⁹. Была допущена даже «ретроспекция»: экспонировались давние работы Малевича и Татлина.

Татлину, впрочем, не повезло. Он уловил было минутку, когда нарком проходил по будущим выставочным залам, и, вместе с помогавшими ему ребятами, по-рабочему, по-простецки лихо покатил цилиндрический низ модели своей Башни Третьего Интернационала по направлению к тому месту, где предполагалось ее поставить. Он надеялся вернуть былое расположение начальства. Хотя бы — Бубнова. Но грохот катящегося цилиндра оказался и чрезмерным, и не ко времени. Нарком рассвирепел: еще не известно, следует ли показывать Башню. Бедняга Татлин был беззащитен. Башню не показали.

Выставлен был лишь «Летатлин». Да и то неказисто. Шелку на обтяжку его крыльев не достали. Висел лишь скелет этой чудесной птицеобразной конструкции. Мне пришлось ведать каталожно-этикеточными делами выставки, и Владимир Евграфович жалостно и опасливо вопрошал меня, когда же появится надпись на его единственном экспонате. В нетерпении даже сам попытался подвесить к своей птице кусок картона, на котором детски немело было выведено «В.Е. Татлин»¹⁹⁰.

На той же юбилейной выставке Павел Корин, недавно вернувшийся из Италии, представлялся закованным в броню нисшедшей от Максима Горького благодати. Бубнов попробовал было предложить ему другое место для экспозиции. Но Корин отрезал вежливенько, с достоинством, как всегда — картаво: «Нет, Андрей Сергеевич, здесь будет лучше». Он выставил не суливший ему славы портрет своего благодетеля. А рядом с этой никчемной машиной — настоящую свою вещь. Это был большой этюд к неосуществленной, вернее, неосуществимой картине. Конспирации ради ей придумали позже название «Уходящая Русь». Но задумка была явно «Русь злобствующая, непокорная, несдающаяся».

День открытия выставки выдался пасмурный. В руках у выходящего с вернисажа Корина был новомодный заграничный зонтик. Он не очень шел к его послушнической фигуре¹⁹¹.

Невысокого роста, безлично молчаливый, ко всему безучастный, лет шестидесяти, но уже стариковски беспомощный... Что еще было примечательного в Марке, художнике-«фовисте», особенно полюбившемся советской интеллигенции, якобы. Левитану родственным лиризмом? Пожалуй — только его незаметность. Нет, нет, он вовсе не выделялся своей незаметностью. Самая его незаметность и та была незаметна.

Можно вспомнить, как сидели за столом, как советские художники, ни бельмеса не зная по-французски, утешались разговором друг с другом и плохеньким вином, как запоздавший Даран, кругленький и самодовольный, попросился, чтобы его особо представили чествуемому гостю, и поднес французскому живописцу, в волнении едва не шаркнув ножкой, каталог выставки графики, в которой участвовал; как мадам Марке, с видом строгой тети-воспитательницы сторожившая мужа, оживленно, но без особого шарма, щебетала с теми, кто сел к ней поближе, как потом вышли на террасу и в сад, как Мартирос Сергеевич Сарьян отказался — ведь он из Еревана и жилал в Париже! — пить сомнительный коньяк, который я ему сдуру предложил... А вот о самом

Альбере Марке вспоминать почти нечего. Разве вот только, что ковьялявший вдаль по садовой дорожке старичок, выбившийся на минутку из-под надзора, никому как будто не нужный, ко всему равнодушный, сорвал зачем-то листочек с куста¹⁹².

Темь, ненастье, слякоть... Весь этот обязательный неуют пригородной осени был особенно тягостен в памятном 1937-м году. Заседание шло на задворках Останкина, в насквозь прокуренной комнате, при тусклом свете горевших неполным накалом лампочек. Заседали художники и так называемые «методисты», работавшие по устройству Всесоюзной сельскохозяйственной выставки. Их всячески инструктировали, наставляли, предупреждали, заранее жучили. Дело шло об опасностях не только политических ошибок, но и возможных формалистических уклонов в художественном оформлении экспозиции.

Владимир Евграфович Татлин сидел тихохонько, слушал спокойно. Свои «формалистические злодеяния» он совершал так давно, в годы советской «проистории», что, казалось бы, никто и не должен о них помнить. И все же было ясно, что вряд ли найдется смельчак, который подпишет договор с ним на выполнение какой-либо оформительской работенки. Только потому, что он — Татлин. Не помню в точности, что он мне тогда вполголоса говорил по поводу выслушанной нами инструкторской ахинеи. Во всяком случае, он даже не слишком взмущался. В его словах звучали усталость и глухая обида.

До трамвайной остановки идти пришлось долго. Можно было поразмыслить о судьбе того, кто придумал Башню Третьего Интернационала, одну из самых фантастически нелепых и все же вдохновеннейших художественных затей времени гражданской войны. О судьбе того, кто был в числе первых награжденных званием заслуженного деятеля искусств Республики¹⁹³.

В президиуме торжественного собрания в честь столетия рождения Сурикова среди прочих была и его дочь, Ольга Васильевна Кончаловская. Она казалась похожей на отца. А когда ей заплотировали, то глаза семидесятилетней женщины засверкали таким довольством и гордостью, что на миг она показалась сущей кравицей.

Но свидетельствую, что в еще большей степени, чем дочь Сурикова, она была женой своего мужа. Я имел случай убедиться в этом на обсуждении выставки работ ее сына. Почти каждый из выступавших считал своим долгом напомнить бедному Кончаловскому-младшему о его отце и деде. Требования сугубой сюжетно-

сти и «реализма» были тогда в апогее, и особенно настойчиво рекомендовалось следовать примеру Сурикова. Когда по окончании прений мне довелось подойти к Ольге Васильевне, я застал ее в необычайном волнении.

О нет, нет, не из-за сына! Ее переполняло возмущение непониманием всего величия и совершенства творчества Петра Петровича. Она даже выражала искреннее восхищение непосредственностью ничего не понимающей в настоящем искусстве молодежи, которая дерзала критиковать живопись Кончаловского. И на этот раз я также могу быть совершенно дословен в передаче ее речи. Она начала с тирады: «А знаете, мне нравится, как они на него нападали». И кончила восторженным восклицанием: «Но он же ведь эллин: это — бог!»

В Эрмитаже умело подготовили прием высоких гостей. Меня вежливо попросили прервать разглагольствования перед «Мадонной Литта». Я отошел со своими слушателями в сторону. Одна дверь зала была закрыта уже раньше. Теперь закрылась и другая. В зале осталось лишь немного счастливых. И еще полагающееся в таких случаях некоторое количество пристойно одетых, преимущественно молодых людей с индифферентным взором, выполняющих общеизвестную функцию.

Затем открыли первые двери. Вошли самые что ни на есть высокие гости. За ними сопровождающие лица и еще несколько «индифферентных», старающихся быть незаметными. Индира Ганди в нарядном сари была сама любезность. Не без некоторого кокетства, неизбежного для женщины, на которую устремлены все взоры. Джавахарлал Неру, роста чуть ниже среднего, шел, нет, вернее — шествовал медлительно размеренно, отрешенно от всякой торжественности. Ему было под семьдесят, он только что прибыл на самолете и, привычно преодолевая усталость, совершал предначертанный программой торжественного приема осмотр Эрмитажа, словно какой-то ритуал.

Седые волосы виднелись из-под белой шапочки. Эта шапочка представлялась таким же обязательным атрибутом, как и обычное скромное одеяние из красивейшей персиково-розоватого цвета материи. В руках — палочка сандалового дерева. И самое значительное — невозмутимость лица и всех движений. Он прошел мимо обеих Мадонн Леонардо, взглянул на них, но не увидел. Он был из иного мира, из мира великих идей Ганди, обернувшихся политикой. Из того мира, который, пожалуй, все-таки несомненнее всех эрмитажных сокровищ. /.../

9. [ЕЩЕ ИЗ «ЧЕРНОЙ ТЕТРАДИ»]

1. Трилистник (тоже — непристойности)

Утрата невинности

Стол был непомерно большой, резного золоченого дерева, с тяжелой мраморной доской. Вероятно — новодел. Но он хранил луикаторзную пышность, столь никчемную в современном быту. Доска была расколота. Его поставили посреди комнаты. Предполагалось, что заседания небольшого коллектива нашего отдела мы будем проводить, рассевшись вокруг этого мастодонта дворцовой мебели. Но он оказался совсем непригодным для этой цели. Ноги зацеплялись за барочные причуды его резных ножек и замысловатой крестовины. Он был непомерно высок. Мрамор холодил руки.

Партиец, руководивший нашим отделом, был человеком недалеким и чрезмерно деликатным в обращении с научными сотрудниками. Ему вредил опыт работы в Музыкальной студии Станиславского. Там в общении с Константином Сергеевичем требовалась особая обходительность. Но в отношении к нам она была излишней. На нашего осторожничавшего зава сыпались обвинения в недостаточности политической работы с ведаемым им беспартийным коллективом. Зав решил реабилитироваться и засадил нас за стол посреди комнаты.

Нам было предложено обсудить свое отношение к Непременному секретарю Академии наук Ольденбургу¹⁹⁴. Почему именно нам, не имевшим никакого отношения ни к Академии наук, ни к изучению Индии, надлежало спешно отозваться на арест ученого-востоковеда и почему вообще из всего нашего учреждения мы должны были быть в этом деле первыми, оставалось совершенно непонятным. Тогда все такое было еще в новинку, и мы недоумевали, зачем торопиться с осуждением, если человек только арестован, а судебного разбирательства еще не последовало.

Мы путались в каких-то полувопросительных репликах, оговорках. Вопрос ставился о нашем доверии органам государственной безопасности и вместе с тем о возможности доверять нашей собственной политической надежности. Мы мялись, боялись, а если вдруг кто-нибудь из нас исторгнет что-нибудь столь элементарно логичное, что оно лишь повредит и нам и столь корректному, удобному для нас заву. Ноги терлись о выгибы золоченого дерева; высоко поднятые руки, лежавшие на столе, холодил мрамор.

мор. Внутри каждого что-то дергалось. Но все же все сдерживались. И надлежащая резолюция была, наконец, вынесена.

Впоследствии Ольденбурга выпустили на свободу, но на должность постоянного секретаря он не вернулся. Мы же научились голосовать, не задумываясь, голосовать, как надо. Стол резного золоченого дерева с расколотой мраморной доской скорости из-за его ненужности в нашем отделе от нас унесли.

Мудрость толстовца

Когда рабочий день кончился, нам предложили участвовать в демонстрации. Тут уж никак нельзя было уклониться. Шли по глубокому снегу, тому самому московскому снегу, который пахнет свежерезанным арбузом. Сумерки сгущались. Шли почти без задержек. Молодежь буйно веселилась. Особенно, пожалуй, комсомольцы. Пели песни. Всякие, даже озорные. Дом Союзов был весь в огнях. Там уж который день судили Промпартию¹⁹⁵. На балконе стояли ораторы. Они по очереди приветствовали проходящих мимо манифестантов. Выстроившись аккуратно по восемь человек в ряд, мы продефилировали мимо балкона. Этим мы выразили свое согласие с требованием высшей меры наказания для профессора Рамзина и его сообщников. Наше требование, однако, было признано чрезмерным: Рамзину была дарована жизнь. Позже ему присудили Сталинскую премию¹⁹⁶.

Свершив свой гражданский долг, т.е. потребовав, чтобы убили человека, степень виновности которого не могла не вызывать сомнения, мы разошлись по домам. У меня в портфеле лежал заготовленный с утра сверток с чистым бельем, и я направился сначала в Центральные бани тут же рядом. Несмотря на вечерний час, там было просторно. Из-за демонстрации в баню пробраться удавалось немногим.

Смертного приговора главарям Промпартии мне пришлось еще раз потребовать на заседании Первого музейного съезда¹⁹⁷. Я сидел на верхних скамьях большой аудитории Политехнического музея. Рядом со мной Николай Николаевич Гусев¹⁹⁸ весь погрузился в чтение газеты. Когда он услышал, что дело подходит к принятию резолюции, осуждающей преступников насуровейшим образом, он не спеша сложил газету, поднялся с места, попросил меня сберечь для него и газету, которую положил на сиденье, и самое место, а затем тихохонько вышел из зала, как будто за нуждой.

Жертвоприношение

Среди очертевшей безалаберщины совещания, на котором обсуждалась организация выставки к Первому музейному съезду, мелькнула не знакомая мне фигура старика. Серый костюм, серые от проседи волосы, очки, сидит отчужденно-спокойно, не спеша курит папиросу за папирсой, совершенно нечувствителен к тому вздору, что плетется вокруг него. Явно — немец, немец вплоть до кончиков аккуратно начищенных сапог. Кто бы это мог быть? Я заглянул в лист, на котором расписались присутствующие на совещании представители музеев. Почти всех других я знал и потому без особого труда выяснил, кто это: Бруно Адлер¹⁹⁹, Антропологический музей.

Что я знал о нем? Профессор с репутацией настоящего ученого, известного и за границей, работал в Казани. Мог бы стать директором Этнографического музея в Москве, но ему перебежал дорогу молодой Борис Матвеевич Соколов²⁰⁰; жил затем в Германии, издавал вместе с Максимом Горьким журнал «Эпоха». И еще — но уже по другой линии: жена и двое детей остались за границей, сам же он в Москве живет вдвоем с юношей, в которого по-настоящему влюблен, влюблен нерушимой стариковской любовью, живет в нужде, несговорчив, неуживчив, недавно изгнан из «Советской энциклопедии». Все, что касается его «другой линии», я узнал от своих приятелей, познакомившихся с ним на волжском пароходе. Он путешествовал с обожаемым им юношей и не очень-то скрывал своих нежных чувств к нему.

Профессором Бруно Адлером, чья интимная жизнь отличалась некоторым своеобразием, нельзя было не заинтересоваться. Уж очень резко самое его внешнее обличие выделялось среди всего окружающего. В залах, полных сутолоки по развертыванию выставки, передо мной еще раз мелькнула его невозмутимо спокойная фигура. Не выпуская папиросы изо рта, он не спеша и осторожно нес какую-то гипсовую модель.

Его имя раздалось в последний день съезда. На кафедру взобрался представитель этнографической секции съезда и огласил выдержки из статьи Бруно Адлера, напечатанной в одном из немецких этнографических журналов. Журнал был тощенький, а статья обзорного характера, коротенькая. В ней обывательски кисло и бранчливо подводились итоги скудных достижений советской этнографической науки. Скороспелостям марксистских толкований противопоставлялись требования следовать подлинно научной методике. Похвалы достаивался один только академик Марр. Демократизация науки бралась под сомнение. А самая си-

стема советского университетского образования попросту осмеивалась.

Аудитория, умученная скучными отчетами других секций, заметно оживилась. В воздухе запахло кровью. Было ясно, что музейный съезд получил наряд на самоочищение и что жертва намечена. Газеты тех дней были заполнены отчетами о процессе Промпартии, и для всякого собрания, а тем более для многодневного съезда, стало обязательным выявление предателей в своей среде. И вот я в третий раз увидел Адлера. Пока читали злосчастную статейку, его серая фигурка стала медленно спускаться с верхних скамей амфитеатра и остановилась поблизости от меня в проходе. От этнографической секции было предложено заклеить клевету, а самого клеветника исключить со съезда²⁰¹. Председатель, соблюдая все правила справедливого судопроизводства, предоставил слово гражданину — уже гражданину, а не товарищу! — Адлеру.

«Гражданин» спокойно, робко и совершенно неубеждающе признавал свою ошибку. Он ссылаясь на давность написания статьи. Уверял, что принимал меры против ее запоздавшей на несколько лет публикации. Просил судить не слишком строго. Но «народному возмущению» уже был дан сигнал. Оно нарастало с неистовой силой. На кафедре вспорхнула не по возрасту вертлявая малорослая Роза Наумовна Фрумкина. Ей, видно, хотелось, а может быть, и нужно было выслужиться. Она ядовито указала на наличие в статье кое-каких сведений, относящихся уже к последним годам, обличала клеветника в противоречиях, во лжи. Адлер пропищал было про свое тридцатилетнее служение науке. Пытаясь гневно возвысить голос, он ссылаясь на ненависть к нему восставших в Казани чехословаков, которые приговорили его к расстрелу. Но «народное возмущение» уже бушевало вовсю. Адлера урезонили, напомнив, что расстрел ему грозил вовсе не как защитнику Советской власти, а как немцу, стороннику кайзера.

Это шумел настоящий «гнев народный». Словно по разработанному заранее режиссерскому плану массового действия то в одном, то в другом конце огромной аудитории вставали представители разных республик, краев, областей. Говорил Азербейджан [Так! — Публ.], подала свой голос Украина, не сдержал гнева Узбекистан. Академик Марр старательно отмежевывался от своего хвалителя²⁰². Он заявлял, что статья Адлера позорна не только для 1930 г., но точно так же и для 1925 г., и для 1921 г. В этом была и правда, и вместе с тем это было неправдой.

Наконец буря стала стихать. Были выдвинуты три предложения. Во время их оглашения я оглянулся было на осуждаемого

преступника, но уже не увидел его. Серая фигурка как-то незаметно исчезла, словно растаяла.

Первое предложение — изгнать со съезда. Второе — изблечить ложь. Третье — сообщить о преступлении во все места, где работает осужденный. Председатель ставил резолюции на голосование весьма свирепо. Он одернул кого-то, замешкавшегося: «Вы что же, руку подымаете или голову чешете?» Зал загоготал. Выяснилось — нет, не чешет, голосует. Резолюции были приняты, после чего последовало: «А теперь гражданин Адлер должен покинуть собрание». Из публики кто-то крикнул в ответ: «Он уже смылся!» И музейные работники снова дружно загоготали.

Мне представилась тихонькая серая фигурка клеветника и классового врага. Вот он спускается по большим лестницам в обширную пустынную гардеробную, протягивает гардеробщику номерок от платья, натягивает на себя пальто, засовывает ноги в галоши, спускается еще ниже, к выходу, хлопает тяжелой дверью и исчезает в слякотных зимних сумерках. Все это мне представилось тогда с такой конкретностью, что сейчас уже кажется, будто я видел его уходящего воочию.

Позже рассказывали, что Горький, вернувшись из-за границы, помог Адлеру реабилитироваться. Так ли это было, не знаю.

2. Третья не встреча с Уэллсом (с шепоткой неприличия)

Знаменитый английский писатель обвинил Корнея Чуковского, что тот подучил мальчишек Тенишевского училища назвать имя Уэллса, когда в его присутствии их спросили о самых любимых книгах²⁰³. Я сам «тенишевец», и мой долг выступить в защиту Чуковского от возведенной на него напраслины. Еще за восемь лет до посещения Уэллсом Тенишевского училища он уже был достаточно там популярен. Я был в числе тех 16-17-летних мальчигов, среди которых проводился письменный опрос о прочитанных за последний год книгах. Опрос показал, что после Льва Толстого Уэллс — наиболее читаемый автор.

Я всегда подсмеивался над любителями «поглазеть» на заезжую знаменитость. Подумаешь — Рабиндранат Тагор, Ромен Роллан! Но вот Уэллса, живого Уэллса, столь полюбившегося в отроческие годы, мне все же очень хотелось бы увидеть. Посетив еще до революции Петербург, он побывал в гостях в доме Набокова. В этом доме бывал и я. Правда, в качестве всего лишь репетитора, а не гостя. Это была моя первая не встреча с Уэллсом.

Мне пришлось удовольствоваться лишь рассказом моего ученика о недавнем визите английского писателя.

Мне нечего сказать и о следующем приезде Уэллса в Россию уже после революции. Тогда он не только ознакомился с Тенишевским училищем, но попытался что-то разглядеть сквозь оконные стекла вагона и квартиры Максима Горького на Кронверкском проспекте. Россия была тогда «во мгле», а Ленин казался «кремлевским мечтателем». «Мгла» поглотила и меня, отсиживавшегося до поры до времени в провинции, куда английскому писателю дороги не было.

Последний раз Уэллс посетил Советскую Россию в 1934 году. Я работал в то время в Москве, в ВОКСе — Всесоюзном обществе культурных связей с заграницей. Новый председатель этого «Общества»²⁰⁴, являвшегося по существу всего лишь одним из подсобных отделов Наркоминдела, позаботился приспособить особняк, занимаемый ВОКСом, как можно лучше для официальных приемов. Комната отдела по организации выставок, в котором я трудился, примыкала к большому залу, отведенному ныне под столовую. В нашей комнате по вечерам устраивался подсобный буфет. На следующее после парадного приема утро мы по запахам, исходившим от наших рабочих столов, узнавали, чем потчевали гостей накануне: ветчиной, балыком, икрой.

Прием в честь Уэллса происходил днем. Дверь в столовую закрыли, приставив к ней сурового стража. Штат прислуги из «Гранд-отеля» с уже готовыми блюдами расположился в коридоре и в подвальной столовой, обслуживавшей сотрудников. На обед им в тот день дали лишь что-то наспех приготовленное.

Я сидел в своей комнате, сочинял и строчил какие-то деловые бумаги и думал о старом писателе, чьи книги так много значили в моем отрочестве и юности. Уэллс же в это время находился тут же поблизости, по другую сторону стены.

Прием длился недолго. Когда я, натрудившись, вышел в коридор, лакеи выносили объедки, укладывали посуду. Благообразный, тщательно выбритый человек пожилых лет в белом пиджаке еще с начала приема сел здесь у входа в столовую. Он руководил рейсами лакеев с блюдами. Теперь же пил чай с лимоном. На его лице выступали капельки пота; день был жаркий. Он, видимо, наслаждался отдыхом после напряженнейшей работы. Вернее — у него был вид полководца, который только что выиграл еще одно сражение. Он допил стакан, который держал на весу, и отдал проходившему по коридору лакею. Затем снял очки-щипоносы и спрятал их в очешник.

Четверть часа спустя я увидел его еще раз, уже уходящим из ВОКСа. На нем был обычный черный пиджак. В руках он нес чемоданчик и походил скорее на хирурга, возвращающегося с инструментами после операции. Образ этого человека заменил мне воспоминания о так и не встреченном мною Уэллсе.

3. Кисловодская осень (по-особому и особо непристойно)

«Нет, он не наш. Нет, не наш!»

Из окна моего кабинета были видны пасмурное небо, пруд, церковь с колокольной, примостившейся около нее почему-то с северной стороны, и могилка, над которой стоял человек, невзрачно одетый, с обмотками на ногах, и осенял себя крестным знаменем.

К окну приросла забежавшая ко мне Выборнова и все повторяла «не наш». Словно дятел долбила. Выборнову только что направил к нам в Музей фарфора, ютившийся в Кусковском дворце²⁰⁵, Люберецкий райком. Ее сняли с более ответственной пропагандистской должности. Сняли, как об этом пошел слухок, за мужа, арестованного за троцкистское прошлое. Она что-то скрывала, была очень возбуждена, все время отлучалась по каким-то делам. От нее пахло неопытным, неприятным. Она должна была вестись просветработой в музее, в которой ничего не смыслила.

Человек, привлечший ее внимание тем, что крестился у могилки и клал земные поклоны, был граф Павел Сергеевич Шереметьев²⁰⁶. После Октябрьской революции Шереметьевы сами сдали Луначарскому ключи от своего «Фонтанного дома» в Петербурге. Лет десять затем Павел Сергеевич директорствовал в Остафьевском музее. Но его участь была предопределена. Ему пришлось заняться вычерчиванием диаграмм и другими подобного рода работами. Ему заказали копию с портрета его прабабки Праксовьи Ивановны Шереметьевой-Жемчуговой. Он приехал в Кусково получить деньги за эту работу. И вот подошел поклониться могилке кого-то из своих родственников, похороненного здесь у церкви.

Это было летом 1937 года.

Я убежал из болотного Кускова от надвигавшихся бед этого столь памятного года, от шереметьевских призраков, от Выборновой, которая сама вскоре исчезла, от нового директора музея, у которого в прошлом было лишь стояние на часах перед кабинетом Ленина в Смольном. Я сбежал с должности заместителя директора по научной части и очутился в осеннем Кисловодске.

В Нарзанной галерее висели картины: это была выставка советской живописи, развернутая «Всекохудожником»²⁰⁷. Бессмертные дальних гор сверкало в вырезе входа в Галерею, которая еще хранила остатки бывшего архитектурного благородства. В ней сквозь эклектику ее унылого строителя Штакеншнейдера пробивалась наивная экзотика Кавказа николаевского времени. У источника милостивые девушки, подбираемые по стандартному образцу продавщиц из кондитерских, ловко протягивали вверх всем желающим стаканы с не целебным, но и не вредным для желудка нарзаном. По галерее же мимо картин не спеша, вязким потоком текли полчища отдыхающих и лечащихся советских граждан. Цветы Сарьяна, яблоки Кончаловского, парашютист Дейнеки неизменно вызывали недоумение. Пастух Пластова, неумело тащивший овцу не за задние, а за передние ноги, а также баталия Савицкого, где одновременным атакующим строем, вопреки элементарным правилам тактики, шли танки, двигалась пехота и летели самолеты, то и дело навлекали на художников обвинения в невежестве, в незнании животноводства и военного дела. И лишь «Девушка со свечой» неведомого Шнайнера оказалась способной породить единодушный восторг.

На выставке меня встретил сотрудник «Всекохудожника». Это был человек пожилых лет и весьма благообразного вида. Он знал моего отца. Мы с ним сразу же разговорились. Поговорили о том, о сем, о многом. Даже о постановке «Анны Карениной» в МХАТе: его особенно умилял старинный вальс, исполнявшийся в сцене скачек. Ко мне он проникся полным доверием. Он уже закончил курс лечения нарзанскими ваннами и должен был в этот же день вечером уехать.

Он уступил мне свой номер в гостинице. Перед отъездом он увлек меня в свою прощальную прогулку вверх по петливой дороге на гору. Он славил нарзанные ванны и кисловодский воздух за то, что они помогли ему выторговать у судьбы лишние годы жизни. На обратном пути мы подошли к бетонной статуе Сталина в парке. Это был образец массовой продукции скульптурных мастерских «Всекохудожника». Ее установка была заслугой моего спутника. В Кисловодск он приехал лечиться и отдыхать, но ему подвернулся также случай подработать. Он помог местным властям скорейшим образом получить из Москвы апробированное и добротное монументальное изображение вождя и получил за это от «Всекохудожника» в качестве его агента-представителя вполне приличные комиссионные. Статую он мне показал не без гордости.

Сентябрь в тот год выдался великолепный. Светило солнце, поспел виноград, в ресторанах кормили недорого и вкусно, утрен-

ние прогулки в горы были чудесны. В Кисловодск я приехал в качестве высококвалифицированного музейного специалиста помогать в работе выставки «Всекохудожника». Меня это на ближайшие месяц-два устраивало. Не помню, в какой должности я числился, но работа была необременительная. Даже поначалу забавная. Тоскливее стало при наступлении неизбежного осеннего ненастья. Но оно длилось всего несколько дней. А затем снова засеркало солнце, и розы продавались по дешевке.

От прошедших дождей осталось темное пятно на лбу и щеке сталинской статуи. Оно порочило качество бетонных монументов, фабрикуемых «Всекохудожником». Местный скульптор не смог побороть пятна, расплывшегося по лицу вождя. В Москву полетели телеграммы. Приехал старичок, опытный формовщик. Он тотчас же поставил диагноз и прописал лечение заболевшей статуи компрессами. И принялся самолично лечить.

Мне пришлось приютить его у себя в номере. Старичку было не по себе среди кисловодского бальнеологическо-эротического неистовства. Он скучал. На второй вечер извлек из чемоданчика аппетитный бубличек с маком, водочки и остатки закусочки, уложенной женой на дорогу. Робко предложил мне составить компанию. Пришлось огорчить его отказом.

На рассвете он ушел. Я же встал несколько позже, когда солнце начало пригревать. Заглянул в парк. Щека Сталина была подвязана. Старичок сидел подле. Курс лечения протекал нормально. Презируя зигзаги дорожек и столбы-«станции», предназначенные для немощных «сердечников», я напрямик из парка начал подниматься в горы. Миновал «Синие камни», «Храм воздуха», «Серые камни» и достиг «Красного солнышка». Мужчина-самец с штампованной актерской физиогномией кого-то там поджидал. Появилась его дама и ритуально начала сопротивляться. Самец, скорчив свирепую гримасу, выдавил из себя «умоляю». Он увел свою жертву к скалам, не найдя ничего лучшего, как развлекать ее на ходу перечислением отрезков коверкота, находящихся в его владении. Где и как они устроились в этот ранний час, не знаю. Их появление и исчезновение не смогли нарушить высокого строя горного утра.

Спустившись вниз, я зашел в запасник выставки. Заведующий выставкой был в отъезде, и мне надлежало проверить, все ли в порядке. В углу сидел старичок. Следом за мной вошли двое. У обоих были одинаково засучены до локтя рукава белых рубашек, одинаково тяжелы подбородки, одинаково безжалостно-повелительные взоры. «Где заведующий?» — «В отъезде». — «Когда вернется?» — «Сегодня к обеду». — «Кто вместо него?» При-

шлось откликнуться мне. Презрительный взгляд, затем краткая информация: у статуи Сталина, ответственность за которую несет «Всекохудожник», на посмешище всем гуляющим подвязана щека. Хранитель запасника, комсомолец, только что проходивший обучение в войсках госбезопасности, изобразил на лице ужас и неподдельное негодование. Тотчас же схватил брезент и умчался прикрыть контрреволюционную издевку над вождем. Старичок же незаметно притаился: он лишь на минутку, отойдя от статуи за нуждой, зашел заодно и в запасник.

Гости тотчас же ретировались, наказав мне, чтобы заведующий тотчас же по приезде явился в комнату 36. Я попытался было переспросить, в какое именно учреждение. На меня взглянули как на идиота. Я понял и запомнил на всю жизнь, что есть такие учреждения, названия которых так же запрещено произносить, как и имена всемогущего еврейского бога — Яхве и Элохим. И я также с тех пор научился сразу же по одному лишь внешнему облику распознавать посланцев всевластного неудобоназываемого госоргана.

Мне не оставалось ничего другого, как пойти позавтракать. А когда я вернулся в запасник, то меня там встретили возгласом: «Дедушку увели!» Еще раз, оказывается, пришли те двое. И забрали его.

Старичок исчез бесследно. После полудня появился заведующий выставкой. Можно себе представить, насколько обременительной стала для него впоследствии, в годы войны, его односложная фамилия — Фриц. Борис Семенович Фриц! Худощав, строен, длинные седые волосы, плешка наподобие тонзуры, глаза энтузиаста. Быть может, еще недавно прельщавшие женщин, они горели лишь одним тусклым огнем озабоченности о зароботке и о благополучии семьи. Он был торговым агентом по призванию. Дела по продаже картин с выставки в дома отдыха, санатории, клубы заполняли его целиком. Фриц никогда не расставался со своим невероятно распухшим портфелем. Там была вся канцелярия выставки. Портфель был вручен мне. Заодно и сберкнижка. Я наспех записал московский адрес, адрес семьи. Затем, пожав мне крепко руку, Борис Семенович со стремительностью персонажа из повестей Гофмана помчался в комнату 36.

Я бродил с портфелем, неммыслимо оттягивавшим мне руки, вокруг Нарзанной галереи часа два. Размышлять, предполагать, намечать, предвидеть надо было бы столь многое, что я просто не мог ни о чем думать.

И вот, когда совсем не стало сил держать портфель, появился Фриц. Внезапно и целехонек! У него был вид человека, к которому

вернулся аппетит. Он рассказал лишь одно: у старичка обнаружено кулацкое прошлое.

Немудреный багаж старичка, включая кое-какие инструменты, стоял у меня в комнате дня три на полу. Наконец я отважился сообщить об исчезновении моего сожителя заведующему гостиницей, товарищу Шмидту. Рыхлый, но деловитый немец принял это известие с должной для члена партии стойкостью и вместе с тем как нечто для него привычное. Тотчас же распорядился составить опись и унести в камеру хранения. Очевидно, такое случилось в гостинице не впервые.

Последние следы старичка исчезли. Солнце светило по-прежнему, нарзанные девушки все так же бесперебойно с холодной услужливостью подымали вверх стаканы, «Девушка со свечой» Шнайдера, кокетливо обнажив плечо, день за днем вербовала все большее число поклонников среди посетителей Нарзанной галереи и уже расценивалась как одно из высших достижений мировой живописи, а Фриц с возросшей энергией носился по санаториям, разъясняя им культпросветительную полезность приобретения присланных из Москвы картин. Борис Семенович умел подавлять душевные тревоги и по-еврейски был предприимчив. Он немедленно послал телеграфное требование на новый экземпляр бетонного Сталина, а внезапно присланного для расширения выставочной деятельности работника тотчас же сообразил пристроить на освобожденную ялку в моей комнате.

Владимир Захарович был давним моим московским знакомым. Человек старорежимный, скромный, хворый, одинокий, он предпочитал сторониться больших дел, хорониться, прижавшись к стенке, в тени, кое-как перебивался, занимаясь ведением экскурсий и устройством выставок. Первую ночь в Кисловодске ему пришлось провести в гостиничном общежитии. Там ему не дали спать его сопостояльцы — настоящие сатиры. Они появились лишь после полуночи, тщательно отмывали над раковиной свои ... И вели искусительные разговоры о различных способах кисловодского служения Венере. Были среди них, согласно позже возникшей терминологии, «лавочники», «кустари», «гладиаторы». Все они единодушно славил местный воздух, содействующий необычайному приливу сил при не испытанной еще никогда длительности земных наслаждений.

Переселение в мой номер было для Владимира Захаровича счастьем. Но человек весьма чувствительный, он тотчас же понюхал воздух и уговорил меня вынести из комнаты умывальник, якобы дурно пахнущий. Вообще у него были замашки старой девы. Перед тем как подойти к наяде нарзанного источника, чтобы

принять из ее рук искрящийся пузырями стакан, он отходил в сторону и стыдливо, отвернувшись, снимал зубные протезы, оберегая их от воздействия холодной воды. Он любил с восторженностью институтки изливаться славословием в честь «богини» — балерины Марины Семенович²⁰⁸. Умиленно делился воспоминаниями о «Художественных письмах» Александра Бенуа. Меня очень тронуло, что в юности он хранил вырезки из газеты «Речь» с особо примечательными «Письмами». Читать он любил необычайное. Например — «Жана Сбогара» Шарля Нодье²⁰⁹. Я тоже прочел, но не восчувствовал.

Владимир Захарович недолго составлял мне компанию. Он уехал в Железноводск ведать выставкой картин в Пушкинской галерее и просвещать тамошних «язвенников» по части советской живописи.

Мне же пришлось заняться экспозицией выставки в Пятигорске. Среди картин, предназначенных красоваться в стеклянной клетке Лермонтовской галереи, был портрет Федора Модорова, изображающий какого-то крупного азербайджанского политического деятеля²¹⁰. За благонамеренность портрета отвечал «Всекохудожник», приславший его. Портрет значился в только что отпечатанном каталоге. И все-таки было боязно. А вдруг азербайджанец «изъят»? Я переспросил Фрица, уверен ли он в нем. Но Фриц отшел сомнения: ему говорили, что азербайджанец уже успел вовремя умереть. Я повесил его портрет с краю на главной стенке, в центре которой поместил достаточно величавый портрет Сталина.

На следующий после открытия выставки день явился к нам в Кисловодск ведавший ею художник с совершенно перекошенным от ужаса лицом. На выставку с утра явился некто, снял злосчастный портрет, взял его под мышку и унес. Вероятно, у этого некто тоже были засученные рукава. Выставку тотчас же опечатали. А директора курорта, разрешившего ее открыть, сместили с должности.

Земля колебалась под ногами и у Фрица, и у меня в течение нескольких дней. Но эти несколько дней прошли, нас никто еще не потревожил, и мы начали привыкать к такой зыбкости. Я все наседаю на приунывшего Бориса Семеновича, откуда он это взял, что азербайджанца нет в живых. Наконец он вспомнил и разыскал того сотрудника курортного правления, который его так губительно дезинформировал. Оказалось, что какой-то местный однофамилец азербайджанца, тоже видный партработник, недавно попал под поезд. Нам оставалось пожалеть, что азербайджанец не догадался последовать сему спасительному примеру. Но все

же у нас на душе стало чуточку легче. Мы могли теперь хотя бы ссылаться на источник ошибки.

Однако устойчивости почвы мы не обрели. Ночи становились холоднее, народу в Кисловодске убыло, тревожные слухи сгущались. Даже товарищ Шмидт, директор гостиницы, с таким стойческим спокойствием относившийся к изъятиям своих постояльцев, сам оказался внезапно изъятым.

В жизни мне не раз удавалось уезжать раньше положенного срока и вместе с тем как раз вовремя. Не досидев до конца командировки, я как-то уехал из Ленинграда, и это оказалось накануне наводнения. В Крыму я не использовал всего своего отпуска и отбыл оттуда за день до землетрясения. Но что значило незлобивое ленинградское наводнение или даже столь напугавшее курортников трясение благодатной Тавриды по сравнению с этой кисловодской осенью, осенью 1937 года! Я решил не дожидаться обусловленного договором о работе срока. Я внезапно заскучал по Москве, по дому, по жене.

В парке ко мне подошел один из представителей местной курортной власти. Не так уж чтобы ведущий работник, но все-таки ответственный. В его глазах светились злоба и ужас: «Что творится у нас на выставке в Нарзанной галерее? Этим надо повнимательнее заняться!» Оказалось, что на столике в галерее, за который предприимчивый Фриц посадил отменно красивую девушку для продажи репродукций с мировых шедевров живописи, поверх «Венеры» Джорджоне лежал портрет Сталина, без распространения которого никакая торговля не могла обойтись. Что я мог на это ответить? Я понял, что обличитель отнюдь не злобствует, а лишь трепещет за собственную шкуру. Я пожал плечами и отомолчался. И побежал на станцию покупать билет в Москву.

Фриц мне не перечил. Для приличия попросил подождать еще дня два. Последнее, что я видел во дворике около запасника выставки, были ящики с отдельными бетонными блоками нового экземпляра статуи Сталина. Увы, Москва прислала блоки от разных экземпляров!

В Москву я вез букет роз. Одна из них была голубая, искусственно окрашенная. В Москве меня ждали слухи, распускаемые директором Музея фарфора, от которого я бежал, о моем аресте в Кисловодске. А также сведения о том, что мой недавний знакомец, по чьей инициативе купили бетонного Сталина для кисловодского парка, ушел «по собственному желанию» с работы в «Всекохудожнике» и что «дедушка» успел уже получить десять лет. Вдгонку же мне летели изумления кисловодцев, что я на свободе.

Голубая роза осыпалась еще в поезде. В ресторане-вагоне за соседним столом шли разговоры о контрреволюции и диверсиях. Злодеи-вредители способны на все: в мешки с мукой подсыпают толченое стекло! Рассказывавшая об этом женщина была полна звериной злобы. И все же нельзя было понять, действительно ли она злобится и верит в толченое стекло или же ей приходится на всякий случай напускать на себя звериность. Быть может, и у нее кто-то из близких «сел», «взят», «изъят»? Чем-то она напоминала Выборнову с ее бессмысленно-тупым дятлиным вторением «не наш, не наш». /.../

10. GEWISSENSBISSE*

Шимпанзе уже взвел курок старомодного ружья и старательно целится. Скрестив ноги, он уселся на подлокотник огромного дивана. На нем фрак с генеральскими эполетами, феска и туфли. В другом углу дивана — заплывшая жиром туша бородатого, бабьего, с остроконечным лысым черепом старика. Это — канонизированное гротескное изображение капиталиста, хищника и сладострастника. В правой лапаше — неизменная сигара, левая же придавила крохотное личико тщедушной, обморочно-распростершейся девочки-подростка. Бессильно повисшие ручонки, коротенькая юбочка, из-под которой высовываются стройные ножки, но уже выпуклая грудь. Однако ружейное дуло с раструбом без промаха наведено на насильника, и в его глазах уже не похотливость, а нарастающий ужас.

Название — «Укоры совести». Мне как-то попался на глаза и самый тот номер «Симплициссимуса», образцового немецкого сатирического журнала, в котором впервые появилась эта столь пугающая и приобретающая немалую популярность карикатура. В журнале под ней был помещен небольшой текст. Из него явствовало, что она — отклик на какие-то политические события на Ближнем Востоке. Но сейчас я уже совершенно забыл, на какие именно.

Художник — Паскен, вернее — Паскин. Еще точнее — Пасхин. Его имя — псевдоним-анаграмма еврейской фамилии Пинхас. У этого превосходного живописца, произведением которого присущ оттенок почти болезненного эротизма, трагическая судьба: он покончил самоубийством в день открытия своей большой персональной выставки.

* Укусы совести (нем.).

Но о его судьбе и славе, о правильном произношении его имени я узнал позже. Долгое время я полагал, что Паскен — только рисовальщик, один из ведущих художников «Симплициссимуса». Я не подозревал также об иносказательном смысле его «Укоров совести». С первого же раза, как я увидел эту карикатуру в книжке, посвященной всяким ужасам и гротескам, мое внимание было привлечено преимущественно обезьяньей мордой с устрашающе вытаращенным глазом. Дрянное ружьишко в этих безжалостных мохнатых лапах казалось неотвратимо направленным также и на зрителя. Лучшего образа, символически воплощающего тайные муки нашей подавленной совестливости, и не придумать!

Уверенно целящаяся и медлящая выстрелить обезьяна мерещилась мне в течение той особенно мучительной летней ночи без сна, к воспоминаниям о которой я, самоистязуясь, много раз возвращался впоследствии. Таких уж сверх всякой меры беспокойных ночей, тревожимых внезапно всплывшим назойливым видением, было в моей жизни, пожалуй, только две. Первая — лет за десять до того, почти бредовая, когда мне вдруг ни с того ни с сего представился взрыв пороховой башни. А вторая ночь, вот — эта, обезьянья.

На этот раз никакого бреда не было. Просто — выбился из сна, одолели всякие мысли, неизбежные спутники бессонниц, которые, по своей дурости, я так и не научился преодолевать. Воспроизвести покаянные размышления и сомнения именно этой ночи, а не какой-либо другой заодно, нелегко. Но все же попытаться надо. Иначе получится, что, задавшись целью чистосердечно признаться в своих искусствоведческих грехах, я все же хочу что-то утаить.

И не все ли равно, в ту ли ночь или позже было это все передумано? Право же, особого греха в том, что я припишу все мои этого рода «Gewissensbisse» лишь одной из своих более ранних бессонниц, не будет. Ведь как-никак, а эти укоры совести действительно мучили меня. Недостоверна лишь их одновременность. Но сами по себе они, ручаюсь, вполне достоверны.

...жевать трудно и все же питательно жевать-читать Франкля²¹¹ очень трудно но все же читаю с большим увлечением сам на себя удивляюсь видно на меня напал такой стих тороплюсь читаю не так как советовал сам Франкль в предисловии он предлагает при чтении сверяться с иллюстрациями в альбоме немецкой архитектуры но мне некогда читаю порой с пятое на десятое и тут же пишу опровергаю Франкля мне некогда я всегда был не тщателен и вот ничего из меня не получилось еще в школе на ла-

бораторных занятиях по химии я гонялся за быстротой хотел быть из первых не понимал радости от неторопливого но тщательно проведенного опыта и представлял преподавателю его звали Вадим Никандрович²¹² хороший был педагог а я его обманывал представлял отчет о результатах проведения опыта с подправленными цифрами схватывал многое на лету но старательности не было не умел доводить до конца даже и не интересовался результатами малышом мастерил кораблики из сосновой коры кропотливо оснащал их при помощи ниток и гвоздиков а потом не знал куда их девать и ломал их вот так и сейчас конспектирую пишу имею свое мнение опровергаю а к чему это не знаю о напечатании и думать нечего надо бы заснуть душно очень но вот все думаю о том же о несостоятельности именно несостоятельности противопоставления скульптуры и архитектуры по признаку объема и пространства у Бринкмана²¹³ это доведено до абсурда а у Франкля еще до того было систематизированно но первоисточник столь неверного противопоставления Шмарзов²¹⁴ он старомоден но все же надо было бы все что по этому поводу он написал прочесть но я не раздобыл всех его книг всегда так у меня не тщательно но неужели из-за такой мелочи чего-то у Шмарзова не дочитал отказаться от спора нет не заснул душно хорошо что Ася спит а у меня какие-то бессильные попытки заняться научной-исследовательской работой вообразил что построю классификацию искусств для чего и ищу спецификум архитектуры обезьяна с ружьем целится всегда делал не то что надо выбиваюсь из сна... разжал глаза... темно, Ася ровно дышит, спокойно спит, пусть хоть она выспится, вот снова зарница, да, зарница, а что такое зарница, зигзаг молнии без грома, «демоны глухонемые» или внезапная вспышка вдали, есть еще сполохи, так, может быть, это не зарница, а сполохи, никогда толком не знал, что как называется, может быть, это одно и то же, все равно глаза открыты, лежу на спине, о чем же я думал сейчас, да — не умею работать, смешной был семинар по истории искусств у профессора Айналова²¹⁵, мы сидели за столом, смотрели альбомы, читали книжки, кое-кто даже снимал кальки с рисунков, это — всего лишь два часа в неделю, Дмитрий Власьевич, попив чаю, который ему подносил мрачный Сидорка, сторож при кабинете истории искусств, Сидорке, кажется, «гиперборей» поручали продажу своего журнала и издания «Цеха поэтов», так вот — попив чаю, Айналов обходил нас всех, спрашивал, что мы вычитали и надумали, он полагал, что так лучше всего руководить семинаром, никто своих работ не читал вслух, а в конце года сдавал работу Дмитрию Власьевичу, он составлял письменный отзыв на нее, внимателен был,

ставил зачет за занятия в семинаре, но меня ничему не мог научить, заика Владимир Васильевич Вейдле²¹⁶ — мы, занимавшиеся в семинаре, называли друг друга по имени-отчеству — рассказывал, как в предыдущем году вздорил с профессором Осип Мандельштам, оба чудили, Мандельштам пытался изучать французскую готику, Вейдле корпел-корпел над историей композиции «Благовещения» и не вытерпел, сбежал к Гревсу²¹⁷, променяв историю искусств на общую историю, Сергею же Ростиславовичу Эрнсту все было нипочем, он имел ход к барону Врангелю и напечатал статью о Лосенке²¹⁸, он привел покладистого и очень милого глуховатого Дмитрия Дмитриевича Бушена²¹⁹, кометой промелькнул уверенно-зрудитный студент с громкой фамилией Грабаря, по имени Андрей²²⁰, у меня же ничего не было за душой, кроме робкого интереса, а затем и поездки в Италию, я ничему не научился, от Средневековья и Византии меня воротило, я мечтал о Ренессансе, а Дмитрий Власьевич мог мне помочь лишь тем, что дал записку, открывшую мне доступ в библиотеку Зубовского особняка и познакомившую меня с Ракинтом²²¹, я ничему не мог научиться просто потому, что не знал, что делать на историко-филологическом факультете, у меня, как у лисицы, попавшей в яму-капкан, было тысяча думушек, и я не знал, за какую из них схватиться, так и остался в яме, папа и мама напрасно согласились, чтобы я поступил на историко-филологический, ведь он ничего не мог мне дать, кроме диплома и «права жительства», но была Революция, и даже «право» не понадобилось, в Университете я хватался и за русскую литературу, и за философию, и даже за семинар по средневековой мистике, остался в яме дилетантской образованности... вот уж и совсем не сплю, за окнами полыхает порой, что-то чешется, душно, повернуться бы на правый бок, но все равно не заснуть, в яме; любил ли я искусство, не знаю, может быть, только интересовался, разбираться не научился, в стихах еще немножко разбирался, но вряд ли в живописи; а чорт! — к чему это покаяние, самоизобличение, неуверенная совестливость, когда тебе уже пятый десяток пошел, когда наматался по разным работам; вот сейчас сбежал с «командной должности» в Музее фарфора, музей этот — «болотце», а до того была «Третьяковка»²²² — «сумасшедший дом», да еще был эпизодически ВОКС, не помню, какое у него было прозвище, но, пожалуй, к нему подходит «бардачок», так называл ВОКС пытавший меня в течение суток следователь ГПУ, я знаю его имя — Ткачев, он тогда все-таки дела об антисталинском злодействе решил не затевать, пока пытал, все же угостил чаем с сдобной булкой, за которой посылал в буфет, а я ему денег за булку так и не отдал;

для работы в ВОКСе я не годился, но и музейщиком я тоже по-настоящему не был, не «вещевик» я, плохо чувствую вещи по отдельности, нет интуиции, в музеях я сам оттирался от исследования, от экспозиции к — будь она неладна! — просветработе; «педагогическая жилка» у меня есть, но какая это чушь — «учить смотреть картины» случайного музейного посетителя, даже если ты с ним проведешь целый экскурсионный цикл, а я искренне верил в то, что это можно, не понимал, что сам себя обманываю; вот в чем каяться надо, вот за что мучит совесть, обезьянье ружьишко; разве можно объяснять музыку во время ее исполнения, а я хотел, чтобы мой слушатель «переживал» картину в то время, как я шаманил, шаманил не без удачи, объяснял ему суть этой картины, я наивно полагал, что, заинтересовав его картинами, в которых что-то рассказывается, постепенно переведу его внимание на чисто живописные качества, но ведь сам-то плохо чувствовал эти качества; вот почему чешется, вот откуда укору совести, да тут еще обязательство «марксистского истолкования искусства»; первым христианам сердобольные люди предлагали пролить несколько капель из чаши вина перед статуями богов, формально воздать богам почесть и тем спастись, искусствоведы, добываясь напечатания своих работ, так и делают, вставляют в свои писания обзоры «экономически-социальных условий» и цитат; но я так не мог, я ведь всерьез относился к марксистскому пониманию искусства, еще до Революции знал о Гаузенштейне²²³ и не хотел проливать вина в честь идолов; нет, все-таки проливал, вот и не спи сейчас, вот и кидайся от живописи к фарфору, не забывая при том и о своей любви к стихам, не пропуская театральных премьер, обманывая себя надеждой, что свяжешь всю эту свою суетню размышлениями о классификации искусств, воображай, что нашел определение спецификаума архитектуры... Нет сна! А черт — ведь это клопы кусаются! Клопные укусы, укусы — «bisse», не укору, а укусы совести!

В ту душную «воробьиную ночь» в Задонске на нас внезапно напали клопы. Кусались они ожесточенно. Я всегда панически боялся их.

Вообще же отдыхать летом в Задонске было бы чудесно. В прежнее время сюда на богомолье съезжались купцы. Заодно они варили варенье, запасались им на зиму. Монастырские здания остались, неуклюжие, кричаще безвкусные, захламленные. Прежние жители города за последние годы большей частью разбежались. Куда — неизвестно. В Елец, Липецк, Воронеж, даже в Москву. Или еще дальше. Дома продавались за бесценок. Или пере-

ходили во владение переселенцам из сел и деревень. Им в ту пору тоже почему-то на старом месте не сиделось.

Наши хозяева были также еще недавно деревенскими обитателями. Они не очень-то распространялись о том, что погнало их в город. С продовольствием было не очень-то ладно, с «промтоварами» еще хуже, транспорт разладился. В Елец к железнодорожной станции ездили лишь на попутных машинах. Но продавцы госторговли удивляли своей вежливостью; их обучили на специальных курсах. Наша хозяйка охотно помогала Асе в нехитрых кухонных делах. Она обманула нас лишь по части клопов. Клялась, что их нет. На всякий случай промазала керосином и уксусом щели в стенах и даже пазы железных кроватей. А все же, как пришла душная грозовая пора, не помогло. Была она женщина трудовая и предприимчивая. Сил своих не жалела, чтобы снова добиться хорошей жизни; бездельницу-дочку, уже наливавшуюся соблазнительной пухлотелостью, колсила как телку для продажи. В ветхой пристройке ютилась слепенькая злая старушонка. Она представляла бывших владельцев дома. Было оговорено, что она останется здесь доживать свой век. Затхлое нищенство ее обиталища напоминало о рембрандтовой «Жене Товия с козой».

Дон был близко от дому. Купание было превосходное. Ася наслаждалась им властью. Но после дождей вода мутнела. В саду у нас под яблонями стоял столик. Я сидел там в прохладе, читал, а порой и писал в охотку. И все же эта почти совсем деревенская жизнь таила опасности. Об этих опасностях я знал сызмальства: собака может укусить, кошка — оцарапать, корова — забодать, лошадь — лягнуть, пчела — ужалить. И вот еще одна угроза — яблоко может упасть, разбить очки...

А между тем это был 1937 год! Уже немало тягот пришлось перенести и до того. К лету стало ясно, что этот год много страшнее предшествовавших. Но мы еще не представляли себе, какие астрономические числа гибелей нависли над нами.

Я ушел в отпуск с изволения высшего начальства, но не непосредственного. В сущности я бежал, повинуюсь инстинкту самосохранения, с работы. И, конечно, не вернулся. Мне казалось, что проблема объема и пространства в архитектуре меня наполнила целиком. Я не сознавал, что топлю в размышлениях над ней свои тревоги. Тревоги прорывались ночной бессонницей, воспоминаниями о непутевом прошлом, сомнениями, никчемными покаканиями, «укусами совести», обезьяной с ружьем.

Неустроенность, неприкаянность отличали и дальнейшую мою жизнь. После «болотца» был еще один музей — «музейчик», Музей нового западного искусства²²⁴. Было также, правда — лишь

мимоходом, и командующее учреждение, можно сказать — гоголевский департамент, ютившийся в тесном, насквозь прокуренном и неподдающемся проветриванию помещении, сущая «вонючая дыра». Был и научно-исследовательский институт, такой ничемный, что вполне заслужил диккенсовское прозвище «института околичностей». С отчаяния я запрятался, как таракан в щель, принялся преподавать историю искусств в художественном техникуме, презрительно именуя его даже не «щелью», а «щелой». За ней следовали другие «щелы»: студии, краткосрочные курсы. Затем осел в вузах. В одном из них вначале мне пришлось читать лекции в почти не отапливаемой аудитории, и он навсегда остался для меня «институтом вечной мерзлоты». А другой, хотя и с громким именем, был так малогабаритен, и коридоры в нем были так узки, что ему нельзя было придумать другого прозвища, кроме «щелá повышенного типа» или «щеловидный институт».

Кочевал я с одной работы на другую не мало. И все без особого толку. А вот что касается моей писанины «Пространство и объем», то из нее-то как раз кое-что проистекло²²⁵. Позже мне все-таки удалось довести ее до конца. Отполемизировав с Шмарзовым, Франклем, Бринкманом, я даже отважился сформулировать свое определение спецификаума архитектуры. А затем наступило особо трудное время — Вторая мировая война. Под конец оно стало также и в некотором роде фантастическим. Я оснастил написанное мною двумя цитатами, почерпнутыми из БСЭ — Большой советской энциклопедии, и безнадежно после Эйнштейна устаревшими высказываниями Энгельса и Ленина о материи, энергии, пространстве и времени. Далее же, надев вместо своих обветшавших вконец ботинок другие, поновее, принадлежавшие мужу моей сестры, уже давно заимевшему «ученую степень» и притом докторскую, да еще настоящих наук, медицинских²²⁶, пошел защищать кандидатскую диссертацию. Одновременно со мной диссертантом выступал архитектор, разработавший основы банного строительства. У секретарши Академии архитектуры, выдавшей мне потом выписку из протокола о присуждении ученой степени кандидата искусствознания, был вид благодетельницы: выписка давала право на получение продовольственной карточки «литера А».

Высшее счастье обладания «литерой А» мне было тогда уже и без того доступно. А что касается самой «степени», то искусствоведом я все же себя не стал ощущать. В своих «Чистосердечных признаниях» я хотел было отрекомендоваться «нечаянным искусствоведом» или еще скромнее — «случайным искусствоведом». Но это звучит не очень складно. Пришлось предпочесть не совсем точное — «так называемый...» Ироничность этого наименования

я направляю лишь на самого себя. Но, увы, оно может быть также понято и как насмешка над сомнительностью работы всех, кто «ведает искусство». Вот и получилось, что и заголовок моих мемуаров звучит несколько двусмысленно. Приходится с этим мириться. Ведь еще хуже было бы двухэтажное, хотя бы и более точное — Чистосердечные признания так называемого «так называемого искусствоведа».

Во всех бедах, даже личных неудачах, принято виноватить «наш гнусный век». Особенно такой, каким была зверино-истребительная и пакостно унижительная «сталинская эпоха». Позвоительно поэтому предположить, что в другое, менее губительное время, может быть, удалось бы по-настоящему почувствовать себя искусствоведам, все равно — без кавычек или окавыченным, и обрести любовную преданность своей работе. Однако, даже напуганный грозным удушьем 1937-го года, я все же совестился своей непрофессиональной аморфности и бродяжничества. По давней интеллигентской привычке к самоизобличению я корил прежде всего самого себя. Но сейчас, тридцать лет спустя, обычное в судьбе каждого не очень удачливого человека сплетение «неблагоприятных внешних условий» и личных неспособностей мне как будто ясней.

Чтобы помидоры хорошо вызрели, надо лишние, неплодоносные отростки, так называемые «пасынки», обрывать. Евангелие требует от зерна еще большего: если, «падши на землю», хочешь плодоносить — то умри. Уподобление помидоровому кусту, а не зерну, предпочтительнее. Все-таки — не жертвенная гибель, а всего лишь разумное самоограничение! Но и на ущемление самого себя, подавление побочных, излишних склонностей не всякий способен. И как бы ни хотелось «принести много плода», все же «пасынковать» какую-то часть своих душевных устремлений не легко!

Оглядываясь на прошлое, своим прегрешениям обычно ищут оправдание в «исторических условиях». Своему же личному несовершенству придают меньше значения. Но мое поколение прошло сквозь время величайших ломок, неистовых истреблений, чудовищных неразберих. И, каясь в содеянных им ошибках, оно, наоборот, рискует возвести напраслину не на эпоху, а на самих себя. Многие, в том числе и я сам, право же, не столь уж повинны в неспособности к «пасынкованию», в малой преданности избранному делу, в непокладистости, непоседливости. Кому из нас не хотелось оставить хоть какую-нибудь память о себе, «неприемный след»? А вот — не пришлось!

Казалось бы, такое малое, скромное, ничем высшим властям не угрожающее дело, как искусство! Правда, в художественном творчестве для тех, кто чрезмерно блюдет общественное спокойствие, может таиться опасность. Но вот всего лишь влюбленное рачение об искусстве, его изучение, собирание, хранение. Или еще скромнее — художественное просветительство. Казалось бы, да так и было на первых порах, что второе особенно угодно властям. Чего уж лучше — учить понимать искусство! Этому делу можно было бы с полной охотой отдаться всецело и, проявив достоюдолжную покладистость, обрести в нем оседлость на всю жизнь. Более того, можно было бы даже вопреки возрастающим сомнениям питать иллюзию, что в меру своих сил все-таки чего-то достиг, что-то сделал. Но где уж там! Старания и сомнения оказались никчемными. Художественное просветительство, как и самое рачение об искусстве, как и множество других забот о духовной культуре стали явной ненужностью. Более того, их можно было заподозрить во «вредительстве».

И действительно, какой толк мог быть в том, что учишь «смотреть картины»? Чем методичнее и успешней проводилась бы такая «учеба», тем больше бы она порождала ненависть, да, именно — ненависть к насаждаемой стараниями свыше наглой, лживой и подхалимничающей графаретности, которую именовали советской живописью. Учить по-настоящему понимать живопись стало опасным; это была бы идеологическая диверсия.

Искусствоведы, обратившиеся вместо столь сомнительного «просветительства» к традиционной исследовательской работе, казалось, избрали более благоую часть. Насильственное насаждение «методов марксизма-ленинизма» в истории искусств было настолько бестолковым, что не смогло стать для нее столь же губительным, как для философии, истории или литературоведения. Искусствоведы довольно быстро научились окутывать свои исследования надлежащими цитатами и всевозможными экскурсами социологическо-экономического характера, вводимыми по принципу «в огороде бузина, а в Киеве дядька». Это походило на съемные золотые одежды на статуе Афины-Партенос Фидия²²⁷. Съемные одежды вынужденных интерполяций оставляли, однако, в тексте, а следовательно и в самом строе исследования, следы от креплений. «Гля ест траву, ржа — железо, а лжа — душу». Ловчее всего и безвредней такие одежды навешивались на исследования об искусстве дальних эпох и стран. Особенно — о таком, которое можно было бы выдать за реалистическое, не углубляясь в его суть.

Но еще безопаснее было при исследовательской работе не очень налегать на истолкования и обобщения, а по возможности

ограничиваться лишь сборанием материала, его систематизацией и предварительной обработкой. Или, что еще лучше, — перейти к работе в музее, заняться атрибуцией, научным описанием, учетом, консервацией. Однако помнить при этом, что и среди музейных дел есть такие, которые, как например экспозиция, также требуют опасливости.

И вот получается, что благоразумнее иной раз было отнюдь не «пасынковать» более хилые и как будто бы излишние свои склонности, а наоборот жертвовать теми, которые обещают «принести много плода». Так приходилось поступать нередко и в прежние времена. Преимущественно — из соображений житейского характера. Но для людей моего поколения, порывавшихся к независимой исследовательской мысли и свободному просветительству, т.е. к работе на так называемом «идеологическом фронте», это своего рода «пасынкование навыорот» стало почти неизбежным.

Прошлого не воротить. И все же совесть грызет, кусает. Или, по правде говоря, теперь уж всего лишь покусывает. Беда была совсем не в том, что не приучил себя к тщательной работе, разбрасывался, не решался пренебречь малым ради основного. А в том, что вовремя не взвесил соотношение «внешних условий» и личных возможностей. Лучше было бы вовсе отказаться от столь ненадежного дела, как «искусствоведение», подыскать себе какое-либо другое занятие и ограничить свои устремления к искусству одним лишь его «потреблением». Я как-то рванулся было так перевернуть свою жизнь. Но поздно. Героинка оказалась мне не по силам.

Рассудительный человек предпочел бы после этого «схвататься» в низине музейной или вспомогательно-исследовательской работы. Или же стать гоголевским чиновником нового советского типа в каком-нибудь художественном департаменте. Я испробовал и то, и другое. Без особого успеха. Успокоения не обрел. И снова потянулся к тому, что лучше всего мне давалось и как будто обещало плодоносить. Предусмотрительно стараясь не оказаться на юру, я возвращался к просветительству, к обучению «умению понимать искусство», но уже иного рода, более углубленному.

Кто более предан любимому делу: наотрез отказывающийся что-либо делать, лишь бы не следовать ложной указке, или соглашающийся ей подчиниться — в надежде, что что-то исподтишка все-таки удастся по-своему сделать? У одного преданность сочетается с соблюдением своего достоинства, а то и просто — с удовлетворенным самолюбием. У другого — с деловитостью,

с насыщением честолюбия, а также — скрывать нечего — с какой-какой материальной заинтересованностью. И так ли уж безоговорочно угоден Богу лишь тот, кто не отрекся от него и оставил одну только память о своей преданности? А другой, тот, кто пролил несколько капель вина перед идолом, но зато спас свою жизнь для того, чтобы чтить Бога хоть какими-нибудь деяниями, неужели он навеки отвергнут?

А впрочем, к чему эти «или-или» и всякие долженствования? Скромному советскому искусствоведе, да еще дважды «так называемому», они представляются старомодными чудачествами. Он лепит свою жизнь, как может, как всякий советский обыватель, в атмосфере этической недостаточности. И все же эдакого ёкания сердца, покусываний совести ему не избежать! Ну хорошо, героика отречения не для него! И даже на отказ от неразумного следования основному влечению, на то, чтобы заняться более скромным, но не совсем чуждым делом душевных силенок не хватило. Почему же тогда не примириться с вынужденным, почти общеобязательным соглашательством в своей работе?

Увы, не хорошо не самое соглашательство, а то, что проводишь его компромиссная, торгуясь с неподавленной, мнительной совестливостью! И вот и «сладости компромисса» не вкушаешь, и сколько-нибудь значительного дела не сделал, и «лжа», как ни берегся, все же разъедает душу. Иной раз убеждаешь себя, что тебе удастся, осторожничая и хитроумничая, из навязанных идей принять только те, которые чего-то стоят и в которые ты как будто уверовал. А вслед за тем, протрезвев, утешаешь себя, что ясно осознал всю их непродуманную нелепицу и что в умело переиначенном виде они и для тебя самого и для тех, кому ты их вынужден пересказывать, уже не яд, а невкусная безвредная сода, добавляемая в лекарства... Но счетчик Гейгера для обнаружения активной лживости еще не изобретен, и допустимая ее доза не определена.

И ни к чему поэтому следовать многоглаголению и нескончаемой вязи самоизобличений «человека из подполья». Искание последней правды о самом себе оборачивается поклепом на самого себя. Человек, до дна изобличивший свою нехорошесть, все же не может утешаться сознанием хорошесть своего самообнажения. «Человек из подполья» — это все-таки всего лишь поэтический прием. И даже как таковой он порой надоедлив. А в жизни просто невыносим. «Достоевский — но в меру» — таково название вступительной статьи Томаса Манна к американскому однотомнику избранных произведений великого русского писателя. Оно весьма наставительно и звучит предупреждающе.

Лучше вернуться к воробьино-клопиной ночи в Задонске. Точно всех обстоятельств ее я не помню. Во всяком случае, я вставал, зажигал свечку. Весьма возможно, что вставал не однажды. Подымалась с постели и Ася. Ночь была очень душная. Дальние небесные вспышки не унимались. Мы пытались охотиться за клопами. Отодвинули кровать от стены. Встряхивали простыни, подушки. Я выбегал наружу. Искал прохлады. Ася угомонилась раньше моего, легла, пыталась задремать. Она умела пренебрегать внешними невзгодами.

Под конец и я притих. А затем, когда чуть-чуть начало светать, доверился постели со смятыми, но все же уже охладившимися простынями. Заснул, конечно, не сразу. Беспокойные мысли долго еще не оставляли меня.

Я хорошо помню, что в ту ночь, когда вместе с клопами, под дулом померещившегося мне шимпанзе в феске, меня кусала совесть, дело шло не только о моей нерадивости по отношению к искусству. Мысли направлялись и на нечто более общее и трудно определяемое, на недолжное заполнение своей жизни искусством. Это были размышления не о своем личном грехе, но и о греховности всех, кто «ведает искусство». Более того — о греховности, быть может, общечеловеческой, о вредности чрезмерного вторжения искусства в людскую жизнь.

Ощущение, что здесь не все благополучно, всплывало в моей жизни не раз. Достаточной отчетливости в нем в ту ночь не было. Да и сейчас, несмотря на его возрастание в последующие годы и неоспоримую конкретность, я все же не могу толком о нем рассказать. В этом ощущении было что-то покаянное. Оно неотделимо от воспоминаний о давней бессоннице с пригрезившимся обезьянним ружьишком и с весьма кусачими клопами. И потому, стараясь соблюсти достоверность, я должен все же попытаться сказать и о своих искусствоведческих прегрешениях, так сказать, высшего, первичного порядка.

Введя в воспроизведение мыслей, которые возникли при пробуждении от ночной духоты и прочих дачных неприятностей, еще и кое-какие более поздние размышления, я уже нарушил обязательство ничего не выдумывать. И вот приходится и дальше идти по скользкой стезе вымыслов. Конечно, я не помню, о чем именно думал тогда под утро, прежде чем, наконец, забылся во сне. Но почему бы не вообразить, что при этом в моем дремлющем сознании сосредоточилась ноющая боль от довольно-таки путанных рассуждений о несправедном введении искусства в свою жизнь? Ведь все-таки такую боль я ощущал не раз.

...хватит, не надо раздражаться, зря нервничать, Ася ровно дышит, дремлет, надо заставить себя заснуть, закрыть глаза, не думать или, наоборот, мыслями себя утомить. О чем же думать?.. Да, я не понимал толком живописи, да и искусство вообще, скорее тянулся к нему, чем вникал, вот и сейчас теоретизирую насчет классификации искусств и отличительного признака архитектуры, как будто это занятие лучше, чем истолкование искусства, его пояснение, раскрытие сути художественного произведения, всяких там широкообещательных обещаний то ли раскрыть закономерность развития искусств, то ли научить понимать искусство; обещания обещаниями, а на деле лишь дилетантское подражание общесторическому дилетантизму, будь то марксизм или шпенглеровство, и, в лучшем случае, лишь приохочивание к искусству, но никак не овладение его тайнами, вообще же это — довольно гнусное дело, когда искусствовед, историк искусства, художественный критик или лектор бесцеремонно втирается между художественным произведением и зрителем, слушателем, читателем, как будто бы и помогая, а в чем-то очень важным мешая им. Тут есть что-то нечистое, нечистое, как и вот в этих смятых простынях со следами клопов... Но я, кажется, зарпортовался, ничего толком не придумая и лишь сам себе мешаю заснуть, заснуть... заснешь тут! Нет, я не зарпортовался; из недоверия ли к своим силам, из-за малой ли удачливости, но всегда ощущал неполноценность, нечистоту моих ли, чужих ли объяснений художественных произведений... Чутьочку еще посветлело... Зачем глаза раскрыл! Ну, тогда думай дальше; Лихтварк приводил школьников в Кунтсхалле в Гамбурге, вел с ними беседы о картинах, мастерски это делал, но учил по существу лишь всматриваться в картины, истолковывать, а не вникать в самую суть, его «Юбунген» не были упражнениями в рассмотрении художественных произведений, тут, если уж учить, нужно развивать интуицию, а как ее разовьешь, ведь этому же не учат... Боже мой, какая это банальщина! Всякий дурак это повторяет. А все-таки в глубине тут запрятано что-то, от чего совесть ноет. Всякое искусствоведческое и художественно-критическое толкование, даже самое утонченное, глубокомысленное, тактичное, все же сродни «лихтварковской», немецки-последовательной простодушности. В стремлении осознать свое восприятие художественных произведений, выразить словами, членораздельно рассказать другому просто ли увлекательно или наукообразно убедительно — есть что-то ущербное, неполноценное, словно даже непорядочное, во всяком случае — не совсем чистое. Вот Иннокентий Анненский проявлял осторожность, он исповедовался в своем личном художественном вос-

приятии. Нет, не только «мысль изреченная есть ложь», но и всякое осознание своего ощущения есть его искажение, искажение уже по одному тому, что пока ты его осознаешь, оно уже теряет свою первоначальность, оно уже иное; ведь было же сказано, что не только дважды в одну и ту же реку не войдешь, так как во второй раз вода в реке будет уже не та, но и единожды тоже не удастся в реку войти, ибо, покаходишь, вода из нее утекает, меняется²²⁸... В окне все светлее, а мысли у меня путаются, да — «Книга отражений»²²⁹, откровенный импрессионизм литературной критики — это корректив к самонадеянности истории и теории искусства, которая хочет стать наукой, это — болезнь нашего рефлектирующего века, века меломанов, которые на симфонические концерты берут с собой партитуры, целую стопочку таких портативных партитур накопил еще в школьные годы Федя Вилькорейский, он всерьез занимался музыкой, этот серьез у него, как и у меня, граничил с какой-то глубинной недаровитостью, мы честно тянулись к искусству, но на большую любовь не были способны, искусствовед — это тот, кто лишь тянется к искусству, старателен, методичен или обуреваем стремлением и других приобщить к пониманию художественности, но такой своей старательностью, преданностью старается заглушить, именно заглушить, подавить все время в нем вздымающееся, ёкающее недовольство своим непониманием искусства, конечно, не так уж плохо то, что он делает, это наполняет ему жизнь, это и для других не бесполезно, но все же ему самому не дает полного довольства, искусствоведение — это какое-то вредное производство, следовало бы бесплатно каждый день давать по стакану молока, художники напрасно думают, что искусствоведы паразитируют около искусства, искусствоведы полезны, но также и вредны, больше всего вредны самим себе, они боятся в этом сознаться, они боятся большего — сознаться, что и в самом искусстве есть какая-то вредность, толковать искусство надо с осторожностью, в меру, а может быть, и совсем не надо толковать, плохо, если толкование искусства становится суррогатом полноценного восприятия искусства, у Чехова сказано, что библиотека посещалась лишь только евреями-подростками²³⁰, но при чем тут это, впрочем, еврей-подростки тут при чем, это от жажды образования, но вернее — от сознания своей ущербности, в книги впивается тот, кто в жизни обделен, не только толковать искусство, но и вводить в свою жизнь искусство надо в меру, кто и то и другое вводит чрезмерно, все равно, слушая ли симфонию с партитурой в руках и посещая художественные выставки с газетным отчетом об этой выставке в кармане или же отдаваясь музыкальной и живопис-

ной стихии без всяких оглядок на возможность анализа и согласования с чужим мнением, все равно он убивает в себе что-то от истинной своей жизни, своих чувствований, он убивает также и возможность по-настоящему чувствовать искусство, искусство лишь тогда хорошо, лишь тогда оно искусство, когда его не то что не толкуешь, изучаешь, пропагандируешь, а когда ты даже и не чувствуешь, что оно искусство, вот почему как бы ты ни был предан восприятию искусства, *всегда будет тебя грызть неясное ощущение что ты несправедливо живешь предаешь то что ты больше всего как будто бы любишь тем что чрезмерно ему отдаешься вот о чем ты думаешь что всплывает в тебе когда не спится о чем думает старуха когда ей не спится старуха Некрасова теперь уж не Анненский а Некрасов те самые стихи которыми я увещал Асю когда на нее напали бессонница и покаяния нечего вспоминать свои грехи как некрасовская старуха которая согрешила когда-то лишь тем что в пост попила молока испила молока хорошо сам заснул старуха корила себя тем что с мужем под праздник спала а почему под праздник с мужем спать грешно а почему грешно слишком предаваться искусству и толковать его где это мера спать не под праздник спать спать /.../*

11. ГОЛОСА АРФ

Торжественное малолюдие, солнечный день, на мне новенький костюм, чувствую себя по-праздничному. Веду себя по-хозяйски, перебегаю от одной картины к другой, проверяю, подсчитываю и все сбиваюсь со счета. Твердо помню, что десять лет тому назад в книжечке Доброклонского значились сорок две картины²³¹. Налицо же тридцать одна. Две из них — местные, московские. Стало быть, привезли двадцать девять. Где же остальные тринадцать?..

Чистосердечно признаюсь, что на выставке Рембрандта 1936 года в Музее изобразительных искусств я первоначально был полон суетных мыслей. Картины предстали передо мной в новом помещении и при совершенно непривычном для них освещении. Но все это были старые знакомцы. И вот я не восторгался, а суетился. Какие же это недостающие тринадцать? «Ян Собесский», «Жена Потифара», «Паллада», «Девочка с метлой», «Титюс» проданы. «Снятие со креста» — единственная картина, которую не привезли: опасались за ее сохранность. В подлинности «Сыновей Иакова» и «Отречения Петра» — усомнился. А как же остальные пять, которых не вспомню? Какие-то из них проданы, какие-то признаны сомнительными?

По выставке тихохонько прохаживался Верейский²³². Неизбежно было с ним поделиться впечатлениями. Не о самом Рембрандте, а об организации выставки. Георгия Семеновича особенно занимал вопрос о подлинности рисунка из Киевского музея. Он потащил меня к витрине и долго внушал, что атрибутировать этот рисунок Рембрандту никак нельзя. Художнику сразу понятно его низкое качество. Верейскому не верить в этом деле никак нельзя было. Но увы, глаза художника мне, видимо, как раз и не доставало.

Заодно мы поделились впечатлениями относительно того, как выглядит «Блудный сын» при наискось падающем верхнем освещении. Ведь до того в Эрмитаже мы видели Рембрандта лишь при боковом свете. Почему-то обратили внимание на ветхую подметку, свалившуюся с левой ноги блудного сына. Установили, что свалиться она могла не после того, как он стал на колени, а тогда, когда он лишь начал коленопреклоняться. Каюсь, инициатива обсуждения этого явно несущественного вопроса принадлежала мне.

А затем мирская суета искусствоведческих интересов от меня отошла. Я осмотрел все картины и устало напоследок уселся снова перед уже столько раз виденным в течение всей жизни «Блудным сыном». И не то, что у меня звенело в ушах, но я подлинно услышал какую-то музыку. Я явственно ощущал, что звуки нисходят в меня не от каких-либо там приливов крови к голове; они были не во мне, не в моем воображении, а совершенно определенно вне меня. Утверждаю, что я ясно сознавал их «объективное существование». Они были очень мелодичны и походили на звуки арф. И все же это были не струнные звуки, а скорее издаваемые человеческим голосом. Какие-то «арфовые вокализы»! Ни к каким экстазам я решительно не способен, а вот случилось же такое.

За мемуары надо приниматься, пока память свежа. Автору «Былого и дум», наиболее совершенного образца этого литературного жанра, было всего лишь за сорок лет. А я, писака-заика, затеял свои непримечательные «Признания» с изрядным запозданием. Пишу их с натугой. И вспоминаю натужно. И как не тшусь, а могу привести всего лишь еще один случай, когда мне снова слышались голоса арф.

Это было двадцать лет спустя после выставки Рембрандта. И также в Музее изобразительных искусств. Я вступил тогда в новую фазу своей жизни и был на подъеме своих жизненных сил. Некоторый общий подъем ощущался и вокруг меня. Отчасти и в сфере художественных интересов. Небольшая выставка к семиде-

сятипятилетию Пабло Пикассо обещала стать событием. Не пытаясь особой приязни к этому художнику, я все же пошел на ее вернисаж. Это было похоже на выполнение гражданского долга.

Народу собралось немало. Такое многолюдие было своего рода демонстрацией. С открытием произошла какая-то заминка. А затем оказалось, что сразу пустить всех собравшихся в экспозиционные залы затруднительно. Эренбург руководил торжеством. Он чувствовал себя именинником. Успокаивал торопящихся: «Вы столько времени ждали этой выставки, что сможете потерпеть еще немножко». Я не принадлежал к числу самых нетерпеливых.

Меня всегда смущало, что я, подобно многим, из всего Пикассо воспринимаю «сердцем, а не головой» лишь его «голубой» и «розовый» периоды. Во всем прочем, что я знал из творчества Пикассо, включая даже его «энгеровщину», мне мерещился привкус лихого экспериментаторства, зпатажа. Я на всякий случай отгораживался от тех, кто, следуя общему увлечению, безоговорочно принимал художника, одинаково непостижимого и в своей одаренности, и в неумной новизне. Благо разумно дожидаясь, пока схлынут первые волны нетерпеливых вернисажных энтузиастов, я поделился с очутившимся рядом скульптором Чайковым²³³ своим недоверием к юбиляру. Чайков, сам некогда причастный «Парижской школе», не стал мне перечить. Но все же что-то пробормотал об общих условиях развития искусства на Западе.

Уходя с выставки, я снова столкнулся с Чайковым и тотчас же совершенно произвольно принялся каяться перед ним в неправоте столь недавних своих суждений о Пикассо. Иосиф Моисеевич с удивлением взглянул на меня и на ходу, как-то совсем по-еврейски, с видом «нутақвотже», поднял руку. Я был явно в некоем раже. Такое со мной на выставках уже давно не случалось. Это был не переворот в понимании живописи. Но безусловно — определенный сдвиг.

Не только идеи, но и ощущения искусства несутся в воздухе. С превеликим запозданием новые ощущения искусства донеслись, наконец, и до Москвы. Они стали проникать после смерти Сталина, словно вода, просачивающаяся сквозь внезапно обнаружившиеся щели плотины. А после двадцатого партсъезда молодежь уж забурлила. Она сразу стала иной. На выставке Пикассо стоял гул.

Добрая половина экспонированных картин были старыми знакомцами из Музея нового западного искусства. Но и их я увидел по-новому. Пикассо предстал на этот раз передо мной в целостности всего своего творчества. Меня внезапно озарило, что неистовое экспериментаторство, подозрительно быстрая смена раз-

личных «манер», их никчемное сосуществование, все это несущественная внешняя особенность. Что-то вроде некоего творческого шелушения. Самая же суть искусства Пикассо всегда одно и то же. И как только, не отвлекаясь различиями «шелухи», я проникся непосредственным ощущением этой сути, я подчинился ее неисчерпаемой обаятельности. В таких случаях принято говорить о том, что «нашел новый угол зрения». Как бы то ни было, но я понял, что и здесь все — от сердца художника, от его феноменально неустанной вдохновенности. Но эта сердечность, «кордиальность» — особая, новая, непривычная.

Второй раз на выставку, уже сотрясавшуюся от беспрестанно роившихся споров, я пришел с Лилей²³⁴. Она сразу же утвердительно мотнула головой. Пошел я еще раз в более тихий час. И вот тогда-то, елико возможно насытившись ею, я вдруг снова услышал «голоса арф». Это было перед картиной, которую, по совести говоря, я сейчас даже плохо помню. Мне даже не хочется сейчас разыскивать каталог и проверять, как она называлась, «Музыка» или «Музыкальные инструменты». Помню только, что она — из числа более поздних. Внешне она казалась маловразумительной. Кто-то мне затем говорил, что ее использовали для рисунка на обложке к какой-то вещи Стравинского.

Должен признаться, что досаду на такое соседство Рембрандта и Пикассо в моих воспоминаниях. После «Возвращения блудного сына» — полузабытая картина художника, с позорным запозданием оцененного мною, но все же не полюбившегося! Но что могу поделать, если это все же так. Изю всех сил стараюсь вспомнить еще хотя бы краткие мгновения, когда бы мне так же слышались голоса арф. Но нет, не вспоминаю.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ До 1901 редакция журнала «Мир искусства» размещалась в квартире Дягилева по адресу Литейный, 45.

² *Балестриери* (Balestrieri) Лионелло (1872- после 1953) — итальянский художник. Портрет Бетховена удостоен золотой медали на Всемирной выставке в Париже (1900); *Гринберг* (Grimberghe) (1865-1920) — французский художник; *Боденгаузен* (Bodenhausen) Куно де, барон (1852-?) — немецкий художник. *Бёклин* Арнольд (1827-1901) — швейцарский живописец и график, работал в Базеле, Мюнхене и Италии; оказал сильное влияние на немецкий символизм и югендстиль. См. о нем: Н[иколае]ва Н. Арнольд Бёклин. М., 1913. Его «Остров мертвых» пользовался в начале

века огромной популярностью: «Кто не помнит засилья "Острова мертвых" в гостиных каждого врача и присяжного поверенного и даже над кроватью каждой курсистки». — Тугенхольд Я.А. Художественная культура Запада. М., 1928. С.65.

³ Общество «Мир искусства» было вновь учреждено 1 декабря 1910 (подробнее см. прим. 17).

⁴ А.Н.Бенуа был постоянным сотрудником «Речи» с ноября 1908 по апрель 1917.

⁵ Русская живопись в XIX веке. М., 1900 (русское издание главы, написанной А.Н.Бенуа для книги Р.Мутера «История живописи в XIX веке» — Muther R. Geschichte der Malerei in XIX Jahrhundert. Berlin, 1893-1894).

⁶ Бенуа А.Н. Путеводитель по картинной галерее Императорского Эрмитажа. СПб., 1911.

⁷ Жена Бенуа — Анна Карловна (урожд. Кинд; 1869-1952). Их дети: Анна Александровна (в браке — Черкесова; 1895-1984); Елена Александровна (в браке последовательно — Вышнеградская, Браславская, Клеман; 1898-1972) — ученица А.Е.Яковлева, живописец-станковист и сценограф; Николай Александрович (1901-1988) — театральный художник и живописец, в 1936-1971 — во главе постановочной части Ла Скала, участвовал и в советских постановках. Первые трое с 1925-1926 жили в Париже, Н.А. — в основном в Италии.

⁸ Утром 25 октября 1917 Бенуа вместе с комиссарами Смольного осматривал Зимний дворец. Он одним из первых вошел в комиссию Луначарского. Работал в издательстве «Парус» как редактор (вместе с Горьким) и как иллюстратор детских книг. В мае 1918 стал заведовать картинной галереей Эрмитажа, поглотившего императорские и великокняжеские собрания, многие частные коллекции, принимал активное участие в создании нового Государственного Эрмитажа. Параллельно работал в Государственном Русском музее, Государственной академии истории материальной культуры, Государственном театре оперы (Мариинском), БДТ.

⁹ *Обер* Артемий Лаврентьевич (1843-1917) — скульптор и художник-анималист. Упомянутый некролог ему см.: Александр Бенуа размышляет... М., 1968. С.159-164.

¹⁰ *Щусев* Алексей Викторович (1873-1949) — архитектор, член Академии художественных наук, в 1926-1929 — директор Третьяковской галереи.

¹¹ *Машковцев* Николай Георгиевич (1887-1962) — историк искусства, художественный критик, в 1917-1927 — хранитель, в 1927-1930 — зам. директора по научной части ГТГ. *Эброс* Абрам Маркович (1888-1954) — искусствовед и художественный критик, с 1918 — научный сотрудник музыкального отдела Наркомпроса, с 1921 в Академии художественных наук, в 1920-1926 заведующий художественно-декорационной частью МХАТа.

¹² В 1927-1935 по проекту А.В.Щусева в ГТГ было открыто 16 новых залов (в начале 1930-х в ГТГ влились Цветковская галерея, произведения древнерусского искусства и искусства XVIII в.).

¹³ *Нерадовский* Петр Иванович (1875-1963) — живописец, хранитель художественного отдела ГРМ в 1912-1929.

¹⁴ *Коровин Константин* Алексеевич (1861-1939) — живописец и театральный декоратор, чл. «Мира искусства» и «Союза русских художников». С 1923 жил во Франции.

¹⁵ Речь идет о картинах А.Н.Бенуа «Прогулка короля» (1906, ГТГ) и И.Н.Крамского «Осмотр старого дома» (1873, ГТГ).

¹⁶ Бенуа был «одним из первых, кто еще в 90-х годах восстал против его [Верещагина] "абсолютной" славы» (Бенуа А. Мои воспоминания. Т.1. М., 1993. С.370). Его произведения, по словам Бенуа, «оставляют очень грубое впечатление — они колоритны, но жидки и скучны по композиции», но между тем, «он хотел представить войну такой, как она есть, а не такой, как ее изображали в аллегориях, и в этом смысле он тоже был пионером реализма, что дает ему право занять если не высокое, то, во всяком случае, почетное место в истории развития того принципа, который руководит современным искусством» (Бенуа А. Русская живопись в XIX веке. М., 1900. С.40, 42). Позднее Бенуа стал еще с большим уважением относиться к творчеству Верещагина:

Теперь же, мне думается, пора снова переменить такое отношение к мастеру и заняться некоторой реабилитацией его. Верещагин не только возбуждал скандалы смелостью своих тем, но в нем была и та сила убеждения, та воля к творчеству, та острота наблюдения и яркость вымысла, которые если и не создают еще живописца как такового, то, во всяком случае, являются отличительными чертами подлинного художника. Иные истинно жизненные памятники своего времени, созданные художниками, бывают куда ценнее чисто «эстетических удач».

Бенуа А. Мои воспоминания. Указ. изд.

¹⁷ Седьмая выставка картин «Союза русских художников» (образован в 1903 при слиянии «Мира искусства» и общества «36 русских художников») проходила в Москве, затем в Петербурге. В Петербурге она была открыта с 20 февраля по 28 марта 1910 на Невском пр., 42 (дом Армянской церкви).

¹⁸ Поводом для раскола «Союза русских художников», куда входили как мирискусники, так и художники более традиционной ориентации, послужила статья А.Н.Бенуа «Выставка "Союза"» (Речь. 1910. 19 марта), в которой московские художники Пастернак, Перепелетчиков, А.Васнецов, Жуковский и Виноградов названы «карьергардом» искусства. Москвичи отправили Бенуа письмо с протестом (Секция рукописей ГРМ. Ф.137. Ед.хр.2029). Петербургская группа членов «Союза» направила им ответ,

в котором, «находя невозможным существование организации без должного к ней со стороны групп уважения...», просила Московский комитет поставить на голосование вопрос о дальнейшем пребывании в «Союзе» группы художников, подписавших письмо к Бенуа. Объяснения авторов письма к Бенуа были заслушаны на собрании московской группы «Союза» лишь 19 октября 1910, возражений на них «не последовало». Здесь же было оглашено заявление Бенуа, Билибина, Браз, Добужинского, Лансере, Остроумовой-Лебедевой, Рериха, Сомова, Кустодиева, Ционглинского о выходе из членов «Союза» (ОР ГТГ. Ф.94. Ед.хр.4. Л.25об.). Разногласия, возникшие в «Союзе русских художников», широко обсуждались в периодической печати. «Аполлон» объяснял сложившуюся ситуацию «непримиримой разностью» взглядов и позиций в искусстве московской и петербургской групп. На собрании 6 октября 1910 было образовано новое художественное общество «Мир искусства», в которое вошли Бенуа, Билибин, Кустодиев, Браз, Добужинский, Остроумова-Лебедева, Рерих, Сомов, Ционглинский и Яремич. К ним в качестве членов-учредителей присоединились Бакст, Грабарь, Лансере, Обер, Серов, Тархов, Юон (см.: ОР ГТГ. Ф.41. Ед.хр.9. Л.1). Официально общество «Мир искусства» было вновь учреждено 1 декабря 1910 (см.: Секция рукописей ГРМ. Ф.117. Ед.хр.120).

¹⁹ Полемика вокруг картин Петрова-Водкина была начата Репиным, отозвавшимся на обзор выставки, сделанной А.Бенуа в газете «Речь». В статье «Критикам искусства (письмо в редакцию)» (Биржевые ведомости. 1910. 2 марта. Веч. вып.) Репин писал: «Этому безграмотному рабу случилось увидеть двух взбитых парижской рекламой нахальных недоучек Гогена и Матисса. Невежественный раб смекнул, что и он может так намазывать». Бенуа резко отвечал ему в очередном «Художественном письме» (Речь. 1910. 9 марта). В «Аполлоне» более умеренно защищал Петрова-Водкина С.К.Маковский (Художественные итоги // Аполлон. 1910. №7, 10). Этот спор был выплеском давно накопившегося в консервативных художественных кругах раздражения против страстной пропаганды нового искусства со стороны А.Бенуа. «Очевидно, что не картины Петрова-Водкина заставили Репина выйти из себя. /.../ демагог-критик, годами поучающий и третирующий публику за непонимание той "красоты", которая понятна только "легиону вольномажущих красками смельчаков" — вот против чего восстал художник. /.../ Ведь публика, молодежь, которая заглядывает на выставки "впопыхах" и действительно любит искусство, готова верить в искренность критика-эстета и недоверчиво относиться к своим личным впечатлениям» (Гинзбург И. По поводу статьи «Критикам искусства»: Письмо в редакцию // Биржевые ведомости. 1910. 10 марта. Веч. вып.). Если к Добужинскому, Сомову и Остроумовой-Лебедевой общественный вкус уже привык, то авангардистские работы «колористического направления /.../ с ясно выраженным тяготением к стилистическому упрощению» (С.Маковский) Петрова-Водкина, Крымова, Кустодиева вызвали скандал, подогретый также тем, что открытие выставки совпало с похоронами Веры Комиссаржевской. Между тем, несоизмеримость события и общественной реакции на него придавали происходящему ха-

рактир анекдота: «Конечно, в первую голову коснулись анекдота "Петров-Водкин и его поклонники". Релин порывисто и нервно распахнул книги заграничных журналов. — Смотрите! Вот их божок Матисс! Вот кому они курят свои фимиамы. Со страниц глядели отвратительные рисунки отвратительных женщин...» (Брешко-Брешковский Н. Дом в Пенатах // Биржевые ведомости. 1910. 27 марта. Веч. вып.).

²⁰ Выставка «Салон» 1908-1909 («Выставка живописи, графики, скульптуры и архитектуры»), организованная К.С.Маковским) открылась в 1909 в помещении Первого кадетского корпуса. О ней см. статью А.Бенуа «Еще раз о "Салоне"» (Речь. 1909. 11 февраля).

²¹ *Острогорский* Александр Яковлевич (1868-1909) — педагог. Составленная им трехчастная хрестоматия «Живое слово. Книга для изучения родного языка» выдержала за 1907-1917 13 изданий. Она была иллюстрирована рисунками И.Билибина, А.Гольстрема, В.Замирайло, Г.Нарбута, репродукциями картин А.Васнецова, О.Васильева, Е.Ернфельта и др. См. также: А.Я.Острогорскому, учителю и другу — тенишцевы: [Некролог]. СПб., 1908.

²² «Московские доморощенные импрессионисты» — по-видимому, имеются в виду Л.О.Пастернак и В.В.Переплетчиков.

²³ На Седьмой выставке картин «Союза русских художников» выставлены «А.П.Павлова» (1909, ГРМ) и «Портрет княгини Александры Петровны Ливен» (1909, Приморская красная картинная галерея, Владивосток) Серова; «Гулянье» и «Портрет жены» Кустодиева; эскизы костюмов к трагедии «Эдип» и балету «Клеопатра» (11 рисунков) Бакста.

²⁴ *Чюрленис* (*Чурлянис*) Микалоюс Константинас (1875-1911) — литовский живописец и композитор.

²⁵ Первая выставка «Мира искусства» открылась в январе 1911 в залах Общества поощрения художеств. «Она была свежей и яркой. Имела успех — моральный трудно взвесить, но материальный довольно большой. Продано было около 50 картин. Это нам казалось совершенно необыкновенным», — вспоминает Остроумова-Лебедева (Остроумова-Лебедева А.П. Автобиографические заметки. М., 1974). На ней были показаны: «Портрет Дмитрия Васильевича Стасова», «Портрет г-жи Грюнберг» и «Портрет С.А.М[орозова]» Серова; «Пейзаж с радугой», «Арлекин и дама», «Фейерверк», «Весна», «Портрет Федора Сологуба» и «Портрет М.В.Добужинского» Сомова; «Всадник» Чюрлениса; «Фантазии» В.Д.Замирайло; «Итальянский пейзаж» К.Ф.Богаевского; «Комета», «Комета (астрономы)», «Комета (Te Deum laudamus)», «Затмение», «Под аркадами (Поэт)», иллюстрации к хрестоматии Острогорского «Живое слово», к сказке «Теремок», к сборнику «Пляши, Матвей, не жалея лаптей» и др. работы Нарбута; «Натюрморт», «Цветы и фрукты», вариант «Буддийской легенды», этюды Бретани, эскизы костюмов и декораций к пьесе Гофманстала «Белый вечер», эскиз декоративного панно Б.И.Анисфельда; эскизы для постановки «Пантомимы» в «Доме Интермедий» и «На-

тюрморт» Н.Н.Сапунова, а также работы Н.С.Гончаровой, А.В.Ленулова, С.Ю.Судейкина, М.С.Сарьяна, О.Э.Браза, М.В.Добужинского, С.П.Яремича, Я.Ф.Ционглинского, Ф.А.Малявина, Н.К.Рериха, А.П.Остроумовой-Лебедевой.

²⁶ Портрет председателя Петербургского совета присяжных поверенных, адвоката и музыкально-общественного деятеля Дмитрия Васильевича Стасова (1828-1918) был написан Серовым в 1908 (ныне ГРМ). Портрет жены управляющего издательством А.Ф.Маркса Ю.О.Грюнберга — Марии Григорьевны Грюнберг — в 1889 (Частное собрание. Москва).

²⁷ *Замирайло* Виктор Дмитриевич (1868-1939) — живописец, график, декоратор. *Богаевский* Константин Федорович (1872-1943) — живописец и график. *Нарбут* Георгий Иванович (1886-1920) — график, иллюстратор. *Билибин* Иван Яковлевич (1876-1942) — график, живописец и театральный художник. *Анисфельд* Борис Израилевич (Бер Срулевич) (1879-1973) — график и декоратор. *Сапунов* Николай Николаевич (1875-1912) — живописец.

²⁸ Вторая выставка «Мира искусства» в Петербурге открылась 5 января 1912 на Малой Конюшенной, в доме Шведской церкви (а не там, где указывает автор: ошибка). На ней были показаны в том числе: «Портрет княгини О.К.Орловой», «Портрет княгини Александры Петровны Ливен», «Портрет танцовщицы Иды Рубинштейн» Серова; «Военное поселение» (из серии школьных картин изд-ва Кнебель), произведения из серии «Типы Петербурга», эскизы к спектаклю «Урок матушкам» М.Н.Загоскина, пейзажи Италии и Голландии и др. работы Добужинского; книжные иллюстрации, пейзажи Бретани и «Петербургская улица при Петре Великом» Бенуа; «Пьеро», «Портрет Н.Г.Чулковой» Зои Серебряковой; «Автопортрет», «Полдень», «Пестрый день», «Портрет И.С.Щусевой» (далее в тексте автор ошибается, называя эту работу «Портретом Щукина»), пейзажи и этюды из путешествия в Константинополь и Египет М.Сарьяна и др.

²⁹ Когда портрет Иды Рубинштейн был приобретен для Русского музея (Музея Александра III), это вызвало ропот в художественных кругах, и раздавались голоса, осуждавшие директора музея Д.И.Толстого за приобретение картины и требовавшие ее удаления из собрания (см.: Аполлон. 1911. №18. С.278). По этому поводу Серов писал М.С.Цетлин: «Остроухов мне, между прочим, говорил о Вашем намерении приютить у себя бедную "Иду мою Рубинштейн", если ее, бедную, голую, выгнать из музея Александра III на улицу. Ну что же, я, конечно, ничего не имел бы против /.../, если бы сей случай случился. /.../ Вот какие бывают скандалы, т.е. могут быть. Я рад, ибо в душе скандалист, — да и на деле, впрочем...» /.../

«Это письмо написано за три недели до кончины Серова. Весь шум разгорелся, по существу, из-за того, что Серов, за которым давным-давно установилась репутация чистокровного, стопроцентного реалиста, вдруг разразился такой намеренно условной картиной. Даже Репин, всегда и

всюду выступавший в его защиту, на этот раз ополчился и писал: "Что это? Гальванизированный труп! Какой жесткий рисунок: сухой, безжизненный, неестественный... И колорит — серый, мертвый... труп, да это гальванизированный труп" (Грабарь И. Валентин Александрович Серов: Жизнь и творчество: 1865-1911. М., 1980). Портрет, однако, остался в Русском музее и находится там и теперь.

³⁰ Портрет переводчицы Надежды Григорьевны Чулковой (урожд. Петровой, в первом браке Степановой; 1874-1961) работы Серебряковой написан в 1910 (ныне Таганрогская КГ).

³¹ Третья выставка «Мира искусства» в Петербурге открылась в январе 1913 в доме Шведской церкви на Малой Конюшенной. На ней были представлены: «Купание красного коня», «Рабочий», «Портрет», «Пейзаж», «Мельница», «Окрестности Хвалынска», «Яблоки», рисунки к картине «Мальчики», «Портрет проф. А.А.Редлиха», этюд портрета, рисунок, рисунки к картине «Сон» Петрова-Водкина; «Рододендроны», «Пионы», эскизы к «Шарфу Коломбины», к «Принцессе Турандот», эскизы занавеса к «Мещанину-Дворянину», «Сад», «Портрет Н.Д.Милиоти», «Москва ночью», эскизы к оперетте Кузмина «Пенелопа», «Цветы», эскизы театральных костюмов, эскиз к «Балаганчику» Блока Н.Н.Сапунова.

³² «Голубая роза» — группа художников и одноименная выставка (Москва, 1907). Участники — А.А.Арапов, П.П.Бромирский, В.П.Дриттенпрейс, И.А.Кнабе, Н.П.Крымов, П.В.Кузнецов, А.Т.Матвеев, В.Д.Милиоти, Н.Д.Милиоти, Н.П.Рябушинский, Н.Н.Сапунов, М.С.Сарьян, С.Ю.Судейкин, П.С.Уткин, Н.П.Феофилактов и А.В.Фонвизин.

³³ Милиоти Николай Дмитриевич (1874-1962) — живописец и сценограф, член «Мира искусства» и один из основателей «Голубой розы». После 1917 — в эмиграции. См. также: Памяти Н.Н.Сапунова: Беседа с Н.Д.Милиоти // Голос Москвы. 1912. 17 июня. О его портрете работы Сапунова см. выше.

³⁴ Четвертая выставка «Мира искусства» в Петербурге открылась в ноябре 1913 в залах Общества поощрения художеств на Большой Морской. На ней были представлены: «Материнство», «Старый еврей», «Портрет», «Портрет г-жи В.», рисунки из цикла «Еврейская графика» Натана Альтмана, «Café», «Животные» (рис.), «Intimité», «Цезарь Арригони» (рис.), «M-lle Clodia и m-lle Bonnes», «Завоеватели», «Пансионерки», «Иностранцы», «Сад», «Entrez», «Chat noir», «Песня», «Русские в Париже» (рис.), наброски Бориса Григорьева; «Chanson d'amour», «Rêverie», «Купальщица», «Раненый», «Голова девушки» (рис.), «Голова старухи» (рис.) Е.С.Зака; эскизы декораций и костюмы к опере «Жизнь за царя», «Стрельцы» В.Е.Татлина.

³⁵ Альтман Натан Исаевич (1889-1970) — живописец, скульптор и график.

³⁶ *Григорьев Борис Дмитриевич* (1886-1939) — живописец и график, участник выставок «Мира искусства». С 1919 — в эмиграции. Умер во Франции.

³⁷ *Яковлев Александр Евгеньевич* (1887-1938) — живописец, с 1919 жил во Франции. Далее имеется в виду *Зак Евгений Савельевич* (Эжен; 1884-1926) — живописец и график; уроженец Царства Польского; жил преимущественно в Париже.

³⁸ *Татлин Владимир Евграфович* (1885-1953) — живописец, график, сценограф и конструктор. См. о нем также прим. 190.

³⁹ Общество художников «Союз молодежи» (1909-1913) возникло по инициативе Е.Г.Гуро. Основное ядро его составляли В.Д.Бурлюк, Д.Д.Бурлюк, К.В.Дыдышко, А.М.Зельманова, П.И.Львов, К.С.Малевич, В.И.Марков (Матвей), И.И.Машков, А.А.Моргунов, С.А.Нагубников, П.Д.Потипака, О.В.Розанова, Э.К.Спандиков, В.Е.Татлин, П.Н.Филонов, И.С.Школьник и Ц.Я.Шлейфер. В Петербурге члены Союза устроили 5 выставок (март 1910, апрель 1911, январь 1912 — видимо, речь идет о ней, декабрь 1912 — январь 1913, ноябрь 1913 — январь 1914).

⁴⁰ Выставка «Сто лет французской живописи (1812-1912)», устроенная журналом «Аполлон» и «Французским институтом в Петербурге», открылась в январе 1912 в доме Юсуповых на Литейном.

⁴¹ *Тугенхольд Яков Александрович* (1882-1928) — искусствовед и художественный критик. По-видимому, речь идет о его кн.: Французское искусство и его представители: Сб. статей. СПб., 1911.

⁴² *Мутер Рихард* (1860-1909) — немецкий историк искусства. Речь идет о его кн.: История живописи в XIX в. / Пер. З.Венгеровой, под. ред. В.Д.Протопопова. Т.1-3. СПб., 1899-1901. Глава этого издания, посвященная русской живописи, была написана совместно с А.Н.Бенуа.

⁴³ «Новое общество художников» (Петербург, 1903-1917) основано выпускниками Академии художеств, преимущественно учениками И.Е.Репина и А.И.Куинджи. Члены-учредители — К.Ф.Богаевский, А.Ф.Гауш, Д.Н.Карловский, М.П.Латри, А.А.Мурашко, Н.А.Околович, Н.Ф.Петров, Н.В.Пирогов, А.А.Теснер, Н.М.Фокин, А.Н.Штурман; в 1904 к ним примкнули М.Ф.Иванов, Б.М.Кустодиев, П.И.Нерадовский, В.П.Тиморев, А.В.Шусев и др. Общество устроило десять выставок: ежегодно в феврале 1904-1909 гг., в ноябре 1910, декабре 1912 — январе 1913, декабре 1914 — январе 1915, январе—феврале 1917.

⁴⁴ Речь идет о восьмой выставке НОХ 1912-1913. На ней в том числе были показаны следующие работы Врубеля: «Портрет жены художника перед камином», мотивы раковин, рисунки раковин, «Кровать» (рис.), автопортреты карандашом, «Видение Иезекииля».

⁴⁵ *Забела-Врубель Надежда Ивановна* (1868-1913) — оперная певица, жена М.А.Врубеля.

⁴⁶ С 1910 СРХ стал преимущественно объединением московских художников, придерживающихся единых взглядов на искусство. В 1910-1911 в Общество вошли И.И.Бродский, Н.П.Крымов, М.С.Сарьян и др. В выставках стали участвовать О.Л.Делла-Вос-Кардовская, И.И.Машков и др. Совместные усилия ветеранов и молодежи позволили Союзу преодолеть кризис и добиться нового подъема популярности московской пейзажной группы. Во второй половине 1910-х популярность выставок СРХ стала падать: его художественные задачи казались молодежи неактуальными, сыграла также роль конкуренция со стороны «Бубнового валета» и других авангардистских групп.

⁴⁷ *Жуковский* Станислав Юлианович (1875-1944) — живописец-пейзажист. Начиная в передвижнической манере, затем — близок к импрессионистам. С 1923 жил в Польше. Погиб в немецком концлагере. *Виноградов* Сергей Арсеньевич (1869-1938) — живописец из передвижников, пейзажист и жанрист. Также потом был близок к импрессионистам. С 1924 — в эмиграции. Умер в Риге.

⁴⁸ *Туржанский* Леонард Викторович (1875-1945) — живописец и график.

⁴⁹ *Бычков* Вячеслав Павлович (1877-1954) — живописец, секретарь «Союза русских художников».

⁵⁰ *Юон* Константин Федорович (1875-1958) — живописец, с 1950 — нар. художник СССР.

⁵¹ *Уткин* Петр Саввич (1877-1934) — живописец-символист.

⁵² *Ульянов* Николай Павлович (1875-1949) — живописец-мирискусник, чл.-корр. АХ (1949).

⁵³ *Коненков* Сергей Тимофеевич (1874-1971) — скульптор, нар. художник СССР (1958).

⁵⁴ *Голубкина* Анна Семеновна (1864-1927) — скульптор. Училась у Родена. Участвовала в выставках «Союза русских художников», «Мира искусства» и др. Автор портретов, символических композиций («Волна» — барельеф над входом в МХАТ, 1901), первого в России бюста Карла Маркса (1905). После революции работала в основном над скульптурой малых форм. О встрече автора с ней в 1920-е см. далее в тексте.

⁵⁵ *Матвеев* Александр Терентьевич (1878-1960) — скульптор.

⁵⁶ Речь идет о 12-й выставке СРХ, открытой с 14 февраля по 29 марта 1915 в частном помещении по адресу Загородный пр., 11/40.

⁵⁷ *Ася* — Эсфирь Семеновна Фишбейн (1894-1946) — троюродная сестра, с 1916 — жена Л.В.Розенталя, уроженка Нижнего Новгорода, после переезда с мужем в Москву работала в Музее игрушки.

⁵⁸ *Крымов* Николай Петрович (1884-1958) — живописец, чл.-корр. АХ (1949).

⁵⁹ Из стихотворения Гумилева «Память» (1920).

⁶⁰ *Добычина* (урожд. Фишман) Надежда Евсеевна (1884-1949). Основанное ею Художественное бюро с 1914 помещалось на Марсовом поле, 7. В советские годы — музейный работник. О Художественном бюро Добычиной см. также: Маркаде Ж.-К. Санкт-Петербург как главная ось современности // Санкт-Петербург — окно в Россию: Город, модернизация, современность: 1900-1935: Материалы международной научной конференции. Париж, 6-8 марта 1997 г. СПб., 1997. С.215.

⁶¹ *Кончаловский* Петр Петрович (1876-1956) — живописец, действ. чл. АХ (1947); *Машков* Илья Иванович (1881-1944) — живописец, засл. деят. иск. РСФСР (1928). Оба среди основателей «Бубнового валета».

⁶² *Фальк* Роберт Рафаилович (1886-1958) — живописец. См.: Фальк Р. Беседы об искусстве; Письма; Воспоминания о художнике. М., 1981.

⁶³ *Митурич* Петр Васильевич (1887-1956) — график-мирискусник. *Лурье* Артур Сергеевич (1892-1966) — композитор. В 1921 — комиссар Музыкального отдела Наркомпроса в Петрограде. В эмиграции с марта 1922.

⁶⁴ См. об этом: Маркаде Ж.-К. Указ. соч. С.216-217.

⁶⁵ Речь идет о «Первой государственной свободной выставке произведений искусства», открытой в 17 залах Дворца искусств (Зимнего дворца) с 13 апреля по 29 июня 1919. На ней было представлено 1826 произведений 299 авторов. См.: Каталог Первой государственной... Пг., 1919.

⁶⁶ Ср. описание концерта в Зимнем дворце в дневнике А.И.Оношко-вич-Яцыны (запись от 9 апр. 1919) — Минувшее: Исторический альманах. Вып.13. М.; СПб., 1993. С.361-362.

⁶⁷ Шагал женился летом 1914 на Белле Розенфельд.

⁶⁸ Речь идет о высказывании Нильса Бора об одной из квантово-механических теорий Вернера Гейзенберга.

⁶⁹ Последняя выставка «Мира искусства» открылась 1 июня 1924 в выставочном помещении Музея города (Аничкова дворца).

⁷⁰ *Браз* Осип (Иосиф) Эммануилович (1873-1936) — живописец-мирискусник. В 1907-1911 работал во Франции, в 1924-1926 — в ссылке в Новгороде, с 1928 жил в Париже.

⁷¹ Речь идет о картине Сомова «Летнее утро» (1920, ГРМ); вариант одноименного полотна — 1915, местонахождение неизвестно.

⁷² *Митрохин* Дмитрий Исидорович (1883-1973) — график, иллюстратор книг, засл. деят. иск. РСФСР (1969).

⁷³ «Первая всеобщая выставка современного германского искусства» состоялась в Москве в октябре—ноябре 1924 и была затем показана в

Ленинграде и Самаре. Выставка была устроена Германским Комитетом художников по оказанию помощи голодной России («Künstlerhilfe»).

⁷⁴ Общество станковистов (ОСТ — Московское общество художников-станковистов, 1925-1932) было основано выпускниками ВХУТЕМАСа, выступавшими за «реалистические формы станковизма». Учредители: Ю.П.Анненков (в 1924 эмигрировал), Л.Я.Вайнер, В.А.Васильев, П.В.Вильямс, К.А.Вялов, А.А.Дейнека, Н.Ф.Денисовский, С.Н.Костин (в выставках не участвовал), А.А.Лабас, Ю.А.Меркулов, Ю.И.Пименов, Д.П.Штеренберг. Общество провело 4 выставки: в апреле—мае 1925, мае 1926, апреле 1927 и апреле 1928 (первая, третья и четвертая — в Музее живописной культуры, вторая — в Государственном Историческом музее).

⁷⁵ Общество живописцев и скульпторов «Московские живописцы» (1924-1925) было основано бывшими членами «Бубнового валета» при участии молодежи из числа их последователей. Члены-учредители: П.П.Кончаловский, Б.Д.Королев, А.В.Куприн, А.В.Лентулов, И.И.Машков, А.А.Осмеркин, В.В.Рождественский, Р.Р.Фальк, Г.В.Федоров, В.П.Ясиновский.

⁷⁶ Имеется в виду выставка Нестерова, открывшаяся в Москве 2 апреля 1935. На ней экспонировалось 16 работ, созданных в период с 1928.

⁷⁷ Первая выставка Р.Р.Фалька (1881-1958) состоялась в ГТГ в 1924, вторая — в ЦЕКУБУ (Доме ученых) в 1927, третья и четвертая — в Доме писателей и в Центральном Доме работников искусств — в 1939, пятая — в московском отделении Союза художников в 1958.

⁷⁸ Выставки П.П.Кончаловского проходили с 1926 по 1930 ежегодно, в 1932, 1934, 1935, 1947, 1951, 1956.

⁷⁹ *Дейнека* Александр Александрович (1899-1969) — живописец и график. Впоследствии — нар. художник СССР, действ. чл. АХ. *Корин* Павел Дмитриевич (1892-1967) — живописец, ученик и последователь Нестерова. См. о нем также прим. 190.

⁸⁰ *Соколов-Скаля Павел* Петрович (1899-1961) — живописец и график.

⁸¹ *Милашевский Владимир* Алексеевич (1893-1976) — художник-график, иллюстратор книг.

⁸² *Герасимов Сергей* Васильевич (1885-1964) — живописец и график. Речь идет о его иллюстрациях к кн. А.П.Чехова «Налим» (М.; Л.: Госиздат, 1929).

⁸³ Выставка к 75-летию со дня рождения И.Грабаря состоялась в Москве в 1947.

⁸⁴ *Эттингер Павел* Давыдович (1866-1948) — художник и историк искусства.

⁸⁵ *Констебл* (Констебль) Джон (1776-1837) — английский живописец-пейзажист; *Тёрнер* Уильям (1775-1851) — английский живописец и график; *Мантенья* Андреа (1431-1506) — итальянский живописец.

⁸⁶ *Брак* Жорж (1882-1963) — французский живописец, один из основателей кубизма; *Руо* Жорж (1871-1958) — французский живописец-фовист; *Сутин* Хайм (1893-1944) — живописец, был близок к экспрессионистам, с 1913 жил во Франции.

⁸⁷ Шестая (посмертная) выставка Фалька состоялась в МОСХе в 1966.

⁸⁸ Вдова Фалька — *Щекин-Кротова* Ангелина Васильевна (1910-1992) — переводчица и педагог, хранитель и пропагандист творчества художника. Сообщено Б.Я.Фрезинским.

⁸⁹ «*Анабазис*» (или «*Анабасис*», *Αναβάσις* — «Поход», «Нисхождение») Ксенофонта (ок. 430 — ок. 355 до н.э.) — одно из первых мемуарных произведений европейской литературы. Ксенофонт участвовал в составе наемного греческого войска, «Десяти тысяч», в походе Кира Младшего против его брата, царя Артаксеркса, что и описано в «Анабасисе». Кир был убит, его персидские воины разбежались или перешли к Артаксерксу, греческие же военачальники, отказавшиеся сдаться, были хитростью умерщвлены. Войско вынуждено было выбрать новых предводителей (среди которых был Ксенофонт) и пробираться домой по незнакомой местности среди враждебных племен. Выйдя к Черному морю, греки закричали: «Таласса!» — море (*θαλάσσα*).

⁹⁰ Ниш — город в Сербии, недалеко от болгарской границы.

⁹¹ История «Черной тетради» изложена при описании пребывания под следствием Л.С.Франкфурт:

На один лишь миг — шелочка

Перед следователем на столе — письма, фотографии, все, что было изъято при обыске и что осталось к делу не приобщенным. Среди прочего и та самая черная тетрадь.

По существу, написанное в этой тетради — озорство. Но для следователя это — драгоценнейший материал. Вот где он мог бы по-настоящему, документально «набрать на дело».

Однако она лежит у него на столе без движения наряду со всякими невинными фотографиями и письмами.

А сколько было страхов из-за черной тетради в первые две недели заточения! Отдельные страницы, особенно — «Кисловодская осень», вставали в ее памяти всякий раз, когда вызывали к следователю. Она знала, что надо быть готовой к защите, надо будет защищаться. Нет, защищать не его, автора написанного, а себя. Она возьмет на себя все, скажет, что сама все написала. Но как сделать, чтобы ей в этом поверили! Ведут на допрос, и она все время готовится к тому, что вот предъявят черную тетрадь и спросят: откуда? Все время обдумывала, как быть, что

сказать, и все-таки додумать до конца не могла. И всякий раз, когда вели по тюремным коридорам в следовательский кабинет, готового решения, как же именно, как себя вести — у нее не было.

Но допрос шел за допросом, а о черной тетради не вспоминали. А когда окончательно определился крут обвинений, она стала немного успокаиваться.

И вот снова... Но нет, следователь равнодушно перебирает разложенное у него на столе. Поворчал на письма автора черной тетради: и что это за охота писать на целых восьми страницах. Возмутился неразборчивостью почерка. Самую же черную тетрадь назвал белибердой.

Какое это счастье, что у некоторых людей неразборчивый почерк, настолько неразборчивый, что даже следователи отказываются такой почерк разбирать. Какое счастье, что «Большой дом» набирает следователей как можно серее, безличнее, таких, которые совершенно «ленивы и нелюбопытны»!

Следователь свое дело закончил, он подшил 286 страниц! Он предлагает — ведь так полагается, ведь все — по закону — уничтожить, сжечь весь этот ненужный более материал. Требуется ее письменное на то согласие. Но почему-то она не сразу соглашается. Окончательное решение откладывается до следующего раза.

А в камере по ее возвращении Танька накидывается на нее со своей обычной истерической решимостью. Соглашаться на то, что они предлагают? Нет, никогда! Нечего писать какие-то заявления!

И вот, когда на следующем допросе снова предлагают оформить согласие на уничтожение фотографий и бумаг, она, заразившись Танькиной бесшабашностью, категорически отказывается это сделать. Следователь весьма недоволен. Но как же быть? Столько предстоит лишней возни. Не уничтожать, но куда же тогда все это девать? Кому отдать? Старшей дочери? И вот, кряхтя, вероятно — чтобы избавиться поскорее, следователь сам заворачивает весь этот ненужный материал, включая и черную тетрадь, в бумагу и перевязывает пакет бечевкой. А затем берет телефонную трубку...

И вот на один лишь миг приоткрывается щелочка в ту, другую жизнь, томительно-неизвестную, навсегда отделенную от нее нерушимой стеной заточения...

Но тотчас же уводят в другую комнату. Следователь же вызывает к телефону дочь. Она — дома. Она больна; ее донимают безработица, заботы о семье, неизвестность о будущей судьбе матери. К телефону подходит ее муж. Что он может ответить, когда вызывает «Большой дом»? Да, она свободна, сейчас придут.

Она поехала тотчас же, несмотря на слабость, на повышенную температуру. Муж — вместе с ней. Остался в приемной. Кто знает, зачем вызвали, что еще может быть.

Следователь, с его неряшливой фигурой, показался почти страшным. Приняла пакет от него, расписалась. Ни о чем не спрашивала. Все равно — не ответят. Все время было такое чувство, что мама вот только что вышла отсюда.

Мать прождала часа полтора. А потом ее снова привели к следователю. Он известил ее, что пакет со всеми не относящимися к делу материалами передан дочери. И счел возможным еще немного приоткрыть щелочку; по закоренелой, верно, уже совершенно бессознательной следовательской привычке — надо же допрашиваемого все время чем-нибудь угнетать, — заметил: «Ваша дочь очень плохо выглядит».

Что же, ведь он сказал сухую правду.

⁹² Об этом докладе З.Н.Гиппиус в РФО в ноябре 1914 см., напр., в комментариях С.Еленина и Ю.Овчинникова (А.Б.Рогинского и А.И.Добкина): Память: Исторический сборник. Вып.4. Париж, 1981. С.116.

⁹³ Данилов Виктор Александрович (1850-1916) — религиозный деятель, сотрудник журнала «Духовный христианин».

⁹⁴ Агеев (Агзеев) Константин Маркович (1885-?) — священник и религиозный деятель.

⁹⁵ Столпнер Борис Григорьевич (у автора ошибка: Аркадьевич; 1871-1937) — философ, социолог и переводчик; действ. член РФО со 2 февр. 1913.

⁹⁶ Карташев Антон Владимирович (1875-1960) — богослов и историк церкви.

⁹⁷ Речь идет о Литературно-музыкальном вечере в пользу Еврейского комитета помощи жертвам войны, состоявшемся в марте 1915 в Большом зале петроградской Консерватории. Горький прочел там два отрывка из повести «Детство». Отчет о вечере см.: Новый восход (Пг.). 1915. №10/11. 13 марта. С.50-51.

⁹⁸ Чит: Литературный сборник / Под ред. Л.Андреева, М.Горького и Ф.Сологуба. М., 1915. Вышел в сентябре.

⁹⁹ Карсавина Тамара Платоновна (1885-1978) — балерина, с 1918 — в эмиграции.

¹⁰⁰ Речь идет о стихотворении З.Гиппиус «Он» (1915) — Последние стихи. 1914-1918. Пб., 1918.

¹⁰¹ Возможно, речь идет о митинге интеллигенции во Дворце Урицкого (Таврическом) на тему «Интеллигенция и революция». Горький председательствовал там, но не выступал, сославшись на простуду. Выступали А.В.Луначарский, В.А.Стеклов и др.

¹⁰² Речь идет о первом вечере «Союза деятелей художественной литературы» 24 марта 1919 в театре «Гротеск». Свои произведения читали

прозаики Горький, Замятин, В.В.Муйжель, Ю.Л.Слезкин, В.Я.Шишков; поэты Блок, Гумилев, Георгий Иванов, Валентин Кривич, Вс.Рожественский, Дм.Цензор.

¹⁰³ Возможно, речь идет о посещении Горьким 6 июня 1928 Музея кустарных изделий, помещавшегося в Леонтьевском переулке. 13 июня он встречался с учителями и научными работниками в Доме ученых на Пречистенке.

¹⁰⁴ *Халатов* Арташес (Артемий) Багратионович (1896-1938) — в 1927-1932 — председатель правления Госиздата и ОГИЗа. Расстрелян.

¹⁰⁵ Речь идет о романе Г.Уэллса «В дни кометы» («In the Days of the Comet», 1906).

¹⁰⁶ Имеются в виду речи Антония и Брута из III акта трагедии Шекспира «Юлий Цезарь».

¹⁰⁷ Семья директора и члена правления акционерного об-ва «Бликен и Робинсон» Льва Максимовича *Робинсона* жила на Николаевской ул., 41.

¹⁰⁸ Из стихотворения А.Ахматовой «Чем хуже этот век предшествующих? Разве...» (1919).

¹⁰⁹ Описываемые события происходили зимой 1918-1919, когда Л.В.Розенталь работал лектором внешкольного отдела петроградского Губнар-образа (затем Севпроса).

¹¹⁰ *Медынский Евгений Николаевич* (не Александрович: ошибка автора) (1885-1957). В 1914 окончил юридический факультет СПб. университета. С 1911 заведовал земскими школами Царскосельского уезда и одновременно читал впервые в России разработанный им курс по внешкольному образованию. В 1915-1917 читал лекции на различных учительских курсах по всей стране. В 1917-1922 работал в Нижнем Новгороде и Екатеринбурге—Свердловске. С 1922 жил в Москве: в 1922-1937 проф. 2-го МГУ, в 1938-1948 проф. МГПИ им. Ленина. В 1947-1948 заведующий отделом истории педагогики НИИ теории и истории педагогики, директор Гос. библиотеки по народному образованию им. К.Д.Ушинского. В 1947-1952 член Президиума АПН РСФСР. Автор первого в СССР учебника по истории педагогики.

¹¹¹ Кооперативные чайные имели широкое распространение. Власти рекомендовали использовать их как средство народного образования и пропаганды (Виноградов Н. Как устроить кооперативную чайную. Пг., 1918): «Кооперативная чайная должна безотлагательно выступить на борьбу с кулацким трактиром. Кооперативная чайная — светлая, просторная — во всех случаях готовый приют для расцветающей сельской мысли». На стенах рекомендовалось развесить картины: «Репина "Богатыри" и "Запорожцы", Сурикова "Боярыня Морозова", из видовых — Куинджи "Березовая роща", Айвазовского "Черное море"»; географи-

ческие карты; «плакаты и надписи кооперативного, агрономического и гигиенического содержания», как, напр., «"Народная мудрость о пьянстве", "Куркин. Санитарно-статистические таблицы (рождаемость, смертность, брачность, болезненность и под.)", "Нужно идти за наукой", "Состав пиши"». Из игр предлагались те, «которые не рассчитаны на страсть к азарту»: шахматы, шашки, домино. Для граммофона в чайной рекомендовались пластинки — «Крестьянский хор под упр. Пятницкого», «Русские песни, исполненные Шалыпиным». «На подоконниках чайной не лишне разместить горшки с зеленью и цветами. /.../ Стол покрывают чаще клеенкой: ее удобно мыть. /.../ На столах надо расставить пельницы и полоскательные чашки, в углах чайной разместить плевательницы и настойчиво рекомендовать посетителям окурками и плевками полы на пачкать».

¹¹² Точнее: «Учение новобранцев при Николае I». Ныне — Государственная картинная галерея Армении (Ереван).

¹¹³ *Александр Андреевич Иванов* (1806-1858) в 1830 был отправлен в Италию, где много лет работал над своей огромной картиной «Явление Христа народу». Приехав с нею в 1858 в Петербург, художник умер в том же году от холеры.

¹¹⁴ Из стихотворения О.Мандельштама «Я не увижу знаменитой Фредры в старинном многоярусном театре» (1915).

¹¹⁵ Имеется в виду книга литературного критика и публициста Льва Максимовича *Клейнборта* (1875-1950) «Рабочий класс и культура» (Т.1: Как складывалась рабочая интеллигенция 1905-1916 гг.; Т.2.: Искусство). М., 1925; 1-е изд.: Очерки рабочей интеллигенции. Т.1-2. Пг., 1923. Под «одиозностью» К. следует, вероятно, понимать его меньшевистское прошлое.

¹¹⁶ *Гуревич Анна Яковлевна* (1878-?) — педагог, деятель внешкольного образования, в 1917-1918 — начальник петроградского Губнаробраза. Затем лектор Института внешкольного образования, Педагогической академии. Сестра Л.Я.Гуревич, писательницы, литературного и театрального критика. См.: Литературное наследство. Т.92: Александр Блок: Новые материалы и исследования. Кн.3. М., 1982. С.839.

¹¹⁷ *Сум Николай Эммануилович* (1879-?) — педагог, летом 1902 был репетитором младшего брата Л.Д.Менделеевой Василия (См.: Литературное наследство. Т.89: Александр Блок: Письма к жене. М., 1978. С.66). После революции работал в области внешкольного образования, профессор, декан музейного факультета Института внешкольного образования, работал в Педагогической академии, Центральном бюро краеведения.

¹¹⁸ Трехцветные литографии.

¹¹⁹ Приют (реальное училище) принца Петра Георгиевича Ольденбургского до революции помещался на 12-й роте, 36.

¹²⁰ О дочерях А.Н.Бенуа см. прим. 7 к наст. публ.

¹²¹ В Петрограде в это время действовала артельная группа по изготовлению образовательных пособий под руководством инструкторов внешкольного образования (Трудовая артель «Народная школа» — Гончарная, 18, кв.2).

¹²² В созданной Л.В.Розенталем «передвижной» выставке было 400 репродукций. См.: Внешкольное образование (Пг.). 1919. №4/5.

¹²³ «Мы на горе всем буржуям / Мировой пожар раздуем!..» — плакат (трехцветная литография), издан в 1918 в Петрограде.

¹²⁴ Речь идет о постановке «Мистерии-буфф» Маяковского.

¹²⁵ *Баранов-Россинэ* (собств. Баранов) Владимир (Лейб) Давидович (1888-1942) — живописец и скульптор. В 1918 для оформления пл. Восстания исполнил панно «Красноармеец-барabanщик», «Марширующие красноармейцы» и «365 революционных дней». С 1925 эмигрировал в связи с усилением нападков на левое искусство. Жил в Париже, погиб в немецком концлагере.

¹²⁶ *Сибирцев* — начальник Лужского УОНО. Аргаров (а не *Архаров*) — один из его сотрудников. Лужский уезд считался одним из передовых по внешкольному образованию. Но на состоявшемся с 10 по 12 января в Луге съезде (доклады Аргарова, В.А.Зеленко, С.И.Рагозиной, Л.В.Розенталя) ситуация определена так:

.../планомерной, организованной внешкольной работы в уезде пока нет. Есть отдельные внешкольные мероприятия и учреждения, мало между собою связанные и зачастую организуемые на устарелых и иногда весьма неправильных основаниях. .../Работу в уезде ведет, главным образом, учительство. Большую инициативу проявляют комитеты бедноты и коллективы коммунистов .../. Немалое влияние на направление внешкольной работы оказывают проживающие в некоторых волостях отдельные ученые, артисты, художники и др. Проживающая в одной деревне артистка читает лекции о «Женщине»; в другой, где поселился учитель пения, внешкольная работа концентрируется на организации хоров, причем народное искусство начинает понемногу заменяться «искусством» столичных подмостков.

Внешкольное образование (Пг.). 1919. №4/5

¹²⁷ По-видимому, намек на знаменитого киевского антрепренера Н.Н.Соловцова (наст. фам. Федоров, 1857-1902).

¹²⁸ *Гейнсборо* Томас (1727-1788) — английский живописец-портретист и пейзажист. Возможно, имеется в виду его работа «Голубой мальчик» (ок. 1770).

¹²⁹ Римский-Корсаков Андрей Николаевич (1878-1940) — музыковед и библиограф, доктор философских наук, служил затем помощником библиотечаря Гос. Публичной библиотеки.

¹³⁰ Из стихотворения А.Ахматовой «Годовщину последнюю празднуй...» (1939).

¹³¹ *Луначарская* (урожд. Малиновская) *Анна Александровна* (1883-1959) — педагог и писательница, первая жена А.В.Луначарского, сестра А.А.Богданова (Малиновского). Ей принадлежат, в частности, сборник стилизованной прозы «Отсветы Ренессанса» (М., 1924) и роман-сатира «Город пробуждается» (М., 1924).

¹³² *Калмыкова Александра Михайловна* (1849-1926) — педагог, общественная деятельница и издательница. После 1917 — сотрудница Петрогубоно и Пединститута им. Ушинского.

¹³³ *Тихеева Елизавета Ивановна* (1867-1943) — педагог и переводчица, специалист по дошкольному воспитанию, позднее — зав. педагогической частью Ленинградского научного института охраны материнства и детства, в 1930-е руководила созданным ею экспериментальным детсадом при Пединституте им. А.И.Герцена. Ее книги о дошкольном воспитании (в т.ч. «Игры и занятия малых детей») переиздавались в 1960-1980-е. *Соловьева Евгения Егоровна* (1869-1945) — педагог, специалист по начальному образованию, составительница хрестоматий и автор методик преподавания родной речи.

¹³⁴ Речь идет о книге англо-американского фольклориста и историка Джозефа *Джекобса* (1854-1916) «English Fairy Tales» (1890). Рус. пер. («Английские народные сказки») С.Г.Займовского и Л.Б.Г. с рисунками Д.Бэттена (М., 1918) вышел в серии «Мир сказок» под ред. А.Б.Хавкиной.

¹³⁵ «Le feu» («Огонь» или «В огне») Анри Барбюса, 1916. Рус. пер.: Пг., 1918.

¹³⁶ *Дебюро Жан Батист Гаспар* (1796-1846) — французский актер-мим. По-видимому, речь идет об издании: Жанен Ю. Дебюро: История двадцатипятилетнего театра, служащая продолжением истории французского театра / Пер. с франц. Ч.1-2. СПб.: Тип. Н.Греча, 1835.

¹³⁷ Речь идет о семье Семена Юльевича *Семковского* (наст. фам. Бронштейн; 1882-?), переводчика и публициста. В с.-д. движении с 1900-х, входил в редакцию венской «Правды» Троцкого, в Первую мировую войну — центрист, член Заграничного секретариата ОК меньшевиков, после возвращения в 1917 — член ЦК РСДРП(м), в 1920 отошел от партийной работы, но официальных заявлений по этому поводу не подавал; позднее был профессором в вузах Украины, выпускал учебники по диамату и истмату. Судьба в 1930-е неизвестна.

¹³⁸ Из стихотворения О.Мандельштама «На страшной высоте блуждающий огонь!...» (1918).

¹³⁹ Ресторан К.П.Палкина с 1874 помещался на Невском пр., 47 (в доме, где до недавнего времени был кинотеатр «Титан»). По-видимому, съемка осуществлялась в фотоателье М.С.Напельбаума на шестом этаже дома 72 на Невском.

¹⁴⁰ Возможно, речь идет о Злате Ионовне Лилиной (урожд. Бернштейн; 1882-1929), первой жене Г.Е.Зиновьева, возглавлявшей петроградский Губсоцвос в 1920-1924 и бывшей одновременно зам. зав. Петрогубоно. В 1924-1926 — зав. Ленгубоно.

¹⁴¹ Начальные слова «Бориса Годунова», произносимые Воротынским.

¹⁴² *Покровский* Михаил Николаевич (1868-1932) — был заместителем наркома просвещения в 1918-1932.

¹⁴³ *Севпрос* — Комиссариат по народному просвещению Союза Коммунальных Северных областей. Здание Министерства народного просвещения — Чернышева пл. (ныне пл. Ломоносова), 2. Театральный отдел Наркомпроса размещался по адресу Дворцовая наб., 26.

¹⁴⁴ *Менжинские: Вера Рудольфовна* (1872-1954) — член РСДРП с 1905, после 1917 — сотрудница Наркомпроса, в 1920-е под ее ред. вышли пособия: «Октябрь: Историко-революционные экскурсии» и «Производственные экскурсии», в 1934-1947 — автор и редактор ряда учебников по английскому, немецкому и французскому языкам; *Людмила Рудольфовна* (1878-1933) — в 1920-е — сотрудница Наркомпроса и администратор Ленинградского коммунистического пед. ин-та им. Н.К.Крупской.

¹⁴⁵ *Шиперович* Давид Маркович (1891-1919) — поэт и заведующий библиотечной секцией внешкольного отдела Севпроса.

¹⁴⁶ *Столянский* Петр Николаевич (1872-1938) — краевед и историк, специалист по истории Петербурга. Арестован и погиб в заключении.

¹⁴⁷ *Головань* Владимир Александрович (1870-?) — искусствовед, профессор, заведовал фотографической лабораторией Института истории искусств, был главным библиотекарем Эрмитажа.

¹⁴⁸ *Гильдебранд* (Hildebrand) Адольф фон (1847-1921) — немецкий скульптор и теоретик искусства. Осн. труд — «Problem der Form in der Bildenden Kunst» (Strassbourg, 1893, рус. пер.: Проблема формы в изобразительных искусствах. М., 1914). *Фидлер* (Fiedler) *Конрад* (1841-1895) — немецкий искусствовед. Его переписка с Гильдебрандом издана в Дрездене в 1927. См. также: Faensen H. Die bildnerische Form: Die Kunstauffassungen Konrad Fiedlers, Adolf von Hildebrands und Hans von Marées. Berlin, 1965.

¹⁴⁹ Первый Всероссийский съезд по дошкольному образованию проходил в Москве с 25 апреля по 4 мая 1919.

¹⁵⁰ Первый Всероссийский съезд по внешкольному образованию проходил в Москве в мае 1919.

- ¹⁵¹ Ошибка автора. Речь идет о *Людмиле Рудольфовне Менжинской*.
- ¹⁵² *Зеленко Василий Адамович* (1878 или 1880 — после 1931) — педагог и популяризатор, в 1920 — сотрудник внешкольного подотдела петроградского Горono, профессор, ректор Института внешкольного образования в Петрограде. Позднее автор учебников по педагогике.
- ¹⁵³ Ленин выступал на съезде 6 и 9 мая.
- ¹⁵⁴ *Каменева (урожд. Бронштейн) Ольга Давыдовна* (1883-1941) — жена Л.Б.Каменева, сестра Л.Д.Троцкого; в 1918-1920 возглавляла Театральный отдел Наркомпроса.
- ¹⁵⁵ *Малявин Филипп Андреевич* (1869-1940) — живописец и график, член «Мира искусства» и «Союза русских художников». Умер в Париже.
- ¹⁵⁶ *Бакушинский Анатолий Васильевич* (1883-1939) — искусствовед, критик, хранитель отдела рисунков ГТГ.
- ¹⁵⁷ *Лихтварк Альфред* (1852-1914) — немецкий искусствовед. См. о нем: Beckers E. Das Beispiel Alfred Lichtwark: Eine Studie zum Selbstverständnis der Reformpädagogik. Köln, 1976. Речь идет о его кн.: *Übungen in der Betrachtung von Kunstwerken: Nach Versuchen mit einer Schulklasse / Herausgegeben von der Lehrervereinigung zur Pflege der künstlerischen Bildung*. Berlin, 1922 (15-18. Auflage).
- ¹⁵⁸ По-видимому, речь идет о статье философа и историка культуры Михаила Осиповича *Гершензона* (1869-1925) «Поэзия в школе (План реформы)», вошедшей в его кн. «Видение поэта» (М., 1919).
- ¹⁵⁹ Первый Петроградский губернский съезд по внешкольному образованию проходил во Дворце труда (Пб. Ксенинском ин-те) с 28 по 30 апреля 1919. Вероятно, автор путает хронологию. См. прим. 150.
- ¹⁶⁰ *Танги (Tanguy) Ив* (1900-1955) — французский художник.
- ¹⁶¹ Речь идет об А.А.Луначарской.
- ¹⁶² Из стихотворения О.Мандельштама «Ленинград» (1931).
- ¹⁶³ Эта глава датирована мартом—маем 1983.
- ¹⁶⁴ Рейс «Керженца» был организован летом 1920 Цекультводом в качестве инструкторской поездки. Цекультвод (Культурно-просветительский отдел ЦК Всероссийского союза рабочих водного транспорта) «дублировал» Наркомпрос в областях, прилегающих к судоходным рекам, обладал большими финансовыми возможностями, так как имел иные источники дохода, кроме государственного финансирования. В ведении Цекультвода находились клубы в затонах, библиотеки, избы-читальни, школы ликвидации безграмотности, самодеятельные театры и др. Большинство этих учреждений, как и во всей стране, страдало от нехватки квалифицированных работников, что вызвало «необходимость у каждой цент-

ральной организации иметь разъездных инструкторов». Таким инструктором был упоминаемый далее в тексте А.А.Монастырский.

Первые поездки инструкторов имели целью связать центр с местами через организованные Райкультводы. Никакого определенного плана центр инструкторам не давал, они лишь знали его общую линию, задачи, а осуществление этой задачи предоставлялось каждому самостоятельно, в зависимости от условий района. /.../ С мая месяца по февраль было совершено 22 поездки, продолжительностью от 3 недель до 2 месяцев каждая. Самая большая поездка была в Астрахань, где в силу исключительных военных условий работа началась очень поздно и инструктору пришлось заново создавать всю организацию.

Год работы Цекультвода. М., 1920

На идею культурно-просветительского рейса повлиял и опыт Е.Н.Медынского (см. сл. прим.), организовавшего в 1917 поездку по Волге баржи-выставки — Внешкольное образование (Нижний Новгород). 1918. №1.

¹⁶⁵ Речь идет о Е.Н.Медынском.

¹⁶⁶ *Кузнецов Павел* Варфоломеевич (1878-1968) — живописец и график.

¹⁶⁷ Речь идет о гимназической подруге Аси — *Лизе Рейц*.

¹⁶⁸ Из стихотворения О.Мандельштама «Золотистого меда струя из бутылки стекла...» (1917).

¹⁶⁹ Сомов К. «Портрет М.В.Добужинского». 1910. ГТГ.

¹⁷⁰ Розенталь Л.В. М.В.Добужинский-иллюстратор // Печать и революция. 1924. Кн.1. С.79-104.

¹⁷¹ *Кандауров Константин Васильевич* (1865-1930) — живописец и сценограф, секретарь объединения «Мир искусства».

¹⁷² Маковский С.К., Нотгафт Ф.Ф. Графика М.В.Добужинского. Берлин, 1924.

¹⁷³ *Лентулов Аристарх Васильевич* (1882-1943) — живописец и театральный художник, один из организаторов «Бубнового валета», в 1937-1943 — проф. Московского художественного ин-та.

¹⁷⁴ *Рождественский Василий Васильевич* (1884-1963) — живописец.

¹⁷⁵ *Куприн Александр Васильевич* (1880-1960) — живописец.

¹⁷⁶ Речь идет о персональной выставке П.П.Кончаловского в 1926.

¹⁷⁷ Вы — величайший портретист нашей эпохи (*фр.*).

¹⁷⁸ Кончаловская Наталья Петровна (1903-1988) — дочь художника, детская писательница.

¹⁷⁹ Надо работать (*фр.*).

¹⁸⁰ Портрет Елены Адриановны Праховой (1894) работы В.М.Васнецова находится в ГТГ. *Прахов Адриан* Викторович (1846-1916) — археолог и историк искусства.

¹⁸¹ Ср.: «Про Елену Адриановну Прахову Нестеров писал Турыгину 2 июля 1897 года: "Это прекрасная девушка, с которой я взял когда-то тип своей великомученицы Варвары и был недалек от того, чтобы влюбиться в нее и связать ее судьбу со своей"» — Дурылин С. Нестеров в жизни и творчестве. М., 1965. Нестеров писал с Е.А.Праховой икону святой Варвары для Владимирского собора в Киеве. Как сообщает Дурылин, под давлением киевской общественности, не желавшей молиться «на Лелю Прахову», образ пришлось переписать.

¹⁸² Юбилейная выставка П.В.Кузнецова — пятидесятилетие художника и 25 лет творческой деятельности — открылась в Третьяковской галерее 2 февраля 1929. (Выставка картин заслуженного деятеля искусства профессора живописи Павла Кузнецова. М., 1929).

¹⁸³ *Елена Михайловна Бебутова-Кузнецова* (1882-1970) — живописец и художник театра, героиня знаменитой серии портретов П.В.Кузнецова второй половины 1920-х.

¹⁸⁴ Выставка К.С.Малевича открылась в Третьяковской галерее 1 ноября 1929. Листовка, разъясняющая творчество Малевича, — возможно, брошюра А.Федорова-Давыдова «Выставка произведений К.С.Малевича» (М., 1929). Приведем выдержку из нее:

Он субъективист и мечтатель-философ. Но это не мешает его работам иметь свое собственное, объективное значение. Его супрематическая живопись уже сделала свое дело в текстиле и целом ряде других отраслей декоративного искусства. Западные архитекторы с интересом присматриваются к его «планитам» и «архитектонам», богатство фантазии и выразительность глубоко проработанных форм которых дают богатейший материал архитектору-практику.

¹⁸⁵ «Черный квадрат» (1915) — не единственная картина, с которой Малевич делал копии. Им повторены также «Черный круг», «Черный крест».

¹⁸⁶ Об *Алексее* Викторовиче (Так! — У автора ошибка в отчестве) *Шусеве* см. прим. 10.

¹⁸⁷ *Бубнов* Андрей Сергеевич (1884-1938) — государственный деятель, член РСДРП(б) с 1903. Учился в Иваново-Вознесенском реальном училище, затем в Московском сельскохозяйственном институте (не закончил). После революции занимал должность комиссара железных дорог, в октябре 1918 как опытный конспиратор командирован для подпольной работы в Киев (при Петлюре). В 1919 член РВС Украинского фронта, затем — XIV армии, в 1920 — Северо-Кавказского военного округа. В 1922-1923 — заведующий Агитпропом ЦК. В 1924-1929 — начальник Полит-

управления РККА, член РВС СССР. В 1929 сменил Луначарского на посту наркома просвещения. Арестован в 1937, расстрелян.

¹⁸⁸ «Художники РСФСР за XV лет (1917-1932): Живопись». Выставка проходила в 1933 в Третьяковской галерее.

¹⁸⁹ *Бродский* Исаак Израилевич (1883/1884-1939) — один из главных официальных советских живописцев, с 1934 — директор Всероссийской АХ в Ленинграде.

¹⁹⁰ В.Е.Татлин, приветствовавший революцию, с 1919 по поручению Отдела изобразительных искусств Наркомпроса начал работу над памятником III Интернационалу. Детальная разработка проекта и модель были закончены в 1920 (совместно с И.А.Меерзоном, М.Л.Виноградовым, Т.М.Шапиро):

Проект памятника представляет собой три больших стеклянных помещения, возведенных по сложной системе вертикальных стержней и спиралей. Помещения эти расположены одно над другим и заключены в различные гармонически связанные формы. Благодаря особого рода механизмам, они должны находиться в движении различных скоростей. Нижнее помещение (А), представляя по своей форме куб, движется вокруг своей оси со скоростью одного оборота в год и предназначено для целей законодательных. Здесь могут происходить конференции Интернационала, заседания интернациональных съездов и других широких законодательных собраний. Следующее помещение (В), в форме пирамиды, вращается по оси со скоростью одного полного оборота в месяц и предназначено для целей исполнительных (Исполком Интернационала, Секретариат и др. административно-исполнительные органы). Наконец, верхний цилиндр (С), вращающийся со скоростью одного поворота в день, имеет в виду центры осведомительного характера: информационное бюро, газета, издание прокламаций, брошюр и материалов, /.../ телеграф, проекционные фонари для большого экрана /.../ и радио, мачты которого поднимаются над памятником.

Пунин Н. Памятник III Интернационалу. Пб., 1920

В 1925 была выполнена новая модель (не сохранилась). Над человеко-самолетом «Летатлиным» художник работал с 1923. К концу 1920-х, с переориентацией государственной культурной политики от поддержки авангарда к значительно более консервативным вкусам среднего класса, Татлин революционного периода стал еще более неуместен, чем Малевич, живопись которого «сделала свое дело в текстиле».

¹⁹¹ П.Д.Корин познакомился с Горьким в 1931 в Москве. Писатель сам пришел в его квартиру-мастерскую на чердаке, высоко оценил увиденные там картины (в т.ч. эскизы к картине «Русь уходящая») и пригласил с собой в Италию. В 1932 Корин пишет портрет Горького в Каподи-Сорренто (человек в пальто Горького позирует на берегу, т.к. Горь-

кому опасен морской холод, а голова пишется с натуры в кабинете). Корин после этого быстро становится ведущим советским живописцем: нестеровская «умеренно-романтическая» линия в живописи точно отвечает запросам массового зрителя и во многом формирует метод социалистического реализма в изобразительном искусстве. В последующие годы Корин выполняет фриз для Большого зала Дворца Советов «Марш в будущее», портрет Г.К.Жукова, панно для станций метро «Комсомольская-кольцевая» и «Новослободская». Этюды-портреты к картине «Русь уходящая» писались Кориним в 1929-1937 («Слепой», «Схимница», «Нищий», «Молодой монах» и т.д.). Название «Русь уходящая» предложено Горьким, пытавшимся «дать паспорт» картине (как вспоминает сам П.Д.Корин). Картина, принятая в штывы в 1937, так и не была написана, хотя работа над ней продолжалась: в 1959 был закончен большой эскиз.

¹⁹² *Марке (Maquet) Альбер (1875-1947)* — французский живописец, участник группы фовистов (также Матисс, Руо, А.Дерен, Р.Дюфи, М.Вламинк). *Даран Даниил Борисович (1894-1964)* — художник, иллюстратор книг, сотрудник Третьяковской галереи.

¹⁹³ Звание заслуженного деятеля искусств Татлин получил в 1931.

¹⁹⁴ Академик-индолог Сергей Федорович *Ольденбург (1863-1934)* 30 октября 1929 был отставлен от должности Непременного секретаря АН, которую занимал с 1904, в связи с начинавшимся «делом Академии наук». Арестован (см. ниже в тексте) он тогда не был (его единственный арест в сент. 1919 был связан с членством в ЦК кадетской партии и продолжался три недели). См. подробнее: Перченков Ф.Ф. Академия наук на «великом переломе» // *Звенья: Исторический альманах. Вып.1. М., 1991. С.204-209; Ананьич Б.В., Панеях В.М. Принудительное «соавторство»: К выходу в свет сборника документов «Академическое дело 1929-1931 гг.».* Вып.1 // *In memoriam: Исторический сборник памяти Ф.Ф.Перченка. М.; СПб., 1995. С.90, 91, 102, 110.*

¹⁹⁵ Фальсифицированный судебный процесс над группой инженерно-технической интеллигенции (Л.К.Рамзиным, В.А.Ларичевым и др.), обвинявшейся в создании подпольной антисоветской Промпартии, состоялся в Москве в ноябре—декабре 1930. Обвиняемые были приговорены к различным срокам заключения.

¹⁹⁶ Инженер-теплотехник, профессор Леонид Константинович *Рамзин (1887-1948)*, осужденный по «делу Промпартии», был помилован ЦИК СССР в 1936. В 1943 стал лауреатом Сталинской премии.

¹⁹⁷ Первый Всероссийский музейный съезд проходил в Москве 1-5 декабря 1930. Резолюция о Промпартии была принята в первый день работы съезда сразу после вступительной речи М.С.Эпштейна и выборов рабочих органов. Выдержка из текста: «.../Первый музейный съезд с отращением клеймит изменников и предателей из так называемой "Промышленной партии" и требует расстрела агентов финансового капитала

и империализма». Резолюция была дополнена предложением о награждении ОГПУ орденом Ленина (Труды Первого Всероссийского музейного съезда. Т.1. М., 1931. С.14-15).

¹⁹⁸ *Гусев Николай Николаевич* (1882-1967) — искусствовед и историк литературы, секретарь Л.Толстого в 1907-1909, в 1930 — заведующий Толстовским музеем и архивом музея.

¹⁹⁹ *Адлер Бруно* Фридрихович (1874-?) — этнограф, в 1930 приват-доцент 1-го МГУ, действительный член Государственного Тимирязевского научно-исследовательского института.

²⁰⁰ *Соколов Борис Матвеевич* (1889-?) — этнограф, в 1930 директор Государственного Центрального музея народоведения (Этнографического музея) и заведующий отделом угро-финнов Восточной Европы, профессор 2-го МГУ.

²⁰¹ Осуждение съездом «выступления проф. Адлера в иностранной печати» состоялось 5 декабря. Статья Адлера «О современном состоянии науки о человеке в СССР» была напечатана в немецком журнале «Archiv für Anthropologie» в 1930. В ней речь шла о низком уровне антропологической науки в СССР, связанном с дезорганизацией в советское время научной работы, отсутствием инструментов и лабораторий, нищенским жалованием, пренебрежительным отношением к старым ученым, «не сумевшим приспособиться» и вынужденным «вымереть» от голода и эпидемий. Адлер признал ошибки, говоря, что статья написана 5 лет назад и напечатана без его ведома. Его уличали во лжи. В резолюции съезда сказано: «/.../ Помещение такой статьи в заграничном журнале является злостной клеветой по отношению к СССР и советской науке и в момент подготовки интервенции против Советского Союза объективно способствует идеологической мобилизации всех враждебных сил в капиталистических странах против социалистического строительства в СССР. Съезд клеймит позором предательский поступок проф. Адлера и постановляет исключить его из состава делегатов съезда. Съезд считает необходимым противопоставить статьям Адлера в иностранной печати информацию о действительном положении науки народоведения в СССР» (Труды... Указ. изд. С.225). Как явствует из последнего предложения, осуждение Адлера было косвенно связано с началом издания журнала «Советский музей».

²⁰² Из стенограммы: «*Март*: Я считаю, что раз съезд постановил, то не надо никаких оправданий. Если кто-нибудь поднимет вопрос, мы покажем документы. Если бы статья была написана в 1921 г., то это все равно. (апл.)» (Труды... Указ. изд. С.226).

²⁰³ Подробнее об этом эпизоде см. в примечаниях к дневнику Чуковско-го (Чуковский К. Дневник: 1901-1929. М., 1991).

²⁰⁴ Председатель ВОКСа в 1934-1937 — Александр Яковлевич Аросев (1890-1938). «Возглавляя ВОКС, он рассматривал свою должность как

"метрдопельскую работу" во всесоюзном масштабе, в которой главное — "принимать и улыбаться" и в то же время "умело преподносить идеи коммунизма"» (ВОКС в 1930-1940-е годы: [Вступительная статья] / Публикация А.В.Голубева и В.А.Невежина // Минувшее. Вып.14. М.; СПб., 1993. С.316).

²⁰⁵ Музей керамики (сперва — Музей фарфора) основан в Москве в 1919. Переведен в Кусковский дворец (архитектор Шарль де Вайли) в 1932. Создан на базе национализированных частных собраний, распыленных по дворцам и особнякам; в коллекцию музея вошли также отдельные образцы из Оружейной палаты, Государственного Эрмитажа, изделия работающих керамических заводов. К 1938 в собрании было свыше 17000 предметов.

²⁰⁶ *Шереметев Павел Сергеевич* (1871-?) — историк и генеалог, после революции — музейный работник.

²⁰⁷ Выставка произведений московских и ленинградских художников, организованная «Всекохудожником», была открыта летом 1937 в Нарзанной галерее в Кисловодске. На ней выставлялись среди прочего: «Май», «Горные маки», «Сбор овощей», «Весна в цвету», «Натюрморт», «Сбор хлопка» Сарьяна; «Букет», «Зима», «Розы», «Осенний букет», «Лесная поляна» Кончаловского; «Улица в Риме», «Скука», «Париж», «Прыжок с парашютом» Дейнеки; «Скотный двор» и «Стрижка овец» А.А.Пластова; эскиз «Атака» и «Козий дворик» Г.К.Савицкого; «Сирень», «Портрет И.В.Сталина», «Девушка со свечой» К.С.Швайцара (не Шнайдера — далее в тексте ошибка автора).

²⁰⁸ *Семенова Марина* Тимофеевна (р.1908) — балерина, солистка Большого театра с 1930.

²⁰⁹ *Нодье Шарль* (1780-1844) — французский писатель, его романом о справедливом разбойнике «Жан Сбогар» (1818) увлекалась пушкинская Татьяна.

²¹⁰ Речь идет о работе Ф.А.Модорова «Портрет тов. Эфендиева».

²¹¹ *Франкль Пауль* (1878-1962) — немецкий искусствовед. По-видимому, имеются в виду его работы: Die Entwicklungsphasen der neueren Baukunst. Leipzig; Berlin, 1914; Das System der Kunstwissenschaft. Brunn; Leipzig, 1938.

²¹² *Верховский Вадим Никандрович* (1873-1947) — химик, брат переводчика Ю.Н.Верховского, в 1900-1910 преподавал в Тенишевском училище и Женском педагогическом институте. В советские годы — проф. Педагогического ин-та им. Герцена, академик АПН, автор учебников для средней школы и техникумов.

²¹³ *Бринкман (Brinckmann) Альберт Эрих* (1881-?) — немецкий искусствовед. Основной труд: Baukunst: Die künstlerischen Werte im Werk des Architekten. Tübingen, 1956.

²¹⁴ *Шмарзов* (Schmarsow) Август (1853-1936) — немецкий искусствовед. Автор системы «основных понятий искусства» (Grundbegriffe der Kunstwissenschaft. Leipzig, 1905) на основе био- и психофизиологического истолкования творчества.

²¹⁵ *Айналов* Дмитрий Власьевич (1862-1939) — историк искусства, профессор, в его семинаре по истории искусств в Петербургском ун-те занимался автор. Член-корр. АН (1914).

²¹⁶ *Вейдле Владимир Васильевич* (1895-1979) — литературный и художественный критик, литературовед, искусствовед и поэт. Окончил историко-филологический факультет Петроградского ун-та в 1916. В 1918-1920 преподавал в Пермском ун-те, в 1921-1924 — доцент Петроградского ун-та. С 1924 жил в Париже, преподавал также в Германии и США.

²¹⁷ *Гревс* Иван Михайлович (1860-1941) — историк и краевед, специалист по Римской империи и Средневековью, выдающийся педагог, профессор Петербургского ун-та в 1899-1923 и в 1934-1941. О его семинарии в университете см.: Анциферов Н.П. Из дум о былом. М., 1992. По указ.

²¹⁸ *Эрст Сергей Ростиславович* (1894-1980) — историк искусства, художественный критик, близкий друг многих мирискусников. Кроме монографии о русском живописце Антоне Павловиче Лосенко (1737-1773) (М., 1914), ему принадлежат также книги об А.П.Остроумовой-Лебедевой (совм. с А.Н.Бенуа), П.С.Уткине, В.Замирайло, К.Сомове и др. С 1925 жил в Париже. *Врангель Николай Николаевич* (1870-1915) — историк искусства, организатор выставок, соредaktor «Аполлона» (с 1911), один из организаторов и ведущих сотрудников журнала «Старые годы».

²¹⁹ *Бушен Дмитрий Дмитриевич* (1893-1993) — живописец, график, театральный художник и историк искусства. Родился во Франции, художественное образование получил в Петербурге, в 1918-1925 — младший хранитель Эрмитажа по отделу фарфора и драгоценностей. Затем жил в Париже.

²²⁰ *Грабар* (так!) *Андрей Николаевич* (1896-1990) — византист, археолог и искусствовед. Умер в эмиграции. См. о нем: Искусство Византии и Древней Руси: Тезисы докладов конференции. Москва, 24-26 сентября 1996 г.: К 100-летию со дня рождения А.Н.Грабара / Отв. ред. Э.С.Смирнова. СПб., 1996.

²²¹ *Ракин Владимир Николаевич* (1877-?) — искусствовед, исследователь средневекового искусства, профессор, ученый секретарь Института истории искусств.

²²² В Третьяковской галерее Розенталь работал с 1925 по 1931 в должности заведующего отделом научной популяризации искусства.

²²³ *Гаузенштейн* (Hausenstein) Вильгельм (1882-1957) — немецкий критик и историк искусства. В книге «Искусство и общество» («Die Kunst und die Gesellschaft»); рус. пер. А.Ш.Мароза. М., 1923) показывает зависимость искусства от общественных форм, вырастающих над формами труда. См.

также его: Опыт социологии изобразительного искусства / Пер. Е. В. Александровой, пред. В. М. Фриче. М., 1924. До революции по-русски вышли его работы «Искусство рококо» и «Нагота в искусстве» (обе — М., 1914).

²²⁴ Музей нового западного искусства был создан в 1923. В нем были собраны национализированные частные коллекции, охватывающие произведения живописи зарубежных художников с 1850-х. Расформирован в 1946 в связи с кампанией «борьбы с космополитизмом».

²²⁵ Речь идет о кандидатской диссертации Розенталя «Пространство и объем. (К вопросу о специфике архитектуры)», защищенной в мае 1945.

²²⁶ Нисневич Либер Михайлович (1898-1970) — профессор-онколог.

²²⁷ Речь идет о статуе Афины в Парфеноне.

²²⁸ Имеется в виду мысль Гераклита о реке, в которую нельзя войти дважды.

²²⁹ «Книга отражений» — сборник художественно-критических статей И. Анненского (СПб., 1906; Вторая книга отражений. СПб., 1909).

²³⁰ Имеется в виду рассказ Чехова «Моя жизнь».

²³¹ Доброклонский М. В. Рембрандт. Л., 1926.

²³² *Верейский* Георгий Семенович (1886-1962) — живописец, график. В 1918-1930 — хранитель отдела гравюр Государственного Эрмитажа.

²³³ *Чайков* Иосиф Моисеевич (1888-1979) — скульптор, автор монументально-декоративных композиций.

²³⁴ *Лия* Соломоновна Франкфурт (1903-1966) — вторая жена Розенталя, ученый секретарь Публичной библиотеки, в 1951-1954 — в заключении.

Владимир Аллой
ЗАПИСКИ АУТСАЙДЕРА¹

IV

«Есть блуд труда, и он у нас в крови...» Смысл удивительного мандельштамовского определения доходит до меня лишь теперь, когда притягательность этого сорта «блуда» начинает с возрастом ослабевать. Многие годы не ощущал я очевидной амбивалентности поэтического образа, вернее, не задумывался о ней (и уж, конечно, не воспринимал другого мандельштамовского тропа — «совестный деготь труда»). Отношу это исключительно на счет собственной легкомысленности и необычайного своего везения: дело, которым мне посчастливилось заниматься, поглощало целиком, неизменно оставаясь любимым и желанным, никогда не приедаясь, не переходя в простую привычку и составляя, пожалуй, самую большую привязанность в моей жизни. Даже женщины не занимали в ней столь важного, а главное — столь протяженного места. Чаще всего работа воспринималась как праздник, иногда — как панацея от сыпавшихся бед и несчастий, порою (если несчастья переходили в область внутреннюю) — как наркотик, но всегда оставалась вожделенной, сохраняя при этом успокоительную осмысленность, давая ощущение упорядоченности мира и представляясь едва ли не единственной опорой — тем камнем, на котором можно было не только устоять, но и пытаться что-то строить...

Что же до бед и несчастий, то они начали сыпаться довольно скоро после того памятного разговора с Физом в кафе, когда я согласился стать директором ИМКИ. Борис Юльевич, как выясни-

¹ Окончание. Начало и продолжение текста см.: Минувшее. Т.21. С.104-152; Т.22. С.112-161.

лось, смотрел на ситуацию с излишним оптимизмом, по старинке веря в логику и рациональное мышление. Здесь же, как и во всякой «семейной драме», включились совершенно иные механизмы, и дальнейший ход событий определялся чем угодно, но только не логикой.

Беседа с Морозовым оказалась, сколь это ни парадоксально, самым простым и удачным из действий Физа. Иван Васильевич, правда, без энтузиазма, но все же принял новые условия игры, согласившись на роль «почетного директора» и передав реальное управление делом в другие руки. Однако все это необходимо было закрепить решением РСХД, без него ситуация становилась предельно двусмысленной. В то же время Совет после предварительных разговоров Физа с руководителями Движения — раскололся, представив весь спектр возможных мнений по поводу реформирования издательства. (В этом «раскладе сил» я не рассматриваю нашу «команду» — Бориса Юльевича, Никиту и меня, инициаторов всего дела, а также примыкавшего к нам отца Александра Шмемана — здесь позиция очевидна. Речь идет лишь об остальной массе членов Совета.)

Небольшую, но вполне сплоченную и активную группу «фронта отказа» возглавил отец Алексей Князев — ректор парижского Свято-Сергиевского богословского института, председатель французского отделения РСХД и старый Ванин друг. Для него за прошедшие четыре года ничего не изменилось, и Совет не имел права принимать условия Солженицына, так же как не принял их в 74-м году. А в том, что за новой попыткой отстранения Ивана Васильевича от должности стоит Солженицын, отец Алексей не сомневался ни минуты. Он же стал инициатором обращения к писателю, в котором «группа старых движенцев» доказывала преданность Морозова делу духовного возрождения России и «лично классику» и смиренно просила его пересмотреть свое отношение к Ване.

Другая группа склонялась к тому, чтобы принять предложение Физа, разумеется, при соблюдении приличий, совершении всех формальных шагов для «сохранения лица» и при создании условий для наиболее достойного выхода из положения.

Наконец, третью — самую многочисленную — составляло «болото», главной мотивацией действий, а вернее, полного бездействия которого сделался страх — чувство вполне иррациональное и, прежде всего, парализующее волю. Как часто бывает, именно «болото» и оказало определяющее воздействие на ход событий. Попытки оттянуть любое решение, уйти от неизбежных и неприятных разбирательств, где все пришлось бы называть своими именами, спрятаться от реальности, сделав вид, что проб-

лемы просто не существует, — это «по-человечески» понятное, но от того не менее пагубное поведение привело к самому печальному исходу: возникновению патовой ситуации, тянувшейся около полугода, превратившей и без того болезненный нарыв в настоящую гангрену и создавшей для всех, а особенно для Вани, невыносимо унизительную обстановку...

Вот лишь маленький пример: раз в два-три месяца в ИМКЕ устраивались производственные собрания, на которых — по крайней мере, в идеале — предполагалось обсуждение персоналом и начальством повседневных издательских и магазинных дел. Были они вполне бессмысленными, но составляли безобидную и даже милую традицию, призванную символизировать участие служащих в управлении предприятием. Совещания эти обычно проводил Иван Васильевич. Теперь же председательское кресло в качестве главы акционеров занял Физ, который по любому поводу подчеркнуто обращался ко мне как к новому директору издательства — при том, что несчастный Ваня сидел рядом с ним за председательским столом и официально оставался руководителем дела...

Ситуация становилась уже не просто неприличной, но совершенно невозможной. Я ощущал себя на раскаленной сковороде и не знал, как смотреть в глаза Ивану Васильевичу. После второго собрания я не выдержал и сказал Физу, что не в состоянии продолжать эту убийственную для всех игру. Либо надо собирать Совет и как-то разрешать проблему, либо я отказываюсь от совершенно не нужного мне директорского поста. Разговор происходил в громадной квартире Бориса Юльевича. Он долго вздыхал, мялся, ходил по гостиной, подбирая слова, а затем признался, что переоценил роль формальной логики в делах «семейного типа». С грустью рассказывал Физ, что в крупных французских компаниях первое действие новоназначенного генерального директора состоит в подписании чистого листа бумаги — его прошения об отставке, которое затем кладется в сейф и извлекается в случае надобности. Это, может быть, и не слишком гуманно, но во всяком случае рационально и преследует интересы дела, а главное — с первого дня определяет для всех участников четкие правила игры. В делах же «домашних» главенствующим становится «отношенческий момент», чрезвычайно сложный, отягощенный опытом многих лет совместной жизни, с ее радостями и обидами, дружбой и враждой, — и с этим приходится считаться... Конечно, он понимает всю нелепость и неприятность моего положения, но необходимо потерпеть, дать время Совету привыкнуть к мысли о неизбежности издательской реформы и смены поколений... В це-

лом из его пространных рассуждений я понял, что Борис Юльевич сам не знает, как выбраться из ловушки, в которую мы попали...

И все же маховик раскручивался, остановить его стало теперь невозможно, тем более, что в игру вступила «третья сила» — Вермонт (с Солженицыными Никита в то время перезванивался каждый день). Здесь отец Алексей Князев был не так уж и неправ, основывая свой анализ происходящего не на внешней картине, а на старом принципе римского права: *qui prodest*. В Вермонте шутить не любили. Впоследствии мне довелось увидеть рукописную страничку текста с инструкциями по ведению всей баталии...

Главный довод за немедленное снятие Морозова был прост и ясен, как орудийный ствол: четырехста тысяч франков имковского долга Солженицыну — за радиопередачи на русском языке. В те годы любые произведения писателя читались едва не ежедневно всеми западными радиостанциями и гонорары за эти чтения выливались в немалые суммы. Я уже упоминал, что финансовое положение ИМКИ к середине семидесятых было катастрофическим, и Иван Васильевич частенько пользовался для затыкания дыр средствами из солженицынских радиогонораров. Но это была палка о двух концах, и теперь второй ее конец пришел в движение. В середине весны Никита передал вердикт: если Совет не решит судьбы Морозова, Солженицын не только покидает ИМКУ, но забирает все свои деньги и, главное, требует немедленной выплаты долга. Понятно, что удовлетворить подобное требование сразу издательство было не в состоянии.

С этим «убойным» доводом в кармане и прислал Александр Исаевич на главную баталию своего полномочного министра иностранных дел — жену. Насколько помню, из Канады и Соединенных Штатов приехали владыка Сильвестр и отец Александр Шмеман — соответственно председатель и вице-председатель РСХД (правда, за присутствие владыки ручаться боюсь). Столь долго откладываемое собрание Совета проходило в мае 78-го. Тянулось оно почти шесть часов, было «закрытым», причем настолько, что несчастного Ваню, судьба которого решалась столь драматичным образом, большую часть времени даже не допускали в зал заседаний. Отец Александр старался поднять планку на нормальный уровень обсуждения, пытался обосновать неизбежность перемен, говорить о деле, о жизненных перспективах издательства и всего Движения... Однако даже при его фантастическом красноречии и способности убеждать — получалось это плохо: страсти были слишком накалены. О том, насколько бурно проходило собрание, можно судить уже по тому, что для многих оно завершилось если не формальным, то фактическим разрывом отношений. Отец

Алексей, и раньше не часто появлявшийся на Совете, вовсе перестал ходить на его встречи. Я в том заседании потерял духовника: отец Игорь, прекрасно все понимавший, разделявший полностью наши с Никитой взгляды и поддержавший их в начале заседания, в последней его части, когда Ваню все-таки допустили в зал, не выдержал и высказал совершенно обратное тому, что говорил два часа назад. Когда после Совета я спросил его, как же мне теперь идти к нему на исповедь, отец Игорь с горечью ответил: «Ах, Володя, вы ничего не понимаете! Здесь ведь вся жизнь позади...»

Страсти страстями, а «убойный» довод, привезенный Натальей Дмитриевной, свое дело сделал. В конце концов Совет закрепил сложившееся к тому времени положение: Иван Васильевич вышел в отставку с сохранением полного жалования до достижения им пенсионного возраста, я был официально назначен его преемником (без зарплаты, в которой, к счастью, не нуждался), издательский комитет реформирован: освободившееся в нем по смерти Титбола место занял отец Александр Шмеман. Зимой, после смерти Ивана Васильевича (и предшествовавшей ей смерти Бориса Юльевича Физа от сердечного приступа), Совет реформировал и общество имковских пайщиков: отныне акции делились между отцом Александром Шмеманом, Павлом Францевичем Андерсоном, Кириллом Ельчаниновым, Никитой и мной. Следующий «передел», когда в состав акционеров вошли Солженицыны, состоялся уже через несколько лет после моего ухода из ИМКИ, после смерти Павла Францевича и отца Александра — ближе к середине восьмидесятых...

***

Я столь подробно описываю морозовскую историю, ибо для меня она стала в большой мере поворотной, хотя проявилось это и не сразу. Да, мы «победили», «новое вино», о котором неустанно твердил Никита, отныне получало и «новые мехи», можно было реформировать издательскую деятельность, строить «настоящую» ИМКУ. С нами был и отец Александр (сам в 62-м году совершивший подобную революцию в Свято-Владимирской семинарии, — сменив в качестве декана престарелого отца Георгия Флоровского и резко омолодив преподавательский состав. В сущности, его примером Никита в значительной степени и вдохновлялся, а сам отец Александр всегда являл для него предмет дружеского обожания). Поддерживал перемены и владыка Сильвестр. Да и большинству членов Совета, вне зависимости от их формальной позиции, необходимость происшедшего была очевидна. Речь шла

не столько о сути, сколько о форме, точнее — о цене этих перемен...

Мне вовсе не хотелось бы показаться всезнающей черепахой Тортиллой. Логическую стройность события обыкновенно приобретают лишь *post factum*. При этом восприятие мира у человека, находящегося в поезде и на станционной платформе, — различно. Я был в движущейся системе. К тому же был в ней самым молодым, да еще, что называется, «на подъеме». Конечно, «наш лагерь» ощущал происшедшее как победу. Когда на следующий после Совета день Никита с Машей и Натальей Солженицыной пришли к нам домой «праздновать» ее, все думали и говорили только о будущем: какие открывались блистательные перспективы, как можно будет сделать наконец свободное, крупное издательство, которое потянет к себе все живое из России, превратится в материальную базу того, что нарождается в ней... Главное — долгое дыхание (на последнем особенно настаивала изрядно «поддавшая» Наталья Дмитриевна)... Александр Исаевич даже придумал новое название для чаемого книжного дела: «Взъем» или «Стяг» — на выбор... Впоследствии мы с Никитой очень потешались над этим предложением (тогда Никита еще сохранял нормальные реакции и способность иронизировать по поводу благоглупостей «классика»)...

Осенняя катастрофа все изменила, снова и уже в трагическом ключе поставив вопрос о цене перемен. Смерть одного из участников событий обычно фиксирует ситуацию навечно, переводя ее в другое измерение. Тем более такая смерть и после всего описанного выше. В событиях последнего года не было ничьей злой воли — только желание или нежелание реформ, страх неловких положений, боязнь неприятных разговоров... Но теперь это не играло никакой роли, поскольку смерть уже не оставляла места полемике о том, что и как делать, а «убойные» доводы теряли свой смысл и силу. Зато на поверхность выходил второй извечный русский вопрос: «кто виноват?»...

Вопрос этот никогда не обсуждался открыто — даже в некрологе Ване отец Алексей Князев спрятался за туманный эвфемизм: «всем памятно обстоятельства, при которых покойный Иван Васильевич покинул любимое им дело...» Но фигурой умолчания отделаться было невозможно: виноватыми в той или иной мере чувствовали себя все, по крайней мере все причастные к ситуации и решению Совета. Уйдя из жизни, Ваня присутствовал в ней едва ли не более явственно, чем раньше. И это немое присутствие рождало «*crise de conscience*», постепенно перераставший в общий движенческий кризис.

Отец Александр мог писать блистательные передовицы, посвященные «преодолению кризиса» (128-й номер «Вестника»), можно было сколь угодно красноречиво, логично и обоснованно доказывать неизбежность и правильность перемен — этого никто больше и не оспаривал. Но все рассуждения оказывались «не о том», шли мимо цели. Семена уже упали в почву, оставалось лишь ждать всходов...

Внешне это почти никак не выражалось. Все так же собирался Совет с обсуждением текущих дел и общими трапезами, так же велась движущая работа, выходили новые книги, издавался «Вестник» — вроде бы все как всегда. Исчезла лишь самая малость — ощущение «семьи», та теплота отношений и домашний дух, что отличали для меня Движение с первых парижских дней... Их сменила какая-то вполне деловая, корректная и даже доброжелательная... пустота, когда все разговоры и действия призваны не прояснить, а скорее скрыть нечто — постоянно за ними стоящее, но никогда не называемое.

Та же пустота воцарилась и в храме. Отношения с отцом Игорем даже не разладились, а как-то внутренне выхолостились: отлетел тот теплый дух, что скреплял и оживлял маленькую общину... В конце года я ушел из Введенской церкви, сменив ее на собор Александра Невского на рю Дарю. Туда же перешел и Никита.

После крохотной движущей церкви, где все было своим, знакомым, «надышанным», храм на рю Дарю напоминал вокзал: чужие, хотя в большинстве и знакомые люди, неизбежная анонимность, когда ты, как и основная часть молящихся, не являешься членом тесной общины, а лишь приходишь в гости, выяснить собственные, персональные отношения с Богом. Стоя на своем обычном месте — в левом приделе храма у колонны, я едва ли не каждый раз вспоминал рассуждения Андрея из чеховских «Трех сестер»: «Сидишь в Москве, в громадной зале ресторана, никого не знаешь, и тебя никто не знает...»

***

Все сказанное отнюдь не означает мгновенного распада той вселенной, какую я пытался описать ранее. Процесс лишь начинался, и по первости был даже не слишком заметен, особенно со стороны. К тому же для подавляющего большинства русскоязычной общины Парижа драматические события в маленькой эмигрантской организации находились на периферии интересов, составляя в лучшем случае тему сплетни, но никак не предмет раздумий или волнений. Вокруг было множество другого — жи-

вого, блестящего, значительного, интересного, нужного, занимавшего сердце, голову и руки... Но я-то пишу мемуар не о времени, а о своей собственной жизни и, хотя она тоже вовсе не исчерпывалась движенческими проблемами, естественно, отсекаю массу вещей внешних, пытаюсь сосредоточиться на событиях и душевных переживаниях, в значительной мере эту жизнь определявших...

Безусловно, и для меня за пределами описанного оставалось в этой вселенной еще очень многое, и самое главное — конечно, дело, по-прежнему любимое и спасавшее от всего. Так было на протяжении всех последующих лет, исчезло, пожалуй, лишь одно: какая-то внутренняя музыка, непрерывный малиновый звон, сопровождавший первые парижские годы...

Реформирование ИМКИ выразилось в сокращении ее персонала и резкой активизации книгоиздательского процесса. Первое позволяло избавиться от балласта и поднять заработки оставшихся, второе — при небольшой прибыли от каждой книги увеличить общий оборот и тем самым превратить все дело в рентабельное предприятие. Правда, это требовало напряженной работы, вовсе не похожей на ту, что была привычной. Сделать из «тихой заводи» нормальное издательское дело можно было лишь собственным трудом, и отныне смотреть на службу в ИМКЕ как на синекуру становилось затруднительно. Далеко не все оказались готовы к такому повороту. Ушел из магазина Андрей Савин, открывший на полученное наследство собственную букинистическую лавку на рю Ламартин. Ушел Женя Чаплюк, ранее деливший работу продавца со службой дьякона в движенческой церкви; теперь он стал священником и перешел служить на рю Дарю. Ушел и другой продавец — Владимир Николаевич Хохолуш, перешедший в контору Аниты Рутченко. Теперь всю работу в магазине вел практически лишь Алик Хананье (уроженец Литвы, некогда эмигрировавший в Израиль, а затем появившийся в Париже и приведенный сюда Борисом Юльевичем) — муж Никитиной племянницы Маши, дочери о.Петра Струве. Он и сегодня тащит на себе повседневную деятельность «Les Editeurs Reunis»...

Что же до собственно издательской активности — она постоянно расширялась. За 1978-81 годы мы выпустили едва ли не сотню книг. Среди них были и «Факультет ненужных вещей» Юрия Осиповича Домбровского (который, по счастью, успел перед смертью подержать в руках «главную книгу» своей жизни — уже не в рукописи, а в виде увесистого тома), и «Претендент на престол» и «Путем взаимной переписки» Войновича, и «Москва—Петушки» Вени Ерофеева, и «Крот истории» Кормера, и все книги

Лидии Чуковской, и «Неизданный Гумилев», и «Жизнь и житие архиепископа Луки...» Марка Поповского, и воспоминания Гессена, Роскиной, владыки Василия Кривошеина, и очередные тома «Памяти», и множество других литературных, исторических, богословских работ.

«Историей русского либерализма» Леонтовича началась и солженицынская серия ИНРИ. Переводила Леонтовича с немецкого Ирина Алексеевна Иловайская, бывшая тогда секретаршей у Солженицына, а я, готовя издание, редактировал перевод, избавляя его от особо тяжелых словесных оборотов. (Такого рода «литературное сотрудничество» у нас уже бывало — еще в Риме, когда Иловайская переводила на итальянский книги Володи Максимова и «консультировалась» у меня по поводу непонятных ей мест и выражений: скажем, она никак не могла уразуметь смысл максимовской фразы «Девушки, он любил вас, будьте бдительны» — что, впрочем, естественно, ведь имя Юлиуса Фучика, «на слуху» у любого советского человека, не говорило ей ровным счетом ничего...)

Началось и издание полного собрания сочинений Солженицына. Занимался им Никита и перешедшая в ИМКУ из «Seuil» секретарша Клода Дюрана Наташа Шмеман (племянница отца Александра). Правда, здесь работа заключалась главным образом в надзирании за действиями типографа и в бесконечных пробах — бумаги, картона, переплетной ткани, оттисков солженицынского вензеля и прочего и прочего. Текст же самих книг полностью набирался и макетировался в Вермонте, так что в ИМКУ приходила коробка с абсолютно готовым оригинал-макетом очередного тома, который и передавался для фотографирования и последующего тиражирования Флоку.

Сам Никита года на полтора как бы отошел в тень, по-видимому, в ожидании времен, когда страсти поулягутся. Формальный повод для этого был вполне уважительным. Никита занимал место профессора с кафедрой в Нантере. Однако в это время вышел указ министра о том, что для подобной должности необходимо иметь докторскую диссертацию. У Никиты же степени не было, он лишь прошел «aggregation» — конкурс министерства просвещения. Нужно было срочно писать докторат, в противном случае он мог лишиться места, с его коллегой по факультету это уже случилось. За писание докторской Никита и засел, сменив тему диссертации, которая отныне касалась жизни и творчества Мандельштама. Все упрощалось тем обстоятельством, что через него шел мандельштамовский архив, пересылаемый на Запад Надеждой Яковлевной, которая впоследствии сделала Никиту своим

душеприказчиком. В результате в качестве доктората появилась книга о поэте и четвертый, дополнительный к филипповским, том собрания его сочинений, куда вошли еще не изданные тексты и незавершенные фрагменты.

Для меня Никитин докторат обернулся необходимостью крайне быстро входить в практические тонкости издательского и книготоргового дела: пришлось осваивать премудрости бухгалтерского учета, общаться с оптовиками и типографами, представителями бумажных фирм, т.е. залезать в совершенно новые и неизвестные области, да еще при вполне поверхностном знании языка, что, особенно поначалу, было до предела мучительно. Впрочем, «отделка ценка под капитана» оказалась чрезвычайно полезна, а приобретенный таким образом опыт очень пригодился впоследствии, когда пришлось самому строить новое дело от нуля.

Уже в 78-м мы купили компокарт — первую, еще вполне допотопную наборную машину с памятью на магнитных картах, выпущенную фирмой IBM, и начали постепенно переходить на собственное изготовление оригинал-макетов. Надо сказать, что при обычных тиражах в тысячу-полторы экземпляров, стоимость набора в общей смете на книгу занимала почти треть, и экономия была очевидной. Первый год набирал книги я сам — «Архиепископа Луку» Марка Поповского, роман Феликса Светова и т.д. (Вот уж когда пригодилась практика слепой печати, приобретенная в детской на рю Эрланже.) Со следующего года взял помощницу и обучил ее работе на машине. Оля Остен-Сакен и сегодня набирает «Вестник» и все имковские книги (правда, последних, увы, почти не осталось)...

До перехода на собственное изготовление оригинал-макетов, что в основном было завершено к концу 80-го года (кроме «Вестника», первый «свой» номер которого вышел в 81-м), мы распределяли заказы по самым различным типографиям — парижским, провинциальным и зарубежным: так, на упоминавшейся уже печатне Шарля делался «Факультет ненужных вещей»; Флок, не имевший русского набора, взял на себя все офсетные работы; в Бельгии у Россельса выпускался «Национал-большевизм» Мелика Агурского; у украинцев — книги Лидии Чуковской и «Память»; наконец, Лифарь печатал «Трагедию русской церкви» Регельсона, произведения Солженицына (до собрания сочинений) и, главное, — занимался «Вестником». В связи с такой рассредоточенностью заказов мне приходилось часто мотаться по типографиям, иногда довольно далеким: скажем, до Россельса, в Лёвэн под Брюсселем, добираться на машине надо было часа три-четыре, а до Флока в Бретань — и все пять.

Из перечисленных выше печатников наиболее преданным и близким к ИМКЕ был Леонид Михайлович Лифарь, брат танцора и балетмейстера. Его и Березняка типография находилась в Шарль-ле-Руа — восточном предместье Парижа. Еще в 71-м выпускал Лифарь «Август 14-го», а затем и «ГУЛаг» (который, кстати, завещал положить по смерти себе в гроб), а уж к журналу относился как к своему собственному детищу. Появлялся он обычно к концу рабочего дня, часов в шесть, — всегда в одном и том же плаще, аккуратный, скромный, с неизменной застенчивой улыбкой и постоянной шуткой-приветствием. Приносил пачки корректурных листов, забирал новые рукописи для набора, обсуждал материалы, коих был первым пристрастным читателем. «Вестник» набирался не цельным корпусом, а по статьям, и часто — если сваливался «горячий» материал — приходилось менять содержание в последний момент, отправляя в «мрамор» одни и срочно вставляя другие куски. Фактически номер закрывался лишь написанием передовицы, когда все было уже не только набрано, но и сверстано, до того возможны были любые перестановки. Лифарь никогда не роптал, с улыбкой принимая нашу безалаберность. Был предельно тихим и незаметным, как-то стушевываясь на всех имковских сборищах и тем самым подчеркивая свою сугубо «техническую роль», но при этом знал полиграфию блистательно, до тонкостей. Оставался, кстати, безоговорочным сторонником горячего набора, обожая металл, и с недоверием относился к входившим тогда в моду электронным машинам. Если я чему-то и научился в печатном деле, то обязан этим в большой степени Леониду Михайловичу...

Что же до Никиты, то уход в тень вовсе не означал, что он полностью устранился от издательских дел. Кроме солженицынских томов он курировал и некоторые другие книги, конечно же, вел «Вестник», занимался «политическими экзерсисами», общаясь с Вермонтом и московскими авторами. Просто в эти годы Никита гораздо реже стал бывать в ИМКЕ, как бы отпустив повседневную редакционную деятельность и сосредоточившись лишь на «стратегических» направлениях. Зато мы чаще виделись у него дома, постоянно обсуждая и производственные, и движенческие, и монжеронские дела...

V

Монжерон — старый замок в восточном пригороде Парижа, километрах в двадцати пяти от города — издавна принадлежал русским. Когда-то там находился приют для русских детей-сирот,

созданный Милицей Зерновой. Приют давно закрылся, но сам замок, сильно обветшалый и пришедший в запустение, по-прежнему существовал, постепенно превращаясь в обузу для управлявшего им общественного Комитета. Деньги, в свое время положенные под проценты, давали возможность поддерживать жизнедеятельность поместья, но даже на это их хватало с трудом, а о возможности ремонта или реконструкции говорить всерьез не приходилось. Комитет и так уже не удовлетворялся процентами, а проедал основной капитал, особенно в ситуациях непредвиденных, как, скажем, наводнения — территория почти ежегодно затоплялась, и надо было чинить канализационную систему, заново штукатурить и красить помещения. Но главное — оставалось совершенно непонятным, к чему приспособить достаточно отдаленный от города огромный замок. Изредка его парадный зал сдавался под какие-нибудь коллоквиумы и конференции, там же проходили движенческие съезды, но 95% времени он пустовал...

В 75-м году тогдашний секретарь Комитета (а в прошлом культурный атташе французского посольства в Москве) Степан Татищев пригласил в Монжерон Александра Глезера с его собранием картин русских неофициальных художников, вывезенным из Союза. Когда мы познакомились с Сашей в Вене, он как раз ждал получения французской визы. Татищев согласился с идеей Глезера организовать музей свободного русского искусства, для чего отводил в стенах замка целый этаж одного из четырех зданий, составлявших громадное каре. В первой части дома помещалась небольшая квартирка, в которой жил Глезер с женой Майей и ее сыном от первого брака. Далее следовал сам музей — анфилада комнат, где экспонировались картины и находилось служебное помещение издательства «Третья волна», созданного Глезером и выпускавшего одноименный альманах, книги и каталоги художников.

Увы, надежды на большую посещаемость музея, равно как и на появление толпы меценатов, заинтересованных в поддержке русских неформалов и их постоянной экспозиции, не сбылись. Время от времени Саша Глезер устраивал групповые или персональные выставки отдельных художников, на которые собиралось тридцать-сорок эмигрантов, иногда (далеко не каждую неделю) в Монжерон приезжал какой-нибудь именитый гость или потенциальный покупатель живописи по дешевке — посмотреть коллекцию, но в целом блистательная идея русской Третьяковки под Парижем умерла, даже не приблизившись к реализации.

Сам носитель идеи был бессребренником, человеком быстро, хотя и не надолго увлекающимся любыми новыми идеями и как-то

совершенно по-детски тщеславным. К тому же — крайне неуравновешенным: регулярно переходил от совершенно безудержной активности (если в кармане заводилась лишняя копейка или хотя бы надежда на нее) к долгим депрессивным состояниям, когда он неделями не вылезал из Монжерона, а в доме пили чай без сахара...

Неудачный роман чаще всего кончается взаимными обвинениями и склокой. Разочарование Комитета в связи с неслучившимся чудом усиливалось и раздражением по поводу того, что количество картин росло, и музей постепенно, но уверенно распространялся по всему зданию. К тому же, пример Глезера оказался разительным: в дальнейшем ему последовал и ленинградский фотограф Валентин-Мария Тиль, которому, по его появлению в Париже, Комитет сдал за символическую плату комнату в другом флигеле, а теперь с ужасом наблюдал превращение комнаты в мастерскую, точно так же расплывавшуюся по всему дому...

К 79-му взаимные упреки Комитета и его квартиросъемщиков уже вылились в столь же взаимные обвинения в сотрудничестве с КГБ (обычный в эмиграции метод ведения полемики). Степан Татищев требовал от Глезера «выйти вон», а тот, в свою очередь, кричал об уничтожении единственного и уникального музея художников-нонконформистов. Постепенно в склоку втягивалась и тяжелая артиллерия: появились «открытые письма» в защиту музея, под которыми среди прочих стояли подписи Максимова, Буковского и т.д. Я уже упоминал о болезненности столкновений между «первыми» и «третьими» во всем, что касалось метрополии. Монжеронская история — лишь еще один тому пример. Комитет видел в происходящем наглое посягательство на подчиненную ему общественную собственность со стороны довольно сомнительных новых эмигрантов и черную их неблагодарность в ответ на оказанную помощь. Для Максимова же вопрос заключался не столько в самом Глезере, сколько в стоящих за ним московских художниках, другими словами — в злостном неприятии эмигрантскими «носорогами» новой, свободной культуры...

Попытка разрешения конфликта и «влезание» ИМКИ в монжеронские дела связаны с событиями, казалось бы, никакого отношения ко всему, о чем говорилось выше, не имевшими.

Весной 1979-го советское правительство обменяло нескольких своих провалившихся разведчиков на группу политических заключенных: Гинзбурга, Кузнецова, Дымшица, Мороза и пастора Винса. Объяснять, кто такой Александр Гинзбург и вдаваться в историю его правозащитной деятельности не имеет смысла: она впол-

не известна — от возникновения маленького поэтического самиздатского журнала «Синтаксис» до сегодняшнего дня. Перед своей последней посадкой Алик возглавлял в России солженицынский фонд помощи политзэкам. С семьей Солженицыных его связывали не только деловые, но и многолетние дружеские отношения. Теперь, оказавшись в Штатах, он, вполне естественно, был приглашен пожить в Вермонте — поправить здоровье после лагерной отсидки и определиться, что делать дальше. Однако, по-видимому, пребывание его в доме довольно скоро стало тяготить хозяев: Алик сильно пил, общался с кем ни попадя и нес вещи, совершенно выпадавшие из ортодоксальной солженицынской линии, по крайней мере, так рассказывал Никита, постоянно общавшийся с Вермонтом. Все это создавало положение неприятное и вполне шекотливое. Необходимо было искать выход...

Выходом этим и стал Монжерон: с одной стороны, он находился на другом материке, за тысячи километров от Вермонта, что снижало неприятный эффект от поведения и высказываний Алика, с другой — Париж был одним из ключевых мест в начавшейся «военно-полевой кампании», и присутствие там лишнего «своего» человека не могло помешать делу. Тем более, что к Алику должна была приехать семья: мать, Людмила Ильинична, и Арина с детьми — им тоже находилось место во вновь создаваемой системе.

План очередной баталии был окончательно одобрен уже летом. В замке предлагалось создать Русский культурный центр с библиотекой, архивом, местом постоянных встреч и т.д. Идея, в сущности, не представляла собой ничего нового — в те годы подобные центры создавались повсюду, начиная с самого Вермонта, когда Солженицын обратился к эмиграции с просьбой присылать ему на хранение личные архивы, рукописи, документы — как в главный «депозитарий», откуда они со временем передут в «свободную Россию». (Забавно, до чего все-таки иронична жизнь: в конце 80-х, когда Россия испытывала гипертрофированный и сугубо временный интерес к своему прошлому, подобные карликовые и, в сущности, совершенно бессмысленные «народные архивы» расцвели по всей стране, способствуя разве что более скорому насыщению интереса к истории и последующему его угасанию. По-видимому, «народное архивное дело» так же бесперспективно, как и «народное богословие», а в научном смысле — столь же беспомощно, как «народная этимология» в лингвистике. Сапоги все-таки лучше тачать сапожникам...)

Руководителем вновь создаваемого центра и должен был стать Алик Гинзбург, «под которого» предполагалось достать

деньги у американцев. Последний довод, собственно, и составлял основу предложений Комитету, тем более, что за фигурой Гинзбурга явственно проступал Вермонт, а уж здесь сомнений в удаче быть не могло, и предвкушение манны небесной внушало членам Комитета приятные надежды на обеспеченное будущее... (Мне уже приходилось говорить, насколько сама идея постоянных дотаций разрушительна для эмигрантского сознания. Помню, как в припадке ипохондрии Володя Максимов жаловался: на что уж, дескать, прекрасный человек и светоч демократии Андрей Дмитриевич Сахаров, а попробуй под него достать денег — никто ведь ни гроша не даст, а вот под Солженицына, при всем его национализме и антизападничестве, — сколько угодно. Почему?! — Володя откровенно не понимал ситуации и до черных запоев страдал от несправедливости мира...)

Естественно, что Комитет согласился на столь заманчивые предложения. Окончательное слово принадлежало общему собранию попечительского совета Монжерона, куда входило человек тридцать (в том числе из упоминавшихся выше — Николай Васильевич Вырубов, Володя Максимов и мы с Никитой). Созванная Комитетом чрезвычайная ассамблея приняла план устройства Культурного центра и — для лучшего ведения работ по его созданию, а также для улаживания конфликта с «квартиросъемщиками» — переизбрала Комитет, в новом составе которого Никита сменил Степана Татищева на посту секретаря. (На собрании попечителей мы сидели рядом с Володией Максимовым, и после объявления результатов голосования он хмыкнул и заметил, что мы превращаемся в «профессиональных революционеров», — имея в виду недавние перемены в издательстве...)

По принятому плану, реальное устройство центра ложилось на Алика, который и поселиться с семьей должен был в Монжероне, для чего на втором этаже главного здания предполагалось отремонтировать несколько комнат и устроить нормальную жилую квартиру. Что же до Арины — для нее в новом, пока не афишируемом раскладе было уготовано место в редакции «Русской мысли».

***

По-видимому, самое время сказать несколько слов об упомянутом наступлении Вермонта на сложившуюся систему эмигрантских институций. Отношения с «третьей» эмиграцией у Александра Исаевича были достаточно сложными. Обвинив практически всех уехавших в дезертирстве и предав анафеме «демдвиж», Солженицын всячески подчеркивал свою неприязнь к самим принци-

пам и идеям правозащитников, а тем более к идее свободы выезда из страны — что, естественно, не могло вызвать сочувствия в среде эмигрантов. Соответственно воззрениям Александра Исаевича, следовало менять и всю систему контрпропаганды, построенной на совершенно чуждых ему началах. А для этого надо было прежде всего подчинить структуру, за нее ответственную, и уж затем решать «кадровые вопросы».

Насколько последняя идея претворилась в жизнь, судить не берусь, но в 1978-81 годах Солженицыну действительно удалось поставить своих людей в немалой части русских культурных учреждений. Ситуацию в ИМЖЕ я уже описал. Начальником радиовещания на Восточную Европу был сделан Шекспир, а директором «Свободы» — Джордж Бейли. Наконец, Зинаиду Шаховскую, отправленную на пенсию, сменила Ирина Алексеевна Иловайская. Весной 79-го она приезжала из Вермонта в Париж знакомиться с редакцией, а осенью — уже приступила к работе.

К Франции Иловайская относилась крайне настороженно и откровенно ее недолюбливала. Видимо, это было связано с какими-то событиями и переживаниями прежних лет, когда Ирина Алексеевна жила некоторое время в Париже. Во всяком случае, соглашаясь на работу в «Русской мысли», она понимала, что вторгается в совершенно незнакомый ей местный анклав с давно сложившейся иерархией отношений и связей, при этом появляется в нем совершенно одна, без какой-либо своей «команды». Боясь не найти опоры в старой эмигрантской общине, Иловайская, чтобы не оказаться в полном вакууме, строила свои расчеты в основном на новоприбывших и на их связях с авторами в метрополии. В определенной мере это было оправдано: отношения свои с «третьими» она пестовала долго и терпеливо — еще в римский период (об этом я рассказывал в начале воспоминаний). Уже в первый свой приезд она взяла с меня слово отдавать часть времени газете и всячески ей помогать.

Случилось так, что и перевозить ее в Париж довелось мне: той осенью я как раз собирался в Италию, и мы заранее уговорились, что приеду я без машины, а на обратном пути захвачу Ирину Алексеевну. Так и сделали. Погрузив Иловайскую с ее пожитками в привезенный из Америки маленький «плимут», я погнал машину в Париж, по дороге едва не убив нового главного редактора: путь из Рима в Париж не близкий, и чтобы успеть проделать его за день, я гнал всю дорогу со скоростью 160-170; где-то недалеко от французской границы, едва не проскочив поворот на заправку, слишком резко тормознул — и метров пятьдесят нас крутило по шоссе вокруг своей оси. По счастью, дорога была пу-

стынной, а асфальт сухим — автомобиль не перевернулся, и к часу ночи после всех пережитых волнений Ирина Алексеевна оказалась в целости и сохранности доставлена по месту назначения...

Отношения с парижской общиной действительно складывались у нового руководителя «Русской мысли» непросто, и первые годы Иловайская ощущала себя крайне одинокой. Основная масса аборигенов смотрела на нее с недоверием: во-первых, она была «чужаком», во-вторых — «католичкой», в-третьих — ставленницей Вермонта. Даже люди, на которых Ирина Алексеевна рассчитывала, оказывая ей всяческое внимание и уважая ее личные качества, с точки зрения профессиональной относились к ней скорее снисходительно, как-то не слишком всерьез — никто не воспринимал ее как настоящего редактора. Ну, журналистка «Свободы», ну, неплохая переводчица, но ведь не литератор же и даже не настоящая газетчица... Да и в самой «Русской мысли» сотрудники говорили о смене начальства с явной осторожностью и опаской. Интересно в этом смысле высказывание Кирилла Померанцева. Как-то, уже через несколько лет, мы обсуждали с ним положение в зарубежной печати, и Кирилл выдвинул следующую теорию: парижская эмиграция пережила период доисторический (мифологический, или героический) — когда в газетах в качестве редакторов и ведущих журналистов работали Милюков, Струве, Ходасевич, Ив́анов, Берберова; период исторический (послевоенный), когда их сменили люди типа Водова, Шаховской, Бахраха, Вейдле, Терапиано — уже не герои, не крупные творцы, но все же люди культуры, в ней воспитанные и ее боготворившие; и, наконец, сейчас нам довелось жить в период постисторический, когда вместо эпигонов к власти пришли уже просто чиновники, для которых культурная деятельность — лишь род служебной карьеры... Никаких «постисторических» имен Кирилл, конечно, не называл, но общий ход его рассуждений вполне симптоматичен...

Старый авторский актив, связанный многолетней работой с Шаховской, от газеты, естественно, отдалился. Для значительной части «третьих» Иловайская была слишком явно «клиширована», и для людей типа Эткинды или, тем более, Синявских — сотрудничество с «солженицынской» газетой представлялось маловероятным. Оставалось рассчитывать на «однополчан», «попутчиков» и старые связи на радио... Пришел в газету Михаил Яковлевич Геллер, начал постоянно присылать материалы Некрич; тесно сотрудничала с «Русской мыслью» и группа «Континента» — Володя Максимов, Наташа Горбаневская, Виолетта Иверни, Вася Бетаки; наконец пришли и журналисты со «Свободы». (Как мог, выполнял данное Иловайской слово и я: постоянно заезжал в

газету, читая и обсуждая с Ириной Алексеевной материалы; писал и переводил какие-то статьи, позже — возился с макетированием, из поездок в Штаты привозил всевозможные интервью, приносил самиздатские материалы — из приходившего от ребят из Питера...) А кроме того, от Марио Корти (итальянца, в прошлом — корреспондента в Москве, члена упоминавшегося ранее братства «Руссия кристиана», теперь работавшего в Мюнхене в Архиве самиздата «Свободы») стали регулярно поступать все материалы исследовательского отдела радио... На этом поначалу и приходилось строить газету.

Из сказанного понятно, с каким нетерпением ожидала Иловайская переезда в Париж Гинзбургов, особенно появления Арины. Последнее должно было дать ей свой — прямой и непосредственный — выход на Москву, возможность расширения круга материалов за счет новых самиздатских авторов, причем спектр их обещал стать чрезвычайно широким — от сахаровского и общедемократического направления до «изподглыбовцев» и нового солженицынского «табунка»...

Осенью 79-го Алик приезжал из Штатов «знакомиться» с Монжероном. К началу 80-го появилась и Арина, правда, пока лишь проездом в Америку. А через несколько месяцев Гинзбурги окончательно въехали в замок.

***

Увы, «нам не дано предугадать»... Идиллические планы создания нового культурного центра, процветания на американских хлебах Монжеронского замка и всеобщего братания парижской русскоязычной общины рассыпались довольно быстро. Алик, обожавший всякую рукодельную работу, сам сделал стеллажи для вновь создаваемой библиотеки, набил их книгами с имковского склада, газетами из «Русской мысли» и материалами из Архива самиздата «Свободы», но на этом все и застопорилось. В целом деятельность центра оказалась очень вялой, а через год-полтора и вовсе свелась к редким посиделкам в Монжероне, когда в Париж наезжал кто-либо из эмигрантских генералов. Замок не стал ближе к городу, добираться туда было по-прежнему хлопотно, а сырость и некоторая необжитость дома создавали ощущение дискомфорта, не способствуя наплыву посетителей: народ предпочитал самый заштатный парижский ресторанчик, либо — в случае действительно крупных событий — аренду привычного Зала инженеров или какого-то другого места, куда можно было приехать на метро, а после сборища — посидеть в любом из ближайших кафе...

Не сложились и отношения Гинзбургов с Никитой: Алик оказался вовсе не таким покладистым и слабохарактерным, как предполагалось поначалу; ситуация с Ариной получилась еще более напряженной.

Зато Саша Глезер с появлением «своих» вполне воспрял духом, ощутив поддержку и развив бурную деятельность по проведению выставок и изданию книг, к тому же сделав ее интернациональной. В первой части мемуара я упоминал о «маленьком Ленинграде» — городке Джерси-Сити, находившемся неподалеку от Нью-Йорка, по другую сторону Гудзона, как раз напротив нижней части Манхэттена. Там с помощью муниципальных властей и банковского маклера Арье Голдберга Глезер и открыл свой американский музей свободного русского искусства. Там же снял он небольшую квартиру и отныне делил время между Старым и Новым Светом. Последнее обстоятельство, не разрешая конфликта с монжеронским комитетом, внешне его как бы снимало, разводя противников по разным континентам и делая военные действия бессмысленными...

Что же до Гинзбургов и Никиты, здесь растущее взаимное неудовольствие пока не прорывалось наружу, царила светская любезность. Алик и Арина участвовали во всех имковских «тусовках» (периодически издательство устраивало сборища по самым разным поводам: скажем, переехал на Запад Войнович, и мы дали прием в честь своего автора; наезжал из Штатов Бродский — организовывали его чтения — в театре de la Plain, в Ecole Normale и т.д. — с фуршетом после выступлений; выходила книга Михаила Яковлевича Геллера об Андрее Платонове — и в ИМКУ собирався парижский бомонд отпраздновать событие...). И все-таки напряженность ощущалась. Ситуация пока еще не стала взрывоопасной, в значительной мере ее спасало частое отсутствие Алика: два-три раза в год он отправлялся в лекционное турне по Штатам, куда его охотно приглашали для выступлений в университетах. Интересно, что из всех крупных диссидентов лишь Алику удалось удержаться в качестве «лектора» предельно длительное время: едва ли не пять лет. Вообще организация лекционных туров была обычной при переезде на Запад крупных деятелей советской оппозиции. Она как бы входила в систему западного «политпросвета», удовлетворяя интерес общества к советским диссидентам и любопытство в отношении «империи зла», а самим новоприбывшим давала возможность хорошо заработать, осмотреться и завести необходимые в дальнейшем связи. Неприятность заключалась в том, что подавляющее большинство новичков сразу начинало учить аудиторию, как и что делать и чего не делать в от-

ношениях с СССР, т.е. занималось как раз тем, чего вполне преуспевающий средний американец не выносит, особенно со стороны людей, в сущности, проигравших, а ведь именно так рассматривают любую эмиграцию аборигены. В результате ни Буковского, ни Кузнецова, ни Любарского, ни других «героев» зал почти не воспринимал. Алик же (сознательно или бессознательно) выбрал диаметрально противоположную позицию — «антигероя», приехавшего не учить, а учиться у демократии, и это сработало безошибочно: год за годом объезжал он Штаты, выступая по несколько раз в одних и тех же университетах, а число заявок на его лекции не уменьшалось, несмотря на то, что он уже давно не был «на новенького»...

Описанный отношенческий *statu quo* продержался менее года. Разочарованный в перспективах культурного расцвета Монжерона Никита бросился в область духовную, пытаясь переместить акценты в работе создаваемого центра. Тогда во Францию с Афона возвратилась небольшая монашеская община, перешедшая из католичества в православие. Возглавлял ее отец Пласид Десей. Сам факт перехода в иную конфессию и особенно необычные его условия (повторное крещение) вызвали довольно бурную реакцию католического епископата, создав «отраженную волну» даже в русской диаспоре (Свято-Сергиевский богословский институт получал небольшие стипендии от католиков, и мнение епископата было для институтского начальства далеко не безразлично). Община, насчитывавшая, кажется, всего шестерых монахов, обосновалась в Альпах, в сыром и довольно мрачном ущелье, а в Монжероне Никита решил устроить ее парижское подворье, придав центру не просто культурный, но культурно-духовный характер — с постоянными службами в монжеронской церкви, находившейся в глубине территории, религиозными семинарами и налаживанием иконописной мастерской (в то время Никита переживал период «миссионерства» — явного увлечения развитием православия во франкоязычной среде, по-видимому, по примеру отца Александра Шмемана и всей деятельности Американской автокефальной церкви, сделавшей упор на иноязычную паству)... Для укрепления «духовной составляющей» монжеронского центра в последнем, четвертом здании замка — бывшей трапезной — отводилось на втором этаже несколько комнаток-келий для приезжавших монахов, а в зале первого этажа устраивались лекции отца Пласида...

Справедливости ради следует отметить, что последнее мало сочеталось с периодическими крупномасштабными попойками в том же помещении — по случаю дней рождения Саши Глезера или кого-то из парижских художников, при открытии выставок и

праздновании иных событий в жизни «третьей волны». Каждый раз подобная эскапада вызывала совершенно эпидермическую реакцию Комитета, а Никита морщился и нудил по поводу бестактности и имморализма Глезера, да и вообще новых эмигрантов, жаловался повсюду на бесхозяйственность Алика, которого почему-то считал ответственным за поддержание порядка в замке, и потихоньку интриговал в Вермонте...

Но в целом ситуация в Монжероне стагнировала, обоюдное неудовольствие копилось исподволь, и хотя с лета 80-го отдельные его всплески прорывались наружу, настоящий «переход количества в качество» произошел уже летом 81-го, после смерти Людмилы Ильиничны и переезда Гинзбургов в Париж, где Алик с Ариной нашли просторную четырехкомнатную квартиру с выходом во внутренний садик — в новом доме на бульваре Вольтер, совсем рядом с нами.

К тому времени мы с Радой уже покинули благословенную *gîte Pascal*, так как хозяйка наша, разведясь с мужем, захотела вернуться в собственную квартиру. Перед нами стал выбор — снимать или покупать новое жилье. Надо сказать, что для эмигрантов, особенно в Новом Свете, приобретение своего жилища является навязчивой идеей, и говоря с любым «новым американцем» или канадцем, вы можете почти безошибочно определить срок его эмиграции: первый год речь идет исключительно о поисках работы, второй-третий о марках автомобилей, а с четвертого — о «мортгейджах», «лоунах» и прочих финансовых атрибутах приобретения недвижимости. Большинство наших знакомых из Штатов говорили об этом непрерывно, и хотя подобная тема предельно утомительна и затрудняет всякое нормальное общение, она, по-видимому, откладывается в подсознании. В результате, по размышлении, мы остановились на покупке и после двухмесячных поисков обрели первое собственное жилье — четырехкомнатную квартиру на улице Промышленных зданий в одиннадцатом аррондисмане, неподалеку от пляж де ля Насьон. Столь поэтичное название места нового жительства вовсе не отражало его сути: просто крохотная, тихая и очень милая улочка, отходившая от бульвара Вольтер, была застроена в конце прошлого века совершенно одинаковыми по архитектуре домами, что и стало поводом для придания ей не слишком благозвучного для русского уха имени. Район был вполне чистым и цивилизованным, а квартира казалась необычайно просторной и светлой, и хотя для ее покупки нам пришлось взять в банке кредит на совершенно грабительских условиях, — мы ощущали себя респектабельными домовладельцами, ничуть не хуже, чем наши заокеанские друзья...

Осенью восьмидесятого по сложившейся уже традиции мы на недельку отправились в Биарриц — погостить к «попу Ивану». Отец Иоанн Байков был настоятелем биаррицкой церкви. Уроженец все той же Эстонии, он, так же как и Иван Васильевич Морозов, приехал некогда во Францию учиться в Свято-Сергиевский богословский институт. Всю жизнь проработал на заводах «Рено», сначала простым рабочим, потом экспедитором, затем — начальником экспедиторского отдела на одной из бесчисленных фабрик компании, сочетая это с разнообразной службой при церкви на бульваре Экзельманс, где настоятельствовал архим. Александр (Семенов-Тянь-Шанский). С выходом на пенсию — рукоположился в священники и получил в качестве прихода биаррицкую церковь, бывший настоятель которой — отец Александр Ребиндер — переехал в столицу, возглавив приход в Анжере, северо-западном предместье Парижа. Обретение сана в столь почтенном возрасте — вещь в Европе вполне обычная и объясняется чаще всего причинами сугубо материальными: «парижская» юрисдикция — Западноевропейский экзархат Вселенского патриархата — бедна как церковная мышь, а приходы столь малочисленны, что по большей части не в состоянии содержать собственного священника. Поэтому многие батюшки, рукоположенные в молодости, вынуждены подрабатывать в других местах и обслуживать по несколько приходов сразу, а кроме того, довольно частым является рукоположение людей пожилых, уже обеспеченных финансово и свободных, но еще вполне бодрых физически. (На фоне этой эмигрантской скудости особенно впечатляющим выглядело материальное положение клира «гснимой» церкви в Советском Союзе. Помню, как еще в 75-м, в Риме, поразило меня поведение «никодимовских» студентов, присланных на стажировку в «Руссикум»: двое из них, чтобы посмотреть галерею Уффици, ничтоже сумняшеся наняли такси из Рима во Флоренцию и обратно — эскапада, недоступная даже большинству западных, вполне обеспеченных туристов. Приблизительно то же, хоть и в более скромном масштабе, наблюдал я и в Бергамо, на упоминавшемся уже международном конгрессе по Флоренскому, куда прибыло аж три советских делегации: от Союза писателей, Академии наук и Патриархии. Ни Вячеслав Всеволодович Иванов, ни Петр Васильевич Палиевский, ни Сергей Сергеевич Аверинцев, ни Леонид Константинович Долгополов — не могли позволить себе на куцы советские «суточные» не то что сходить в ресторан, но даже купить какой-нибудь дешевенький сувенир семье, и лишь бесчисленная

монашеская братия все три дня деловито сновала из зала и в зал заседаний — с огромными пакетами, баулами, сумками и полиэтиленовыми мешками, упоенно отовариваясь в местных супермаркетах...)

Было в отце Иоанне нечто неизживаемо крестьянское — и во внешности, и в поведении. Коренастый, плотный, с седой квадратной бородой, широкой улыбкой, зычным голосом и раскатыстым смехом, он напоминал хрестоматийного эстонского фермера; по призванию же своему был скорее не проповедник, а чрезвычайно деятельный строитель, твердо стоявший на ногах, любивший простой здравый смысл, порядок и свято веривший в заученные с детства правила, как в катехизис. Храм свой, построенный еще в прошлом веке, обожал, и в продолжение многих лет расчищал авгиевы конюшни, оставленные предыдущими управителями: полностью отремонтировал подвал, превратив его в «гостиницу» для приезжавших на летние каникулы православных парижан; на получаемые таким образом средства, а также на «выбываемые» от городских властей субсидии — починил и заново покрасил ветхий церковный купол, через который осенью и зимой стекали по стенам потоки воды; оштукатурил притвор и левый неф... Да и разговоры его касались больше строительных и бытовых тем, нежели богословских. Пофилософствовать отец Иоанн любил лишь после стакана-другого сангрии и сытного обеда, сидя в гостиной за рюмкой ликера, в которых был он большой знаток.

За ликером, да и вообще за провизией и вином ездил на испанскую границу, где на нейтральной территории находилось три-четыре tax-free магазина и несколько кафе для туристов. Там батюшку знали и любили все, и немедленно по его появлению бармен принимался смешивать специальные коктейли для отца Иоанна и его гостей. Емкости для этого использовались гигантские: стаканы граммов по двести пятьдесят или триста, и наполнялись они до краев, при этом, как водится, отказаться от возлияний не было решительно никакой возможности... Набив багажник машины байонской ветчиной, сырокопченными колбасами, иными мясными и спиртными беспощинными редкостями, отец Иоанн отправлялся обратно. Каким образом после двух-трех стаканов принятого коктейля умудрялся он вести машину по дороге, петлявшей на почти отвесных склонах, — до сих пор остается для меня загадкой. На границе Pégé Jean был столь же известен, и французские полицейские, не досматривая машины с контрабандной провизией, весело салютовали православному батюшке... Подъезжая к пограничному посту, отец Иоанн обычно замолкал, сбавлял скорость и принимал вид сосредоточенный и непрístupный,

и лишь миновав опасный участок, вновь весело смеялся, а вернувшись в Биарриц и разгружая машину, описывал приключения церковному старосте, гордясь, как ребенок, удавшейся «операцией» и своей известностью у власть предержащих таможенников.

Роль старосты исполняла милейшая Наталия Ивановна Эрдандоне — женщина еще вполне крепкая, бодрая и веселая, хоть и было ей тогда уже сильно за пятьдесят. Происходила она из «второй» эмиграции, точнее, из угнанных немцами на работы; жила неподалеку от Биаррица, в небольшом курортном местечке Saint Jean de Luze, у самой испанской границы; работала *femme de menage* (или попросту уборщицей) в нескольких компаниях и делила время между работой, уходом за больным сыном и заботами о церкви...

Собственно, всю общину храма практически составляли священник и церковный староста. Времена, когда Биарриц был населен русской аристократией, когда Шаляпин и Ивановы имели здесь собственные виллы, — давно ушли в прошлое, теперь постоянная колония отсутствовала, и только летом наезжали русские туристы, к тому же не слишком многочисленные. Для «третьих» отдых в Биаррице часто оказывался не по карману, и они предпочитали пансион «Пляж де колин» на Лазурном побережье или, если отправлялись на океан, — лагерь «Орел»: небольшое поместье в Ландах, километрах в шестидесяти к северу от Байоны, на берегу океана. Это было даже не поместье, а кусок земли, принадлежавший русской семье Непржецких, которая, понастроив небольшие бунгало и домики, вполне рационально использовала недвижимость, сдавая сарайчики на лето русским отдыхающим и устраивая для них «общий стол». В биаррицкую же «гостиницу» отца Иоанна приезжали в основном пенсионеры из «первых», да в начале сентября на пару недель собиралось в старом гнезде многочисленное семейство Ребиндеров — с детьми, внуками и самим патриархом — отцом Александром... Зимой же и осенью церковь пустовала, разве что иногда приезжали друзья отца Иоанна, мы с Радой или кто-нибудь из случайных гостей — вот и все. Так что литургию батюшка частенько служил под аккомпанемент магнитофонной записи, исполнявшей роль церковного хора, — картина, которой мне нигде более наблюдать не доводилось...

Вообще в те годы, несмотря на сильную загруженность в издательстве, мы с Радой умудрялись много ездить по Франции и по всей Европе, утоляя накопившийся за всю предшествующую жизнь голод на путешествия: Бельгия и Голландия, Испания, Швейцария, Австрия, Германия и, конечно, любимая Италия, куда

мы ежегодно выбирались хотя бы разок. Отдыхать в общепринятом смысле этого слова — с лежанием на пляже, прогулками по окрестностям, с игрой в карты или шахматы (что, в сущности, безразлично) и бесконечным трепом по вечерам — я никогда не умел, на второй день начинал сходиться с ума от скуки, а потому предпочитал короткие поездки по новым местам. Даже в Биаррице мы почти никогда не оставались на месте, ежедневно отправляясь в горы, по океанскому побережью, в Ланды, в близлежащие городки, чаще всего без путеводаителя, просто с дорожной картой — наугад. Однажды, блуждая таким образом, мы совершенно неожиданно заехали в дивное поместье-музей Эдмона Ростана, чрезвычайно почитаемого во всем юго-западном краю — от Гаскони до Беарна и Лангедока...

С отцом Иоанном мы встретились впервые на движенческом съезде, кажется, весной 77-го года, когда он приезжал по делам в епархиальное управление, а в свободное время заходил на заседания съезда. (Ездил в Париж он исключительно на собственном «рено», который, как бывший служащий компании, покупал со скидкой и раз в два года менял на новую модель, чем необычайно гордился. На нем объезжал и другие свои приходы, посещал живущих в отдаленных местах прихожан, путешествовал по Пиренеям.) Осенью того же года мы отправились с Радой в поездку по Франции, добрались до Биаррица и, гуляя по городу, естественно, зашли в храм, который просто невозможно миновать: великолепная церковь расположена в одном из самых живописных и видных мест — на горе, прямо над морем, напротив дворца императрицы Евгении, в котором ныне устроено казино. Отец Иоанн встретил нас как старых знакомых и пригласил приезжать почаще, заявив, что снимать городской отель нет никакого смысла, ибо у него самого есть гостиница в подвале, и в любое время, кроме летних месяцев и первой половины сентября, — она полностью в нашем распоряжении. Этим предложением мы в дальнейшем пользовались довольно часто. В «историю» же нашей семьи отец Иоанн, кроме всего прочего, вошел как единственный человек, сумевший напоить трезвенницу Раду до положения риз. Случилось это в один из приездов в Биарриц, естественно, после посещения испанской границы, где ей пришлось осушить пару коктейлей, а затем, по возвращении, многократно добавлять, по настоянию батюшки, за обедом, так что в конце концов мы с хозяином должны были отнести бесчувственную Раду в нашу комнату в подвале...

Через много лет, когда в самом конце восьмидесятых во Францию наконец перебрались наши ближайшие друзья Зверевы (о Валере я уже упоминал как о главном «почтовом ящике» в Ле-

нинграде), я отвез Жанночку и Наталью Николаевну — Валеркиных жену и тещу — к бабушке, который встретил их столь же радушно, а установившаяся между всеми троими дружба продолжалась до самой смерти — сначала Жанночки, потом отца Иоанна...

***

Вернувшись из Биаррица, я позвонил Никите. Он говорил довольно вяло и казался чем-то расстроенным, но вдаваться в подробности по телефону не стал, а пригласил нас с Радой на завтра к ужину. Мы отправились в Villebon-sur-Yvette, не подозревая, чем закончится вполне заурядный визит. За столом все было как обычно, разве что шутки выглядели несколько вымученными. Зато после ужина, когда дети ушли, Никита неожиданно завел разговор о только что появившемся в «Русской мысли» интервью со мной. Идея его принадлежала Арине и Иловойской. Само интервью было совершенно банальным: история ИМКИ, издательская направленность в прошлом и теперь, выходящие книги, ближайшие планы... В общем, совершенно проходной материал, придавать значение которому казалось смешно... Однако сейчас мы услышали, что «Вермонт возмущен, Александр Исаевич не понимает, почему подобное интервью исходит не от Никиты, а Наталья Дмитриевна считает его появление грубой бестактностью»...

Вообще, за последний год словосочетания типа «Вермонт недоволен», «Александр Исаевич не одобряет», «Наталья Дмитриевна не согласна» — сделались своеобразным рефреном при любых спорах с Никитой. Надо заметить, что спорили мы постоянно с первых же дней общения, но это никогда не были стычки, а лишь обычный обмен мнениями, при котором любой эмоциональный всплеск остается всего только индивидуальной манерой выражения, никак не затрагивая существа обсуждаемого вопроса, и уж тем более не задевая собеседника, — просто дружеские перепалки, неизбежные даже у единомышленников, хотя бы из-за различий темперамента и жизненного опыта.

Первый серьезный спор, выходящий из такого ряда, произошел в начале 80-го, когда Никита сообщил, что нам «кажется, удалось» получить постоянную субсидию для издательства — 70 тысяч долларов в год (на то время — 350 тысяч франков), причем она будет приходиться в виде наличных денег. Постоянство и форма дотации совершенно однозначно указывали ее источник (крупные суммы наличными выдают лишь стратегические службы, имеющие свои секретные фонды и предпочитающие не оставлять следов), понятно было и каким образом ее «удалось полу-

чить». В ответ на выраженное мною сомнение, стоит ли связывать себя с такой организацией: ведь за все придется когда-нибудь платить и еще неизвестно чем, — Никита неожиданно резко вспылил: «Что вы все морализируете? Думаете, мне приятно встречаться с этими людьми? Если я стал делать это, то лишь для пользы издательства»... Последнее означало, что слово «кажется» — явный анахронизм, и «субсидия» на 80-й год уже получена, а деньги лежат у Никиты в сейфе. Продолжать спор смысла не имело. Но впервые разговор оставил крайне неприятный осадок: Никита явно начинал какую-то иную — свою или, скорее, солженицынскую игру, и в ней мы уже не были соратниками и единомышленниками, во всяком случае, не стопроцентно, как в предыдущие годы. А сама игра далеко выходила за пределы издательства и всего круга вещей, с ним связанных...

В том же восьмидесятом необычайно усилилось влияние Вермонта на направленность и даже на сам отбор журнальных и издательских рукописей. ИМКА все круче забирала вправо, уходя от идеалов вселенских к ценностям национальным, а «советы» Александра Исаевича уже стали напоминать едва скрытую цензуру. С этим, а по сути — все с тем же вопросом о независимости издательства связан и второй всплеск, переведивший обычный спор с Никитой в совершенно иную плоскость. Как-то раз, весной того года, сидя в гостиной дома в Villebon-sur-Yvette, я заметил, что ни Достоевский, ни Толстой, будучи великими писателями и постоянно публикуясь в «Отечественных записках», все-таки не определяли политики журнала, и что, двигаясь в нынешнем направлении, мы рискуем серьезно сузить и круг авторов, и круг читателей, сделавшись слишком ангажированными, причем в сторону совершенно очевидную и далеко не для всех приемлемую. И тут Никита буквально взорвался, необычайно резко и запальчиво ответил, что ангажированность — вовсе не порок, равно как и объективность — еще не добродетель, а присутствовавший при разговоре его старший сын Данилка с отроческим простодушием спросил: «Ну, а если не Солженицын, то кто же тогда? Все равно лучше ведь никого нет...» Никита, очень довольный вмешательством сына, его немедленно поддержал: «Да, кто же еще? Назовите...» Мысль о том, что у ИМКИ своя традиция, свой путь, и лучше следовать ему, нежели становиться в кильватер кому угодно, в том числе и любому «великому», — даже не рассматривалась. По-видимому, окончательный выбор — и идейный, и материальный — был уже сделан...

К концу лета начались трения и по поводу Гинзбургов. Я уже упоминал, что отношенческий *statu quo* в Монжероне продержал-

ся недолго: переход «от культуры к духовности», а главное — устроенная Солженицыными дотация, да еще в той форме, о которой я только что сказал, делали присутствие Гинзбургов в замке вполне бесполезным, и копившееся исподволь раздражение все чаще находило выход. Напряженность росла день ото дня, особенно с конца 80-го года, а вечная Никитина склонность к интригам все больше придавала ей форму коммунальной склоки, где в ход пускался старый, как мир, принцип: «клеветайте, клеветайте, что-нибудь останется»... В результате атмосфера сделалась настолько взрывчатой, что Алик с Ариной покинули Монжерон. В этом конфликте я занял сторону Гинзбургов, чего Никита никогда не мог мне простить...

Одновременно стычки с Гинзбургами изменили и взаимоотношения Никиты с Иловайской. Особой сердечности здесь и раньше не наблюдалось, однако поначалу они были вполне светскими и доброжелательными — оба оставались «однополчанами» и ощущали себя в единой связке, к тому же Ирина Алексеевна в описанной выше ситуации парижского дебюта не могла позволить себе потерю влиятельного союзника. Теперь же вполне отчетливо стало ощущаться появление соперничества между ними за влияние в Вермонте, того самого соперничества, что со временем привело к открытой войне, завершившейся поражением Иловайской, а заодно и закрытием издательства «*Presse Libre*»...

И все-таки до описываемой поездки в Villebon я еще пытался верить, что мы стоим «спина к спине», по-прежнему оставаясь соратниками, и даже возникновение явных расхождений не меняет главного: одинакового видения цели. Разногласия носили, как мне казалось, тактический характер...

Мы все так же сидели в столовой, Никита уже битый час нудил об интервью, о «политическом такте», о трудности поддержания равных отношений с Вермонтом, но было ясно, что вся эта история — лишь повод, что ему надо высказать нечто совсем иное, на что он никак не может решиться... И здесь прозвучала вторая из его «убийственных» фраз: «Володя, дайте нам поцарствовать, мы так долго этого ждали...» Совершенно очевидно — фраза была одной из «домашних заготовок» для разговора, но произнесла ее Маша, как бы спасая Никиту, который никак не мог вымолвить этих слов — мешали обычный слух и чувство вкуса: слишком уж диссонировали они со всем, что говорилось до того. Маша сделала это с солдатской прямоотой...

Воцарилось молчание. Совершенно непонятно было, что можно ответить на столь откровенную просьбу. Говорить, что я

никогда не претендовал на ненужный трон, более того, что мне даже в голову не приходило рассматривать наше дело с такой точки зрения, — было глупо. Вообще после этих слов любой ответ выглядел глупо, дико, бессмысленно.

Беседа окончательно сломалась... Мы обменялись какими-то ничего не значащими фразами и очень скоро откланялись. Вышли на улицу. Никита отправился нас проводить. Молча сели в машину, отъехали от дома. Моросил дождь. Мы оба чувствовали себя раздавленными. Рада плакала. За всю дорогу она произнесла только одну фразу: «Теперь остается лишь покончить с собой...»

VI

Разговор у Никиты стал тем, что французы называют *point de non-retour*. Все обесмысливалось, а вопрос о цене перемен превращался теперь уже в гораздо более общий — об их цели; если драматические события, пережитые нами: издательская реформа, смерть Вани, последовавший за ней отношенческий и общедвиженческий кризис, наконец трехгодичные усилия по вытаскиванию ИМКИ из финансовой ямы и созданию настоящего дела, — выродились лишь в проблему «престолонаследия» и обретения более высокого места в социальной иерархии, то становилось совершенно непонятным, как и для чего продолжать эту игру. Да и сама игра отныне полностью менялась: о реальной независимости издательства не могло быть и речи. Александр Исаевич и раньше, видимо, полагал, что, обеспечив «кадровые перестановки» в ИМКЕ, он вправе определять и издательскую политику. Но ни мы с Никитой, ни отец Александр так не считали, и до восьмидесятого года, во всяком случае, удавалось держать равновесие, а давление Вермонта встречало мягкий и дипломатический, но все-таки довольно стойкий отпор. С появлением «дотаций» расстановка сил делалась иной, а последний разговор показал, что Никита не смог устоять перед искушением и окончательно увяз в новых вермонтских играх, вполне удовлетворившись положением фаворита при дворе «классика» (мне до сих пор не хочется думать, что вопрос о «царствовании» лежал в основе всего еще и до восьмидесятого года)...

Ситуация становилась безнадежной. Произнесенные слова обретают самостоятельную жизнь, и вытравить их из сознания уже нельзя. Некоторое время мы были в состоянии шока, выходя из него лишь постепенно, но бог знает, с какими душевными потерями... Общаться после того разговора стало тяжело, а про откровенные дружеские беседы можно было и вовсе забыть. Их

сменила какая-то «протокольная» и внешне вполне доброжелательная манера обсуждения издательских проблем. Негласно были разграничены и сферы деятельности: Никита вел свои книги, я — свои... Последних было еще немало, но и ИМКА, и «Вестник» все более откровенно правели. В ИНРИ вполне умеренного Леонтовича сменил Катков с рассуждениями о масонском происхождении революции, в журнале — все настойчивее звучала тема «русофобии», да и авторский состав постепенно сдвигался в сторону солженицынского «табунка», вполне наглядно показывая, что «ангажированность — вовсе не порок, равно как и объективность — еще не добродетель»...

Перспектива развития издательства обозначилась предельно четко. Дело еще не доходило до гротеска, как это случится несколькими годами позже, когда магазин, например, откажется принимать к распространению книгу Войновича «Москва, 2042» — за слишком явную схожесть одного из героев романа с Александром Исаевичем. Но все шло к тому, и в одиночку изменить наметившуюся тенденцию я был не в силах, более того, ощущал себя уже вполне лишним элементом в этой новой, возникающей на моих глазах системе. Идеология ее, равно как и солженицынское дидактическое понимание истории, были мне абсолютно чужды. Стремление сделать ИМКУ вполне независимым, стоящим на собственных ногах издательством — после подключения к «американскому денежному крану» выглядело смехотворным. Что же оставалось? — стать служащим, каптенармусом по интендантскому ведомству, удовлетворяясь подачками начальства или уворовывая лакомые куски и раздуваясь перед прочими от сознания собственной причастности к играм «великого человека»?.. Этого я никогда не умел и не хотел учиться отвратительному для меня ремеслу. С радостью мог вкалывать до изнеможения, отдавая всего себя делу, в которое верил, где ощущал себя соработником, но ни шестерить, ни отбывать повинность от звонка до звонка был не в состоянии...

Кстати, по той же причине не сложились и наши отношения с Володей Буковским. Как-то во время одного из его наездов во Францию сидели мы небольшой компанией (кажется, были там Наташа Горбаневская, Володя Дремлюга и еще кто-то) в «Эльзасской таверне», рядом с несуществующим уже «чревом Парижа». Буковский как всегда вещал, на сей раз о необходимости прорыва информационного железного занавеса. Заговорили о книгах, о финансовых трудностях их издания.

— Да что там книги, — вдруг произнес Володя, обращаясь ко мне. — Готов ли ты и твоя команда обеспечить переброс в Рос-

сию видеомангитофонов и компьютеров, но только до полного насыщения — в промышленных количествах.

— А зачем?

— Неважно зачем. Готов? Под это могу достать любые деньги.

Как всегда, я ляпнул лишнее:

— Видишь ли, я могу что-то делать, только если понимаю зачем и принимаю саму идею: то есть быть соратником, союзником, но вот шестерить не умею.

Буковский посмотрел на меня «по-зэкски» — пристально и чуть-чуть исподлобья — и переменял тему...

Своими переживаниями поделился я, естественно, и с Иловайской. В «Русской мысли» я бывал теперь все чаще, видимо, из-за тяжести обстановки в издательстве. Возился с макетированием, составлял номера газеты, редактировал материалы, больше переводил и писал сам, иногда даже передовицы, правда, под чужим именем или под псевдонимами. Ирина Алексеевна, выслушав меня, попросила тайм-аут на пару месяцев (по-видимому, требовалась консультация в Вашингтоне), пообещав вернуться к этой теме. В конце весны она сделала это сама, предложив мне построить издательство при «Русской мысли», которое было бы вполне независимым и продолжало линию, проводившуюся ранее в ИМКЕ. Спорадически (раз в несколько лет) газета и прежде издавала книги. Теперь же этот род деятельности предлагалось серьезно расширить, сделав его постоянным. Покупку наборного оборудования «Русская мысль» брала на себя, а для запуска собственно книгоиздания американское начальство готово было со следующего финансового года (т.е. с октября — в Штатах он начинается осенью) предоставить «кредит» в 60 тысяч долларов. Ирина Алексеевна была довольна: собственное издательство повышало значимость газеты, а заодно и ее вес в Вермонте. «Володя, — убеждала она, — вы никогда не будете иметь таких возможностей, как здесь...» В последнее я готов был поверить, пугал скорее сам источник «возможностей», делавший обещанную независимость проблематичной... К тому же, я еще не окончательно свыкся с мыслью об уходе из ИМКИ. Словом — колебался...

Скептическая и проницательная Рада, услышав о предложении, отреагировала однозначно и вполне ядовито: «Продадут тебя твои бабы...» Сама же она, крайне тяжело пережив тот разговор с Никитой, сделала иной, недоступный мне вывод: превратилась в обыкновенную служащую издательства, вполне квалифицированную и безотказную, но не более того...

В мае мы завершили подготовку оригинал-макета четвертого тома «Памяти», который и отдали Флоку для тиража. Рукопись следующего выпуска должна была вот-вот появиться (правда, пересылка сорвалась, и пришла она лишь в октябре). Надо было что-то решать...

В июне 81-го я написал комитету пайщиков и членам Совета РСХД письмо о своей отставке. Срок директорства, на который я был избран, истекал в декабре того года, и с января 82-го я покидал ИМКУ (из «Вестника» ушел одновременно с отправкой письма), предлагая найти мне на замену человека, которого брался за оставшееся время полностью ввести в курс работ; ну, и, конечно, выражал готовность немедленно вернуть Совету принадлежавшие мне издательские акции. Решение об отставке мотивировал возникшими расхождениями в стратегии дела, что мешает его нормальному развитию, — не раскрывая деталей и отказываясь от публичного обсуждения. История с Морозовым на всю жизнь отучила меня от любых разборок: ни одна рукопись, должность или даже институция не стоили такой драки. В дальнейшем мне пришлось строить четыре издательства, постоянно бороться с безденежьем, со всевозможными внешними обстоятельствами, с самим собой, наконец, — но никогда с людьми; если ситуация делалась неразрешимой, я предпочитал отойти в сторону и строить заново — на пустом месте. Так было все последующие годы в Париже, так было и в России...

Объявление об отставке вызвало некоторую волну: Никита, удивленный решительностью моего шага, но явно чувствовавший в душе облегчение, произнес свою последнюю эпохальную фразу: «Не надейтесь. Третейского суда не будет»; Наталья Солженицына письменно порвала со мной отношения; Совет РСХД срочно заинтересовался издательскими делами, и с сентября по вечерам в ИМЖЕ начал собираться синклит для обсуждения дальнейших шагов. Я на этих собраниях не присутствовал, да и вряд ли был бы допущен, даже если бы захотел. Такова изнанка «семейного уклада»: сделав шаг к выходу из семьи, я становился «чужаком» со всеми из того вытекающими последствиями и малоаппетитными деталями...

В сентябре мы с Радой в первый раз ушли в «долгий» отпуск: отправились с друзьями по Испании. Встретиться должны были в Севилье. Поездка оказалась совершенно замечательной, хотя и началась со всевозможных бедствий: в Валянсе у нас сломалась машина, и ее пришлось бросить, поскольку автомеханик заломил за ремонт гигантскую сумму и сказал, что закончит его не раньше, чем через две недели. Выбора не было, мы продали ее за бесценок,

взяли внаем другую и продолжили путешествие. В Барселоне, пока мы лазали вокруг соборов и парковых построек Гаудио, у нас вскрыли багажник и вытащили мой чемодан — со всеми вещами. По счастью, у Радиного оторвалась ручка, и воры его оставили, не захотев, вероятно, привлекать внимания. И все же мы стойко двигались на юг, раздумывая, что еще может с нами случиться по дороге... Добравшись наконец до Севильи, встретились с друзьями, прилетевшими из Штатов, и все дальнейшее сторицей вознаградило нас за пережитые неприятности. В Севилье как раз начинался сезон корриды, и мы с Радой превратились в настоящих «афессинадос». А затем, покинув Гвадалквивир, две недели поднимались к северу, петляя по всей стране — от Гренады до Валенсии, от Кордобы до Толедо, от Мадрида до Сан-Себастьяна, и потом уже по Франции через Биарриц и Бордо вернулись в Париж...

Еще летом нашел я по каталогам фирму «Compugraphic» и среди ее продукции — нужную для работы наборную машину. К нашему возвращению из Испании она была уже заказана, а в декабре ее доставили в газету.

В том же декабре я покинул ИМКУ. Вслед за мной уходил из антикварного отдела магазина и Юра Николаев. На последний мой рабочий день Никита в издательство не явился, уж не знаю, что это было: тактичность или трусость. Прощаясь с нашими милыми дамами, я не мог говорить — в горле стоял ком, в глазах слезы, а слова благодарности, к ним обращенные, абсолютно не могли выразить того, что я чувствовал. Завершался период ИМКИ и «Вестника» — время, которое, при всех коллизиях и драмах, его наполнявших, я до сих пор считаю самым счастливым и радостным в своей жизни...

***

Опасения по поводу независимости нового издательства при «Русской мысли» подтвердились почти сразу: Иловойская предложила снять копии с готовившихся к публикации рукописей — для экспертной оценки в Вашингтоне, разумеется, «чисто формальной, которая ничему не помешает...» Безграмотность полученного заключения оказалась вполне выдающейся: скажем, рукопись Андрея Белого «Воспоминания о Рудольфе Штейнере» отклонялась на том основании, что «антропософия Штейнера послужила теоретическим фундаментом для идеологии немецкого фашизма». Остальные суждения таинственного эксперта были не менее глубоки и столь же однозначно напоминали советские «внутренние

рецензии». Из четырех книг безоговорочно принимался лишь очередной, пятый выпуск «Памяти». Пришлось сразу ставить точки над «i»: я напомнил Ирине Алексеевне, что мы договаривались о строительстве независимого издательства, а потому о копировании рукописей и отправке их в Штаты больше не может быть речи; да и учитывать уже высказанное мнение, ввиду его полного идиотизма, я тоже не собираюсь. Полагаю, разговор этот не доставил Иловойской особого удовольствия, однако в дальнейшем ни о какой предварительной цензуре вопрос больше не ставился. Естественно, кроме «Памяти», я издал все книги, отклоненные экспертом, со временем и это лыко было поставлено в надлежащую строку...

В остальном же все начиналось и оканчивалось работой: строить дело нужно было от нуля, к тому же издательство «*Presse Libre*» насчитывало тогда всего одну «штатную единицу» — меня (второго человека — Инну Ракузину — я взял обучать набору лишь через год), так что пахать приходилось изрядно: по семь дней в неделю и по десять-одиннадцать часов в день. Корректуру держали вечерами мы с Радой, помогала и Наташа Горбаневская, а в работе над «Памятью» к ней присоединился приехавший в Париж весной 81-го Сергей Дедюлин. Правда, последнее сотрудничество продлилось очень недолго — уже на шестом томе его сменил появившийся в редакции Анатолий Копейкин...

Кроме того, я продолжал преподавать в Институте политических наук, а с начала 83-го стал работать на Би-Би-Си. В январе того года в Париж приезжали руководитель русской службы Бари Холланд и шеф культурной программы Фрэнк Вильямс — в поисках постоянных корреспондентов с материка. После встреч, разговоров и пробных скриптов Холланд предложил мне регулярно сотрудничать в двух программах «*Current affairs*» — «Глядя из Лондона» и «Уик-энд» (для «*Features*» — культурной программы Вильямса — работал Ефим Григорьевич Эткинд). Последнее тоже занимало определенное время, правда, не слишком большое, особенно с накоплением опыта. К тому же, бюро Би-Би-Си находилось на той же *rue Faubourg Saint Honoré*, что и «Русская мысль», всего за два квартала от газеты, и это очень облегчало работу: вся процедура прямой передачи материала в Лондон занимала от силы двадцать минут. Служба на станции очень помогла в дальнейшем, когда я вновь сделался «вольным стрелком», а сотрудничество с ней продолжалось вплоть до ухода Бари Холланда в конце восьмидесятых, когда на Би-Би-Си, всегда считавшейся наиболее солидной и взвешенной радиостанцией, возобладала тенденция к легким или откровенно «клубничным» темам. В результате я от-

казался от корреспондентства, оставшись только на Французском международном радио...

Но все это были лишь побочные занятия. Главным, как всегда, оставались книги, которые, наконец, пошли. К лету мы выпустили пятый том «Памяти», за ним последовали упомянутые уже воспоминания Андрея Белого, собрание философских работ Александра Александровича Мейера, двухтомник «Жизнь Льва Шестова», двухтомник Владислава Ходасевича, мемуары Ирины Одоевцевой и Евгения Шварца, неизданные произведения Ремизова и Одарченко, работа Владимира Зелинского о церковной общественности и книга Якова Соломоновича Лурье об Ильфе и Петрове, стихотворные сборники Владимира Нарбута, Юрия Кублановского, Вадима Делоне и другие издания...

Однако общая нестабильность при этом сохранялась и даже росла, несмотря на выход книг. Ни о какой реальной независимости (кроме творческой — то есть отбора и публикации рукописей) говорить не приходилось, прежде всего потому, что она предполагает самостоятельность финансовую, а надежд обрести ее не было.

Генеральным распространителем нашей продукции стал мюнхенский магазин Ореста Нейманиса, входивший в ту же самую систему, что и «Русская мысль», и упоминавшийся в первой главе мемуара лондонский «Оверсиз», возглавляемый Милорадовичем. Основная часть тиража направлялась к Нейманису прямо от Флока. Расплачиваться же за книги он не спешил: заведения были родственными, и отношения меж ними строились отнюдь не на коммерческой основе. Даже отчетов о продаже я не мог добиться от него месяцами, а если они приходили, то предьявлялись мне лишь после повторных и настойчивых просьб.

Кроме того, отдельный издательский счет, обещанный по первоначальному договору, так и не был открыт, все операции осуществлялись через «Русскую мысль», при полной бухгалтерской тайне, поэтому чаще всего я даже не в состоянии был выяснить, какие платежи сделаны, а какие нет, что получено за книги и т.д. Иловойская, проводившая с бухгалтершей по полдня, ничего ответить мне не могла или не хотела, мадам Боже, ласково улыбаясь, несла совершенную околесицу, при этом не отвечая ни на один конкретный вопрос, или просто лгала.

Вообще финансовая тема и все, что хоть каким-то образом с ней соприкасалось, — были раз и навсегда табуированы, сотрудники не знали абсолютно ничего, даже сколько получают их коллеги по редакции или как распространяется газета. Этот «финансовый психоз» являлся лишь внешним проявлением полной и все-

общей зависимости от начальства, создавая в газете атмосферу помещичьей людской, где все основывается на слухах, сплетнях и степени «близости к барину». Справедливости ради надо сказать, что подобная практика господствует не только в «Русской мысли», но во всех организациях, стоящих на полном материальном обеспечении американцев, ибо здесь действуют не коммерческие, а «политические» законы. Да и в газету принесла эту практику отнюдь не Иловайская: то же самое было и при Шаховской, а возможно, еще и при Водове. Разница заключалась не в существе, а скорее в форме: более или менее культурной, более или менее унижительной — словом, «постисторический» период давал о себе знать и здесь... Чтобы не вдаваться в малоприятные детали редакционного быта, отмечу лишь одну, но вполне характерную: телефоны в «Русской мысли» объединялись общим коммутатором, а на столе у главного редактора стоял аппарат со специальной кнопкой, нажав которую можно было слушать любую телефонную беседу любого сотрудника...

Эта обстановка полностью отличалась от того, к чему я привык в ИМКЕ, где персоналу доверяли и все сотрудники знали, по крайней мере в общих чертах и основных цифрах, каково материальное состояние дела и его перспективы. Положение стало меняться лишь с получением «дотаций», но вскоре после этого я и покинул ИМКУ. Теперь же старался не влезать в слишком уж неаппетитные детали, все более сосредоточиваясь на издательских делах, отстаивая призрачную независимость «*Presse Libre*» и занимаясь самой «Русской мыслью» лишь в силу данного Ирине Алексеевне слова — сотрудником газеты в прямом смысле я не являлся. К тому же, теперь особенно выбирать и не приходилось, единственное, что можно было сделать — это быстрее и успешней развивать книгоиздание, зарабатывать издательскую марку и тем самым снижать общую уязвимость ситуации. Тем более, что такая перспектива вполне укладывалась и в планы Иловайской, стремившейся к расширению деятельности: вскоре после «*Presse Libre*» было создано и аналитическое приложение к «Русской мысли» — журнал «Обозрение», — которое возглавил Александр Моисеевич Некрич. (В отличие от Никиты, полностью сдавшего дело Вермонту, Ирина Алексеевна пыталась играть сразу на нескольких досках, с тем, чтобы превратить газету в своеобразный общий знаменатель всех оппозиционных течений — от демократов до националистов. Последнее должно было оградить ее от обвинений в «просолженицынской» позиции и одновременно повысить статус у вашингтонского начальства, в Москве, у «классика»...)

Увы, четкие логические построения отнюдь не всегда приводят к желаемым результатам. Впоследствии я часто вспоминал слова Бориса Юльевича Физа о слабости формальной логики в делах «семейного» типа: в сущности, ведомство контрпропаганды — дело тоже вполне «семейное»...

Начавшийся «сеанс одновременной игры» завершился почти так же, как в Васюках. Первая крупная атака на Иловайскую последовала со стороны «радикальных демократов»: Любарского, Эткинда, Синявских, Чалидзе... Развивалась она совершенно в советском духе — жалобами и докладными по инстанциям. В меморандуме, ими составленном, утверждалось, что газета стала выразителем лишь одной — национальной тенденции, в то время как демократическая ветвь оппозиции осталась практически без какого-либо крупного органа печати. По мнению авторов, следовало такой орган создать, либо изменить направление газеты, что возможно было лишь со сменой ее руководства...

С другой стороны, противоположный лагерь также не выражал большого энтузиазма по поводу активности редактора «Русской мысли». Стремительное развитие «*Presse Libre*» нарушало установившуюся, вполне контролируемую систему книгоиздания, внося в нее элемент «нездоровой конкуренции» и тем самым непредсказуемости. Уже переход «Памяти» из ИМКИ в «*Presse Libre*» вызвал чрезвычайно бурную реакцию Никиты и еще более нервную — Натальи Солженицыной (собственно, письменный разрыв отношений, о котором я упоминал, в значительной мере связан с этим). По существу, обсуждать здесь было нечего: внутрисоюзная редакция никогда не заключала договоров ни с одним издательством, так что все права принадлежали только ей, и вполне естественно, что с моим переходом в новое место сборник уходил туда же, тем более, что Наташа Горбаневская, кроме «Континента», начала работать и в «Русской мысли». Но кого может интересовать существо дела, если колеблются иерархические устои...

Ситуация усугублялась еще и тем, что поток рукописей в «*Presse Libre*» усиливался с выходом каждой новой партии книг — по-видимому, начинало срабатывать то, о чем я предупреждал Никиту еще в 80-м: нежелание значительной части авторов быть связанными со слишком ангажированным делом. Это ощущалось даже в области, где ИМКА всегда сохраняла монополию, — религиозно-философской: из Москвы пришла рукопись Зелинского «Приходящие в церковь», а от отца Дмитрия Дудко (через Толю Кузнецова, старого моего приятеля, редактора отдела критики «Вопросов литературы», некогда нас с отцом Дмитрием и позна-

комившего) — «Потерянная драхма»; в Париже Наталья Львовна Баранова-Шестова отдала мне двухтомную биографию отца, а в Соединенных Штатах Борис Андреевич Филиппов подготовил для нас собрание сочинений Аскольдова... В общем, положение грозило выйти из-под контроля, надо было принимать меры...

В 82-м умер Леонид Михайлович Лифарь. Для меня его смерть окончательно опускала занавес над годами работы в ИМКЕ, по которой я безумно тосковал. На кладбище я хотел было подойти к Никите, но не решился: вокруг него клубились неизвестные молодые люди в рясах. Вернувшись домой, написал ему «прощальное» письмо, в котором благодарил за годы дружбы и за все хорошее, что у нас было, совершенно не рассчитывая при этом на ответ. Но через несколько дней Никита ответил, жалуясь на всевозможные напасти и замечая, что за последние месяцы моя записка — единственное светлое пятно... Кто бы мог тогда подумать, что «красное колесо» уже набирало обороты...

В начале следующего года ситуация полностью определилась. Весной Иловайская получила письмо от Натальи Солженицыной с первым и последним серьезным предупреждением: в любом eventualном конфликте Вермонт будет на стороне Никиты. По-видимому, Ирина Алексеевна заколебалась: именно к концу весны 83-го наступили первые «заморозки» в ее отношении к издательству. Дальнейшее развивалось по обычным законам жанра: разогреть котел до состояния неизбежного взрыва, а затем — на определенных условиях — выпустить излишний пар. Летом того же года нужная температура была достигнута: Вашингтон принял предварительное решение о замене Иловайской на Марка Поповского в качестве редактора газеты. В конце августа — начале сентября Марк Александрович даже приехал в Париж знакомиться с персоналом, но вел себя при этом настолько вызывающе, что «служебное несоответствие» с первого взгляда стало очевидным для «куратора» из американского посольства, находившегося в тот день в редакции, и кандидатуру Поповского в нужный момент с легкостью удалось потопить... Сама же Иловайская безоговорочно капитулировала, приняв от победителей все условия для открытия клапана и выпуска пара...

Детали этого настолько малопривлекательны, что рассказывать о них не хочется. Что же до результата, о нем говорилось в первой части мемуара: издательство «Presse Libre» было закрыто, через весьма непродолжительное время исчезло и аналитическое приложение к газете, а «Русская мысль», вполне перековавшись, заняла свое, точно определенное ей место во вновь контролиру-

емой системе пропагандного ведомства. Таким образом, все вернулось в нормальную колею, правда, не надолго: через несколько лет началась «перестройка», развивавшаяся не только в России, но и на Западе, а вместе с ней — изменение политических приоритетов и, как следствие, смена «объектов финансирования»...

ЭПИЛОГ

Весной 85-го я стал постепенно вылезать из депрессии. Давили обстоятельства: надо было на что-то решаться — рукопись шестого тома «Памяти» лежала без движения уже более года, и тянуть дальше становилось невозможно...

Возобновление моей «активности», кажется, совпадало с новым периодом «везения». В марте я получил письмо от Пайпса. Дик сообщал о том, что Госдепартамент выделил на нынешний год Гарвардскому университету средства на исследовательские стипендии, и он полагает, что сможет устроить мне такую стипендию в размере двадцати пяти тысяч долларов. К сожалению, других источников нет и на ближайшее время не предвидится. Сам он полагал, что надо начинать с этого, а потом — по ходу работы, если она пойдет, — пытаться найти какой-нибудь частный фонд: благотворители не любят давать деньги под идеи, но под уже существующее реальное дело выбить грант будет проще...

Я опять вернулся к вычислениям: с обещанной стипендией стоило рискнуть. Правда, реальные деньги должны были прийти лишь к осени, но это уже вторично...

Весной мы продали нашу квартиру, сменив ее на крошечную (в два с половиной раза меньшую по размеру) двухкомнатную — в довольно скверном северном районе Парижа, на rue Vauvenargue, у самого Внешнего бульвара, рядом с Порт де Сент-Уэн. Располагалась она на втором этаже обычного доходного дома: две маленькие комнатки с окнами в колодец узкого двора, совсем крохотная кухня и совмещенный санузел. На этот раз покупка являлась мерой, вполне вынужденной: я по-прежнему оставался безработным, причем даже таковым официально не числился, почти все заработки — и в «Новом русском слове», и на Би-Би-Си — оплачивались «по-черному», поэтому никаких стабильных доходов подтвердить я не мог, так что о найме квартиры и речи не было...

Кроме денег, полученных на разнице в метраже (за вычетом всех расчетов с банком), принялся собирать в долг по друзьям. Самую большую помощь оказал мне в этом Гарик Суперфин. После выезда из Союза он обосновался в Мюнхене, работал в Архиве самиздата «Свободы» и жил вместе с семьей Василия Семено-

вича Франка (младшего сына философа) — в большом двухэтажном доме с чердаком, где чердачная квартира-скворечник и принадлежала Гарику. По его просьбе Василий Семенович согласился предоставить мне на два года беспроцентную ссуду, если не изменит память, в пятнадцать тысяч марок. Помогли и другие друзья... В общем, можно было начинать.

В середине мая отнес я рукопись шестого тома «Памяти» к украинцам на рю дю Сабо. Заказов в типографии оказалось в то время немного, и набор осуществляли сразу два линотиписта, корректуру мы с Радой читали непосредственно вслед за ними, так что к середине лета книга уже версталась...

На исходе июля разразилась катастрофа: пришло письмо от ребят из Питера. Они рассказывали, что в конце весны их вызвали в ГБ и, вполне «благожелательно» побеседовав о «Памяти», в заключение разговора предупредили, что выход следующего тома повлечет за собой продление срока Сене Рогинскому — срок истекал в августе. Это был очевидный шантаж, но шантаж беспроигрышный: рисковать жизнью друга не решился бы никто. Поэтому после совещаний и обсуждений в самом разном составе — редакция пришла к выводу о невозможности дальнейшей публикации сборника...

В ожидании абсолютно твердой оказии письмо добиралось крайне долго — почти два месяца, т.е. как раз в то самое время, когда книга набиралась и версталась на рю дю Сабо...

Не берусь описывать моего состояния: даже если не учитывать ужаса по поводу крушения «Памяти», которая все эти годы была едва ли не самым дорогим для меня делом и последний том которой я так и не смог довести до выхода в свет, сама ситуация становилась катастрофической: книга была практически готова, и хотя я немедленно застопорил все работы, — деньги оказались почти целиком потрачены, вне зависимости от того, появится сборник или нет. При этом возразить что-либо на сообщищенное решение я, естественно, не мог — по вполне понятным причинам.

После двухнедельных размышлений я написал ответ, предлагая ребятам сделать из рукописи новое издание, которое, формально никак не будучи связано с «Памятью», стало бы ее продолжением. Оказия для отправки письма представилась довольно скоро, но ответ пришел лишь в октябре, когда Сенька давно уже вернулся в Питер. Редакция соглашалась на новый альманах, но при этом ставила условием, чтобы его никоим образом нельзя было идентифицировать с почившим сборником. Поэтому в написанном мною предисловии к первому выпуску «Минувшего» жизнь «Памяти» обрывалась 82-м годом (т.е. появлением в свет ее пято-

го тома) и даже содержалась мягкая, как бы «западная», критика сборника за его временную и географическую локализованность. Обложку пришлось делать самому: необходимо было, с одной стороны, не повторять «Памяти», а с другой — чем-то напоминать о ней. Поэтому квадрат был изменен на косой параллелограмм, перенесен в верхнюю часть и построен не из разорванного листа, как придумал некогда Аркадий Мошнягер, а из коллажа различных фрагментов рукописей и фотографий.

Что же до имен на обороте титула, я предложил Гарику Суперфину стать соредактором нового издания, однако он отказался, совершенно не веря в его жизнеспособность, называя меня не иначе как «Оптимистенко» и посмеиваясь над моими планами. Обращаться же к западным ученым до выхода хотя бы одного выпуска было просто нереально.

Со второго тома после разговоров с людьми удалось составить вполне компактную западную редколлегию, куда вошли известные американские, европейские и израильские слависты: Ричард Пайпс, Марк Раев, Джон Малмстад, Жан Бонамур, Дмитрий Сегал. Согласился войти в нее и Гарик, однако буквально через три-четыре месяца — еще до выхода следующего тома — неожиданно устроил совершенно дамскую истерику и покинул редакцию, разразившись странным, сугубо ерническим письмом, в котором уведомлял всех, что по своему душевному и интеллектуальному складу не выносит «коллективной» научной работы, предпочитая индивидуальное творчество...

В октябре, когда от ребят пришло «добро» на переделку тома и создание нового альманаха, я отправился к украинцам и опять запустил производственную машину. Часть материалов была отложена в «мрамор» — для использования во втором выпуске. В результате тома как бы разделились тематически: первый стал «белым», сконцентрировав в себе материалы о судьбах «проигравших», второй — «красным», то есть касался в основном «победителей», судьбы которых через несколько лет оказались столь же трагическими...

Правда, «мрамор» так и не понадобился, ибо второй выпуск делался уже не в типографии украинцев, а у Флока и с оригинал-макета, полностью подготовленного в издательстве «Atheneum» — на Монмартре, в чудном месте: на тихой rue Duhesme, которая спускается от rue Lamarck, в пяти минутах ходьбы от венчающей холм церкви Сакре-Кер. Там с начала года я снял помещение бывшего магазина, состоявшее из трех комнат и необычайно поместительного подвала, в дальнейшем используемого под склад. Найти его удалось лишь по случаю — так сказать, на чужом не-

счастье: предыдущий хозяин разорился, а потому сдавал магазин срочным порядком, без каких-либо доплат и за сумму, практически не отличавшуюся от старой аренды.

Весной в новое помещение была доставлена и наборная машина — точно такая же, как некогда в «Русской мысли», только подержанная (наша «кормилица» и сегодня жива, правда, стоит она не в Париже у Сакре-Кер, а в питерском помещении «Феникса», рядом с растреллиевским Смольным собором, куда вместе со всем прочим оборудованием я перевез ее на арендованном грузовике из Франции летом 92-го года, и на ней все так же выпускаются и «Миновские», и «Лица», и другие наши книги). Старенький «Edit-writer» удалось приобрести на пришедшую из Гарварда от Пайпса «исследовательскую стипендию» и на оставшиеся от типографских расходов деньги.

Дик оказался прав и в других своих умозаключениях: той же весной «Atheneum» получил грант в пятьдесят тысяч долларов от National Endowment for Democracy — нового американского фонда, образованного крупнейшими негосударственными учреждениями: Конфедерацией американских профсоюзов, Международным институтом торговли и т.д. Фонд этот и в дальнейшем помогал издательству. Первый грант Карл Гершман, президент фонда, решил представить «Atheneum'у» лишь после настойчивых рекомендаций Пайпса. Помог и Володя Буковский, имевший самое непосредственное отношение к созданию National Endowment for Democracy. И Карлу, и обоим моим «ходатаям» я чрезвычайно признателен за помощь, ибо с момента получения гранта стало окончательно ясно, что дело наконец пошло и теперь остановить его уже никому не удастся...

Впрочем, все это было уже потом. А в октябре 85-го я дневал и ночевал у украинцев, сверяя последнюю корректуру, набирая на ручных кассах шмуцы и отсматривая вместе с Зебио чистые листы, — в надежде как можно скорее выпустить первый том «Миновского» и сделать его по крайней мере не хуже, чем предыдущий сборник.

К Рождеству книга наконец вышла в свет — в двух вариантах: в переплете с супером и в мягкой обложке. Не берусь описывать свои ощущения, когда я взял в руки увесистый том и принес домой первые сигнальные экземпляры. Ребята, которым я немедленно отослал книгу в Питер, тоже были вполне довольны, беспокоясь разве что о дальнейшей судьбе издания. Это было вполне нормально: ведь, по существу, никто не верил в самую возможность «чуда» — после всего, описанного ранее. Так что выход

книги оказался совершенно неожиданным, а уж в длительности новой авантюры убежден был в то время, пожалуй, только я сам. Помню, как через месяц в Нью-Йорке (куда я приехал, главным образом, для беседы с Джорджем Минденом — договориться о распространении альманаха) Саша Сумеркин, которому я подарил книгу при встрече, отреагировал на подарок: «Господи, Володя, неужели удалось преодолеть сопротивление материала?..»

***

Появление первого тома «Минувшего» открывало совершенно новый период жизни, который длится вот уже почти пятнадцать лет и пока не завершился. По своей внутренней насыщенности он стал, вероятно, еще более плотным, нежели описанное в этих мемуарах: в нем и Париж, и, начиная с 87-го года, поездки в Россию, и строительство совместного франко-советского издательства «Феникс», и переезд в метрополию, и Москва с неудачной попыткой возродить «Всемирную литературу» при фонде Джорджа Сороса, и перебазирование «Феникса» в Питер, и, конечно, новые рукописи, альманахи, книги...

Неизменным оставалось лишь одно: жизнь вне социума, совершенно однозначная, осознанная и привычная уже маргинальность нашего существования в эти годы. Маргинальность отнюдь не в смысле результатов — но в полной и безоговорочной исключенности из любых структур, государственных или общественных, для которых мы всегда оставались чужаками, в лучшем случае — странными, гораздо чаще — подозрительными и неприятными, но в любом варианте — не игравшими по общепринятым правилам, «непрозрачными» (в набоковско-цинциннатовском смысле), а потому неуправляемыми и уже в силу этого — органически иноприродными любой установленной иерархии, любому социальному контексту...

Впрочем, такая жизнь имела и свои положительные стороны, избавляя от светских обязанностей, от участия в бессмысленных «тусовках», необходимых для поддержания «имиджа», от высживания на встречах и обсуждениях, позволяя сосредоточиться лишь на любимом занятии и тем самым — резко повышая коэффициент полезного действия. Начиная «Минувшее», я продумывал два возможных пути — программу-минимум: пятнадцать томов альманаха (число выпусков лучшего, на мой взгляд, послевоенного эмигрантского журнала «Мосты») и программу-максимум: двадцать два тома (столько удалось сделать Иосифу Владимировичу Гессену, издававшему в Берлине «Архив русской револю-

ции)). Действительность оказалась куда богаче: к сегодняшнему дню мы выполнили больше двух намечавшихся максимальных программ (а если учесть и «Память» — число только архивно-публикаторских томов, нами изданных, переваливает за полсотни), да, кроме того, почти реализовали и минимальную — в форме «толстого» литературного журнала «Постскриптум». Не берусь судить, много это или мало, но полагаю, что при той дикой обстановке, какая царит сегодня в России, сделать больше наша команда, пожалуй, была не в состоянии...

С самой же командой мне необычайно повезло. Правда, сложилась она отнюдь не из тех людей, на которых я рассчитывал вначале, но, раз сложившись, — полностью идентифицировала себя с делом, ощутив его в буквальном смысле своим, кровным. Конечно, это обрекало на аутсайдерство и всю команду, но это же являлось едва ли не главным условием жизнеспособности вполне авантюрной затеи — создать по-настоящему независимое издательство в стране всеобщей и полной зависимости, да еще сделать это столь маленькой группой (шесть человек), где невозможно деление на «своих» и «чужих», на пристяжных и коренников, где все делают всё, дерутся «спина к спине» и друг друга поддерживают...

Тот факт, что подобное «чудо» совершилось и длится уже почти десять лет, — иногда представляется мне как бы подтверждением старых ощущений, когда происходившее в Париже и рассказанное в этих мемуарах казалось необъяснимым, но единственно возможным ходом событий, — словно какая-то сила, находившаяся вне рационального знания, тащила меня, заставляя совершать поступки и действия, вполне безрассудные с точки зрения обычного здравого смысла. Число получаемых при этом шишек не играло никакой роли: просто в эти годы волею случая я оказался на авансцене, и вполне естественно, что мне досталось несколько больше тухлых яиц и гнилых помидоров, чем пришлось на долю тех, кто оставался в глубине или за кулисами. На присутствие «внешней силы» реакция публики никак не влияла. Исчезло это ощущение лишь однажды — в период упомянутой депрессии. Потом оно возвратилось, но провал, разрыв, чувство пережитой покинутости надолго застряли в памяти. И лишь сегодня, наезжая в Париж, с грустью наблюдая распад и гниение всех эмигрантских институций, общаясь с Аликом и Ариной, встречаясь с постаревшими имковскими девочками, наконец, сталкиваясь с Никитой, я вполне ясно ощущаю, что весь описанный процесс целиком и даже само выпадение из социума были пусть и не осознанными тогда, но вполне правильными и необходимыми, — в какой-то иной перспективе, которая начинает просматриваться и обретать

если не логическое объяснение, то хотя бы цельность, — лишь теперь, в очень долгом масштабе времени...

Чтобы почувствовать цельность перспективы, по-видимому, нужно было проделать пятнадцатилетний путь, находясь все в той же «движущейся системе». На нем, конечно, была масса смешных и грустных эпизодов, множество иллюзий и разочарований, изрядное число потерь и, главное, как всегда, — было наше дело... Сегодня и этот перегон близится к концу, поезд, так сказать, подходит к станции, и я уже стою на подножке, держась за поручень. Осталось лишь разжать пальцы (выпустить десяток книг) и шагнуть на платформу...

Но пока маршрут все-таки еще не завершился, а значит — и рассказывать о нем рано. Может, когда-нибудь потом...

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

ССЫЛКА М.С.ГРУШЕВСКОГО

Подготовил Павел Елецкий

Жизненный путь и творчество Михаила Сергеевича Грушевского (1866–1934) в последние годы привлекают все большее внимание специалистов, главным образом у него на родине, в связи со становлением новой украинской государственности¹. В России им почти не занимаются. При этом даже украинские исследователи сосредоточиваются преимущественно на исторических взглядах и послереволюционном периоде биографии ученого — недолгом пребывании во главе Центральной Рады и последовавших гонениях со стороны большевиков. Отношения же Грушевского с властями Российской империи и его петербургскими коллегами до сих пор остаются изученными недостаточно². До некоторой степени восполнить этот пробел и призвана настоящая публикация.

***

М.С.Грушевский родился 29 сентября 1866 в Холме, в семье учителя гимназии. Затем отец служил в Ставрополе и Владикавказе; будущий историк окончил гимназию в Тифлисе. После гимназии — Киевский уни-

¹ См., напр.: Шевченко В.П., Смолий В.А. М.С.Грушевский: Краткий очерк жизни и научной деятельности // Грушевский М.С. Очерк истории украинского народа. Киев, 1990; Копиленко О.Л. Повернення М.С.Грушевського. Київ, 1991; Он же. «Українська ідея» М.С.Грушевського: історія і сучасність. Київ, 1991; Прицак О. Історіософія та історіографія Михайла Грушевського. Київ; Кембридж, 1991; Великий українець: Матеріали з життя та діяльності М.С.Грушевського. Київ, 1992; Письмо академика М.С.Грушевского [В.В.Куйбышеву, 1933] / Подг. к печ. и пред. О.Данилова // Свободная мысль. 1992. №10. С.48–52; Пиріг Р.Я. Життя Михайла Грушевського: останні десятиліття (1924–1934). Київ, 1993; Сохань П.С. та ін. М.С.Грушевський і Academia: Ідея, змагання, діяльність. Київ, 1994 и др.

² См.: Справа про висилки проф. М.Грушевського // Великий українець. Указ. изд. С.365–366; Макаров В.І. Листування М.С.Грушевського й О.О.Шахматова // Український історичний журнал. 1996. №5–6. К сожалению, в последней из названных публикаций содержится большое число ошибок и пропусков, зачастую искажающих смысл публикуемых документов: «статья» вместо «вдова», «эмигрант» вместо «этнограф» и т.п.

верситет Святого Владимира. В то время российскую историю там преподавал Владимир Бонифатьевич Антонович (1834–1908), основатель киевской школы русской истории, с 1902 член-корреспондент Академии наук в Петербурге. Среди его учеников такие известные историки как Д.И. Багалей, П.В. Голубовский, И.А. Линниченко. Двое последних позднее станут политическими и научными оппонентами М.С. Грушевского. Одна из первых работ молодого Грушевского («История Киевской земли») была удостоена золотой университетской медали. Будучи оставленным после университета для приготовления к профессорскому званию, он в 1894 защитил магистерскую диссертацию «Барское старовство». В этом же году он возглавил кафедру истории Восточной Европы Львовского университета (тогда Австро-Венгрия), сохранив при этом российское подданство. Здесь ученый работал вплоть до описываемых событий. Благодаря его усилиям, Львовское научное общество им. Шевченко в начале XX века из любительской организации превратилось в настоящий центр украинской культуры, своего рода Академию наук. За львовский период своей деятельности Грушевский непосредственно отредактировал более 150 томов научных записок общества.

Научную деятельность он сочетает с общественно-политической — активно участвует в работе украинской фракции 1-й Государственной думы (44 депутата) и особенно в ее печатном органе «Украинский вестник», выходявшем в Петербурге. Решение украинского вопроса Грушевский видел в те годы на путях реальной автономии в рамках федерации, в установлении подлинного равенства отношений между Россией и Украиной. Ученый с энтузиазмом встретил ставшую одним из следствий октябрьского Манифеста 1905 года отмену запрета на использование украинского языка, разрешение печатать на нем книги и периодику. Грушевский стремился перенести свою деятельность в Киев. В полной мере это не удалось, но в эти годы, благодаря его энергии, в Киеве было создано, аналогично львовскому, «Наукове Товариство», начали издавать украиноведческий научный журнал «Україна», сменивший русскоязычную «Киевскую старину». Реакция не дала ему возможности занять кафедру в Киевском университете. В Петербурге при университете начал действовать студенческий научный кружок по украиноведению, Грушевский во время визитов в столицу России принимал участие в его семинарах.

Общественная деятельность и позиция Грушевского основывались на его исторической концепции. Вопреки сложившемуся в русской историографии канону он не считал общественно-политический уклад, право и культуру Владимиро-Московских княжеств XIII–XIV вв. органическим продолжением Киевской государственности и предлагал рассматривать историю украинского и великорусского народов параллельно, как два взаимосвязанных, но отдельных процесса. Кроме того, Грушевский в своих работах последовательно отстаивал мысль о бесклассовом характере украинской нации³.

³ Оба эти положения впервые были сформулированы Грушевским в работе «Звичайна схема "русскої" історії й справа раціонального укладу історії східного слов'янства» (Статті по славянознавству. Вып. 1 / Под ред. акад. В.И. Ламанского.

При всей умеренности политических выводов, которые делал из своей концепции сам Грушевский, его взгляды постепенно становились общей идеологической базой развивавшегося со второй половины XIX века и крайне разнородного по составу украинского национального движения. С другой стороны, распространение этих взглядов вызывало беспокойство властей — как из соображений территориальной целостности империи, так и с точки зрения угрозы существовавшему социальному порядку.

В поле зрения Департамента полиции (далее ДП) ученый попал, по-видимому, еще в 1884⁴, а всего он упоминается более чем в 170 полицейских делах (в основном за 1900-1916)⁵. Конечно, противодействие украинофильству не было ведущим — как мы бы теперь сказали — «направлением» в деятельности ДП. Борьба с социал-демократами и особенно с эсерами занимала несравненно большее место. Тем не менее, ведомственная машина с немалым усердием работала и против любых ростков украинской самобытности. В начале 1910-х для нее изобрели даже специальный термин — «мазепинское движение».

Основу такого движения составляли — с точки зрения властей — украинские студенческие землячества в университетских центрах. Так, 17 мая 1910 начальник Лифляндского ГЖУ, ссылаясь на своего помощника по Юрьевскому уезду жандармского ротмистра фон Морра, сообщал в Особый отдел ДП:

Средоточием украинофильства в г. Юрьеве /.../ служит местное «Музыкально-драматическое общество студентов-малороссов», возникшее в 1905 г. и утвержденное университетским начальством 11 окт. того же года; общество это насчитывает 40-45 действительных членов, 20 членов-соревнователей и 2-х почетных членов — профессоров Юрьевского университета *Грушевского* и *Сумцова*⁶.

В «Сводке агентурных сведений по г. Харькову по украинскому движению» за ноябрь 1913 упоминается уже не только имя Грушевского, но и его труды. Секретный сотрудник ДП по кличке «Гоголь» докладывал:

10 ноября в три часа дня на Журавлевской улице в доме №11, в квартире студентов-технологов Борзяка, Бажанова и Яременко очередное собрание «Украинской громады студентов-технологов». /.../ Были прочитаны /.../ отрывки «Истории Украины» (по Грушевскому), причем в лекции Бажанова было подчеркнуто, что /.../ все события до Владимира и после Владимира вокруг

СПб., 1904. С.298-304). В более развернутой форме концепция Грушевского представлена в главном труде его жизни — многотомной (некоторые тома — из нескольких книг каждый) «Історії України-Руси», выходящей во Львове, Москве, Харькове и Кисеве в 1898-1936 (изложение доведено до 1658).

⁴ ГА РФ. Ф.102. III делопроизводство. 1884 г. Д.982.

⁵ Там же. Картотека.

⁶ Там же. ОО. 1910 г. Оп.240. Д.231. Л.19-19об.

Киева и на Волыни — это события не из русской истории, а из украинской⁷.

С течением времени тон полицейских донесений с упоминаниями о Грушевском становился все менее благодушным. А вскоре к делу подключилась и «общественность» в лице Союза русского народа. Вот как об этом свидетельствует внутренняя переписка ДП 29 мая 1914 (обратим внимание, что события происходят еще до сараевского убийства):

Киевский отдел Союза русского народа возбудил пред Г. Министром внутренних дел ходатайство о воспрещении въезда в Россию профессору Львовского университета Михаилу Грушевскому и другим австрийским ученым, агитирующим в пользу «украинской самостоятельности». По докладе о сем Его Высокопревосходительство приказал обсудить вопрос об удовлетворении этого ходатайства⁸.

Резолюция на этом документе свидетельствует о государственном благоразумии и может служить образцом бюрократического понимания законности:

Если Грушевский русский подданный, то не впускать его в пределы Империи невозможно; его можно лишь выслать в отдаленные местности. Если же Грушевский — иностранец, то безвозвратная высылка его — предмет ведения II Делопроизводства⁹.

Очень скоро, однако, выяснилось, что Грушевский «русский подданный», дворянин, православный, был доцентом Киевского Университета, а ныне состоит профессором Львовского университета в Австрии¹⁰, так что пришлось II делопроизводство, занимавшееся нежелательными иностранцами, оставить в покое и решать вопрос собственными силами. Как и на каком основании? Здесь выяснилось, что материала против Грушевского у ДП накопилось еще мало. 7 июля 1914 на стол министра внутренних дел легла следующая справка:

Применение к Грушевскому меры предупреждения и пресечения его вредной деятельности могло бы последовать лишь в порядке статьи 34 Положения о государственной охране, путем высылки его под гласный надзор полиции в одну из отдаленных губерний Империи. Однако имеющиеся в Департаменте полиции данные о вредной деятельности Грушевского за последние годы, изложенные в представляемых справках, по мнению 5-го Делопроизводства

⁷ ГА РФ. Ф.102. ОО. 1913 г. Оп.243. Д.231. Ч.88. Лит.Б. Л.30.

⁸ Там же. V делопроизводство. Оп.150. 1914 г. Д.408. Л.2.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. Л.5.

производства, представляются недостаточными для применения к названному лицу указанной меры административного воздействия. /.../¹¹ При отсутствии же у генерала-губернатора указанных выше сведений, просить Его Высокопревосходительство распорядиться об установлении за деятельностью Грушевского при посещении им г.Киева тщательного негласного наблюдения и о результатах сего наблюдения уведомить¹².

Вероятно, в тот же день за подписью товарища министра внутренних дел И.М.Золотарева и вице-директора ДП Лерхе на имя Киевского, Подольского и Волынского генерал-губернатора А.Ф.Трепова ушла следующая бумага:

По имеющимся в Департаменте полиции сведениям /.../ Грушевский, являясь одним из главных вождей мазепинского движения¹³, ведет агитацию в пользу «украинской самостоятельности». Вследствие сего прошу Ваше Высокопревосходительство сообщить имеющиеся у Вас сведения о вредной деятельности Грушевского за последнее время и Ваше заключение по вопросу о том, насколько представляется необходимой административная высылка его из пределов Юго-Западного края¹⁴.

К тому моменту, когда Трепов принял за ответ начальству (2 сентября), политическая обстановка резко изменилась: шла Первая мировая война, русские войска занимали Галицию, и судьба Грушевского была решена «в сферах» однозначно:

Грушевский /.../ является лидером и вдохновителем украинской национально-демократической партии, работающей как в Галиции с Буковиной, так и в России, членом каковой является депутат Рейхсрата Василько, призывавший неоднократно в своих речах к разгрому России Австрией. За последние годы политические взгляды проф. Грушевского, изложенные в программе его партии, были резко¹⁵ направлены против России, имея конечной мечтой отторжение 10 губерний и двух областей от России с целью присоединения их к Червонной Руси и образования суверенного украинского государства.

Профессор Грушевский состоит в очень близких отношениях с кругами ныне покойного Эрцгерцога Франца-Фердинанда через украинский клуб в Вене, благодаря которому, в противовес сильному польскому движению в Австрии с огромным политическим

¹¹ В пропущенном фрагменте предлагалось запросить киевского генерал-губернатора «сведения о вредной деятельности Грушевского за последнее время» и дать заключение о необходимости его высылки из края.

¹² ГА РФ. Ф.102. В делопроизводство. Оп.150. 1914 г. Д.408. Л.10-10об.

¹³ Выделенный текст вставлен позднее в первоначальную редакцию документа.

¹⁴ ГА РФ. Ф.102. В делопроизводство. Оп.150. 1914 г. Д.408. Л.7-7об.

¹⁵ Слово подчеркнуто адресатом.

влиянием на ход государственных дел, и было создано украинское движение. В настоящий момент о деятельности М. Грушевского не слышно, имя его не мелькает даже на страницах временной украинской прессы, и он, видимо, из боязни осложнений предпочитает молчать. Также не имеется сведений о закордонной деятельности партии, представителем которой является профессор Грушевский.

На основании всего вышеизложенного мной сделано соответствующее распоряжение об аресте и высылке профессора Грушевского в случае приезда его в г. Киев, из коего М. Грушевский выехал за границу 24 апреля сего года и до сих пор не возвращается¹⁶.

Не подозревавший о ведущейся о нем ведомственной переписке Грушевский жил на даче в Карпатских горах, где и застала его война. С великими трудностями, через Вену, Италию и Румынию, он добрался до России и в Киеве появился только 23 ноября 1914. Через несколько дней был арестован и вскоре выслан в Симбирск. Оттуда (после хлопот и именитого заступничества) получил разрешение пересечь в Казань, а затем в Москву. Об этом периоде жизни ученого и рассказывают публикуемые ниже документы.

После Февральской революции Грушевский вернулся в Киев, вскоре возглавил Центральную Раду, но продолжал и научную работу. Гетманский переворот (29 апреля 1918) формально перевел ученого на нелегальное положение. Впрочем, и при Скоропадском научная деятельность Грушевского не прерывалась. Затем — эмиграция в Чехословакию, основание Украинского социологического института в Праге. В 1923 — возвращение в Киев с верой в провозглашенные большевиками принципы национальной политики, активная работа в Украинской Академии наук и полный отказ от политической деятельности. В 1929 избран действительным членом АН СССР, а в декабре 1929 становится президентом УАН. В начале 1931, после серии «диспутов» и «чисток» в УАН, Грушевского, выехавшего в Москву на сессию АН СССР, арестовывают там по делу «Украинского национального центра». Дело вскоре было остановлено, но вернуться на Украину ученому не разрешили — последние годы он провел в Москве, в своего рода «почетной ссылке» (его не лишили звания академика ни во Всесоюзной, ни в национальной академиях). В 1934 НКВД собирал «показания» против тяжело больного (фактически умиравшего) Грушевского. Тем не менее, умер он 25 ноября в Кисловодске, в санатории ЦЕКУБУ, некролог появился даже в «Правде» (27 ноября), были устроены торжественные похороны в Киеве. Вскоре после смерти ученого издание его работ было прекращено, а сам он объявлен бывшим главой нелегального «Украинского центра». Вплоть до конца 1980-х в СССР Грушевского упоминали лишь как «буржуазно-националистического историка и главу реакционной Центральной Рады».

¹⁶ ГА РФ. Ф.102. V делопроизводство. Оп.150. 1914 г. Д.408. Л.8-8об.

Орфография и пунктуация публикуемых документов по возможности приближены к современной норме, сохранены лишь индивидуальные авторские особенности. Место хранения оригинала указывается после каждого публикуемого документа. Расстановка дат унифицирована.

1. В.Перетц — А.Шахматову¹

[2 декабря 1914]

Дорогой и глубокоуважаемый Алексей Александрович!

Меня встретил в Киеве неожиданный сюрприз: добившийся с громадными трудностями на родину М.С.Грушевский, готовивший мирно 4 кн[ижку] журнала² — арестован и по-видимому по ложным обвинениям господ, вроде Яворского, о них напишу Вам позже — роль их возмутительна, по гнусному двуличию. Мих[аил] Серг[еевич] в пятницу, 28, узнал, уйдя из дому, что у него обыск. Он бросился к командующему войсками ген[ералу] Троцкому, тот передал чрез адъютанта, что знает о его деле и направил его к начальнику штаба; последний арестовал его. Опасаюсь, что это интрига весьма скверного свойства. М[ихаил] С[ергеевич] жил спокойно 6 дней в Киеве.

Справьтесь телеграфом, что с нашим чл[еном]-корр[еспондентом] Гнатюком³. Говорят, что с ним гг. Дудыкевичи во Львове расправились. Поляки помогают москвофилам⁴ травить украинцев: недаром до сих пор москвофилы всегда голосовали с поляками! Попал я в ужас и болото. Никто в Петрограде не знает, что тут и во Льв[ове] делается⁵. Просите В[еликого] князя⁶: м[ожет] б[ыть], он поможет.

Ваш В.Перетц

ПФА РАН. Ф.134 (Шахматов А.А.). Оп.3. Ед.хр.1141. Л.53-54об.

¹ *Перетц* Владимир Николаевич (1870, Петербург — 1935, Саратов), литературовед, академик РАН (8 февраля 1914) и ВУАН (1919), окончил С.-Петербургский университет (1893), в 1903-1914 — профессор университета Святого Владимира. *Шахматов* Алексей Александрович (1864-1920) — филолог, академик (1897), в 1906-1920 — председатель ОРЯС АН.

² Речь идет о журнале «Украина», продолжившем с 1907 русскоязычную «Киевскую старину».

³ *Гнатюк* Владимир Михайлович (1871-1926) — фольклорист и этнограф, общественно-политический деятель, чл.-корр. АН (1902), академик ВУАН (1924), друг и соратник И.Франко, один из редакторов «Літературно-наукового вісника».

⁴ *Москвофилы* — общественно-политическое течение в Западной Украине во второй половине XIX — начале XX века, в своей деятельности ориентировались на русские правые круги.

⁵ А. Шахматов и В. Перетц еще до описываемых в настоящей публикации событий тоже подвергались неоднократным нападкам правых за свое строго объективное отношение к украинской культуре. 28 марта 1914 А. Шахматов писал вел. кн. Константину Константиновичу:

В последнее время против Академии наук ведется усиленная агитация. По всей видимости, она исходит из так называемых националистических кругов, ибо в упрек Академии ставится ее якобы нерусское, непатриотическое направление. Главным основанием для этого выставляется записка Академии об отмене стеснений малорусской речи, составленная в феврале 1905 года по поводу обращенного к Академии запроса Комитета министров. Составители записки, — могут это засвидетельствовать, — исходили из глубоко продуманного чувства любви к родине и к родному великорусскому племени, создавшему русское государство; они уверены, что удовлетворение законных прав другого русского племени говорить и писать на своем языке скрепит государственное единство и отнимет почву для всяких сепаратистических тенденций; они были убеждены, что украинофильская агитация была порождена и поддерживалась неудачными мероприятиями, направленными против естественных проявлений народности, обособившейся и создавшей свой самобытный облик в течение нескольких прошедших столетий. На днях против Ф.Е. Корша и меня выдвинуто в некоторых газетах обвинение в том, что мы участвуем в только что основанном М.С. Грушевским в Киеве научном издании «Україна». О себе замечу, что я не имею ни времени, ни охоты принимать в этом органе ближайшего участия; но я поместил в нем с особенным удовольствием разбор только что вышедшей в Галиции грамматики Смаль-Стоцкого, где с вопиющим насилием над фактами и искажением научной правды проводится мысль о близком родстве малорусов с сербами и об отсутствии в прошлом общерусского в жизни великорусского и малорусского наречий периода. Я считаю себя нравственно обязанным бороться против этой нелепой теории и против других теорий, отрицающих единство русского языка; эта моя обязанность вытекает из того, что мои специальные знания позволяют мне доказывать противоположную точку зрения неопровержимыми научными данными. Но кроме того, участие великорусских ученых в малорусском научном журнале, как я думаю, полезно для того, чтобы сгладить тот раскол, который образуется теперь уже не между одним правительством и малорусскою интеллигенцией, увлекающею за собой и широкие народные низы, но также и между великорусскими общественными кругами и этой малорусскою интеллигенцией. Любя свою родину, думая об

ее будущем, самое ужасное, что я могу предвидеть, — это усиление сепаратистических тенденций среди малорусов. Их могут питать внутренние условия, а в числе их враждебное отношение великорусского общественного мнения к тому движению, которое естественно захватывает всякого рожденного малорусом. Эти тенденции могут разжигаться и внешнею, иноземною агитацией. Позволяю себе считать опасной и вредной всякую такую меру, которая не сглаживает взаимных отношений великорусов и малорусов, а напротив, расстраивает их. Полезным и целесообразным я нахожу всякое такое явление, которое, сближая великорусов с малорусами, может служить к отвлечению последних от зарубежных симпатий и беспочвенных исканий связей и поддержки на стороне. С этой точки зрения участие великорусов в общей научной работе с малорусами, а особенно отстаивание великорусами русских, общерусских интересов в малорусских органах печати я считаю полезным и желательным. Но я все же хотел говорить о себе. Агитация против Академии и против некоторых членов Отделения русского языка и словесности тревожит меня в настоящее время особенно ввиду того, что она, как кажется, находит себе пищу в недавно состоявшемся избрании В.Н.Перетца в члены Академии. Избирая В.Н.Перетца, предложенного Н.А.Котляревским, стоящим далеко от всякой политики, и поддержанного А.И.Соболевским, Отделение имело в виду его отличные труды по истории русской литературы и его блестящую преподавательскую деятельность в университете Св. Владимира. В.Н.Перец никакого участия в украинофильской агитации не принимал и не принимает. Он выучился в Киеве говорить и писать по-малорусски, он занимается историей малорусской литературы преимущественно XVI-XVII вв. Но, конечно, этого нельзя поставить ему в вину, это должно поставить ему в заслугу. Ваше Императорское Высочество! Опасаясь, что при представлении В.Н.Перетца на утверждение Его Императорского Величества могли бы возникнуть в Министерстве народного просвещения колебания и затруднения, я считаю своею обязанностью донести Вам об этих моих, быть может, и недостаточно основательных опасениях, дабы Вы могли своевременно поступить так, как найдете полезным в интересах Академии наук и Второго ее Отделения. По Вашему требованию я мог бы доставить Вам те труды В.Н.Перетца, на которых мы основали его право быть избранным в Академию. Среди того, что писал В.Н.Перец, нет ни одной строки, которая имела бы даже отдаленное отношение к политике.

ПФА РАН. Ф.6. Оп.1. Ед.хр.37. Л.7-7об.

⁶ Вел. кн. Константин Константинович (псевд. К.Р.; 1858-1915) — в 1889-1915 президент АН, почетный академик (1900).

[7 декабря 1914]

Доверительно

Ваше Императорское Высочество!

Решаюсь обратиться к Вам, как к высокому и просвещенному покровителю наук и просвещения в России. Прямою побудительною причиною моего обращения является обрушившееся на меня горе, страх потерять горячо любимого мною брата, жгучая неизвестность за его судьбу.

Брат мой — русский историк Михаил Сергеевич Грушевский. Об его ученых заслугах говорить не смею: о них могут засвидетельствовать члены Академии наук и профессора российских университетов. Скажу о том сцеплении обстоятельств, которое могло предположительно привести к его арестованию, случившемуся 28 ноября в Киеве. Об этом я узнал из газетного сообщения. Брат мой был всегда горячим сторонником свободного развития украинской народности и ее языка. Невозможность читать лекции в Киеве в университете Св. Владимира по-украински побудила его в 1894 г. принять приглашение Львовского университета и начать там преподавание на родном языке. Кипучая энергия брата, не довольствуясь преподавательской деятельностью, увлекла его на путь более широкого служения просветительным нуждам Галиции и Украины; он преобразовал Львовское литературное общество имени Шевченка в научное учреждение, развившее замечательно плодотворную издательскую деятельность. Впрочем, никакое вообще просветительное начинание и движение в Галиции, направленное на благо украинского народа, не оставляло его равнодушным.

Это сильно вооружило против него и поляков, и так называемых москвофилов. Волей-неволей их противодействие, весьма часто союзное, втягивало М.С.Грушевского в политическую борьбу. Его политические противники преследовали его, не разбирая средств, как это часто бывает в политической борьбе: поляки обвинили моего брата в агитации в пользу России, смотря на него как на русского эмиссара, москвофилы чернили моего брата, клеветая о связи его с австрийским правительством и прусским королем!

Брат мой, утомленный этою борьбою, мечтал о перенесении своей деятельности в Россию. При первой открывшейся возможности он основал в Киеве украинское научное общество, а два года тому назад, отказавшись от председательствования в Львовском научном обществе, основался в Киеве, решившись отдать

все свои силы служению своей родине — Украине. Здесь, в России, упрочился взгляд на М.С.Грушевского как на главу и руководителя украинофильского «мазепинского» движения.

Если М.Грушевскому можно поставить что-либо в вину, то это только его беззаветную преданность своей народности и искреннее желание ей духовного роста и свободного развития. Хорошо зная брата, я горячо протестую против обвинения его в политическом «мазепинстве». Он был всегда убежден в необходимости тесной, неразрывной связи обеих русских народностей. Как русский историк, он понимал, как глубоко и крепки основания такой связи. Искать поддержки национальным стремлениям украинского народа у Шваба или у Ляха было бы противно всему нравственному и политическому укладу М.С.Грушевского.

Ваше Императорское Высочество! Есть много верных сынов России, которые не понимают, какую ужасную пропасть может создать рознь между обоими русскими племенами, обеими народностями — великорусскою и украинскою. Но у России есть и неверные сыны, которые не остановятся перед гнусною ложью и преступною клеветой для того, чтобы погубить неугодного человека и стяжать этим славу заслуженных патриотов. Я убежден, что против моего брата возведено именно такое гнусное в источнике своем обвинение. Но обвинение это в настоящее время, когда в Киеве, как и во всей России, — военное положение, может привести брата к гибели.

Впрочем, я не знаю, в чем именно обвиняют брата. Признание его главой и руководителем украинофильства могло повести к заключению о том, что он был вдохновителем украинских выступлений, имевших место в Галиции, при движении туда русских войск. Беру на себя смелость решительно это отрицать. Мой брат по всему своему складу далек от политической деятельности: это прежде всего кабинетный ученый. В последние годы с перенесением своей деятельности в Россию он отказался от всякой связи с галицкими политическими партиями. С конца июля и до конца ноября он жил в Италии и в разыгравшихся во Львове и других частях Галиции событиях он ни прямого, ни косвенного участия принимать не мог.

И вот я, изложивший все основания для обращения к Вашему Императорскому Высочеству, усердно молю Вас принять участие в моем брате. О заслуженном им праве на участие со стороны Вашей громко заявят его высоконаучные труды: простите меня за эту нескромность, но я сошлюсь еще раз на возможность поддержки моего утверждения авторитетом русских ученых.

Во имя научных заслуг М.С.Грушевского Вы можете требовать беспристрастного расследования предъявленных ему обвинений.

Вашего Императорского Высочества всепреданнейший слуга
Александр Грушевский, приват-доцент
Петроградского унив[ерситета]
Петроград, Лиговский пер., 4.

ПФА РАН. Ф.6 (К.Романов). Оп.1. Ед.хр.37. Л.66-68.

¹ На письме помета вел. кн. Константина Константиновича: «Написано толково, разумно. О М.С.Грушевском ничего не знаю, кроме нападок Нового Времени, об основательности и справедливости коих судить не могу. Прошу заключения. К. 8.XII.1914». Письмо было передано С.Ф.Платонову. *Грушевский Александр Сергеевич (1877-1943)* — историк и филолог, брат М.С.Грушевского. Погиб в заключении.

3. С.Платонов¹ — Вел. кн. Константину

9 декабря 1914

Ваше Императорское Высочество!

Оба известные мне брата Грушевские, Михаил и Александр, отличаются умом и тою выдержкою, которая отличает деятелей, так сказать, рискованного направления. Действуя между разных общественных партий и под оком русской и австрийской администрации, они умеют писать и говорить благородно и осторожно. Так написано и прилагаемое письмо.

Михаил Грушевский обладает большим ученым талантом и для исторической науки, независимо от его «теорий», сделал очень много. Авторитетный благодаря своим ученым заслугам, независимый благодаря своему богатству, приятный по своему уму и умению ловко себя держать, он является в своем лагере первою силою. Несомненно, он имеет политическое значение и может заслуженно привлечь на себя внимание правительства. Тем осторожнее следует относиться к происшедшей с ним неприятности.

Нет возможности узнать, в чем его обвиняют. Газеты сообщали, что в Киев он явился под чужим именем. Слухи говорят, что с началом войны, сгоряча, он двинулся не в Россию, а в Вену и потом в Италию; что его родственник ездил с какой-то политической целью в Константинополь, к турецкому правительству; что, словом, он «делал политику» далеко не русскую. Все это может объяснить, почему Грушевского арестовали; но, конечно, требует проверки и не может в настоящую минуту служить основа-

нием для обвинений против него. Тем не менее вряд ли, в виду всех существующих толков, Вашему Высочеству удобно выступить безусловным заступником Грушевского, «требовать беспристрастного расследования предъявленных ему обвинений», как выражается А.Грушевский. Что будет, если, с одной стороны, дело ограничится обвинением в проживании по чужому паспорту? И что будет, если Грушевский окажется, прямо говоря, изменником?

Самое большее, что могло бы, по моему разумению, последовать с Вашей стороны, это письмо (или министру Внутренних дел, или Верховному Главнокомандующему) с указанием на то, что Грушевский — каковы бы ни были его политические деяния — имеет серьезные, всеми учеными признанные заслуги в деле исторического изучения древнейших эпох русской истории и первых времен жизни южнорусского казачества и потому достоин особого к себе внимания и возможности снисхождения.

Вашего Императорского Высочества всепреданнейший слуга,
С.Платонов

ПФА РАН. Ф.6. Оп.1. Ед.хр.37. Л.69-70об.

¹ Платонов Сергей Федорович (1860-1933) — историк, с 1899 — проф. Петербургского университета, с 1909 — чл.-корр. РАН; академик в 1920-1931.

4. В.Перетц — А.Шахматову

[24 декабря 1914]

Дорогой и глубокоуважаемый Алексей Александрович!

Узнал несколько подробностей относительно М[ихаила] С[ергеевича]. У него был адвокат. Выясняется, что М[ихаилу] Сергеевичу предложили на допросе следующее: 1) что он подразумевал под словами — автономист-федералист. 2) Каково его, М[ихаила] С[ергеевича], политическое мирозерцание. 3) вопросы о деталях, найденных в его бумагах. Адв[окат] говорит, что ему угрожает лишь высылка из Ю[го]-з[ападного] края на время военного положения. Родные хлопочут, чтобы было разрешено выехать в Москву или под Москву не этапом, а по проходному свидетельству. Нельзя ли его вытребовать в Петерб[ург]?

У нас тоже цензура свирепствует до невероятия — и до комического. Итак Никольский, ныне цензующий укр[аинские] издания — везде вычеркивает слово «украинский» и пишет «малороссийский». А в объявлении одного журн[ала], где было сказано,

что он будет бороться «проти усякого чоловіконенависництва» — цензор добавил от себя «от усякого німецького...» Это было лет [40] тому назад. Но старые [Боги] воскресают. Кажется, *добавлять* и *тогда* цензуре не полагалось? Четвертая книга «Украины» идет завтра в цензуру. И хотя там ничего нет преступного ни в военном, ни в гражд[анском] отношении — сильно боюсь, что сядет бедная на мель. Книгу «Записок» — памяти Михальчука¹ — двигаю, уже отпечатаны статьи Тимченка, Корша, моя, Кульбак[ина], Ильинского². Далее пойдут, главным образом, по диалектологии.

В перв[ых] числах января надеюсь отпечатать вторую книгу «Летописи Веч[ерних] В[ысших] ж[енских] курсов» и три листа своей книги о комедиях при Ан[не] И[оанновне]. Но все это приходится делать под аккомпанемент брани. /.../³

Уважающий и преданный Вам

В.Перетц

ПФА РАН. Ф.134. Оп.3. Ед.хр.1141. Л.80-81об.

¹ См.: Фільологічний Збірник пам'яті К.Михальчука: Видання Українського Наукового Товариства в Києві. Т.ХV. Київ, 1915. *Михальчук* Константин Петрович (2 янв. 1841, Винницкая обл. — 20 апр. 1914, Киев) — украинский языковед и этнограф, выпускник Киевского ун-та (далее КУ). А.Шахматов тоже написал статью о Михальчуке, см.: «Памяти К.П.Михальчука» (Украинская жизнь. 1914. №4. С.9-12).

² *Тимченко* Евгений Константинович (8 ноября 1866, Полтава — 22 мая 1948, Киев) — языковед, переводчик на украинский, окончил КУ (1910), в 1918-1932 — профессор КУ, чл.-корр. АН (1929); *Корш* Федор Евгеньевич (1843-1915) — филолог-классик, славист, востоковед, профессор Московского ун-та по кафедре классической филологии, академик по ОРЯС (1900), имел ряд работ, посвященных украинской культуре, переводил на украинский язык; *Кульбакин* Степан Михайлович (9 авг. 1873, Тифлис — 22 дек. 1941, Белград) — языковед, окончил Новороссийский ун-т, автор трудов по старославянскому и украинскому языку, чл.-корр. РАН (1919), член Сербской АН (1925); *Ильинский* Григорий Андреевич (23 марта 1876, Петербург — 14 декабря 1937) — языковед, работал в Харьковском университете и Нежинском историко-филологическом институте, есть работы по украинскому языкознанию, чл.-корр. РАН (1921).

³ Письмо заканчивается сообщениями о других издательских вопросах и текущих академических делах.

5. Вел. кн. Константин — А.Шахматову

Доверительно
Павловск, 26 декабря 1914

Милый Алексей Александрович, посылаю Вам письмо от г. А.Грушевского, ходатайствующего за своего брата Михаила. Так как последний историк, я обратился к его собрату по науке С.Ф.Платонову, прося его заключения, которое прилагаю¹.

Как Вы полагаете: возможно ли мне в качестве президента Академии обратиться к Министру Вн[утренних] дел или к Верховному Главнокомандующему с указаниями о научных заслугах М.Грушевского независимо от его политической деятельности. Если да, не будете ли Вы добры составить надлежащее письмо.

Искренно Ваш

Константин

РО ИРЛИ. Ф.137 (К.Романов). Ед.хр.80. Л.49-50; Копия: ПФА РАН. Ф.134. Оп.3. Ед.хр.716. Л.33.

¹ См. письмо 4 наст. публ.

6. А.Шахматов — Вел. кн. Константину

[26 декабря 1914]

Ваше Императорское Высочество!

Сильно колеблюсь, приступая к настоящему письму. С одной стороны, боюсь повредить М.С.Грушевскому, предлагая иной путь воздействия в его пользу; с другой, мне не менее, чем С.Ф.Платонову, было бы больно, если бы Ваше заступничество за М.С.Грушевского встретилось с основательными обвинениями против последнего.

Предлагаемый мною путь состоит в том, чтобы я написал о М.С.Грушевском Вл. Фед. Джунковскому, товарищу министра Внутренних дел¹. Мое письмо имело бы несравнимо большее значение, если бы Вы разрешили вставить в предпоследнюю фразу слова «С разрешения (или с одобрения, или с соизволения) Августейшего Президента». Но возможно, что лучше обойтись без такой вставки. Ваше вмешательство, столь желанное и ценное для всех, кому дорога наука, могло бы наступить позже, когда несколько выяснится, в чем обвиняют М.С.Грушевского.

Относительно «украинского» вопроса теперь напущено столько туману, что едва ли по нему придут сейчас к соглашению наи-

более трезвые и развитые умы. Тем не менее я позволяю себе заметить, что арест Грушевского только усилит пожар в русском доме, а ведь его необходимо прекратить. Это соображение, помимо великих заслуг Грушевского перед исторической наукой (критический аппарат его восьмитомной истории можно назвать классическим и единственным после Карамзина), заставляет меня с великим волнением желать освобождения Грушевского, его оправдания. Если Вы признаете более целесообразным писать письмо Министру внутренних дел, я тотчас же представлю Вам проект рескрипта.

Но если бы пошло мое письмо к В.Ф.Джунковскому, Вашему Императорскому Высочеству, быть может, было бы благоугодно сообщить А.С.Грушевскому, что Вами по его прошению приняты известные меры. Это успокоило бы и его, и семью М.С.Грушевского и великую семью его почитателей. Прилагаю текст проектируемого мною письма моего к В.Ф.Джунковскому. Прилагаю еще письмо В.Н.Перетца, несколько разъясняющее обстоятельства, при которых произошел арест М.С.Грушевского.

Вашего Императорского Высочества всепреданнейший слуга,
Алексей Шахматов

ПФА РАН. Ф.6. Оп.1. Ед.хр.37. Л.71-71об.

¹ *Джунковский* Владимир Федорович (1865-1938) — генерал-майор, в янв. 1913 — авг. 1915 — товарищ министра внутренних дел и командир Отдельного корпуса жандармов. О его судьбе и отношении к нему либеральной общественности см.: Минувшее. Вып.21. СПб., 1997. С.599 и др. по указ.

7. В.Перетц — А.Шахматову

28 декабря 1914. 9 вечера

Дорогой и глубокоуважаемый Алексей Александрович!

Прежде всего — с Новым годом! За сим дела. Письмо Ваше я получил. Сегодня был у жены М[ихаила] С[ергеевича] (она Вам телеграфировала)¹. Кажется, необходимо давление свыше. Но откуда? *Ничего* преступного вменить ему не могут! А все-таки гонят. Его обещают на днях освободить на три дня, чтобы затем выслать внутрь Росс[ии]. Говорят о Саратове, но лучше бы в Москву: ведь в Сарат[ове] невозможно заниматься. М[ожет] б[ыть], теперь пора прибегнуть к сильной помощи? Я писал Ф.Е.Коршу из Киева, Вы его видели: не пропало ли мое письмо? За сим —

проф[ессора] Кнауэра² держат теперь в комнате пристава — это некот[орое] внимание к его летам и чину. Но (на жалов[анье]) на пенсию наложен арест! За то именно, что он получал деньги и... посылал семье в Сену: как будто семья должна голодать! Его вышлют скоро (говорят — не знаю, наверно ли) в Томск. Засим — два слова о Роздольском³, который собирал диалект[ологические] данные по поруч[ению] Синода и был арестован. Он — как мне доло[жили] сегодня его друзья точную справку — был взят под арест в [селе] Лемешах Черниг[овской] губ[ернии] вместе с художн[иком] Бойчуком⁴, тоже галичанином. Первоначально содержался в Черниговской тюрьме. Был затем выслан в Курск и далее — в Уральск. По хлопотам Варв[ары] Никоновны Ханенко⁵ (это секрет) был возвращен в Лемешах обратно, с предоставлением ему права свободного выбора местожительства, но с обязательством жить в избранном месте безвыездно. Вследствие отсутствия денег — сидит в Лемешах. Очень просит дозволить отлучиться хотя бы в Черн[игов] или Киев за покупками, книгами. [Да что] о Роздольском, хотя академики находятся под покровит[ельством] самого Его Велич[ества], но думаю, что мне лучше уезжать из сего звериного царства. Но беда в том, что обещал в пользу галичан и поляков лекцию на 2 и 6 янв[аря] с колядками. Совестно бросить дело. Можно кое-что заработать для голых и голодных. На днях [все] опишу. На А[лексей] Ив[ановича]⁶ не обижайтесь, он не в себе. Жаль, но я не могу считать его норм[альным] человеком, в нем что-то испорчено. Гораздо хуже — те, кто отличаются неискренностью и непостоянством! А с А[лексеем] Ив[ановичем] справимся!

Ваш преданный и уважающий

В.Перетц

Привет многоуважаемой Наталье Александровне⁷ и поздравление с Новым годом.

ПФА РАН. Ф.134. Оп.3. Ед.хр.1141. Л.73-74об.

¹ Грушевская Мария Селивёрстовна — жена М.С.Грушевского.

² Кнауэр Федор (Фридрих) Иванович (1849 — 22 дек. 1917, Томск) — филолог-санскритолог, немец по происхождению, в 1886-1914 профессор КУ, был сослан в Томск с началом Первой мировой войны.

³ Роздольский (Роздольский) Осип Иванович (17 сент. 1872 — 27 февр. 1945, Львов) — фольклорист и переводчик (перевел на украинский один из ранних диалогов Платона «Эвтифрон»), окончил Львовский университет.

⁴ Бойчук Михайло (1882-1939) — художник-монументалист и педагог. Арестован в 1937, погиб в заключении.

⁵ Ханенко (урожд. Терещенко) Варвара Никоновна — дочь крупнейшего украинского сахарозаводчика, жена предпринимателя-миллионера Б.И.Ханенко, меценатка и коллекционер.

⁶ Соболевский Алексей Иванович (1856-1929) — филолог-русист и славист, этнограф, окончил в 1878 Московский университет; с 1882 — приват-доцент, с 1884 — профессор КУ, в 1888-1908 — профессор Петербургского университета, с 4 дек. 1893 — чл.-корр. АН, с 7 окт. 1900 академик по ОРЯС. Был известен своей правизной и великорусским шовинизмом (до 1910 — член главного совета СРН. См.: Минувшее. Вып.14. М.; СПб., 1993. По указ.). К украиноведению относился негативно.

⁷ Шахматова (урожд. Градовская) Наталья Александровна (1870-?) — жена А.А.Шахматова, брак заключен 31 марта 1896.

8. В.Перетц — А.Шахматову

30 декабря 1914

Дорогой Алексей Александрович!

Кажется, каждый день можно писать отсюда новые и новые гадости. Первое — вчера был у меня один врач, приехавший с позиций: говорит, что при занятии местечек, замков и пр. солдаты прямо топят печи и зажигают костры из книг помещичьих библиотек. Необходимы скорые и решительные меры¹. По рукам среди офицерства ходит много рукописей и старинн[ых] книг. Один врач попробовал вмешаться во время одного *auto da fé* — но... был посажен на трое суток под арест «за вмешательство не в свое дело»...

Еще другое: на посл[еднем] допросе М[ихайлу] С[ергеевичу] было дружелюбно сказано, что хоть у него нет ничего компрометирующего, но... «слишком много он имеет врагов», и когда он возразил, что никогда с начальством в споре не был, ему объяснили, что не в «начальстве» суть, а в... шептунах. Еще штрих был нашего времени: вчера я должен был сказать введение на грандиозном вечере Колядок в пользу галичан. Речь была заготовлена чисто научная, академическая, даже слишком. Но по дороге устроитель меня предупредил, что разрешение дано под условием, чтобы не употреблялись слова «Украина» и «украинский»! Ну, обошелся без них — нельзя же было устраивать скандал: тогда запретят еще два таких же вечера, а в Галичине — нужда страшная! Тот [раз] я Вам писал уже о цензуре. А это — дополнение. Очень прошу сообщить, когда первое заседание. Просил Симони² — ничего в ответ не получил. Подробнее расскажу кое о чем при свид[ании].

Ваш В.Перетц

¹ Еще 1 ноября 1914 А.Шахматов писал к К.Р.:

Вступление русских войск в Галицию и занятие ими Львова сопровождалось в высокой степени печальными выходками со стороны местного малорусского населения. Руководящие слои так называемой украинской партии не увидели в нас освободителей, а предположили, что мы, во имя своих великорусских национальных интересов, будем угнетать их народность. Это побудило их организовать добровольческие отряды в помощь австро-венгерским войскам и повело к горячей их пропаганде, направленной против русских. Не сомневаюсь, что именно в силу подобных выступлений украинской партии нашими военными властями приняты были суровые меры против всякого проявления украинской культуры, а культура эта выражалась в книгоиздательстве и журналистике на малорусском языке, в школьном преподавании на этом языке, в образовании многих просветительных украинских обществ и пр.

Не смею высказать своего суждения по поводу принятых нашими властями мер, как ни больно отзовутся они в сердце каждого русского человека, с верой и энтузиазмом бросающегося в борьбу за духовное и политическое освобождение своих братьев. Меры эти во всяком случае имеют чисто временный характер. Но я не без положительных оснований и не без определенных данных опасаясь, чтобы подобные меры не коснулись некоторых научных учреждений, представляющих сами по себе большую ценность. Опасаюсь за судьбу архива, библиотеки и книжной лавки товарищества имени Шевченка, также библиотеки Униатской митрополии и Базилианского монастыря. Во всех этих книгохранилищах имеются рукописи, документы, книги в высшей степени ценные для русской исторической науки; большая часть их представляет интерес общерусский; но и меньшая, отражающая культурное развитие одного из русских племен, для всякого действительно русского человека может быть предметом только уважения. Политические бури преходящи, спокойная жизнь не замедлит вступить в свои права, но памятники культуры не могут быть восстановлены, если их разрушит и рассеет военный ураган.

Итак, я почтительнейше прошу Ваше Императорское Высочество, если только Вы признаете это целесообразным, поручить мне составить такое обращение от Вашего имени к Августейшему Верховному Главнокомандующему, где было бы выражено пожелание о том, чтобы малорусские ученые учреждения Галиции были сохранены во всей неприкосновенности. Позволяю себе приложить черновой набросок подобного обращения.

Вашего Императорского Высочества всепреданнейший слуга

Алексей Шахматов

К письму был приложен проект обращения к Верховному Главнокомандующему:

Возмутительные выступления против русских войск, имевшие место со стороны так называемой украинской партии в Галиции, заставляют меня опасаться того, чтобы малорусские учебные учреждения этой страны, основанные и содержимые представителями названной партии, не подверглись случайно уничтожению, конфискации или расхищению. В виду высокой ценности для русской науки книг, рукописей и документов, сосредоточенных в этих учреждениях, я прошу Вас отдать распоряжение о том, чтобы всякие подобные учреждения при просветительных обществах, школах, церквях и монастырях были сохранены в течение всего военного времени в полной неприкосновенности.

ПФА РАН. Ф.6. Оп.1. Ед.хр.37. Л.45-46

К.Р. откликнулся на этот призыв уже 3 ноября:

Спешу послать Вам свое обращение к Верховному Главнокомандующему, дословно списанное с составленного Вами наброска, с прибавлением нескольких строк из Вашего письма ко мне от 1 ноября. Оно дошло до меня лишь сегодня. Фельдгегеря посылаются в ставку Верховного Главнокомандующего из Главного Штаба каждое четное число месяца.

Искренно Ваш Константин

РО ИРЛИ. Ф.137. Оп.1. Ед.хр.80. Л.43-43об.

Под патронажем АН в 1914 была создана Комиссия по вопросу об охране Академией памятников древности в районах военных действий, материалы этой Комиссии насчитывают 398 листов (см. ПФА РАН. Ф.2. Оп.1. Т.1 — 1914 г. Ед.хр.47). В 1915 А.Шахматов также неоднократно прибегал к помощи К.Р. в борьбе за спасение книгохранилищ, архивов и научных кадров Галиции. В результате профессор Е.Ф.Шмурло был «откомандирован в район боевых действий для охраны памятников» (ПФА РАН. Ф.6. Оп.1. Ед.хр.38. Л.11-14, 19, 20, 24, 45). В 1915 при содействии АН была облегчена участь стипендиата Львовского университета Фаддея Добычинского, сосланного в Томскую губернию на 5 лет (ему разрешили перебраться в Томск). — ПФА РАН. Ф.2. Оп.1 — 1915 г. Ед.хр.1. Л.28.

² *Симони* Павел Константинович (1859-1939) — лингвист, фольклорист, литературовед-славист, член-корр. РАН (1921).

9. В.Перетц — А.Шахматову

3 января 1915

Дорогой и глубокоуважаемый Алексей Александрович,

Не знаю, все ли мои письма доходят до Вас, и потому посылаю это кружным путем. Новый год дал нам еще новые доказа-

тельства несовершенства человеческой природы — выражаясь деликатно. Літер[атурно] Наук[овый] Віст[ник]¹, единственный «толстый» из укр[аинских] журн[алов], закрыт за «фонетику», ибо другого ничего не было... «Украину», как мне сейчас передавали, — дозволят вести дальше, если будет печататься «ярыжкой». Постановление относ[ительно] М[ихайла] С[ергеевича] остается. Сестра его телеграфировала Вам — необходимо обратиться к ДНС! Мотив высылки — «хотя Г[рушевский] и ни в чем не уличен, но он слишком *влиятельный* человек в Крае» — в итоге — Томск, куда отправляют и Кнауэра. Вчера пр[офессор] Ильинский, вернувшийся из Нежина, сообщил, что пр[офессора] Лециуса² — выслали в Саратов! За что? У него даже сыновей нет, которых наши одуревшие националисты могли бы превратить в немецких солдат. /.../³

Ваш В.Перетц

ПФА РАН. Ф.134. Оп.3. Ед.хр.1141. Л.85-86об., 88.

¹ «Літературно-науковий вісник» (с 1933 — «Вісник») — научный, публицистический и художественный журнал (1898-1939), основанный и поначалу редактировавшийся М.С.Грушевским. Выходил во Львове, затем в Киеве и снова во Львове.

² *Лециус* Иосиф (Эрнест) Андреевич — филолог-классик и историк, немец по происхождению, в КУ на историко-филологическом факультете был профессором русской истории, на юридическом — латинского языка; был также деканом историко-филологического ф-та Киевских ВЖК; на вечерних ВЖК А.В.Жакулиной преподавал русскую историю.

³ Далее речь идет о ложном сообщении газеты «Киевская мысль», писавшей, что сыновья профессора Ф.И.Кнауэра находятся в действующей германской армии (заметка приложена к письму). На опровержение Перетца газета не отреагировала. В конце письма Перетц сообщает о намерении прибыть в Петербург по делам АН 12 января.

10. А.Грушевский — А.Шахматову

[23 января 1915]

Многоуважаемый Алексей Александрович!

Сейчас мы получили письмо из Киева и сведения о справках здесь.

После первой стадии дело перешло от местных властей Мин[истерства] вн[утренних] д[ел] к военным властям. Мин[истерство] вн[утренних] д[ел] совершенно не вмешивалось, а Департ[а-]

мент] полиции знал о нем, но не имел решающего значения. Все решалось на месте в Киеве генералом Троцким. Именно он решил выслать своею властью, назначил Томск и настаивал именно на этом городе. На запрос Департ[амента] полиции ген[ерал] Троцкий ответил телеграммою, что через 10 дней (телеграмма от 10 янв[аря]) М[ихаил] С[ергеевич] будет отправлен в Томск. Все зависит теперь от генерала Троцкого, и ходатайство о назначении вместо Томска другого, более теплого и близкого к городу нужно направить к нему. Ген[ерал] Троцкий — бывший комендант Петрограда. По письму из Киева выходит, что М[ихаил] С[ергеевич] 20 янв[аря] утром еще в заключении.

Искренно преданный

А.Грушев[ский]

ПФА РАН. Ф.134. Оп.3. Ед.хр.432. Л.12-13.

11. М.Грушевский — А.Шахматову

17.II.[1]915

Глубокоуважаемый и дорогой Алексей Александрович!

Спешу принести мою искреннюю благодарность за Ваши добрые чувства и усилия помочь мне в этих удивительных бедствиях, обрушившихся на меня, когда я именно, чтобы снять всякое подозрение с себя лично и с украинского движения в России, с крайним риском — рискуя своею свободою, своими служебными правами, своим положением профессора и т.д. — пробивался и, наконец, пробился в Россию, в свой родной Киев!

Приходится пережить полный разгром своей жизни! Пропала кафедра, я лишился возможности вести свои научные занятия и свою историю Украины, составлявшую жизненный нерв всей деятельности (моя библиотека во Львове!), а вместе с тем серьезные материальные затруднения, лишение своего угла и вечная угроза личной свободе — после столь смелого и бесцеремонного [Так! — *Публ.*] почина в этом направлении. Так увенчалась моя научная деятельность, которой как раз двадцатипятилетие исполняется теперь. Могу сказать, что моя деятельность была оценена не по заслугам высоко!

Послезавтра отправляют меня в Симбирск, в сопровождении городского. Семья, к сожалению, не может ехать со мною, так как дочь как раз расхворалась, да и жена едва жива в вечном ожидании какого-нибудь сюрприза¹. Буду оттуда просить свободы пе-

редвижения; наиболее желательным местопребыванием, при лишении Киева и Львова, был бы Петербург, на втором месте Москва, наконец, Харьков — в этих трех городах я нашел бы хоть какую-нибудь возможность занятий по своей специальности, а больше нигде. Настоящая возможность работы, не знаю, вернется ли! И еще более острый вопрос о личной безопасности!

Позавидуешь мертвецам, покидающим вовремя это место мучений. Сегодня узнал о смерти дорогого, незабвенного Федора Евгеньевича²! Благо ему! Благо умершим!

Дружески жму Вашу руку и прошу передать мой искренний привет Александру Николаевичу и другим, помнящим меня.

Искренне преданный Вам

Мих. Грушевск[ий]

Письмо это прошу уничтожить — очень уж оно нескладно вышло.

ПФА РАН. Ф.134. Оп.3. Ед.хр.433. Л.38-39об.

¹ К этому месту авторское примечание: «Дав мне несколько дней для устройства дел, меня все же хотели держать в аресте в участке, и насилиу удалось заменить это неотлучным надзором городского, с которым хожу я по городу».

² Речь идет о Ф.Е.Корше, см. также прим. 2 к док. 17 наст. публ.

12. Циркуляр Департамента полиции

11 марта 1915

/.../ Группа мазепинских деятелей /.../ от местных групп в России, партии с.р. и с.д., а также представителей австрийских мазепинцев, в 1914 году собралась в городе Киеве и решила связать в России всех мазепинцев в одну мазепинскую организацию «Союз освобождения Украины», для того, чтобы вести в России пропаганду среди крестьян и войск, с целью вызвать восстание в губерниях южной России. Когда «Союз» начал действовать, киевские мазепинские деятели решили пригласить профессора М.С.Грушевского, чтобы он принял *руководительство «Союзом»*. Таким образом, по этим данным, проф. Грушевский является австрофилом, сторонником поражения России и возникновение Самостоятельного Украинского Королевства¹.

ГА РФ. Ф.102. V делопроизводство. Оп.150. 1914 г. Д.408. Л.60.

¹ Проведенное позднее ДП расследование установило, что имя Грушевского как деятеля украинской политической партии в брошюрах авст-

рофильских украинцев не упоминается, а также, что в Австрии с 1905 существовала «Украинская демократическо-радикальная партия», которая затем стала называться «Украинской национально-демократической партией» и соответствовала российской к.-д. партии, конечная цель которой — «автономия Украины и федерация народов», (т.е. те лозунги, которые высказывал и проф. Грушевский в письме на имя Великого князя Константина Константиновича /.../. Вследствие сего с несомненностью можно утверждать, что профессор Грушевский — украинский кадет, и к нему надлежит применить циркуляр /.../, по смыслу которого лица, принадлежащие к означенной партии, могут проживать повсеместно, но за деятельностью и сношениями их устанавливается негласное наблюдение» (Там же. Л.60, 60об.).

13. Симбирский губернатор в МВД

21.03.1915

Представляя при сем на благоусмотрение Вашего Высокопревосходительства прошение находящегося в г.Симбирске под надзором полиции /.../ Грушевского о дозволении ему переехать на жительство в один из университетских городов Российской империи¹, доношу, что за время пребывания в г.Симбирске г. Грушевский ни в чем предосудительном замечен не был.

ГА РФ. Ф.102. V делопроизводство. Оп.150. 1914 г. Д.408. Л.20.

¹ Прошение Грушевского — Там же. Л.21. См. также: Л.27-29. О хлопотах либеральной общественности по вопросу о разрешении Грушевскому переехать в Москву см.: Там же. Л.23, 26, 30 и др. 25 августа 1915 директор ДП В.А.Брюн де Сент-Ипполит отвечал на запрос члена Государственной думы С.А.Иванова: «Вследствии принимаемого Вами участия в судьбе /.../ Грушевского, имею честь уведомить Вас, что Г.Управляющий Министерством Внутренних дел не признал возможным разрешить названному лицу перейти под надзор полиции в г.Москву» (Там же. Л.53). 15 декабря 1915 за Грушевского перед МВД ходатайствовали члены Государственного Совета от АН университетов: Д.Д.Гримм, В.И.Вернадский, М.М.Ковалевский, И.Х.Озеров, А.А.Васильев, С.Ф.Ольденбург (Там же. Л.54-56об.). Мотивируя свое прошение, ученые писали:

Смеем думать, что удовлетворение нашего ходатайства может оказать благоприятное влияние на успокоение тех кругов малорусского населения, которые в той или иной степени захвачены национально-просветительным движением /.../ Мы думаем, что русские государственные интересы настолько требуют того, чтобы сепаратистическим стремлениям, покровительствуемым Австрией и Германией, было противопоставлено то течение малорусской общественности, которое разрешение духовных и

культурных потребностей Малороссии ищет в тесном единении с русским обществом под сенью русской государственности. Принадлежность М.С.Грушевского к этому последнему течению делает особенно желательным предоставление ему возможности продолжать его научную работу; это скрепит ту связь с русской государственностью, которою дорожат малорусские руководящие круги, и подорвет почву как для агитации сепаратистов, так и для всякого враждебного единству русской семьи иноземного влияния.

Там же. Л.56.

14. М.Грушевский — А.Шахматову

22.III.[1]915

Симбирск

Христос воскрес, глубокоуважаемый Алексей Александрович!

Приветствую Вас, Вашу супругу и всю Вашу семью и желаю проводить праздник в радости и добром здоровье!

Я получил Ваше письмо и искренно благодарен Вам за Ваше непременное сочувствие, утешающее меня! В сумме злключения, постигшие меня, не так уж и важны в общем море бедствий, затопляющих моих единомышленников, и даже как-то совестно носить со своими несчастьями, когда их так много. Но радоваться я пока не вижу причин и думаю, что Симбирск, во всяком случае, не даст повода к радости.

Если я воздерживаюсь от публицистических и политических выступлений, то не потому, чтобы это было невозможно в Симбирске или вообще в ссылке, а потому, что я считаю это нежелательным. В газетах и журналах здесь нет недостатка, и я могу следить за современною жизнью и мог бы откликаться на злободневные вопросы, а невозможность научной работы, нужда в зарботке могли бы только толкать меня в [эту] сторону. Но у меня нет никакой охоты к публицист[ическим] или политическим выступлениям.

А планомерная [научная]¹ работа действительно совершенно невозможна здесь — даже и при помощи книг из академической библиотеки, на которую Вы, дорогой Алексей Александрович, подаете мне надежду, — даже и при помощи моей библиотеки, перевезть которую в Симбирск, впрочем, немислимо: слишком это громоздко и дорого — везти сюда с перспективою перевозки потом в другое место, да и негде мне с нею поместиться: я живу с семьею в двух маленьких комнатах, где и лишнего стула негде поставить, не то что библиотеки. Библиотека моя, как обыкно-

венно бывает, опиралась о библиотеку обычного университетского типа: то, что можно всегда иметь из библиотеки, обыкновенно не покупаю для себя, а здесь этого дополнения нет.

Перевод Истории Украины — это уже дело для меня несуществующее. Пока я имел постоянно жалованье и впереди надежду на пенсию, я мог тратить из года в год значительные суммы на свои научные издания, не возвращавшие мне затрачиваемых денег, мог издавать в кредит, рассчитывая на будущие излишки. Теперь я остался лишь с значительными долгами от этих предприятий, и мне нечего о них и думать. Но все это, повторяю, не так важно в общей сумме разгрома украинской национальной жизни — этих результатов муравьиной работы поколений несчастного народа. Маленькою деталью больше или меньше на этой ленте, продолжающей разворачиваться при атуканьях каиновой прессы и не всегда невольном молчании прогрессивной, — не все ли равно!..

С омерзением прочел я последние выпады Н[ового] времени против Академии по поводу библиографии². Надеюсь, реальных неприятностей они не доставили Вам и Вашим товарищам?

Примите мою всегдашнюю и неизменную преданность

Ваш М.Груш[евский]

ПФА РАН. Ф.134. Оп.3. Ед.хр.433. Л.40-41об.

¹ В оригинале употреблено украинское слово «наукочая».

² Речь идет о статье А.Ренникова «Свиняче свято» (Новое время. 1915. 13 марта. №14010. С.5). Ренников А. (наст. фам. Селитренников Андрей Митрофанович; 1882-1957) — журналист и прозаик. В Петербурге с 1912. В эмиграции с 1920. В упомянутой статье Р., в частности, писал:

Вот авторы академического украиноведения Фасмер и Бем, «издатель» Залеман и в придачу какой-то В.Дорошенко, отысканный Залеманом, Фасмером и Бемом в Галиции /.../ Нехорошо, что господ академики позволяют Дорошенку вносить [речь идет об обзоре по украиноведению, сделанном Дорошенко. — Публ.] такие вещи, как «Ученые Общества и учебно-вспомогательные учреждения Харьковского университета» Багалея. Выпуск подобного академического издания может обрадовать /.../ исключительно кучку мазепинцев, для которых выход книги настоящий праздник, настоящее «свиняче свято». /.../ Теперь, когда за славяноведение взялись такие русские авторитеты, как Бем, Фасмер и Залеман, — мы попадаем вдруг с Академией в удивительно жалкое положение... /.../ Не устраивайте мазепинцам свинячаго свята, не прячьтесь за Илью Муромца, света Ивановича

ча. Не то придет он, русский Геракл, и начнет энергично чистить конюшни!

А. Шахматов оправдывался по этому поводу перед президентом АН:

В сегодняшнем № Нового Времени помещена статья г. Ренникова об одном издании Академии. Вина в недосмотрах, весьма существенных, всецело лежит на мне, и состоит она в том, что некоторые библиографические указания по ошибке попали не в соответствующие отделы. Ничего тенденциозного со стороны проф[ессора] В.Н. Бенешевича, а тем более со стороны неучастных к отделу украиноведения гг. Фасмера и Бема допущено не было. /.../ Посылаю Вашему Императорскому Высочеству на всякий случай книжку, из-за которой мы подверглись в «Новом Времени» отчасти справедливым нападкам. Мне все-таки кажется, что книжка эта с точки зрения политической невинна. Вина ее в том, что в ней есть дефекты, дефекты научные, при распределении материала. Редактор В.Н. Бенешевич, заочно пригласивший В. Дорошенка в сотрудники, не мог знать до последнего времени, что Дорошенко враг России.

*Письма от 13 и 30 марта 1915 — ПФА РАН. Ф.6. Оп.1. Ед.хр.38.
Л.14, 20*

Упомянутый здесь украинский историк, политический деятель (автономист-федералист) и публицист Дмитрий Иванович *Дорошенко* (1882-1951) в начале XX века учился в Петербургском университете (окончил КУ), был председателем украинского студенческого общества в Петербурге, в 1906 одним из редакторов «Украинского Вестника». При Центральной Раде был председателем Генерального Секретариата (Совета министров) и генеральным секретарем внутренних дел, один из немногих видных деятелей Центральной Рады, вошедших потом в правительство П.П. Скоропадского. С 1919 в эмиграции, с 1921 — профессор украинского университета в Праге и Мюнхене, профессор кафедры истории церкви богословского факультета Варшавского университета (до 1939), автор значительного числа монографий, в том числе двухтомной «Истории Украины 1917-23» (1930, 1932), а также мемуаров.

15. Департамент полиции — симбирскому губернатору

[30 марта 1915]

Главный начальник Киевского Военного округа постановил профессора /.../ Грушевского, как пропагандиста украинского сепаратизма и видного деятеля украинской национально-демократической партии выслать в г. Симбирск на время состояния местностей, из коих он выслан, на военном положении /.../

ГА РФ. Ф.102. V делопроизводство. Оп.150. 1914 г. Д.408. Л.18-19.

[5 апреля 1915]

Ваше Императорское Высочество!

Как к главе наивысшего учреждения, поставленного на страже интересов просвещения и науки в России — при том еще так недавно сказавшего свое авторитетное слово для выяснения вопроса, с которым неразрывно связаны постигшие меня незаслуженные злоключения, я позволяю себе обратиться к Вашему Императорскому Высочеству по поводу этих последних.

Настоящая война захватила меня с семьею на моей даче в глубине Карпатских гор, где я провожу уже много лет летние месяцы в полном уединении. Известия доходили до нас с большим опозданием, я не имел представлений о происходившем, а когда узнал о неизбежности войны, уже нельзя было добраться до Киева, куда мы стремились. Мы остались на своей даче, рассчитывая, что какой-нибудь случай откроет нам туда дорогу; но когда в первых числах сентября ст[арого] ст[илия] российские войска приблизились к этой местности, местная администрация дала мне понять, что я должен выехать в глубину Австрии, если не желаю, чтобы меня отправили туда в качестве арестованного. После долгих скитаний, во время которых с российским паспортом в кармане мне не раз приходилось рисковать не только своей свободой, но и жизнью, мы только в ноябре получили возможность выехать из Австрии через Румынию в Россию, и после полугодичного отсутствия прибыли в Киев самым легальным образом, заявивши свои паспорта в полицию. Но через несколько дней, 28.XI, я был арестован, квартира моя обыскана, забраны все бумаги, рукописи и книги. Два с половиною месяца меня продержали в тюрьме, отзываясь недосугом просмотреть мои бумаги, и только 14.II. выпустили — для высылки в Томскую губернию, в последний момент замененную г.Симбирском, куда я и прибыл под конвоем 21 февраля.

Это был не только чрезвычайно тяжелый, но и совершенно незаслуженный удар, совершенно неожиданный для меня и для всех, кому известна была моя деятельность: в ней не было ничего законопреступного, ничего, что оправдывало бы такие суровые репрессии, и эти последние являются лишь печальным недоразумением.

Своим прямым делом я считал научный труд, историческую науку, и в продолжение 25 лет, истекших от появления моей первой печатной работы, я отдавал ей всю силу и энергию. Независимо от университетских занятий, я и вне университета старался

поставить возможно широко историческое изучение прошлого Украины. Под моею редакциею за это время вышло 150 томов научных изданий, причем я очень много вкладывал времени и труда в эту редакторскую и издательскую работу. Я много работал в архивах и опубликовал немало архивных материалов. Двадцать лет я работаю над большою «Историею Украины» — до сих пор вышло семь с половиною томов этой работы (вторую половину VIII тома, посвященную восстанию Хмельницкого, я как раз заканчивал перед началом войны и приступил уже к ее печатанию); в этом труде моей жизни многое опиралось на вполне новые, впервые привлеченные к исследованию материалы. Кроме него я издал за это время несколько больших работ и курсов и опубликовал очень много менее объемистых исследований, критических оценок и т.п.

При такой усиленной научной работе и не особенно крепком здоровье, временами совсем расстраивавшемся под тяготою труда и тяжелых условий, в которых он происходил, я очень немного мог уделять времени общественной деятельности. Рожденный в эпоху падения украинской культуры и крайнего захудания украинских народных масс, я посильно старался содействовать культурному возрождению украинского народа, поднятию уважения к своей народности в интеллигенции и народе, но я думаю, что эта деятельность скорее заслуживает признательности, чем преследования. Практическим политиком я никогда не был, и совершенно напрасно мои противники стараются свести мою деятельность к политическим мотивам. Временами выступал я в роли публициста, высказываясь по вопросам текущей жизни, но в этих выступлениях, как и вообще в моей деятельности, не было ничего ни законопреступного, ни враждебного России — лучшим доказательством послужит то, что ни статьи мои, печатавшиеся в России, ни сборники статей, печатавшиеся за границею, не были конфискованы, допущались в России, и я не подвергался за них какому-либо преследованию. Я никогда не выступал против России и не принимал участия в каких-либо выступлениях против нее. Совершенно безосновательно противники украинского движения представляли меня каким-то австрофилом. За всю двадцатилетнюю свою профессорскую деятельность во Львове я в действительности относился очень критически к австрийскому режиму Галиции, стоял все время в резкой оппозиции к нему и избегал всяких сношений с австрийскими правительственными кругами, упорно оставался в русском подданстве (несмотря на настояния австрийских властей, требовавших, чтобы я вышел из этого подданства) и поддерживал общение с учеными учреждениями и изданиями в России, уча-

ствуя в них сам и своих слушателей стараясь вводить в близкое соприкосновение с научною деятельностью в России и с ее результатами. Все это, создав мне репутацию русофила, доставило много неприятностей в последние годы, так что я пришел к решению ликвидировать свою профессию и свою деятельность в Галиции: одно за другим слагал я с себя в последние годы председательство в различных Галицких обществах, почтивших меня избранием, и в виду того, что в сентябре 1914 оканчивалось 20 лет моей службы во Львовском университете, я ожидал лишь этого момента, чтобы просить отставки в виду расстроенного здоровья и окончательно переселиться в Киев, где я и без того в последние годы проводил все свободное время. Здесь я в последние годы построил совместно с ближайшими родными дом, рассчитывая перевезти сюда свою библиотеку, и, получив сокращенную пенсию за свою профессорскую службу, рассчитывал посвятить свое время окончанию «Історіі України».

Война разрушила эти планы. Но уходя из Австрии в этот критический момент, рискуя своими служебными правами, жалованием и пенсией, которая должна была обеспечить мне возможность дальнейших научных занятий, я рассчитывал, что здесь, на родине, я по крайней мере найду безопасность и покой после перенесенных испытаний. Не зная за собой никакой вины, не подвергавшись никогда преследованиям со стороны русских властей, я и в мыслях не допускал, чтобы в нынешнюю годину получили значение инсинуации моих противников и подозрения в каких-то противогосударственных, сепаратических стремлениях, в неосновательности которых местная администрация давно имела возможность убедиться. Деятельность моя и деятельность российских украинцев, к которым я примыкал, была на виду. Руководителем украинского сепаратизма я не мог быть уже по той простой причине, что такой партии среди российских украинцев и не было никогда. Российское украинство, к которому я примыкал, самым определенным образом отмежевывалось от всякого ирредентизма, верило, что украинский вопрос будет разрешен на русской почве, и возлагало свои надежды на общее развитие в России конституционного строя, национального самоопределения и местного самоуправления. Введение украинского языка в народную школу, украинских изучений в среднюю, допущение украинского языка в церкви, суде и органах управления, имеющих дело непосредственно с народом, — эта украинская программа ближайшего будущего вполне осуществима в законных формах и совершенно не требует какого-либо переворота. Да и украинство галицкое, хотя и проявляло себя иногда в формах, враждебных России, — ввиду стесне-

ний, каким подвергалось здесь украинство, — в основе своей тоже отнюдь не было враждебно России. Против австрийского режима оно было настроено глубоко оппозиционно, пессимистически, и австрофильские вспышки последних месяцев были делом небольшой кучки политиканов, захвативших в свои руки представительство и прессу и действовавших отчасти под непосредственным давлением правительства, отчасти из соперничества с австрофильскими течениями среди галицких поляков. В украинском обществе Галиции же, не говоря о российской Украине, это новоявленное австрофильство имело очень много противников. За себя и за всех со мною единомыслящих я совершенно определенно отмежевался от него накануне войны в статье «Сараевская трагедия» в июньской книге «Литературно-Наукового Вiстника»¹. Также отрицательно отнеслась к нему и пресса российской Украины. Подозрения и репрессии по отношению к ней и ко мне лично являются поэтому одним сплошным недоразумением, и это дает мне смелость обратиться к Вашему Императорскому Высочеству.

Десять лет тому назад состоящая под председательством Вашего Императорского Высочества Академия Наук своею запискою «Об отмене стеснений Малорусского слова» чрезвычайно много сделала для рассеяния предубеждений, создавшихся вокруг украинского литературного движения, указав, насколько естественным результатом исторических и бытовых условий украинского народа оно является. Высокое заступничество Вашего Императорского Высочества в настоящий критический момент могущественно содействовало бы рассеянию подозрений и репрессий, снова собирающихся вокруг украинства в России, ко вреду не только его, но и всей русской жизни. И ходатайство о мне лично Вашего Императорского Высочества, смею думать, имело бы некоторую общественную ценность. Если бы, освобожденный от нынешнего подневольного существования, я мог поселиться в Петербурге или Москве, я продолжал бы свой труд по истории Украины, пользуясь архивами и библиотеками, пока силы еще служат.

Это дает мне смелость обратиться к Вашему Императорскому Высочеству с настоящею и покорнейшею просьбою о Высоком заступничестве.

Вашего Императорского Высочества всепреданнейший слуга
Михаил Грушевский
профессор Львовского университета
Симбирск, Тихвинская ул., №5.

ПФА РАН. Ф.6. Оп.1. Ед.хр.38. Л.25-30. На письме отметка К.Р. о получении: 7 апр. 1915.

¹ ДП характеризовал эту статью так: «В ней автор в совершенно объективной форме доказывает, что ходячая молва в Австрии о том, что австрийское правительство и в особенности убитый эрцгерцог имели в виду образовать Самостоятельное Украинское государство до реки Днепра со столицей в Киеве — легенда, потому что Австрия все свои политические планы строила на Балканах, а убитый эрцгерцог имел в виду союз трех государств — Германии, Австрии и России, так как только при этом условии возможно было бы противостоять натиску надвигавшегося социализма» (ГА РФ. Ф.102. V делопроизводство. Оп.150. 1914 г. Д.408. Л.61).

17. М.Грушевский — А.Шахматову

[8.IV.1915]

Большое спасибо Вам, дорогой и глубокоуважаемый Алексей Александрович, за Вашу прекрасную поминку по Федору Евгеньевичу¹. Она прекрасно обрисовывает духовное богатство этого человека. И другого прекрасного человека она мне напомнила — Филиппа Федоровича²!

Искренно преданный Вам

М.Г[рушевский]

Симбирск.

ПФА РАН. Ф.134. Оп.3. Ед.хр.433. Л.42-42об. Почтовая открытка с адресом: «В г.Петрограде. Университетская набережная №5. Его преевосходительству Алексею Александровичу Шахматову».

¹ Вероятно, Шахматов прислал Грушевскому оттиск некролога Коршу. Ф.Ф.Фортунатов и Ф.Е.Корш были учителями А.Шахматова, он ездил из Петрограда на их похороны (Фортунатова хоронили на родине, в деревне Косолма Петрозаводского уезда; узнав о тяжелой болезни Корша, Шахматов выехал в Москву), он же и автор некрологов: Ф.Ф.Фортунатов: Некролог // Известия ИАН. 1914. №14. С.967-974; Ф.Ф.Фортунатов: Некролог // Отчет о деятельности Отделения русского языка и словесности за 1914. [СПб., 1915]. С.1-15; Ф.Е.Корш: Некролог // Известия ИАН. 1915. №5. С.373-393.

² Фортунатов *Филипп Федорович* (1848-1914) — языковед, профессор Московского университета по кафедре сравнительного языковедения и санскритского языка, академик по ОРЯС (1898), основатель московской лингвистической школы. Совместно с Ф.Е.Коршем и А.А.Шахматовым был в числе инициаторов записки Академии об отмене стеснений украинского языка.

9 апреля 1915

Ваше Императорское Высочество!

Письмо г.Грушевского написано очень умно, и только тончайшие штрихи обнаруживают, что оно составлено с большою осторожностью. Всего интереснее этнографическая терминология, отчетливая и привычная для «закордонного» деятеля и странная для «российского» глаза и уха. От нее автор не отступил ни в одном месте своего письма. Для меня любопытна и та поспешность, с какою г.Грушевский «отмежевался» от «новоявленного австрофильства» в промежуток времени между «Сараевским убийством» и началом войны: стало быть, он бдительно следил за моментом с точки зрения «всех с ним единомыслящих». Отмечая эти черточки, я не хочу набросить тень неблагонадежности или неискренности на письмо г.Г[рушевско]го; я только не могу, не могу никак, отказаться от представления о г.Грушевском как о народно-политическом деятеле.

Такой характер Вашего корреспондента, естественно, заставляет быть с ним, вообще говоря, осторожным. Но в данном случае, быть может, и возможно просить о нем, если его пребывание в Симбирске есть действительно «ссылка», и он от нее терпит и страдает. Дело в том, что в своем письме г.Г[рушевск]ий категорически утверждает, что он «никогда не был практическим политиком» и что в его деятельности («публицистических выступлениях») «не было ничего ни законопреступного, ни враждебного России»; он «никогда не выступал против России и не принимал участия в каких-либо выступлениях против нее». Все такого рода подозрения и обвинения г.Г[рушевск]ий считает клеветой. Для Вас, Ваше Высочество, это очень ценное заявление просителя: Вы заступитесь за человека, исповедующего свою невинность, и заступитесь потому именно, что он решился так открыто и решительно отрицать свою вражду к нашей государственности. Его письмо своего рода документ: если он в нем говорит о себе неправду, он навсегда погиб в глазах друзей и врагов, и Ваше ходатайство должно необходимо опираться на эти именно места письма г.Г[рушевско]го рядом с признанием его ученых заслуг и таланта. Не верить г.Г[рушевско]му у Вас нет основания, и пусть на него падет вся ответственность, если он Вам солгал.

Мне неясно, однако, о чем именно просит г.Г[рушевск]ий и чего он для себя желает? Полной свободы передвижения и действий? Будем верить, что он сам, г.Г[рушевск]ий, безвреден; но как центр и глава известной группы «единомыслящих» не создаст ли

он неудобного в настоящую минуту движения? На Ваше ходатайство может последовать именно такое указание, что для г.Г[рушевско]го сделано уже много послаблений, что он на свободе, «в Петрограде или Москве», будет просто неудобен, что он может работать и в Симбирске. Нехорошо — в видах ходатайства — то, что в самом деле с г.Г[рушевск]им уже прибегли к указаниям гуманности и что власти, освободив его, придется этим признать себя неправой и ошибшейся.

Мне кажется, что Ваше Высочество могли бы указать А.А.Шахматову, что полное освобождение г.Грушевского представляется Вам труднодостижимым, но что можно просить о дальнейшем облегчении его участи в виду ясно высказанного им отношения, вполне лояльного, к России и к нашему государству и в уважение к его ученому таланту.

Вашего Императорского Высочества всепреданнейший слуга
С.Платонов

ПФА РАН. Ф.6. Оп.1. Ед.хр.38. Л.31-32об. На письме отметка К.Р. о получении: 9 апр. 1915.

19. Вел. кн. Константин — А.Шахматову

Павловск
10 апреля 1915

Дорогой Алексей Александрович, посылаю Вам письмо, полученное мною на днях от г.Грушевского (Михаила).

Любопытна та поспешность, с какою он «отмежевался» от «новоявленного австрофильства» в промежуток времени между «Сараевским убийством» и началом войны: стало быть, он бдительно следил за моментом с точки зрения «всех с ним единомыслящих». Трудно отказать от представления о Г[рушевско]м, как о народно-политическом деятеле. Пожалуй, и возможно просить о нем, если его пребывание в Симбирске есть действительно «ссылка» и он от нее терпит и страдает. В своем письме Г[рушевск]ий категорически утверждает, что он «никогда не был практическим политиком» и что в его деятельности («публицистических выступлениях») «не было ничего ни законопреступного, ни враждебного России»; он «никогда не выступал против России и не принимал участия в каких-либо выступлениях против нее». Все такого рода подозрения и обвинения Г[рушевск]ий считает клеветой. Для меня это оч[ень] ценное заявление просителя: я мог бы заступиться за человека, исповедующего свою невинность, и заступиться

потому именно, что он решился так открыто и решительно отрицать свою вражду к нашей государственности. Его письмо своего рода документ: если он в нем говорит о себе неправду, он навсегда погиб в глазах и друзей, и врагов. Мое ходатайство, если оно уместно, должно необходимо опираться на эти именно места письма Г[рушевско]го рядом с признанием его ученых заслуг и таланта. Не верить Г[рушевско]му у меня нет оснований, и пусть на него падет вся ответственность, если он мне написал неправду.

Неясно, однако, о чем именно просит Г[рушевск]ий и чего он для себя желает? Полной свободы передвижения и действий? Будем верить, что сам Г[рушевск]ий безвреден; но как центр и глава известной группы «единомыслящих», не создаст ли он неудобного в настоящую минуту движения? На мое ходатайство может последовать именно такое указание, что для Г[рушевско]го сделано уже много послаблений, что он на свободе, «в Петрограде или Москве» будет просто неудобен, что он может работать и в Симбирске. Нехорошо — в видах ходатайства то, что в самом деле с Г[рушевск]им уже прибегли к указаниям гуманности, и что власти, освободив его, придется этим признать себя неправой и ошибшейся. Полное освобождение Г[рушевско]го представляется мне труднодостижимым, но можно просить о дальнейшем облегчении его участи в виду ясно высказанного им отношения, вполне закономерного, к России и к нашему государству и в уважение к его ученому дарованию.

Высказав эти мысли, я бы очень желал узнать Ваш взгляд на то, как Вы думали бы поступить. Вопрос не легкий и требующий большой обдуманности и осторожности. Письмо Г[рушевско]го прошу вернуть по миновании надобности.

Искренно, сердечно Ваш

Константин

РО ИРЛИ. Ф.137. Ед.хр.80. Л.61-63об. Копия: ПФА РАН. Ф.134. Оп.3. Ед.хр.716. Л.39-40. В письме к А.Шахматову от 17 февраля 1915 вел. кн. также интересовался делом Грушевского (РО ИРЛИ. Ф.137. Ед.хр.80. Л.52об.).

20. А.Шахматов — Вел. кн. Константину

[10 или 11 апреля 1915]¹

Ваше Императорское Высочество.

Вопрос, предстоящий Вам разрешить, действительно сложный и серьезный. Я знал, что Грушевский хочет к Вам обратиться.

Через его брата и даже письмом к нему самому я советовал ему не возбуждать никакого ходатайства, а довольствоваться пока Симбирском. Но Грушевский моего совета не послушал. Ваше Императорское Высочество совершенно верно указывает, что пребывание Грушевского в том или ином центре создаст невольно движение вокруг него. Совершенно верны указания Ваши и на то, что власти сделали уже очень много для Грушевского и что это может помешать им допустить еще дальнейшее послабление. Из достоверного источника знаю, что В.Ф.Джунковскому пришлось отстаивать Грушевского от домогательства киевских военных властей, требовавших ссылки его в Томск: Симбирск явился в результате компромисса. Если бы я оказался на месте Грушевского, то решительно отказался бы от какой-либо перемены, от какого-либо ходатайства до окончания войны. Но, конечно, не могу осудить Грушевского за то, что он чувствует и мыслит иначе, чем мыслил бы и чувствовал я на его месте. Не могу я осудить и малорусов, когда они громко кричат о причиняемых им духовных бедах, хотя я решительно рекомендовал бы им, а также и нашим националистам, повременить с внутренней борьбой теперь, когда идет напряженная и опасная борьба с внешним врагом.

И вот, с точки зрения интересов нашей государственности и нашего внутреннего успокоения, я сердечно порадовался Вашему решению заступиться за Грушевского. Грушевский пишет: «и ходатайство о мне лично Вашего Императорского Высочества, смею думать, имело бы некоторую общественную ценность». Эти слова Грушевского, может быть, не особенно скромны, но они выражают верную мысль. Грушевский — это духовный вождь «украинства». Русскому государству предстоит тяжелая альтернатива — или прибегнуть к самым определенным репрессиям с целью вырвать гидру сепаратизма, или встретить домогательства украинцев широкими уступками. Первый путь — я глубоко в этом убежден — приведет нашу государственность к гибели; для меня нет ни малейшего сомнения, что даже физическое истребление всей украинской интеллигенции даст только отрицательные результаты, завтра малорусские народные массы выделят из себя такую же интеллигенцию, какую репрессии уничтожат сегодня. Второй путь, как мне представляется, укрепит нашу государственность, культурную мощь² России, введет украинское движение в узкие рамки бытовых интересов. Малорусская интеллигенция еще не окончательно отшатнулась от России только потому, что карательные мероприятия против украинства она приписывает кучке политиканов и плохой осведомленности правительства; всякое облегчение, исходящее от русского правительства, всякое сочув-

ствие со стороны русского общества эта интеллигенция примет с глубокою благодарностью; а эта благодарность во много раз действительнее, чем всякие репрессии, для скрепления братских наших уз.

Вот почему, повторю еще раз, я обрадовался Вашего Императорского Высочества решению. Но кроме того, я рад и за Грушевского. Могу засвидетельствовать, что сказанное в его письме относительно отсутствия у него и у его единомышленников австрофильских стремлений совершенно верно. Сам Грушевский, по неизвестным мне побуждениям (не исключены мотивы личного свойства), еще года три тому назад порвал с галицкими общественными кругами, а что касается его единомышленников в Малороссии, то их оппозиция Правительству никогда не шла дальше оппозиции великорусских октябристов, прогрессистов, кадетов, трудовиков и представителей других прогрессивных течений. Грушевский, вернувшись в Россию (а начало его возвращения относится к 1907 году)³, достоин всякого внимания, как вернувшийся в отчий дом евангельский расточительный юноша.

Ваше Императорское Высочество совершенно верно указываете на то, что Грушевский народно-политический деятель. Но русской науке он весьма дорог как деятель научный. Его заслуги чрезвычайны, его работоспособность до последнего времени была изумительна. Вот почему меня особенно радует Ваше решение.

Смущает меня только одно соображение. Очень сильна злоба и ненависть в некоторых влиятельных кружках. Заступничество Вашего Императорского Высочества может встретиться с отказом или затаенным недоброжелательством. Не следует ли подготовить почву для Вашего выступления, — разумея под ним обращение Ваше к министру внутренних дел, едва ли овладевшему «украинским» вопросом во всей его полноте? Не могли бы Вы написать В.Ф.Джунковскому, хорошо знающему дело Грушевского, конфиденциальное письмо, которое обязало бы его сообщить Вашему Императорскому Высочеству, может ли Ваше заступничество рассчитывать на успех. Почтительнейше представляю проект письма.

Вашего Императорского Высочества всепреданнейший слуга
Алексей Шахматов

ПФА РАН. Ф.6. Оп.1. Ед.хр.38. Л.34-35. Черновик: ПФА РАН. Ф.134. Оп.1. Ед.хр.410. Л.153-154.

¹ Письмо не датировано Шахматовым, судя по обращению К.Р. к Шахматову (10 апреля) и по отметке К.Р. о получении: 11.IV.15, можно утверждать, что оно написано Шахматовым в один из этих дней.

² В черновике было: «уничтожаемую сегодня культурную мощь».

³ После революции 1905 года и отмены запрета на издания на украинском языке, в 1907 из Львова в Киев было перенесено по инициативе Грушевского (в то время редактора журнала) издание «Літературно-наукового вісника», тогда же в Киеве начал выходить украиноязычный журнал «Україна», у истоков которого также стоял Грушевский. Переноса издательскую деятельность в Киев, Грушевский исходил из следующего: во-первых, он считал, что такие научные журналы должны выходить в столице Украины и, во-вторых, таким образом реализовывалась его идея «духовного моста» между российской и австрийской Украиной. См. также письма Грушевского к А.С.Лаппо-Данилевскому этого времени:

В Киев меня сильно потянуло. Есть теперь возможность — хотя и не блестящая, работать дома, у себя, в том направлении, в каком 15 лет тому нельзя было работать. И хотелось бы в условиях все же далеко более мне близких попробовать, пока еще силы есть, достигнуть того, что удалось до некоторой степени здесь — в условиях в значительной степени чужих — наладить работу культурную, научную, серьезную, строго объективную, хотя и не индифферентную к вопросам жизни. Тем более, что в южных университетах историческая наука вообще не в аванже в последнее время, как знаете. Но киевский университет приобрел в последнее время настолько черносотенную окраску, что на его профессоров надежда плоха /.../

Зиму и весну я прожил главным образом в Киеве, благодаря отпуску. Туда перенес издание журнала (Літ[ературно]-наук[овий] Вісник). Потянула меня нынешняя расейская волна, захотелось послужить моменту на месте. Вакантная кафедра, оказавшаяся в это время в Киеве, подала повод к разным планам и пожеланиям моего перехода в местных прогрессивных кругах, и к большому переполоху в сферах «кистинно-русских». Переполох, вероятно, совершенно напрасный ввиду известного характера киевской университетской корпорации.

*14 августа и 19 ноября 1907. ПФА РАН. Ф.113. Оп.3. Ед.хр.131.
Л.5-6об. и 3-4об.*

Не следует забывать и о том, что еще с апреля 1906 Грушевский принимал самое активное участие в работе украинской фракции 1-й Государственной думы и в ее печатном органе «Украинском вестнике», выходящем в Петербурге.

21. Вел. кн. Константин — А.Шахматову

Павловск
11 апреля 1915

Дорогой Алексей Александрович, я вполне разделяю Ваши взгляды на предпочтительность благодушного и примиритель-

ного отношения к Грушевскому и его единомышленникам на Украине репрессивным мерам для истребления «гидры». Полагаю, что предлагаемое Вами конфиденциальное обращение к В.Ф.Джунковскому прекрасно отвечает намеченной цели, и возвращаю проект этого обращения для перебеления.

Искренно Ваш

Константин

РО ИРЛИ. Ф.137. Ед.хр.80. Л.65-65об. Копия: ПФА РАН. Ф.134. Оп.3. Ед.хр.716. Л.41.

22. Вел. кн. Константин — В.Джунковскому

13 апреля 1915

Владимир Федорович,

Известный ученый, историк Михаил Грушевский обратился ко Мне с прилагаемым при сем письмом. В этом письме, как Вы увидите, Грушевский настаивает на своей лояльности и невинности. С одной стороны, вероятность того, что Грушевский, как он это утверждает, чуждался всегда австрофильства и никогда не выступал против России и ее государственности, с другой — крупные научные заслуги Грушевского побуждают Меня отнестись внимательно к его просьбе и возбудить ходатайство об облегчении его участи предоставлением ему права въезда в Москву, где он нашел бы возможность продолжать свои ученые работы. Но предварительно Моего обращения к Министру внутренних дел, Я желал бы знать, в чем именно обвиняется Грушевский и насколько уверенно Я могу поддержать его просьбу Своим ходатайством. Был бы Вам признателен, если бы Вы конфиденциально ответили на Мои сомнения. Очень Вас прошу возвратить Мне по миновании надобности письмо г.Грушевского¹.

Искренно Вас уважающий

Константин

ГА РФ. Ф.102. V делопроизводство. Оп.150. 1914 г. Д.408. Л.103-103об.

¹ На письме помета карандашом: «Возвращено при письме от 27 апреля с.г. за №98512» и резолюция Джунковского синим карандашом: «17.IV. Г[осподину] Дир[ектору] Д[епартамента] П[олиции]. Прошу приказать заготовить ответ согласно полож[ению] дела».

Симбирск, 15.IV.[1]915

Дорогой и глубокоуважаемый Алексей Александрович!

Письмо Ваше от 1.IV. пришло с большим опозданием, и поэтому я только теперь пишу Вам, чтобы уверить, что я никогда не сомневался в доброжелательности и благоразумии Ваших советов; я в прошлом письме хотел только выяснить некоторые условия моего положения, которые едва ли могли быть Вам известны. За несколько дней до получения Вашего последнего письма я послал письмо Великому князю; сделал я это по совету моего брата и предполагал, что он дал этот совет мне, посоветовавшись с Вами наперед. Я, к сожалению, здесь не имею почти никаких сведений о положении дел — кроме газетных, и потому избегаю всякой инициативы. На днях я переезжаю с семьею на дачу, которую снял на все лето, в черте города, чтобы избежать формальностей, связанных с выездом из города. Из этого Вы видите, что я помирился с мыслью остаться здесь до осени. Если, может быть, во время вакаций Вам случится быть поблизу, то милости просим к нам заглянуть; местность эта называется Колки, повыше Симбирска над Волгою.

Брат мой, вероятно, рассказывал Вам о моем времяпрепровождении — не могу назвать этого занятием. Это «занятие по неволе» дает мне некоторую видимость полезного труда. До осени я, пожалуй, состряпаю две небольшие популярные книжечки; неизвестно только, как будет теперь вообще с печатанием на украинском языке, ввиду новой регламентации правописания.

Пока примите пожелания всего лучшего от преданного Вам
М.Грушевск[ого]

ПФА РАН. Ф.134. Оп.3. Ед.хр.433. Л.43-44об.

11.V.[1]915

Искренноуважаемый Эрнест Львович!

При чтении курсов древней русской истории Багалея и Любавского², вышедших в последнее время (1914 и 1915), у меня явился ряд мыслей относительно того, что называется древней русской историей, ее изучения и особенно — университетском преподавании ее. Наиболее подходящим местом для них был бы Журнал Мин[истерства] Нар[одного] Просв[ещения]. Не нашлось ли бы в

июльской или августовской книжке его для статьи приблизительно в 1-1,5 листа свободного места? Статья имела бы характер не полемический, а теоретический — исходя из постановки предмета и различных вопросов его в помянутых курсах.

Я сейчас в Симбирске (мой адрес просто — проф[ессору] М.С.Г[рушевско]му — я живу на даче, но в черте города, и хожу, если не ежедневно, то через день на почту за корреспонденцией, очень хорошая принудительная прогулка). Недавно мне разрешили переехать в Казань, но я здесь хорошо устроился на лето, на даче у Волги, и двигаться отсюда до осени было бы убыточно и не имело бы смысла.

Если, может быть, на вакациях Вам бы случилось проехать по Волге, вспомните обо мне и загляните — здесь хорошо.

Искренно Вас уважающий

М.Грушевски[й]

РО ИРЛИ. Ф.252 (Радлов Э.Л.). Оп.2. Ед.хр.449. Л.8-9.

¹ Радлов Эрнест Львович (1854-1928) — философ, профессор Женского педагогического института (Петербург), помощник директора Публичной библиотеки, член-корр. РАН, редактор «Журнала Министерства народного просвещения».

² Речь идет о курсах: Багалей Д.И. Очерки из русской истории. Т.1, 2. Харьков, 1911-1913; Любавский М.К. Лекции по древней русской истории до конца XVI века. М., 1915. См. также письмо 27 наст. публ. Багалей Дмитрий Иванович (1857-1932) — историк и общественный деятель, ученик В.Б.Антоновича, академик ВУАН (1919); Любавский Матвей Кузьмич (1860-1936, Уфа) — историк. Окончил Московский университет, его ректор в 1911-1917, имел труды по истории Украины. Академик в 1929-1931. В 1931 сослан на 5 лет по «делу АН» в Уфу.

25. М.Грушевский — А.Лаппо-Данилевскому

[13 мая 1915]

Искренноуважаемый Александр Сергеевич!

Прочитав в Рус[ских] Ведомостях юбилейную заметку Кизеветтера¹, присоединяю и свой искренний привет к тем приветствиям, какие получаете Вы по поводу двадцатипятилетия Вашей в высокой степени почтенной научной деятельности! Оказывается, мы с Вами ровесники в науке — в этом году окончилось двадцать пять лет и моей научной деятельности — только мне, что называется, боком вылез этот юбилейный год! Душевно рад, что страш-

ный катаклизм, кажется, не захватил Вас и не нарушил Ваших научных занятий.

Искренно жму Вашу руку и желаю всего доброго.

Преданный Вам

М.Грушевски[й]

Симбирск, Колки.

P.S. Мне разрешили переехать в Казань, но я раньше устроился на даче под Симбирском и останусь здесь на лето.

ПФА РАН. Ф.113. Оп.3. Ед.хр.131. Л.18-18об.

¹ См.: Кизеветтер А. А.С.Лаппо-Данилевский: К 25-летию ученой деятельности // Русские ведомости. 1915. 9 мая. №105. С.2. *Кизеветтер Александр Александрович* (1866-1933, Прага) — историк, публицист, политический деятель, мемуарист.

26. Начальник жандармского управления военного генерал-губернаторства Галиции — военному генерал-губернатору Галиции

5 мая 1915

№3213

Копия. Секретно

При обыске в гор[оде] Киеве у привлекавшегося к переписке в порядке 23 ст[атьи] Военного положения профессора Львовского ун[иверсите]та Мих[аила] *Грушевского*, ныне администр[ативно] высланного в гор[од] Симбирск за преступную деят[ельность], был обнаружен в трех книжках «Дневник Грушевского» на украинском языке. В этом дневнике, между прочим, имеется запись, указывающая на связь Грушевского с тайным советником — членом Академии наук *Шмурло*¹, ныне находящимся в гор[оде] Львове. Запись эта от 31 октября 1914 года, сделанная Грушевским в Риме, следующего содержания: «...поехал к Шмурло, который только день как приехал; застал и уговорился, что приду вечером... заходил к Осорогину²... после обеда пошел к Шмурло, который между прочим высказал, что не ожидает ли меня какая-нибудь неприятность в России, ибо он где-то слышал: "вот он сидит себе в Венеции и ожидает, чем это кончится". Но где, не захотел сказать». Означенной запискою устанавливается связь г.Шмурло с деятелями украинской (мазепинской) организации, которые одно время, судя по другим записям в том дневнике Грушевского, группировались в Риме, а т.е. [так!] Шмурло в то же время жил в Риме, как командированный туда Академией.

В связи с этим я из моей личной с г. Шмурло беседы выяснил, что он по своим либеральным взглядам, закрываемым тезисом «наука — свободна», является лицом, пребывание коего в пределах Галиции в данное время совершенно нежелательно и излишне /.../³.

ГА РФ. Ф.110 (Штаба Отд. корп. жандармов). Оп.4. Д.3808 (О шпионаже: Переписка). Л.85-85об.

¹ Шмурло Евгений Францевич (1853-1934) — историк и археограф, в 1903-1924 — ученый корреспондент АН в Риме, с 1911 чл.-корр. АН, в 1915 был откомандирован АН в Галицию для охраны памятников в районе боевых действий. После 1917 — в эмиграции, с 1924 — в Праге.

² Вероятно, речь идет о писателе Михаиле Андреевиче Осоргине, (наст. фам. Ильин, 1878-1942), жившем в то время в Риме и бывшем корреспондентом «Русских ведомостей».

³ Любопытен делопроизводственный «конвой» этого документа: в те же дни служащие Отдельного корпуса жандармов под угрозой австрийского наступления занимались вывозом архива церковного и общественного деятеля Андрея Шептицкого, арестованного после прихода русских войск в Галицию (ГА РФ. Ф.110. Оп.4. Д.3808. Л.81-83). См. также переписку о судьбе этого архива между контрразведкой и АН — ПФА РАН. Ф.2. Оп.1. 1915 г. Ед.хр.45. Л.35, 37. Первоначально архив Шептицкого поступил в Славянское отделение Библиотеки АН.

27. М.Грушевский — А.Лаппо-Данилевскому

[16-17 октября 1915]

Глубокоуважаемый Александр Сергеевич!

Получено Ваше письмо и очень благодарен за память. Посылаю Вам и свои заметки по поводу новых курсов, к сожалению, выгадывая место, в них кое-что пропустили существенное¹. Житием своим отнюдь не похвалюсь. Живется мне здесь достаточно скверно. Казань город нездоровый, малярийный, болею я, болеет семья, и это подрывает и ту энергию, как[ую] удастся собрать среди всеобщего крушения всех моих планов и работ. Прошение, поданное мною ректору о разрешении пользоваться книгами из университетской библиотеки, направлено — к попечителю!.. Впрочем, по моей специальности в этой библиотеке немного, так что научной работы нельзя вести здесь. Досадно, что и Ист[орию] Украины-Руси VIII.2, в том виде, как я его приготовил летом прошлого года, нельзя мне выпустить — часть была отпечатана

в прошлом году, и теперь что-то там зацепило, не могу сообразить, что, — типография не пишет, может быть, испуганная немолчающей травлей против меня киевских националистов-черносотенцев (вот недавно пришлось мне отвечать в «Речи» 12.X. на мерзкие инсинуации Кулаковского в «Киевлянин»² — не удовольствовались всем, чего уже достигли!); если бы можно было съездить на место, распутать и докончить печатание на месте, или в другом городе, а так книга лежит, и Бог знает, когда увидит свет; а продолжить работу — это уже совсем вне человеческих предположений.

Преданный Вам

М.Грушевс[кий]

Казань, Суконная сл[обода]. Большая №29.

P.S. Сегодня десятилетие 17 октября³. Увы!

ПФА РАН. Ф.113. Оп.3. Ед.хр.131. Л.15-16об.

¹ Письмо 24 наст. публ.

² См.: Кулаковский Ю. Русским людям, именующим себя «украинца-ми» // Киевлянин. 1915. 19 сентября; Грушевский М. Ветхий прах // Речь. 1915. 12 октября. №281. С.2. Кулаковский обвинял Грушевского в появлении галицкого украинского добровольческого легиона на стороне Австро-Венгрии. Он писал: «Такое помрачение умов в Галиции является результатом просветительской деятельности Львовского университета. /.../ Идеи Грушевского грозят превратить его учеников в навоз для немецкой культуры». Грушевский возражал: «За участие студентов Львовского университета в галицких легионах — буде между ними есть мои бывшие слушатели — я могу так же мало принимать ответственность на себя, как профессор Кулаковский мог бы считать себя ответственным за мою украинскую деятельность на том основании, что я некогда слушал у него курс истории Римской республики». Еще 5 января 1914 В.Перетц писал А.Шахматову: «Обе киевские рептилии — и "Киевлянин", и "Киев" рвут и мечут на "мазепинцев"; прямо, не обвиняя, говорят "как это правительство терпит чиновников мазепинцев" /.../ А видели ли Вы, как озлобленно ругает Ягича Флоринский в унив[ерситетских] Изв[естиях] 1913, ноябрь? Не может ему простить его мнений по украинскому вопросу и вдребезги старается разнести и его энциклопедию, и его нач[альную] палеографию. Зато хвалит Нидерле и... поносит Академию наук» (ПФА РАН. Ф.134. Оп.3. Ед.хр.1141. Л.2-2об.) Кулаковский Юлиан Андреевич (1855-1919, Киев) — историк Древней Греции и Рима, археолог, с 1888 — профессор КУ. О его националистической деятельности см.: Минувшее. Вып.14. М.; СПб., 1993. По указ.

³ Речь идет о Манифесте Николая II от 17 октября 1905 «Об усовершенствовании государственного порядка», подготовленном С.Ю.Витте.

28. М.Грушевский — А.Шахматову

Казань, Б[ольшая] Суконная 29
27.XII.[1]1915

Глубокоуважаемый и дорогой Алексей Александрович!

Приветствую Вас праздниками и Новым годом и шлю искренние пожелания всего хорошего! Желая всего доброго Вам, желаю и себе, и наоборот, — так тесно переплелись теперь личные и общие интересы, надежды и мечты на будущее!

Живу, нельзя сказать, чтобы хорошо. Не знаю, знаете ли Вы Казань, но с непривычки, да особенно еще с моим положением, трудно себя чувствовать сносно. Климат нездоровый, недомогаю, семья вовсе болеет, условия жизни вообще тяжелые. Вследствие полного расстройтва киевской жизни окончание VIII т[ома], наполовину отпечатанное еще перед войной, лежит без движения, и не могу добиться, чтобы типография ее окончила и выпустила, а продолжать дальше не имею возможности вследствие отсутствия литературы и источников. Теперь только пришлось мне увидеть, насколько украинские изучения стоят особняком от русской науки и как мало последняя с ними соприкасается. Занимаюсь поэтому разною мелочью да почитываю — в надежде, что, может быть, когда-нибудь вернутся те нормальные условия, в которых можно будет все это использовать. Не видно только, когда эти нормальные условия вернутся, и что уцелеет к тому времени.

Да и трудно, впрочем, достигнуть необходимой для работы душевной ясности в нынешних условиях жизни вообще, и в моих, в частности, — в вечном соприкосновении с атрибутами по[д]надзорного режима.

Всего хорошего! Преданный Вам

М.Грушевск[ий]

ПФА РАН. Ф.134. Оп.3. Ед.хр.433. Л.45-46.

29. В.Вернадский — М.Грушевскому

Петр[оград]. 30.XII.1915

Глубокоуважаемый Михаил Сергеевич,

Спешу ответить на Ваше письмо, хотя многого нельзя написать в письме. Я думал Вам написать уже после большого выяснения вопроса.

Мною и моими товарищами по академической группе Государственного Совета была подана записка М[инистру] в[нутрен-

них] д[ел], подписанная всеми шестью членами Г[осударственно-го] С[овета] от Акад[емии] н[аук] и универс[итетов]¹. В этой записке мы обращались к М[инистру] в[нутренних] д[ел] с нашей просьбой о переводе Вас в Москву, мотивируя это как лучшим московским климатом, так и теми возможностями, которые Москва представляет для Вашей научной работы. Мы указывали в этой записке на несправедливость, по нашему убеждению, [меры], примененной к Вам как к ученому, но и как к украинскому деятелю. Записки у меня под руками нет, и я могу здесь только по памяти восстановить ее общий смысл. Несомненно, выдвигая вперед Ваши научные заслуги, нами высоко ценимые, мы в то же время касались и политического значения изменения предпринятой по отношению к Вам меры. Записка была лично вручена Хв[остову]² одним из нас, причем мы полагали, что будет в этом смысле какой-нибудь разговор. Однако разговор был очень краток, и Х[востов] обещал нам дать ответ по наведении справок; ответа до сих пор нет. В то же время мы долго медлили с подачей записки из-за болезни Х[востова], предпочитая подать ее лично, а не послать в письме.

Не знаю, выйдет ли что из нее — но я считаю, что нельзя останавливаться на этом шаге и надо добиваться дальнейшего. Я вполне сознаю, что то, чего мы просим, далеко не отвечает тому, что было бы справедливо и что бы желалось. Но приходится считаться с обстоятельствами. Для нас всех было ясно, что при существующем положении дел и по тому, что мы могли узнать, вопрос о Киеве, напр[имер], стоял совершенно безнадежно в данный момент. Но я думаю, что добившись свободной жизни в Москве, мы бы сделали много и для дальнейшего.

Я считаю все меры, принятые по отношению к Вам, безрас-судными и недопустимыми с русской государственной точки зрения, не только к Вам как к ученому, но и как к украинскому деятелю. Во всем, что Вы пишете мне об украинском вопросе, я с Вами совершенно согласен, с негодованием и ужасом слежу за безумной и противогосударственной политикой русского правительства в украинском вопросе в настоящий момент. Но ведь это есть проявление общего положения дела, всей той противоречащей здравому смыслу и национальным интересам России политики Горемыкина и К^о, которая ведется по отношению к Госуд[арственной] Думе, прогрессивному блоку, рабочим, Москве, обще-земскому и городскому союзам, русскому обществу и в вопросах перевозок. Разве можно себе представить что-нибудь более противоречащее интересам России? Изменение придет одновременно, и вряд ли можно сомневаться в том, что решение украинского

вопроса в России, которое вытечет из хода истории, — и я думаю — скоро — будет гораздо ближе к Вашим указаниям, чем к те-перешней политике правительства черной сотни.

Я хочу сделать все, что могу, для Л[ециуса] и буду вести всякие хлопоты. Пришлите мне об нем нужные сведения. Всего лучшего. Завтра рано утром еду по академическим делам дня на три в Ф[инляндию?] и сегодня не имел еще возможности уложиться. На-до кончать. Всего лучшего.

[В.Вернадский]

АРАН. Ф.518. Оп.4. Ед.хр.137. Л.2-3об. Не авторизованный машино-писный отпуск. Пользуемся случаем поблагодарить М.Ю.Сорокину за сообщение текста этого письма.

¹ См. прим. 2 к док. 13 наст. публ.

² *Хвостов* Алексей Николаевич (1872-1918) — министр внутренних дел в 1915-1916, арестован при Временном правительстве. Расстрелян ВЧК 5 сентября.

30. Об украинском движении¹

[3 марта 1916]

1. Украинофильство.

Южнорусский сепаратизм, или отщепенство — попытка осла-бить или порвать связь, соединяющую малорусское племя с вели-корусским. По тем средствам, помощью которых сепаратисты стремятся к достижению своей цели, различают сепаратизм по-литический (государственная измена гетманов Выговского и Мазе-пы) и культурно-этнографический, или украинофильский (Макси-мович, Костомаров и Кулиш)².

В начале 60-х годов прошлого века украинофильство было перенесено в Карпатскую Русь, где приобрело русофобскую окрас-ку. В конце 80-х годов была провозглашена в зарубежном Львове доктрина об изолированности культурно-политических интересов малорусского племени и о полной его самобытности.

Украинофилы галицкие вместе с южнорусскими выработали план культурно-политического объединения (этнографического) всех частей «украинского» народа в автономную единицу «Собор-ную Украину» (Объединенную).

К этнографическому и литературному украинофильству в России относились весьма сочувственно, с одной стороны, роман-тики славянофильского оттенка, что дало повод менее дальню-

видным наблюдателям определять украинофильство как «малорусское славянофильство»; с другой стороны, на сторону украинофильства стал в конце 40-х годов нарождающийся русский социализм в лице «Петрашевцев» (1848-49 гг.), которые не выработали определенного плана преобразования России, но, разрабатывая программу действий, предполагали опираться на инородческий сепаратизм и действовать вместе с финляндскими, прибалтийскими, сибирскими, польскими и малороссийскими сепаратистами...

Наиболее видными из старших представителей украинофильства были: Костомаров, Шевченко и Кулиш; они образовали «Кирилло-Мефодиевское братство», которое явилось тайным панславистским кружком (1848-58). По мысли вдохновителя кружка, Шевченко, Россия делилась на 14 частей, образуя славянские республиканские штаты, кроме автономной Польши; обе столицы — Петроград и Москва — упразднились и местопребыванием сейма и резиденцией президента намечался Киев.

Что касается одного из учредителей указанного выше кружка — Костомарова, то он неоднократно подчеркивал неспособность малорусского племени к самостоятельной политической жизни и высказывал взгляд, что воссоединение Малороссии с Россией закончилось навсегда [ее] самостоятельную политическую карьеру.

Профессор *Грушевский* (малорусский ка-де) укоряет Костомарова за то, что, работая над историей казачества, он не становаился «на точку зрения украинских интересов», а резко осуждал Хмельницкого за его переговоры с Турцией после 1654 года и неуважительно отзывался о гетмане Выговском, Дорошенко и Мазепе, доказывая, что масса казачества не шла «за этими господами, когда они являлись противниками и врагами царя...» и не одобряет Костомарова за то, что последний объясняет позицию малорусских народных масс «инстинктивным чувством», повелевавшим всегда и при каждом случае держать сторону русского правительства. Костомаров дружил с поляками в юности, а затем в своих трудах осуждал польские притязания на Западную Русь; статьи свои он писал исключительно по-русски и создание литературного малорусского языка признавал вредной утопией. После прекращения деятельности Кирилло-Мефодиевского кружка («кружок Шевченко») в правобережной Малороссии продолжалась подпольная польская пропаганда южнорусского сепаратизма, причем в начале 60-х гг. она увеличилась, дабы использовать украинофильское движение в Юго-Западной Руси в своих польских целях. Готовясь к мятежу, поляки усердно культивировали южнорусский сепаратизм, ибо все знали свое слабосилие и рассчитывали боками и руками малороссов побороть Россию и восстановить Польшу. Одна-

ко польские заигрывания с малороссами окончились для поляков плачевно, потому что народ сам принялся умирять польский мятеж, и украинофилы от поляков отвернулись, потому что знали настроение крестьянской массы и помнили, как польские помещики засыпали русское правительство доносами по поводу социал-демократической пропаганды левых украинофилов в селах. С 1863 года центр польского влияния переносится во Львов.

2. Украинство

Сепаратисты новой культурно-политической марки с презрением отвернулись от этнографического украинофильства и назвали свою идеологию украинством; пропаганду свою называют «украинским движением», а своих единомышленников «сознательными украинцами». Партизаны украинства принесли в 1905 году в Россию выработанный ими для малороссов особый украинский (книжный) язык, который сознательные украинцы применяют как орудие борьбы против роста русской школьной и внешкольной культуры в среде южнорусского украинства в надежде вытеснить постепенно эту культуру на юге России и водворить новую культуру — украинскую³.

По словам некоторых исследователей (С.Н.Щеголев), Украинская партия представляет громадную опасность для культурной жизни русского Юга, потому что 2/5 состава губернских земских гласных поражено грибком украинства; сочувствует этому течению и духовенство, которое в 1911 году заявляло о необходимости «разделения русской церкви на три автономные единицы (украинскую, белорусскую и малорусскую [Так! — Публ.]). Сторонники украинства отмечаются среди крестьян и рабочих, и украинская партия среди последних ведет особенно усердную пропаганду и настолько продуктивную, что в 1912 году рабочие выразили украинству симпатию, опубликовав сочувственные адреса по поводу создания украинского университета в г.Львове.

Украинизацией южнорусских рабочих занимается преимущественно социал-демократическая фракция Украинской партии; но с программой общерусских социал-демократов (ортодоксальных марксистов) «украинские социал-демократы» солидарны лишь по пропаганде забастовок и антимилитаризма; централизм русских марксистов они отвергают и провозглашают национальную автономию поработанного украинского народа. По словам профессора Грушевского, пропаганда ведется в среде южнорусских рабочих как их наиболее сознательными товарищами, так и сторонними лицами.

Движение на Украине проявилось довольно отчетливо в царствование Александра II: сначала изданием книг и журналов преступного содержания, а затем явно выраженным стремлением украинцев под влиянием видного деятеля Драгоманова⁴ — «политически обособиться».

Правительство приняло ряд решительных мер, и Драгоманов скрылся в Галицию, где он застал две партии: 1) «Старорусскую», которую галичане считали частью единого русского народа, и 2) «Народную», имевшую украинофильский характер. Ознакомившись с их программами и найдя, что «Староруссы» — царские слуги, а «Народная партия» — слишком отсталая, Драгоманов основал в Галиции третью партию — «Радикальную», на сторону которой перешла часть «Народной партии». В 1890 году, после смерти Драгоманова, основанная им партия получила название «Украинской национал-демократической партии» (украинские ка-де), с своим комитетом — «Народный комитет».

Группа радикалов, не пожелавших оставаться в этой вновь образовавшейся партии, раскололась на две группы; одна присвоила себе название «Украинская социал-демократическая партия — Спілка», а другая — «Украинская революционная партия». К 1904 году все указанные партии существовали, и в 1905 году «Спілка» в распространявшихся изданиях требовала... «созыва Учредительного Собрания для обращения России в социал-демократическую республику с народной "Радой" (Советом) во главе и с разделением ее на федеративных началах на автономные области...»; в 1906 году «Спілка» приняла программу Российской социал-демократической рабочей партии, войдя в означенную организацию на автономных началах, направив свои силы на пропаганду и агитацию среди крестьян Юго-Западного края, считая это дело не менее важным, чем агитация среди войск и рабочих, возбуждая крестьян к устройству погромов и неповиновению властям...

После подавления освободительного движения, до войны украинские партии ничем резко не заявляли о своем существовании, хотя в Австрии уже были: 1) «Украинская социал-демократическая рабочая партия России» с своим органом «Борьба» (Борьба), издающимся в Женеве. С открытием военных действий в №1 «Борьбы» заявила, что «Украинская демократия в России считает себя свободной от военных оборонительных обязанностей по отношению к Российской Империи, поставив целью своей деятельности — борьбу за мир, т.е. лозунг интернационалистов».

2) «Союз освобождения Украины» с органом «Вестник союза освобождения Украины», издающимся в г.Вене на малорусском языке.

3) «Украинская Социал-Демократия» с газетой «Рабочее Знамя» (Рабитничий Прапор).

Обе указанные организации образовались из бывших революционеров России («Спілка» и др.) и целью своей деятельности поставили поднять восстание в России среди крестьян, в войсках, дабы ослабить военную мощь России и добиться этим поражения России в пользу Австрии и Германии; об истинной роли указанных организаций и «Украинских социалистов-революционеров» много писал социал-демократический деятель Алексинский²; по его словам, «Союз», субсидируемый деньгами из Германии и Австрии, выступает не от имени украинцев, проживающих в Австрии, а от имени украинцев, проживающих вне пределов Австрии, имея в виду создать самостоятельную Украину — «Королевство Украинское».

По его же словам, кроме «Союза освобождения Украины» деятели украинско-австрийского союза образовали партию «Украинских социалистов революционеров», которая, как и «Союз», работает на пользу Австрии и содержится на австро-германские деньги, а по словам «Боротьбы», состоит из жуликов, пьяниц и беспутных людей; вдохновителем «Союза освобождения Украины» и «Украинских социал-демократов» является еврей Гельфанд [Так! — Публ.] («Парвус»), о котором Бурцев сказал, что он («Парвус») больше, чем провокатор; он — агент Вильгельма II.

ГА РФ. Ф.102. В делопроизводство. Оп.150. 1914 г. Д.408. Л.62-66.

¹ Справка ДП, составленная подполковником Ф.С.Рыжанковым.

² *Максимович* Михаил Александрович (1804-1873) — естествоиспытатель, историк, фольклорист и писатель, член-корр. АН (с 1871); *Костомаров* Николай Иванович (1817-1885) — украинский историк, писатель, публицист; *Кулиш* Пантелеймон Александрович (1819-1897) — украинский ученый, писатель, общественный деятель.

³ Ср. высказывание об украинском языке В.Н.Перетца:

Что касается нареканий со стороны «самих украинцев», то это народ удивительный. Грушевский ворчит на Тимч[енко], а Тимч[енко] на Груш[евского]. Я же думаю, что здесь дело — в неустановленности общей формы и в том, что Груш[евский] и его соратники — Дорошенко и К° (у нас в «Украине») хотят (сами того не подозревая) ожаргонить язык, ибо *старого* не знают, с историей языка — совсем не знакомы и либо сами пускают (по выражению Тимченко) в ход «какотворы», либо коверкают русские слова, вроде «редактувати» вм[есто] «редагувати», «порядковий» вм[есто] «рядовой» и т.п.

Т[имчен]ко очень огорчен тем, что его труд *испортила* чья-то рука... а Груш[евский] с Дорошенко — гордятся, что спасли отечество, насовавши в работу Тимченка своего жаргону...
Суди их Бог!

*Из письма к А.А.Шахматову от 7 апр. 1914. ПФА РАН. Ф.134. Оп.3.
Ед.хр.1141. Л.24-25об.*

⁴ Драгоманов Михаил Петрович (1841-1895) — украинский историк, фольклорист и общественный деятель. Организатор киевской Громады. С 1876 — в эмиграции. Один из лидеров движения за культурно-национальную автономию Украины.

⁵ Алексинский Григорий Алексеевич (1879-1967, Париж) — революционер, впоследствии христианский социалист, публицист и историк. После разрыва с Лениным — один из основателей группы «Вперед» (1909). Во время Первой мировой войны — активный оборонец, основал в Париже журн. «Россия и Свобода», который затем слился с журн. «Призыв». С 1919 — вновь в эмиграции.

31. М.Грушевский — А.Шахматову

28.IV.[1]916

Дорогой и глубокоуважаемый Алексей Александрович!

Мне очень совестно, что долговременное мое молчание возбудило в Вас даже подозрение относительно моих настроений по отношению к Вам. Я как был, так и остаюсь при искреннем уважении и любви к Вам — а не писал, потому что слишком бессодержательно и безотраднo мое существование, так что нечем делиться, и совестно и тяжело как-то напоминать людям об этом унылом прозябании. На книгу, присланную Вами и с огромным интересом мною прочитанную — в ее общих частях, я все рассчитывал ответить книгою же — точнее, тремя главами из VIII тома моей истории, но мне и до сих пор не пришлось увидеть этих глав, набранных еще до войны, к которым нужно было набрать конец, полтора л[иста], а набирать дальше типография и вовсе отказалась (мне хотелось выпустить по крайней мере написанное до войны). Примите поэтому, хотя теперь, запоздалую благодарность! Недавно я писал Ольденбургу¹ о некоторых высланцах и получил ответ, что он болел и [выезжает], передав это дело Вам и Гримму². Таким образом я — невольно — опять затруднил Вас. О некоторых из них (точнее, об одном — Раздольском) Вы, кажется, предпринимали уже шаги. Я думал, что Ольденбург по совокупности своих званий — академического и советского — сможет найти какие-нибудь пути еще неиспробованные — а поводом мне по-

служили рассказы о профессорах военнопленных Австр[ии] и Германии, переведенных в Казань по ходатайству Академии³, и мне пришла мысль, что и высланцы ученые и литераторы, может быть, могли бы получить эту возможность.

Примите пожелания всего лучшего от преданного Вам

М.Грушев[ского]

Мне раньше посылались Известия Академии — по львовскому адресу, до самой войны. Не знаю, что сделалось с дальнейшей высылкой — вычеркнули ее из списка или приостановили.

ПФА РАН. Ф.134. Оп.3. Ед.хр.433. Л.47-48.

¹ *Ольденбург* Сергей Федорович (1863-1934) — востоковед, академик, неперменный секретарь АН с 4 октября 1904 по 30 октября 1929. Упомянутое Грушевским письмо в фонде Ольденбурга и делах канцелярии АН не обнаружено.

² *Гримм* Давид Давидович (1864-1941) — юрист, профессор, в 1910-1911 — ректор Петербургского ун-та, читал римское право. В 1913-1917 — профессор Училища Правоведения и Александровской Военно-юридической академии. С 1907 — член Гос. Совета от АН и университетов. С 1919 — в эмиграции.

³ В фонде вел. кн. Константина в ПФА РАН находятся несколько ходатайств Шахматова за военнопленных ученых: например, австрийского филолога-слависта доктора Гальма (Ф.6. Оп.1. Ед.хр.37. Л.42, ходатайство от 26 октября 1914); 18 ноября 1914 А.Шахматов просил К.Р. принять Генриха Коница, генерального секретаря Варшавского ученого общества, хлопотавшего за профессоров Львовского университета, оставшихся без средств к существованию после занятия Львова русскими войсками (Там же. Л.54). К.Р. согласился принять Коница в Мраморном дворце 20 ноября (РО ИРЛИ. Ф.137. Оп.1. Ед.хр.80. Л.45). См. также прим. 2 к письму 8 наст. публ.

32. М.Грушевский — А.Шахматову

27.V.[1]916

Дорогой и глубокоуважаемый Алексей Александрович!

Прежде всего искреннейшая благодарность за «Известия» 1904-5 гг., которые я на днях, очевидно — по Вашему представительству, получил. Там много интересного по Киев[скому] периоду! Но я сейчас сижу больше в XVII в. Подчитываю, — и между прочим выходит у меня статейка: «Великая, Малая и Белая Русь», царский [титул] 1655 г. и происхождение этого трехчленного

термина¹. Раньше был около полтора года, [титул] Великие и Малые России, [подменяемый] т[ак] ск[азать] Украиной при соединении и съимпровизированный из митрополичьего [титула]. Затем в сентябре 1615 он был дополнен довольно неожиданно — [так как] формула «Вел[икая] и М[алая] Р[усь]» включала в себя и то, что получило обозначение «Б[елой] Руси», а «Б[елая] Русь» обозначала Русь Московскую². По-видимому, эта импровизация была продиктована политич[ескими] мотивами. Я, разумеется, не могу всего этого выяснить — для этого нужны архивные справки и рукоп[исный] материал, к[ото]рого у меня тут нет³. Но «предварит[ельные] сообщения» можно составить. Не захотите ли дать ему место в Известиях, если там есть место, и если статья эта подойдет. Если нет — ответьте откровенно, так как я не хотел бы, чтобы искренние отношения портились вынужденной любезностью.

Роздольскому [из] Симбир[ской] губер[нии] по его просьбе разрешили переехать в Казань, но здешняя администрация говорит, что это произошло без ее ведома, и вопрос, оставит ли его в городе. Такая ерунда. Я остаюсь на лето в городе. Слишком уж все эти полицейско-администр[ативные] канители опротивели мне, самое воспоминание о них поднимает отвращение. Но становится жестоко жарко.

Преданный Вам

М. Груш[евский]

А Франко умер! Очень меня это огорчило⁴!

ПФА РАН. Ф.134. Оп.3. Ед.хр.433. Л.49-50.

¹ См.: Грушевський М. Велика, Мала і Біла Русь // Україна. 1917. Кн.1-2. С.7-19.

² К этому месту примечание Грушевского: «Термин, правда, употреблялся очень неустойчиво, проследить его историю было бы интересно, но углубляться в этом направлении в настоящих условиях нет возможности».

³ К этому месту примечание Грушевского: «Нет, впрочем, и литературы, очень часто — самой элементарной».

⁴ Франко Иван Яковлевич (1856- 28 мая 1916, Львов) — писатель, ученый, общественный деятель.

Арбат 55. 1.IX.[1]916

Глубокоуважаемый Алексей Александрович!

Вот уже три недели как я семьей в Москве. Сталось это довольно неожиданно, так как после всех предыдущих безуспешных хлопот Академической группы я уже отложил всякую надежду и начал прочно основываться на зиму в Казани, и переезд в Москву вызвал жесточайшую ломку моих занятий и всего порядка. Эти ломки — которых за эти три года мы столько пережили, ужасно сокрушают мои силы, энергию и здоровье. Пройдет немало времени, пока я тут налажу отношения к библиотекам, приведу в известность, что где я могу иметь для себя и как им пользоваться — а там «что день грядущий нам готовит?» Тем тяжелее, что жизнь становится все труднее, сложнее и забирает много времени на то, чтобы иметь кров над головою и — буквально — кусок хлеба на столе.

Искренно преданный Вам

М.Гр[ушевский]

Наконец дождался я экземпляров VIII части, начатых еще в 1913 — прошу принять один из них.

ПФА РАН. Ф.134. Оп.3. Ед.хр.433. Л.51-51об.

34. М.Грушевский — А.Шахматову¹

28.X.[1]916

Дорогой и глубокоуважаемый Алексей Александрович!

Живется мне тяжело — так тяжело, что даже не хочется распространяться; кроме всего прочего дочь заболела чем-то вроде скарлатины, и это при условиях жизни без прислуги, в двух комнатах и нынешних неустройствах своими неудобствами переходит всякое представление.

Бумага, на которой пишу, дезинфицирована, но все же Вы лучше ее сожгите.

Редакция Рус[ского] Ист[орического] журнала предлагает отдать ей мою статейку о Великой, Малой и Белой России, которую я предназначал для Известий Ак[адемии] и которую хотел бы отделать, как только освобожусь от VIII [тома] Истории, которую здесь печатаю и дописываю оборванные войной страницы. Как члену редакции Русского исторического журнала и редактору Из-

вестий предоставляю Вам решить, куда ее направить, семо или овамо.

Преданный Вам

М.Грущ[евский]

ПФА РАН. Ф.134. Оп.3. Ед.хр.433. Л.52-54.

¹ Конверт: «В Петрограде. В.О. Университетская наб. Академия наук. Его превосходительству Алексею Александровичу Шахматову». Штемпель: Москва. 1.11.16.

ПИСЬМА Е.В.ТАРЛЕ К В.Э.ГРАБАРЮ (1918-1934)

Публикация Б.С.Кагановича¹

Евгений Викторович Тарле и Владимир Эммануилович Грабарь познакомились в 1913 в Лондоне на Международном конгрессе историков, в котором оба они принимали участие. Дружеские отношения между ними, завязавшиеся в 1914-1915, продолжались около двух десятилетий, и их переписка, особенно интенсивная в годы революции и гражданской войны, представляет значительный интерес. Письма Е.В.Тарле (ответы В.Э.Грабаря, за исключением одного, к сожалению, не сохранились) очень важны для понимания его политических настроений и личных отношений в эти годы. Необходимо сказать здесь несколько подробнее о корреспонденте Тарле, поскольку сам знаменитый историк в представлении не нуждается.

Владимир Эммануилович Грабарь (1865-1956)² родился в Вене в прикарпатско-русской семье, питавшей горячие симпатии к России, которую в этой семье, по словам младшего брата В.Э., знаменитого художника и искусствоведа И.Э.Грабаря, «неимоверно идеализировали»³. Дед по материнской линии А.И.Добрянский был одним из лидеров славянофильского движения в Австро-Венгрии. По словам внука, «фанатический поборник славянской идеи, он неоднократно ездил в Россию, был в дружбе с Хомяковым, Аксаковым и всеми славянофилами»⁴. Ближайшей его единомышленницей и помощницей была дочь Ольга Адольфовна, героиня известного в свое время «процесса Ольги Грабарь», обвинявшаяся в стремлении отделить Галицию и Прикарпатскую Русь от Австро-Венгрии и присоединить их к России. Ее муж некоторое время был депутатом венгерского парламента от угро-русской группы. В 1870-е вся семья, за

¹ Работа выполнена при поддержке Фонда Дж.Сороса.

² См. о нем: Дурденевский В.Н. Владимир Грабарь — юрист и историк // Вестник МГУ. 1949. №5. С.113-120; Он же. Предисловие // Грабарь В.Э. Материалы к истории литературы международного права в России. М., 1958. С.5-12.

³ Грабарь И.Э. Моя жизнь. М.;Л., 1937. С.15.

⁴ Там же.

исключением деда, перебралась в Россию. Оба сына полностью интегрировались в русскую культуру и стали впоследствии ее видными деятелями; в отличие от старшего поколения, кумирами которого были Николай I и Катков, они исповедовали либерализм кадетского толка.

В.Э.Грабарь в 1888 окончил юридический факультет Московского университета, где наибольшее влияние на него оказали лекции М.М.Ковалевского и В.О.Ключевского. С 1893 по 1918 В.Э.Грабарь был сначала доцентом, а затем профессором международного права Юрьевского университета. «Время, проведенное мною в этом городе, было счастливейшим временем в моей жизни и наиболее плодотворным в моей научной деятельности», — писал он в глубокой старости⁵. Работы Грабаря посвящены как современным проблемам международного права, так и истории юридических доктрин в Средние века и Новое время. В Юрьевском университете он занимал очень авторитетное положение и был одним из лидеров либеральной профессорской группы, отстаивавшей после 1905 университетскую автономию и выступавшей против крайностей русификации. В начале Первой мировой войны В.Э.Грабарь некоторое время состоял юрисконсультом дипломатической канцелярии при Ставке Верховного главнокомандующего, откуда был уволен в мае 1915 по распоряжению начальника Генерального штаба генерала Янушкевича, поскольку в частном письме, подвергнувшись перлюстрации, он сетовал «на допущенные нашими войсками нарушения международного права»⁶.

Е.В.Тарле состоял профессором всеобщей истории Юрьевского университета с осени 1913 по лето 1918. Назначение его проходило очень нелегко, поскольку Тарле был известен как противник царского режима, и министерство народного просвещения ни в коем случае не хотело утверждать его профессором Петербургского университета, в котором он преподавал с 1903. Возможно, что В.Э.Грабарь каким-то образом содействовал его приглашению в Юрьев. С Петербургом Тарле не порывал, сохранив за собой квартиру и профессию на Бестужевских курсах, и обычно проводил в Юрьеве не более двух дней в неделю. Вместе с тем он очень дорожил положением штатного профессора университета и стремился войти в юрьевскую профессорскую среду. Грабарь, по-видимому, оказал ему ряд товарищеских услуг: известно, в частности, что он читал корректуры печатавшейся в Юрьеве книги Тарле «Запад и Россия»⁷.

Переписка Е.В.Тарле и В.Э.Грабаря, судя по сохранившимся письмам, охватывала период 1914-1934. Пока они еженедельно встречались в Юрьеве, переписка, естественно, не была особенно оживленной. Положение изменилось после революции. Почти весь 1917 год Тарле провел в Петрограде, где стал одним из ведущих публицистов газеты «День», считавшейся органом правых меньшевиков-оборонцев. В своих статьях он выступал против большевиков и планов сепаратного мира с Герма-

⁵ Грабарь В.Э. Четверть века в Тартуском (Дерптском—Юрьевском) университете // Ученые записки Тартуского гос. ун-та. 1954. Вып.35. С.55.

⁶ См.: Красный архив. 1928. Т.2(27). С.15.

⁷ См. благодарность автора в книге: Тарле Е.В. Запад и Россия. Пг., 1918. С.6.

нией и поддерживал Временное правительство⁸. После 25 октября 1917 Тарле вернулся в Юрьев. По-видимому, он был убежден в близком крахе большевистского режима и хотел дождаться его в более спокойном месте, вдали от эпицентра событий.

Однако 24 февраля 1918 Юрьев был занят немецкими войсками. Вскоре германские оккупационные власти приняли решение о закрытии русского университета и открытии с сентября 1918 немецкого Дерптского университета с новым составом профессуры и студентов. Просуществовал он, впрочем, меньше трех месяцев, так как после Ноябрьской революции в Германии немецкие войска покинули Прибалтику, была провозглашена независимость прибалтийских государств, и в Тарту в 1919 открылся эстонский университет. Русским преподавателям и студентам еще в период немецкой оккупации было предложено покинуть Дерпт и уехать в Россию. В июне 1918 Совнарком принял решение об эвакуации Юрьевского университета в Воронеж и основании на его базе Воронежского университета⁹.

В.Э.Грбарь как юрист-международник принимал активное участие в попытках отстоять перед немецкими оккупационными войсками интересы университета, а после неудачи этих попыток в июле 1918 эвакуировался с университетом в Воронеж. Е.В.Тарле, не дожидаясь эвакуации, в начале лета 1918 приехал в Петроград. С этого времени начинается наиболее интенсивный период его переписки с Грбарем. Из его писем мы узнаем, что он помогал «пробивать» эвакуацию Юрьевского университета в советских инстанциях и первоначально не исключал возможности своего переезда в Воронеж. Избрание Тарле осенью 1918 профессором всеобщей истории Петроградского университета положило конец его колебаниям.

С этого момента его письма окончательно приобретают характер «петербургской хроники времен голода и разрухи». Они дают яркую картину жизни петербургской интеллигенции в годы гражданской войны и содержат ценную информацию о настроениях самого Тарле в это время. Так, мы узнаем, что и после октября 1917 он сохранил резко отрицательное отношение к кайзеровской Германии и радовался ее поражению в мировой войне. Отношение Тарле к большевистскому режиму — глухо-отрицательное, оно как будто подразумевается само собою и выражается по большей части в сдержанно-иронических замечаниях. Наиболее резко и непосредственно он высказывается по поводу различных реформ высшей школы, которые рассматривает как ее разрушение. С большим презрением Тарле отзывался о разного рода «перебегчиках» и «попутчиках» из среды интеллигенции — от черносотенного деятеля Б.В.Никольского до известного историка М.К.Лемке. С этим связана и явно несправедливая оценка в письмах Тарле научной деятельности Лемке, большие заслуги которого в изучении русской истории XIX в. отрицать невозможно. Вместе с тем Тарле активно участвовал в организации Исто-

⁸ См.: Каганович Б.С. Е.В.Тарле и петербургская школа историков. СПб., 1995. С.22-25.

⁹ См.: История Тартуского университета. 1632-1982. Тарту, 1982. С.166-167.

рического архива в Петрограде и очень уважительно отзывался о Д.Б.Рязанове. Наконец, из писем Е.В.Тарле мы много узнаем о его научных замыслах и планах в эти годы, которые осуществились лишь частично.

Летом 1919 В.Э.Грабарь с женой покинули Воронеж, обстановка в котором стала, по-видимому, невыносимой, и уехали в Адлер, где у семьи с дореволюционных времен был дом, построенный по проекту И.Э.Грабаря¹⁰. В хаосе гражданской войны следы В.Э. на время затерялись, чем и объясняется полуторагодовой перерыв в его переписке с Е.В.Тарле (1919-1920). В 1922 В.Э.Грабарь с семьей переехал в Москву, где стал профессором международного права Московского университета и юрисконсультom Наркомата внешней торговли. В 1923 в качестве эксперта советской делегации он принимал участие в Лозаннской конференции. Приблизительно с этого времени меняется стиль его переписки с Тарле. Письма становятся более редкими и утрачивают характер подробных повествований. Е.В.Тарле в 1920-е довольно часто бывал в Москве и встречался с Грабарем, который, возможно, оказывал ему какую-то практическую помощь (в частности, в устройстве зарубежных поездок) благодаря своей работе в Наркоминделе. При этом В.Э.Грабарь, использовавшийся как «буржуазный специалист», по своему умственному складу и образу жизни оставался глубоко не советским человеком.

Финалом многолетней переписки явились два письма Е.В.Тарле 1934 года, к которым В.Э.Грабарь приложил копию своего ответа на первое из них. Как известно, в январе 1930 Тарле был арестован по так называемому «Академическому делу» и после полутора лет пребывания под следствием в ленинградской тюрьме был выслан в Алма-Ату и исключен из Академии наук¹¹. В Ленинград он вернулся в конце декабря 1932, проведя перед этим почти три месяца в Москве, где узнал о помиловании и пытался добиться своей реабилитации¹². К Грабарям он не зашел и фактически порвал отношения с ними, о чем объявил в письме от 24 марта 1934. Подлинные причины разрыва остаются не вполне ясными. Едва ли они исчерпывались обидевшим его разговором с М.Е.Грабарь-Пассек, о котором он упоминает в письме. Несомненно одно: разрыв был связан с «Академическим делом», все обстоятельства и отражения которого остаются не до конца известными.

Позднее, однако, отношения Тарле с Грабарями, по-видимому, в какой-то форме восстановились, хотя и не достигли прежней близости. Об этом свидетельствуют два упоминания в письмах В.Э.Грабаря к его другу академику Д.М.Петрушевскому. 4 августа 1942 Грабарь сообщал ему из Москвы в Казань: «Видел здесь Тарле, его и ее»¹³. 3 сентября 1942 он писал Петрушевскому: «Прошу Вас сообщить Е.В.Тарле, что его приятельница Нина Васильевна Воскресенская неожиданно скончалась неделю тому назад»¹⁴.

¹⁰ См.: Грабарь И.Э. Письма. 1917-1941. М., 1977. С.33-34, 298.

¹¹ См., в частности: Академическое дело 1929-1931 гг. Вып.1. СПб., 1993.

¹² Каганович Б.С. Указ. соч. С.47-54.

¹³ Архив РАН. Ф.493. Оп.3. Д.13.

¹⁴ Там же. Л.14.

Письма Е. В. Тарле к В. Э. Грабарю печатаются по автографам, хранящимся в Отделе рукописей Российской Государственной библиотеки (Ф. 376. Карт. 11. Д. 37). Из общего числа писем (34) нами отобраны наиболее важные и интересные. Сокращения сделаны за счет повторов, некоторых мелких бытовых деталей и конвенциональных формул. В комментариях, не останавливаясь на общих характеристиках эпохи, мы попытались воссоздать ближайшие контексты, необходимые для правильного понимания публикуемых документов.

1. Е. В. Тарле — В. Э. Грабарю

19 июля 1918. Пг.

Дорогой Владимир Эммануилович,

Наконец удалось отправить поезд¹ /.../ Когда я приехал, обнаружилось, что решительно *ничего* не сделано ни в Москве, ни в Питере — никто понятия не имел, что мы ждем поезда, что мы еще там, что мы вообще уезжаем и т. д. Очевидно, доселе ваши посланцы (вроде Северова) приходили, спрашивали — и уходили. А нужно было с утра до вечера долбить, кричать, просить, скандалить в газетах /.../ Это уже была любезность лично меня знающего Луначарского², что он согласился при мне же телеграфировать в Комиссариат путей сообщения Нагловскому³ и приказал еще написать бумагу туда же /.../ Словом, сидеть бы Вам еще месяцев пять на сундуках, если бы я не был тут, «у подъездов судов и палат» /.../ У нас хорошего немного. Голодать не голодаем, но стоит сие немало: нам с Ольгой Григорьевной⁴ обходится пища (чай, завтрак, обед, вечерний чай) больше 50 руб. *в сутки*. Другие расходы в том же стиле. Мы живем в том же доме, где сестра — над ее квартирой сняли еще две комнаты, и жена их омеблировала уже /.../ Я теперь член двух редакций: «Былого» и «Мировой политики» и в качестве такового категорически требую от Вас статей! /.../

Привет бывшей попечительнице⁵ и Александре Валентиновне⁶, а также Яковенко, Сент-Илерам, милым Воскресенским и Кудрявским, Тарасенко⁷. Если здесь к сентябрю станет очень уж холерно и хлеб начисто исчезнет, я брошу тут всё и мы поедем в Воронеж. Пишите, как устроились в Воронеже /.../

Ваш Евг. Тарле

¹ Речь идет об эвакуации Юрьевского университета в Воронеж.

² С. А. В. Луначарским Е. В. Тарле был знаком по Киеву конца 1890-х гг.

³ Александр Дмитриевич *Нагловский* (1885-1944?) — инженер путей сообщения. В 1918 — комиссар Петроградского округа путей сообщения. Впоследствии — невозвращенец, мемуарист. Умер в Париже.

⁴ *Ольга Григорьевна* Тарле (урожд. Михайлова, 1874-1955) — жена Е.В.Тарле.

⁵ Имеется в виду жена В.Э.Грабаря Мария Евгеньевна Грабарь-Пассек (1893-1975), филолог-классик, впоследствии профессор и сотрудник Института мировой литературы в Москве. В 1917 при Временном правительстве В.Э.Грабарь в течение нескольких месяцев был попечителем Рижского учебного округа.

⁶ *Александра Валентиновна* Пассек (урожд. Амфитеатрова) — мать М.Е.Грабарь-Пассек.

⁷ Профессора Юрьевского университета византинист Петр Александрович *Яковенко* (1879-1920), зоолог Константин Карлович *Сент-Илер* (1866-1941), языковед Дмитрий Николаевич *Кудрявский* (1867-1920), минералог Василий Ефимович *Тарасенко* (1859-1926). *Воскресенские* — семья, дружившая с Тарле в Юрьеве.

2. Е.В.Тарле — В.Э.Грабарю

8 сентября 1918. Пг.

/.../ Передайте Регелю¹, приславшему мне запрос, что я остаюсь профессором Воронежского университета и приеду, когда начнется учение, а оно начнется по декрету не раньше октября /.../ Здесь становится довольно нестерпимо во всех отношениях. Уж если я, влюбленный в Петербург, говорю это, поверьте, что имею основание /.../

¹ Василий (Вильгельм) Эдуардович *Регель* (1857-1932) — византинист и славист, в 1913-1918 — профессор Юрьевского университета, в 1918-1925 — профессор и ректор Воронежского университета. Судя по письмам, Тарле относился к нему без особой симпатии.

3. Е.В.Тарле — В.Э.Грабарю

19 октября 1918. Пг.

Дорогой Владимир Эммануилович,

Ваше письмо покончило с моими колебаниями: в Воронеж я не поеду и подаю в отставку. Ваше письмо совпало с приглашением в сверхштатные профессора Петроградского университета (формально заявление уже сделано Кареевым, Гревсом, Карсавиным и

Пресняковым¹, и выборы состоятся будто бы в ближайшее время; Э.Д.Гримм² — в Киеве и не вернется зимою, так что мне придется все тяготы по кафедре взять на себя, если меня выберут, теперь же, в этом семестре). Во всяком случае, из Вашего письма я убедился, что работать в Воронеже в этом году нельзя³, так что даже независимо от моих петербургских дел — туда не поеду. Если б еще во главе университета стоял не г-н Регель, было бы больше аппетита туда отправиться, а при нем и под его «начальством» устраивать университет никакого желания не чувствую. Я посылаю свою отставку не на его имя, а на имя декана историко-филологического факультета, а сверх того, т.к. почта неаккуратна, — то *формально* уполномочиваю Вас, дорогой Владимир Эммануилович, заявить декану и ректору (когда таковой будет избран) — что я прошу об увольнении меня от должности ординарного профессора Воронежского университета.

Жаль мне, что не придется быть с Вами, с дядей⁴, с Яковенко — но ничего не поделаешь. А знаете: быть Вам всем в... Юрьеве! Немцы еще быстрее, чем я надеялся, легли на брюхо и завопили о пощаде. Если даже Эстония будет самостоятельной, все равно им своего университета не создать, обратятся к вам, в Воронеж.

На днях вечером собралась у меня юрьевская компания: М.А.Дьяконов, М.Я.Пергамент, Дав.Д.Гримм⁵ и вспоминали о Вас /.../ Здесь, впрочем, пока все погано. Хлеб — 14 руб. фунт /.../ Напрасно также Вы думаете, что у нас уже прекратились интересные опыты нового строительства: напротив, давно уже не замечалось в этой области такого оживления, как ныне...

Вообще же — *cogito ergo sum*⁶ — хотя время от времени все ощущаешь себя: действительно ли *sum*⁷ или, собственно, *fui*⁸? /.../

Еще раз сердечный привет Вам обоим. Пишите!

Ваш Е.Тарле

P.S. Приехали знакомые из Киева и говорят, что добрейший Михаил Павлович⁹ вне себя от страха вследствие поворота, который принимает мировая политика; что его и его соратников в Киеве — увы! никто не уважает и все ругательски ругают; Игоря же Кистяковского¹⁰ просто считают проходимцем. Добрейший Михаил Павлович старательно составлял (с трудом, с борьбою, с оппозициею!) штаты «державного сената» и назначил будто первоприсутствующему жалованье в 34 000 «карбованців». И, представьте, как мефистофельски обошлась с ним судьба: штаты эти — утверждены, а на место первоприсутствующего выбрали не его, а Василенко¹¹! Прямо — трагедия в 1500 метрах, как говорят в кинематографистах! Курьезно, что и Богдан Кистяковский¹² пустил-

ся в политику; похваливает брата своего Игоря и вообще болтает много глупостей (он, впрочем, давно уже это делал, хотя кадеты и произвели его авансом в Иеринги¹³). Вообще же в Киеве идет невообразимое рванье казенных кусков, пирогов, окладов etc., спекуляция и многообразное жульничество. Как, верно, тяжело в такой атмосфере такому идеалисту, как Михаил Павлович! Он, говорят, после истории с первоприсутствующим — отошел от суеты и скорбно наблюдает со стороны (ср. Паскаля и Марка Аврелия).
Пишите же!

¹ Николай Иванович *Кареев* (1850-1931), Иван Михайлович *Гревс* (1860-1929), Лев Платонович *Карсавин* (1882-1952), Андрей Евгеньевич *Пресняков* (1870-1929) — историки, профессора Петербургского ун-та.

² Эрвин Давидович *Гримм* (1870-1940) — профессор новой истории и ректор (в 1911-1918) Петербургского университета. В 1918-1920 — участник Белого движения на юге России, затем эмигрировал в Болгарию, где стал одним из организаторов «Союза возвращенцев». В 1923 вернулся в СССР, до конца 1920-х жил в Москве и занимался изданием дипломатических документов конца XIX — начала XX в. После нескольких арестов психически заболел. Умер в Ленинграде в квартире проф. Б.А.Романова, который взял его из психиатрической больницы.

³ Ср. письмо И.Э.Грабаря к брату от 16 сент. 1918: «Незавидную картину Вашего житья-бытья в Воронеже ты нарисовал. Насчет грязи это пустое: кто знает русские города, городки и городишки — тому грязь не вновь и даже — не будь ее — чего-то как будто и не хватало бы! Но белье стирать — это точно совсем не профессорское занятие... Я все-таки полагаю, что тебе надо бы перебраться в Москву» (Грабарь И.Э. Письма 1917-1941. Указ. изд. С.20-21). Вероятно, такие же картины воронежского быта В.Э.Грабарь рисовал в письмах к Е.В.Тарле.

⁴ По-видимому, имеется в виду Д.Н.Кудрявский.

⁵ Михаил Александрович *Дьяконов* (1855-1919) — историк русского права, профессор Юрьевского ун-та в 1889-1904, позднее академик и профессор в Петербурге; Михаил Яковлевич *Пергамент* (1866-1931) — юрист, профессор Юрьевского ун-та в 1903-1906, позднее профессор в Петербурге, близкий друг В.Э.Грабаря; *Давид* Давидович *Гримм* (1864-1941) — юрист, доцент Юрьевского ун-та в 1890-е, позднее профессор римского права Петербургского ун-та. После 1920 в эмиграции. Все трое были кадетами.

⁶ *Cogito ergo sum* — Мыслю, следовательно, существую (лат.).

⁷ *sum* — существую (лат.).

⁸ *fui* — существовал (лат.).

⁹ Имеется в виду Михаил Павлович Чубинский (1871-?) — профессор уголовного права Киевского, Юрьевского и Петербургского университе-

тов. В 1918 министр юстиции в правительстве Скоропадского. По окончании гражданской войны в эмиграции в Югославии. Коллега по правительству характеризует его как «властного, хитрого, умного, по существу, беспринципного человека» (Зеньковский В.В. Пять месяцев у власти. М., 1995. С.56).

¹⁰ Игорь Александрович *Кистяковский* (1876-1940) — до революции московский адвокат, кадет. В 1918 — министр внутренних дел в правительстве Скоропадского. Умер в эмиграции в Париже.

¹¹ Николай Прокофьевич *Василенко* (1866-1935) — украинский историк, кадет, старый знакомый Тарле. В 1918 — министр народного просвещения в правительстве Скоропадского. В 1921 — президент ВУАН. Умер в Киеве.

¹² *Богдан* Александрович *Кистяковский* (1868-1920) — теоретик права и социолог, профессор в Москве, в 1917-1920 — в Киеве.

¹³ Рудольф фон *Иеринг* (1818-1892) — немецкий теоретик права.

4. Е.В.Тарле — В.Э.Грбарю, Д.Н.Кудрявскому и
П.А.Яковенко

31 октября 1918. Пг.

Дорогие Владимир Эммануилович, Дмитрий Николаевич
и Петр Александрович!

Обращаюсь к Вам с челобитной: Гр.Эд.Зенгер¹ умирает от голода, в буквальном смысле слова, у него от голода — головокружения. Все его средства — жалованье, получаемое в Публичной библиотеке: он там помощник библиотекаря. Он жаждет попасть в Воронеж на кафедру; он доктор классической филологии и *argès tout*² порядочный человек — смиренный, коллегияльный и все еще, несмотря на ужасающие условия, продолжающий работать. Спасите его!

Был у меня на днях Б.В.Никольский³. Он с жаром относится к Воронежу, шеголяет в какой-то чудаковатой папаше, которая, однако, видимо, производит на него отраднейшее впечатление. Мои выборы в университете состоялись, скоро, кажется, будет и совет. Если пройду и там, начну теперь же читать чуть ли не 8 часов в неделю (Гримма до сих пор нет). В факультете мое дело прошло очень хорошо, с комплиментами /.../

Устройте же Зенгера, много грехов за это на том свете простится! Адрес его: 14 линия, 47. Петроград, Васильевский остров. Да и я его вижу часто.

¹ Григорий Эдуардович *Зенгер* (1853-1919) — филолог-классик, профессор Варшавского университета. В 1902-1904 — министр народного

просвещения. Отец известной пушкинистки Т.Г.Цявловской. Е.В.Тарле, отстраненный от преподавания по политическим причинам, был обязан ему возвращением в университет (1903).

² прежде всего (*фр.*).

³ Борис Владимирович *Никольский* (1870-1919) — юрист и литератор, один из активистов «Союза русского народа» и «Русского собрания». В 1913 министром народного просвещения Л.А.Кассо был назначен профессором римского права Юрьевского университета.

5. Е.В.Тарле — В.Э.Грабарю

[Ноябрь—декабрь 1918]

Дорогой Владимир Эммануилович,

Спасибо за весточку. Ваши письма с жадностью ожидаются всем кругом Ваших здешних друзей, и я им даю краткие реляции о Вашем воронежском житье-бытье. Спасибо и за Зенгера. Старик так изголодался и измаялся, что как-то уже не верит, что выдержит переезд и переселение и все интересуется, дадут ли ему подъемные, без которых он не сможет тронуться в путь. Я ему дал Ваш адрес, и он Вам пишет.

Боря почел долгом побывать у меня после Воронежа: он в какой-то молодежато-современной папаше, в высоких сапогах и, видимо, в упоении от своих нынешних успехов¹.

I fear that the poor fellow
is a definitely scoundrel!²

/.../ У Мих. Яковл-ча была временная неприятность, продолжавшаяся, впрочем, всего 2 дня³. Теперь он дома. Вообще жить здесь более занятно, чем весело /.../

¹ Опубликованные недавно материалы показывают, что в 1918 Б.В.Никольский, оставаясь монархистом и шовинистом, положительно оценивал деятельность большевиков, усматривая в установлении ими твердой власти и даже в терроре — основу для будущего национального возрождения России. См.: Монархист и Советы: Письма Б.В.Никольского к Б.А.Садовскому / Публ. С.В.Шумихина // Звенья. Вып.2. М., 1992. С.340-377. В 1919 Никольский был расстрелян в Петрограде по обвинению в участии в контрреволюционном заговоре.

² Боюсь, что бедный малый — определенно негодяй (*англ.*).

³ Речь идет о М.Я.Пергаменте. Имеются в виду аресты видных кадетов осенью 1918.

1 января 1919. Пг.

Дорогой Владимир Эммануилович,

Позвольте узнать, на каком основании Вы не отвечаете на письма?! Пишу Вам прежде всего, чтобы Вы мотивировали этот Ваш поступок — а затем, чтобы поздравить Вас с Новым годом, который, надо надеяться, не будет таким мерзавцем, каким оказался его предшественник. Впрочем, это я ругаюсь не совсем искренно: 1918 год принес с собой разрушение Германской империи и гибель Вильгельма и уж за это одно — все остальные грехи да будут ему (1918 г.) отпущены! Перетакали все-таки гогенцоллернского паршивца vom Gottes Gnaden¹! Я лично согласен еще и еще претерпеть, утешаясь тем, что это царство самохвальных сосисок наконец растоптано.

Кстати: что-то там поделявают наши юрьевские «коллеги»? Помните Дегио²: «Ваша дорога лежит на восток, а моя дорога лежит на запад!» Куда-то теперь направится этот пилигрим? Я тут разыскивал изо всех сил «Dorpater Zeitung» за дни между отпадением Болгарии от союза и общим германским Zusammenbruch'ом³ — но увы! не мог тут достать. Хотелось почитать, как *ныне* бряцает на своей лире тот юрьевский педагог (Süssmilch, или Sauerbrod, или Salzkraut⁴ — не помню точно), который писал 28 февраля: «Sie nahen, sie nahen, Iorbeerum Krönt!»⁵ «Так кончился пир их бедою!» Даже «доктор Эрнст Зерафим»⁶ не все предвидел! Как намерен поступить теперь Ваш университет? Хотите ли Вы остаться в Воронеже или переехать в Юрьев? Я на Вашем месте вернулся бы в Юрьев — но Вам виднее.

Здесь говорят, будто там теперь новый порядок, дешевые припасы и что там эстонская интеллигенция *мечтает*, чтобы вы все поскорее вернулись в Юрьев и начали чтение лекций, и что жизнь будто бы там вполне налажена, есть квартиры, хлеб etc. etc. Насколько все это верно, не знаю, но так говорят вернувшиеся сюда офицеры и врачи Красной армии. Cum grano salis⁷ — но все же примите и эти слухи к сведению.

Мы, грешные, процветаем по-прежнему: мне как профессору выдают фунт... овса в день, но я пока еще не ржу от удовольствия, ибо не привык к новому столу (чуть не написал: к новому стойлу) /.../

Печатаю небольшую книжку (4 лекции о Национальном архиве, его истории и организации, читанных мною этой осенью в Археологическом институте на курсах архивных деятелей, устроенных С.Ф.Платоновым⁸. Пришлю Вам весь том, где кроме моих

лекций будут лекции Лаппо-Данилевского, Церетели, Тураева⁹, Дьяконова etc., читали многие).

Теперь принимаю участие в посильном спасении архивов, имеющих значение для экономической истории, от гибели и по просьбе Платонова принимаю участие в организации экономической секции Гос. архивов. Удалось перевезти Таможенный архив из места на Биржевой линии, где он от воды погибал, в другое (в Департамент герольдии в Сенате), и там я его сушу /.../ К счастью, Платонов, Пресняков, Полиевктов¹⁰ держатся очень хорошо и стойко и с ними можно много хорошего сделать. Им удалось удержать на архивной службе много превосходных старых архивистов, пополнить новыми учеными силами штаты и многое спасти. А опасности грозят буквально ежедневные: разные учреждения, вселяясь в здания, где есть архивы, проявляют склонность топить этими архивами печи — и плевать хотят на все представления, предостережения, просьбы и усилия архивного управления /.../

Очень благодарен Вам за устройство дела Зенгера. Жаль только, что старик совсем расхворался, оголодал, ослабел и ни физически, ни денежно тронуться с места не в состоянии. Его страшит дорога в Воронеж, он убежден, что не доедет живым. Не знаю, как он окончательно решит. Когда дело начиналось, он с восторгом отнесся к этому плану, а теперь, когда все удалось, он пал духом. Он с семьею днями ничего не ест и сидит в нетопленной квартире. Вообще не сладко здесь живется. Голод и холод, холод и голод. Умер Фаминцын, Г.А.Лопатин, экономист Воронцов («В.В.»)¹¹, ежедневно слышишь о новых и новых смертях от истощения. «Зима стоит еретическая», как выражался покойник протопоп Аввакум /.../

¹ Милостью Божией (нем.).

² Карл Карлович *Дегио* (1851-1927) — профессор медицины Юрьевского университета. Ректор воссозданного германскими оккупационными властями немецкого Дерптского университета.

³ Крах (нем.).

⁴ Пародии на немецкие фамилии: *Süssmilch* — «сладкое молоко»; *Sauerbrod* — «кислый хлеб»; *Salzkraut* — «соленая ботва».

⁵ «Они приближаются, они приближаются, увенчанные лавром» (нем.).

⁶ *Эрнст Зерафим* (1862 — после 1943) — прибалтийско-немецкий публицист и историк. После 1918 жил в Германии.

⁷ *Cum grano salis* — зд.: с долей сомнения (*лат.*).

⁸ См.: Тарле Е.В. Национальный архив в Париже // История архивного дела классической древности, в Западной Европе и на мусульманском Востоке. Пг., 1920. С.153-202 (Архивные курсы: Лекции, читанные в 1918 г. Т.1). Сергей Федорович *Платонов* (1860-1933) — русский историк, профессор Петербургского университета, с 1920 — академик.

⁹ Александр Сергеевич *Лаппо-Данилевский* (1863-1919) — русский историк и источниковед, академик с 1899; Григорий Филимонович *Церетели* (1870-1938) — филолог-эллинист и палеограф, один из основоположников папирологии, чл.-корр. РАН с 1917, погиб в заключении; Борис Александрович *Тураев* (1868-1920) — востоковед, египтолог, академик с 1918.

¹⁰ Михаил Александрович *Полиевктов* (1872-1942) — русский историк, приват-доцент Петербургского университета, с 1920 — профессор Тифлисского университета.

¹¹ Андрей Сергеевич *Фаминцин* (1835-1918) — ботаник, академик (с 1884); Герман Александрович *Лопатин* (1845-1918) — известный русский революционер; Василий Павлович *Воронцов* (1847-1918) — экономист и публицист, легальный народник.

7. Е.В.Тарле — В.Э.Грабарю

Пятница, 9 января [1919]

Дорогой Владимир Эммануилович,

На днях только отправил Вам длинейшее послание (помеченное 1 и 2 января), а сейчас был у нас Ющенко¹ и привез Вашу коротенькую (всё ленитесь!) карточку. Хочется еще раз Вам написать: 1) по делу и 2) вобще.

1) По делу. Старик Зенгер меня изумляет, если он Вам написал, что я «против его воли» его Вам сватал: он с бесконечным жаром, со слезами на глазах меня благодарил за предложение написать Вам о нем. Мало того: ведь частью я с ним переговаривался даже не с глазу на глаз, а через посредство И.М.Гревса, т.к. он живет на одной лестнице с Зенгером, и у него есть телефон (а у Зенгера нет), — так что у меня даже *свидетель есть* /.../ Он просто пал духом, чисто физически испугался гибели по дороге или в Воронеже, без семьи, без квартиры etc. Он так мне и объяснял и все ахал, что как мол будет неловко теперь пред воронежским советом и т.д. Очевидно, он и решил, что самое «ловкое» — свалить на меня /.../ Невольно вспоминаются слова Рошфора об Эмиле Оливье: «Оливье в своих мемуарах до сих пор так врет, как если бы он *все еще* был министром»². Беда в этом отношении с министрами! Оче-

видно, образуется привычка. И все-таки жаль старика бесконечно. Они питаются теперь так, что если г-жа Гревс³ не принесет им немного супу из конины, то голодают сутками...

2) Вобщем. Здесь и «вобщем» и в частности жизнь хоть паршивая, но занятая. Только что я вернулся с заседания, где были как представители Комиссариата (Кристи и Рязанов⁴), так и профессора (Пергамент, Кареев, Гревс, Булич, я, ректор наш А.А.Иванов, акад. Марр⁵). Вызваны были мы Рязановым по вопросу о судьбе юридического факультета. Результат: завтра Пергамент, Желобов⁶, Марр и еще два делегата экстренно выезжают с Рязановым в Москву. Вообще, кажется, обойдется. Фонды добрейшего М.А.Рейснера⁷ стоят теперь в Москве не особенно высоко; его перестали ценить (а, может быть, именно научились ценить по достоинству) даже в «Социалистической Академии» (из которой изошла первично идея уничтожения юристов). Сегодня на заседании представители Комиссариата сообщили нам также о неблагоприятном впечатлении, произведенном в Москве обзором преподавания на историко-филологическом факультете Петроградского университета, где обнаружен курс приват-доцента Струве (восточника)⁸ «О престолонаследии у египетских фараонов». Курс был свыше признан несвоевременным /.../

Вторым моментом, внесшим диссонанс в отношения между властью и высшею школою, были, как (отнюдь не *extra actu*⁹, но во время заседания) сообщил нам сегодня Д.Б.Рязанов, выборы Гидулянова¹⁰ в деканы московского юридического факультета. Оказывается, что это хуже даже фараоновского престолонаследия, ибо в избрании этого лица усмотрен некий вызов. С.К.Булич, впрочем, после заседания указал Рязанову на тот факт, что если бы декрет не произвел всех приват-доцентов в профессора, то и бывшие «кассиане» (числившиеся в приват-доцентах с марта 1917 г.) не попали бы в профессора и не могли бы выбрать Гидулянова¹¹ /.../ Между нами будет сказано, избрание Гидулянова тут *всеми* признается как акт весьма нестроумный со стороны факультета. Ведь это — пошляк, ничтожество и нахал в одно и то же время. Что там такое их укусило, что они вдруг избрали такое хамрыло? Непостижимо уму.

В общем, *gebus sic stantibus*¹², сегодняшнее заседание произвело на всех *сравнительно* благополучное впечатление. В личной порядочности и добронамеренности Рязанова здесь никто не сомневается. Но что Москва вырешит, это остается покрыто мраком неизвестности.

Рассказал нам А.И.Ющенко о похождениях Бориса Владимировича¹³. Вот ракальон¹⁴! Он даже не понимает всей карикатур-

ности своего нынешнего маскарада (как духовного, так и гарде-робного). Но его за эти подвиги в самом деле зазорно даже на порог пускать. Впрочем, он и не пытается навязать здесь продолжение своего знакомства, хотя раз и был (когда приехал из Воронежа несколько месяцев тому назад). *Sans foi, ni loi!*¹⁵ Мне казалось, что ему все же трудно будет с такою почти телеграфной быстротою вывернуть наизнанку некогда гревшую его шкуру. А он взял и вывернул. И она его продолжает греть, конечно /.../

Хорошо бы, если б русский университет все же утвердился в Юрьеве (независимо от Воронежского). Для русской культуры и для эстонского края это было бы прямо незаменимо. Но Ющенко говорит, что у вас не хотят возвращаться... Неужели старый микроцефал Мазинг¹⁶ прислал покаяние? А ведь Вы его предупреждали у окна в ректорском кабинете, что добра для него не выйдет. Зато Дегио, Ландезена, Шенберга¹⁷ etc. мне ничуть не жаль.

Еще раз сердечные наши приветы Марии Евгеньевне и всем друзьям /.../

Ваш Е.Тарле

¹ Александр Иванович Ющенко (1869-1936) — психиатр, профессор Юрьевского университета, позднее член Украинской Академии наук.

² О министре Наполеона III Э.Оливье и его мемуарах Тарле написал в 1909 статью «Неудавшийся компромисс (Эмиль Оливье о себе самом)». См.: Тарле Е.В. Сочинения. М., 1961. Т.ХI. С.286-338.

³ Гревс (урожд. Зарудная) Мария Сергеевна (1860-1942) — жена И.М.Гревса.

⁴ Михаил Петрович Кристи (1875-1956) — старый большевик, в 1918-1926 уполномоченный Главнауки в Петрограде, позднее директор Третьяковской галереи; Давид Борисович Рязанов (наст. фам. Гольдендах; 1870-1938) — социал-демократ, историк марксизма. Летом 1917 вступил в большевистскую партию, в 1918-1920 заведующий Центрархивом, в 1920-1931 — основатель и директор Института К.Маркса и Ф.Энгельса. В марте 1931 исключен из партии и сослан, в 1938 расстрелян.

⁵ Сергей Константинович Булич (1859-1921) — лингвист, профессор Петербургского университета; Александр Александрович Иванов (1867-1939) — астроном, профессор и ректор (в 1919) Петербургского университета; Николай Яковлевич Марр (1864-1934) — филолог и археолог, профессор Петербургского университета, академик (с 1909).

⁶ Сергей Александрович Жебелев (1867-1941) — историк античности, профессор Петербургского университета, академик (с 1927).

⁷ Михаил Андреевич Рейснер (1868-1928) — правовед и социолог, профессор Психоневрологического института. Один из первых приветствовал приход к власти большевиков и пытался играть роль идеолога в 1920-е.

⁸ Василий Васильевич *Струве* (1889-1965) — историк древнего Востока, профессор Петербургского-Ленинградского университета, академик (с 1935).

⁹ Зд.: в перерыве (*лат.*).

¹⁰ Павел Васильевич *Гидулянов* (1874-?) — до революции профессор церковного права Московского университета, близкий к министру Кассо. В 1920-е комментировал советское семейное право и сотрудничал в издательстве «Атенст».

¹¹ «Кассианами» («касянами») в профессорской среде называли лиц, назначенных профессорами в обход университетской автономии в 1911-1914 министром Л.А.Кассо. После Февральской революции эти назначения были отменены. С 1 октября 1918 декретом Совнаркома всем лицам, ведущим самостоятельное преподавание в высшей школе, присваивалось звание профессора.

¹² При сложившемся положении дел (*лат.*).

¹³ Б.В.Никольский. См. прим. 3 к письму 4 и прим. 1 к письму 5.

¹⁴ От франц. *gasaillé* — сброд, шваль.

¹⁵ Ни стыда, ни совести! (*фр.*).

¹⁶ Леонгард Готтхильф *Мазинг* (1845-1936) — лингвист, профессор Юрьевского, позднее Тартуского университета, по национальности эстонец.

¹⁷ К. *Дегио* (см. прим. 2 к письму 6), химик Георг *Ландезен* (1867-1937), астроном Эрих *Шенберг* (1882-1965) — профессора русского Юрьевского университета, перешедшие в основанный германскими оккупационными властями немецкий Дерптский университет.

8. Е.В.Тарле — В.Э.Грабарю

Petropolis
23 февраля 1919

Дорогой Владимир Эммануилович!

Пишите хоть углем — не то, что карандашом, но пишите! Ваше письмо шло сюда 10 дней. Все-таки прогресс сравнительно с временами Ордина-Нащокина, когда письма из Москвы в Тверь шли полтора месяца /.../

Что касается сыпного тифа, то этим Вы нам пыли в глаза не пускайте: у нас самих не только сыпной тиф, но и в сапе не ощущается недостатка. Единственное утешение — это празднование столетия нашего университета. Правда, я был в числе 9 лиц, предлагавших отложить празднование до более подходящего момента, когда общее положение страны и города будет еще более цвету-

шим, чем *даже* сейчас. Но на совете большинством 34 голосов было признано, что от добра добра не ищут, что невзирая на дефектное состояние некоторых деталей, общее положение и сейчас не препятствует возникновению праздничного настроения. Позавчера был поэтому акт, посещенный митрополитом Вениамином и комиссаром Луначарским (сидели рядом) и многочисленной публикой. Говорят (я не был на торжестве), что речь Луначарского была построена тактично и кончалась словами: «Несмотря на некоторые недоразумения, я низко кланяюсь Петроградскому университету». Празднества будут длиться три дня; одно из них будет даже в Александринском театре. Во всяком случае лекции эти дни не читаются, и меня ничто не отвлекает от дела, в которое я погружился по уши.

Я нашел в Таможенном архиве 23 связки с делами о торговом мореплавании, а также об арестах и конфискациях иностранных судов, приходивших в русские воды в эпоху Наполеона I при Континентальной блокаде — и поглощен всецело разбором этих документов, о существовании коих я давно догадывался по некоторым беглым данным, найденным мною еще в Парижском архиве. Может быть, выйдет из всего этого новый том «Блокады» со временем¹.

Сверх того читал интереснейшую толстую книгу Stawell'a (о возникновении войны 1914 г.) и еще более интересную Kattinger'a 2 тома о Бисмарке. Сверх сего систематически читаю теперь Барсукова («Жизнь Погодина»)². Уже прочел 6 томов, а их 22, так что еще хватит! Читаю я сие творение уже ложась в постель, на сон грядущий. И знаете? Действует вроде Kali bromati, вполне успокоительно /.../ Любопытно, что при всей своей хамоватости, размахистости, грубости, примитивности, при всей близости своих историко-философских воззрений и заданий к Геродоту и к «Бове Королевичу» Погодин был *бесспорно* умен и тонок. Я прямо ахнул, когда прочел его вещие слова: «Никогда немец не напишет хорошей истории французской революции». Это до гениальности верное пророчество (ибо впоследствии и Зибель, и Адальберт Валь, и Гейссер, и Блосс только саботировали историю французской революции). Кроме всех этих дел, читаю вышедшую в 1917 г. хорошую диссертацию Зазерского «Алексей Михайлович в своем хозяйстве»³.

Но всеми этими и прочими книгами я балуюсь лишь поздно вечером, а вот что меня злит серьезно, ибо лишает драгоценных дневных часов, нужных для архива, — это лекции! Убийственно не хочется их читать в этом году! И не только потому, что омерзительно трудно оторваться от бумажек Таможенного архива, но

и потому, что нет настроения к чтению. Всю мою жизнь лекции были для меня удовольствием, а теперь — труд и тягота! И слушатели какие-то истомленные /.../ Ясно, что им не лекции слушать, а поесть хочется. А ты тут разливайся пред ними соловьем /.../

Р.С. На похоронах Лаппо-Данилевского я встретился с Гурвичем⁴, учеником Федора Васильевича⁵, приехавшим из Екатеринослава, где обретается Федор Васильевич, один, без семьи (семья в Харькове). Очень все там неважно и нехорошо. Екатеринослав некоторое время был в руках чисто уголовной шайки Махно, так что когда большевики наконец заняли город и прогнали махновцев, то это было принято как спасение. Харьков от Екатеринослава отрезан, Федор Васильевич беспокоится о семье etc.

А.С.Лаппо-Данилевский умер больше от истощения, чем от нарыва.

¹ Третий том «Континентальной блокады» написан Е.В.Тарле не был.

² Имеется в виду многотомное издание Н.П.Барсукова «Жизнь и труды М.П.Погодина» (СПб., 1888-1910. Кн.1-22). Михаил Петрович Погодин (1800-1875) — русский историк и литератор, идеолог «официальной народности».

³ Речь идет о книге А.И.Заозерского «Царь Алексей Михайлович в своем хозяйстве» (Пг., 1917). Тарле неправильно пишет его фамилию «Зазерский». См. о нем прим. 1 к письму 10.

⁴ Георгий Давыдович Гурвич (1894-1965) — теоретик права и социолог, выпускник Юрьевского университета. После революции в эмиграции, с 1948 профессор Сорбонны.

⁵ Федор Васильевич Тарановский (1875-1936) — профессор истории русского права Юрьевского университета. В 1918-1920 жил на Украине. С 1920 в эмиграции, профессор Белградского университета.

9. Е.В.Тарле — В.Э.Грабарю

22 марта 1919

/.../ У нас тут все пока идет по-старому. Не то, чтобы благополучно, а так, на любителя. По-прежнему, наш быт характеризуется немецким стихом: «Sie assen nichts, sie tranken nichts, sie wubten van der Liebe nichts»¹. Впрочем, лекции еще читаем. Средоточие профессорской жизни теперь — столовая на Высших Женских курсах. Там пьем чай и размышляем о суете /.../

¹ «Они ничего не ели, они ничего не пили, они и не помышляли о любви» (нем.).

10. Е.В.Тарле — В.Э.Грбарю

5 апреля 1919

Дорогой Владимир Эммануилович.

Спасибо за весточку и спешу отписать Вам. Прежде всего о делах. Опять сватаю, на сей раз с предосторожностями, т.е. делаю лишь предварительный запрос.

Здесь есть Александр Иванович Зазерский, приват-доцент нашего университета и профессор Высших Женских курсов, автор очень дельной диссертации о хозяйстве царя Алексея Михайловича. Его тут ценят и уважают. Человек он очень мягкий, порядочный, сдержанный, коллегияльный, жизнью не избалованный (кончил семинарию и духовную академию и должен был за стипендию отзвонить преподаванием 8 лет где-то у черта на куличках, после чего пошел в университет, блестяще его окончил, написал диссертацию, получил магистра etc.)¹. С.Ф.Платонов сказал мне, что он очень знающий, дельный историк и идеальный — в частности — руководитель семинариев /.../ Так вот, Зазерский хотел бы попасть к Вам в Воронеж, буде у Вас наконец открылась еще одна кафедра по русской истории /.../

М.К.Лемке² подал еще в октябре к нам в факультет о желании быть преподавателем, тут же простодушно сообщивши декану Жебелеву, что это, мол, ему нужно лишь как переходная ступень к ординатуре (освободившейся после смерти Шляпкина³). Хотя он окончил лишь юнкерское училище и нигде никогда больше не был, но ныне, с падением цеховых перегородок и кастовой узости, не окончание университетского курса есть скорее плюс, нежели минус, ибо указывает на наличие свежести ума и непосредственности дарования. Была избрана комиссия (Шахматов, Петров⁴ etc.) и в последнюю субботу на заседании выслушано ее заключение. Выводы ее: а) Лемке не написал не только ни единого исследования, но и ни единой наукообразной статьи; б) сырые материалы (о николаевских жандармах etc.), которые он печатал, он путал, сокращал, неверно читал, нелепо понимал и пользоваться ими нельзя; в) в частности, он сильно и непоправимо изгадил издание Герцена; д) ни одного языка он не знает и писателя Oehlenschläger'a он переводит «маслобойка» (Oel и schlagen), не подозревая, что это собственное имя; е) один из членов комиссии выразился так: «Л[емке] — человек *на редкость* необразованный», что и доказал весьма

обильными аргументами. Последовала баллотировка, давшая 11 белых и 22 черных шаров (у нас приват-доценты принимают тоже участие в голосовании).

Все это — увертюра. Самая же опера дальше. Лемке* категорически заявил, что он этого дела так не оставит, что он «эту кадетскую (sic) компанию взорвет на воздух», что он уже предпринял шаги у... предержавших. И в самом деле что-то там мостит. Мужественное вступление на эту стезю тем более требовало от него присутствия духа, что в свое время он вошел в доверие к М.М.Стасюлевичу⁵, отнюдь не покушаясь взрывать кадетов на воздух. Он так подошел к покойнику умеренностью взглядов, что тот даже назначил его управляющим своею типографией, где рабочие — кстати замечу — частенько против него, Лемке, бастовали в старые годы и, говорят, бастовали не без основания. Факультет с любопытством ждет дальнейшего развития эпопеи /.../

Уже кончаю 13-й том Барсукова, осталось еще 8. Что я без него, родименького, в часы бессонницы буду делать — не знаю. Я уже привык к этому болвану (а сам Погодин все-таки умен). Знаете, только два таких случая и было в истории всей мировой литературы: Bosswel, Life of Samuel Johnson⁶ и Барсуков. О Босвелле Маколей⁷ верно сказал: «Дурак написал о второстепенном литераторе (Джонсоне) — а книга вышла такая, что без нее не обидеешь». Так точно и наш Барсуков со своим Погодиным /.../

Очень рад за Вас, что Вас делают членом Киевской Академии. Есть приют на случай, если в Воронеже Вам покажется очень уж трудно. Я бы на Вашем месте все же без прямой необходимости в Киев не поехал бы. Из Питера дело иное. Но самое Ваше избрание — приятно, как всякий заслуженный почет⁸ /.../

¹ Александр Иванович Заозерский (1874-1941) — русский историк, сын сельского священника из Ярославской губернии. Окончил Петербургский университет в 1910, с 1913 приват-доцент, после революции до 1923 профессор этого университета, затем сотрудник БАН. Вместе с Тарле, Платоновым и другими историками проходил по «Академическому делу» 1929-1931 гг. Характеристики Заозерского, содержащиеся в показаниях Тарле, свидетельствуют о его симпатии к нему. По освобождению в середине 1930-х А.И.Заозерский жил и умер в своей родной деревне, время от времени наезжая в Москву.

² Михаил Константинович Лемке (1872-1923) — историк русской общественной мысли, цензуры и революционного движения XIX в., автор

* По натуре нахал 96 1/2 пробы; на 1/2 доли больше Борьки Ник[ольского], как это ни невероятно; я его знаю давно. — Прим. Е.В.Тарле.

ценных трудов. Неприязнь либеральной интеллигенции Лемке, сразу же признавший советскую власть, вызвал своими печатавшимися под разными псевдонимами статьями, в которых он обличал аполитизм высшей школы и призывал пресечь антисоветскую деятельность старых профессоров.

³ Илья Александрович *Шляпкин* (1858-1918) — историк древнерусской литературы, профессор Петербургского университета. Член-корр. АН с 1907.

⁴ Алексей Александрович *Шахматов* (1864-1920) — филолог, профессор Петербургского университета, академик (с 1894); Дмитрий Константинович *Петров* (1872-1925) — филолог-романист, профессор Петербургского университета.

⁵ Михаил Матвеевич *Стасюлевич* (1826-1911) — русский историк и общественный деятель, в 1866-1908 — редактор-издатель либерального журнала «Вестник Европы».

⁶ Книга Дж. *Босуэлла* «Жизнь Сэмюэля Джонсона» впервые вышла в 1792. Сэмюэль *Джонсон* (1709-1784) — английский литератор.

⁷ Томас *Маколей* (1800-1859) — английский историк и политический деятель.

⁸ «С 1924 по 1927 г. В.Э.Грбарь состоял членом Украинской Академии наук, откуда устраняется врагом народа Скрыпником как "москво-фил", — сообщал в 1949 на характерном языке того времени В.Н.Дурденевский (Указ. соч. С.116).

11. Е.В.Тарле — В.Э.Грбарю

1 июня 1919

/.../ Вопрос о Зазерском с очереди снят: 1) его выбрали в Костромской университет и 2) он получил хорошее место в Питере, так что у него *embarras de richesses*¹. Дело прошлое, но я несколько удивлен, что Лаппо² выдумал Грекова³, чтобы воспрепятствовать Зазерскому: ведь он знал наперед, что Греков не поедет в Воронеж! Ив[ан] Ив[анови]ч думает о себе, что он великий хитрец перед Господом, а на самом деле все его макиавеллизмы так же тонки, как кокетство царевококшайской поповны 43 лет от роду /.../ Работа в архиве меня очень увлекает, но она требует еще очень много усилий. Документы таковы, что их надо сильно допрашивать. Если у меня хватит уменья, то получится не работа, а прямо конфетка, но еще посидеть придется /.../ У Мих. Як-ча⁴ была маленькая неприятность, как и у Серг. Фед-ча Платонова, но все быстро уладилось /.../ Читаю теперь дельбрюковские «*Preußische Jahrbücher*» за 1915-1917 гг.⁵ Занятно он толкует о необходимости

взыскать с Антанты «суровую контрибуцию», [слово ирзб. — Б.К.] снисходительно о предстоящем разгроме Франции, говорит о «великом, победоносном императоре Вильгельме II». А еще историк! Чтение сейчас для моего голленцорнофобского [так! — Б.К.] сердца приятное. И еще читаю только что вышедшую занятную книгу Жебелева «Евангелия канонические и апокрифические»⁶ /.../

¹ Затруднение от избытка (*фр.*).

² Иван Иванович *Ланно* (1869-1944) — историк-славист, в 1905-1918 профессор Юрьевского университета, после гражданской войны в эмиграции в Праге и Каунасе.

³ Борис Дмитриевич *Греков* (1882-1953) — историк, академик (с 1935), директор Института истории АН СССР (с 1937). В 1919 был профессором Таврического университета в Крыму.

⁴ М.Я.Пергамент. Ср. прим. 3 к письму 5.

⁵ Ганс *Дельбрюк* (1848-1929) — немецкий историк консервативно-либерального направления, издатель журнала «*Preußische Jahrbücher*».

⁶ Речь идет о книге: Жебелев С.А. Евангелия канонические и апокрифические. Пг., 1919.

12. Е.В.Тарле — В.Э.Грбарю

25 июля [1919]

/.../ Мы живем в Лесном, где проводим лето. Пока лично мы благополучны. Сливаем университеты, соединяем факультеты, освежаем программы и вообще творим новую жизнь, как блистательно выражается Гойхбарг¹ /.../ Мих. Як-ч тоже пока благополучен, Дав. Дав-ч² тоже (хотя сильно исхудал). Дьяконов долго и нехорошо болен плевритом, Ольденбург³ и Гревс здравствуют. Зенгер, говорят, умер от голода. Воронеж был для него единственным якорем спасения... Я копаюсь по-прежнему в архивных бумажках и вместе с тем сильно размышляю на тему одной книжки (небольшой по размерам, труднейшей по исполнению, историко-обобщительного и философизирующего типа), которая, если бы удалась, то могла бы быть названа (в скромное подражание Иммануилу Канту) так: «*Prolegomena ko всякому будущему исследованию о возникновении, развитии и гибели Германской империи*»⁴. Но так как она не удастся (настолько, насколько я хочу), то назову ее потише и невзрачнее /.../

¹ Александр Григорьевич *Гойхбарг* (1883-1962) — юрист, в прошлом меньшевик, после революции вступил в РКП(б), играл активную роль в разработке советского законодательства в 1920-е.

² М.Я.Пергамент, Д.Д.Гримм.

³ Сергей Федорович *Ольденбург* (1863-1934) — востоковед, академик (с 1900), непреременный секретарь Академии наук в 1904-1929. До революции кадет.

⁴ Обыгрывается название работы И.Канта «Пролегомены ко всякой будущей метафизике». Задуманная работа Тарле написана не была. Вероятно, некоторые его мысли на эту тему выражены в статье «Три катастрофы: Вестфальский мир. Тильзитский мир. Версальский мир» (Анналы. 1922. №2. С.59-94).

13. Е.В.Тарле — В.Э.Грбарю

Вторник, 12 августа [1919]

Дорогой Владимир Эммануилович,

Даю Вам последнюю, может быть, весточку, увы, печальную. Вчера умер в больнице М.А.Дьяконов (воспаление легких с плевритом, оказался гнойник, болел долго и трудно). Мы пока живы. *Vivat sequens*¹. Живем по-прежнему (были на даче в Лесном). А.Ф.Кони² и меня пригласили в лекторы профессионального железнодорожного союза, посулили приравнять к смазчикам (в смысле «пайка»), я пока воздержался, Кони взял. Работаю по-прежнему над архивными бумажками /.../.

¹ Блажен следующий! (*лат.*)

² Анатолий Федорович *Кони* (1844-1927) — юрист и литератор, почетный академик (с 1900).

14. Е.В.Тарле — В.Э.Грбарю

21 апреля 1921

Милый и дорогой Владимир Эммануилович,

Прослышал я, что вы меня сильно и яростно ругаете в письмах к Мих. Як-чу за молчание и другие пороки. Готовьтесь же со слезами раскаться: я Вам написал еще в январе и ответа от Вас не получил /.../ Кроме карбункула, развлечений у меня тут не особенно много. Стал сильно пачкать бумагу, чего со мною уже давно не было: 1) Выискал очень интересные и никому не известные рукописные донесения курляндских дипломатов из Парижа о

Фронде (1648-49 гг.) и из Лондона об английской революции, казни Карла I etc. 17-й век! /.../ И теперь пишу книжку о Фронде и ее историческом значении¹. 2) Написал большой в 1 1/4 листа некролог о Теодоре Шимане, умершем 27 января 1921 г. в Берлине². У нас тут издается журнальце в 55 листов исторический «Дела и дни» (своя редакция и свои сотрудники, журнал очень порядочный и интересный). 3) Перерабатываю и готовлю к печати небольшое исследование, эмбрион которого уже напечатан в «Русском Богатстве» за 1913 г. — о печати при Наполеоне I (по неизданным данным)³.

Кроме всех этих подвигов время от времени читаю лекции в Доме Литераторов (до болезни читал). Университет стоит накануне широких реформ. Признано необходимым освежить несколько затхлое, схоластическое преподавание старой буржуазной школы и для этого создается Институт красной профессуры, как он удачно назван в сообщении Наркомпроса. Небольшой, но сплоченной группе ученых с профессорами М.К.Лемке и В.В.Святловским⁴ во главе поручено подготовить будущих деятелей нарождающейся красной науки. Им приходится, правда, сталкиваться на каждом шагу с инерцией, косностью, иногда даже недружелюбием, но они все же бодро идут своєю стезею. Летом они предпринимают краткосрочные курсы для подготовки профессоров, причем проф. Лемке будет готовить заместителей кафедр: 1) по новой, средней, древней и русской истории и 2) по всеобщей и русской литературе, а проф. Святловский — по политической экономии, статистике, социологии, истории социализма, праву (как гражданскому, так и государственному), по уголовной политике и пр. /.../

В профессорском мире пока относительно благополучно: после Шахматова и Тураева крупных смертей не было. С.Ф.Ольденбург недавно был в Риге, где в качестве эксперта по охране интересов русских научных и художественных сокровищ участвовал в русской делегации, заключавшей мир с Польшей. Он привез в Академию кое-какие книги научного содержания /.../

¹ Задуманная работа Тарле написана не была.

² См.: Тарле Е.В. Теодор Шиман // Дела и дни. 1921. Кн.2. С.180-198. *Теодор Шиман* (1841-1921) — немецкий консервативный историк и публицист.

³ См.: Тарле Е.В. Печать во Франции при Наполеоне I: По неизданным материалам. Пг., 1922. 56 с.

⁴ Владимир Владимирович *Святловский* (1869-1927) — приват-доцент, автор работ по истории социалистического и профсоюзного движе-

ния. Иронически именуя несколько раз Лемке и Святловского профессорами, Тарле подчеркивает, что таковыми они, с точки зрения старой профессуры, не являлись.

15. Е.В.Тарле — В.Э.Грбарю

2 мая 1921

Дорогой и милый Владимир Эммануилович,

Недавно писал Вам, а сегодня опять захотелось /.../ У нас все благополучно. Недавно издан декрет, уничтожающий историко-филологический факультет вообще и историческое отделение в частности. Давно пора! В сущности история, если хорошенько подумать, не наука, а дрянь: летопись злодеяний и ошибок, как выражался еще папаша Вольтер /.../

Пользуясь досугом, я усиленно продолжаю пачкать бумагу. Кроме агромадного некролога Шимана я теперь пишу: 1) Для «Былого» — и одновременно выйдет отдельную книжкою «Вопрос о дипломатической ориентации России накануне войны 1914 г. С приложением неслыханно интересных документов». На обложке слова «неслыханно интересных», может быть, я и не помешу (хотя это и указывало бы на чистосердечность и непосредственность природы автора), но во всяком случае имейте в виду, что это в самом деле будет интересно¹. 2) Пишу — и будет издано отдельно — небольшую *Abhandlung* об аграрном вопросе в конце XIX в. в Ирландии и России и тоже с неизданными приложениями². Наконец 3) нацеливаюсь писать (исключительно по неизданному материалу) о русских финансах в момент окончания борьбы с Наполеоном (1814-1815). Будет очень научно и скучно³.

Очень много читаю заморских новостей. Оказывается, в Германии с наукою стоит не важно: Harnack⁴ написал «Die Vulgata des Hebräerbriefes» и не может найти издателя, ибо научные вещи не распродаются /.../ Умер Макс Вебер⁵. Эдуард Мейер⁶ не умер, но ударился в патриотизм и на этой почве бормочет много ерунды; он нисколько не переменялся с того времени, как подписывал «Манифест 93 ученых»⁷. Во Франции Эрнест Лависс⁸ (!!) и Академия агитируют против допущения немцев к научному общению. Sir Paul Уайногрэддоу из Оксфорда⁹ выпустил новую книжку «The outlines of the history of jurisprudence. Vol.I. The tribal law». По рецензиям судя, очень занятная. Помните, как был благосклонно важен Sir Paul в своем клубе во время съезда историков? /.../

В прошлом письме я Вам писал о мужественной попытке М.К.Лемке и В.В.Святловского предпринять борьбу с профессорскою косностью и создать кадры новых ученых. К сожалению, это

пока не увенчивается успехом. М.К.Лемке рассорился с В.В.Святловским, и они разошлись. А сверх того выяснилось, что управляющий Наркомпросом в Москве М.Н.Покровский не сочувствует темпу деятельности М.К.Лемке и склонен считать М.К.Лемке человеком не только глупым и наглым, но и невежественным и берущимся не за свое дело. Не беру на себя задачи спорить с этим мнением по существу, но только отмечаю его¹⁰. Впрочем, М.К.Лемке *selfmademan*¹¹ и бодрости духа не утрачивает ни на йоту.

По архиву все пока обстоит благополучно. Помаленьку работаем. У меня еще и 4) работа есть, не помню, писал ли Вам, — документы 17 века о Франции (Фронде) и об английской революции /.../

¹ Задуманная книга Тарле написана не была. Вероятно, некоторые собранные им материалы нашли отражение в статье «Германская ориентация и П.Н.Дурново в 1914 г.» (Былое. 1922. №19. С.161-176).

² *Abhandlung* — работа (нем.). Эта работа написана Тарле не была.

³ Данная работа написана Е.В.Тарле не была.

⁴ Адольф *Гарнак* (1851-1930) — немецкий историк христианства.

⁵ *Макс Вебер* (1864-1920) — немецкий историк, социолог и экономист.

⁶ *Эдуард Мейер* (1855-1930) — немецкий историк древности.

⁷ «*Манифест 93 ученых*» — обнародованное в октябре 1914 заявление в поддержку войны, проводимой Германией.

⁸ Эрнест *Лависс* (1842-1922) — французский историк.

⁹ Имеется в виду Павел Гаврилович Виноградов (1854-1925) — историк-медиевист, профессор Московского университета, с 1903 профессор в Оксфорде.

¹⁰ Ведущая роль заместителя наркома просвещения историка Михаила Николаевича *Покровского* (1868-1932) в разрушении старого университета не подлежит сомнению, и здесь речь могла идти только о тактических разногласиях и личных антипатиях. 2 сентября 1921 была ликвидирована автономия высшей школы; новое положение предусматривало назначение профессоров и ректоров Наркомпросом. В 1922 началась «чистка» профессуры.

¹¹ Человек, создавший себя (англ.).

16. Е.В.Тарле — В.Э.Грбарю

Вторник, 10 июля [1923]

/.../ Еду в Москву с разными делами и прожектами, для коих потребуется и Ваша могучая длань (не затем, понятно, чтобы съездить меня по уху). Привезу Вам 3-й номер «Анналов»¹. Для

4-го редакцией обещана статья нашего известного международника В.Э.Грабаря /.../ Сверх сего хочу кое о чем и кое о ком похлопотать в «Наркомфине» и «Наркоминделе» — и Вы мне поворожите немножко /.../ Черкните открыткой, всерьез ли к Вам ехать с вокзала и не спустит ли меня с лестницы Марья Евгеньевна (и Вас заодно, чтобы впредь nepовaдно было звать гостей, когда в Москве места нет и самим повернуться у себя на квартире). Привет сердечный всем Воскресенским от Ольги Гр-ны и меня /.../

¹ В 1922-1924 Е.В.Тарле совместно с Ф.И.Успенским редактировал журнал Академии наук по всеобщей истории «Анналы». Всего вышло 4 номера журнала.

17. Е.В.Тарле — В.Э.Грабарю

19 февраля 1924

Дорогой Владимир Эммануилович.

Задерживал письмо к Вам, желая дожидаться чего-нибудь определенного в смысле издания Феокрита¹. Но пока с этим делом тихо /.../ Был тут юбилей Кони, очень удавшийся, в Академии и в Доме Ученых. Жанчик Гревс, впрочем, произнес абсолютно бесполезную речь о Кони «как экскурсионисте» (sic!), хотя Кони на двух костылях и никогда пешком не ходит. Уму непостижимо, до чего может довести человека увлечение св. Франциском!²

¹ М.Е.Грабарь-Пассек готовила русское издание Феокрита, вышедшее спустя много лет: Феокрит. Моск. Бион. Идиллии и эпиграммы. Пер. и коммент. М.Е.Грабарь-Пассек. М., 1958.

² Признавая заслуги медиевиста И.М.Гревса, Е.В.Тарле недолюбливал его за сентиментальное морализаторство и склонность к патетической риторике. В данном случае он был не вполне прав: А.Ф.Кони принадлежит книга «Петербург. Воспоминания старожилa» (Пб., 1922), которая могла быть использована в экскурсионном деле.

18. Е.В.Тарле — В.Э.Грабарю и М.Е.Грабарь-Пассек

[1924]¹

Редактор «Анналов» был с внезапной ревизией и никого не застал: вместо того, чтобы работать над вопросом о *page postum*² и Феокрите, супруги закатали кутить к Яру. Выражая по сему поводу свое неудовольствие, редактор намерен произвести и вторичную ревизию. А пока, в виде эпитимии, предлагает обоим

виновным безотлагательно прочесть от А до Z весь 4-й номер «Анналов», при сем прилагаемый.

Е.Тарле

Пречистенская набережная 5, Общежитие КУБУ, комн.15

¹ Датируется по году издания №4 «Анналов».

² Наше море (*лат.*). Так римляне называли Средиземное море. В.Э.Грабарь был автором статьи «Вопрос о проливах на Лозаннской конференции» (Внешняя торговля. 1923. №2).

19. Е.В.Тарле — В.Э.Грабарю

20 июня 1927

Дорогой Владимир Эммануилович,

Как поживаете? 24-го еду в Москву дня на три. Недавно, взвалив на плечи Зака¹, я снес его на почту и отправил Вам. И до сих пор не знаю, получили ли Вы его, ибо, как истый европеец от Николы-на-Курьих-Ножках, Вы не потрудились даже одной строчкой о сем уведомить. А еще о Гуго Гроции пишете! Обидчики!

Приезжал Дм[итрий] Моисеевич², прочел замечательно интересный доклад с большим успехом. Он умеет брать темы. Это не то, что Жанчик Гревс, который под средними веками понимает любовь Данте к Виардо или Тургенева к Беатриче (или наоборот, он напачкал недавно книгу «Любовь Тургенева к Виардо»³).

Привет Марии Евгеньевне. Ольга Григорьевна кланяется Вам обоим.

Ваш Е.Тарле

¹ Видимо, имеется в виду издание по международному праву.

² Дмитрий Моисеевич Петрушевский (1863-1942) — историк-медиевист, профессор Московского университета, академик (с 1929). Друг В.Э.Грабаря со студенческих лет.

³ Имеется в виду книга И.М.Гревса «История одной любви: И.С.Тургенев и Полина Виардо» (М., 1927).

20. Е.В.Тарле — В.Э.Грабарю

Москва, Кропоткинская наб., д.3
Общежитие ЦЕКУБУ
24 марта 1934

Дорогой Владимир Эммануилович,

Сегодня я узнал, что Вы выразили недоумение по тому поводу, что я прервал сношения с Вашим домом: так об этом сказала

М.Г. Муравьева Елене Васильевне Воскресенской. (Она даже выразилась так: «огорчение». Но женщины часто амплифицируют выражения. Допустим, не «огорчение», а «недоумение»).

Его-то я и считаю нужным коснуться. Зачем? Я сам того не знаю. Но просто, когда узнал об этом сегодня — потянуло написать Вам то, что Вы прочтете дальше, чтобы Вы знали, что не от меня пошел разрыв.

Я любил и уважал Вас, Владимир Эммануилович, с первого момента, как мы ближе сошлись, уважаю Вас и теперь. Я собирался пойти к Вам, — когда произошла встреча моя у трамвая с Марией Евгеньевной. Мария Евгеньевна, завидя меня, *немедленно, без единого звука* приветствия! и с большим одушевлением (до курьеза явственно — боясь, как бы я не раскрыл рта) начала сообщать мне детали о приезде (или отъезде? или проезде?) какой-то «Кати Садовской», о самом факте существования которой я давно забыл, если даже когда-либо и знал о нем. Так она и проговорила об этом жгуче-интересном сюжете до вожделенной Крымской площади, когда *стремительно* (буквально бегом!) спаслась от меня. Она очевидно именно этот прием и считала верхом «светского» умения не дать разговору уйти в нежелательную сторону. Она совсем не заметила той явной насмешки, с которой я глядел на нее и слушал ее. Мне было стыдно за нее.

Чего она боялась? Я до сих пор не могу этого объяснить себе. Как ей не пришло в голову, что *эта* форма улепетыванья от человека *только* потому, что на него за 3 года до того упал кирпич, — если не хуже, то антиэстетичнее самого заправского предательства? Меня по возвращении многие — не [то], что близкие или добрые знакомые, а совсем посторонние люди — встречали часто буквально с распростертыми объятиями, бросались мне на шею на улице; другие, не столь экспансивные, но просто желавшие соблюсти минимум пристойного отношения, либо поздравляли, либо спрашивали о здоровье, либо выражали сочувствие... Но известиями о Кате Садовской встретила меня единственная женщина в подлунном мире — Марья Евгеньевна. И какая наивнейшая уверенность в своем «хитроумии». Почему она полагала, что я не пойму этого детского, примитивного лукавства? А может быть, тут было и другое: «Не все ли, мол, равно, если он и поймет, что я не желаю с ним водиться даже в трамвае, если он даже огорчится этим или обидится? Чем же он может мне за это отплатить?» В этом пункте рассуждение Марии Евгеньевны было безусловно правильно: ровно ничем, даже если бы и мог, не стал бы реагировать на это поведение, кроме — перерыва или, точнее, прекращения всех отношений. В тот же вечер я рассказал

и о ней, и о своем впечатлении в одной милой, благородной, истинно дружеской семье. И *все*, без единого возражения или смягчения, с таким же чувством негодования, какое испытывал я сам, стали на мою сторону. Да и Вы бы стали на мою сторону, если бы дело шло о любом менее Вам близком лице.

Вы видите, что я высказался с полнейшею искренностью. И Вы видите, что хоть и большое для меня лишение перестать Вас видеть, но что войти в Ваш дом для меня теперь абсолютно невозможно.

Желаю Вам от души здоровья, всяких благ и удач.

Евг.Тарле

21. В.Э.Грабарь — Е.В.Тарле

Москва, Zubовский бульвар 15 кв. 5
26 марта 1934

Дорогой Евгений Викторович,

Увидев на конверте полученного только что письма знакомый почерк Ваш, я, не скрою, очень обрадовался, так как полагал, что Вы сочли нужным положить конец происшедшему между нами недоразумению и возобновить прерванные по неизвестным мне до получения Вашего письма причинам сношения. Я несколько ошибся. Вы пожелали сделать разрыв окончательным, осыпав оскорблениями одну из самых благородных женщин, которых я когда-либо видел. Бог Вам судья.

Мария Григорьевна была права, сообщив Елене Васильевне, что я не только недоумевал, но искренно огорчился перерывом наших сношений. Я привык относиться не только к другим, но и к самому себе с критикой и, естественно, задавал себе вопрос, не могло ли мое поведение в отношении Вас вызвать с Вашей стороны какого-либо недовольства. Ибо я знал, что Вы бывали в Москве по возвращении из Алма-Аты (Вас видели здесь задолго до Вашей встречи с М.Е., которой Вы теперь приписываете столь роковую роль), что жили по соседству, но дорогу в наш дом сочли нужным забыть.

Я старался найти вину свою и, казалось, нашел ее. Она была, сколько я мог оглядеть и вспомнить прошлое, единственная, но, правда, великая. Я был в Ленинграде на похоронах М.Я.П[ергамента], должен был зайти к Ольге Гр-не и не зашел. Об этом я вспомнил уже по возвращении в Москву. Некоторым оправданием может служить тяжелое душевное состояние, в котором я находился, потеряв ближайшего друга, и почти беспрерывная ра-

бота в Публичной библиотеке, которая меня отвлекала от тягостных дум. Мне очень грустно, что так вышло, и вину свою перед О.Г. я всячески готов был искупить.

О том, будто в разрыве наших отношений виновата М.Е., не могла догадаться и сама она, не только я. Но ведь это, признайтесь искренно, сотворенная Вами легенда. Вы прервали сношения с нашим домом задолго до этой злополучной встречи. А сама эта встреча не только со стороны М.Е., но и с Вашей была несколько театральной, как и разговор, ибо Вы оба желали избежать объяснений по поводу перерыва сношений. Виноват во всем исключительно самый факт перерыва сношений, который мы никак не могли себе объяснить. Мы предполагали, что вмешалась какая-нибудь сплетня, которой Вы могли поверить и не желали ее разъяснить личным свиданием.

Так как в доме повесившегося не принято говорить о веревке, то М.Е., естественно, стала говорить с Вами о вещах безразличных. О том, что Вы давно забыли какую-то Катю Садовскую, которая была и продолжает оставаться близкой подругой не только М.Е., но и Нины Васильевны Воскресенской, М.Е. не обязана была знать. Спросите Вас, почему Вы забыли дорогу в наш дом, когда мы могли предполагать, что Вы ее забыли намеренно, едва ли было уместно, ибо можно было нарваться на ответ, столь же резкий, как Ваш отзыв о Садовской. Если бы Вы пожелали быть искренним, Вы сами перевели бы разговор на ту тему, которая Вас интересовала, но которой в то время, очевидно, и сами избегали. Ваша искренность встретила бы, могу сказать это уверенно, столь же искренний отклик. Столь чуткой души, как у М.Е., едва ли у многих найдется.

В данное время, я вижу, Вас трудно убедить. Вы раздражены. Со временем, быть может, Вы увидите, что были неправы, и поступите соответственно. Очень жалею о происшедшем недоразумении, устранить которое можете только Вы сами.

Желаю здоровья и успехов в Ваших научных занятиях. Ольге Гр-не прошу передать мой самый искренний привет и поклон.

Вл.Грбарь

P.S. Только что узнал от М.Е., что она Вас встретила любезно, но Ваш иронический и более чем холодный тон и в особенности инвективы по моему адресу заставили и ее быть с Вами менее любезной.

27 марта 1934.
Москва

Дорогой Владимир Эммануилович,

Я очень рад, что еще успел получить Ваше письмо (я завтра уезжаю). Вы правы в том отношении, что действительно я медлил со своим визитом к Вам, потому что у меня было болезненное ощущение (и неожиданное для меня) от Вашего непосещения Ольги Григ-ны... Но все-таки настолько я Вас еще любил, что я решил это в себе пересилить и, повторяю, если бы не встреча с Вашей супругой, — я бы непременно к Вам пошел бы. «Инвективы» в разговоре с Марьей Евг-ной были не по Вашему адресу, а по ее адресу, она этого не поняла. Но как Вы можете говорить, что я сам должен был с ней заговорить о том, почему не был у Вас? Почему?! Если была тут «вина», то не моя, а Ваша. Почему же она и вообще так повела себя, будто мы в Юрьеве, вот только вчера вечером расстались, будто не было со мною всего того, что было? Она повела себя как самая благополучная обывательница, которой попался навстречу досадный тип: что-то такое там у него было, еще чего доброго попросит о чем! Уж лучше проболтать 10 опасных минуток о луне, звездах, Сириусе, Кате Садовской и прочих безразличностях, — а там вот уже голубушка Крымская площадь видна — и давай Бог ноги. Вот на что было похоже (как две капли воды!) ее поведение со мною. Вы говорите, что это было не так, что это происходило от возвышенности чувств Марии Евг-ны. Очевидно, у нас совсем разные точки зрения — может быть, оттого, что мы с Вами не совсем одинаково прожили последние годы.

Скажу только, что со всеми друзьями у меня сейчас еще более сердечные связи, чем были прежде. И единственный разрыв, который произошел, — это тот, о котором мы с Вами переписываемся ныне.

Спросите нелицеприятно себя самого, как мог я реагировать на поведение Марии Евг-ны: Ваше моральное сознание (у Вас оно есть) не будет рассматривать встречу Мар. Евг-ны со мною как случай, которым она может гордиться.

Сердечный Вам привет.

Ваш Евг. Тарле

WEEK-END В БОЛШЕВО, ИЛИ ЕЩЕ РАЗ «ВОЛЬНЫЕ» ПИСЬМА АКАДЕМИКА В.И.ВЕРНАДСКОГО

Публикация и комментарии М.Ю.Сорокиной

Будущее и власть в нем, по-видимому,
будет принадлежать людям науки. /.../
Впереди время науки — царство
крупных диктаторов-ученых.

В.И.Вернадский. Из дневников 1931.

Весной 1989 на мой служебный адрес — Архив АН СССР — пришла неожиданная посылка из Франции — восемь еще «разноцветных» парижских выпусков альманаха «Минувшее». Шел всего четвертый год перестройки, и «эмигрантский» альманах, минуя непосредственного адресата, поступил по тогдашним правилам в спецхран ИНИОН. Характерно, что не все присланные выпуски обрекались на спецхрановскую изоляцию, «особо опасными» были признаны лишь некоторые — 2-й, 3-й, 4-й и 7-й. Между тем среди «арестованных» именно седьмой вызывал мой наибольший интерес — там публиковались «Пять "вольных" писем В.И.Вернадского сыну» 1929 года из собрания Бахметевского архива Колумбийского университета (США)¹. Не берусь утверждать, что запрет 7-го выпуска был обязан именно этой публикации, но, пожалуй, здесь впервые в русскоязычной литературе академик Вернадский предстал как решительный противник и обличитель сталинского режима — по крайней мере, так это читалось в те годы. Судя по именному указателю новейшего справочника, наиболее «публикуемым» перестроечным героем был Сталин — 96 позиций, за ним следует Ленин — 77, на третьем же месте Вернадский — 37; от этой лидирующей тройки все остальные авто-

¹ Эта публикация имела большой резонанс и была дважды перепечатана в СССР/России, см.: Родина. 1990. №9; Вестник РАН. 1993. №9. Укажем еще некоторые публикации писем В.И.Вернадского сыну и дочери из Бахметевского собрания: Вестник АН СССР. 1989. №7; Родина. 1990. №7; Вестник РАН. 1990. №12; Вопросы истории естествознания и техники. 1993. №4; 1994. №1, 2.

ры сильно отстают². По-видимому, в общественном сознании перестроечной России именно ученый, интеллигент выдвигался в качестве альтернативы гениям зла как пример подлинного патриота и гражданина³. Вернадский, как И.П.Павлов или П.Л.Капица, персонифицировал собой образ несломленной русской науки в условиях советского тоталитаризма.

Сегодня политики — вплоть до президента страны — считают хорошим тоном процитировать «из Вернадского» и тем самым подкрепить его научным и гражданским авторитетом свои, особенно футуристические, построения. Ссылками на причастность или близость к Вернадскому историки науки сообщают дополнительную научную или нравственную прочность своим героям; примечательно, что ощущение весомости таких ссылок так гипнотизирует историков, что те готовы даже пойти вопреки элементарным фактам. Так, один из известнейших историков науки И.И.Шафрановский в своей новейшей монографии сообщает о «выдающемся русском кристаллографе, кристаллохимике и геохимике» Н.В.Белове, что тот «среднее образование /.../ получил в Варшавской гимназии /.../, в этой же гимназии учился до него знаменитый русский минералог, геохимик и биохимик акад. В.И.Вернадский»⁴. Совершенно неважно, что учиться в этой гимназии Вернадский никак не мог. В мифе генеалогия героя всегда восходит к богам.

Налицо и другие несущие конструкции культового сооружения: многочисленные конгрессы, конференции, симпозиумы, посвященные Вернадскому, станция метро в Москве, проспекты, университеты, комиссии, фонды, стипендии его имени, памятники, изображения на акциях и, думаю, в недалеком будущем на новых российских деньгах — словом, то, что на Западе приземленно именуют «industry».

Как, когда и почему общество и/или правящая элита востребуют тех или иных «национальных героев» — вопрос исследовательской программы на будущее. Настоящая публикация имеет значительно более локальную задачу — это материалы к двум старым темам: как укладываются реальные биографические сюжеты в наши представления о герое и сколько потомкам необходимо документального топлива, чтобы жизнь и миф показались равновеликими.

Гражданская позиция Вернадского в послеоктябрьские годы (как, впрочем, и дооктябрьские) ныне описывается в отечественной литературе как однозначно оппозиционная сталинскому (или николаевскому)

² Открытый архив: Справочник опубликованных документов по истории России XX века из государственных и семейных архивов (по отечественной периодике 1985-1995 гг.) / Сост. И.А.Кондакова. М., 1997. Справочник очень неполный, однако, думается, тенденцию демонстрирует достаточно верно. Обстоятельный разбор недостатков этого издания см. в рецензии Н.А.Богомолова: Новое литературное обозрение. 1997. №27. С.402-405.

³ В данном предисловии частично использован опубликованный в качестве препринта данной публикации наш текст «Русская научная элита и советский тоталитаризм» в материалах научной конференции «Личность и власть в истории России XIX-XX вв.» (СПб.: Нестор, 1997. С.248-254).

⁴ Шафрановский И.И. Кристаллография в СССР. 1917-1991. СПб., 1996. С.31.

режиму. Это настолько общее место, что составители тома «Публицистических статей» В.И.Вернадского⁵ стыдливо решили не включать в книгу советские газетные статьи академика 1930-х годов, полагая, по-видимому, что они снижают образ ученого-нонкомформиста. Кажется, что аргументов в пользу указанной интерпретации более чем достаточно: опубликованные, хотя и фрагментарно, дневники ученого 1930-х годов, содержащие самые резкие характеристики «сталинского социализма», его многочисленные письма-протесты в высшие партийные и государственные инстанции в защиту репрессированных ученых, наконец, документально подтвержденный факт: НКВД непрерывно собирало компромат на академика — на протяжении всех 1930-х чекисты отводили ему руководящую роль во всевозможных мифических заговорах. Хорошо известны также и противостояние Вернадского и философов-диалектиков от марксизма, и «особая» позиция ученого во многих академических вопросах. Между тем в эмиграции порой не без язвительности замечали, что «он всю жизнь провел в оппозиции правительству, но всегда на казенной квартире»⁶.

В самом деле так и остается неясным, почему же в ответ на столь, казалось бы, вызывающее поведение ученого власть не только не предприняла каких-либо ограничительных или репрессивных действий, а, наоборот, обеспечивала ему максимально комфортные по советским понятиям условия жизни и деятельности (сам ученый называл их все равно «рабскими»).

Задолго до Дэн Сяопина сталинский режим успешно реализовал модель «Одна страна — две системы», ставшую основой договора между политической и культурной элитами. «Я хочу и могу жить в России только будучи поставлен в особое положение и пока это имею», — заявлял Вернадский в 1929⁷. Ему удалось сотворить собственную мифологическую реальность и заставить поверить в нее всех.

Одной из составляющих этой персональной мифологии был классический образ далекого от житейских бурь ученого-отшельника. Именно таким Вернадского воспринимали многие современники. В 1919 юный Володя Жедринский, будущий выдающийся художник-сценограф, в письме кузену В.М.Любошинскому так описывал дядюшку: «Другая часть Киева — это ученый мир с [дядей] Владимиром во главе, который не видит ничего дальше своего носа, весь погружен в свою науку»⁸. Генерал П.Н.Врангель, встретившийся с Вернадским вечером 7(20) сентября 1920 сугубо по недоразумению — командующий хотел видеть Георгия Вернадского, однако отца и сына перепутали, и перед Врангелем предстал Вернадский-старший, вспоминал:

⁵ М.: Наука, 1995. Том вышел в академической серии «Библиотека трудов академика В.И.Вернадского».

⁶ Бахметевский архив Колумбийского университета (США; далее — ВАР). Kryzhanovskii Coll. Box 2. Memoirs. Folder 1.

⁷ Пять «вольных» писем В.И.Вернадского сыну / Публ. К.К. // Минувшее: Исторический альманах. Вып.7. Paris: Atheneum, 1989. С.426.

⁸ МГОА. Ф.2049. Оп.2. Д.962. Л.39.

Я с удивлением увидел дряхлого старца, типичную фигуру, точно сошедшую с картины Маковского, в пальто-разлетаке табачного цвета, с длинными седыми волосами, в очках на сморщенном лице. Я пригласил профессора сесть рядом со мной и завел разговор об общественной жизни в Симферополе; в конце октября предполагалось собрать в Симферополе съезд городов, долженствующий рассмотреть целый ряд вопросов городского самоуправления. «Я, Ваше превосходительство, не в курсе этого дела. Я от жизни далек, занимаюсь исключительно научными вопросами», — ответил профессор. /.../ Я с трудом поддерживал разговор...⁹

Не изменился этот образ в глазах окружающих и через много лет. В 1932 С.В.Панина, одна из самых близких Вернадскому людей, в письме М.А.Бакунину сообщала о приехавших в Прагу Вернадских: «Я их уже видела и выдаю — редкая привилегия, ибо они поглощены исключительно наукой и семьей»¹⁰.

Между тем Вернадский отличался трезвым социальным прагматизмом¹¹, отлично понимал законы Системы и умело ими пользовался; еще в 1927, отвечая своему старому другу В.В.Водозову о возможности возвращения в Россию, он объяснял: «Весь вопрос в связях. Если у тебя есть большие связи среди коммунистов-большевиков, можешь ехать — если нет, лучше сиди на месте»¹². Понимая, что большевики явно преувеличивают весомость его имени за границей, он охотно поддерживал и укреплял их в этом полезном для себя заблуждении. Так, требуя в 1932 заграничную командировку, ученый писал председателю СНК СССР В.М.Молотову о своем возвращении в Россию в 1926: «Я вернулся сюда, несмотря на то, что устроился за границей и должен был для приезда порвать взятые обязательства и прервать удачно шедшие переговоры»¹³. Между тем, как показывают «европейские» материалы Вернадского, сохранившиеся в фонде его сына в Бахметевском архиве, ситуация для ака-

⁹ Врангель П.Н. Воспоминания. Т.2. М., 1992. С.355-356.

¹⁰ ВАР. S.M.Bakunina Coll. Box 4.

¹¹ Первым на социальную «пластичность» фигуры Вернадского обратил внимание безвременно скончавшийся американский ученый Kendal E. Bailes, см. его работы: Science, Philosophy and Politics in Soviet History: The Case of Vladimir Vernadskii // The Russian Review. 1981. Vol.40. №3. July. P.278-299; Science and Russian Culture in the Age of Revolutions: V.I.Vernadsky and His Scientific School, 1863-1945. Bloomington; Indianapolis, 1990. Серьезные коррективы в традиционное восприятие фигуры Вернадского вносят: Каганович Б.С. О генезисе идеологии «Ольденбургского кружка» и «Придотина братства» // Русская эмиграция до 1917 года — лаборатория либеральной и революционной мысли. СПб.: Европейский Дом, 1997. С.90-103; Гирич И. Між російським і українським берегами: Володимир Вернадський і національні питання (у світлі щоденника 1917-1921 років) // Мappa Mundi: 36. наук. праць на пошану Я.Дашкевича з нагоди його 70-річчя. Львів; Київ; Нью-Йорк, 1996. С.735-756.

¹² ВАР. Vernadsky Coll. Box 13.

¹³ В.И.Вернадский. Из писем разных лет / Публ. С.Р.Микулинского // Вестник АН СССР. 1990. №5. С.89.

демика в это время складывалась почти трагически — все его ходатайства о создании института или лаборатории были отклонены, а материальное положение было настолько тяжелым, что Вернадские в ожидании «академических» денег из России несколько месяцев просто вынужденно просидели в Чехословакии на иждивении дочери и сына.

1936 — «год Добролюбова—Белинского», ощутимо маркирующий новую эпоху, завершил и процесс селекции и выведения породы «советского классика». Для здания «сталинского народного классицизма»¹⁴ научная элита, персонифицированная в СССР прежде всего Академией наук, была признана «целесообразной». Она убедила в этом власть, приняв предложенные условия игры, переняв самый образ мысли и заговорив вполне тоталитарным языком¹⁵. «В жизни нашей страны и для нашей культуры значение работы АН в эту эпоху огромного брожения /.../ — значение работы АН так велико, что сохранение этого центра позволяет принести огромные жертвы», — программно заявлено Вернадским в «вольных письмах» 1929 года¹⁶. В 1931 еще более конкретно: «Будущее и власть в нем, по-видимому, будет принадлежать людям науки. /.../ Впереди время науки — царство крупных диктаторов-ученых»¹⁷. А пока это прекрасное будущее не наступило, в январе 1937 академик констатировал: «Переходим совсем в состав "привилегированный" в социалистическом диктаторском государстве»¹⁸.

С начала XX в. русская профессура формировала образ науки как мощной социально преобразующей силы, способной воздействовать на все сферы жизнедеятельности общества. Этот образ менялся, однако его сердцевина — а именно представление самих ученых о роли науки в обществе — в целом оставалась неизменной. Если в чем и являет Россия пример уникального и особенного, то именно в претензиях научного этоса на ведущую роль в обществе. Эту авторитарную тему чутко уловил и умело использовал советский тоталитаризм.

К 1936-му власть не чуждалась больше «бывших» — они стали почти «своими», вольно или невольно, часто того не замечая, воспроизводили на своей территории ту же тоталитарную конструкцию. И на место И.П.Павлова приходит дворянин Л.А.Орбели, всего через несколько месяцев после смерти Павлова полностью меняющий исследовательскую программу павловского института и занимающий все номенклатурные места в оргструктуре своей дисциплины; на место Н.Я.Марра — дворянин и сенаторский сын И.И.Мещанинов, который «вел себя настолько скромно, корректно и задумчиво, что его образ как-то не связался с невероятной концентрацией административной власти в одних руках»¹⁹.

¹⁴ См.: Брагинская Н.В. «...Имеют свою судьбу» // Фрейденберг О.М. Поэтика сюжета и жанра. М.: Лабиринт, 1997. С.424.

¹⁵ См., напр.: Todes D.P. Pavlov and Bolsheviks // Hist. Phil. Life Sci. 1995. Vol.17. P.379-418.

¹⁶ Пять «вольных» писем В.И.Вернадского сыну. Указ. изд. С.433.

¹⁷ Вернадский В.И. «Царство моих идей впереди...»: Из записей 1931 года / Публ. И.И.Мочалова // Природа. 1990. №6. С.99.

¹⁸ VAR. Vernadsky Coll. Box 12. Письмо сыну из Москвы от 6 января 1937.

¹⁹ Брагинская Н.В. Указ. соч. С.432.

О злодеяниях сталинизма сказано много. Однако остается фактом, что никогда ранее (и, по-видимому, никогда впредь) отечественные естественные науки не достигали такого расцвета, как в этот период. И если в XVIII в. Россия по выплавке металла занимала едва ли не первое место в Европе, базируясь на труде крепостных, приписанных к заводам, то для успеха в науке XX века одних шарашек и просто социального принуждения было недостаточно. Тоталитарная власть должна была найти и нашла другой алгоритм взаимоотношений с научной средой — заключить с ней своего рода негласное соглашение, роль медиатора-проводника в котором играла бы научная элита, чей научный, а часто и моральный авторитет был одинаково необходим и власти, и интеллигенции.

Когда-то Ханна Арендт наивно полагала, что «интеллектуальная, духовная и художественно-артистическая инициатива столь же противопоказана тоталитаризму, как и бандитская инициатива толпы /.../ Тоталитаризм у власти неизменно заменяет все первостепенные таланты, независимо от их симпатий, теми болванами и дураками, у которых само отсутствие умственных и творческих способностей служит лучшей гарантией их верности»²⁰. Она, наверное, не без оглядки на судьбу Мартина Хайдеггера, упрекала Макса Вайнрайха, автора знаменитой книги «Hitler's Professors»²¹, в смешении чистых и нечистых — «тех, кто принял нацистский символ веры, и тех, кто был обязан своей карьерой исключительно этому режиму»²². Увы, «соблазн тоталитаризмом» оказался преодолимым не только для «масс».

P.S. Признаюсь: намеренная заостренность и полемичность этих заметок объясняется просто. Понимая, что этатизм Вернадского неминуемо должен привести к принятию государственного строительства большевиков, я все же никогда не думала увидеть *такой* текст (см. письмо сыну от 18 сентября 1936). Разумеется, он может и должен быть интерпретирован более детально и комплексно. Но прощание с мифом всегда пропитано горечью.

Все публикуемые письма В.И.Вернадского сыну — историку, преподавателю Йельского университета (США) Георгию Владимировичу Вернадскому (1887-1973) — хранятся в Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture (Бахметевский архив) Колумбийского университета США: Vernadsky Coll., Box 12. Пользуясь случаем, хочу отметить, что моя работа с материалами семьи Вернадских в Бахметевском архиве стала возможна благодаря гранту Программы Фулбрайт (США) и содействию проф. Р.Вортмана и теперь уже бывшего куратора Бахметевского архива Э.Скаруффи, которым приношу искреннюю благодарность.

²⁰ Арендт Х. Истоки тоталитаризма. М.: ЦентрКом, 1996. С.449-450.

²¹ New York: Yiddish Scientific Institute — YIVO, 1946.

²² Арендт Х. Указ. соч. С.450.

Прага. 5.V. [1]1932

Мой дорогой — вчера днем приехали в Прагу¹ — и я с радостью узнал, что ты к нам приедешь². Я так и понимал, что это так будет, исходя из твоего молчания о ваших летних планах и из отсутствия ответа на мое соображение о нашем приезде. Я так рад с тобой о многом поговорить. Здесь нашел твои две книги, мне не известные, — о Ленине и русской революции и неизвестные статьи — о Ростовцеве и т.п., которые буду читать³. Так будет хорошо, когда вы приедете.

Мне хочется тебе написать несколько более подробно, чтобы ориентировать тебя в том, что сейчас происходит и лично со мной, и вообще в условиях нашей жизни с 1929 года, с моего последнего приезда. С тех пор жизнь в России стала гораздо — несравнимо — труднее, но в то же самое время в стране стали происходить явления гораздо большего значения, чем то, что было раньше, — с одной стороны, более ужасные (как напр., борьба власти с крестьянством, полная жертв и ужасов), и, с другой стороны, начинаются и дерзания огромного значения и интереса, напр., назову тебе несколько, которые, может быть, не все удадутся — но которые мне представляются большими и серьезными. К чему они приведут в конце концов, сказать сейчас нельзя: к закреплению части населения или к созданию нового мощного источника материальных благ и их более правильного распределения между населением — создания новой формы государственного строя, более счастливой жизни. Достигается это беспощадно, с полным пренебрежением к жизни личности и тысяч населения. Интересные и крупные искания, реально создаваемые — мощные источники энергии (Днепр, Ангара), новые растения, вводимые в культуру (каучуконосы, хлопок в новых местах, передвижка на север границ земледелия), попытки — в небывалом по темпу процессе мелиорации (болота и орошения — в связи с изменением течений таких рек, как Днепр и Дон) и т.п. Будет ли крах — выдержит ли тяжесть русский народ? Никто сейчас сказать не может.

Но условия жизни 1929-1932 резко изменились к худшему для подавляющей части населения. И едва ли многие верят быстрому их улучшению, предполагаемому пятилетнему плану. Ухудшились и условия научной работы — чрезвычайно сильно.

Моя научная работа — и работа моих учреждений — движется вперед, но не так, как я этого хотел. Академия Наук находится на покато́й плоскости; в данную минуту независимый от нее Ради́евый Институт менее страдает⁴.

В 1930 году меня не пустили за границу довольно странным образом — не ответа ни да, ни нет (мне и Академии). Так дотянулось дело до конца года (тогда 1 октября), когда в порядке формальном была снята моя командировка (на 3 месяца) в числе прочих — неиспользованных кредитов. Я добивался ее прежде всего для окончания работы над геохимической энергией жизни, в которой, мне казалось, я пришел к выявлению пути разрешения проблем, над которыми я остановился бессильно в 1925 году⁵.

Мне представляется теперь — что причиной этого были главным образом мое выступление в конце 1929 или начале 1930 в связи с рассмотрением устава Академии Наук⁶ и опасения — м.б., основанные на каких-нибудь сплетнях в заграничной среде о том, что я не вернусь. Те же разговоры идут в академической среде и сейчас! И сужу я об этом потому, что в 1930 году мог бы — для меня ясно — получить командировку *один* — без мамы.

Как бы то ни было — обстановка мне не ясна. В 1929 году меня выставили коммунисты-академики (Покровский, Рязанов) от своей группы и от академиков в вице-президенты⁷, причем я узнал об этом незадолго, не был захвачен вполне врасплох и решительно отказался. Этот отказ дал первую трещину — отказался, желая иметь возможность интенсивно научно работать и указывая на ухудшение здоровья. Затем у меня шла борьба за иную, чем прошло, постановку изучения производ[ительных] сил⁸. Когда не прошел мой проект, я отказался вступить в новую форму, не думая делать протеста, а надеясь скоро уехать на более долгий срок за границу и отдаться научной работе. Я увидел и почувствовал, что это было принято как протест — но игнорировал. Во время выступления об Уставе АН (в комиссии по выборам которого я попал) — я выступил в публичном заседании (это была моя ошибка), где в очень сдержанных словах, но ясно и определенно, указал на необходимость свободной научной работы и бережного отношения к дарованиям, охраны талантливых людей как величайшего блага страны. Это была бомба. У меня были сейчас же [потребованы] объяснения, причем с величайшим, как оказывается, трудом была остановлена травля меня в печати и задержано проникновение в печать этой моей ошибки (публичности). В объяснениях мне указали, что с величайшим трудом академикам-коммунистам удастся достигнуть и того, что не разрушается Академия — они ведут за это борьбу — и что в данный политический момент — это мое заявление могло иметь последствия за границей, какие я, конечно, не желал — борьбы с режимом, ибо внешнее положение в этот момент было очень острое (особ[енно] во Франции)⁹. Я ответил, что ни того, ни другого я своим заявлением

давать не желал и что абсолютно не знаю, что такое произошло на Западе. Поэтому мое предложение я взял назад из обсуждения, мотивируя, кажется, тем, что я не вижу в нем нужды, принял во внимание все обстоятельства — что-то вроде этого. Инцидент был исчерпан. Думаю, что он сыграл роль в дальнейшем. На фоне полной приниженности он показался огромным.

Как бы то ни было — убедившись к концу года в полной невозможности получить командировку, идя до конца — я обращался к Сталину с откровенным письмом о значении ее для меня как ученого¹⁰ и с телеграммой с просьбой ответить, когда он молчал, — ни на то, ни на другое я не получил ответа — узнав стороной, что С[талин] сказал, что я не партийный (я в письме к нему ссылаясь на совет Лунач[арского])¹¹ ему написать) и должен был идти через Предс[едателя] Сов[ета] Нар[одных] Ком[иссаров] (тогда был Рыков). И мне уже все теперь неясно во всей последовательности — но примерно это было так.

В конце концов в конце 1930 (тогда год кончался октябрем) я подал в ЦИК заявление¹², прося выдать паспорта мне и маме без всякой валюты (я думал тогда, что вопрос в валюте), указывая, что я не собираюсь эмигрировать, но не могу и не хочу скрывать, что могу — для жизни — взять место за границей, которое заставит меня остаться там дольше — что я стою вне политики, что я не могу как ученый бросить открывающиеся передо мной большие достижения — результат всей моей научной мысли. Что я могу ошибиться — но для меня это категорическая необходимость; заместителей себе — выдающихся — в обоих учреждениях я подготовил¹³. В то же время без командировки — благодаря бедности здесь литературы и невозможности спокойной работы — плохой обстановки моей работы — я не могу эту задачу разрешить в советских условиях. Все мои заявления к Сталину и это в ЦИК были прямы, без всякой фальши, тверды и откровенны. Мое заявление в ЦИК в копии представлено Непр[еменному] Секр[етарю] Ак[адемии] Наук¹⁴. Вскоре, кажется, в конце ноября 1930, я получил приглашение Парижского Университета прочесть в Сорбонне лекции по геохимии и примерно около этого времени из Акад[емии] Наук официальный запрос о командировках академиков на 1931 г.

Тогда я подал другое заявление в Ак[адемию] Н[аук] и через нее в Ученый Комитет (при ЦИК), которому она подчинена. В нем, указывая на мое заявление в ЦИК Союза, я просил о *командировке на год*¹⁵ для лекций в Париже и работе над моим сочинением, думал, французским. В частных разговорах указывал, что оно может заменить первое.

Дело рассматривалось в особом порядке, и все шло как будто хорошо (тут я узнал, что главное или одно из главных препятствий — это поездка совместно с женой. Я и Сталину и во ВЦИК и в новом заявлении писал, что хочу видеть и внучку и должен и для работы поехать с мамой). Как бы то ни было, в марте 1931 года мне было торжественно объявлено решение правительства (словесное)¹⁶, в котором указывалось всяческое уважение ко мне, что дело обсуждалось в особом порядке и очень внимательно, но, к сожалению, на этот год моя командировка не может состояться, что через год дело будет пересмотрено в том же особом порядке и что если не случится ничего чрезвычайного (напр., войны), оно получит благоприятное решение. В то же время, учитывая очень бедную обстановку моей научной работы, на мою биогеох[имическую] лабораторию и невозможность сейчас поставить ее наст[оящим] образом, отпускается 3000 р. валютой и 30000 р. обычными и мне будут предоставлены всякие удобства для работы здесь. В чем дело, я так и не мог выяснить. В письменном — и устном — ответе я сказал, что прошу передать правительству, что я очень огорчен, решительно не понимаю, для чего это все нужно, — но подчиняюсь этому решению и надеюсь, что окажется возможным дать мне командировку раньше годового срока и что думаю, что предоставить мне нужные условия для работы в пределах Союза в предлагаемой форме невозможно. Летом прошлого года нас устроили прекрасно — по советским условиям — в тихой комнате в Петергофском Доме отдыха для ученых на четыре месяца (максимум допускаемого — два месяца) и на 4 месяца я получил отпуск — но сразу выяснилось, что для того, чтобы получить нужные книги, надо было тратить 5 часов, причем из нужных мне книг я получил 1/6 — 1/4 часть. Я увидел, что я не могу заниматься нужным мне образом. В начале я был в негодовании — но затем я занялся одним частным вопросом моей книги — о биологическом времени, взяв его в глубоком разрезе времени вообще. Нужна была небольшая литература и размышления. Эта работа *дала мне очень много*, и я сделал осенью доклад в Академии «О проблеме времени в современной науке»; сейчас доклад подписан уже к печати в сверстанном виде и, я думаю, скоро будет напечатан¹⁷. После него я начал вновь хлопоты, 6 февраля написал письмо Молотову¹⁸, где откровенно изложил все дело и просил разрешения годовой командировки с перерывом ее на полгода. 22 февраля в личной беседе с Молотовым (я был в депутатии Акад[емии] Наук по поводу постройки Химич[еской] лаборатории) я получил от него определенный ответ, что могу ехать, куда хочу. Немедленно в начале марта я через Академию начал хлопоты о выезде между

10-15 апреля. 4 апреля — в бытность в Москве я узнал, что все как будто устроено — и паспорта, и деньги — и что я смогу выехать между 10-15 апреля, как хотел. Однако прошла неделя после 4-го, и никаких признаков движения не было. Мне самые близкие к советской власти академики начали указывать, что я не получу командировки, рассказывая всякие слухи и сплетни, тем более, что два академика (Ипатьев и Чичибабин) не вернулись¹⁹. Я решил написать письмо Молотову в 20-х числах апреля²⁰. Вернувшийся из Москвы Непрем[енный] Секретарь Акад[емии] (дня через два после моего письма Молотову) привез известие, что какое-то ведомство (думаю, крест[ьянско]-раб[очая] инспекция²¹?), которое не было предупреждено, протестовало против паспорта Нат[алье] Ег[оровне]²², не возражая против моей командировки. Я решил уже послать срочное письмо Управл[яющему] канцелярией²³ Сов[ета] Нар[одных] Ком[иссаров] с просьбой спросить Молотова о моем письме, как вдруг, вернувшись домой часа через два, все переменилось с театральной быстротой. Сперва запрос через Дом ученых Ком[иссии] помощи ученым (при Сов[ете] Нар[одных] Ком[иссаров]²⁴) с вопросом, получил ли я и жена паспорта, причем в случае отрицат[ельного] ответа спрашивавший, мне лично неизвестный, управляющий делами, должен был известить Москву «телеграммой молния». Решили послать телеграмму, когда через 1/2 часа я был вызван телефоном завед. иностр. отделом Ленинград. округа, что из Москвы ему велено немедленно выдать паспорта мне и жене и что я могу сейчас же их получить. Телеграмма молния была отменена, а я получил еще телеграмму от Упр[авляющего] Дел[ами] Совнарк[ома], к которому хотел было раньше обратиться с извещением о паспортах и о том, что паспорта должны быть выданы, и с просьбой телеграфно его уведомить о их получении. Очевидно, мое письмо Молотову воздействовало, и он проверял исполнение своего обещания. Пришлось послать паспорта для виз в Москву и назад. И я получил их назад 27 апр[еля], а денег не было. Была мне телеграмма от Ученого Комитета при ЦИК, что они будут высланы в Дом ученых (необычный путь) — попытки ускорить телефоном и телеграммой были неудачны; я решил 27 апр[еля] послать телеграмму тому лицу, которое справлялось обо мне в Доме ученых, — и 29 апр[еля] получил телеграмму молнию, что деньги переведены по телеграмме в Госуд[арственный] Банк. 30 апр[еля] был последний срок их получения, т.к. 1-4 мая банк заперт. 30 апр[еля] я получил деньги — но оказалось, что билета на Ригу нет на 2 мая, когда я хотел выехать. Новые хлопоты, и, наконец, на вокзале я достал билеты в день отъезда, заказав их накануне (причем официальное бюро да-

ло раньше мне ложные сведения; это обычная плохая работа бездельников).

Для [меня] именно важно было выехать в этом году, ибо я чувствую, что начинаю подходить в новой огромной проблеме, которая захватит меня всего, и я не смогу вернуться к геохим[ической] энергии. Так со мной уже было с вопросом полиморфизма в конце прошлого столетия, когда я, как вижу теперь, подошел к принципам геохимии... Я сейчас опять вернулся к вопросам фазовых равновесий (полиморфизм частный случай) в связи с термическим режимом Земли, который выявляет мне, м[ежду] пр[очим], ледниковые периоды как частный случай *механизма* биосферы и как проявление радиоактивности химич[еских] элементов и свойств атомов...

Мысль моя неуклонно и глубоко работает. 1929-1932 годы — моего расцвета (под 70 лет!). Об этом поговорим.

Сейчас 18 мая делаю доклад в Мюнстере на радиоакт[ивной] конференции Бунзен[овского] общества; в июне (начале) в Геттингене по вопросу о геохимии и биогеох[имии]. Затем д.б. осенью в Париже в Сорбонне. А все остальное время буду работать над геохим[ической] энергией.

Страшно буду рад свиданию. Нежно обнимаю.

Горячо любящий тебя отец

6.V.

Хочется приписать еще одно. Сейчас идет в стране удивительный по идее и тяжелый по энергии опыт насильственного внедрения особой философии в научную работу. Диалектический материализм проводится полуобразованными адептами, целой оравой «диаматов» — при отсутствии настоящих философски образованных и мыслящих; учатся ему сотни тысяч или, м.б., даже миллионы людей, и с ними сталкивается вся научная работа: цензура совершенно дикая. Часть диаматов фанатично-изувер-кабальная. Часть «чего изволите». Они постоянно ошибаются, извиняются, берут назад, выгоняются из партии. Из-за философских идей и их высказывания люди попадают в ссылку и тюрьмы. Остнавливается печатание, т.к. коммунисты даже боятся печатать: много неприятностей и катастроф, которые не могут [предсказать]. Мне кажется, совершается поворот в сторону идеологии Сореля, ставившего философию над наукой²⁵. Множеству ученых приходится оправдываться и многие подлаживаются — довольно неудачно. Я думаю, сеют бурю, т.к. многие впервые начинают мыслить, и я знаю случаи, где под влиянием учебы начинают идти (скрывая, конечно) по пути идеалист[ических] филос[офских]

течений. В моих сочинениях публично и печатно находят витализм, неовитализм, мистицизм, идеализм, механизм²⁶! Я решительно и определенно, когда возможно, выступаю против, считая, что я как философски образов[анный] человек — философский скептик²⁷ не могу допустить внедрения философии в науку в той дикой форме, в какой это делается. Это тоже одно из обстоятельств, отражающихся на моем печатании. Здесь я пока не безуспешно борюсь!

¹ Европейский маршрут Вернадского в мае—ноябре 1932 пролегал через Чехословакию, Германию (Мюнстер, Геттинген, Берлин, Лейпциг) и Францию (Париж). Начиная и оканчиваясь он в Праге, где жила семья дочери В.И.Вернадского — Нины Владимировны (в замуж. Толль; 1898-1986; врач-психиатр. В 1922-1939 — в Праге, затем с семьей в США). Ее муж Николай Петрович Толль (1894?-1985) — археолог, доктор философии Карлова ун-та (Прага), один из основателей и сотрудников *Seminarium Kondakovianum*, затем Кондаковского ин-та, в США — сотрудник Art School Йельского ун-та. Их дочь — Татьяна Николаевна (р.1929).

17 мая в Мюнстере на I Международном съезде по изучению радиоактивности Вернадский сделал доклад о радиоактивности и новых задачах геологии (текст см.: Wernadsky W.I. *Die Radioaktivität und die neuen Probleme der Geologie // Zeitschrift für Electrochemie. Halle, 1932. Bd.38. №8a*); здесь же состоялась его последняя встреча с Марией Кюри (1867-1934), в институте которой в Париже он интенсивно работал в 1922-1925. В Мюнстере же Вернадский общался с немецкими физиками — О.Ганом и Л.Мейтнер, Г.Хевеши, с приехавшими из Англии Э.Резерфордом и Д.Чедвиком. Вскоре Л.Мейтнер, так же как и В.-М.Гольдшмидт (1888-1947), старый друг Вернадского, директор Геохимического ин-та, у которого академик гостил в Геттингене, покинул Германию, а на мировую науку на много лет опустится «железный занавес» изоляционизма. Подробнее см.: Вернадский В.И. Геохимия, биогеохимия и радиология на новом этапе: Извлечения из отчета о заграничной командировке 1932 г. // Вестник АН СССР. 1933. №11.

² После отъезда в США в 1927 Георгий Вернадский лишь трижды побывал в Европе — летом 1932, 1935 и 1938. Вместе с женой — Ниной Владимировной (урожд. Ильинской; 1884-1971) в 1932 он сначала приехал в Париж (где встречался с Булгаковыми, Ольденбургими, Гольштейнами и др.), затем отправился в Швейцарию (к Родичевым). До Праги младшие Вернадские добрались 26 июля и находились здесь до 14 сентября. Сохранились дневниковые записи Г.В.Вернадского об этой поездке (BAR. Coll. Vernadsky. Box 103).

³ Vernadsky G. Lenin: Red Dictator. New Haven, 1931; The Russian Revolution, 1917-1932. New York, 1932; М.И.Ростовцев (К шестидесятилетию его) // *Seminarium Kondakovianum*. 1931. Vol.IV. P.239-244. Последняя статья посвящена юбилею Михаила Ивановича Ростовцева (1870-1952) —

выдающегося историка античности, в эмиграции профессора Йельского ун-та, «американского» покровителя Георгия Вернадского, благодаря влиянию и авторитету которого Вернадского-младшего оставляли в 1930-е годы преподавать в Йеле. Их переписка и другие материалы из американских архивов недавно опубликованы: Скифский роман / Под общ. ред. Г.М.Бонгардт-Левина. М., 1997. С.516-529 и др.

⁴ Усилиями В.И.Вернадского, В.Г.Хлопина и др. самостоятельный Государственный Радиевый институт (ГРИ) был создан в 1922 при Российской Академии наук (РАН). Вернадский возглавлял его до 1938, пока институт находился в ведении Наркомпроса РСФСР; затем ГРИ передан АН СССР. Подробнее см.: Бюллетень Комиссии по разработке научного наследия академика В.И.Вернадского. Л., 1988. №3, а также новейшую публикацию: Вернадский В.И. Труды по радиогеологии / Сост. Ф.Яншина. М., 1997.

⁵ Почти четыре года (с 1922 по 1926) Вернадский провел в научной командировке от РАН за границей — преимущественно во Франции и Чехословакии. Летом 1925 он начал писать итоговый отчет субсидировавшему его исследования Фонду Розенталя (см. прим. 13 к письму 3). В этом отчете, который задумывался как книга «*La matière vivante dans la biosphère*», он впервые дал формулы размножения жизни. Полностью отчет никогда не был опубликован. Частично его материалы вошли в статьи Вернадского на русском и французском языках, опубликованные в 1920-е.

⁶ После «Академического дела» новый Устав АН был спешно принят весной 1930. Он окончательно закрепил идею «союза науки и социалистического строительства», зафиксировал основой этого союза «материалистическое мировоззрение» и плановость научных исследований. На Академию наук, переданную из подчинения СНК СССР в Комитет по заведыванию учеными и учебными учреждениями ЦИК СССР (Ученый комитет), возлагалась организация научно-исследовательской работы в стране.

⁷ Кандидатура Вернадского на пост вице-президента была предложена на заседании фракции коммунистов-академиков 25 февраля 1929, через 3 дня — 28 февраля Политбюро утвердило это решение. Вернадский учитывался партийными властями и как возможный кандидат в президенты АН (см. письмо Е.П.Воронова Н.П.Горбунову от 29 октября 1929: «Возможно, что в случае ухода Карпинского, будет выставлена кандидатура Вернадского, конечно, не нами» (АН СССР и ЦК ВКП(б) / Публ. М.В.Зеленова // Исторический архив. 1997. №4. С.129, 131, 133). Партийными «информантами» Вернадского могли быть как раз упомянутые академики — историк, зам. наркома просвещения Михаил Николаевич Покровский (1868-1932), поручившийся за Вернадского еще при его отъезде за границу в 1922, а затем содействовавший его восстановлению в списке членов РАН в 1925, или Давид Борисович Рязанов (наст. фам. Гольдендах; 1870-1938), директор Ин-та К.Маркса и Ф.Энгельса, посетив который Вернадский записал в «хронологии»: «Такого мощного исследова-

тельского центра научной работы в области гуманитарных наук я не представлял себе возможным» (цит. по: Природа. 1990. №6. С.96).

⁸ В 1930 знаменитая академическая КЕПС — Комиссия по изучению естественных производительных сил России была реорганизована в СОПС — Совет по изучению производительных сил страны, который возглавил академик-нефтяник, коммунист И.М.Губкин.

⁹ По-видимому, имелась в виду открытая антикоммунистическая направленность правительств А.Бриана—А.Тардье в 1929-1930, приведшая французскую компартию фактически на нелегальное положение и вызвавшая раскол партии.

¹⁰ Вернадский дважды обращался непосредственно к Сталину — в июне и августе 1930, как он пишет, «по указанию А.В.Луначарского». Черновик письма ясно свидетельствует, что необходимость поездки академик мотивировал не столько ее значением для его исследований, сколько полезностью для страны; ср., например: «сейчас я ишу [зачеркнуто первоначальное: «подхожу к решению и открытию». — М.С.] новых путей для решения вопросов, связанных с плодородием и урожайностью. Мне кажется, что я эти пути нахожу; в случае удачного решения я убежден, что мои выводы будут иметь большое значение в решении стоящих перед нами вопросов величайшей важности — реконструкции сельского хозяйства. Ленинская Академия С.Х. Наук подтверждает мою командировку, учитывая эту сторону моей работы. Н.И.Вавилов может это подтвердить» (АРАН. Ф.518. Оп.3. Д.2008. Л.1-10б.). Письма Вернадского Сталину, к которому он неоднократно обращался, частично опубликованы: Вернадский В.И. Из писем разных лет / Публ. С.Р.Микулинского // Вестник АН СССР. 1990. №5. С.87-88; ср. также запись Вернадского об этих событиях в позднейшей «Хронологии» (Вернадский В.И. «Царство моих идей впереди...»: Из записей 1931 года / Публ. И.И.Мочалова // Природа. 1990. №6. С.90).

¹¹ Номинально А.В.Луначарский возглавлял в это время Ученый комитет ВЦИК, которому была подведомственна АН. Реально делами вершил Ю.М.Стежков.

¹² Черновик заявления датирован 17 декабря 1930 (АРАН. Ф.518. Оп.2. Д.76. Л.10-13). В нем Вернадский, помимо излагаемого в публикуемом письме, упомянул о своей политической благонадежности, вспомнив о давнем выходе из конституционно-демократической партии (кстати, сам этот факт никаких других подтверждений, кроме слов Вернадского, не имеет), а также о своем добровольном возвращении в советскую Россию в 1926.

¹³ Имеются в виду Александр Павлович Виноградов (1895-1975) — по Биогеохимической лаборатории и Виталий Григорьевич Хлопин (1890-1950) — по Радиевому институту. Виноградов возглавил лабораторию после смерти Вернадского в 1945, а затем и выросший на ее основе Институт геохимии и аналитической химии им. В.И.Вернадского АН СССР

(с 1947); с 1953 он — академик, в 1967-1975 — вице-президент АН. Хлопин избран академиком и директором Радиевого института в 1939.

¹⁴ В 1930-1935 им был историк Вячеслав Петрович Волгин (1879-1962).

¹⁵ Здесь и далее курсивом выделены авторские подчеркивания.

¹⁶ Решение, по воспоминаниям самого Вернадского, сообщил ему А.В.Луначарский.

¹⁷ См.: Проблема времени в современной науке // Известия АН СССР: 7 сер.: ОМЕН. 1932. №4. С.511-541.

¹⁸ Сохранившийся в архиве Вернадского отпуск этого письма датирован 17 февраля (АРАН. Ф.518. Оп.3. Д.1979. Л.1-15об.; письмо почти полностью опубликовано: Вернадский В.И. Из писем разных лет. Указ. изд. С.88-91).

¹⁹ Химик, председатель Научно-технического отдела ВСНХ, друг Л.К.Рамзина Владимир Николаевич *Ипатьев* (1867-1952) не вернулся из командировки в 1930; с 1931 жил в США. Химик Алексей Евгеньевич *Чи-чибабин* (1871-1945) с 1930 находился во Франции; решением Общего собрания АН СССР 29 декабря 1936 в соответствии с п. 24 Устава АН СССР («действия, несовместимые с званием действительного члена Академии наук СССР») оба ученых лишены звания академиков. Восстановлены в 1990.

²⁰ Точнее — 19 апреля (АРАН. Ф.518. Оп.3. Д.1979. Л.16-16об.).

²¹ Т.е. Наркомат рабоче-крестьянской инспекции. Подробнее о механизме принятия решений о зарубежных командировках ученых в 1930-е см.: Есаков В.Д. Почему П.Л.Капица стал невыездым // Вестник РАН. 1997. №6. С.544-546.

²² Жена Вернадского — *Наталья Егоровна* (урожд. Старицкая; 1860-1943).

²³ По-видимому, имеется в виду управляющий делами СНК СССР, им был И.Мирошников.

²⁴ Точнее — Комиссия содействия ученым при СНК СССР, ставшая с мая 1931 наследницей знаменитой ЦЕКУБУ. Председатель — зам. пред. СНК СССР В.В.Куйбышев. Ликвидирована в ноябре 1937, значительная часть имущества КСУ передана АН.

²⁵ *Сорель Жорж* (1847-1922) — французский социолог, теоретик анархо-синдикализма.

²⁶ Впервые публично такие утверждения появились в 1931 не где-нибудь, а в главном теоретическом органе ЦК ВКП(б) журнале «Большевик», в статье «Вредительство в науке». Здесь Вернадский попал в один ряд с такими «носителями реакционных теорий», как Л.С.Берг, А.Г.Гурвич, Н.К.Кольцов, Я.И.Френкель и др. (впрочем, похожая кампания разворачивалась еще в начале 1920-х, но, по-видимому, за отъездом акаде-

мика за границу вынужденно заглохла). Чуть позже появилась уже «персональная» критика Вернадского в статье В.И.Новоградского «Геохимия и витализм (О научном мировоззрении акад. В.И.Вернадского)» (Под знаменем марксизма. 1931. №7/8. С.168-203). И, наконец, апофеозом стало выступление против Вернадского только что избранного академика А.М.Деборина (Проблема времени в освещении акад. В.И.Вернадского // Известия АН СССР: ОМОН: Сер. геол. 1932. №4; ответ Вернадского см.: По поводу критических замечаний академика А.М.Деборина // Там же. 1933. №3). Эту свою статью Деборин, кажется, еще долго считал неким тайным оружием, способным помочь ему в достижении его целей; во всяком случае, когда в самом конце 1935 в АН пришел новый неприменный секретарь (Н.П.Горбунов), в качестве «визитной карточки» Деборин вручил «дорогому Николаю Петровичу» именно эту статью 1932 года! (См.: АРАН. Ф.2. Оп.1-1937. Д.458). Действительно, накал страстей в полемике Вернадский—Деборин был столь не академически велик, а политические последствия столь неопределенны (или наоборот?), что в унисон Новоградскому и Деборину, «на всякий случай», выступил даже старый ученик Вернадского академик А.Е.Ферсман в справочной статье в Малой советской энциклопедии (Т.2. М., 1934. Стлб.376). В 1936 «дело Вернадского» ушло «наверх» и рассматривалось в Отделе науки ЦК ВКП(б) у К.Я.Баумана (как возможный претендент на место будущего «дела Лузина?»). Подробнее см.: Мочалов И.И. Творчество В.И.Вернадского и философия // Философские науки. 1988. №4.

²⁷ Объем понятия «философский скептицизм» по Вернадскому см.: «Царство моих идей впереди...». Указ. изд. С.91 (запись 14 марта 1931).

2

Praha, Dejvicé.
Zemědělska 4, patro I, b.X
14.VIII.[1933

Мой дорогой — сегодня приехал в Прагу¹, и мне хочется написать тебе свободно, как я не мог это делать тебе из России — хочется и от тебя знать более ясно и более глубоко и более откровенно, чем это можно было сделать в письме в Россию.

Хочется знать и о твоей работе и твоих мыслях и настроении в свободном изложении, не искаженных мыслью о перлюстрации и беспощадных последствиях невинных людей, из нее делаемых.

Очень я жду такого письма.

Сперва о своей поездке. Как я уже тебе писал из Москвы, я получил наконец командировку на полгода. Задержка произошла от ряда обстоятельств, связанных и с бытовыми условиями и, м.б., с общими политическими условиями, наконец, с частными условиями здесь.

Наше государство по целому ряду явлений не может сравниться серьезно с государствами, нас окружающими, — особенно резко это сказывается при столкновении интересов государства (или диктатуры пролетариата, партии большевиков в конце концов) и частного лица, не принадлежащего к составу господствующей диктатуры. Отношение к нему определяется целесообразностью; оно совершенно различно для различных категорий и отдельных личностей, меняясь в связи с ходом времени. «Права» граждан — доведены до *minimum*'а и фактически они сходят на тот *minimum*, который неизбежен в сложных условиях государственного муравейника.

Я был в полной уверенности, что в прошлом году я получил годовую командировку с перерывом в 1/2 года из академических сумм (валютных), как было поставлено это официально [так! — *Публ.*] решение в прошлом году. В Москве теперь узнал, что Академия направила мою командировку на суммы Совнаркома, ей не принадлежащие (в прошлом году я, оказалось, получил 1/2 денег из Совнаркома и 1/2 из Акад[емии], как мне говорили в М[оскве]), а Ученый Комитет ЦИКа в прошлом году общего постановления не сделал и вновь возбудил ходатайство о моей полугодовой командировке в прошлом году и отдельно [в] этом году. Это все формальные условия, которыми переполнена наша жизнь, и в сущности делают ее совершенно часто нестерпимой. В строе жизни интерес личности — и ее самодовлеющее существование во внимание не принимаются.

Как бы то ни было, Совнарком, к которому Академия формально не имеет прямого отношения, денег Акад[емии] не дал, т.к. сокращал свои валютные расходы до *minimum*'а, «показывая пример».

В то же время во избежание растраты валюты, всякое новое назначение валюты сопряжено с *личным* разрешением Молотова, председ[ателя] Сов[ета] Ком[иссаров], который делает его под личной ответственностью. Он должен считаться с сложнейшей мелкополитической игрой «двора» — в сущности личного режима, где он член «головки» и окружен врагами.

К этому присоединилось новое обстоятельство, тоже сопряженное с особым положением настоящего момента. Во-первых, вместо двух помощников (Куйбышева и Рудзутака²) его сейчас может замещать только один. Рудзукат всецело занят «чисткой» партии (пересмотреть почти 2000000 народа по существу). Эта «чистка» всюду нарушает текущую государственную работу; ей придается огромное значение — и судя по очень плохому рабочему качеству партийцев — по крайней мере те, кого я вижу в Питере, —

это значение правильно. Весь ненадежный материал — под влиянием выгоды быть коммунистом [Так! — Публ.] — стремится в партию. Сейчас, напр., мой помощник в Радиев[ом] Инст[итуте] по хозяйственной части (сейчас почти везде даже в научных учреждениях директора и замест[ители] директора коммунисты. В Радиев[ом] Инст[итуте] пока иначе: дир[ектор] — я, замест[итель] дир[ектора] — Хлопин, ему подчинен зам. дир[ектора] по хозяйственной части коммунист Пыркков. Не глупый, порядочный старый партиец, из рабочих) с лета и до января занят чистой (предс[еда-тельство]) и физически только часа 2-3 отдает делу. Очевидно, так везде, а так как дело идет не гладко — то можно себе представить, как это отражается на уборке хлеба, напр., куда сейчас направлено все внимание правительства и партии. Эта безладница отразилась на моем деле.

Наконец, еще одно. Огромная масса коммунистов, самых влиятельных и деловых — и из центрального аппарата, — направлена в деревню. Вероятно, сотни тысяч человек, думаю, больше. Говорят, в Украине и весь Центр[альный] Исп[олнительный] Ком[итет] и т.п. — и вся текущая жизнь — а тем более интересы частных лиц заброшены.

В конце концов я массу потерял времени, пока разобрался.

Для меня моя поездка за границу — совершенно необходима. Это единственная возможность написать книгу о геохим[ической] энергии жизни в земной коре, над которой я работаю с 1916 года. В прошлом году, благодаря работе над радиоакт[ивностью] и над алюмосиликатами, я главную часть командировки направил не в ту сторону, отложив на май. В мае должны были состояться мои лекции в Париже, 8 сент[ября] [в] Брит[анской] Ассоциации в Леб-стере, куда я получил приглашение. Все это — частью как Париж — провалилось, а заседание сент[ябрьское] в Англии фактически, т.к. мне Англию выгоднее соединить с Парижем. Для меня ясно, что уходить в сторону (как Брит[анская] Ассоциация), не начавши моей работы, — я не могу: ничего не сделано. Я стремлюсь закончить и написать книгу не только по моим летам, но и потому, что я в области радиоактивности, геохимии и живого вещества подхожу к новым большим проблемам, отнятым от темы книги. Я могу уйти в новую огромную работу и *не быть в состоянии* направить мысль в сторону геохим[ической] энергии.

Все мои попытки получить какой-нибудь ответ окончились неудачей, и я решил ехать в Москву окончательно выявить дело — довести его до конца. Поэтому я — вместо частных писем Мол[отову]³ и офиц[иальной] командировки Академии — подал 15-го июля Предс[едателю] Сов[ета] Ком[иссаров] официальное

заявление о выдаче паспортов мне и твоей матери для окончания моей работы без валюты, решившись уехать, причем указывал, что не могу обещать вернуться вовремя и вообще вернуться скоро, — но указывая, что для меня ясно, что зарабатывая [на] жизнь за границей, я работу окончу, а зарабатывая так же жизнь в Союзе — работы не сделаю. Нет условий, гл. обр. библиотек и т.п. Я указал, что мне нет выбора и что я не могу отказаться от окончания своей работы (Геохим[ическая] энергия жизни в земной коре) ни в коем случае и не могу откладывать, т.к. мне 70 лет, и я неизбежно — по ходу моих других работ — если сейчас не сделаю, буду захвачен другими важными проблемами. Принимаю это решение не легко, т.к. мне приходится бросать результаты многолетней работы по радиоактивности, геохимии, биогеохимии, которые находятся в полном разгаре и идут хорошо. Поэтому это решение мне нелегко сделать. Думаю, что оно едва ли правильно и с общей точки зрения и что правительство, м. б., учтет мою работу как специалиста и даст мне нужную сумму (2400 зол. руб.) в виду практи[ческого] значения моих интересов в такой области, где специалистов нет, — а именно руды радия в Союзе, геологическое время в связи с горной разведкой и руды гелия в Союзе. При таких условиях я смогу закончить книгу и не бросать начатых больших работ. Причем указал, что небольшие ежегодные заграничные командировки мне необходимы, конечно, не столь длительные. 15-го июля эта записка была подана Молотову, и я стал добиваться или личного свидания с ним, или решения. Мне пришлось обратиться к двум лицам (Бухарину — акад[емике] и Бубнову — ком[иссару] нар[одного] просв[ещения] Рос[сийской] респ[ублики]⁴ — по Радиев[ому] Инст[итуту]), которые с М[олотовым] переговорили. 26 июля я имел свидание с Куйбышевым, говорившим по поручению Мол[отова], и получил все, что хотел. Разговор был о Ra, He и т.п. Мне пришлось приехать в Москву и быть на совещании в Кремле по гелию (для меня очень интересному) 4-го августа.

В связи с этим — раньше, чем я обратился к Бух[арину] и Бубн[ову], я вел переговоры с офици[альным] лицом, секретарем КСУ (Ком[иссии] Сод[ействия] Учен[ым] при Совнарк[оме]), который меня уговаривал — ввиду трудности получить сейчас командировку — отложить ее. Я говорил, что, конечно, возможно отложить месяца на 3 — и поехать на это время отдохнуть — но это не изменит положения дела — но когда он предложил перенести на 1934, я решительно отказался. Мне предлагали устройство отдыха в исключ[ительных] условиях (как в 1931), помощь лаборатории и т.д. Надо сказать, что, вернувшись в прошлом году из

загр[аничной] команд[ировки], я представил АН записку — отчет, в котором выдвинул целый ряд тяжелых условий научной работы в Союзе в связи с трудностями научн[ого] загранич[ого] обмена и опасности (для научной работы) дальнейшего продления положения. Отчет был мной через АН послан в Учен[ый] Совет⁵ Центральн[ого] Исп[олнительного] Ком[итета] и в КСУ Воронову⁶. Он по его откровенности и определенности появиться в печати пока не может. Я стоворился в связи с переговором (интер[есный] разговор с Ворон[овым] об отчете по существу) представить Вор[онову] — в КСУ (предс[едатель] КСУ сейчас, кажется, Куйбышев, был Молотов) три записки: 1) о значении — практическом работ на Ра и Не и геол[огическом] времен[ии] 2) О практич[еских] мерах, связанных с отч[етом] о ком[андировке] и 3) О тех улучш[ениях], которые необходимы для моей работы. Условился их представить отсюда. Я пришлю тебе копию и их, и моего отчета, который когда-нибудь да появится в свет.

Ну вот тебе обо мне и о маме. А затем напишу тебе отдельно об общих впечатлениях.

P.S. Хочу прибавить несколько слов о Кате⁷ — что должно и тебя, и Нину интересовать. Ты знаешь, как мне дорога и близка Катя и как я к ней хорошо отношусь. Мы ей постоянно посылали деньги, и мама вела с ней оживленную переписку — вы оба были в ее курсе. Письма ее были очень хорошие.

В Москве я видел Игоря⁸, два или три раза и в последний раз он мне передавал (нач[ало] авг[уста]) через Дм. Ив. [Шаховского] или Фокина⁹, не помню, положение дела.

Ваши хлопоты с Ек. Н.¹⁰ двинули дело. Сейчас, с одной стороны, Катя *подала* нужное заявление о замене конца наказания отсылкой за границу (такова форма! — и интур[истовский] паспорт!) и в то же время братья подали через какую-то комиссию об облегчении ее участи. Игорь надеялся, что или то, или другое удастся — м.б., быстро.

¹ 11 августа 1933 Вернадский с женой выехал в очередную полугодовую командировку (Франция, Чехословакия, Англия, Польша). Как обычно, инициатором приглашения ученого с чтением лекций по радиобиологии была Сорбонна.

² *Куйбышев* Валериан Владимирович (1888-1935) — в 1930-1934 председатель Госплана СССР и зам. председателя СНК и СТО СССР; *Рудзутак* Ян Эрнестович (1887-1938) — в 1926-1937 зам. председателя СНК и СТО СССР, одновременно в 1931-1934 — председатель Центральной контрольной комиссии ВКП(б) и нарком Рабоче-крестьянской инспекции СССР.

³ Сохранились черновики писем Вернадского Молотову от 26 марта, 2 и 31 мая 1933 (АРАН. Ф.518. Оп.3. Д.1980).

⁴ *Бухарин Николай Иванович* (1888-1938) — член ЦК ВКП(б) до 1934, гл. редактор газ. «Известия»; *Бубнов Андрей Сергеевич* (1884-1938) — нарком просвещения РСФСР в 1929-1937.

⁵ Точнее — Ученый Комитет ЦИК.

⁶ *Воронов Ефим Павлович* — в 1920-е зав. отделом научных учреждений СНК СССР, многолетний партийный куратор АН.

⁷ Ильинская Екатерина Владимировна (1882-1962) — сестра жены Г.В.Вернадского — Нины Владимировны (урожд. Ильинской); весной 1931 послана на 3 года в Сибирь в связи с религиозными убеждениями (баптистка).

⁸ Ильинский *Игорь Владимирович* — брат жены Г.В.Вернадского. До революции — литератор, толстовец, многократно арестовывался, в т.ч. по делу о «Выборгском воззвании». В 1930-е также арестован, погиб на Соловках.

⁹ Шаховской *Дмитрий Иванович* (1861-1939) — историк, публицист, исследователь творчества П.Я.Чаадаева, друг Вернадского. Один из основателей кадетской партии; член ее ЦК. Депутат и секретарь 1-й Государственной думы. Министр государственного призрения Временного правительства; *Фокин Анатолий Михайлович* (1892- не ранее 1979) — геолог, историк, муж племянницы Вернадского — М.М.Любошинской.

¹⁰ Так в тексте. По-видимому, имеется в виду Екатерина Дмитриевна Кускова (1869-1958), которая по просьбе жены Георгия Вернадского — Нины в ноябре 1932 из Праги связалась с находившейся в это время в Сорренто Е.П.Пешковой — главой «Помощи политзаключенным» — и просила помочь вызволить Екатерину Ильинскую из России — «выкупить», т.е. получить разрешение на выезд из СССР за определенную сумму в валюте. 4 декабря 1932 Кускова сообщила: «Дорогая Нина Владимировна! Ужас... В России начался торг людьми... Опубликован декрет о правах Интуриста ходатайствовать за граждан, желающих навсегда покинуть Россию. Стоимость паспорта — 500 долл., или 12000 fr или 17000 [рублей?] которые — непременно в валюте» (BAR. Vernadsky Coll. Box 5). После наведения справок, к февралю 1933 выяснилось, что нечего и думать о выкупе, т.к. он не касался политссыльных, тем более по религиозным делам, а можно только просить о смягчении режима. Тем не менее хлопоты Е.П.Пешковой принесли результаты: к декабрю 1933 Е.В.Ильинская была освобождена из ссылки, однако выяснилось, что за «выкуп» лишенцев надо платить не 500, а 1000 долларов, к тому же так и не удалось получить американскую визу, и Ильинская навсегда осталась в советской России.

Прага. Ul[krale] Alexandra, 34
16. VIII. [1]936 — 17. VIII. [1]936

Дорогой мой — приехали 14-го¹, вчера ездил на машине с Ничкой и Н. Петр. [Толлем] в Шпитцеров Мысн в Кркошонах за Танюшей², завтра еще останусь в Праге, а утром 18-го еду в Карловы Вары, где пробуду три недели.

Столько хочется написать тебе — напишу, когда можно более свободно писать, и столько в этом году прошло в моей жизни — и в мировой жизни — большого и важного.

Хочу сперва написать тебе о нашей жизни — а затем о том, что происходит в России — Советской России. И там и здесь год, прошедший после нашего свидания, много дал.

Быстро он пролетел. За границей я сделал немного³ — но по возвращении в Москву я очень интенсивно работал. Это для меня был год большого творчества. Во-первых, выявилась и установилась в Москве лаборатория, благодаря энергичной помощи А.П.Виноградова⁴ (он сейчас здесь со мной; мне удалось — после шестилетних ежегодных обращений добиться его заграничной) командировки на два месяца) — она находится в полном ладу; мешают только недостаток прежде всего — места. Но ряд интереснейших важнейших проблем поставлен в моей лаборатории, и собрался ряд выдающейся молодежи — физиков и химиков, биологов⁵. Сейчас все более и более преобладает тонкая физическая работа. Если удастся прожить без войны и без других катастроф, то в ближайшие же годы, я думаю, мы получим большие результаты.

Сейчас я подымаю вопрос о постройке моей лаборатории — вне очереди, указывая мои большие годы, тридцатилетие моей академической работы и то, что для лаборатории обеспечена преемственность, в виде Виноградова, и важно было бы, чтобы я мог участвовать в ее создании — постройке⁶. Надеюсь добиться — уже говорил с Ферсманом (пред[седателем] нашего отделения)⁷, Комаровым (вице-презид[ент])⁸ и написал письмо Горбунову (Непр[еменный] секр[етарь])⁹ — не мог его видеть — он был больной. Из Лондона пошло официальное письмо в Президиум Акад[емии]. Ал. Евг. [Ферсман] поведет дело без меня. Со смертью Карпинского¹⁰ я второй по старшинству избрания академик (старший Коковцов¹¹).

Помимо этого я находился все время в творческом порыве. Это любопытно для моих лет. Но надо иметь в виду, что биогеохимическая концепция природы создана была в 1916 году, 20 лет

назад, когда мне было 53 года! т.е. поздно. Сейчас год «юбилея» — 50 лет свадьбы, 30 лет академической работы, 20 лет концепции биогеохимии, 10 лет существования организованной академической биогеохимической работы (1926 — биогеохимический отдел живого вещества, 1928 — основание биогеохимической лаборатории). Я решительно протестовал против празднования юбилея, но все же печатается (кончает печатанием) сборник, посвященный мне, по инициативе А.П.Карпинского (кажется: А.Е.Ферсман, В.Г.Хлопин, А.П.Виноградов) — 2-х томный, более 70 человек участников¹². Это останавливать я не мог, и возможность печататься — расширение — я считаю хорошим делом. Учитывая все это, я думаю, что я имею большие шансы добиться постройки лаборатории быстро, скажем, в 1937 году.

Но моя творческая работа складывалась в этом году неожиданно. В 1925 году я добился некоторых математических результатов — окончательно удовлетворяющего меня решения, однако, не получил. Я предоставил эту работу в Fondation Rosenthal¹³, — как отчет в деньгах, мною полученных, — но F[ondation] Rosenth[al], теперь прогоревшего, — сама не печатала работы, и я имел право печатать сам. Из него я напечатал не все. И вот неожиданно в Болшеве, где я [провел] две недели ранней весной, я как будто двинул окончательно задачу и продумал, а частью набросал, все главные главы моей книги Основные проблемы биогеохимии¹⁴. Года два работы, и я смогу их отделать.

Я тебе, кажется, писал, что *новый* основной вопрос, ставший передо мной, — это вопрос о логике естествознания. Мне кажется, правильный и глубокий анализ понятия *биосферы* неизбежно приводит к реформе или, правильнее, к новому анализу логики естествознания. Это я хочу продолжить в Лондоне в 4-5 недель, которые я там пробуду, — выясню положение логики для себя. Увижу, не ошибаюсь ли я.

Я думаю, что, если я закончу мою книгу, как я хочу, я достигну наибольшего в моей жизни. Я хочу издать ее сразу на русском и французском языках.

Обстоятельства русской жизни — чрезвычайно интересные и глубокие — позволяют больше выступать, чем прежде. Об обстоятельствах русской жизни — я тебе напишу отдельно. Отдельно напишу или продиктую о прошлом семьи. Перешлю, сняв копию, чрезвычайно интересную записку — короткую — о Родичеве¹⁵, написанную для тебя Дм. Ив. [Шаховским]. Он самым решительным образом возражает против [Редедс?] — это бабы выдумки! (Серба или хорвата — кажется). Родственные предания Дм. Ив. знал от самого Фед. Изм. [Родичева]. Вообще для меня ясно, что

ты полагаться на Соф. Фед.¹⁶ не должен — надо быть осторожным.

Первое мое выступление было в связи с получением твоих книг. Не получая долго твоего «Очерка ист[ории] Евразии»¹⁷, — я обратился в Главлит, где в конце концов мне заявили, что она запрещена как явно «антисоветская» (заявили и письменно — чего не делают). Одновременно начались систематические вырезки из «Nature» научных статей, и цензура вообще стала бессмысленно придирчивой, небывало глупой и бесцеремонной. Одну из выписанных мною книг, довольно слабую и неглубокую книгу Radl'я¹⁸ «Vuchot a Zarah» цензура также отказалась выдать как «мракобесную» (по телефону цензор, фамилию забыл, с резким еврейским выговором — плохо говорящий по-русски). Я обратился в Академию — к вице-през[иденту] АН и Непр[еменному] Секр[етарю]¹⁹ в связи с «Nature» — с указанием необходимости академикам получать научные книги для их потребностей свободно. Оказалось, что и вице-през[идент] Кржижановский получает из цензуры технич[еские] журналы с вырезками. От них получил поддержку — Академия попыталась по телефону выяснить дело, и гл[авный] цензор (какой-то писатель — Ингулов — нач[альник] «главлита»²⁰. «Цензура» не упоминается) сперва согласился — но быстро переменил фронт и вступил в борьбу с Академией, начал не признавать ее прав выписки свободной научной литературы. Началась борьба между ним и Академией. Между тем цензура вырезала № «Nature» со статьей Рuzерфорда²¹ Об уничтож[ении] энергии. Я вторично обратился в Академию, № этот далее (с переведенной этой статьей, в случайно прошедшем номере «Успехи химии») был направлен Молотову, а я со своей стороны обратился с мотиви[рованным] личным письмом к Мол[отову]²², подымая и общий вопрос, и просил о выдаче мне твоей книжки, Зап[исок] Петрункевича²³ и Родичева²⁴, еще раньше этого я говорил с Бауманом²⁵ о Моск[овском] Унив[ерситете], переговорил с ним о недопущении твоей книжки и просил его о ее выдаче. Послал ему и письменное обращение. Он сам обещал прочесть твою книжку. 9 III я вечером получил и личное письмо М[олотова] и постановление Совнаркома, состоявшееся в этот день (но неопубликованное), в котором Инг[улову] был объявлен резкий выговор за «превышение власти» и неправ[ильное] ее исполъз[ование]. Ученым нельзя препятствовать в свободном получении нужной им для работы иностр[анной] литер[атуры]. На следующий день на дом принесли книги. После того опять была попытка не допустить выписку одной книги, мною выписанной, немедленно измененная. Я думаю, что я добился возможности получать всякие научные кни-

ги и журналы, понимая «научные» широко, напр. сейчас и New York Times.

Второй поднятый мной вопрос — это о Московском Университете — о возвращении в него геологических и минералогических наук, в 1930 году из него изъятых²⁶. Сейчас вопрос о высшей школе пересматривают: хотят ее восстановления — огромный напор снизу: студенчество не мирится с тем суррогатом, который ему преподносят. Мне удалось напечатать в Известиях статью об этом²⁷, встретившую поддержку, и лично объясниться с Бауманом (ведущим «чистку» от Центр[ального] Ком[итета] Компартии) и Межлауком²⁸, председат[елем] Комитета по высшей школе (решающее учреждение). 4 августа я был у них на заседании и, сколько мог понять, принципиально вопрос прошел. Ты мне очень поможешь, если будешь держать меня сколько-нибудь в курсе новых течений высшей школы в Америке. Я думаю, сейчас здесь будет большой поворот — в общем в хорошую сторону. Я, м.б., тебе напишу еще конкретнее.

Третий и четвертый касаются организации вопроса о геологическом времени для Конгресса международного 1937 года и о месторождениях Sn (олова) в России. Олово в нужном количестве еще не найдено — но я считаю его нахождение в больших массах чрезвычайно вероятным — в отличие от Соединенных Штатов, где таких месторождений нет. Напишу об общем положении из Карлсбада. Я считаю, что в этом году огромный политический шаг вперед. Если будет война — катастрофа — но сейчас Россия очень серьезный противник. Нежно обнимаю.

¹ Последний зарубежный маршрут Вернадских — 1936 года — включал, как всегда, Чехословакию, Францию, Англию.

² Здесь и далее *Танюша*, Танечка — внучка Вернадского, дочь Н.В. и Н.П.Толлей.

³ В 1935 Вернадский предполагал провести три месяца заграничной командировки в библиотеках Лондона, Рима и Парижа, однако по рекомендации врачей отказался от этого плана и только 10 дней октября—ноября 1935 оставил за парижскими библиотеками, а все остальное время жил в Чехословакии (Карлсбад, Прага).

⁴ См. новейшую публикацию: Переписка В.И.Вернадского и А.П.Виноградова. 1927-1944 / Сост. Л.Д.Виноградова. М., 1995.

⁵ О сотрудниках Биогеохимической лаборатории см.: Памяти первых российских биогеохимиков. М., 1994.

⁶ К 1936 Биогеохимическая лаборатория (Биогел) Вернадского занимала площадь 350 кв. м. 5 сентября 1936 Президиум АН СССР предло-

жил три варианта решения: предоставить Биогел специальное здание, включить ее в список академического строительства 1937 г. или выделить временное помещение. Сам Вернадский «настаивал» на новом здании площадью не менее 1200 кв.м. 3 августа 1937 за его подписью в Президиум АН была направлена докладная записка о необходимости нового здания (АРАН. Ф.2. Оп.1-1937. Д.168. Л.2-2об.), а уже 5 августа Президиум принял решение «признать необходимым включить в генеральный план строительства АН постройку спецздания для Биогеохимического Института» (Там же. Л.1).

⁷ Академик Александр Евгеньевич *Ферсман* (1883-1945) возглавлял Отделение математических и естественных наук АН.

⁸ Академик Владимир Леонтьевич *Комаров* (1869-1945), ботаник, географ, вице-президент АН СССР в 1930-1936, президент с 29 декабря 1936.

⁹ Николай Петрович *Горбунов* (1892-1937) — химик по образованию, академик (1935), непреременный секретарь АН СССР с 1935. Арестован и погиб в заключении.

¹⁰ Первый выборный президент РАН геолог Александр Петрович *Карпинский* скончался 15 июля 1936. Адъюнкт с 1886, ординарный академик с 1896.

¹¹ Востоковед-гебраист, семитолог Павел Константинович *Коковцов* (1861-1942) был избран адъюнктом АН в 1903 (Вернадский — в 1906), однако ординарным академиком он стал с 1 июля 1912, в то время как Вернадский был избран ординарным академиком немного раньше — 3 марта 1912 г. Из дооктябрьского призыва в это время в АН СССР оставались только академики А.Н.Крылов, Н.С.Курнаков, Н.В.Насонов, В.М.Истрин, Н.М.Никольский.

¹² Решение о юбилейном сборнике было принято постановлением Президиума АН СССР от 25 июня 1935. В феврале 1936 он был сдан в печать. Издан под общей ред. А.Е.Ферсмана, среди авторов — О.Ган, Ф.Славик, И.В.Курчатова, В.Г.Хлопин, Ф.Ю.Левинсон-Лессинг и др.

¹³ *Fondation Rosenthal* — фонд назван по имени Леонарда Михайловича Розенталя — выходца из России, французского предпринимателя, «короля жемчуга» и «русского Сороса» начала XX века, которого до сих пор в отечественной историографии осторожно именуют «французским меценатом». По рассказам самого Розенталя, он приехал из Грозного (по другим источникам — из Владикавказа) в Париж в 14-летнем возрасте со 100 франками в кармане, поступил в коммерческую школу, работал на ювелирной бирже и у знаменитого Баккара. В 1890 купил первую жемчужину, положившую основание его бизнесу и славе «жемчужного короля». Помимо жемчуга Розенталь занимался торговлей недвижимостью в Париже, на Елисейских полях владел несколькими кафе, кинотеатрами, доходными домами. Учредил стипендии писателям. Среди тех, кто в разное время пользовался материальным покровительством Розенталя в Париже, были С.П.Дягилев, Р.Киплинг, Ш.Дюлак, И.А.Бунин,

А.И.Куприн, К.Д.Бальмонт, Д.С.Мережковский и др., физики Ж.Перрен и мадам Кюри и др. «Он совсем не похож на банального богача, — писал К.Д.Бальмонт в 1922. — Он простой, милый, умный и приветливый человек» (Письма К.Д.Бальмонта к Дагмар Шаховской / Публ., вст. ст., прим. Ж.Шерона // Звезда. 1997. №8. С.165-166). За филантропическую деятельность Розенталь был награжден французским орденом — крестом Почетного легиона. Еврей по национальности, он был вынужден перед приходом нацистов во Францию бежать сначала в Португалию, затем в Бразилию, а в 1940, наконец, осел в Нью-Йорке, где его контора располагалась на знаменитой Пятой авеню. Скончался Розенталь 16 июля 1955, погребен 19 июля в Беверли Хиллс (Калифорния). Некролог см.: Седых А. Памяти Л.Розенталя // Новое Русское Слово. 1955. 19 июля. С.3-4.

О своей жизни и карьере в России, Франции, США Л.Розенталь рассказал сам в многочисленных романах-автобиографиях, некоторые из которых проиллюстрированы его дочерью — американской художницей Рашель Розенталь. См.: Rosenthal L. Au royaume de la perle. Paris: Payot & cie, 1919 (переизд. — 1920, 1926); The Kingdom of the Pearl. London: Nisbet & Co Ltd., 1920 (переизд. — New York: Brentano's book arts, 1920); Au jardin de gemmes. Paris: Payot & cie, 1922 (переизд. — 1924, 1925); L'esprit des affaires. Paris: Payot & cie, 1925; Mémoires d'un chercheur de perles. Paris: Deux Rives, 1949; The Pearl Hunter: An Autobiography / Transl. from French by Berma Briffault / Illustr. by Rachel Rosenthal. New York: H.Shuman, 1952; The Pearl and I. New York: Vantage Press, 1955.

Некоторые подробности организации научного Фонда Розенталя и поддержки им исследований В.И.Вернадского по живому веществу — один из самых неизвестных сюжетов в жизни Вернадского — документально восстанавливаются на основании писем академика сыну и дочери (BAR. Vernadsky Coll. Box 12, 228). Розенталь и Вернадского свел в Париже В.К.Агафонов (см. прим. 6 к письму 6). Их первая встреча состоялась 14 февраля 1924, контору Розенталя на 18, rue de Lafayette и начало переговоров Вернадский так описывал в письме дочери:

Очень странное впечатление делового муравейника (чисто еврейского — он ввел в дело всех своих родственников) среди разговоров на всех языках — главным образом русском и французском. В двух больших залах толчется, бегают народ — за маленькими столиками оцениваются, осматриваются, продаются, покупаются драгоценности, звонит телефон, и все время на ногах Л.Розенталь (хорошо говорящий по-русски). С ним мог говорить несколько минут. Он сказал, что Аг[афонов] попал в точку, он как раз хотел сделать что-нибудь для «химии» — в ней ничего не понимая, — но через своего друга С.Леви [французского индолога. — М.С.] (у которого останавливался Сергей [Ольденбург]) созовёт французских ученых и обсудят мой проект. Сегодня я получил приглашение к нему на обед на Понедельник 25 II, и тогда выяснится вопрос. /.../ Вопрос не кончен, как видишь, тем более, что могут встретиться тормозы со стороны французов-химиков,

которые могут пожелать воспользоваться этими деньгами. Придется, м.б., 25 II отстаивать значение этого дела — но против этого ничего не поделаешь.

Еще через две недели, 26 февраля 1924, после знаменательного обеда у Розенталя Вернадский сообщал:

Думаю, что вчера одержана победа, и я получу если не то, что хотел, то все [же] нечто, что даст мне возможность начать работу. Конечно, придется пробиваться и добывать средства дальше — и у меня теперь опять много планов и предположений. Розенталь жертвует в «фонд Розенталя» 1 000 000 фр. — проценты будут выдаваться в течение нескольких лет *определенному лицу* в его полное распоряжение для поддержания его научной работы. Образуется комитет, который будет выбирать это лицо. Идея — предложенная Борелем — *conservier les servana* — важные люди, а не камни (лаборатории). Первым выбранным лицом, вероятно, буду я — видно из всего. После заседания Розенталь сказал мне по-русски — «я надеюсь, Ваше дело устроено». Сумма 60 000 франков в год — на три года, м.б., будет продолжаться. 11 марта второе заседание (в лаборатории Жангиля) для окончательной выработки устава...

Мне пришлось защищать свой план — дело в том, что значительная часть приглашенных были физики, и у них был проект какой-то физической работы, и старый профессор Вейсс приехал для этого нарочно из Страсбурга. Вейсс хороший ученый — эльзасец — автор теории магнетизма. Но этот план не выдвинулся, и, мне кажется, мне удалось заинтересовать своей работой, которая, однако, представляется всем страшно медленной и трудной. /.../

Дом Розенталя — дворец — на улице Рюксдаля! Убранство соответствующее. С огромным вкусом и особой, не показной, роскошью. Настоящие картины старых школ — немецкие или голландские примитивы, в нише великолепная китайская статуя одной из «божеств» буддизма — богиня милосердия VIII-го столетия — «сокровище», по словам Сильвена Леви. В зале орган — жена музыкантша. За обедом были — жена и сын Розенталя — затем Перрен, Вейсс, Ланжевен, Лакруа, Жангиль, Юрбан (химик), Борель (математик), Готье /.../, Агафонов, Сильвен Леви и еще несколько мне неизвестных лиц. Председательствовал друг Сергея [Ольденбурга] Сильвен Леви, который очень меня поддерживал. После обеда Розенталь сказал, что он давно имел идею создания большого института, гл. обр. прикладного, увидел после войны и падения денег, что это не по средствам, — а затем явился Monseigneur (я) со своим проектом, и он собрал, чтобы обсудить мое — и другие предложения — если явятся, и хочет дать от 500 000 до 1 мил., хотел бы постоянное учреждение, но не настаивает. (Я предлагал 500-600 т[ысяч] ф[ранков] на 3-4 года для получения первых дан[ных] о составе жив[ого] в[ещества]

и биосферы или 80000 ф. ежегодно для постоян[ного] геохим[ического] инст[итута]. А затем говорил о большом плане — объединяющем ученую работу и прикладные задачи — который не брошу). Потом говорил я, и затем начались прения и возражения. Мне кажется, мне удалось отпарировать.

Однако столь поначалу многообещающе развивавшееся дело стало приобретать все более неопределенные очертания. 27 марта Вернадский писал:

Вчера было важное заседание фонда Розенталя. Я — по совету французских друзей — на нем не был. Был Агаф[онов], и знаю с его рассказов — но старик очень поддался и среди французов не решается выступать — он молчит, как и молчал на первом заседании. Пропагандирует a partu. Из его слов видно, что выдвинуто было три проекта: мой, физика Вейсса и предложение Ришз и Бореля — помощи молодым ученым. Вейссов отпал — и было решено допускать для фонда 1) большое предприятие (как будто мое) и 2) помощь молодым. В начале апреля будет окончательное решение. Я имею все шансы получить на 2-3 года по 30-40000 fr. Это не много, но можно работать.

К началу апреля стало известно, что «вопрос отложен до 30. IV. Для меня это м[ожет] б[ыть] уменьшение шансов получения денег, хотя я думаю, что это получение чрезвычайно вероятно. Это только усложнение моего положения в связи с Россией».

Наконец, 30 апреля:

Приняты принципиальные решения: 1) фонд делится на две части — одна дается целиком (30000 fr.) одному лицу, проводящему большое и новое, 2) другая делится на 2-3 части и дается тоже в связи с определенными новыми задачами, 3) суммы могут выдаваться иностранцам, работающим во французских лабораториях. Вопрос о мне подымался, и, по мнению А[гафонова], ясно, что общее настроение в мою пользу. Окончательно выяснится в июне, когда будут два заседания. Если не случится чего-нибудь особенного — я буду обеспечен на год — но необходимо в течение этого года дать уже некоторые интересные результаты при недостаточной помощи сотрудников.

Все-таки 5 июня

окончательно решился вопрос о предоставлении мне 30000 фр. на один год из фонда Розенталя. Осталась какая-то пустая формальность. По словам Агафонова, возражений почти не было, кто-то — из неизвестных Агафонову — возражал против предоставления первого назначения иностранцу, но ему возражал Ш. Рише; защищал мою мысль, как и раньше, химик Urbain. Таким образом, огромное дело начато. Я сейчас принимаюсь за записку о состоянии наших знаний о химическом составе орга-

низмов и о необходимой в первую очередь серии анализов. Мне необходимо иметь 10-20000 фр. на анализы, и я буду теперь искать эту сумму — обращусь опять в Америку и хочу снести с Арениусом в Стокгольме. Если только я получу эту сумму — я уверен в быстром достижении больших результатов.

Никаких других денег, кроме субсидии Фонда Розенталя, Вернадский на Западе не получил. Все его многочисленные ходатайства в американские и европейские университеты и фонды остались без ответа, что сделало возвращение академика в советскую Россию, на правительственном уровне безоговорочно поддерживавшую исследования Вернадского, необратимым.

¹⁴ Название «своей» книги, «книги жизни» варьировалось на протяжении 1930-х; законченная к 1944, она издана только в 1965 под названием «Химическое строение биосферы Земли и ее окружения».

¹⁵ В 1930-е Георгий Вернадский и Михаил Карпович собирали материалы для книги о Федоре Измайловиче *Родичеве* (1854-1933) — известном русском либерале, члене ЦК кадетской партии. Собранные материалы, в т.ч. записи интервью, и рукопись см.: BAR. Vernadsky Coll. Box 113.

¹⁶ Дочь Ф.И.Родичева — *Софья Федоровна*, в замужестве Бернацкая (ум. 21 июля 1962).

¹⁷ Точное название книги Г.В.Вернадского — «Опыт истории Евразии с половины VI века до настоящего времени» (Берлин, 1934).

¹⁸ *Радль* Эммануил (1873-1942) — чешский философ и моралист.

¹⁹ Т.е. к Глебу Максимилиановичу Кржижановскому (1872-1959) — академику (1929), вице-президенту АН в 1929-1939, и Н.П.Горбунову.

²⁰ Рейзер (*Ингулов*) Сергей Борисович (1893-1937) — один из руководителей большевистской Одессы в 1919-1920, зав. пресс-бюро ЦК в начале 1930-х. Зав. Главлитом с 1935. Материалы цензурных хождений Вернадского 1936 года опубликованы: Источник. 1996. №3. С.141-145.

²¹ Т.е. Эрнста Резерфорда (1871-1937).

²² Впервые опубл.: В.И.Вернадский. Из писем разных лет. Указ. изд. С.95-96.

²³ Петрункевич И.И. Из записок общественного деятеля: Воспоминания / Под ред. А.А.Кизеветтера. Прага, 1934.

²⁴ Не ясно, о каких именно воспоминаниях Ф.И.Родичева идет речь. Отдельной книгой его мемуары не издавались. Они публиковались в газетах: «Руль» (1927. 26-29 апреля; 1928. 1 июня), «Последние Новости» (1932. 22 апреля; 1933. 20 августа); журналах: «Современные записки» (Кн.53), «Slavonic Review» (Vol.2. №4) и др.

²⁵ *Бауман* Карл Янович (1882-1937) — секретарь ЦК (1929-1934), зав. отделом науки, научно-технических изобретений и открытий ЦК ВПК(б) с 1934. Арестован и погиб в заключении. Письма Вернадского к нему опубликованы: В.И.Вернадский: Из писем разных лет. Указ. изд. С.93 и др.

²⁶ В русле господствовавшей в конце 1920-х — начале 1930-х тенденции на свертывание университетского образования и «индустриализацию» высшего образования в целом, в апреле 1930 по приказу Наркомпроса геологическое и минералогическое отделения Московского университета были переданы в ведение Главного геологоразведочного управления ВСНХ. Геология как специальность возобновилась в университете уже в 1932, в 1949 в МГУ был даже создан геологический факультет. Самостоятельная кафедра минералогии восстановлена в МГУ в 1944.

²⁷ Геологические науки в Московском университете // Известия. 1936. 18 июня.

²⁸ *Межлаук* Валерий Иванович (Мартин Иоганнович) (1893-1938) — в апреле 1934 — феврале 1937 зам. председателя СНК и СТО СССР, председатель Госплана СССР. Арестован и погиб в заключении.

4

Karlovy Vary.
Ul. lorda Fintlaheri 6.
Villa Mimosa
19. VIII. [1]936

Дорогой мой,

Вчера приехал сюда. Был у доктора — Микса — который меня осмотрел и нашел желчный пузырь и печень в полном порядке и не мог прощупать их ненормальности. Собственно говоря, можно было бы и не ехать — но по словам Д.Д.Плетнева¹, который здесь в той же вилле, это только полезно. Но в связи с этим лечение будет брать значительно меньше времени, и я — неожиданно для себя — могу здесь гораздо более времени — кроме прогулок — отдать научной работе — и размышлениям.

Из Праги я послал тебе письмо большое — где писал о своей работе и о своем положении. Жду от тебя большого письма о твоих планах и твоих мыслях.

В этом письме я хочу набросать мои впечатления о жизни в России и мои основные на них соображения о ее возможном, кажущемся и реальном будущем. Как оно выявляется мне теперь по сравнению с тем, что можно было ожидать в прошлом году, когда мы с тобой могли говорить лично. Напишу отдельно замечания на твои заметки о прошлом нашей семьи.

Общее впечатление — несомненно за этот год *положительное* — но все же жизнь далеко не наладилась. Но виден и чувствуется огромный рост. Страна бурлит, и население стремится среди тяжелых условий жизни с *огромной работой* улучшить свое материальное — и духовное — положение. Ты имей в виду, что хотя я не был далеко за пределами Москвы и Ленинграда, но вижу столько людей, приезжающих *со всех концов* Союза — людей, которым можно безусловно верить, что, думаю, мое впечатление верное. Газеты не дают нам ясного отражения, гораздо меньше дают понимание происходящего, чем, напр., здесь. О самом важном и основном в текущей жизни они даже не говорят. Напр., о внешней политике сейчас нет ни слова, о китайской красной армии, о коминтерне, односторонняя оценка испанских дел и неверно излагаются германские настроения. Информация иностранная чрезвычайно ограничена: только в сущности две газеты: Правда и Известия. Обе за этот год *не* улучшились, скорее ухудшились, но все же лучше, чем были два года назад.

Жизнь дорога: дорог хлеб, и поэтому напрягаются все, чтобы удержаться на уровне. Снижению цены на хлеб — на что рассчитывали — мешает резкое повышение военного бюджета (больше, чем вдвое — о чем печатно говорилось — наверное). Все определяется обороной. На это идут огромные средства, и это определяет все другие расходы. Это и понятно. Германия и Япония. И они своих стремлений не скрывают.

Очень опасались неурожая из-за засухи. Засуха охватила огромный район: Самара, Урал, Западная Сибирь, Москва, Тверь, Рязань, Киев — но на Украине, Кубани, Нижнем Поволжье хороший урожай. Хлеба не пропали и в средней России. Пострадал скот: высохли пастбища, и в среднем, очевидно, в значительной части начавшийся (и шедший темпом, которого не учитывали специалисты) рост скота остановился или ослабился местами. Но это не в такой степени, чтобы было серьезным бедствием. Но в средней России будет тяжело крестьянству.

Железнодорожное [сообщение] несомненно улучшилось. Строительство очень большое и не останавливалось. Здесь много мошенничеств. Типы Щедрина и Островского на каждом шагу. Постройки в общем плане — но стремление к улучшению несомненно сильное. За наше время в Москве огромные изменения — но бесталанно и в бытовом отношении неудобно.

Школа улучшилась — все говорят. Начинается серьезная попытка улучшить высшую школу — творчества и знания того, что

делается — не видно. Держат курс на прошлое, которое для низшей и средней было невыгодное. Опыт 20 лет мало учитывается.

Характерно уменьшение значения диалектич[еского] материализма, напор студенчества, желающего знания. В стране нет настоящей высшей школы, колоссально увеличивается рост специального (техн[ического]) образования (на завод[ах] и фабр[иках]). В этом отношении огромная работа. И я смотрю на ближайшее будущее оптимистично. За этот год — результат положительный.

Большие стройки (электроэ[нергетика]), канал Москва — Волга и Москва — моря (через) строятся. Здесь большая работа.

Серьезно везде положение национальное. Принцип языка и культурного развития признан *реально* — но, конечно, это не может удовлетворить: и на Украине, где полный разгром «националистов» был произведен дважды — и в 1935 в начале еще не установилось равновесие. Но язык сохранил силу и жизненность. Принцип тот, который и я считаю правильным: в терминологии научной и технич[еской] максимальная близость к русскому. В 1934 разгром и резкое изменение структуры в Туркестане². Но язык и здесь сохранен целиком и развивается. Я думаю, что здесь зачатки благопр[иятные].

В общем — если не будет войны и неурожая — колхозы устояли. Пока нельзя считать окончательным. Под Москвой, где я видел, — плохо. Говорят, что в земле [1 слово нрзб.] выгоды явные. Но это еще не установилось окончательно. Теоретически эта попытка многое разрешает. Деревня перевернута небывало в истории.

Цензура дикая и безграмотная: указания фанатиков и героев Щедрина и Островского.

Аресты, говорят, уменьшились — но все же кругом слышишь и видишь несомненное положительное: школы (и высшая) открыты для всех (и детям лишенцев и «кулаков»). Это реально чувствуется как большой шаг вперед — на каждом шагу.

Религиозная жизнь в подполе. И загадкой является — и в этом, и в другом — идейном — отношении молодежи. Сервиллизм такой, что форма выражения убила содержание. Я думаю, идет большой внутренний процесс, и людям молодым цель (не карьеристам) не ясна. А ей будущее.

Характерны аресты и расправа в партийных кругах. В одной Академии более 40 ком[мунистов] научных и админ[истраторов] штат[ные?] и важные. Это, понятно, дело внутреннее.

Мне кажется, совсем неправильно здесь судили о верхушке правящей. Они не чинов[ники] и не заботятся только о своих интересах. Наоборот, здесь большое идейное понимание и крупные

люди. Статья о Сталине Милюкова (1935)³ мне представляется внешней и оценка ошибочной. Удачно или нет — но делается большое дело, и этого большого он не чувствует. А я думаю, что «удачи» здесь больше, чем 1-2 года назад казалось.

Ну все, пока. Целую тебя, мой дорогой, крепко и жду свободного письма.

Доктор Микса нашел, что у меня печень и желчный пузырь в порядке — очень упростил лечение по сравнению с прошлым годом. Если не трудно, пришли N[ew] York Times воскресный. Здесь я до 8 IX. Затем на 4 недели в Лондон. Я думаю, что с 1937 года смогу получать в Москве. Записку Дм. Ив. [Шаховского] о Родичеве мама переписывает — и тебе пришлю. О Кити мама написала. Я надеюсь — устроится. Твой

¹ Плетнев Дмитрий Дмитриевич (1873-1944) — терапевт, профессор московских ВЖК, директор ряда медицинских клиник 1-го МГУ. Засл. деятель науки РСФСР (1932), лечил советскую политическую и культурную элиту, в т.ч. Горького, по обвинению в умерщвлении которого шел по процессу «правотроцкистского блока» в 1938. Приговорен к 25 годам заключения, умер в лагере.

² Возможно, имеется в виду разгром Среднеазиатского гос. университета и ликвидация в 1932-1933 мифической «контрреволюционной националистической организации "Туркмен Азатлыги"».

³ По-видимому, имеется в виду рецензия П.Н.Милюкова на вышедшую в 1935 книгу Б.Суварина «Сталин». Рецензия опубликована в «Современных записках» (1935. Кн.59). Характерно, что самого Милюкова резко критиковали в самых разных кругах эмиграции за просталинскую позицию. Ср. в его письме к Е.Д.Кусковой от 18 сент. 1936: «Характеризуя способ (внешнюю форму) как варварство, я считаю цель, для которой употребляется этот способ, вполне правильной... Тем более желаю Сталина здравствовать, чтобы не было зигзагов назад...». Подробнее см.: Нильсен Е. Милюков и Сталин: О политической эволюции П.Н.Милюкова в эмиграции. 1918-1943. Oslo, 1983. С.28 и др. (сокращ. вариант см.: Новая и новейшая история. 1991. №3).

Мой дорогой — от тебя еще не было писем нам. Я опять жду — писал тебе два письма. Все же можно говорить свободнее, чем живя в Москве.

Мне очень было бы интересно знать о твоих научных планах и знать твое впечатление о происходящем у нас. Сейчас можно было ждать того, что произошло, — но едва ли кто ожидал такого жесткого истребления¹. Мы жили, подготовленные статьями и критикой среди комунистов. В Академии было арестовано больше 40 человек — все партийные — некоторые видные и влиятельные в аппарате Акад[емии]². Ничего хорошего о них сказать нельзя. Представляется и мне и из разговора с другими, что Сталин стоит за работу над строительством страны — а Троцкий и К^о — за мировую революцию.

Я прочел статью Милюкова о Сталине. Мне она представляется неудачной и неверной. Головка — представляется умной, и Сталин оказался умнее, чем думали. Он, конечно, совсем не доктринер и меняет свои «убеждения». Население, вероятно, все будет стоять не «за мировую революцию».

Воображаю, что теперь делается в Москве — причем имей в виду, что все-таки между партийными и не партийными нет слияния в обществе. Ты почти не встретишь их, когда приходишь к знакомым.

При них говорить бояться, и лишь началось некоторое сближение — в семьях, где члены семьи комун[исты] и не комун[исты].

Но, например, и в Узком — в санатории — чл[енов] партии немного и, говоря с ними, бываешь осторожен.

Здесь в Карлсб[аде] я встретился с Кржижановским (вице-през[идентом] АН — у меня с ним поряд[очные] отн[ошения]), и сейчас и я вместе с ним и с Плетневым (медик, один из крупнейших наших врачей, мой старый приятель, земец) гуляли и т.д. Но в Москве это бы никогда не случилось.

Ну вот. Хочу посылать тебе прочитанные твои записки. Пошлю 1-й лист о Вернадском. Было бы интересно, чтобы ты собрал материалы об истории нашей семьи³.

Есть ли что об унив[ерситетах] американских, стоящее внимания?

Целую

О Кити тебе писала Наташа⁴.

¹ Имеется в виду августовский процесс над Г.Е.Зиновьевым и Л.Б.Каменевым и расстрельный приговор им.

² Аресты в Академии наук середины и конца 1936 затронули прежде всего те гуманитарные институты, которые были связаны с Н.И.Бухариным — Институт истории науки и техники, Институт философии, Институт истории и др. Помимо арестов сподвижников Бухарина (Н.Карев,

И.Пригожин, Х.Гарбер, С.Васильев, Я.Урановский и др.), была проведена и «профилактическая кампания» в высшем звене АН — критике подверглись академики с меньшевистским прошлым — А.М.Деборин, В.П.Волгин и др. Перед началом реализации плана «Генерального строительства» АН в Москве «прочищен» и аппарат Управления капитального строительства АН (арест его начальника Л.А.Ольберта и др.).

³ Г.Вернадский действительно собирал такие материалы, см.: ВАР. Vernadsky Coll. Box 165, 181 и др.

⁴ Т.е. мать Г.Вернадского Наталья Егоровна.

6

Прага XIX.
Třída krále Alexandra 34 b.12
13.IX.[1]936 — 14.IX.[1]936

Мой дорогой Георгий, так радостно было получить наконец твои письма, не отражающие цензуры. Это чувство насилия над свободной мыслью для меня наиболее тяжело в России — я не могу с этим мириться, его не скрываю и достиг лично для себя очень многого. Но пока это стеснение как-то не сознается окружающими, и на меня смотрят как на индивидуалиста, с этим трудно мирящегося, тогда как кругом мирятся сравнительно легко. Очень тронуты твоим подарком и твоими долларами и тратами на пересылку водорослей для лаборатории. Очень досадно, что не смогу тебе вернуть эту сумму, т.к. с валютными заграничными операциями мы очень стеснены. Но если бы я имел официальный счет — я думаю, что это было бы возможно вполне.

Наши материальные дела должны быстро улучшиться. Учитывая все расходы родным, мы платим каждый месяц 700 руб. — мама на поддержку друзей говорит 900. Получаю я в Академии 800 р. (но с большими вычетами — в среднем около 720, м.б., даже меньше) и в Радиевом Институте меньше 400 (я получаю теперь половину, т.к. не езжу в Петербург). Затем с этого года стал получать 500 руб. пенсии — т.о. получаю 1700 с вычетами. Мы можем жить благодаря хорошей оплате литературной работы, которая для меня есть моя научная работа. Но в этом году, т.к. случилось так, что в печатаний вышли затруднения, и мы сделали долг — который выплатим в ближайшие же месяцы. Сверх того, с осени академические оклады должны измениться — академики будут получать minimum 1000 р., а может получать до 3000 в месяц. Моя оплата будет увеличена — и никаких затруднений не будет. Я должен получить за «Биогеохим[ические] очерки», которые

должны выйти ранней осенью¹, «Природные силикаты и алюмосиликаты»² — уже корректуры подписаны к печати, Введен[ие] к «Природным газам»³ (написано и осенью срок) и наконец 25% за «Историю вод земли»⁴, договор подписан. Т.о., в этом отношении беспокоиться нечего. Я до сих пор не брал ни одной статьи или книги для заработка и, надеюсь, не буду в таком положении.

Я хотел поднять вопрос — словесно поднять — говорил с Ферсманом (он сейчас председатель президиума физ[ико]-мат[ематического] отделения) и с Комаровым (вице-президент); и с Кржижановским (вице-президент) и писал об этом Горбунову (Непр[еменный] Секр[етарь]) — из Лондона в виде записки о постройке вне очереди Биогеохим[ической] лаборатории — отдельного здания для меня вне общей постройки ввиду моего возраста. Постройка, принципиально решенная, все откладывается частично вследствие финансовых соображений, частично вследствие бездарности лиц, которые должны реально работать: в подборе чувствуется выдвижение партийцев, а среди них более толковые и способные заняты более важными делами. В то же время материалов для стройки не хватает, хотя количество их увеличивается — но менее быстро, чем нужно. Но главное, конечно, сокращение кредитов, на которые не рассчитывали: все идет на армию и флот — бюджет сразу поднят по крайней мере в два раза, думаю, больше. Вследствие этого и финансовая реформа — ббольшая дешевизна жизни — не могла быть проведена. Основное: цена хлеба не понижена.

Но как бы то ни было, стройки Академии будут идти. На днях получил телеграмму Ферсмана, что президиум утвердил постройку моей лаборатории — я понимаю это так, что стройка будет идти в 1937 году и что к 1938 году лаборатория будет построена. Моя лондонская записка становится не нужной — но придется вдуматься в план. В связи с моим «юбилеем» — очевидно, это решение с этим «юбилеем» связано — можно будет добиться того, чтобы поставить уже при мне работу, как следует, пока я нахожусь еще в полной силе.

Начал уже писать свою книгу⁵ и в Карлсбаде написал почти до конца — но вчерне — введение. Творческая работа продолжается, и я очень доволен тем, что удалось выразить.

Здесь произойдет наша с мамой золотая свадьба (16-го сентября), и мне хочется устроить так, чтобы Танечка это пережила, и у ней остались о ней воспоминания в дальнейшей жизни. Выеду числа 19 и остановлюсь у Агафонова⁶ (Paris XIV, 9 Rue Joblé Dural) — пробуду там дней 5 и поеду в Лондон. Визу мне прислали сюда, я ее уже получил и в Лондоне пробуду не менее месяца. Надеюсь

хорошо подвинуть работу. В голове у меня все более ясно складываются и план работы, и основные черты. Хочу обработать введение — а затем обратить внимание и подработать по существу — первую главу — о необходимости переработать логику естествознания в связи с понятием биосферы — и затем главу о диссимметрии — одну из дальних глав.

Для меня ясно *резко* отличие живого от косного вещества планеты (биосферы) и в то же самое время ошибочность обоих пониманий жизни — виталистического и материалистического. Оба внесены в науку *извне* — философскими представлениями, корни которых находятся в религиозных построениях, которыми в своей основной проблематике проникнуты — в христианско-еврейском их выражении — все философии Запада и Америки. Почву для совершенно нового подхода дает диссимметрия Пастера — *особое состояние пространства, занятого живым организмом*. Настоящее новое в этой области было внесено Пастером и Кюри⁷. Мне кажется, мне удалось сделать следующий шаг.

Я ввожу, кроме того, новое понятие ноосферы (сферы ума), которое ввел, исходя из моих представлений, в Париже Ле Руа⁸ (философ, заместитель Бергсона⁹ в College de France). Ноосфера — охват биосферы умом человека — «борьба с природой» (дикое выражение и резко противоречащее нашему научному пониманию реальности) — создалась в плеоциеновое время около 1 000 000 лет назад — но ярко проявилась только в последние десятки тысяч лет — от нее переход к историческому процессу.

Нежно обнимаю.

Твой

¹ Изданы под названием «Биогеохимические очерки, 1922-1932 гг.» только в 1940.

² Земные силикаты, алюмосиликаты и их аналоги: Из лекций В.И.Вернадского в Московском университете, изд. в 1910-1912 гг. / 4-е изд., перераб. и приведенное к новому уровню знаний С.М.Курбатовым и В.И.Вернадским. Л.; М.: ОНТИ: Гл. ред. геол.-развед. лит., 1937.

³ Возможно, имеется в виду предисловие В.И.Вернадского к книге В.В.Белюсова «Очерки геохимии природных газов» (Л., 1937. С.1-2).

⁴ История минералов земной коры. Т.2: История природных вод. Ч.1. Вып.3. Л.: Химтеорет, 1936.

⁵ См. прим. 14 к письму 3.

⁶ *Агафонов* Валериан Константинович (1863-1955) — почвовед, геолог, писатель, с 1921 профессор Сорбонны. Старый друг Вернадского.

⁷ О значении вклада Луи Пастера и Пьера Кюри в общую концепцию биосферы см.: Вернадский В.И. Научная мысль как планетное явление. М., 1991. С.24 сл.

⁸ *Леруа* Эдуар (1870-1954) — французский философ, математик и палеонтолог. Вопрос об авторстве понятия ноосферы до сих пор является дискуссионным. Отечественные авторы, естественно, отстаивают приоритет Вернадского. Однако он сам не настаивал в абсолютной форме на нем; ср., например, в письме сыну от 6 октября 1936 из Лондона: «Я принимаю введенное Ле Руа понятие — *ноосферы* — т.е. сферы ума — результатом исторического процесса (огромного геологического значения): мы живем в психозойской эре (Шухард), выразившейся в ноосфере. Ле Руа (1927) развил логически мое представление о биосфере — но думаю, что я напечатал раньше, о чем Тейяр и он уже думали. Тейяр интереснейший и крупнейший ученый, иезуит, который не имеет права теперь читать лекции и ограничен в печатании. Он подчинился и сейчас работает в Китае — вероятно, самый крупный палеозоолог из живых — во всяком случае, в первых рядах» (ВАР. Vernadsky Coll. Box 12).

⁹ *Бергсон* Анри (1859-1941) — французский философ, член Французской академии (1914).

7

Прага
18.IX.[1]936

Дорогой мой — послезавтра уезжаю в Париж, пробуду там очень недолго и затем еду в Лондон, где пробуду не менее месяца. В 20-х числах октября вернусь в Прагу — побывав вновь в Париже, Веймаре (хочу пробыть день — т.к. хочу почувствовать Гете, в связи с написанной, но неотделанной моей статьей о Гете как натуралисте¹) и один день в Лейпциге (60-летие моей дружбы с Брауном² — познакомились в 1876 году, когда я перешел в 1-ую гимназию в Петербурге, из Харькова). В Англии я буду часть времени с Виноградовым, моим заместителем по Биогеохимической лаборатории, командировки которого мне удалось добиться. Он уже там.

Здесь я провел *Nachtur*³. В общем мало работал, но исправил мамин перевод своей статьи о биогеохимии для *Scientia*⁴ (почти год назад обещал!) и кое-что сделал для одной из глав книги (о диссимметрии). Вчера введение в книгу написал в Карлсбаде — но об этом тебе, кажется, писал.

Как адрес Пузанова⁵ — я ему хочу написать и поблагодарить его. Пишу ему Biological Station, Milford, Conn[ecticut]. Сообщи, если неверный.

Спасибо за вырезки из N[ew] Y[ork] Times. Конечно, выписывать не надо — невозможно меня здесь уловить, и я, кроме того, очень загружен чтением. Постараюсь выписать воскресный № для себя в Москве. На всякий случай — напиши, куда обращаться — хотя это должна сделать «Междун[ародная] книга» — но лучше им указать.

Мне хочется тебе написать несколько слов еще о России в связи с прочитанным и здешними впечатлениями.

Мне кажется, неверно представление, с которым постоянно встречаешься, о большевиках как шайке людей беспринципных, борющихся только за *власть*. Не учитывается очень важное и впервые в истории встречающееся явление, что люди, захватившие власть, *не обогащаются* лично или семейно. Это новое и важное явление.

Конечно, это не шайка разбойников, и интересы государства, благо народных масс, м.б. (и наверно отчасти), неправильно понимаемые, являются основным мотивом действия.

Я думаю, что головка здоровая и умственно и темпераментом сильная (Сталин, Молотов, Литвинов, Ворошилов...). Все они, хотя пользуются по должности дачами и т.п. — но не накапливают богатства, а лишаясь места (Енукидзе⁶, например), возвращаются в толпу — и если не будут работать, теряют возможность жить.

Это тяжелое условие «социал» — что ты сам не можешь обеспечить себе старость и *независимость*.

Я лично думаю, что Сталин — настоящий государственный человек. И сила — и умственная, и действенная — указанного человека *выше* средней головки, правящей другими государствами.

Прочел несколько №№ «Рус[ского] Голоса»⁷. [Сингалевский?], о котором говорят — это талантливый (один из них) и темпераментный публицист — первый наконец-то. Сейчас пресса («Посл[едние] Нов[ости]» и «Совр[еменные] зап[иски]») — есть интересные статьи — мертва и убога. Но С[ингалевский] дает в общем ложное впечатление о России. После 1934 года *огромный положительный сдвиг*, и я не думаю, чтобы *сейчас* население хотело войны (чтобы восстать) и что оно не будет защищаться, если нападут немцы или японцы. Между 1933-1934, когда люди умирали с голода и было людоедство, и 1936 огромная разница. Тогда — я это видел сам и из разговоров — б[ольшевик]и испугались ненависти народа и многие растерялись, кончали самоубийством

(говорят) — морально здесь Сталин явился для них силой, вокруг которого они сплотились. Тогда приходилось слышать о том, что ждут войны (когда безумно жестоко истребили «кулаков» — лучшую часть крестьянства). Но погибли слабые и старые в гл[авной] части — множество бежало из Украины и Предкавказья и вновь вошли в жизнь. Для Украины этот год был ужасен. Но с тех пор прошло *три* года — а сейчас здесь в эмиграции это переживают — прошлое как настоящее. Оно *было*, но его *нет*. В 1934, когда я здесь был под впечатлением этого, здесь *ничего* не знали.

Несомненно, многое было сделано сознательно и удачно, чтобы изменить народное настроение, — и мне кажется, сейчас наиболее активные верят в возможность довольной и зажиточной жизни в условиях новых (не коммунизма, а социализма — всякому не по потребностям — а по труду). И население пробует пройти по этому пути. Теперь *войны боятся и ее не хотят*.

С[ингалевский] забыл, что быстро — при урожае и достаточности продовольствия и *ожидания* [вероятно] — зажиточной жизни — забываются страдания. Нельзя не учесть, что масса населения получила и теперь оружие (охотники — очень распространено широко и ворошиловские стрелки). Быстрая смена настроения масс — это вера в лучшее: она есть.

Возможность монархии, как он предлагает, — мне представляется наивной иллюзией. С монархией покончено, и она сама в этом больше всего виновата.

Но кончено и с мировой революцией.

Идет огромный процесс работы, и учения, и стремления к зажиточной жизни.

При этих условиях огромным положит[ельным] фактором является отсутствие наследственного богатства у людей, в руках которых находится власть.

Затем начинает сказываться и огромная работа огромных сооружений — рост железных и асфальтовых дорог, заводов и т.п.

Страна в целом, несомненно, растет, работает и учится.

Я уверен, что если не будет войны — огромное будущее — а если начнется война — неизвестно, кто победит. Разница с 1914 годом колоссальная.

В связи со всем переживаемым я вспомнил как раз человека, которому принадлежит большая идейная заслуга — государственного плана и широких государств[енных] мероприятий для выхода из бедствий войны.

Знаешь работу В.И.Гриневецкого⁸, напечатанную при Временном правительстве или сейчас после? Госуд[арственный]

план — а электрич[ество] и т.п. это его проект (он умер от туберкулеза вскоре после выхода книжки). Я с ним столкнулся ближе в 1905 г. и позже — профессор Моск[овского] Технич[еского] Училища; П.И.Новгородцев⁹ был с ним близок. Очень было бы важно найти и его книжку (в литер[атуре] 1915-1920 можно выяснить). Знаешь ли ты что-нибудь о нем? Я читал в то время. Фактически он инициатор идейный, повлиявший несомненно и сейчас уже забытый. Но исторически факт влияния его идеи существовал. Его, мне кажется, историк должен выставить — как выставляют имена и мысли людей, которые дали линии нового поведения.

Много погибло — естественно и насильственно — крупных людей, и эта гибель талантов, сильная в каждой войне, — ужасное в революции, и может остановить надолго рост нации. Но сейчас подняты наверх и могут легче проявляться новые социальные и интеллектуальные силы народных масс. А это силы большие и здоровые.

Гангрена охранок и ГПУ — наследие, как и все[го] старого, — есть по существу морально разлагающая и многое губящая. Как выйдет из этого государство, трудно сказать. Но есть в ней одна черта — своеобразная. Огромная часть прошедших через нее людей *возвращается* на прежнюю работу, и часть работы заключенных *государственно нужна*. Я думаю, вопрос о цензуре мысли и жестокости и несправедливости действий полицейских сил — основной для длительного прогресса. И думаю, что он может быть разрешен без переворотов.

Нежно обнимаю.

Твой

¹ Гете как натуралист: Мысли и замечания // Бюллетень Моск. общ-ва испытателей природы: Отд. геол. 1946. Т.21. №1. С.5-52.

² Браун Федор Александрович (1862-1942) — филолог, профессор Петербургского университета с 1900; с 1920 жил в Германии, с 1923 — профессор Лейпцигского университета.

³ Отдых после лечения (нем.).

⁴ Vernadsky V.I. La biogeochemie // Scientia: Sér.5. 1945. Ann.39. Oct.—déc. P.77-84.

⁵ Пузанов Иван Иванович (1885-1971) — зоолог, зоогеограф; проф. Таврического, Горьковского и Одесского ун-тов.

⁶ Енукидзе Амель Софронович (1877-1937) — в 1922-1935 секретарь Президиума ЦИК СССР, марте—июне 1935 председатель ЦИК РСФСР. Затем директор Харьковского облавтотранстреста. Репрессирован.

⁷ Ежедневная общественно-политическая и литературная газета, издававшаяся в Нью-Йорке. Выходит с 1 февраля 1917 по настоящее время. Отличалась просоветской направленностью.

⁸ Возможно: Гриневецкий В.И. Послевоенные перспективы русской промышленности. М., 1919 (другое издание — Харьков). *Гриневецкий* Василий Игнатьевич (1871-1919) — ректор Высшего технического училища.

⁹ *Новгородцев* Павел Иванович (1866-1924) — философ, профессор Московского университета, член ЦК кадетской партии. С 1921 в эмиграции в Чехословакии.

8

Париж. 9 rue Joblé Dural
Среда. 23.IX.[1]936

Дорогой мой — пишу тебе от Агафонова. Вчера приехал — завтра уезжаю в Лондон, где пробуду месяц, — хочу остановиться в Hotel Thackeray, Great Russel Street против Британского Музея — но я туда заранее не писал.

Получил твое письмо о переговорах с Бахметевым¹. Очень рад. Я считаю это превосходным — ты сможешь спокойно заняться работой научной, не заботясь о дополнительном заработке. Если есть деньги, которые направляются (из остатков Бахмет[евского] фонда) на такую помощь научной работе, — это превосходно. Как название этой foundation?

Я несколько иначе смотрю на библиографию. Библиография хороша в меру, как *bibliographie raisonnées* — но самое лучшее это примечания с библиографией — как, напр., в моей Геохимии² — посмотри. Я знаю, что ими очень пользуются, и в то же время это даст возможность дать целый ряд указаний, высказаться по целому ряду вопросов, поставить проблемы для будущих работ. Примечания Карамзина³, вероятно, и до сих пор представляют интерес для специалистов? Подумай об этом роде примечаний — ты можешь в этой форме дать библиографию.

Я думаю, что истории княжеств и госуд[арственных] группировок вроде казачества, включенные как равноправные проявления местной жизни, — должны выявить многое. С этой стороны интересны д[олжны] б[ыть] не только западнорусские образования, но и такие, как Рязань, сохранившие — почему? — боевые дружины, и история терских казаков (с Рязанью не связаны генетически?).

Очень рад и жду дальнейших известий. Держи меня в курсе. Думаю, трудно при одних условиях: оставить в стороне без несколько большего.

Лондон, Hart Str.,
Kingsley Hotel
24.IX.[1]1936

Вчера не кончил — пришли знакомые — Бахрах⁴, доцент Лионского университета, а затем мы поехали с Вал. Конст. [Агафоновым] и его племянницей в Vincennes, зоолог[ический] сад. Вернулись вечером, а в 8 ч. утра я выехал в Лондон.

Здесь пробуду около месяца — буду писать свою книгу. К сожалению, хотя и хорошая — эта гостиница как будто менее удобная, чем Thackeray.

Возвращаясь к твоей работе. Мне кажется, все-таки тебе придется как-то коснуться больше культурной истории: ибо раз ты вводишь в эконом[ическую] и внутреннюю — не полит[ическую] и не дипломат[ическую] — едва ли можно построить правильно научный обзор истории государств, сложившихся сейчас — через Российскую империю — современный Союз. Тебе придется одинаково захватить и культурную историю. И это тебе будет полезно — а ты дашь отдельно [историю?] культуры.

Здесь много думаю о положении России. Мне кажется, революция кончилась победой коммунистов, но в очень многом переродившихся. Изнутри революционным путем они не будут — во имя чего бы то ни было *старого* вырваны. Может быть, внешняя война разрушит начатое дело, но пострадает жестоким образом Россия. Я думаю, будет — если войны не будет — внутренняя эволюция.

Не оценивают, что частной собственности *нет*. Это новое историческое явление. Колоссальные средства все принадлежат государству. Захватившая власть группа не обогащается, а тратит все средства — правильно или неправильно понимая — благу государства в понимании интересов народных масс. И в этом отношении много делается важного и интересного.

Безумие и преступление делают те слои эмиграции, которые готовы разрушить коммунист[ическое] — русское по существу государство — хотя бы с помощью немцев и японцев и потерей территории, которая сейчас охватывает как целое. По-видимому, здесь очень большие слои.

Я тебе напишу еще об этом.

А сейчас обращаю твое внимание на одну важную статью Keynes в сентябр[ьском] № Journal of Polit[ical] Econ[omy] о золоте. Он не поддерживает характерного: все золото *целиком* государственное и благодаря этому создается небывалый рост финансовой мощи социал[истического] государства. Лично я про-

верял и считаю неизбежным в ближайшее время выдвижение России на *первое место* по золоту. Сейчас самое большое месторождение Балейское (в северо-зап[адном] углу б. Забайкальск. обл.), этот тип золотых местор[ождений] был *неизвестен*. Выявилось в 1935 году. Если откроется тип Трансваальский (сейчас только в Трансваале — но очень вероятно, что откроется у нас) — финансовое значение России в мировом масштабе будет еще больше.

Читал ли ты R. Rolland — Ramakrishna и Venakandu? На меня эта книга произвела *очень* большое впечатление. Venakandu читаю еще. Пожалуйста, прочти — мне бы хотелось тебе о них поговорить (к сожалению, письмами) после твоего прочтения.

Нежно обнимаю. Твой. Спасибо за вырезки.

¹ *Бахметев* Борис Александрович (1880-1951) — инженер-гидравлик, до 1917 профессор Петроградского политехнического института; меньшевик, затем кадет; в 1917 назначен Временным правительством послом России в США, сохранял свой статус до 1922. Инициатор и создатель многих русских эмигрантских благотворительных обществ и фондов в США. Многие годы поддерживал дружеские отношения с Георгием Вернадским, субсидировал издания его книг.

² См.: La géochimie. Paris: Alcan, 1924; русск. изд. — Очерки геохимии. М.; Л., 1927.

³ Т.е. историка Николая Михайловича *Карамзина*.

⁴ *Бахрах* Александр Васильевич (1902-1985) — литературный критик, журналист.

9

Прага
8.IX. [1]1936

Мой дорогой.

Скоро уезжаем — 12. Я надеюсь тебе еще написать. В связи со своей работой я очень доволен этим летом и, надеюсь, удастся устроить себя так, чтобы работать все время над книгой. Вероятно, выделю дни и, кроме того, будем уезжать на week-end в Болшево. Это нам стоит 30 руб. в день, немного дороже, чем наша жизнь: там могу писать в «Суб[боту]»—«Воскр[есенье]» и утром. Week-end наш не 7-ой, а 6-ой день. Мама отдыхает от забот, и очень ей нравится в Болшево.

Кстати о Болшево. Колония преступников — воров и т.д. устроена под рукой¹. Ягода² в том же Болшево — но далеко от санатория. Но бывать туда не хочется: по-видимому, смесь дей-

ствительного морального возрождения вместе со средой симулирующих и прихлебателей, прилаживающихся. Но возрождение моральное на почве безнравственных принципов. Горький³ дружил — официально по крайней мере — с Ягодой, снимался с ним, и можно было через Горького облегчать участь людей: так Толстой⁴ выцарапал Игоря [Ильинского]⁵, а Станиславский — Серг. Митр. [Зарудного]⁶. Очевидно, это практиковалось — ведь я встретился случайно с двумя случаями. Полная аналогия, напр., Торквемады⁷ — «морально» чистому, допускаяшему пытки. Когда-нибудь Менжинский, Ягода и К^о заинтересуют психолога и моралиста. Мне кажется, колонию Ягоды показывают туристам.

/.../⁸ Мне кажется, здесь происходит очень печальное движение молодежи, которое приведет ее в столкновение с тенденциями жизни у нас. Роль — хотя по существу маленькая — таких людей, как Сережа⁹, Цуриков¹⁰ представляется мне антинациональной, вредной. Ада¹¹ говорила, что С.[Ольденбург] пишет историю России в царствование Николая II¹², и она думает, что это будет великое произведение! Хорошие люди и безумная деятельность.

/.../ Из Москвы получил известие, что работа Лаборатории в полном ходу — но странным образом все нет заседаний Академии, которые должны были быть в октябре. Что-то это странно. Думаю, что в партийной части Академии неладно. Еще перед отъездом моим — было арестовано около 46 коммунистов в Академии, в том числе очень влиятельные. Фактически весь центр в Ленинграде был арестован, б[ольшой] ч[астью] евреи. Ни одного нет, о котором можно было бы жалеть. Но очевидно, последствия этого сказываются — наконец, вероятно, и после нашего отъезда это продолжалось. Очевидно, «руководящий» коммунистический аппарат пострадал, и этим объясняются заминки в работе.

Недостаток нужных людей — при том курсе созидательной работы, который жизненно необходим для страны, на который стал Сталин и с которого свернуть *нельзя* без больших потрясений — [среда?] *партии* огромна — они *вне* партии, в подавляющем числе ее поддерживают и ей не сопротивляются, имеются в большом числе и получают все большее и большее значение. Это определяет положение. Д[олжно] б[ыть], будут стремиться ввести кого можно в партию или пойдут на увеличение значения беспартийных.

Надо кончать. Сегодня пойду по делам. Сегодня — Понедельник — в четверг едем. Нежно обнимаю.

Твой

¹ В бывшем имении Крафта, в получасе езды от Москвы по Северной железной дороге, сначала располагался совхоз ОГПУ, затем в 1924 организована Первая трудовая коммуна ОГПУ для перевоспитания малолетних преступников. См.: Погребинский М.С. Трудовая коммуна ОГПУ. М., 1928; Болшево: Очерки по истории Болшевской им. Г.Г.Ягоды трудкоммуны НКВД. М.: Гос. изд-во «История заводов», 1936.

² Речь идет о Г.Г.Ягоде.

³ Горький неоднократно писал о Болшевской трудкоммуне. Его переписку с Г.Г.Ягодой см.: Неизвестный Горький: К 125-летию со дня рождения. М.: Наследие, 1994. С.162-206. (Публ. Л.А.Спиридоновой).

⁴ Речь идет об А.Н.Толстом.

⁵ См. прим. 8 к письму 2.

⁶ К.С.Станиславский был дальним родственником Вернадских. *Сергей Митрофанович Зарудный* (1865-1940) — юрист, также родственник Вернадских.

⁷ *Торквемада* (Torquemada) Томас (ок.1420-1498) — глава исп. инквизиции.

⁸ К сожалению, текст этого письма сохранился не полностью. Места, которые нам не удалось прочесть, отмечены знаком /.../.

⁹ Ольденбург *Сергей Сергеевич* (1887-1940) — сын С.Ф.Ольденбурга, историк, публицист. Близкий приятель Г.В.Вернадского с детских лет. Участник Белого движения, монархист. Эмигрировал, жил во Франции.

¹⁰ *Цуриков Николай Александрович* (1886-1957) — публицист, монархист, друг детства младших Вернадских.

¹¹ Ольденбург (урожд. Старынкевич) *Ада Дмитриевна* (ум. 1945) — жена С.С.Ольденбурга. В 1925 уехала с детьми во Францию.

¹² Монография С.С.Ольденбурга; точное название — «Царствование императора Николая II», опубликована впервые в Белграде в 1941.

**ИЗ ИСТОРИИ
ЛИТЕРАТУРНОЙ
ЖИЗНИ**

ПИСЬМА ВАДИМА БАЯНА К Б.В.СМИРЕНСКОМУ

Публикация А.Л.Дмитренко и А.В.Крусанова

Настоящая публикация вводит в оборот неизвестные ранее письма В.Баяна к литературоведу Б.В.Смиренскому, содержание которых дополняет и корректирует недавно опубликованные воспоминания В.Баяна «Маяковский в первой олимпиаде футуристов»¹.

Прежде чем исполнить рутинную профессиональную обязанность: указать и без того известное настоящее имя автора публикуемых писем, публикаторы не могут не уведомить читателя о том, как В.Баян относился к подобному разоблачению. В письме Б.Смиренскому (18 июля 1959) он разразился по этому поводу филиппикой:

Если Вы в своей книге будете упоминать обо мне, то прошу в этих случаях называть меня *так, как я заявил себя* в литературе, т.е. по псевдониму, и не сообщать при этом мою черноземную фамилию, я никому не давал права называть меня иначе, чем по псевдониму. Меня возмущает, что историки и критики, а также музейные и библиотечные работники, *желая показать свою осведомленность* и догола разоблачить «легендарного Баяна», которому больше, чем другим (за исключением Л.Ю.Брик) уделил внимания полубог Маяковский, при упоминании моего псевдонима обязательно сообщают и мою фамилию, простую, как квас. Кто им дал на это право и кому это нужно? Раз я взял себе псевдоним, значит, нечего поднимать мое платье и заглядывать, что у меня под платьем. /.../ В этом, несомненно, есть элементы сплетничества. Постыдились бы!²

Преодолев недоумение перед такой девичьей стыдливостью 79-летнего старца, публикаторы вынуждены признаться, что им не стыдно. Ведь позволяет же В.Баяну его стыдливость именовать себя «легендар-

¹ Баян В. Маяковский в первой олимпиаде футуристов // Арион. 1997. №1(13). С.82-105.

² Письмо хранится у А.Дмитренко.

ным» и рассказывать небывлицы об исключительном внимании к нему Маяковского. Вполне понятно стремление поэта приукрасить себя для истории, но будем опираться на факты.

Вадим Баян — литературное имя Владимира Ивановича Сидорова (1880-1966), известное ныне главным образом специалистам. Выбор именно такого псевдонима поэт объяснял незатейливо: «К Сидорову рифмы не подберешь, а к Баяну сколько угодно — например, находясь в гостях у Тэффи, я сразу писнул в альбом:

Вадим Баян
От Тэффи пьян»³.

Читающая публика сталкивалась с этим человеком, в основном, в связи с литературной биографией В.Маяковского (крымская «Первая олимпиада футуризма» в январе 1914; полемика по поводу имени персонажа в пьесе Маяковского «Клоп»). Гораздо менее известна деятельность В.Баяна в качестве основателя одного из направлений поэтического космизма в 1919-1922, а также инициатора и активного участника ряда альманахов, выпущенных в эти же годы в Крыму под издательской маркой «Таран». Другие эпизоды его биографии можно найти в биографическом словаре «Русские писатели: 1800-1917».

Не касаясь неоднократно описанной «Первой олимпиады футуризма»⁴, отметим лишь позднейшую самохарактеристику самого старшего из участников «олимпиады», 33-летнего В.Баяна (он был на 2 года старше Д.Бурлюка, на 7 — И.Северянина, на 13 — Маяковского): «со всеми участниками олимпиады Маяковский расправился, как хороший тореадор с плохими быками. Наши выступления после его речи и чтение стихов были бледными и легковесными»⁵. В этой фразе Баян не преминул возвысить себя, поставив вровень с Д.Бурлюком и Северянином. Маяковский, конечно, переигрывал товарищей по выступлению, но бледно и легковесно выглядел прежде всего сам Баян, о котором репортеры писали в отчетах лишь то, что он читал собственные стихи, да и то произносил их «так тихо, что его совсем не было слышно»⁶. Именно от поэзии Баяна у слушателей оставалось впечатление легковесности. Прочитируем очевидца: «В поэзии этого автора вы ясно видите, как сквозь ажур проглядывает ножка женщины (причем сам автор при этом всматривается в потолок и

³ Цит. по: Маяковский В.В. Полн. собр. соч.: В 13 тт. Т.12. М., 1959. С.194.

⁴ Северянин И. Колокола собора чувств. Юрьев, 1925; Харджиев Н.И. Турне кубо-футуристов // Маяковский: Материалы и исследования. М., 1940. С.407-409; Харджиев Н.И. «Веселый год» Маяковского // Vladimir Majakovskij: Memoirs and essays. Stockholm, 1975. P.112-114; Северянин И. Сочинения. Таллинн, 1990. С.409-411; Бурлюк Д. Фрагменты из воспоминаний футуриста. СПб., 1994. С.67; Крусанов А.В. Русский авангард. Т.1. СПб., 1996. С.199-205; Баян В. Маяковский в первой олимпиаде футуристов. Указ. изд. С.82-105; Бурлюки Д.Д. и М.Н. Маяковский и его современники // Литературное обозрение. 1993. №6. С.20-21.

⁵ Баян В. Маяковский в первой олимпиаде футуристов. Указ. изд. С.102.

⁶ Невидимка [Дурья А.П.]. Трусодержание // Южные ведомости (Симферополь). 1914. №6. 9 января. С.2.

очень грациозно жестикулирует своей чисто женской ручкой, посылая в заключение воздушный поцелуй)»⁷. Упоминание о женственных манерах В.Баяна здесь не случайно. Впечатление другого очевидца: «Юноша с длинными волосами, зачесанными вверх, и женоподобным лицом /.../ Он сложил губы сердечком, устремил взгляд вдаль, едва слышным голосом пролепетал что-то о невинных девушках. Публика его поощадила и не потребовала повторений»⁸. О привычке Баяна пудриться и использовать грим упоминает И.Северянин («Колокола собора чувств»), прозрачно зашифровавший В.Баяна под именем Селима Буяна.

Хотя Буян был безголос,
Но в нем немало героизма:
Напудренный и завитой,
Сконфуженный и прыщеватый,
Во фраке с лентой голубой
Вокруг жилета, точно ватой
Подбитый весь, «изящный» шаг
Выдělывал по тренировке
И выходил медвежь-ловкий,
За свой муаровый кушак
Держась кокетно левой ручкой,
А в правой он имел платок,
Обмакивая им роток,
Весь истомлен поэзной взбучкой...

Облик Баяна в середине 1920-х запечатлел Э.Миндлин: «человек лет сорока с хрящеватым вогнутым носом, очень тонкими губами и совершенно безволосыми женскими щеками»⁹.

«Женская ручка», «женоподобное лицо», женственные манеры, пудра — эти черты, присущие не только внешности, но и характеру В.Баяна, своеобразно отразились в публикуемых ниже письмах. Пронесенное сквозь всю жизнь стремление Баяна припудрить, приукрасить, наложить грим как на свой внешний облик, так и на свою литературную биографию, задним числом повысить свой статус заставляет критически отнестись, в частности, к изложенной им версии истории «Первой олимпиады футуризма»¹⁰ и его роли в ней. Собственно «Первая олимпиада футуризма» и небольшое турне с И.Северянином, В.Ховиным и С.Шамардиной — звездный час В.Баяна. Не будь этих турне — не было бы впоследствии ни воспоминаний, ни переписки с литературоведами. (Не вспоминать же Баяну о работе в литстудиях и кружках художественной самодеятельности.) По-видимому, сам он чувствовал это, потому создавал образ «легендарного Баяна», обиженного и непонятого гения, осаждаемого современниками-литературоведами, «выманивающими» у него материалы «для личной выгоды».

⁷ [Б.п.] Поззоконцерт // Свободное слово. 1914. №9. 11 января. С.3.

⁸ Георгович Л. Эго-футуристы // Южная заря. 1914. №2285. 5 февраля. С.3.

⁹ Миндлин Э. Необыкновенные собеседники. М., 1968. С.278.

¹⁰ См. прим. 7 к письму 3 наст. публ.

На удивление бедна событийная сторона воспоминаний В.Баяна о крымском периоде 1919-1922. Впрочем, не исключено, что он решил приберечь эти подробности наряду с «капитальными» мемуарами о Северяnine для какой-нибудь публикации, так и не осуществленной. Подобно многим своим современникам, В.Баян сознательно мифологизирует собственную литературную биографию. Не будучи значительным литератором, он интересен прежде всего как рядовой представитель русского авангарда, понимаемого не столько как художественное течение, сколько как общественный слой, вместилище определенного устроения и эстетики¹¹. Поразительно, что при всем стремлении В.Баяна «скорректировать» прошлое в угоду новейшим веяниям эпохи (ср. ниже в письмах его трактовку космизма), полностью «перековаться» ему не удастся: сквозь все наслоения актуальности пробивается самый неподдельный интерес к «новому слову», подлинный пафос творчества и живой голос той эпохи, когда понятие революционного обновления жизни посредством искусства еще не утратило своего содержания. Думается, что — ознакомившись со свидетельством рядового футуристической армии — мы сможем лучше понять как творчество ее лидеров, так и саму эпоху.

Несколько слов об адресате писем. Борис Викторович Смиренский (1900-1970) — поэт и историк литературы. По окончании Артиллерийской академии (1924) сочел работу военного инженера с литературоведческой деятельностью. В сфере его интересов было творчество Д.В.Веневитинова, Н.Ф.Павлова, Н.А.Дуровой, И.Т.Кокорева и других писателей. Как поэт Б.Смиренский успел отдать дань увлечению эгофутуризмом — вместе со своим братом Владимиром в 1920-1923 был участником ряда литературных кружков, в том числе «Академии Эго-Поэзии Вселенского Олимпизма»¹². Поэтому его внимание к творчеству И.Северянина проявилось не случайно. В конце 1950-х Б.Смиренский начал собирать материалы к биографии И.Северянина, намеревался писать о нем книгу. Замысел этот остался неосуществленным¹³. Среди прочих подготовительных материалов в архиве Б.Смиренского сохранилось несколько папок с письмами людей, лично знавших И.Северянина — С.К.Чукалова, Б.В.Правдина, Н.Н.Матвеева-Бодрого, В.Гнедова, В.В.Берниковой, В.Б.Коренди, Эд.Виснапу, Ф.Тугласа и др. Эта часть архива, долгие годы хранившаяся у наследников Б.Смиренского, в 1994 была передана ими одному из авторов настоящей публикации.

Из восьми имеющихся в нашем распоряжении писем В.Баяна к Б.Смиренскому мы отобрали пять наиболее содержательных, с нашей точки

¹¹ Именно такое понимание русского авангарда взято за основу одним из нас в кн.: Крусанов А.В. Русский авангард. Т.1. Указ. изд. С.4.

¹² См.: Из истории эгофутуризма: Материалы к литературной биографии Константина Олипова / Публ. А.Л.Дмитренко // Минувшее: Исторический альманах. Вып.22. СПб., 1997. С.215-220. Здесь же — более подробные сведения о Б.В.Смиренском.

¹³ Следы этих трудов отражены в трех публикациях: Смиренский Б.В. Северянин // Краткая литературная энциклопедия. Т.6. М., 1971. С.718; Он же. Игорь Северянин // День поэзии. 1965. М., 1965. С.221-223; Он же. Последние стихи Игоря Северянина // Огонек. 1962. №29. С.20.

зрения. Кроме того, несколько писем хранится в РГАЛИ: Ф.2823. Оп.1. Ед.хр.19; Ед.хр.89. Л.34 (начало письма вклеено в альбом). Местонахождение ответных писем неизвестно¹⁴.

В примечаниях приняты следующие сокращения: Баян 1914 — Баян В. Лирический поток: Лирионетты и баркароллы. СПб., 1914. Баян 1997 — Баян В. Маяковский в первой олимпиаде футуристов. Указ. изд. С.82-105.

1

Москва
19 июня 1959 г.

Многоуважаемый Борис Викторович!

На многое из материалов о Северяnine от меня не следует рассчитывать. Ввиду того, что я сам пишу воспоминания о нем и при этом «капитальные»¹, я, естественно, весь мемуарный материал, касающийся его, оставляю для своей работы и потому, при всем уважении к Вам и к Вашей благородной цели², ничего «ценного» не могу выдать из этого фонда, нелепо выхолащивать свое рабочее сырье. Конечно, когда выйдут эти воспоминания, Вы могли бы, на общих основаниях, т.е. с указанием источника, воспользоваться сведениями из них, хотя бы для 2-го издания, но когда это будет, я и сам еще не знаю. Дело в том, что у меня сильно испорчено самочувствие тем, что *даже* о Маяковском воспоминания³ нет возможности продвинуть. «Могучая кучка» «гробокопателей» захватила все ключевые подходы к печати мемуарного характера⁴ — продвигают свою, ругаемую критикой, мелочь, а мне только обещают, да ничего не делают. А между тем *единственно мною* Маяковский изображен *серьезно и величественно*, как монумент нашего века⁵ (а по мнению Л.Ю.Брик, даже — блестяще). Другие рисуют его по-детски и приписывают ему глупейшие выражения, например:

— Я очень умный человек! — говорит Маяковский с эстрады.
(Воспоминания Бурлюка)⁶.

— Я просто вру как сивый мерин.
(Воспоминания Северянина в
«Колоколах собора чувств»)⁷.

В результате всякое обещание я теперь уже рассматриваю как способ выманивания у меня материалов для личной выгоды. Хо-

¹⁴ По крайней мере, их нет среди материалов архива В.Баяна, поступивших в РО ИРЛИ. См.: Базанова Д.В. Обзор архивных материалов XIX-XX веков, поступивших в рукописный отдел Пушкинского Дома в 1981-1983 годах // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского Дома на 1991 год. СПб., 1994. С.325.

чется завить от такой жадности и несправедливости людей и унести в могилу и талант и все сведения, которые могли бы быть полезны для окружающих. Нет нравственности, которая украшала писателей 19-го века. Но я уверен, что, когда напечатают мои воспоминания о Маяковском, лед моей обиды растает и отношение мое к людям изменится. Я многое готов сделать человеку, который сам делает мне добро и притом *не словами, а фактами*. В ближайшие дни перевалю срочные дела и погружусь в свой архив, чтобы собрать для Вас кое-что такое, выдача которого не причинит ущерба моей работе, а пока что могу дать Вам несколько советов, чтобы Вам *по этой линии* было чем заняться.

1. «Изыски» и неологизмы Северянина Вы можете найти в его первых четырех книгах. Уж тут придется Вам самому поработать. Дальше — вода¹.

2. Фотоснимки с программы Первой Олимпиады футуристов с черновика афиши, написанного рукой Маяковского, Вы можете увидеть в Музее Маяковского, у Надежды Васильевны Реформатской², а подлинники — у Василия Абгаровича Катаняна¹⁰, которому я их передал вместе с моими многочисленными эпизодическими воспоминаниями о Маяковском еще весной 1957 года. Разумеется, во всех случаях надо указывать источник. Этого требует писательская этика и правовой закон.

3. Самый лучший фотоснимок Северянина Вы можете найти в его первой книге «Громокипящий Кубок» издания В.В.Пашуканиса в 1915 году в Москве. Тут он исключительно хорош.

Само собой теперь ясно, что воспоминания о Северянине я направлю по другим каналам, а не по тем, которые заморозили мои воспоминания о Маяковском.

Извините, что задержал ответ, был болен. Кстати, прошу не присылать ко мне никаких беседчиков и корреспондентов — ввиду болезни я никого не принимаю, — сноситься со мной можно только письменно по адресу: Москва К-9. Абонементный ящик №325.

С искренним уважением

Баян

¹ Воспоминания В.Баяна об И.Северянине не обнаружены.

² Б.В.Смиренский собирал в 1950-1960-х материалы о Северянине и, по-видимому, собирался писать о нем книгу.

³ Воспоминания В.Баяна «Маяковский в первой олимпиаде футуристов», датированные 1957-1958 гг., были переданы автором В.А.Катаняну, хранились в фонде Л.Ю.Брик и В.А.Катаняна (РГАЛИ. Ф.2577) и

Государственном музее В.В.Маяковского. Впервые опубликованы полностью в журнале «Арион» (1997. №1).

⁴ В маяковсковедении того времени складывалось несколько соперничавших кланов: прежде всего бриковский и антибриковский. Изданный в 1958 при активном участии бриковского клана 65-й том «Литературного наследия» («Новое о Маяковском») был подвергнут резкой критике, завершившейся специальным постановлением ЦК КПСС. Предполагавшаяся в следующем томе публикация исследований и воспоминаний современников о Маяковском, естественно, не состоялась.

Воспоминания В.Баяна, подчеркивавшие неразрывную связь Маяковского с футуризмом, были неприемлемы для антибриковского клана по причинам, четко сформулированным директором Музея Маяковского В.Макаровым: «Нам думается, что, говоря о футуризме, нельзя обойти Маяковского. Но когда речь идет о Маяковском, можно обойтись без футуризма» (Лит. обозрение. 1993. №6. С.75).

⁵ Здесь нетрудно увидеть сознательное стремление В.Баяна привести свои воспоминания о Маяковском в соответствие со знаменитой сталинской формулой о «лучшем и талантливейшем», еще не утратившей тогда своей актуальности.

⁶ Именно в этой детали воспоминания Д.Бурлюка точны. Эта фраза Маяковского, с которой он неоднократно начинал свои выступления во время турне кубофутуристов (1914), зафиксирована во многих газетных отчетах.

⁷ И.Северянин в поэме «Селим Буян» вложил эту фразу в уста Маяковскому, разыгравшему В.Баяна в день приезда в Симферополь:

«А где ж Игнатъев и Бурлюк?» —
Спросил Буян, платком махая.
«Судьба их, знаете, лихая,
Они упали через люк...» —
«Какой? Куда? Да говорите ж!» —
Вскричал взволнованный Селим.
«Они упали в город Китеж», —
Мы сокрушенно говорим.
«Что значит Китеж?...» — он растерян,
Он обесшудрился, дрожа.
«Я просто вру как сивый мерин», —
Сказал Володя, без ножа
Селима бедного зарезав...

Северянин И. Соч.: В 5 тт. Т.3. СПб., 1995. С.258-259.

⁸ Очевидно, имеются в виду книги Северянина «Громокипящий кубок» (1913), «Златолира» (1914), «Ананасы в шампанском» (1915), «Victoria Regia» (1915). Впоследствии выходили «Поэзоантракт» (1915), «Гост безответный» (1916) и др.

⁹ *Реформатская Надежда Васильевна* (1900/1901-1985) — литературовед, критик, библиограф, специалист по творчеству Маяковского.

¹⁰ *Катанян Василий Абгарович* (1902-1980) — поэт, литературовед. В 1920-е входил в окружение Маяковского. После смерти поэта занимался изучением его жизни и деятельности.

2

Москва
16 августа 1959 г.

Многоуважаемый Борис Викторович!

Прежде всего сердечно благодарю Вас за Ваши подарки — за культурные, образные и умные стихи («ЗАГЭС»)¹ и за фотокарточку с подкупающим лицом, в котором отразилась душевная чистота, а также за теплые надписи на них и подробные сообщения о себе. Благородство Вашей литературоведческой деятельности несомненно импонирует всему обществу. Можно было бы пожалеть о том, что Вы не продолжаете писать стихи, если бы Вас не оправдывала столь полезная и гуманная деятельность. Трогательно, что Вы вспомнили Веневитинова, Павлова (Н.Ф.) и Кокорева (И.Т.)². Благодарное общество и Вам заплатит тем же, когда Вы, подчиняясь общему закону, станете отходить, как все, в неизбежную тень забвения. На днях в библиотеке им. Ленина взял шифр Вашего труда по Веневитинову и в недалеком будущем буду читать.

С своей стороны посылаю Вам уменьшенную фотокопию моего портрета, нарисованного Маяковским³ 3 января (ст.ст.) 1914 года (а не 1913, как об этом ошибочно пишут) и несколько фотоснимков разных лет. Прикладываю копию квинтета — Сологуб, Северянин, Чеботаревская, Богомолов и я⁴ (вышло плохо) и копию трио — Северянин, Богомолов и я⁵. Последний снимок обезображен сапогами махновцев при разгроме моей квартиры: гвоздями каблучков совершенно раздавлен нос у Богомолова и у всех нас поковыряны лица. По возможности я «реставрировал»... гуашью (соусов у меня нет), но все-таки вышло плохо. Однако для истории лучше плохо, чем ничего. Посылаю Вам визитную карточку Игоря Северянина (петербургская продукция). Не посетуйте, что она грязновата — она тоже побывала под ногами махновцев. Чистые все раздарил литературоведам (в том числе В.О.Перцову⁶ и В.А.Катаняну). Себе оставил только те, которые исписаны рукой Северянина.

Из стихов посылаю тонкий сборник 1920 года «Пьяные вишни» (2-е изд[ание])⁷, в котором несколько моих лирических сти-

хотворений и посвященные мне стихи Северянина. «Лирического потока»⁸ не осталось, да и очень хорошо. Я все равно не послал бы Вам его, — это такая зелень, что и самому стыдно вспоминать. Маяковский прав, что высмеял в «Клопе» *похожесть* этих моих *ранних* стихов (1906-1911 годов) на стихи Апухтина и Надсона⁹, только не по-товарищески он поступил, что до непонятности зашифровал свою остроту. Устами парня с книгой он говорит: «...Баян — знаменитый, про него три раза в "Вечерке" писали, говорят, он стихи Апухтина за свои продал, а тот как обиделся и опровержение написал: "Дураки, говорит, вы! Неверно все! Это я у Надсона списал"»¹⁰. Но если вспомнить, что *машина времени* появилась у Герберта Уэллса в книге того же названия на целых десять лет раньше, чем у автора пьесы «Баян», то слова «списал» и «за свои продал», пожалуй, больше подходят самому автору этих острых выражений, из которых недалекий читатель может вывести невыгодное для меня заключение. Homo homini lupus. Осенью пришлю Вам космические стихи сорокалетней давности, сила которых и взбесила нашего полубога¹¹.

Также посылаю Вам два альбомных стихотворения последних лет. Они хотя и не напечатаны, но получили широкое распространение в рукописях среди любителей лирических стихов. Не осудите.

Теперь постараюсь поточнее и поподробнее ответить на затронутые Вами вопросы, памятуя, что литературоведу может пригодиться каждая мелочь.

Пав. Ив. Новицкий и Абр. Бор. Дерман¹², несомненно, свои отрицательные взгляды на футуризм излагали в статьях и печатали, но я их высказывания слышал непосредственно из уст этих видных в то время в Симферополе людей во время их выступлений на диспутах в декабре 1913 года¹³. Новицкий был человек с огнем, только что окончил университет и на улицах появлялся почти всегда в окружении целой тучи студентов и прочей молодежи, часто ведомый под руки. А Дерман был постарше, но тоже обаятельный оратор. Он заведывал в редакции крупной газеты «Южные Ведомости» литературно-критическим отделом, иногда подписывался псевдонимом «Закхей», потому что был мал ростом, как евангельский Закхей, который влез на смоковницу, чтобы увидеть Христа, проходившего по улице Иерусалима среди множества народа¹⁴.

Сестра моя Мария Ивановна Калмыкова¹⁵, к моему великому горю, умерла. Была очень талантлива, но личная скромность и теснота в литературе не дали ей развернуться. Имела высшее образование, знала языки. Заведывала научно-массовой библиоте-

кой Московского Химико-Технологического института имени Д.И.Менделеева. Умерла в 1949 году (от рака). Похоронена на Ваганьковском кладбище, поблизости от Тимирязева¹⁶. Посылаю Вам ее фотокарточку. Между прочим, по секрету для нашего времени, могу сказать, что дама, которой Маяковский увлекся в экипаже по пути на вокзал от моей квартиры¹⁷, была она. Несмотря на присутствие мужа, Маяковский у нас в доме довольно смело ухаживал за нею. Муж был очень ревнив, но к Маяковскому почему-то не ревновал, а, глядя на это поэтическое увлечение, только посмеивался. Может быть, ему льстило, что у него такой интересный и знаменитый «соперник».

Башкирова¹⁸ я не знаю, но фамилия его, после Вашего письма, стала чуть-чуть, как паутинка, пробиваться в памяти.

Мне непонятно, о каком портрете Северянина, нарисованном Маяковским, идет речь в Вашем письме¹⁹. Мне известен только один портрет Северянина, нарисованный Маяковским, это тот, который был нарисован в Симферополе и обоими поэтами был подарен мне, т.е. тот, о котором я писал в своих воспоминаниях о Маяковском²⁰. Но он *до осени 1919 года находился у меня, а не у Северянина*, и только в октябре того года *исчез* при разгроме новцами моей квартиры в Запорожье, куда я, в ожидании мобилизации, переехал из Симферополя по экономическим соображениям. Какой же портрет видел Бурлюк да притом еще в квартире Северянина в Петербурге? У меня Бурлюк действительно видел портрет Северянина. Может быть, он перепутал по старости. Северянин никогда не говорил и не писал мне о визите Бурлюка к нему. Маяковский же приходил к нему в декабре 1913 г. после их первой встречи и знакомства в Москве. Мне об этом писал Богомолов²¹. Писал так: «На днях у Северянина познакомился с Маяковским. Это ломовик от литературы, дерзкий, крикливый и невкусный, а главное, меркантильный, только и слышишь от него: "Я содрал столько-то за выступление"». Еще доказательство: Маяковский после разрыва с ним Северянина не мог нарисовать другого портрета, т.к. Игорь уже в фев[але], по приезде в Петерб[ург], напечатал ругательные стихи по адресу Маяковского²².

Ну, как будто «отреагировал» на все, сказанное в Вашем очень хорошем письме. Если будут возникать вопросы ко мне, пишите. Буду отвечать, если это будет не во вред моей работе о Северянине.

А пока жму Вашу руку. Уважающий Вас В.Баян.

P.S. На конвертах, конечно, можно писать и фамилию мою, и псевдоним, словом, как заиграет желание (ящик *мой*, получу обязательно), а в литературе — *только псевдоним*. Адуев²³ мог бы

обидеться, если бы в статье написать: «Адуев, он же Рабинович». Это было бы уже не прошеное разоблачение, жгучий перец в нос.
В.Б.

¹ Имеется в виду книга Б.В.Смиренского «Загэс. Поэма» (Тифлис, 1928).

² *Веневитинов* Дмитрий Владимирович (1805-1827) — поэт, философ, критик. *Павлов* Николай Филиппович (1803-1864), *Кокорев* Иван Тимофеевич (1825-1853) — прозаики. Б.В.Смиренский готовил книги И.Т.Кокорева «Москва сороковых годов: Очерки и повести о Москве XIX в.» (М., 1959), Полное собрание сочинений Д.В.Веневитинова (М.; Л., 1934) и его же «Избранное» (М., 1956).

³ Подробности создания этого портрета см.: Баян 1997. С.92-93, 99. На фотокопии, присланной Б.Смиренскому, Баян сделал надпись: «Дегустатору прекрасной старины Б.В.Смиренскому с глубоким уважением Вадим Баян».

⁴ Эта фотография (опубл.: Критик: Пантеон изящной мировой литературы и вселенской поэзии. СПб., 1914) сделана, вероятно, осенью 1913 в связи с готовившимся турне.

⁵ Эта фотография сделана, вероятно, в конце 1913 в связи с подготовкой к несостоявшемуся турне «титанов русской поэзии» с участием И.Северянина, В.Баяна, Б.Богомолова и И.Игнатъева.

⁶ *Перцов* Виктор Осипович (1898-1980) — критик, литературовед.

⁷ Сборник «Пьяные вишни. 2-е изд.» ([Севастополь]: Таран, [1920]) содержал стихи А.Азовского, В.Баяна, Б.В.Бобовича, А.Гриановой, Н.А.Еленева, О.Э.Мандельштама, И.Северянина, статью М.И.Калмыковой. На присланном экземпляре сборника Баян сделал надпись: «Поэту до мозга костей Б.Смиренскому немножко лепестков моей весны. Вадим Баян».

⁸ Имеется в виду книга стихов В.Баяна «Лирический поток» (М., 1914), изданная в самом конце 1913.

⁹ См.: Маяковский В.В. Полн. собр. соч.: В 13 тт. Т.11. М., 1958. С.229; а также Баян 1997. С.98-99.

¹⁰ Вольная цитата из пьесы В.Маяковского «Клоп».

¹¹ В своих мемуарах В.Баян, напротив, пишет, что в январе 1914 отрывки из его космических стихов понравились Маяковскому (Баян 1997. С.98-99).

¹² *Новицкий Павел Иванович* (1888-1971) — театровед, критик; *Дерман Абрам Борисович* (1880-1952) — журналист, литературовед.

¹³ Сведений о диспутах в декабре 1913 с участием П.И.Новицкого и А.Б.Дермана не обнаружено. Однако 2 декабря 1913 в обществе любителей изящных искусств доклад о футуризме прочел присяжный поверенный Б.Я.Лейбман. См.: А.Г. О футуристах // Южные ведомости (Симферополь). 1913. 5 декабря. №275. С.3. Возможно, указанные лица выступали в числе оппонентов докладчику. Позже, 19 февраля 1914, в Симферополе с лекцией «Рыцари ослиного хвоста (о кубистах, футуристах и пр.)» выступал А.А.Станкевич.

¹⁴ Лука 19:1-10. Описанные события происходили, однако, не в Иерусалиме, а в Иерихоне.

¹⁵ *Калмыкова* (урожд. *Сидорова*) *Мария Ивановна* (1889-1949) принимала активное участие в сборниках издательства «Таран» (1920-1922), пропагандируя в статьях поэтический космизм В.Баяна.

¹⁶ Могилы К.А.Тимирязева (1843-1920) и М.И.Калмыковой находятся на 13-м участке Ваганьковского кладбища. Там же впоследствии был похоронен В.Баян. На его надгробии надпись: «Поэт-космист Вадим Баян».

¹⁷ См. этот эпизод в мемуарах: Баян 1997. С.95, 103.

¹⁸ Очевидно, Б.Смиренский спрашивал Баяна о Борисе Николаевиче *Башкирове* (псевд.: Борис Верин, 1891-?), поэте, приятеле И.Северянина. См. о нем: Тименчик Р. По делу №214224 // Даугава. 1990. №8. С.118, 121; Чуковский Н. Литературные воспоминания. М., 1989. С.33-34.

¹⁹ Очевидно, Б.Смиренский имел в виду портрет, упоминаемый в мемуарах Д.Бурлюка (Бурлюк Д. Фрагменты из воспоминаний футуриста. СПб., 1994. С.71).

²⁰ См.: Баян 1997. С.93.

²¹ Часть переписки В.Баяна с поэтом и прозаиком Борисом Дмитриевичем Богомоловым (1886-1920) хранится в РГАЛИ (Ф.2109. Оп.1. Ед.хр.13).

²² Имеется в виду стихотворение «Крымская трагикомедия» (21 января 1914), опубликованное в альманахе «Очарованный странник. Вып.3» (СПб., 1914).

²³ *Адуев* Николай Альфредович (наст. фам. Рабинович, 1895-1950) — поэт, драматург.

Многоуважаемый Борис Викторович!

Извините, что из-за повести (которая разрастается и требует тщательной обработки) затянул ответ на Ваше уважаемое письмо и замечательный подарок.

Я очень рад, что Вы оценили посланные Вам реликвии¹ и очень благодарен Вам за красивый ответ. На Ваш подарок и вопросы отвечаю *постатейно* и опять-таки подробно, так как скупые «да» и «нет» никого не могут удовлетворить, а тем более литературоведа. О Кокореве выскажусь ниже, а в начале письма поговорю о том, *что* Вас больше интересует на данном этапе работы.

О С.С.Шамардиной и в связи с нею о Северяnine

Софья Сергеевна Шамардина², выступавшая с нами в 1914 году под псевдонимом «Эсklarмонда Орлеанская», жива. Но она сильно перестрадала: в течение 17 лет (с 1939 по 1956) из-за какой-то провинности мужа была «в нетях»³. В 1956 г. ее амнистировали, реабилитировали и даже восстановили в партии. Угол всей ее жизни был разрушен, и теперь его надо создавать заново. Ей сейчас уже 65 лет, но говорят, что ее голубые глаза по-прежнему хороши. Мне иногда, а в особенности зимой, когда появляется ее любимая мимоза, хочется с нею повидаться, но ввиду того, что меня тронула моль со всех сторон и что я от старости и бессонницы стал похож на Квазимодо из «Собора Парижской Богоматери», я не решаюсь ее затронуть. В феврале 1914 года, после прощания с нею, Игорем и Ховиным на вокзале в Одессе, у меня на мотив Северянина вылилось по ее адресу стихотворение:

Вы прощались эстетно, Вы прощались душисто,
Это было непросто, это было, как сон.
Прогремели фонтаны паровозного свиста,
И сошел я неслышно на плывущий перрон.
Стало очень обидно, стало очень тоскливо,
Оттого, что Вы — лучшая в цветнике амуресс,
Оттого, что безжалостно, оттого, что игриво
От меня к Маяковскому увозил Вас экспресс.

Выражение «от меня к Маяковскому» означает «с юга на север»⁴. Но романа между нами *не было*, были просто очень хорошие отношения. Стихов этих я ей не послал, так как она, будучи человеком не от мира сего, могла ими не интересоваться. Но В.А.Катанян в 1957 г. неумолимо взял у меня карандашный черновик этих стихов, чтобы показать ей, только жаль, что без объяснения слов «от меня к Маяковскому». Опасаюсь, что может получиться недоразумение. Если встретитесь с нею, пожалуйста, объясните ей это.

Она безусловно может сообщить Вам кое-что о Северяnine и о нашем турне⁵. Но ввиду того, что это была девушка не от мира сего, она не могла знать структуры нашего турне и ситуации ма-

териальных и организационных взаимоотношений между нами, выступавшими, — с одной стороны, и устройтелем Абрамом Леонтьевичем Шнейдеровым — с другой, который субсидировал наше турне и перед которым я отвечал за моральную устойчивость рекомендованных мною ему гастролеров. Взяв лежащее сверху, она может дать ошибочные сведения, а потому, в целях внести точность в освещение всей ситуации, считаю необходимым распространиться о Северянине⁶.

Должен сказать, что в те годы Северянин и Маяковский были чистейшими представителями богемы: не имея рентабельной службы вследствие отсутствия образования и желания служить, они, в условиях капитализма, были заняты только тем, чтобы побольше содрать гонорара за стихи да побольше вырвать аванса под выступления, а насчет *отработки этого аванса* не заботились. Чтобы не быть голословным, привожу два примера, по одному на каждого.

В ноябре 1913 года Сологуб договорился с Северянином насчет *второго* совместного турне⁷ по тем городам, где они еще не были — Двинск⁸, Минск⁹, Витебск¹⁰ и др. По поручительству Сологуба устроитель дал Северянину солидный аванс под турне. А когда наступило время ехать, Северянин загулял по Петербургу со мной, с Игнатьевым, с Богомоловым¹¹ и другими — и, грубо выражаясь, плюнул на Сологуба, на устроителя, на аванс, на свои обязанности и не поехал. Сологуб поднял тревогу, стал каждый день присылать к нему нарочных, а он из дому удирает и на тревогу Сологуба не отвечает. К моменту отхода поезда Сологуб купил ему билет, но он не явился, так и не поехал. Сологуб очень обиделся и выступал только вдвоем с Чеботаревской. В результате вероломства Игоря были обмануты и выступающие, и устроитель, и публика. Я сказал Северянину:

— Нехорошо вы поступили с Сологубом, он вас выдвинул, устроил вам издание «Громокипящего кубка»¹², написал к нему предисловие, повез вас по России¹³, представил прессе, показал читателям, а вы так жестоко отплатили ему за все.

Он ответил:

— Теперь мне Сологуб не нужен¹⁴, я и без него обойдусь. Теперь у меня своя слава.

Спустя месяц Чеботаревская¹⁵ в письме ко мне назвала поступок Игоря черной неблагодарностью.

С Маяковским произошло следующее. Он получил от симферопольского устроителя Абр. Як. Щеголя¹⁶ три аванса под выступления (100, 50 и 25 рублей), а когда его разожгли журналисты на скандальном банкете у меня¹⁷, он заявил:

— Завтра уезжаю в Москву.

Это он заявил, не считаясь с тем, что Щеголь дал ему 175 рублей, заплатил за театр, за афиши и анонсы и потрудился.

В результате такой моральной неустойчивости эти люди не могли находить себе организаторов для организации турне. Никто им не доверял. Спорадически им устраивали вечера друзья и почитатели: Северянину — артистка Курбаковская и художник Кульбин¹⁸, а Маяковскому — Бурлюк и Каменский¹⁹. А когда Северянин затеял турне футуристов, никто в Петербурге не хотел связываться с ним. Помыкавшись в литературно-концертных сферах, он, наконец, спросил у меня:

— А не найдется ли в Симферополе организатор, который возьмется бы субсидировать наше турне?

Я говорю:

— Желающих найдется много, футуризм — явление модное, но кто будет отвечать перед ними за срывы, если вы их (организаторов) будете так же подводить, как подвели Сологуба? Ведь они меня съедят за то, что я их втяну в невыгодную сделку.

Он завопил:

— Не подведу! Не подведу! Сологуба я не люблю, а вас люблю! — и тут же в сотый раз поцеловал меня (слякотная была прищипка).

Я сагитировал своих приятелей в Симферополе — Абр. Як. Щеголя и Абр. Леонт. Шнейдерова взяться за это дело. Они согласились и не столько из-за денег, сколько из любви к искусству, но заявили, что снимать кассы в театрах в их отсутствие (когда они уезжают в другие города) и выдавать гонорары выступающим (по 40 р. на человека) они доверяют только мне. Дали мне доверенность, и я по их уполномочию выполнял эти обязанности. Но Бурлюк и Северянин, а может быть, и Софья Сергеевна эту мою «общественную работу» приняли за администраторскую деятельность и чуть ли не приписали мне антрепризу, по крайней мере, так это звучит в воспоминаниях Бурлюка²⁰. Неверно это и возмутительно!

На этот раз Северянин не подвел: в Крыму²¹, в Екатеринославе²² и Елисаветграде²³ мы выступали благополучно. Но в Одессе²⁴ нас подвели обстоятельства. За три недели до нашего приезда на Одессу налетели московские футуристы²⁵ во главе с Каменским и Пильским (идеолог группы)²⁶, к которым присоединились полетевшие [Так. — Публ.] из Керчи Маяковский и Бурлюк после нашего разделения с ними на «эго» и «кубо»²⁷. Эти футуристы выгребли у одесситов все деньги²⁸, а на нашу долю почти ничего не осталось, — сбор был плохой²⁹. Остались на второй

вечер — и второй не дал сбора³⁰, даже за театр не хватило заплатить. А жили мы широко и притом в самой шикарной гостинице, — в Лондонской, — занимали два номера, один для мужчин, другой для Эсклармонды. В конечном счете к моменту отъезда у нас не было почти ни копейки денег — ни на жизнь, ни на билеты для отъезда из Одессы. Задолжали в гостиницу 400 рублей да за театр рублей 100. Чтобы выйти из *общей беды*, послали телеграммы, кто куда мог, с просьбой выслать денег. В тот же день посыпались телеграфные переводы: я получил от Щеголя 400 рублей, Северянин от Кречетова³¹ 100, устроитель Шнейдеров от отца сколько-то. С трудом расплатились и пустились удирать. Моими деньгами оплатили гостиницу, на деньги Северянина купили билеты ему, Эсклармонде и Ховину до Петербурга³², а на деньги Шнейдерова мы с ним уезжали в Симферополь.

Казалось бы, это была *общая беда*, никто не был виноват в этом. Теоретически даже скорее можно было бы обвинить Северянина, так как его имя не дало сборов, но практически виновата была стратегия: не надо было ехать туда, куда хлынули другие футуристы. Но Северянин иногда проявлял ограниченность, а в некоторых случаях даже дикость (эту дикость я мягко, как детскую наивность, описываю в своих воспоминаниях). Приехав в Петербург, он решил как-нибудь вернуть свои деньги, потраченные на *общую беду*, и написал об этом не Шнейдеру, как это полагалось бы, если исключить причину беспричинности, а мне, как выполнявшему общественную работу в отсутствие устроителя³³, по его доверию. Он пишет:

...Убедительно прошу вернуть мне мои 100 рублей, которые я потратил на перевозку в Петербург чужих и ненужных мне людей. Сейчас у меня в доме настоящий ад: в маленькой комнате лежит с воспалением легких госпожа Шамардина, у нее температура 41 градус — простудилась в дороге³⁴. Моя семья сбилась в одну комнату. Ребенок³⁵ орет-заливается — корь и зубы режутся. Я с ума схожу...

Я отвечаю:

...Не по адресу Вы обратились, я не устроитель, а товарищ по выступлениям. Да и можно ли кому-нибудь из нас думать о возврате денег, потраченных на *общее бедствие*? Вот для лечения Софьи Сергеевны я, как знакомый, посылаю на Ваше имя 50 рублей, это долг каждого из нас...

Но, оказывается, этих денег он ей не передал и даже не сказал ей о том, что я их прислал. Это мне стало известно со слов самой Софьи Сергеевны через Лилло Юрьевну³⁶ в 1957 году.

Вот некоторые теньевые стороны жизни прославленного поэта. Поясняю, я в те годы работал штатным разъездным корреспондентом в редакциях некоторых южных газет и печатал стихи в столичных журн[алах].

/.../37

«Царевна-зоренька»³⁸

Это не моя поэма, а Бориса Богомолова. Она-то и была издана с предисловием Игоря Северянина, а не «Стихи»³⁹, как я Вам ошибочно сообщил. Написана она была в феврале 1910 года почти вся при мне, так как в этот период Богомолов часто по-дружески ночевал у меня в Петербурге⁴⁰. Помню, я сделал ему замечание по поводу множества уменьшительных слов, но он, как специалист по детской литературе, уверил меня, что дети любят ласкательные слова. Весной она была напечатана в «Задушевном Слове»⁴¹, а через год Богомолов с гомерическим хохотом рассказывал мне, как за эти самые уменьшительные слова его люто укусил в каком-то журнале Евгений Венский (он же Евг. Ос. Пяткин, раз уж пошло дело на разоблачение псевдонимов)⁴². По словам Богомолова, Венский написал приблиз[ительно] так:

Читали ли вы стихи:

«Любимая, небесная
Пришла Царевна-Зоренька
И шепчет мне, прелестная:
Проснись, мой мальчик Боренька!
Погасли звезд фонарики.
Проснись и встань, мой маленький!
В лесу поют комарики,
Расцвел цветочек аленький!»⁴³

Венский поясняет:

Эти стихи написал тоненький, длинненький и ехидненький поэт Боренька Богомолов.

Но тут Венский перегнул: тонким Богомолов действительно был и роста выше среднего, но ехидненьким никогда не был. Это был человек прямой и открытый. По тембру голоса подозреваю, что диктор Богомолов — его потомок, либо сын, либо внук.

Вскоре Венский на каком-то литературном вечере, где он разливал свою желчь по адресу разных писателей, набрел глазами на Богомолова и при всем честном народе выпалил ему в упор:

Верить? Слово мое — олово,
Врать не буду, не хочу,

Уж Бориса Богомолова
В новой книге раскачу!

У меня в те годы были и другие произведения, но они так зелены, что я даже стыжусь назвать их⁴⁴. Из последующих трудов к числу значительных относятся:

1) Космическая поэма «Собачество»⁴⁵ (картина мироздания и последнего периода жизни на земле, где вместо человечества фигурирует собачество, так как собаки — по мнению автора — наиболее возможные организмы на земле в условиях абсолютного холода при угасании солнца); 2) дидактический опус «По мостовой тысячелетий»⁴⁶ (космическая хартия 1920-1921 г.); 3) космопоэма предсказаний «Вселенная на плахе»⁴⁷ (пророческая, 1918-1920 гг.), часть предсказаний из которой уже сбылось, например «Радиостанции тоскующих сердец» (в июле 1959 г. сообщили, что уже открыли передачу мыслей на расстоянии). Все это было напечатано в сборниках изд[ательств]а «Таран» в 1919-1922 гг.; 4) в 1927 г. «Молодая Гвардия» выпустила двумя изданиями мою книжку «Кумачевые гулянки»⁴⁸ (хороводные игры, вечерки и образец свадьбы по-новому), которая и послужила Маяковскому причиной поиздеваться над Баяном в «Клопе»⁴⁹. Но его «тур де тэт» не удался, он хотел сделать хуже, а вышло лучше: теперь литературный мир знает Баяна и в Европе, и в Америке, и в Азии, и в других частях света.

Было у меня 9 клубных и эстрадных пьес, которые на правах рукописей шли, т.е. ставились по всему Советскому Союзу. В 20-х годах обслуживал до сорока массовых советских изданий и радио. В ноябре пришло Вам «Собачество» в новой редакции, а в старой не ищите и не читайте. Если Вас, как литературоведа, интересует, каким по качеству стихам из «Лирического потока» Северянин предпослал предисловие, то я могу переписать и прислать Вам 2-3-4 лирионетты.

Об участниках сборника «Пьяные вишни»

Участников сборника «Пьяные вишни»⁵⁰ я всех растерял. На виду у меня остался только Борис Владимирович Бобович⁵¹ (адрес: Малый Афанасьевский переулок, д.1, кв. не помню, близ Арбатской площади). Мандельштам, говорят, умер (в Ленинграде). Альбин Азовский и Анна Грианова⁵² канули в неизвестность, а владельца из-ва «Таран» Иосифа Петр. Литвинова⁵³ расстреляли врангелевцы в 1920 году (найдя у него в воротнике советское удостоверение личности, когда он перешел границу фронта, чтобы проведать на Украине сынишку, который воспитывался у деда и бабушки). Его

компаньон — Полянский — еще бортижал (морское выраж[ение]: вилять право-на-борт и лево-на-б[орт]) после него года два в Севастополе и продолжал издавать сборнички, но, перейдя в последнюю стадию туберкулеза, надо полагать, умер. Об остальных Вы знаете.

Прочтя стихи Альбина Азовского, Щепкина-Куперник⁵⁴ писала мне: «Альбин Азовский тоже "милостью божьей" поэт». Как он был бы рад, если бы узнал об этом! Он очень ценил эту высококультурную женщину.

Башкирова я так-таки и не вспомнил. Возможно, что о нем что-нибудь знает Софья Сергеевна⁵⁵.

Извините, что засыпаю Вас своими фотокарточками. Знаю, что Ваш архив не пропадет — и они, может быть, в далеком будущем кому-нибудь когда-нибудь и пригодятся. Себастьян Бах при жизни не имел даже маленькой известности, но спустя много лет после его смерти родился Мендельсон и великодушно извлек из неизвестности этого замечательного художника звуков, имя которого теперь знает весь мир⁵⁶. Современникам заниматься мною некогда, *слишком много крупных и нужных людей, которым надо воздать должное*, но в будущем... чем шут не шутит! Что пройдет, то будет мило...

Жму Вашу руку.

С искренним уважением

В.Баян

¹ Речь идет об упоминаемых в письме 2 фотокопии портрета В.Баяна (раб. В.Маяковского), 2-х фотографий, визитной карточке И.Северянина и сборнике «Пьяные вишни. 2-е изд.».

² *Шамардина Софья Сергеевна* (1894-1980) — близкая знакомая И.Северянина и В.Маяковского. Принимала участие в турне эгофутуристов в феврале 1914. О ней см. воспоминания И.Северянина «Колокола собора чувств» и «Заметки о Маяковском» (Северянин И. Сочинения. Таллинн, 1990. С.401-408). Воспоминания С.С.Шамардиной «Футуристическая юность» опубликованы частично (Встречи с прошлым. Вып.6. М., 1988. С.132-149) и полностью (Имя этой теме — любовь: Современницы о Маяковском. М., 1993. С.9-33).

³ По воспоминаниям В.В.Катаняна, «Шамардина была партийным ортодоксом, отсидела 17 лет, но это ее не отрезвило. И умерла она в доме для старых большевиков в Перedelкино» (Катанян В.В. Прикосновение к идолам. М., 1997. С.81).

⁴ Это выражение имеет также иной смысл: по свидетельству С.С.Шамардиной, в феврале 1914 у нее должен был быть ребенок от Маяковского. (Шамардина С. Футуристическая юность // Имя этой теме — любовь: Современницы о Маяковском. М., 1993. С.22).

⁵ Турне эгофутуристов описано И.Северянином в поэме «Колокола собора чувств», С.С.Шамардиной — в воспоминаниях «Футуристическая юность». См. также: Крусанов А. Русский авангард. Т.1. СПб., 1996. С.230-238.

⁶ Участники крымских выступлений (И.Северянин, Д.Бурлюк), а также С.Шамардина единодушно утверждали, что устроителем турне и меценатом был В.Баян. Сам В.Баян пытается представить ситуацию иначе, отводя роль устроителей и меценатов А.Л.Шнейдеру и А.Я.Шеголю. При оценке достоверности («уточнений») В.Баяна нужно принять во внимание следующее. С одной стороны, он стремится «остаться в истории», причем «красиво»: требует называть его только литературным именем; просит отретушировать фотографию с его «некрасивым» изображением; настаивает на использовании его материала «в том виде, в каком он приведен у меня», изменяя лишь местоимение «я» на «он»; стесняется своей старческой внешности и др. С другой стороны, в 1913-1914 он был материально весьма обеспечен (роскошно издал на свои средства собственную книгу, владел домами в Симферополе и Запорожье), обладал соответствующей этой обеспеченности репутацией в глазах современников («крымский помещик», по Д.Бурлюку; «домовладелец», по Маяковскому; «антрепренер», по Северянину) и — по понятным причинам — в 1950-1960-е хотел с этой репутацией расстаться. Все это позволяет предположить, что историю насчет «истинных устроителей» крымских выступлений, которые ни разу не появлялись на сцене (вся организационная и материальная сторона дела была сосредоточена в руках В.Баяна), он попросту выдумал. Не исключено также, что Баян излагал эту легенду Северянину еще перед началом турне, т.к. ему стыдно было признаться, что собирается заработать на товарищах по выступлению.

⁷ Первое и единственное турне Ф.Сологуба, А.Чеботаревской и И.Северянина состоялось весной 1913. Это турне описано И.Северянином в первой части поэмы «Колокола собора чувств». Пользуясь случаем, укажем на досадную неточность в статье К.М.Поливанова о Б.Д.Богомолове (Русские писатели: 1800-1917. Т.1. М., 1989. С.302): ни Б.Богомоллов, ни В.Баян не принимали участия в турне Ф.Сологуба (осень 1913).

⁸ Лекция Ф.Сологуба «Искусство наших дней», а также чтение стихов И.Северянином, Ф.Сологубом и выступление А.Н.Чеботаревской анонсировались на 2 октября 1913 (театр Эден). Выступали только Сологуб и Чеботаревская.

⁹ Осенью 1913 вечер с участием Ф.Сологуба, А.Чеботаревской и И.Северянина в Минске даже не анонсировался. В.Баян ошибается, т.к. Сологуб и Северянин выступали в Минске во время первого турне (4 марта 1913).

¹⁰ Не обнаружено данных, подтверждающих подготовку осенью 1913 совместного выступления Ф.Сологуба, И.Северянина и А.Чеботаревской в Витебске.

¹¹ *Игнатьев* (наст. фам. Казанский) Иван Васильевич (1892-1914) — поэт, критик, издатель эгофутуристических альманахов; *Богомолов* Борис Дмитриевич (1886-1920) — поэт, литературный критик.

¹² Ф.Сологуб принимал участие в составлении книги И.Северянина «Громокипящий кубок» и написал к ней предисловие. Книга выпущена в марте 1913 символистским издательством «Гриф», во главе которого стоял С.Кречетов.

¹³ См. прим. 7 к данному письму.

¹⁴ Ср. фразу в манифесте «Идите к чорту!»: «Ф.Сологуб схватил шапку И.Северянина, чтобы прикрыть свой облысевший талантик» (Футуристы: Рыкающий Парнас. СПб., 1914).

¹⁵ *Чеботаревская* Анастасия Николаевна (1876-1921) — писательница, жена Ф.Сологуба.

¹⁶ Далее в этом же письме В.Баян пишет, что все денежные расчеты с выступавшими производил он сам.

¹⁷ Описание этого банкета и скандала см.: Баян 1997. С.93-96.

¹⁸ *Курбаковская* — неустановленное лицо. В справочнике «Весь Петербург» на 1916 и 1917 гг. значатся мать и дочь Курбаковские — Ольга Владимировна и Наталья Дмитриевна. *Кульбин* Николай Иванович (1868-1917) — врач, художник, теоретик искусства. В.Баян не точен: до 1914 И.Северянину было устроено только два персональных вечера: 20 декабря 1912 в московском обществе «Свободная эстетика» и 14 декабря 1913 в Петербурге в зале Тенишевского училища. Все остальные выступления И.Северянина до 1914 происходили на диспутах, лекциях, поэтических вечерах совместно с другими поэтами-футуристами.

¹⁹ *Бурлюк* Давид Давидович (1882-1967) — художник, поэт, теоретик искусства. *Каменский* Василий Васильевич (1884-1961) — поэт, драматург, художник. В.Баян ошибается: до 1914 Маяковскому не было устроено ни одного персонального вечера (если не считать постановку трагедии «Владимир Маяковский», организованную Обществом художников «Союз Молодежи»); все его выступления происходили на коллективных поэтических вечерах, диспутах или иных мероприятиях.

²⁰ Д.Бурлюк называет В.Баяна «помещиком, меценатом и любителем поэзии» и приписывает ему все расходы по организации турне. Ср.: Бурлюк Д. Фрагменты из воспоминаний футуриста. СПб., 1994. С.68. Каким образом В.Баян познакомился с воспоминаниями Бурлюка, установить не удалось. Фрагменты из них печатались в нью-йоркском малотиражном журнале «Color and Rhyme» (1940. №13; 1952. №26; 1956. №31 и позднее), а кроме того — после посещения Д.Бурлюком СССР в 1956 — ходили по рукам в машинописных перепечатках.

²¹ Имеются в виду 3 выступления (Симферополь, Севастополь, Керчь) во время «Первой олимпиады футуризма».

²² Поэзоконцерт И.Северянина, В.Ховина, В.Баяна и Эсклармонды Орлеанской (С.С.Шамардиной) в Екатеринославе состоялся 3 февраля 1914.

²³ Поэзоконцерт И.Северянина, В.Ховина, В.Баяна в Елисаветграде состоялся 5 февраля 1914.

²⁴ Поэзоконцерты И.Северянина, В.Ховина, В.Баяна и Эсклармонды Орлеанской в Одессе состоялись 7 и 12 февраля 1914.

²⁵ Выступления кубофутуристов Д.Бурлюка, В.Каменского, В.Маяковского и журналиста П.М.Пильского состоялись 16 и 19 января 1914.

²⁶ *Пильский* Петр Моисеевич (1879-1941) — журналист, критик. Пильский не был «идеологом группы»; вступительным словом «Футуризм и футуристы» этот благожелательный критик открывал несколько вечеров в турне кубофутуристов.

²⁷ Под разделением на «эго» и «кубо» В.Баян подразумевает лишь распад кратковременного альянса и прекращение совместных выступлений И.Северянина с В.Маяковским и Д.Бурлюком. Само же возникновение групп эго- и кубофутуристов предшествовало «Первой олимпиаде футуризма».

²⁸ Согласно газетным отчетам, лишь на первом выступлении кубофутуристов (16 января 1914) зал был переполнен. На втором вечере (19 января 1914) публики было значительно меньше.

²⁹ Согласно газетному отчету, на вечере 7 февраля 1914 «публика рассыпалась жиденькими горсточками по просторному залу. И это говорило о материальной неудаче вечера» (К-ий Ал. Настоящие: На поэзо-концерте эго-футуристов // Одесские новости. 1914. 8 февраля. №9263. С.1). Не исключено, что отсутствие у публики интереса к эгофутуристам было вызвано еще и тем обстоятельством, что Северянин и его группа не вписывались в скандальный образ футуристов, созданный прессой в массовом сознании, тогда как, по многочисленным свидетельствам, публику привлекала подчас именно скандальная сторона футуристических выступлений.

³⁰ Согласно газетному отчету, на вечере 12 февраля 1914 «публики /.../ было очень мало» ([Б.п.] Вечер футуристов // Одесские новости. 1914. 13/26 февраля. №9268. С.2).

³¹ *Кречетов* Сергей (Соколов Сергей Алексеевич, 1878-1936) — поэт, владелец издательства «Гриф».

³² По воспоминаниям С.Шамардиной, «назад мы возвращались в третьем классе и за извозчиков в Петербурге платил "меценат"» (Шамардина С. Футуристическая юность. Указ. соч. С.22).

³³ В конце предыдущего абзаца В.Баян утверждал обратное: будто строитель Шнейдеров присутствовал в Одессе.

³⁴ Причина болезни описана впоследствии С.Шамардиной (Указ. соч. С. 22). и И.Северянином (Северянин И. Сочинения. Таллинн, 1990. С.408).

³⁵ Фотография И.Северянина с маленькой дочерью опубликована в «Синем журнале» (1913. №41. С.5).

³⁶ Имеется в виду *Лиля Юрьевна Брик* (1891-1978). В 1957 была женой В.А.Катаняна.

³⁷ Опушен отзыв В.Баяна о присланной ему Б.Смиренским книге И.Т.Кокорева «Москва сороковых годов» (М., 1959).

³⁸ Богомоллов Б.Д. Царевна Зоренька. СПб., 1913 — сборник детских стихов. В предисловии к сборнику И.Северянин называет Б.Богомоллова «единственно истинным русским детским поэтом».

³⁹ Имеется в виду книга Б.Д.Богомоллова «Стихи» (СПб., 1913).

⁴⁰ В 1910 В.Баян жил в Петербурге и слушал лекции на Высших курсах П.Ф.Лесгафта.

⁴¹ Стихотворения, вошедшие в книгу, прежде были напечатаны в журналах «Задушевное слово: Чтение для детей младшего возраста», «Задушевное слово: Чтение для детей старшего возраста», «На берегах Невы».

⁴² *Венский Евгений (Пяткин Евгений Осипович, 1884/1885-1943)* — поэт-сатирик, фельетонист.

⁴³ Этим стихотворением открывается книга Б.Богомоллова «Царевна Зоренька».

⁴⁴ До 1914 В.Баян опубликовал роман в стихах «Сжатая лента» (Мелитополь, 1908), который впоследствии не упоминал в списке своих произведений. Стихи В.Баяна публиковались в журналах «На берегах Невы»; «Весь мир», в сборнике «Ветви» (СПб., 1913).

⁴⁵ Поэма «Собачество» опубликована в сборнике «Срубленный поцелуй» (Севастополь, 1922).

⁴⁶ Опубликовано в сборнике «Из батарей сердца» (Севастополь, 1922).

⁴⁷ «Вселенная на плахе» опубликована в сборниках «Радио» (Севастополь, 1920) и «Обвалы сердца» (Севастополь, 1920). В письме к Б.Смиренскому от 16 февраля 1962 В.Баян заявил, что «Вселенная на плахе» «содержит в себе 70 научных и политических проблем» (РГАЛИ. Ф.2823. Оп.1. Ед.хр.19. Л.4об.).

⁴⁸ Сборник стихов В.Баяна «Кумачевые гулянки» (М.; Л., 1927) вышел скорее не двумя изданиями, а основным (5000) и дополнительным (10000) тиражами.

⁴⁹ См.: письма В.Баяна и В.Маяковского (Маяковский В.В. Полн. собр. соч.: В 13 тт. Т.12. М., 1959. С.194, 588); Миндлин Э. Необыкновенные собеседники. М., 1968. С.279-280 (То же. 2-е изд. М., 1979. С.299-302).

⁵⁰ В.Баян пишет об участниках второго издания сб. «Пьяные вишни» (см. прим. 7 к письму 2). Первое издание ([Севастополь, 1920], вышло 15 мая) отличается по составу участников (de visu нами не изучено). В.П.Купченко приводит следующий список: И.Северянин, В.Баян, Ф.Гиз, Г.Полуэктова, Э.Миндлин, А.Грианова, А.Соколовский, М.Калмыкова, Г.Шенгели (Купченко В.П. Литературная Феодосия в 1920 году // De Visu. 1994. №3/4. С.88).

⁵¹ *Бобович Борис Владимирович* (?-1975) — литератор.

⁵² *Альбин Азовский* (наст. имя и фам. Михаил Моисеевич Мабо, 1878-1961) — минский журналист и драматург, директор Азовского банка в Феодосии в 1913-1920. Умер в эмиграции. См.: Купченко В.П. Литературная Феодосия в 1920 году. Указ. изд. С.84. Об *Анне Гриановой*, участнице сборников издательства «Таран», биографических сведений не найдено.

⁵³ По-видимому, *И.П.Литвинов* имел также отношение к книгоиздательству «Сатурн», выпустившему в 1918 сборник стихотворений Н.С.Гумилева под названием «Пьяные вишни» (1). В выходных данных этого библиофильского издания имеются инициалы владельцев книгоиздательства «Сатурн» — *И.Л[итвинов?]* и *Р.Д.* См.: Эльзон М.Д. Из архивно-библиографических разысканий // Н.Гумилев и русский Парнас. СПб., 1992. С.113-114.

⁵⁴ *Щепкина-Куперник Татьяна Львовна* (1874-1952) — писательница.

⁵⁵ *С.С.Шамардина*.

⁵⁶ Роль *Я.Л.Ф.Мендельсона* в популяризации творчества *И.С.Баха* весьма значительна, но В.Баян преувеличивает «неизвестность» Баха его современникам.

4

Москва
21 декабря 1959 г.

Дорогой Борис Викторович!

Большое уважение к Вам буквально гложет меня за проволочки, но в день, когда я овладел «формой», неожиданно надвинулись на меня горячие дела жизненного значения, пришлось выхватить из души огненную хартию в 30 страниц, где каждая строчка — либо молния, либо «точная механика», которую надо строго продумать. Но на днях перепишу эту хартию и сплавлю и немедленно возьмусь за обещанное. Полагаю, что Вы искренне интересуетесь лирионеттами¹, а не ради вороньего сыра, и потому считаю, что

Вы будете вознаграждены за свое долготерпение. Выяснилось: начну для Вас переписывать 26 декабря, а отправлю 29-го.

Очень рад, что с Софьей Сергеевной² Вы установили контакт. Ее внимание к моему стихотворению³ хотя и позволяет мне послать ей *авторский* экземпляр, но ввиду того, что я очень стар и некрасив, я стесняюсь затрагивать ее. В молодости она была избалована могучими кавалерами (Маяковский, Руманов, Чуковский)⁴, куда же мне грешному да старому возобновлять знакомство?⁵

Фотоснимок, который она Вам дала⁶, я знаю, он мне *не* нравится, уж очень меня там взлохматили и скривоносили. Судя по моим многочисленным снимкам, которые у Вас имеются и которые при сем посылаю, я не так уж изуродован, как меня «схватил» аппарат студента, снимавшего нас.

При пересъемке, пожалуйста, попросите фотографа отретушировать негатив таким образом, чтобы это обидное преувеличение снизить до справедливых размеров. Если же пересъемка уже произведена, то попросите гравера о том же при изготовлении клише, иначе будет обида, а я этого не заслуживаю, потому что у меня не такое уж измятое лицо, как это почему-то получилось на этом снимке.

Василиска Гнедова⁷ я знаю. Это был мягкий, но прямодушный молодой человек. В марте 1914 года, проездом из Петербурга в Ялту⁸, он нанес мне визит в Симферополе в... 6 часов утра. На звонок вышла мама, удивилась, что он без шляпы. Он поздоровался и «независимо» попросил:

— Разбудите, пожалуйста, Вадима Баяна, скажите, что Василиск Гнедов приехал.

Я принял его хорошо, приветливо, в стиле Баяна. С первых слов он посетовал на пассажиров поезда за то, что они украли у него шляпу. Затем сообщил мне столичные новости, рассказал кое-что о Северяnine и, между прочим, похвалил какого-то петербургского мецената:

— Хороший старик, стоит только написать ему записку, как тут же получишь от него десять рублей.

Из этой информации я заключил, что поэт не лишен был элементов богемы.

Он подарил мне книжечку стихов — своих и Павла Широкова (вдвоем выпустили с предисловием Ивана Полозова, сиречь авторов)⁹, где Широков то и дело восклицал:

Покупайте поэзы Широкова!
Широков — величайший поэт!¹⁰

Из Ялты Гнедов вопил в письме: «Скука занесла надо мною топор, нет даже примитивного концерта. Где же Ваш поэзочер¹¹? Приезжайте, отведите от меня этот топор».

Отчество его — Иванович. В общем хороший был парень. Лет 15 назад Шкловский писал, что и Конст. Олимпов (Фофанов) жив и работает в Ленинграде управдомом¹².

В.К.Покровский — добряга. Он горячо ратовал перед мною за Вас, убеждал меня, что следует отдать Вам мой материал о Северяnine, над которым я работаю, а о том, что станет со мной, когда я останусь с пустыми руками, он и не подумал. Доброта — однобокая. Но напечатать какую-либо статью при существующей густоте писателей не так просто.

/.../¹³

Я и сам буду рад послать Вам лирионетты, ведь они не плохие, хотя и написаны 50 лет назад¹⁴, они не хуже стихов Северянина, только психика зеленовата, как и у Игоря, но он знаменит, и ему все простительно, а мне нет. Перед моей космической поэзией они, конечно, ничто.

Жму Вашу руку.

Уважающий Вас

В.Баян

¹ Лирионетты — этим термином В.Баян называл свои ранние стихи. Его книга «Лирический поток» имеет подзаголовок «Лирионетты и баркароллы».

² Речь идет о С.С.Шамардиной. В предыдущем, пропущенном нами при публикации, письме (от 6 ноября 1959) В.Баян советовал Б.В.Смиренскому узнать ее адрес у В.А.Катаняна.

³ Стихотворение В.Баяна, посвященное С.С.Шамардиной, приведено в письме 3.

⁴ О романе С.С.Шамардиной с Маяковским в 1913-1914 см.: Шамардина С. Футуристическая юность. Указ. изд. С.9-33; Руманов Аркадий Вениаминович (1878-1960) — журналист, редактор петроградского отдела газеты «Русское слово». Эмигрировал в первые годы революции. О роли К.И. Чуковского во взаимоотношениях Маяковского и Шамардиной см.: Шамардина С. Указ. изд. С.20-21.

⁵ В.Баян познакомился с С.Шамардиной в феврале 1914 во время турне эгофутуристов.

⁶ На фотоснимке, сделанном во время одесских гастролей эгофутуристов (февр. 1914), запечатлены И.Северянин, В.Ховин, С.Шамардина и В.Баян. Опубликован в кн.: Имя этой теме — любовь. Указ. изд. С.23.

⁷ *Гнедов Василиск* (Василий Иванович) (1890-1978) — поэт. В 1913-1914 входил в группу эгофутуристов.

⁸ В.Гнедов ехал из Петербурга в Ялту на дачу к Н.А.Рославцу для лечения от туберкулеза. Подробнее см.: Лившиц Б. Полутораглазый стрелец. Л., 1989. С.518-520, 697 (прим. 39); Сигей С. Эгофутурналия без смертного колпака // Гнедов В. Собрание стихотворений. Тренто, 1992. С.23-24.

⁹ Гнедов В., Широков П. Книга великих. СПб., 1914. Книга выпущена под маркой издательства «Бьета». По другим данным, И. Полозов — друг В.Гнедова (Сигей С. Комментарии // Гнедов В. Указ. изд. С.160).

¹⁰ Из стихотворения П.Широкова «Да здравствует реклама!».

¹¹ Вероятно, В.Баян собирался устроить в Ялте свой поэзовечер. Кроме того, в середине марта 1914 планировался, но не состоялся его вечер в Мелитополе (Крусанов А. Русский авангард. Т.1. Указ. изд. С.238).

¹² В.Баян имеет в виду следующее место в книге В.Шкловского «Поиски оптимизма» (М., 1931. С.94): «сын Фофанова — Олимпов. Сейчас он где-то управдомом. Пишет стихи в домашней книге».

¹³ Опушено мнение В.Баяна о работе Б.Смиренского над биографией Д.Веневитинова и его просьба прислать фотопортрет Б.Смиренского с надписью «на лицевой стороне».

¹⁴ По свидетельству В.Баяна, в книгу «Лирический поток» вошли стихи 1906-1911 годов.

5

[Начало января 1960]

Вадим Баян

МОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ЛИЦО
(Юность и зрелый возраст)

Юность

«Лирический поток» (лирионетты и баркароллы). Предисловие Игоря Северянина и И.И.Ясинского-Белинского. Издание Т-ва М.О.Вольф. Петербург. 1914 год.

Лирионетты и баркароллы — это звонкая молодость поэта, это первые побеги его зеленеющей души. И кто же посмеет занести топор над головой ребенка или оплевать цветение весны?

Блажен, кто смолоду был молод,
Блажен, кто вовремя созрел.

Пусть моя ранняя поэзия ограничена интимной лирикой и не блещет высокими идеалами, но она все же принесла с собой какую-то свежесть, давала какие-то шпоры обленившемуся читателю дореволюционной России и [в] свое время получила некий резонанс в обществе. О моей книге и выступлениях в Первой олимпиаде футуристов (вместе с Маяковским, Северянином и Бурлюком) и в других турне футуристов¹ появилось в газетах и журналах свыше 700 критических статей и заметок² (разумеется, не только хвалебных, но и ругательных). Разноголосый хор критики представлял собой схватку двух лагерей. Одни кричали: «Это разбойник в поэзии!», «Наглый и бесстыжий!», «Таких трескучих слов, как у Баяна, не раздавалось в литературе со времен Бенедиктова!». Другие наивно захлебывались: «Он — гений!», «Северянин мизинца Баянова не стоит!», «Он выше Бальмонта!», «Он — величайший из молодых поэтов!», «Он — соловей!».

50 стихотворений мне посвятили разные поэты — Сологуб, Северянин, Щепкина-Куперник, Шенгели, Шебуев, Агнивцев, Богомоллов, Шпажинский, Чеботаревская, Хаит, Бобович и многие другие³. Евгений Николаевич Чириков⁴ написал:

Бурнопламенному поэту Вадиму Баяну

Любовь — не только пьяная радость, но и страдание. Во дни беспечной юности страдание тонет в чаду животной радости. Но юность — мгновение. Скорее зажигайте и другие огни Вашего прекрасного дарования!

С искренним уважением

Евг. Чириков

А.И.Куприн в своем рассказе «Интервьюер» вскользь похвалил меня устами Великого Драматурга. Руки подняли в мой адрес и такие корифеи искусства, как Цезарь Антонович Кюи и Федор Федорович Фидлер⁵ и другие. Л.В.Собинов на банкетах блестяще читал мое стихотворение «Часики»⁶. С легких рук Игоря Северянина и двух Вадимов — Вадима Шершеневича⁷ и Вадима Баяна в России появились миллионы Игорей и Вадимов. Видно, нравилось наше творчество, если современники решили увековечить наши имена в миллионах имен своих потомков.

Приводимая подборка лирионетт не содержит в себе тех «трескучих» выражений, которые выводили из равновесия консервативную критику и приводили в бешенство мошкарку досужих рецензентов. Здесь все причесано под гребенку бывшего эстетизма и благовоспитанных вкусов. Но главные особенности моих стихов в них все же сохранились — это легкость, стремительность и наличие цезуры в многостопных ямбах, которая облегчает чте-

ние длинных строк и изобличает теоретическую культуру автора. (Как жаль, что нынешние поэты не имеют понятия о цезуре и, пиша многостопным ямбом, дают стихи нудные, тягучие, как пьявки, и «длинные, как волос в супе», по выражению Веры Инбер⁸.)

Лирионетты

Лунная пьянь

Твой колет в самоцветных камнях
Серебит голубая луна.
Отдохни у меня на коленях
В гармоническом шепоте сна.
Убаюкан твой терем безлюдный.
В нашей горенке — дрема и пьянь.
Я лелею твой сон изумрудный,
Опустив золотистую ткань.
1905 г.

Champagne lunaire (Баркаролла)

На твой воздушный колерет*
И на янтарные озера
Луна струит шампанский свет,
Как переплески метеора.
Раскинув палевый нюанс,
Скользит зеркальная гондола.
И в башне — в стиле ренессанс —
Ноктюрн заплакала виола.
За платье зацепясь в тени,
Раскрылся бархатный твой ботик...
Ты не смущайся, протяни
Мне ножку в кружевах экзотик.
Под твой влюбленный поцелуй —
На голубой душистой ножке —
Замрет, как звон хрустальных струй,
Затвор бриллиантовой застежки⁹.

/.../10

Первым, кто дал отзыв об этих моих стихах, был Маяковский. В январе 1914 года, когда я с благоговением подал ему только что полученный от изд-ва Вольфа первый экземпляр «Лириче-

* Колерет — воротничок (прим. В.Баяна — Публ.).

ского Потока», он окунулся в книгу, шаркнул глазами по стихам и со свойственной ему прямою рубнул:

— По-моему, это помесь Апухтина с Надсоном.

Конечно, с точки зрения вкуса Маяковского это было так, но меня такое заключение все-таки задело. Ведь мои лирионетты были гораздо свежее стихов Апухтина и Надсона. В них алмазами горели такие новые мои слова, как *пьянь, аль, фиоль, синь, лирионетты, подземе, кудесный* и прочие. А какая живопись! —

Огоньками зардеют тюльпаны,
Соловьи засвирият в лесах¹¹.

И сколько для того времени в них было свежести: *луна струит шампанский свет; сиреневые хмели; железные гневь; в глазах тревожились огни; душа взмятежилась в пожарах* и так далее. Впоследствии эту *похожесть моих ранних стихов* на стихи Апухтина и Надсона Маяковский в «Клопе» высмеял в более острой форме, и грустно, что некоторые недалекие люди дали этой мысли превратное толкование. Надо сказать, что этому предшествовала и моя довольно едкая критика его ошибок, на которую я не поскупился в беседе с его другом Большаковым¹² в 1926 году.

Но юность прошла. С любовной грустью я провожаю в даль забвения корабль своей неповторимой молодости и с новым компасом выхожу на новую дорогу, длинную, широкую, космическую:

Пропеллер зарвел — затосковал биплан.
Последний швыр цветов — и выставка закрыта.
Ангары взорваны, хоть сердце недопито, —
И над ковром веков бесстрашный капитан!
Пусть ученичество дымится позади!
А я, испытанный в баталиях коллектор*,
Вонзаю в будущность вселенский свой прожектор —
И новые миры завидел впереди.
(напечатано в 1-м издании «Пьяных вишен»).

ЗРЕЛЫЙ ВОЗРАСТ (О моей космической поэзии)

В 1914 году я выхватил из сердца огненную хартию великих проблем «Вселенная на плахе» и 1 мая 1917 года прогремел ею на

* Коллектор — производн[ое] от сл[ова] коллекция (нов[ое] сл[ово]) (Прим. В.Баяна — Публ.).

грандиозном вечере Русского Музыкального Общества в Симферополе, в Дворянском театре (что зафиксировано в печати).

В июне 1920 года этой поэмой (и вообще своей программой) я открыл в Ялте сезон Чеховского литературного общества¹³ («кружок» в 500 человек под председательством Щепкиной-Куперник). Если газеты врангелевской печати не дошли до Библиотеки имени Ленина, то, надеюсь, это выступление отражено в мемуарах или каких-либо других записках Щепкиной-Куперник¹⁴, которая относилась ко мне *сверхвнимательно* (написала мне множество писем и посвятила два стихотворения). Наконец, об этом моем выступлении мог бы, пожалуй, вспомнить профессор Мокульский¹⁵, он очень культурно выступил тогда в прениях по этой поэме, хотя, будучи сторонником классики, он не мог быть на стороне футуристического *космизма*¹⁶.

В июле 1920 года я выступил с нею в Севастополе, на собственном поэзовечере, за что был вызван министром народного просвещения врангелевского правительства Немировичем-Данченко (племянником Вл. Ив.)¹⁷ для *нотации* по поводу моих выступлений в крымских городах вообще. Он поставил мне на вид: «Я имею неприятности свыше за то, что допустил ваши выступления на территории Крыма».

Многие из поднятых мною ТОГДА проблем уже осуществились, а решение других — на очереди. Например:

Рубнет вселенную тяжелый Дровосек,
Лизнет пожарами прогнившие идеи,
Расстелет по земле любовью шитый век
И площади планет раскрасит в эмпирии.

Мы уже расстилаем по земле любовью шитый век, а достижения других планет — дело недалекого будущего.

Вскишат вибрации беспроводных пресс

Это уже давно сбылось и стало обычным явлением.

Зареют в воздухе хрустальные курорты.

Принцип вертолетов вполне обеспечивает возможность передвижных (беспыльных) воздушных курортов, которые не будут зависеть от климатических и атмосферных условий, а получая прогнозы погоды, смогут передвигаться в любой пояс земного неба Мирового СССР. 18 декабря 1959 года сообщили, что уже созданы летающие вагоны и «автобусы»-вертолеты. Недалеко и до курортов.

*Шатнется в сторону небесный Геркулес —
И в небе выступят причудные офорты.*

Это будет, так как созвездия во вселенной перемещаются, только медленно в сравнении с жизнью людей.

Радиостанции тоскующих сердец.

В июле 1959 года советские ученые открыли передачу мыслей на расстоянии (было сообщено по радио).

Из горнов радия выпрыгивают солнца.

В октябре 1959 года сообщили, что советские ученые проектируют искусственные солнца.

А острейшая поэтическая фантазия

*Народы запахов, республики цветов,
Оранжеви грез, культуры насекомых*

хотя и несбыточна, но она уже 40 лет работает на культуру поэтической мысли и заостряет фантазию пытливей молодежи.

В январе 1914 года, когда Маяковский подчеркнул похожесть моих ранних стихов на стихи Апухтина и Надсона, я решил козырнуть перед ним кусками из «Вселенной на плахе», которую до него почти никому не показывал, так как стеснялся незстетических выражений, а главное, многостопного ямба, ничуть не подозревая, что именно этот размер полюбится Маяковскому для выражения его величайших лирических настроений (в поэме «Во весь голос»). Я стал в позицию:

— Но у меня есть и другие стихи, Владимир Владимирович, только невкусные.

— Вот это-то и пленительно. Давайте их сюда.

Читаю:

*— Подохнут микросы под млечным колесом,
Плевками высохнут гнилые океаны,
Лишь солнце бледное с затасканным лицом
В мирах останется лизать земные раны.*

— Еще.

*— Придет Собачество вспахать свои поля
На пепелище зла и микрочеловеков,
Но сдохнет солнышко — и черная земля
Опустит надолго тоскующие веки.*

Маяковский приободрился.

— Почему вы с ними не выступаете? — спросил он.

— Они еще не закончены.

— Напрасно. Надо бы закончить.

И я уже был удовлетворен: быть необруженным Маяковским за новое устремление в литературе — это уже достижение¹⁸.

СЕЛИМ БУЯН

Почему Игорь Северянин вывел меня в своей поэме¹⁹ под этим псевдонимом?

Нередко бывает, что большие поэты, как и прочие большие художники, любят своих младших собратьев лишь до тех пор, пока последние выступают на арену со своими ранними, несовершенными трудами, а когда младший брат возмужал, расправил крылья и позволил себе сказать миру новое слово, тут уже отношение к нему меняется. Когда у Шаляпина спросили, какого он мнения о Собинове, он сказал:

— У Собинова красивые ноги.

Известно, что Игорь Северянин был моим ближайшим другом в литературном мире: он написал предисловие к моей книге²⁰ и с сотню теплых писем в мой адрес; посвятил мне три стихотворения; привез ко мне в дом Сологуба, Маяковского; вовлек меня в Первую олимпиаду футуристов и другие литературные турне; наконец, нередко гостил у меня, не говоря уже о том, что до приторности часто целовал меня в обществе, ради оригинальности. Все это было, пока мои лирионетты не кололи его самолюбия. Но когда он увидел, что у меня появились крепкие литературные бицепсы, когда под моим пером затрещала вселенная и посыпались императоры, у него глаза рогом вылезли, он заметался как раненый зверь и завыл по моему адресу в своей бездарной поэме «Колокола собора чувств», подбирая слова прямо с Хитрова рынка: «прыщеватый», «безголовый», «осипший», «забаранил» «бе» и «бя», «типичный тип», «медвежь ловкий» и так далее. Он посвятил мне целую главу сплошной лжи, пьяных вывертов и сумасбродных утверждений — будто я был во фраке с кушаком, «платком обмахивал роток» (?) и носил «бобровую шубу». Спрашивается, кто шьет бобровые шубы и как может «осипший» человек забаранить «бе» и «бя»? Так подло завраться ради истребления своего товарища мог только исступленный кретин, забывая, что существуют трезвые газетные отчеты, по которым можно установить всю правду²¹.

Разумеется, что при такой ругани назвать меня моим подлинным именем озверевший от зависти Северянин *не посмел*, так как

этим он мог бы навлечь на себя *упреки истории в непоследовательности и двуличии, в непостоянстве и флюгерстве: вначале ценил меня, дал предисловие к моей книге²², выступал со мной в двух турне, дружил много лет и непрерывно переписывался, а когда я вырос, он по-мещански облил меня грязью, оклеветал.* Вот тут-то он и придумал мне псевдоним «Селим Буян», зная, что по ритму псевдонима и по слову «лирионетты» читатели догадываются, о ком идет речь, а история, дескать, не станет ввязываться в склоку и докапываться до подлости. Но он ошибся: история свое слово скажет. Этим он скомпрометировал *не меня, а себя, так как разоблачил перед историей свою мелкую душонку.*

¹ Помимо «Первой олимпиады футуризма» В.Баян участвовал только в турне эгофутуристов (февраль 1914). См. прим. 6 к письму 3.

² В.Баян явно преувеличил число откликов периодической печати на указанные им события.

³ Стихотворение Ф.Сологуба, посвященное В.Баяну, опубликовано: Баян 1914. *Шенгели* Георгий Аркадьевич (1894-1956) — поэт, литературовед. *Шебуев* Николай Георгиевич (1874-1937) — писатель, журналист. *Агнивец* Николай Яковлевич (1888-1932) — поэт, драматург, прозаик. Стихотворения Б.Богомолова, посвященные В.Баяну, опубликованы в Баян 1914 и в книгах Б.Богомолова «Царевна Зоренька» (СПб., 1913) и «Стихи» (СПб., 1913). *Шпажинский* Ипполит Васильевич (1848-1917) — драматург. Стихотворение А.Чеботаревской, посвященное В.Баяну, опубликовано в Баян 1914. *Хаит* Давид Маркович (1899-?) — беллетрист.

⁴ *Чуриков Евгений Николаевич* (1864-1932) — прозаик.

⁵ *Кюи Цезарь Антонович* (1835-1918) — композитор. *Фидлер Фридрих (Федор Федорович)* (1859-1917) — переводчик, поэт.

⁶ *Собинов Леонид Витальевич* (1872-1934) — оперный певец. Стихотворение В.Баяна «Часики» не найдено.

⁷ *Шершеневич Вадим Габриэлевич* (1893-1942) — поэт, драматург, критик.

⁸ *Инбер Вера Михайловна* (1890-1972) — поэтесса.

⁹ Это и предыдущее стихотворения опубликованы в Баян 1914 (С.3, 7).

¹⁰ Нами опущены следующие стихотворения, опубликованные в Баян 1914: «На закате» (С.24), «Nocturne bleu» (С.4, в другой редакции), «Коралловый город» (С.17), «Девушки» (С.6), «Из монолога» (заключительное четверостишие стихотворения «Монолог», С.36), «Днепровский смех» (С.27), «В предсмертии» (С.23), «Ориенталия» (в другой редакции под названием «Восточная мистерия», С.18).

¹¹ Строки из стихотворения «Грустящей девушке» (Баян 1914. С.8).

¹² *Большаков* Константин Аристархович (1895-1938) — поэт, прозаик.

¹³ До ялтинского вечера В.Баян выступал в Феодосийском литературно-художественном кружке (март 1920). Стихи участников поэтических вечеров ФЛАКа вошли в сборник «Пьяные вишни» (1-е изд.). О поэме В.Баяна «Вселенная на плахе» во ФЛАКе делал доклад Э.Миндлин (4 февр. 1920).

¹⁴ В опубликованных мемуарах Т.Л.Щепкиной-Куперник имя В.Баяна не упоминается.

¹⁵ *Мокульский* Стефан Стефанович (1896-1960) — театровед, критик.

¹⁶ Какой-либо продуманной и сформулированной идейно-художественной или эстетической концепции космизма у В.Баяна не было. В другом письме Б.Смиренскому В.Баян пояснял:

Мой космизм — не футуристический, а просто космизм, он зиждется на трех китах: уранизм, хронизм и лиризм, и начат он и опубликован за много лет до возникновения других разновидностей космизма, поэтому я с гордостью считаю себя первым (по времени) поэтом космистом в России и СССР, а может быть, и во всем мире. Назвал же я этот космизм футуристическим (якобы с точки зрения проф. Мокульского) для того, чтобы на всякий случай определить возможное отношение к моему космизму со стороны Мокульского.

Письмо от 19 янв. 1960. Хранится у А.Дмитренко

Проявляясь через гиперболические образы планетарного и вселенского масштаба, выражая стремление к мировому охвату, космизм был весьма широко распространен в поэзии конца 1910-х — начала 1920-х. В качестве поэтического принципа его использовали поэты-биокосмисты, московская группа «Кузница», петроградская группа «Космист», поэты Пролеткульта, «дерзо-поэт» Ф.Кашинцев и многие другие. Настойчиво возводя начало своего космизма к 1914, В.Баян стремится утвердить себя чуть ли не основоположником этого направления. Между тем ничуть не менее космичны строки, которые в декабре 1913 читал на поэтических вечерах К.Олимпов. См.: Крусанов А.В. Дороги и тропы русского литературного авангарда: эго-футуризм (1911-1922 гг.) // Русский разъезд. 1993. №1. С.133-134.

В целом культурный феномен русского космизма (в мировоззренческом смысле) охватывает гораздо более широкий хронологический интервал и помимо поэзии распространяется также на философию, различные искусства и науки.

¹⁷ *Немирович-Данченко* Георгий Владимирович (1889-1939) — начальник Части печати отдела Генерального штаба, начальник отдела печати Гражданского управления Правительства Юга России. (О нем см.: Савич Н.В. Воспоминания. СПб., 1993. С.473; Врангель П.Н. Воспоминания. Ч.2. М., 1992. С.222). В.Баян ошибается: Г.В.Немирович-Данченко

— сын режиссера Владимира Ивановича Немировича-Данченко и племянник писателя Василия Ивановича Немировича-Данченко.

¹⁸ Этот эпизод описан также в мемуарах: Баян 1997. С.98-99.

¹⁹ Имеется в виду поэма И.Северянина «Колокола собора чувств».

²⁰ И.Северянин написал предисловие к книге В.Баяна «Лирический поток» (СПб., 1914).

²¹ Ряд газетных отчетов о «Первой олимпиаде футуризма» приведен в книге А.Крусанова «Русский авангард» (Указ. изд. С.200-206, 230-238).

²² Впоследствии И.Северянин объяснял: «Я написал ровно пять издательских строк. Гонорар — 125 руб.» (Северянин И. Стихотворения и поэмы. М., 1990. С.395).

Б.М.Прилежаева-Барская
«БРОДЯЧАЯ СОБАКА»
Публикация Р.Д.Тименчика

В последнее двадцатилетие опубликованы и отчасти систематизированы немалочисленные мемуарные свидетельства о легендарной «Бродячей собаке», художественном кабаре, ведомом Борисом Прониным в Петербурге в 1912-1915¹. Публикуемые ниже записки Б.М.Прилежаевой-Барской расставляют некоторые акценты в уже сложившемся коллективном мемуарном тексте и приближают к некоторым общим выводам о смысловой структуре пронинского кабаре.

Последняя отличается прежде всего разнообразной и ревностно культивируемой пограничностью. Завсегдаги подвала стремятся — по поводу и без — публично заявить о своей маргинальности, в чем бы она ни выражалась: П.О.Богданова-Бельская — о том, что она бисексуальна, А.Я.Гальперн — о том, что он еврей и при этом сын сановника, Пронин не делает секрета из своих продолжающихся контактов с большевиками²,

---

¹ Парнис А., Тименчик Р. Программы «Бродячей собаки» // Памятники культуры: Новые открытия: Ежегодник. 1983. М., 1985. С.160-257 (в дальнейшем — БС); Конечный А.М., Мордерер В.Я., Парнис А.Е., Тименчик Р.Д. Литературно-художественное кабаре «Привал комедиантов» // Там же: Ежегодник. 1988. М., 1989. С.96-154 (в дальнейшем — ПК); Тихвинская Л. Кабаре и театры миниатюр в России. 1908-1917. М., 1995. С.86-134; Могиланский М. Кабаре «Бродячая собака» / Публ. А.Сергеева // Минувшее: Исторический альманах. Вып.12. М.; СПб., 1993. С.168-188; Могиланский Н. О «Бродячей собаке» // Воспоминания о Серебряном веке / Сост., авт. пред. и комм. В.Крейд. М., 1993. С.444-447; Высотская О. Мои воспоминания / Публ. и прим. Ю.Галаниной и О.Фельдмана // Театр. 1994. №4. С.86-88, 99; Пяст Вл. Встречи. М., 1997. С.164-182, 356-379.

² «Пронин прятал в диванах рев[олюционную] литературу». — Записные книжки Анны Ахматовой (1958-1966). М.; Torino, 1966. С.556 (в этой записи о «Бродячей собаке» публикаторами неверно раскрыто сокращение — роль Змия в поставленной там пьесе «Изгнание из рая» играл К.М.Миклашевский).

Н.К.Цыбульский — из своей программной наркомании и алкоголизма³.
В.Р.Ховин вспоминал:

...там не скрывалось то, что вообще принято было скрывать. Там были откровенные алкоголики, нескрывающиеся наркоманы. Любовные интриги завязывались у всех на глазах. Все знали, что одна поэтесса имеет очаровательную записную книжечку, куда тщательно заносит каждого своего любовника, общее число которых давно перевалило за 100. Там неудивительно было услышать от мужчины, что он «вчера был у своего любовника», и вообще вряд ли что-нибудь такое могло удивить или шокировать обитателей этого подвала⁴.

³ Ср. очерк В.Пяста «Богема»:

Гениальный пьяница, часа через три уже клевавший красным своим носом, около бутылки красного вина, в непросыхавший от акоголя, впитавшегося в каждую пору дерева, деревянный стол, — Н.Цыбульский, прозванный «Граф О'Контрер» на французско-ирландском наречии — этот неизменный друг «Хунд' директора», Бориса К. Пронина — около полуночи Цыбульский часто еще бывал в ударе и исполнял никогда не записывавшиеся им композиции, по отзывам знатоков, чрезвычайно значительные в музыкальном отношении.

Красная газета. 1926. 18 ноября. Веч. вып.

Ср. запись в дневнике В.А.Стравинской (в ту пору жены С.Ю.Судейкина) от 5 января 1917 (Запись любезно сообщена Джоном Боулттом).

Цыбульский все болтал, рассказывал разные сплетни, талантливо характеризую людей, нюхал кокаин и заставил нас выпросить у [С.А.] Сорина последнюю бутылку красного вина, которую он и выпил почти один. Сережа [Судейкин] очень не любит пьяниц, и его возмущает постоянное опьяненное состояние Цыбульского. За последнее время он и кокаин нюхает, и опиум курит, вообще опьяняет себя всеми всевозможными способами. Благодаря такому состоянию он становится очень талантливым рассказчиком и собеседником, но теряет даровитость музыканта, т.к. мало сочиняет и иногда даже с трудом играет. Сам он говорит, что за последнее время совсем бросил работать и сочиняет только срунду, которая, к стати сказать, очаровательна, как например, его французская шансонетка на старинный текст /.../, мы заставили его играть ее несколько раз подряд, что он делал неохотно, с большой охотой он читает вслух свои стихи — его последний spleen, — которые записаны у него на длинном блокноте. Стихи злободневные, иногда любовные. Когда он был у нас на Рождестве, он оставил нам довольно нелепое четверостишие:

Быть может, потому, что не имею друга,
Мне радостно приходить в дома, где любят друг друга,
Пусть на «друга» плохая рифма «друга»,
Я заловеваю вам: «любите друг друга!»

Внешний вид у него все еще великолепный, несмотря на болезненную одутловатость. Грузное тело с крупной головой великого человека. Сорин хочет сделать с него рисунок. Сережа тоже.

⁴ Вехин [Ховин В.Р.]. Обрывки воспоминаний // Наш огонек (Рига). 1925. №11. С.15..

Эта пограничность оттеняется присутствием в «Собаке» представителей солидных общественных и академических кругов, которым подвал обеспечивал как бы реализацию их шуточных гипербол и домашних импровизаций. Показательно, что по времени пронижная затея наследует петербургскому слуху:

[А.А.] Корнилов очень интересно рассказывал, что [М.И.] Ростовцев, Нестор Котляревский, [А.В.] Пешехонов (?) и еще кто-то учредили «общество бродячей собаки». Собираются по ночам и ужинают, а вместо приветствия — лают⁵.

Но не надо думать, что снятие некоторых социальных запретов означало вседозволенность самовыражения. Нарушители норм поведения петербургской художественной интеллигенции подвергались административной остракизму, за что отплачивали моралистической филиппикой, как, например, А.И.Тиняков в письме к Б.А.Садовскому от 11 ноября 1913:

В «Собаку» я не хожу и вовсе не потому, что меня оттуда выставили (в день Вашего отъезда из Питера)... Выставляли меня оттуда не раз и в прошлом сезоне, но не в этом дело. Откровенно скажу Вам, что даже мне эта «Собака» — мерзость. Это какой-то уголок ада, где гнилая и ожидаемая русская интеллигенция совершает службу сатаны. Ходить туда русскому человеку зазорно и совестно. И до шабашей я не охотник...⁶

Как целый ряд других петербургских культурных феноменов 1910-х годов, подвал Общества интимного театра стремится поставить себя под знак «столетнего возвращения», вводя точечные отсылки к золотому веку пушкинской эпохи. Один из примеров тому — перелицовка рылеевских куплетов «Ах, где те острова...» (впоследствии продолженная ахматовским подпольным пастишем о Ягоде-злодее и Алешке Толстом в реальности 1930-х⁷). Носителями хронологической метафоры были, например, В.П.Зубов и Н.Н.Врангель⁸.

Автор публикуемого мемуара — Бэла Моисеевна Прилежаева-Барская (1887, Переяслав-Хмельницкий — 1960, Ленинград), вольнослушательница Петербургского университета и студентка Высших женских (Бестужевских) курсов. Жена Виктора Феофиловича Крушинского, в юности отдавшего дань революционной деятельности, в 1910-е служившего в дирекции завода, скульптора-любителя⁹. После революции В.Ф.Кру-

⁵ Вернадский Г.В. Письмо к Н.В.Вернадской от 4 марта 1911. — ГА РФ. Ф.1137. Оп.1. Д.366. Л.189об.

⁶ Варжапетян В. Исповедь антисемита // Ной: Армяно-еврейский вестник. 1994. №8. С.115.

⁷ Записные книжки Анны Ахматовой. Указ. изд. С.392.

⁸ См. о ретроспективистских стихах Н.Н.Врангеля: Осоват А.Л., Тименчик Р.Д. «Печальную повесть сохранить...». М., 1987. С.130-131.

⁹ Ср. его автопортрет (тушь) в бумагах В.Э.Мейерхольда. — РГАЛИ. Ф.998. Оп.1. Ед.хр.1804.

шинский служил инженером в проектно-институте¹⁰. В советское время Б.М.Прилежаева-Барская — автор исторической прозы о Древней Руси¹¹. Экземпляр мемуара сохранился в собрании М.С.Лесмана, по чьему настоянию и был написан осенью 1949. Приносим живейшую благодарность Н.Г.Князевой за предоставление его для публикации.

Во втором дворе подвал.
В нем приют собачий.
Всякий, кто сюда попал,
Просто пес бродячий!
Но в том гордость,
Но в том честь,
Чтоб в подвал пролезть.
Хау! хау!¹¹

Да, «в подвал пролезть» — дело трудное. Не все имели доступ сюда.

Отъявленные «фармацевты»² не пользовались правом входа в «Собаку».

Кто же такие «фармацевты»? Это все те, кого не впускали в «подвал».

Кто же определял это «право»? Кто дал эту кличку всем тем людям, которые не могли попасть в «подвал», туда,

где бродяжки спуют
и глинтвейн они пьют,
прославляя собачью обитель,

где главным украшением был

камин, что поставил Фомин³,
и где Данчик, кто Кранц⁴,
продает померанц.

и где «Пронин Борис вдохновитель».

С Пронина-то все и началось — он мозг и сердце кабачка. Ему принадлежала «великая идея».

¹⁰ Научные работники Ленинграда. М.; Л., 1934. С.191.

¹¹ Бахтин В., Лурье А. Писатели Ленинграда: Биобиблиографический справочник. 1934-1981. Л., 1982. С.251; ср. отзыв Б.М.Эйхенбаума в его дневнике 1946 г. о повести «Русь единая» (о Новгороде и Москве XV в.): «Очень скучная вещь», «...смущает историческая фальшь и упрощение» (Петербургский журнал. 1993. №1-2. С.183-184).

«Ты понимаешь, — кричал он вдохновенно, — это будет изумительно, неповторимо, чудесно... иметь приют для богемцев — и чтоб ни один фармацевт не переступал порога...»

«Фармацевт» — это понятие, прямо противоположное понятию «богемец», то есть это не художник, не артист, не музыкант, не поэт. Это — обыватель.

Кто же такой был сам Борис Пронин?

По своему «официальному положению» он был то, что теперь называется «театральный работник». Одно время он служил у Веры Федоровны Коммиссаржевской, потом он был сценаристом в Александринском театре, когда там подвизался Мейерхольд, имел какое-то отношение к «старинному театру», когда он помещался в Соляном городке, и там шли спектакли под руководством Миклашевского, Евреина и Остен-Дризен¹.

Я увидела Пронина в первый раз в год основания «Собаки», 1912 г. Ему было тогда лет под 40, но больше 23-х ему нельзя было дать; по невероятной возбудимости и экспансивности это был совершенный ребенок. Таким ребенком он оставался всю жизнь. Я его встречала и после революции, лет за десять до войны.

Он говорил мне: «Мне иногда приходят в голову гениальные мысли. Это надо ценить! Вера Федоровна (Коммиссаржевская) поступала очень умно — она мне платила жалованье и надеялась, что я что-нибудь создам.

Вот и теперь какой-нибудь театр должен был бы мне платить, ну, немного — скажем, рублей 250-300; пусть платит месяц, два, год, два года, может быть, на третий год мне придет в голову гениальная мысль, и я оправдаю все расходы.

— А если не придет? — спрашиваю я его.

— Надо рискнуть! — совершенно серьезно отвечал Пронин. — «Служить» я не могу, ходить изо дня в день на службу! Ну, помилуй! Я же не какой-нибудь фармацевт.

Он и тогда (году в 32-35-м) выглядел необыкновенно молодым, хотя ему было за 60.

Красивое тонкое лицо с копной темно-русых волос, среднего роста, с юношески стройной фигурой, порывистыми движениями, весь какой-то легкий, он ни мгновенья не оставался в покое: бегал по комнате, встряхивая волосами, жестикулировал, громко, залиvisto, по-детски хохотал; с ним случалось и такое: вдруг, посреди шумного разговора, смеха, вдохновенных восклицаний, он внезапно замолкал.

«Тише, Борис спит!» Через десять минут он пробуждался и продолжал вести себя в прежнем духе.

Его необычайная приветливость и ласковость располагали к нему все сердца, особенно женские. У него была привычка беспрерывно целовать руки у женщин, сидевших с ним рядом. Мне казалось, что он даже не видит тех, у кого он целует руки, плечо, платье. Это делалось по привычке и вообще от полноты чувств.

Борис Пронин обвораживал всех с первого взгляда. Женщины его любили самозабвенно. Я помню его жену — Веру Михайловну⁶. Кажется, нельзя было представить себе более неподходящей пары, чем Борис и Вера Михайловна — высокая, худощавая блондинка, типичная «учительница». Она и была учительницей городской школы Петербурга. Она, правда, очень тяготилась своей работой, идущей вразрез с ее образом жизни, с ночными бдениями в «Бродячей собаке».

Жизнь в кабачке начиналась в 12 ч. ночи, а заканчивалась утром, как раз тогда, когда Вере Михайловне следовало отправляться на работу.

Однако бросить свою службу она не могла, так как ее жалование по школе было единственным твердым ресурсом их материальной жизни. Борис не желал ни на одну минуту становиться «фармацевтом».

Помню, как он по-детски искренне возмущался, когда Вера Михайловна жаловалась на холод и говорила о необходимости купить дрова.

Они жили в студии, большой светлой комнате, в которой совершенно отсутствовала мебель.

«Ах, Верочка, что ты ко мне привязываешься с глупостями? Дрова, холод, какая это все чепуха!»

Вера Михайловна принимала Бориса таким, каким он был, ничего от него не требовала и прощала ему все на свете. Как-то в отсутствие Веры Михайловны он влюбил в себя Верочку Королеву, молоденькую актрису «Старинного театра»⁷. Когда Вера Михайловна вернулась, Борис, как само собой разумеющееся, перешел снова к Вере Михайловне. Верочка была потрясена своей драмой и выбросилась в окно. Она, кажется, осталась жить, но с тяжелыми увечьями.

Когда Борису говорили: «Ваша жена, Вера Михайловна...», — он прерывал и отвечал: «Собственно, Вера Михайловна — сестра моей жены — Клавдии Михайловны. Мы с Клавой сейчас большие друзья». У Клавдии Михайловны был ребенок от Бориса, но это обстоятельство мало его интересовало.

В конце концов Вера Михайловна не выдержала жизни с Борисом и вышла замуж за архитектора Евгения Александровича Бер-

нардацци. Его брат, тоже известный архитектор, Александр Александрович, очень красивый пожилой человек, был постоянным посетителем «Бродячей собаки»⁸.

Возвращаюсь к Борису Пронину. После расхождения с Верой Михайловной он сошелся с Верой Александровной Вишневской или Лесневской — дочерью известного архитектора, богатой женщиной⁹. Потом разошелся и с ней и был женат на какой-то «Марусе» (я знала это только с его слов), и была у него дочка «Маринка»¹⁰.

Пронин в великой степени обладал способностью обвораживать людей, соединять их. В советское время он обворожил Луначарского и устроил в Москве своего рода «подвал», хотя этот подвал помещался, кажется, на 5-м или 6-м этаже¹¹.

В московском кабачке частым гостем бывал Луначарский со своей женой Натальей Александровной Сац — сестрой давнего приятеля Пронина и композитора Ильи Сац. Она тогда носила фамилию Розенель¹².

Пронин по приезду в Ленинград рассказывал о своей московской «Бродячей собаке», где бывали «Наркомтоль и Наркомташка». Так Пронин называл Луначарского и Розенель.

Я не помню, как и где Виктор Феофилович познакомился с Борисом Константиновичем Прониным, но чуть ли не при первом знакомстве они стали называть друг друга на «ты». Пронин притащил с собой в нашу маленькую квартирку на Александровском проспекте (теперь пр. Добролюбова) своего друга Даниила Марковича Кранца (после революции я встречала Кранца в редакции «Красной газеты»), композитора Цибульского¹³ — интересного человека, но безнадежного алкоголика, «Шуру» Мгеброва, артиста «Старинного театра». Это были «зачинатели».

— Паанимаешь, — кричал Пронин, прижимая мою или Сонину руку к груди и целуя ее, — ты паанимаешь, как это будет замечательно. Надо выбрать какой-нибудь подвал на задворках, вблизи помойной ямы...

— Зачем же обязательно помойной ямы?

— Ты паанимаешь, в этом особенный шик! Ты идешь — темно, скользко, грязно, ты спускаешься вниз у самой страшной грязной помойки... скользишь, но берешься за скобу дверей, и твоим глазам открывается изумительное зрелище: на стенах фрески, изумительные фрески! Все лучшие художники наши будут расписывать эти стены: Судейкин, Салунов, Анисфельд¹⁴.

— А буфет? Будет буфет?

— Каанешно! У нас будет своя *specialité de la maison* — сосиски, горячие сосиски¹⁵! Таких сосисок нет во всем Петербурге!

— А кто будет стоять за прилавком? Кто-нибудь из своих?
— Данчик, — обращается он к Кранцу, — ты наденешь поварской колпак! Это будет изумительно!

Кто-то выражает сомнение, согласится ли Даниил Маркович нарядиться поваром.

Пронин не на шутку взволнован, но «Данчик» соглашается.

— Не огорчайся, Борис! Я согласен. Я буду буфетчиком!

Пронин в порыве чувств бросается на шею к Кранцу.

— У нас будет лежать при входе книга, где посетители будут расписываться. Книга автографов... Ты паанимаешь, что это значит. Все знаменитые люди, все богемцы будут расписываться в этой книге. Тяжелая, огромная книга в свином переплете. Так и будет она называться — «свиная книга».

Ведь это же для потомства! книга автографов! — все писатели, художники, артисты, все знаменитые богемцы оставят свои расписки. Они напишут стихи, посвященные «Собаке», песни, речи. Это же будет изумительно¹⁶.

Пронин захлебывается своими творческими идеями.

— А где будем покупать вино для кабачка?

— Вино?

Виктор Феофилович настаивает на Франческо Тани — погребке на Екатерининском канале вблизи Невского.

— Не надо нам этих поставщиков-фармацевтов, всяких там Шиттов и т.д.

Виктор пропагандирует своего Тани. «Нигде в городе мы не найдем такого "кьянти". А какие там подают макароны "по-итальянски"!»

Чтобы доказать правильность своих слов, Виктор тащит всех нас в погребок Тани. Нам действительно подают макароны в красном соусе, наперченные до невозможности, они мне совсем не нравятся, но я не смею выразить свое мнение. Боюсь прослыть профаном и боюсь, что Виктор будет кричать: «Действительно! много ты понимаешь в макаронах! действительно!»

Виктор очень любил это слово, вкладывал в него много экспрессии — тут была и убийственная ирония, и подчас восхищение и восторг.

Кто-то все же решился чуточку возразить Виктору.

— Кьянти — дело хорошее, но и ликеры — недурная вещь! Что вы скажете, например, о бенедиктинчике и джинджере и кю-рассо? А о шампанском?

Виктор неожиданно смиряется. Он согласен и на шампанское, и на мускат, и на хороший ликер.

Скоро помещение для кабачка было найдено именно такое, о котором мечтал Пронин.

На Михайловской площади, в доме, примыкающем к зданию Михайловского театра, в бывшей прачечной, рядом с помойной ямой, открылась «Бродячая собака».

Рядом со входной дверью на стойке лежала «свиная книга». Направо от входа стоял камин из красных кирпичей, обведенных золотыми полосками.

Камин этот сконструировал Иван Александрович Фомин, очень популярный в то время архитектор. На стенах красовались фрески — работа художников «мироискусственников». Крохотная эстрада и рояль на ней. Простые деревянные столы, простые скамьи и такие же табуретки.

Я хорошо помню эти первые собрания, когда «Бродячая собака» еще мало была известна широкой публике, когда по городу ходили нелепые слухи, будто все гости «подвала» одеваются в звериные шкуры и в масках бегают на четвереньках, и будто все обязательно лают и «плакают вино прямо из бочек».

Некоторое подобие такого сборища мне довелось видеть. Может быть, оно и послужило поводом для распространения таких «собачьих» слухов.

Героем этого вечера был прославленный впоследствии писатель Алексей Николаевич Толстой: тогда он был «начинающий», известный своими «заволжскими рассказами». Толстой приехал со своей первой женой — «графиней Софьей Исаковной Толстой»¹⁷. Так она подписывалась под картинами, которые выставляла на выставке «Мир искусств». Она слыла очень красивой женщиной, но я совершенно не помню ее лица, а помню только крайне безвкусный и вычурный ее наряд. Очень сильное декольте и громадное страусовое перо, неизвестно по какой причине и в подражание кому, спускалось с прически и покрывало оголенную спину.

Алексей Николаевич, бывший, вероятно, навеселе, дурачился, как ребенок и, откровенно сказать, неумный ребенок. Он надел наизнанку свою меховую шубу, бегал на четвереньках, распевал собачий гимн (сочинение Виктора Феофиловича), в котором каждый куплет заканчивался подражанием собачьему лаю: пользуясь своим званием «собаки», он хватал дам за ноги.

Такой случай в подвале был только один раз. Поведение Толстого встретило неодобрение со стороны «собачников», и больше подобные шалости не повторялись.

Завсегдатаи первых собраний «Собаки», когда бывали только «свои», это присяжный поверенный князь Сидамон Эристов¹⁸

с Натальей Николаевной Завадской, очень хорошенькой женщиной¹⁹, которая в «Собаке» считалась женой Эристова. Завадская протезировала двум барышням Семеновым — Марусе и Оле²⁰. Обычно вся эта четверка являлась вместе. Сестры Семеновы пользовались необыкновенным успехом.

Я не понимала, почему эти простенькие девушки с наружностью смазливеньких горничных так сильно всем нравились. И одежды они были очень скромно, «простенько».

— Вот этим они и хороши — своей заурядностью, — объяснял мне Виктор. — С ними ничего не надо «выкомаривать», перец и укус приелись, хочется простой сдобной булочки.

Я вспомнила эти слова Виктора, когда приехала в Петербург его сестра Аня из своей польской глуши.

Громко на все «собачье зальце» она в присутствии прославленных эстетов, утонченных художников и поэтов жаловалась, что у нее нет детей, а она «так хочет, так хочет» иметь ребенка, что согласилась бы на четвереньках ползти из Петербурга до «матки бозки Ченстоховски».

В тот вечер Аня была царицей «Собаки». Все ею восхищались, все наперебой подливали ей вино, угощали, целовали ручки и ножки.

Виктор сокрушался об ее провинциальности и простоте наряда, но ему возражали, что именно такая, какая она есть, она привлекательнее всех.

Завсегдатаем «Собаки» была, конечно, и моя тетка Белочка. Теперь она была артисткой Старинного театра, выступавшая под фамилией Казароза²¹. Смуглая, маленькая, гибкая, она была похожа на шоколадную куколку. Она пела на собачьих подмостках:

На лугу трава примята.
Здесь резвились чертенята, —

весьма гривуазную песенку из пьесы Кальдерона «Благочестивая Марта», где она изображала гитану²². Пела она и песенку Молли из «Блэк энд уайт»²³, пьески, которую ставил Мейерхольд в своей студии на Галерной улице; пела она и песенку, модную в то время:

Дитя, не тянись за розой весной.
Розу успеешь и летом сорвать.
Помни, что летом фиалок уж нет²⁴.

Насколько мне помнится, это песенка М.А.Кузмина. Очень часто он садился за рояль и выводил тоненьким детским голоском:

Два да два цетиле,
Два да тли пять.

Вот все, что мы можем,
Можем знать...

Николай Васильевич Петров, тогда молодой помощник режиссера Александринского театра, «Коля Петер», со своим круглым детским лицом выступал не в особенно оригинальном репертуаре:

А поутру она вновь улыбалась²⁵

или

Коля и Оля
Бегали в поле,
Пара детей —
Птичек резвей.
Коля, Коля, Коля,
Дай мне тебя обнять, расцеловать!

а кончалась эта песенка грустно:

Николай Васильевич!
Дай мне, дай мне покой,
Батюшка мой!

Известный конферансье Гибшман выступал в своем репертуаре²⁶.

Выпучив глаза, делая идиотский вид, изображал немца в пивной. Вся песня состояла из счета выпитых бутылок пива:

Ein Buttlet Bier
Zwei Buttlet Bier
Drei Buttlet Bier

и так до бесконечности.

Монотонное пение постепенно все больше пьянящего немца очень смешило публику. Все находившиеся в зале начинали подтягивать певцу, все пели хором и хохотали при этом до упаду.

Часто в «Собаку» приходила такая компания: Паллада, урожденная Старинкевич, — слышавшая демонической и очень развратной женщиной, из-за которой якобы стрелялись, которая якобы сама стреляла в кого-то²⁷. Это была худая некрасивая молодая женщина, одетая так безвкусно и кричаще, что ее нельзя было не заметить. Она почему-то изображала из себя лесбиянку, бросалась на колени перед теми женщинами, в которых она якобы молниеносно влюблялась. Помню, она выкинула такое «коленце» перед моей двоюродной сестрой Еленой Михайловной Гофман.

Об этой Палладе писал М.А.Кузмин в каком-то из стихотворений, посвященных «Бродячей собаке»:

Там резвилася Паллада...

.....

И где надо и не надо не ответит: не могу.

Паллада появлялась в блестящем окружении: князя С. Волконского — писателя, искусствоведа, сотрудника «Аполлона» и «Старых годов»²⁸; графа Зубова²⁹ — известного мецената, открывшего на собственный счет Институт истории искусства и предоставившего свою библиотеку и весь институт всем желающим изучать историю искусства, и прекрасно державшего себя, очень красивого графа Берга³⁰.

Кн. Волконский носил на указательном пальце перстень, который Пушкин подарил его прабабке Марии Николаевне Волконской.

Граф Зубов одевался под Онегина, носил бачки и кружевное жабо вместо галстука. Некоторые рассказывали, что он иногда являлся в коротких шелковых панталонах и в туфлях с пряжками. Впоследствии рассказывали, что он после прихода советской власти вступил в партию, «отдал» свой институт государству и уехал в Рим, чтоб там «открыть филиал»³¹. Насколько эти слухи справедливы, судить не берусь.

Как-то Волконский (чем-то напоминавший мне Бориса Годунова) привез с собой в «Собаку» какого-то юного француза-танцора³² из школы Жака Далькроза³³.

Волконский прочел «собачникам» лекции о «художественном движении и о школе Далькроза». Француз иллюстрировал лекцию художественными движениями, а Волконский ему аккомпанировал. Эта лекция появилась впоследствии в журнале «Аполлон» в виде статьи о художественном движении и ритме. Это было тогда новостью и открытием.

Часто бывала в «Собаке» Надежда Александровна Тэффи³⁴, всегда очень молчаливая, наотрез отказывавшаяся прочитать вслух какой-нибудь из своих юмористических рассказов.

«Я не могу победить свою застенчивость. Мое дело писать, а не читать».

Помню один вечер.

«Смотри! Вон явился весь "Цех поэтов"!» — подтолкнула меня Соня. Несколько молодых людей и девушек вошли в зал. Это были «акмеисты»³⁵.

Не помню кто, Гумилев или Городецкий, выступил с программной речью о том, что такое «акмеизм». Слово «акме» обозначает полноту бытия в противоположность символизму, обеднявшему действительность.

Какие стихи читали акмеисты — не помню. Хорошо помню Анну Ахматову в ее неизменном синем платье с белой вставкой и неизменной челкой:

Едва доходит до бровей
моя незавитая челка³⁶.

Худенькая, высокая, молчаливая, она очень похожа на свой портрет, написанный Альтманом³⁷.

Это, конечно, о «Собаке» пишет Ахматова:

Все мы бражники здесь, блудницы.
Как невесело вместе нам.

.....
А та, что сейчас танцует,
Непременно будет в аду³⁸.

По всей вероятности, это относилось к Глебовой-Судейкиной — жене художника Судейкина³⁹, артистке того неопределенного жанра, к которому принадлежит и моя Белочка Казароза.

Глебова-Судейкина — бесцветная блондинка, была очень заметна своими необыкновенными художественными туалетами, сделанными по рисункам ее мужа.

Бывал здесь поэт Вячеслав Иванов⁴⁰ с падчерицей своей Верой Ивановой-Шварсалон⁴¹, о которой писала Ахматова, воспевая ее незнающие спокойные глаза.

Иногда Вячеслав Иванов читал свои стихи, но это было очень заумно. Я, грешным делом, не понимала их.

Читал стихи и Гумилев, и Рюрик Ивнев⁴², и Кузьмина-Караваева⁴³, и Мария Моравская⁴⁴.

После выступления акмеистов «Собака» нас угостила футуристами, не просто футуристами, а «эго-футуризмом» в лице Игоря Северянина.

Высокий блондин, задрал голову кверху, глядя в потолок и отставив мизинец левой руки, пел свои стихотворения:

Она мне прислала письмо голубое,
Письмо голубое прислала она...

Когда он заканчивал свое произведение:

Но я не поеду ни завтра, ни в среду.
Она опоздала, другую люблю!⁴⁵

«собачий» зал сотрясился от хохота.

Но смех не смутил поэта. Он возглашал:

Я гений Игорь Северянин,
Своей победой упоен, —

читал он, и поэму об Ингрид, которая «поэзит поет», которая прославлена как поэтесса и как королева. «Она прославлена все-славьем слав».

Как-то я познакомилась в одном буржуазном доме с почтенным господином, который спросил меня очень застенчиво, знаю ли я его племянника, немного придурковатого, «он печатался под псевдонимом Игорь Северянин, потому что мы не позволили ему позорить нашу фамилию».

Виктор Феофилович, кроме «Бродячей собаки», увлекался скульптурой, работал в мастерской Шервуда, где познакомился и подружился с Сарой Дмитриевной Дармолатовой⁴⁶, вышедшей впоследствии замуж за художника Лебедева.

Ее сестра Анна Дмитриевна выступала как поэтесса и переводчица, а потом, будучи женой С.Радлова, снискала себе грустную славу.

Виктор рассказывал нам о богатстве и «шике» дома Дармолатовых⁴⁷. По его описанию это были разбогатевшие люди, но далекие от настоящего «бон тона».

Несмотря на то, что Пронин произносил громовые речи против «фармацевтов», «фармацевты» просачивались в «Собаку». К таким «фармацевтам» нельзя было не причислить Жака Израйлевича⁴⁸ — богатого молодого человека, прожигателя жизни, красивого, сорившего деньгами, а «Собака» всегда нуждалась в деньгах — и Жак Израйлевич «выручал»: то заплатит за помещение, то дает денег на дрова.

Судьба меня столкнула с «Жаком» — во время войны он работал в Литфонде и умер, как многие умирали в Ленинграде.

К таким же «фармацевтам» можно было отнести и Александра Яковлевича Гальперна, известного лишь тем, что он был двоюродником⁴⁹. «Еврей-дворянин!» Было чем кичиться!

Приходилось пускать «фармацевтов», «всяких там Грузенбергов»⁵⁰ и других буржуев тогда, когда «Собаке» требовались деньги.

Тогда устраивалось какое-нибудь чествование, например, Карсавиной, и рассылались билеты. Я помню этот блестящий вечер, когда Карсавина танцевала в интимной обстановке маленького собачьего зальца. Билеты стоили дорого — не помню точно цены; обычно вход в «Собаку», в художественный кабачок, ничего, конечно, не стоил. Бюджет строился на шампанском.

Из «собачьих» изданий состоялось только одно, в честь Карсавиной⁵¹. Эту книжку и сейчас не трудно получить у букинистов. Издана книжечка на средства Н.И.Бутковской⁵², «подруги» Н.Н.Евреинова.

Бутковская была владелицей художественного издательства, которое, конечно, никакого дохода ей не приносило, только один убыток.

«Фармацевтам», конечно, делались большие послабления. Как было назвать нас всех, курсисток и просто «барышень» — ведь мы попадали в «Собаку» потому, что были подругами, женами чистых собачников.

Как назвать юношу, который подошел ко мне и предложил организовать объединение «активных читателей». «Это так важно — объединиться всем людям, бескорыстно, страстно любящим искусство и литературу!»

Я не упомяну всех, бывавших в «Собаке». Это были почти все петербургские актеры, все поэты, все сколько-нибудь интересные девушки, их друзья, поклонники.

Я помню писательницу Нагродскую⁵³, автора нашумевших бульварных романов «Гнев Диониса» и «Бронзовая дверь». Нагродская, так же как и Паллада Старинкевич, описаны в романе Кузмина «Плавающие-путешествующие».

Там же описан конец «Собаки» — пожар подвала⁵⁴.

Но «Собака» не умерла. Она возродилась в «Привале комедантов», поместившемся в доме Митьки Рубинштейна на Марсовом Поле, просуществовавшем до революции⁵⁵.

Но здесь дело было поставлено на более широкую ногу и лишено той интимности, которая все же существовала в «Собаке».

Ноябрь—декабрь 1949 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Первая публикация песенки В.Ф.Крушинского — по-видимому, в статье «Чествование Ю.М.Юрьева в кабарэ "Бродячая собака"» (Петербургский листок. 1912. 19 янв.; подписано «Р-ов» — возможно, Вл. Рышков), затем — в анонимной заметке журнала «Огонек» (1912. №5). См. также заметку Д.М.Цензора (подпись: «Дм» в журнале «Черное и белое». 1912. №1. С.13). Текст и ноты (музыка В.А.Шписа-Эшенбруха) — в кн.: Петров Н.В. Я буду режиссером. М., 1969. С.100-101. Автор текста в нотах обозначен как «В.К.»; предположение об авторстве В.Г.Князева (БС, 145) было ошибочным. Окончание гимна:

На дворе метель, мороз.
Нам какое дело,

Обогрел в подвале нос,
И в тепле все тело.
Нас тут палкою не бьют,
Блохи не грызут.

Лаем, воем синий гимн
Нашему подвалу,
Морду кверху, к черту сплин,
Жизни до отвалу.
Лаем, воем синий гимн,
К черту всякий сплин.

Ср. репортажное описание ночи первого сезона:

Атмосфера становится все напряженнее. Наконец, часов около трех утра артист балета талантливо протанцевал кек-уок и матчиш.

Аплодисменты. Опять долгая томительная пауза.

Кто-то садится за рояль. Ему жидко подпевают гимн «Бродячей собаке». Присутствующим раздаются листки с текстом. Вот он. /.../ Пропели гимн. Снова жуткая напряженность. Мне вспоминается парижское кабаре Монмартра, где французы умеют так беззаветно, непосредственно веселиться, так заразительно-жизнерадостно хохотать иногда плоским, грубоватым остроумием импровизаторов, иногда над их действительно меткими и злыми шутками, пародиями, политическими памфлетами и т.п....

Вспомнилось и до слез стало жаль скучных, немолодых петербуржцев, которые отчаянно, истерически хотят веселиться и не могут, не умеют.

«Бродячей собаке», конечно, нужно оплатить свой угол в подвале, отопить и осветить его, но лучше было бы, если бы она обошлась как-нибудь своими средствами и не впускала бы за высокую плату (1 рубль за вход) в свои стены хмурый, чужой ей по духу Петербург.

Заречная С. [Кочановская С.А.] Письмо из Петербурга // Женское дело. 1912. №11/12. С.6.

Кочановская Софья Абрамовна (1887-1967) — прозаик.

² «Отъявленные фармацевты» — цитата из стихотворения Игоря Северянина «Бродячая собака»:

Ничьей там не гнушались лепты, —
И в кассу сыпали рубли
Отъявленные фармацевты,
Барзак мешавшие с Шабли.

Северянин И. Собр. соч. Т.2. М., 1995. С.265.

³ Фомин Иван Александрович (1872-1936) — известный советский архитектор. По воспоминаниям Вас. Каменского, одно время камин был

украшен «античными масками, лошадиным черепом» (Каменский В. Жизнь с Маяковским. М., 1940. С.147).

⁴ *Кранц Даниил Маркович* — выходец из заметной черниговской семьи (отец его, Марк Наумович, владелец библиотеки и книжного магазина, был кузеном Розы Люксембург). См. подробнее: Могилянский М.М. Повесть о днях моей жизни. — РГАЛИ. Ф.1267. Оп.1. Ед.хр.1.

⁵ *О К.М.Миклашевском* (1886-1944) см.: «За революционным фронтом я плетусь в обозе 2-го разряда...»: Из писем К.М.Миклашевского к деятелям театра / Публ. Р.Янгирова // Минувшее. Вып.20. М.; СПб., 1996. С.404-431; один из лидеров «Собаки» и активный сотрудник «Привала комедиантов», он говорил в 1919 о кабаре и театрах миниатюр: «Они уже сказали свое слово и уже несколько приелись». — [Б.п.] У рампы // Вечерний час (Одесса). 1919. 25 (12) февр. О Дризене (*Остен-Дризене*) Николае Васильевиче (1868-1935) см. статью А.М.Конечного: Русские писатели. 1800-1917: Биографический словарь. Т.2. М., 1995. С.182-183.

⁶ Ср. о *В.М.Уваровой*: «милая, кроткая, ласковая, тонкая, изящная женщина, с лицом несколько умученным, но на котором, как у большого ребенка, сияли добрые серые глаза» (Мгебров А. Жизнь в театре. Т.1. Л., 1929. С.356). См. также рассказ о том, как Пронин, женившись на дочери известного доктора Уварова и уже имея дочь (которую называл Прозерпиной), поехал с сестрой жены в Швейцарию (Могилянский М.М. Повесть о днях моей жизни. — РГАЛИ. Ф.1267. Оп.1. Ед.хр.3. Л.79-79об.). От пронинского подвала В.М.Уварова была отстранена в феврале 1913 после конфликта с другими членами правления. Претензии последних были оглашены печатно:

Несколько раз г-жа Уварова, не имеющая никакого отношения ни к искусству, ни к литературе, не пропускала на собрания весьма видных литераторов, чем впоследствии, когда выяснялось, кто были «забракованные лица», очень конфузила правление «Бродячей собаки» /.../ Теперь «под горячую руку» г-жи Уваровой попал председатель правления «Собаки» артист В.А.Подгорный, которого она оскорбила во время исполнения режиссерских обязанностей.

День. 1913. 26 янв.

В числе «жертв» Уваровой называли П.Е.Щеголева и А.Т.Аверченко (В «Бродячей собаке» // Обозрение театров. 1913. 27 янв. №1981). Ср. сообщение в заметке «Бродячая собака» (подписанной «К.») о том, что в означенной «Собаке» («где-то на Конюшенной») собираются люди искусства «уже несколько месяцев» и туда не впустили «Вл.Азова и К°»: Против течения. 1912. 17 марта. №25(49); Азов Владимир Александрович (1873-1948) — юморист, сотрудник «Сатирикона». Видимо, тот же эпизод рассказан в воспоминаниях Ольги Высотской (Театр. 1994. №4. С.87). В связи с конфликтом члены общества Интимного театра во главе с Н.Н.Евреиновым и хореографом В.И.Пресняковым произвели ревизию (Ратмир. Бунт «Бродячей собаки» // Воскресная вечерняя газета. 1913.

27 янв.), показавшую, что касса подвала пуста, а бухгалтерия находится в хаотическом состоянии (Обозрение театров. 1913. 30 янв. №1984).

⁷ *Королева Вера Николаевна* (1889-1918) после окончания гимназии в Перми поступила на Бестужевские курсы по историческому факультету, а затем — в драматическую школу Поллак, где преподавал Мейерхольд, вслед за которым перешла в его собственную школу, выступала в Доме Интермедий, затем работала в Таганрогском городском театре, а с 1911 — в Общедоступном (Передвижном) театре. См. некролог ей Я.Г.Гуревича-Крюковского: «У нее был благородный вкус, способность к горячим увлечениям...» (Записки Передвижного театра. 1918. №12. С.3-4). См. в комментариях П.Н.Медведева (по-видимому, со слов Л.Д.Блок) к словам А.А.Блока в записи от 22 марта 1913 — «жена Пронина, прекрасная, я все на нее взглядывал» — «В.Н.Королева» (Блок А. Дневник: 1911-1913. Л., 1928. С.193, 226 прим. 197). Ср. в воспоминаниях В.Чекан: «горящие глаза трагически погибшей Верочки Королевой» (Чекан В. Старинный театр: Испанский цикл: Евреинов — Дризен // Жизнь искусства. 1922. 29 мая).

⁸ Об *Александре Александровиче Бернардацци* (1871-?), действительном члене «Бродячей собаки», см. мемуарную запись в дневнике художницы Л.В.Яковлевой-Шапориной:

На углу Литейной и Симеоновской встретила Н.К.Цыбульского и А.А.Бернардацци. Последний был в восторженном состоянии: «Я счастлив, говорил он, что мой отец (может быть, дед) принял русское подданство. Я горд, что я русский. Какая удивительно бескровная революция!

Яковлева Л.В. Дневник 1917 г.; приписка 21 октября 1949.
— ОР РНБ. Ф.1086. Ед.хр.1.

⁹ Лишневская *Вера Александровна* (1894?-1929?) — дочь архитектора А.Л.Лишневецкого, в первом браке — за архитектором Владимиром Наумовичем Кашницким. В 1921 Кузмин, крестный отец ее дочери Евдокии, которой он посвятил стихотворение «Девочке-душеньке», вошедшее в его книжку «Двум» (Кузмин М. Стихотворения. СПб., 1996. С.339), записывал в дневник: «Были у кумы. /.../ Вертится Федорович, на посылах. Что это: новый роман? Одобряю более, чем эту балалайку — Луначарского» (Минувшее. Вып.12. Париж, 1991. С.453). В.А.Лишневской отвел раздел в своих «Петербургских зимах» Георгий Иванов (Иванов Г. Сочинения: В 3-х тт. Т.3. М., 1994. С.45-54). По этому поводу Ахматова отзывалась в своем рабочем блокноте:

Недаром он выбрал, или, вернее, выдумал себе под статью и героиню Веру Александровну (жену Пронина), наделил ее красотой, умом и т.д., хотя в самом деле это была крашенная, как лиговская девка, мошенница, мелкая спекулянтка, от которой даже Луначарский отказывался в газетах (что-то о векселях или о детях...)

Ахматова А. Записные книжки. Указ. изд. С.263.

По-видимому, В.А.Лишневскую как «хозяйку салона /.../ в пышном пушловом платье кринолином», у которой Луначарский читает свою пьесу и обещает денежное покровительство ее театру, Г.Иванов изобразил еще в одном из своих очерков (Иванов Г. Сочинения. Указ. изд. Т.3. С.297-298). О В.А.Лишневской см. также: *ПК* (по указателю).

¹⁰ Мария Эмильевна Пронина и ее дочь Марина Борисовна Пронина.

¹¹ Здесь контаминирована история московских начинаний Пронина — «Странствующего энтузиаста» (1922-1923) и «Мансарды» (1924-1925). Ср. о них: *БС*, 164, 245-246. Описания первого из них несколько раз проникали в беллетристику 1920-х. Ср. в романе Р.Ивнева:

Люстра была задрапирована зеленым газом, причем сделано это было так искусно, что самой люстры не было видно. Сбоку, на стене, у потолка, была прикреплена картонная луна, и таким образом получалось впечатление, будто зеленый лунный свет исходил от нее. Благодаря этому свету все здесь было как-то необычно — и столики, уставленные винами и фруктами, и цветы, и лица людей, вяло улыбавшихся друг другу. На стенах было развешено несколько недоконченных этюдов одного модного художника и несколько картин начинающих. Тут же, между картинами, развешены были дощечки с надписями: «вино и пиво», «прейскурант», «обеда из трех блюд — рубль», а также плакаты, гласившие о предстоящем «вечере поэта Томича» и о вышедшей книге стихов поэта Ренца, которую «можно получить здесь». Слово «здесь» было начерчено красными буквами, жирными, как руки мясника. В углу, как бы всеми отверженный, стоял столик, нагруженный тоненькими книжками, за которым сидела анемичная барышня, умудрявшаяся путаться в счетах даже тогда, когда покупатель давал деньги без сдачи. Впрочем, это случалось довольно редко, так как этот столик, оттиснутый в задний угол, почти никто не замечал, кроме официантов, которые, проходя на кухню, не могли его миновать, обливая соусами, проклиная, но молча терпя, так как он был все-таки символом привилегированного положения заведения и торговли, длившейся, не в пример прочим увеселительным местам, до трех часов ночи.

Это и был знаменитый «Зеленый Рог», в который после театров и вечеров съезжалась неутомная богема. /.../ Зеленый газ, закрывавший люстру, делал похожей комнату на бассейн, наполненный зеленоватой морской водой, на дне которого пресытившиеся всем люди устроили праздник цветов и мяса. В этой зеленой полумгле было все причудливо и странно.

Ивнев Р. Открытый дом. Л., 1927. С.106-107.

«Мансарду» в одноименном стихотворении описал один из ее частых посетителей Б.М.Зубакин:

«Рояль был весь раскрыт», но струны не «дрожали»
(Да из чего б дрожать-то было им?)
Поэт читал о Пушкинском кинжале,
И на мансардном глупом карнавале
Два дурака, с кем не сравним налим,
В чей остов острый нож они пихали,
Поэта вдруг венком короновали,
Сплетенном из закрученных газет:
Мертвы сердца и мертвен глаз! Глазет.

«Мансарда» — мира Нотр-Дам —
Своею кровлей островерхой
И Мефистофеля и Гретхен
Мешает с пивом пополам.
«Мансарда» — это место там,
Где раз и два и три в неделю
Мы собирались, пили, ели,
От дел тоскуя и безделья:
И «академик», и «герой»,
И «мореплаватель», и «плотник»
Весьма паскудную ордой
На свой стекались «субботник»
(Зане толпа родит героя,
Готов вам, критик, уступить
Я место первое — и пить
Со мной вы можете и кушать,
За столик сев, стихов не слушать, —
Что пользы портить аппетит? —
Зато вы, критик, как в Европе,
Свободно сядете на... стуле).

И как всегда, простор раздвинув шалью,
Толстая пела бешеный романс,
И напоил отравною печалью
Табачный этот резонанс:
А-а-твари, паскарей калитку,
И в-а-а-йди в эту душную сень...
Вот какую рождает пытку
Параструнная дребедень...

Зубакин Б. Медведь на бульваре. М., 1929. С.14-15.

¹² Розенель-Луначарская *Наталья Александровна* (1902-1968) — актриса театра «Семперантэ», Театра МГСПС, затем Малого театра, снималась в кино. О встречах в еще недостроенном «Странствующем энтузиасте» с Маяковским рассказано в ее мемуарах (Луначарская-Розенель Н. Память сердца. М., 1962. С.27). К роли семьи Сацев в истории русского кабаре см. рассказ о московском артистическом клубе «Алатр» (1914-1917), принадлежащий одному из его инициаторов и членов правления (наряду с Л.В.Собиновым, И.Л.Толстым, В.Г.Сахновским и др.), отме-

чающему, кстати, что в этом клубе «стиль был в известном смысле подражанием петербургской "Бродячей собаке"»:

«Алатр» был организован неким Попелло-Давыдовым — человеком, вращавшимся в литературных кругах и артистическом мире, но лично не принадлежавшим ни к какой художественной профессии. Причины его возникновения были довольно интимного свойства: он был женат на Сац, принадлежавшей к известной в Москве фамилии, в которую входил и композитор Илья Сац и будущая жена Луначарского — Розенель (урожденная Сац). Жена Попелло-Давыдова была маленькая артистка, которую он, имея артистические связи, устроил в императорский Малый театр, — она же была и певица с небольшим голосом. Успеха она не имела, и для того, чтобы ее «лансировали», М. Попелло-Давыдов решил организовать специальный артистический клуб, в котором она могла бы выступать в интимной обстановке.

Сабанев Л. Артистический клуб «Алатр» // Русская мысль. 1962. 10 апреля.

Сам М. М. Попелло-Давыдов, сотрудник дирекции Большого театра, вспоминал об «Алатре»:

Клуб без карт. Кабаре без обязательной программы. Ресторан без кельнеров. В «Алатре» собирались деятели всех отраслей искусства, причем доступ публики был строго ограничен несуразно высокой входной платой и обязательным присутствием трех, лично знавших гостя, артистов.

Попелло-Давыдов М. М. Эмоциональное пение // Рувль. 1930. 26 апр.

Ср. статью Льва Никулина «"Привал комедиантов" и "Алатр": Параллели» (Кулисы. 1917. №1. С. 13). Московское «ночное кабаре» «Алатр» упомянуто в одном из рассказов Г. Иванова (Иванов Г. Собр. соч. Указ. изд. Т. 1. М., 1994. С. 429; с опечаткой).

¹³ О Николае Карловиче *Цыбульском* нам достоверно известно только начало его биографии: родился в 1879, учился на математическом отделении в Киевском университете (Государственный архив г. Киева). См. о нем: *БС*, 172, 238; *ЛК*, 121-122.

¹⁴ Сводку словесных описаний несохранившихся росписей см.: *БС*, 173, 248. Из позднее обнаруженных материалов укажем на роман М. Зенкевича «Мужицкий сфинкс» (1928):

На стенах яркой клеевой краской рябит знакомая роспись: жидконогий господинчик Кульбина сладострастно извивается плашмя на животе с задранной сверху штиблетой, подглядывая за узкотазыми плоскогрудыми купальщицами; среди груды тропических плодов и фруктов полулежит, небрежно бросив на золотой живот цветную прозрачную ткань, нагая пышнотелая судейкинская красавица.

Зенкевич М. Сказочная эра. М., 1994. С. 446

Ср. об одном из замыслов оформления будущей «Бродячей собаки»:

Оригинально хотят «заготовить» потолок: на нем будет написан фон, на котором каждый из художников мог бы нарисовать по своему вкусу набросок.

Базилевский В. Петербургские этюды // Рампа и жизнь. 1911. №51. С.13.

Упоминаются художники *Судейкин Сергей Юрьевич* (1884-1946), *Саунов Николай Николаевич* (1880-1912), *Анисфельд Борис Израилевич* (1879-1973).

¹⁵ Ср. в одном из первых отчетов о «Собаке»:

Буфет самый примитивный. Котлеты, сосиски, холодная рыба, сыр, колбаса, чай, вино, пиво. Должно быть, из зубоскальства на буфете красуется одна полубутылка шампанского! Никому и в голову, конечно, не придет выпить ее в этой обстановке. Никаких «услугающих». Буфетом заведует один из членов правления — он и пиво вам откупорит, и сыру отрежет. А нести все это на свой столик — не угодно ли самим? Претензии не допускаются, а если они у вас являются — пожалуйте к Кюба!

Яшин В. [Рышков Вл.?] Петербургские наброски // Театр. 1912. 15-16 янв.

¹⁶ Ср.:

Маленькая тесная раздевалка, а за ней низкая придавленная комната со сводами — просто подвал. У входа налево дежурный принимает повестки и взносы. /.../ Направо на покато́м столе толстый фолиант. Дневник «Бродячей собаки». Надо распечатся. Можно изобразить карикатуру. Отдаёте приглашение с виньеткой в виде собаки о трех головах или собаки, свернувшейся клубком, платите, проходите, и дальше вы совсем свободны от обязательств.

Псковитинов Е. В «Бродячей собаке»: Общество «Интимного театра» // Тифлисский листок. 1913. 25 авг.

Ср. также описание в явно автобиографическом романе Н.С.Аленниковой:

Лихач быстро довез нас на Михайловскую, где помешалась «Бродячка». Чтобы очутиться в ней, надо было спуститься вниз, как будто в подвал. Над дверью висели два фонаря; она открывалась без звонка. Мы вошли в сплошной хаос и гам. В углу находилась треугольная эстрада, на которой играли какие-то гитаристы в тот момент, когда мы вошли. Много публики сидело за столом; кухня находилась тут же, с небольшим окошком, через которое передавались всевозможные яства и напитки. Все пили и громко разговаривали. Рядом была другая комната в другом духе. Она вся была в коврах, даже стены ее были ими увешаны. Вдоль стен стояли длинные, узкие скамейки, также покрытые ковровой тканью. Здесь был полумрак, разноцветные фона-

рики горели во всех углах, еле освещая эту странную, вроде ту-
режкой, комнату.

Аленникова Н.С. Дороги дальние, невозвратные. Париж, 1979. С.130.

¹⁷ Дымшиц-Толстая Софья Исааковна (1889-1963) — писала о создании «Собаки» в своих целиком еще не изданных мемуарах:

На вечере у одного из писателей было решено организовать в новом году литературный клуб. Денег ни у кого не было. Договорились в первую очередь снять помещение «по средствам» — это значило снять подходящий сухой подвал. Такой подвал нашелся на Михайловской площади. Решили там устроить новогодний маскарад с буфетом. Несмотря на то, что ремонт подвала не был закончен, туда явился цвет петербургской художественной элиты в роскошных туалетах, фраках и т.д. Билеты на вход для посторонних были очень дороги. Таким образом подводилась материальная база под клуб. Один из организаторов в буфете продавал, а другой тут же расплачивался с представителями магазинов. Надо еще прибавить, что каждый из организаторов клуба должен был внести свою лепту: художники разрисовывали стены, поэты, музыканты, литераторы демонстрировали там свои новые произведения, артисты и режиссеры занимались всевозможными импровизациями. В дальнейшем этот клуб был превращен в крупное литературное кафе, и только.

Цит. по: Молдавский Д. Владимир Необходимович // Новый мир. 1983. №7. С.239-240.

¹⁸ Сидамон-Эристов Георгий Дмитриевич (1865-1950?) — присяжный поверенный, масон, деятель грузинского землячества в Петербурге (Цулукидзе Т. Всего одна жизнь. Тбилиси, 1983. С.187-188), сенатор Временного правительства, после революции — посланник независимой Грузинской республики в Польше. Официально он был женат на М.И.Ватагиной. Сведения о финале его жизни, сообщенные Н.Н.Берберовой, возможно, не точны (Берберова Н. Люди и ложь: Русские мasons XX столетия. Н.-Й., 1986. С.154).

¹⁹ Возможно, речь идет о *Наталье Николаевне* Миловидовой, действительном члене «Бродячей собаки» в 1914.

²⁰ *Семеновы Ольга и Мария* Александровны упомянуты и в мемуарах В.Пяста (Пяст Вл. Встречи. М., 1997. С.135-136). Портрет О.А.Семеновы работы С.И.Дымшиц-Толстой выставлялся в 1915.

²¹ *Казароза Белла* Георгиевна — в ту пору жена художника А.С.Яковлева, впоследствии жена театроведа Н.Д.Волкова.

²² «Благочестивая Марта» Тирсо де Молина — спектакль Старинного театра, поставленный К.М.Миклашевским. Ср. отзыв В.А.Чудовского:

Очень выигрышно было избрано особое задание: представление бродячей труппы на дворе народного трактира. Недостат-

ком постановки я бы признал неполное сведение общего тона к этому заданию /.../ Были изящные любовные сцены вместо столь свойственной романскому простонародью откровенной грубоватости.

Русская художественная летопись. 1912. №4. С.59

О танцах гитаны в «Благочестивой Марте» вспоминала и Т.Л.Щепкина-Куперник, писавшая о Казарозе:

/.../ милая крошечная женщина, словно сошедшая с картины Гогена, эта «обезьянка», как она сама себя шутливо прозвала. Это было совершенно экзотическое существо, бог весть как выросшее на нашей почве.

Щепкина-Куперник Т.Л. Театр в моей жизни. М.; Л., 1948. С.161.

²³ *Молли* — персонаж скетча П.П.Потемкина и К.Э.Гибшмана «Блэк энд уайт». См. о нем: Петровская Е. «Абсолютно нечитаемая...» // Московский наблюдатель. 1992. №9.

²⁴ «Дитя, не тянися...» — романс М.Кузмина, исполнение которого в «Собаке» изображено в рассказе Тэффи «Собака» — после первой фразы романса из-за столика доносится: «Роза в Одессе живет...» (Тэффи. Вальма. Берлин, 1936. С.144).

²⁵ По воспоминаниям Ю.Л.Ракитина, первым исполнителем этой песенки в «Летучей мыши» был один из столпов МХТ Василий Лужский:

Он выходил с лейкой в руке, поливая цветы. Начиналась песенка так:

Одна подросточек девица
Бандитами была взята.
Принуждена им покориться,
Была в мансарде заперта.
Она веселая была
И припеваючи жила...
А поутру она вновь улыбалась
Перед окошком своим, как всегда.
Ее рука над цветком изгибалась,
И вновь лилася из лейки вода.

Далее в песенке говорилось про несчастья и беды, приключившиеся с бедным подросточком, но девица, несмотря ни на все ужасы, ни даже на смерть, каждое утро снова улыбалась перед своим окошком и поливала из лейки свои цветы...

Ракитин Ю. Памяти русского Йорика // Рувль (Берлин). 1931. 8 сент. №3278.

Затем этот номер в «Летучей мыши» перешел к Н.Ф.Балиеву, который почти при каждом воспроизведении сочинял новый куплет (Шебуев Н. «Летучая мышь» // Солнце России. 1913. №15. С.8). Н.В.Петров пел «куплеты из репертуара "Летучей мыши"» в Доме Интермедий

(Ауслендер С. Дом Интермедий // Русская художественная летопись. 1911. №1. С.7). О том, что Петров «выступал только с одной песенкой, которую он исполнял, впрочем, истинно артистически», вспоминает В.Пяст, который приводит фрагмент еще одного куплета:

...И с двадцать третьего этажа
Ее бросают под мотор.
Автомобиль того и ждал,
Бедняжку мигом распластал.

Пяст Вл. Встречи. М., 1997. С.137.

²⁶ О Константине Эдуардовиче Гибшмане (1884-1942?) см. в различных воспоминаниях современников, например:

Публика навзрыд хохотала, когда К.Э.Гибшман исполнял с застывшим лицом жестокие романсы или, надев красные шаровары и безбожно коверкая украинский язык, пытался спеть «Реве та й стогне Днипр широкий»...

Рафалович В. Весна театральная. Л., 1971. С.35.

/.../ очень смешно, психологически достоверно изображал случайно попавшего на сцену туповатого обывателя, который от застенчивости и растерянности произносил явные нелепости. Например, после выступления акробатов Гибшман, с трудом подыскивая слова, но в то же время с большим апломбом поучал:

— Тело надо развивать... Потому что человек без тела, как без рук...

После дружного взрыва хохота Гибшман еще более терялся, свирепо смотрел на публику, как бы негодуя на неуместный смех, раскрывал рот, чтобы сказать что-то уничтожающее, но, не найдя, что сказать, с открытым ртом неожиданно уходил со сцены /.../

В Ленинграде Гибшман пользовался огромным успехом и был любимейшим конферансье. В других же городах тонкий, своеобразный юмор этого замечательного комика, к сожалению, не всегда доходил. /.../ В городе Борисове один из работников местного Дома культуры совершенно серьезно нам рассказал:

— Вчера выступили ленинградцы. Хороший концерт... Но у них, должно быть, что-то случилось с конферансье... Объявлял артистов какой-то допотопный старикашка... Наверное, чей-нибудь родственник... Двух слов не мог связать... Над ним смеялись больше, чем над юмористами...

Синев Н. В жизни и на эстраде. Киев, 1983. С.50-51.

См. также: Райкин А.И. Воспоминания. СПб., 1993. С.173-175.

²⁷ Богданова-Бельская Паллада Олимповна (1885-1968) — поэтесса. См. о ней: Русские писатели. 1800-1917: Биографический словарь. Т.1. М., 1989. С.299; Богомолов Н.А., Малмстад Дж.Э. Михаил Кузмин: Искусство, жизнь, эпоха. М., 1996. С.165-166; The Salon Album of Vera

Sudeikin-Stravinsky / Ed. and transl. by John Bowl. Princeton, 1995. P.53, 127. См. слух о непристойном альбоме Паллады в письме А.А.Кондратьева к Б.А.Садовскому 1915 года (*De Visu*. 1994. №1/2. С.23) и запись в дневнике В.А.Стравинской 1917 г. о ней как разносчице петербургских неприличных сплетен и собеседнице Ф.Ф.Юсупова на сексуальные темы (Кофейня разбитых сердец: Коллективная шуточная пьеса в стихах при участии О.Э.Мандельштама / Публ. Т.Л.Никольской, Р.Д.Тименчика и А.Г.Меца. Stanford, 1997. С.30). Ср. мотивы лесбийской любви в стихах, обращенных к Палладе, например, у Б.А.Садовского:

Паллада

Графине П.О.Берг

С кудряво-золотистой головы
Сняв гордый шлем, увенчанный горгоной,
Ты мчишь свой челн в залив темно-зеленый,
Минуя риф и заросли травы.
Ждет Сафо на скале. Сплелись в объятьях вы,
И тает грудь твоя, как воск топленный,
Но вот к тебе несет прибоя вздох соленый
Остерегающий призыв совы.

Прости, Лесбос, прости! О Сафо, не зови!
Не веря счастью, не верю я любви:
Под розами смеется череп тлея.

И, легконогая, влетая вновь на челн,
Обратно мчишься ты по лону вечных волн,
Тоску безмерную в груди лелея.

Садовской Б. Обитель смерти. Стихи. М., 1917. С.25.

Ср. также стихотворение Гумилева «Жесточкой» (1911) о «виноградниках Лесбоса». По свидетельству Ахматовой, адресат стихотворения — «какая-то лесбийская дама (не то Яровая, не то Паллада)» (Ахматова А. Записные книжки. Указ. изд. С.361; Вера Яровая — автор прозы, помещенной в альманахе «Шиповник», адресат восьмистишия С.Городецкого). Из других обращенных к Богдановой-Бельской стихов ср. стихотворение апреля 1912 года «В последний раз»:

Обожги в последний раз,
Как обугленным железом,
Глаз, миндалевидных глаз
Семитическим разрезом.

/.../ Уст оправленный алмаз,
Как в стекло, вонзай же в горло!
/.../ Жалом глаз, за долгий отдых,
Обожги в последний раз.

Курдюмов В. Пудренное сердце. СПб., 1913. С.51-52.

Напомним и о стихотворении И.Северянина:

Она была худа, как смертный грех,
И так несбыточно-миниатюрна...
Я помню только рот ее и мех,
Скрывавший всю и вздрагивавший бурно.

Смех, точно кашель, точно смех,
И этот рот — бессчетных прахов урна.
Я у нее встречал богему — тех,
Кто жил самозабвенно-авантюрно.

Уродливый и блеклый Гумилев
Любил низать пред нею жемчуг слов,
Субтильный Жорж Иванов — пить усладу,

Евреиннов — бросаться на костер...
Мужчины каждый делался остер,
Почуяв изошренную Палладу...

1924 г.

Время (Берлин). 1925. 26 янв.; И.Северянин. Собрание сочинений. Т.4. М., 1996. С.170. Упомянутый здесь Н.Н.Евреиннов незадолго перед отъездом в эмиграцию написал рекомендательное письмо:

Настоящим удостоверяю, что Паллада Олимповна Пэди-Кобецкая окончила мою Драматическую Студию в 1911 году. Из моего личного знакомства с Палладой Олимповной как артисткой — поэтессой и художницей я вынес убеждение в ее своеобразном драматическом таланте, который несомненно может найти достойное применение в искусстве экрана.

14 августа 1924

Н.Евреиннов
Собрание Э.В.Гросса

Псевдоним «Пэ(д)ди» — акромонаграмма ряда фактических мужей Паллады. Георгий Иванов писал о Палладе неоднократно (см.: Иванов Г. Цит. соч. Т.3. С.194, 426 и др.). Сохранилась отправленная с квартиры П.О.Богдановой-Бельской телеграмма М.А.Кузмину, по-видимому, по поводу публичного оскорбления, нанесенного Кузмину С.К.Шварсалом (см.: Азадовский К. Эпизоды // Новое литературное обозрение. 1994. №10. С.123-127): «Искренно и горячо жмем вашу руку. Паллада. Георгий Иванов. Борис Курдиновский. Николай Стааль. Павел Харламов» (РГАЛИ. Ф.232. Оп.1. Ед.хр.216. Л.1). Ср. также ее письмо Ахматовой 1965 г. с сообщением о том, что она пишет мемуары (Об Анне Ахматовой: Стихи, эссе, воспоминания, письма / Сост. М.М.Кралин. Л., 1990. С.550). Фрагмент этих воспоминаний см.: *БС*, 253. Приведем и другой оттуда же, показывающий, что к этому источнику надо относиться с осторожностью — в нем очевидны анахронизмы (например, Алла Тарасова!) и имена людей, известных как раз своим непосещением «Собаки» (Мережковские):

Подмостки деревянные небольшие, узкие, две ступеньки от пола, стихи, Михаил Алексеевич Кузмин, Георгий Иванов, Ада-

мович, иногда приходил Борис Пастернак, Бальмонт, Игорь Северянин, Гумилев. Сам Дягилев и Петр Струве изредка приезжали сюда, Мережковский, Гиппиус, иногда заезжали москвичи — артисты театра им. Вахтангова и Корша, наезжали уже известные художники Гончарова, Валентина Ходасевич и наши гости — Крон, художник из Швеции (выставлявший свои картины на выставке «Бубнового валета» в Москве). И конечно, актеры петербургских театров — Александринки (ныне Пушкинский театр) и Малого театра — суворинского театра (ныне — Большой Драматический им. Горького), Маринетти, шахматист, чемпион мира того времени Капабланка, бывала Тамара Платоновна Карсавина (балерина русских театров), прима-балерина Семенова, Станиславский, Качалов, Юрьев, Алла Тарасова. Это были почетные гости. В этот вечер не вечер, а в ночь — [не?] пускали много «фармацевтов», только избранных. В этом вопросе решающим голосом был, конечно, Борис Пронин. Бывали в «Бродячей собаке» маскарадные вечера, когда конфетти, как вуаль, ложилась на головы посетителей, укутывая всю фигуру цветным миражом; с подмостков звучали песни, а то и скрипка или гитара. И все мешалось, и призрачными казались фигуры. Порой баритон Маяковского покрывал шум, нестройные голоса /.../. Рослый, широкоплечий, в своей знаменитой желтой кофте, он выделялся. Но он был очень редким гостем. Я, например, видела его только дважды в стенах «Собаки». Порой виднелся мистический силуэт Блока с его огромными глазами, близко поставленными друг к другу, с его характерным вырезанным профилем.

Собрание Э.В.Гросса.

²⁸ Сергея Михайловича *Волконского* (1860-1937), теоретика театра, в обстановке «Собаки» описал Е.Псковитинов:

Степенно, деловито, углубленный в себя, но вежливый до невозмутимости проходит художник-декоратор Судейкин, садится, вступает в спор с князем Волконским, проповедником далькросзовской системы. Судейкин совсем молодой с вида, но разговор у него человека весьма почтенного. Волконский — высокий, черный, с мигающим веком, с сильной жестикуляцией. Говорит горячо, страстно, речь его всегда красиво построена.

Тифлисский листок. 1913. 25 авг.

²⁹ О том, как Валентин Платонович *Зубов* (1885-1969) создавал собственный облик, вспоминал Б.Г.Берг:

/.../ темно-синий фрак, песочного цвета панталоны. Носил бачки и волосы, зачесанные вперед. Цилиндр и шинель были точно скопированы с мод эпохи романтизма. В руке была трость с тяжелым набалдашником — изображал воплощение из «Евгения Онегина» или современника Альфреда де Мюссе. Его очень радовало, что где бы он ни появлялся — сразу привлекал общее внимание и удивление. Костюмы эти он носил и за границей.

Однажды в Париже познакомился с африканской уроженкой, привел ее на какую-то квартиру. При виде молодого человека, одетого по моде 1830 г. и в сопровождении негритянки, горничная, открывшая им дверь, чуть не впала в истерику от неудержимого смеха. Кроме рисовки и паясничества, у Зубова была серьезная черта в характере. Задуманный и проведенный им в жизнь институт явился результатом большой работы и стоил ему много десятков тысяч рублей. Под помещение этого института был отведен весь нижний этаж большого Зубовского особняка на Исакиевской площади. Здесь он собрал все лучшие сочинения и периодические издания по искусству и здесь же устроил аудиторию для чтения лекций. Открытие Института задержалось по разным причинам, и [Н.Н.] Врангель, всегда любивший подтрунивать над Валею, стал рассказывать, что Зубов собирается открыть совсем другой институт, выдумывая разные анекдоты, сочиняя стихи совершенно нецензурного характера, и создал ему совершенно невозможную репутацию. Сначала это все очень забавляло Валею, но потом он был не рад той молве, что о нем пошла. Он решил тогда переменить свой нравственный и внешний облик. Он снял свой стилизованный костюм, стал курить трубку и изображать немецкого ученого профессора.

Бахметевский архив.

Зубову посвящено альбомное стихотворение Ахматовой «Как долог праздник новогодний...» (1914?), навеянное разговорами в «Собаке».

Пускай над книгою в подвале,
Где скромно ночи провожу,
Мы что-то мудрое решали....

Ср. сцену в «Собаке» из автобиографического романа С.Волконского:

— А скажите, кто вон в том углу сидит, красивая, строгая, с таким четким профилем?

— Не знаете? Анна Ахматова.

Нина засмотрелась на прекрасное лицо:

— Ассирийская царица, — сказала она. — И рядом с ней маленький Зубов! Это точно в какой-нибудь фантастической книге Уэльса, где перемешаны все века и все людские поколения.

*Волконский С. Последний день: Роман-хроника.
Берлин, 1925. С.157.*

Ср. позднейшее заявление Ахматовой: «АА говорит, что про "Четки" думают, что они В.П.Зубову посвящены. АА.: "А я с Зубовым даже знакома тогда не была (т.е. почти не была знакома — м.б. и так сказала АА). /.../ Разным лицам есть, но Зубов тут совершенно не при чем» (Лукицкий П.Н. Асmitiana: Встречи с Анной Ахматовой. Т.1: 1924-25 гг. Париж, 1991. С.157). Мемуарный шарж на Зубова есть и в прозе Г.Иванова (Иванов Г. Собр. соч. Т.3. Указ. изд. С.192-193).

³⁰ *Берг* Борис Георгиевич (1884-1953) — сын флигель-адъютанта Александра II, выпускник Александровского лицея, к моменту революции — помощник обер-секретаря в 1-м департаменте Сената, надворный советник, камер-юнкер. В эмиграции написал мемуарную книгу (хранится в Бахметевском архиве), отрывок из которой, посвященный П. Богдановой-Бельской, напечатан нами под заглавием «Не забыта и Паллада...» (Русская мысль. 1990. 2 ноября: Литературное приложение №11). Графу Б. Бергу посвящено стихотворение Георгия Иванова «Утром в лесу» (Иванов Г. Собр. соч. Указ. изд. Т.1. С.465). Ср. запись в дневнике Л.В. Яковлевой-Шапориной о П. Богдановой-Бельской: «"Титулованный круг" состоял из барона Н.Н. Врангеля, кн. С.М. Волконского, гр. Берга. А.К. Шервашидзе мне рассказывал, что у Паллады эти милые эстеты говорили такие чудовищные вещи, что даже ему бывало не по себе» (ОР РНБ. Ф.1086. Ед.хр.5). Упомянутый здесь искусствовед Николай Николаевич *Врангель* (1880-1915) вспоминался коллегой как человек, который проводил

ночи с поэтами Ахматовой, Гумилевым, Кузминым, художником Судейкиным и артистами «Бродячей собаки». Он умел соединять деловитость и самые серьезные свои научные интересы с близостью к крайне левой богеме и мог так же долго беседовать с председателем археологической комиссии, как и с руководителем «Ослиного хвоста», «Бубнового валета», врачом и статским советником, и одновременно футуристом — русским «Маринетти» Н.И. Кульбиным. Действительно, интерес его к людям самого разного мирозерцания был необычаен и был того же порядка, который характеризовал собою и гениальность, с которой подходил, например, Пушкин к людям, событиям и эпохам, интересовавшим его. Являлось почти загадкой для всех, знавших Врангеля, когда, в знущности, он работал? Его видели на всех балах, премьерах, в вернисажах, в заседаниях, в любительских спектаклях и задавали ему вопрос, когда же он пишет свои книги, работает в библиотеках и архивах? А между тем, плоды его деятельности были обильны и значительны: появлялись книги за книгами, он писал много серьезных статей, предисловий к каталогам выставок, организовал ряд выставок картин, которые требовали громадной работы, а главное, затраты времени, например, выставка «Ломоносов и Елизаветинское время», или спектакли в доме граф. Шуваловой. Ведь он у всех на виду и ведет светский и даже богемский образ жизни, ложась нередко спать лишь поутру, а в июне, когда наступают белые ночи, он, зачарованный их красотой, конечно, нередко проводил их на островах, в прогулках у Елагина Дворца, или в «Вилла Родэ» на Крестовском...

Лукомский Г. Венок // Мир и искусство. 1931. №13(29). С.16.

³¹ О проекте открыть отделение Института в Риме В.П.Зубов писал: «тогда это было химерой и, конечно, до фактического осуществления не дошло. Да и представил я проект скорее для того, чтобы посмотреть, до

какого абсурда я могу довести комиссариат» — Зубов В.П. Страдные годы России: Воспоминания о Революции (1917-1925). Мюнхен, 1968. С.102.

³² Речь идет о швейцарском художнике и танцовщике Поле Тевна (Paul Thevenaz; 1891-1921), близком к кубистическому движению (его называли «кристаллистом» или «призматистом»), близком друге И.Стравинского и Ж.Кокто, с середины 1910-х жившем в Нью-Йорке. Его (под именем «Жан Жубер») выступление в «Собаке» изображено в романе М.Кузмина «Плавающие-путешествующие». Ср. БС, 210-211.

³³ Жак-Далькроз Эмиль (1865-1958) — швейцарский композитор и педагог. О С.Волконском как популяризаторе системы Жак-Далькроза (и об участии Поля Тевна в работе его курсов) см.: Гринер В.А. Мои воспоминания о С.М.Волконском / Публикация Вяч. Нечаева // Минувшее. Вып.10. Париж, 1990. С.330-340.

³⁴ Тэффи — псевдоним Надежды Александровны Бучинской (1872-1952). Ср. в мемуарах А.Шайкевича: «В рыжем лисьем боа, в бархатном черном платье на эстраду выходит женщина с умным, вдохновенным лицом. Читает одну из своих новых "лукавых песенок" — "Принцесса надела зеленое платье". "Браво, Тэффи"... — "Тэффи, сюда" — раздастся откуда-то из заповедного интимного помещения "Собаки" столь всем знакомый свежий голос Ахматовой» (Аш [Шайкевич А.Е.] Петербургские катакомбы // Театр (Берлин). 1922. №14. С.4). «Лукавые песенки» Тэффи (Аргус. 1913. №1. С.51-53) на музыку И.И.Чекрыгина входили в репертуар Казарозы:

I

Лизбетта

У кокетки у Лизбетты
В клетке редкий соловей
Вил гнездо и пел куплеты
И, как жених, ласкался к ней.
    Так приятно, деликатно
    Пробежал за годом год,
    А соловко так же ловко
    И ласкает и поет.
А соседка очень едко
Стала с зависти плести:
«Ах, Лизбетта, в наше лето
Лучше кошку завести!
    С кошкой будешь жить в покое,
    Нет в ней прыти глупых птиц, —
    И хвост, и рост, и все такое,
    Что отраднo для девиц».
И Лизбетта, вняв совету,
Пригласила кошку в дом:
«Кошка, кошка!» и трах в окошко
Соловья с его гнездом.

Вот и все. А напоследок
Я пример дам соловью,
Я буду петь и так и эдак,
Но гнезда я не совью.

II

О принцессе Могуль-Мегери...

У принцессы Могуль
Могуль-Мегери
Каждый вечер патруль
Сторожит все двери.
Отчего же патруль
Сторожит все двери
У принцессы Могуль
Могуль-Мегери.
Оттого, что принц Гуль,
Укрывшись в портьере,
Подсмотрел за Могуль
Могуль-Мегери.
И узнал, что Могуль
Могуль-Мегери,
Сняв фальшивый капуль,
Подобна тетере.
Так, увидев Могуль
Могуль-Мегери,
Он свалился, как куль,
От чувств потери.
Он, конечно, был куль,
Но в высшей сфере
Стал кричать про Могуль
Могуль-Мегери:
«Я жениться могу ль
На такой мегере,
Как принцесса Могуль
Могуль-Мегери?»
Вот с тех пор-то патруль
Сторожит все двери
У принцессы Могуль
Могуль-Мегери.

III

Дорофей и Доротея

Королева Доротея
Полюбила Дорофея,
Простого садовника.

Без ушерба этикету
Как покажешь всему свету
Такого любовника?

Стал известен всем туристам
Уголок в саду тенистом,
Где ночью встречались
И на зависть лунным феям
Доротея с Дорофеем
Так сладко ласкались.

И к чему та Доротея
Соблазняла Дорофея
Уловкой нелепою?
Он бы лучше занимался
Тем, на что он нанимался, —
Морковкой да репою.

И за глупые затеи
Отнял суд от Доротеи
Регалии царские.
Видно — раз ты королева,
Не сворачивай налево
В кусты пролетарские.

Чтобы так не вышло с вами,
Всех садовников вы сами
Скорей совершенствуйте.
Награждайте их чинами
И венчайте королями,
А после — блаженствуйте!

³⁵ Речь идет, по-видимому, о вечере 19 декабря 1912, когда с докладом «Символизм и акмеизм» выступил С.М.Городецкий, а в прениях — Н.С.Гумилев (БС, 201; Литературное наследство. Т.92. Кн.3. М., 1982. С.413; Гумилев Н. Письма о русской поэзии. М., 1990. С.289-290). См. об этом вечере в шуточном «новогоднем отчете» Н.В.Петрова за 1912 год: «В самые последние дни второй сессии в "Собаке" состоялась лекция С.Городецкого о символизме и акмеизме, вызвавшая длинные и довольно бурные прения с участием Цеха поэтов. В виду отсутствия чествуемого лица, обычай разбиванья бокалов применен не был, но зато состоялось нарушение постановления правления о закрытии подвала "Бродячей собаки" в 4 часа» (РГАЛИ. Ф.2358. Оп.1. Ед.хр.184. Л.66). За два дня до лекции Городецкого цеховики устроили чтение своих стихов в «Собаке», куда отправились после заседания Цеха на квартире Городецкого (Гумилев Н. Сочинения: В 3-х тт. Т.3. М., 1991. С.378). Ср. также: «Вот отделился "цех поэтов". Большой круглый стол. Поднимаются один за другим. Читают свои стихи, то растянуто, певуче, то глухо, словно давясь рифмами, то отрывисто рывкая» (Псковитинов Е. В подвале «Бродячей собаки». Указ. изд.).

³⁶ Из стихотворения Ахматовой «В зеркале» («Дама в лиловом») (Северные записки. 1914. №1).

³⁷ Портрет Ахматовой писался Натаном Исаевичем *Альтманом* (1889-1970) в конце 1913 — начале 1914. См.: Молок Ю. Вокруг ранних портретов // Литературное обозрение. 1989. №5. С.82-84. Ср.:

Альтман выдвинулся кубистическим портретом Анны Ахматовой, приводившим в отчаяние некоторых поклонников замечательной поэтессы наших дней. Худая, как щепка, будто вылепленная из дерева, Анна Андреевна была написана треугольниками, причем знаменательна была линия ноги и какая-то страшная, зеленая, но точно сделанная из листового железа, огромная еловая шишка, заменяющая собой пейзаж. Этот портрет не был полным выражением духовного человека, что, по нашему убеждению, требуется в портрете (я имею в виду не сходство, а таинственную передачу, даже в общемысленных на взгляд линиях и красках, внутреннего я). Но и то сказать, — как передать глаза-доброты женщины-поэта?

Никольский Ю. Искусство в Крыму // Объединение (Одесса). 1918. №3-4. С.222.

Ср. также: «Пожалуй, это — первая победа кубизма. Кроме того, сходство, которым, как известно, кубисты брезгуют, у Альтмана очень большое» (Videns. 1, 97, 111, 222, 242 // Голос жизни. 1915. №12. С.19). Ср. еще одно свидетельство современника о портрете, который основывал своим «каким-то душевным беспокойством», «причудливым изломом психологии»: «Я никогда не видел этой поэтессы, как не видали ее и сотни других посетителей выставки, и поэтому ничего не могу сказать: похоже или не похоже. /.../ те, что займут наше место, останавливаясь перед портретом Анны Ахматовой, тоже, конечно, не будут думать о сходстве, ни даже об ее стихах, ибо кто знает? Быть может, они и недолговечны?» (Старк Э. По выставкам // Петроградский курьер. 1915. 21 марта). Ср. впечатление через три года: «"Ахматова" и "Голова еврея", ушедшие в частные руки, при новом появлении вновь за себя постояли: воплощение дисциплины, глаза и воли, внутреннего равновесия, строгой и элегантной концентрации формы» — Л[евинсон] Андр. Выставка художников-евреев // Наш век. 1918. 28(15) апр.

³⁸ Из стихотворения «Cabaret Artistique», датированного 19 декабря 1912 (т.е. новогоднего по новому стилю) и, возможно, оглашенного на встрече Нового 1913 года в «Собаке». См., например, описание этой ночи у Сергея Ауслендера: «Анна Ахматова тогда написала "Все мы бражники здесь, блудницы..."» — Ауслендер С. Три встречи // Сибирская речь (Омск). 1919. 1/14 янв. №8.

³⁹ В альбоме С.Ю.Судейкина (РГАЛИ) сохранилась телеграмма, полученная художником в Москве в доме Носовых в вечер премьеры оформленного им домашнего спектакля по пьесе М.Кузмина «Венецианские безумцы»: «Все собаки целует [так! — Р.Т.] Бобиш [Б.Г.Романов], [П.М.] Ярцев, Кузнечик [Н.В.Кузнецов], Анна Ахматова, Евреинов, [П.А.] Луцевич».

⁴⁰ Вяч. Ив. *Иванов* бывал в «Собаке» только до весны 1912.

⁴¹ *Иванова-Шварсалон Вера* Константиновна (1890-1920) запомнилась своими глазами многим современникам — Ахматовой, Добужинскому, Пясту, Н.Ю.Филолетовой (см.: De Visu. 1994. №5-6. С.6-7; Добужинский М.В. Воспоминания. М., 1987. С.271; Пяст Вл. Встречи. Указ. изд. С.325; Минувшее. Вып.9. Париж, 1990. С.15). Ср. также о ней стихотворение К.А.Сюннерберга:

Блестя сквозь томности девичьи,
Холодный ум твой — остр и колок, —
Мне говорит, что ты филолог,
Ученый в девичьем обличи.
Скажи, ученый необычный,
Филолог в образе Психеи,
Скажи мне, на какой камее
Я профиль видел твой античный.

ИРЛИ. Ф.474. Ед.хр.53; Пяст Вл. Встречи. Указ. изд. С.325-326.

⁴² О *Рюрике Ивневе* (Ковалева Михаиле Александровиче; 1891-1981) в проинском кабаре вспоминал В.Л.Пастухов (Воспоминания о Серебряном веке. М., 1993. С.456-458). Ср. также: Ивнев Р. Встречи, которых не забыть // Огонек. 1968. №29. С.22; Пяст Вл. Встречи. Указ. изд. С.176, 374; публикацию Р.Янгирова — Пятые Тыняновские чтения: Тезисы докладов и материалы для обсуждения. Рига, 1990. С.150.

⁴³ *Кузьмина-Караваева* Елизавета Юрьевна (1891-1945) вспоминала впоследствии «Собаку» без особых симпатий — как место сборища «талантливых юношей», читающих «очень хорошо написанные, но такие пустозвонные стихи» (из имен она называет Г.Иванова, Р.Ивнева, И.Северянина). См.: Кузьмина-Караваева Е.Ю. Избранное. М., 1991. С.202. Е.Ю.Кузьмина-Караваева жила в Петербурге до весны 1912, когда переехала в Анапу, но могла навестить «Собаку» и в конце 1912, когда ненадолго приехала в столицу.

⁴⁴ Мария Людвиговна *Моравская* (1889-1947), став в эмиграции американской беллетристкой, изобразила «Собаку» («The Strayed Dog») в романе «Жар-птица» (Moravski M. The Bird of Fire: A Tale of Russia in Revolution. NY, 1927. P.314), правда, с отнесением к 1917; в этом же романе под именем Зебры выведена П.О.Богданова-Бельская. О стихотворении М.Л.Моравской, описывающем «Собаку», см.: БС, 250.

⁴⁵ В мае 1915, вскоре после закрытия кабаре, *Игорь Северянин* написал стихотворение «Бродячая собака» (см. прим. 2 наст. публ.). Цитируемая мемуаристкой «Позза отказа» (Северянин И. Собр. соч. Указ. изд. Т.2. С.231) написана тоже после закрытия «Собаки» — в июне 1915; в 1916 положена на музыку О.Д.Строком.

⁴⁶ *Лебедева* (урожд. *Дармолатова*) *Сарра* Дмитриевна (1892-1967) — скульптор, первая жена художника Владимира Владимировича *Лебедева*.

⁴⁷ Семья банковского чиновника коллежского советника Дмитрия Ивановича *Дармолатова* (см.: Боханов А.Н. Деловая элита России: 1914 г. М., 1994. С.131) состояла из жены Марьи Николаевны (ум. 1942) и дочерей Анны, Веры (покончившей с собой в 1919 — см.: Сорокин П. Дальняя дорога: Автобиография. М., 1992. С.127, 131, 141), Надежды (1895? -1922) (см. о ней: Мандельштам Н.Я. Воспоминания. М., 1989. С.295; Мандельштам Е.Э. Воспоминания // Новый мир. 1995. №10. С.146-147) и Сарры.

⁴⁸ *Израилевич Яков Львович* (ум. в 1942?) впоследствии стал профессиональным «другом писателей» — работником Литфонда, художником-консультантом Дома Писателей. Одно время был секретарем М.Ф.Андреевой. Ср. отзывы В.Б.Шкловского: «Жак по прозвищу "недостоверный"» (De Visu. 1993. №1. С.37), «Жак был человек талантливый и много работавший, но без определенных занятий. Неверный и самоотверженный — и самоотверженный от некуда себя девать» (Шкловский В. Третья фабрика. М., 1926. С.110), сообщение Мандельштама: «Николай Степанович [Гумилев] не любил Шкловского — считал его человеком одного типа (качественно, хоть не количественно) с Жаком Израилевичем» (Лукицкий П.Н. Асуміана. Указ. изд. С.115); свидетельство Р.О.Якобсона: «Жак был настоящий бретер, очень неглупый, очень по-своему культурный, прожигатель денег и жизни» (Янгфельдт Б. Якобсон-футурист. Стокгольм, 1992. С.39); наблюдение Е.Шварца: «сложнейшего, самолюбивейшего, путаннейшего человека» (Шварц Е. Телефонная книжка. М., 1997. С.414). Портрет Я.Л.Израилевича, известного к тому же коллекционером живописи, был написан Судейкиным (Коган Д. С.Ю.Судейкин. М., 1974. С.138).

⁴⁹ *Гальперн Александр Яковлевич* (1879-1956) — действительный член «Бродячей собаки», адвокат, в 1917 — управляющий делами Временного правительства. Сын Я.М.Гальперна (1840-1914), который был «одним из немногих евреев, достигших на действительной службе чина тайного советника» (Еврейская энциклопедия. Т.6. СПб., [Б.г.] С.118; ср.: Российская еврейская энциклопедия. Т.1. М., 1994. С.266). А.Я.Гальперн впоследствии был мужем Саломеи Андрониковой. Ср. его характеристику как представителя «богатой и незаменимой русской культуры, ушедшей навсегда» у Исайи Берлина: Берлин И. Александр и Саломея Гальперны // Евреи в культуре русского зарубежья / Сост. М.Пархомовский. Вып.1. Иерусалим, 1992. С.230-241. Ср. некролог С.А.Васильева А.Гальперну: Новое русское слово. 1956. 8 июля. См. также: Казнина О. Русские в Англии. М., 1997. С.241-242. Сам инженер-путеец, Сергей Александрович Васильев (1889-1969) тоже бывал в «Собаке», а ставшая в эмиграции его женой актриса Тамара Христофоровна Дейкарханова (ум. в 1976) вспоминала о «Собаке»: «Как сейчас помню [Г.Д.Сидомон-Эристов], восседавшим на президентском стуле, а рядом с ним будущий министр юстиции П.Н.Переверзев (отдавший приказ об аресте Ленина и арестовавший Троцкого). Будущий управделами Временного правительства А.Я.Гальперн имел какое-то отношение к этому революционно-художественному кабаре-клубу. Часто бывал там и А.Ф.Керенский. /.../ Бывали там и все светила кадетской партии»

(Дейкарханова Т.Х. Н.Н.Евреинов // Новое русское слово. 1953. 18 октября).

⁵⁰ Имеется в виду или Оскар (Израэль) Осипович *Грузенберг* (1866-1940), юрист и деятель кадетской партии, или его брат Семен (Соломон) Осипович (1875-1938), историк философии (см.: Российская еврейская энциклопедия. Указ. изд. Т.1. С.384-385).

⁵¹ О вечере Тамары Платоновны *Карсавиной* (1885-1975) и выпущенном к этому вечеру сборнике см.: Карсавина Т.П. Театральная улица. Л., 1971. С.220-221; БС, 171, 231-232. Из шестидесяти именных билетов сохранился, например, посланный Ахматовой (он подписан художником С.А.Соринным).

⁵² *Бутковская* Наталья Ильинична (1878-1948) — действительный член «Бродячей собаки», актриса, режиссер, сотрудница Общества старинного театра, издательница ряда книг Н.Н.Евреинова и К.М.Миклашевского, вторая жена художника А.К.Шервашидзе, после революции — в эмиграции. См. о ней: Минувшее. Вып.20. М.; СПб., 1996. С.417-418.

⁵³ *Нагородская* (урожд. Головачева, в первом браке — Тангиева) Евдокия Аполлоновна (1866-1930) — поэтесса, беллетристка. Ср. о ней у Георгия Иванова — «писательница X» (Иванов Г. Собр. соч. Указ. изд. Т.3. М., 1994. С.332-333), в дневнике Рюрика Ивнева (Река времени: Книга истории и культуры. Кн.2. М., 1995. С.208). Ее приход в «Собаку» изображен в романе Т.Краснопольской (Шенфельд) «Над любовью» (Петроградские вечера. Пг., 1914. Кн.3. С.116-118).

⁵⁴ Конец «Собаки» в романе «Плавающие-путешествующие» (1914) не описан, а предсказан. Но не пожар стал концом подвала. Закрытие угрожало предприятию еще в феврале 1914 по взысканию поставщика вин Бауэра. — [Б.п.] «Бродячая собака» // Театр и жизнь. 1914. 10 февраля.

⁵⁵ *Рубинштейн* Дмитрий Львович (1876-1936, Загреб) — финансовый деятель (см.: Боханов А.Н. Деловая элита России: 1914 г. Указ. изд. С.131). Ср. биографическую сводку в некрологе:

Молодой помощник присяжного поверенного, приехавший с Юга России, Рубинштейн почти не занимался в столице своей профессией. Будучи по складу ума и характера дельцом, он быстро составил себе крупное состояние банковской и биржевой деятельностью. Незадолго до революции Д.Л.Рубинштейн создал и возглавил Русско-французский банк, в числе клиентов которого был и Распутин. Богатые приемы в особняке банкира Рубинштейна на Марсовом Поле, где бывал тогда «весь Петербург», вызывали в свое время много толков. За свою широкую благотворительность Рубинштейн был награжден чином действительного статского советника.

Последние новости (Париж). 1936. 17 марта

См. также некролог его жене Стелле Генриховне, написанный Ф.Ф. Шаляпиным:

Ее рассказы и воспоминания о Петербурге были всегда очень интересны, и слушать ее было большим удовольствием. /.../ Большая любительница театра, С.Г. любила рассказывать о тех спектаклях, которые она называла «незабываемыми». Ее дружба с моим покойным отцом была как бы унаследована мной и продолжалась до последних дней.

Новое русское слово. 1958. 13 апреля.

Рубинштейн своего позднего, парижского периода описан в рассказе Ж.Гаузнер «Париж — веселый город»:

Шла такая картина из русской жизни: «Любовь Гришки Распутина». Рубинштейн пошел. Оказалось, его, Рубинштейна, играл плюгавый актер с козьей бородкой. Вывели его как ростовщика, скупердягу, мерзавца. Митька обозлился и пошел ругаться с режиссером. Режиссер, двадцатипятилетний парнишка, обожающий всякую русскую клюкву, долго не мог ничего понять.

— Но вы, собственно, кто? — спрашивал режиссер.

— Да я — Рубинштейн! Димитрий Рубинштейн, тот самый.

Тогда режиссеру стало дурно. Он не мог поверить, что почти выдуманный им в фильме Рубинштейн — живой человек, живущий в Париже.

Красная новь. 1935. №7. С.111.

В 1931 Рубинштейн организовывал вечера И.Северянина в Париже (Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1992 год. СПб., 1996. С.242). См. о нем также: Вертинский А. Дорогой длиною... М., 1990. С.175. О Д.Л.Рубинштейне в связи с «Привалом комедиантов» см.: ЛК, 106, 115.

«ДОРОГАЯ МОЯ И ЛЮБИМАЯ ВАРЯ...»

Письма Иванова-Разумника В.Н.Ивановой
из саратовской ссылки

Публикация В.Г.Белоуса

В конце января 1933 в Ленинграде начались массовые аресты среди интеллигенции. К обвинению по сфабрикованному ОГПУ делу о «контрреволюционной эс-эровско-народнической организации Ленинградской области» было привлечено 763 человека. 2 февраля 1933, в ночь после празднования своего 30-летнего литературного и житейского юбилея, был арестован известный историк русской общественной мысли, публицист и критик Иванов-Разумник (Р.В.Иванов)¹. Ему инкриминировалось руководство «идейно-организационным центром народнического движения» в соответствии со статьями 58-10 (антисоветская агитация и пропаганда) и 58-11 (организационная деятельность, направленная к совершению контрреволюционного преступления) УК РСФСР.

Долгим месяцам заключения в одиночке Ленинградского ДПЗ, подлинным и вымученным признаниям, ярко и подробно позже описанным в его собственных мемуарах², подвело итог постановление Особого совещания при Коллегии ОГПУ от 28 июня 1933, на основании которого Иванов-Разумник был приговорен к высылке в Новосибирск сроком на 3 года. Несколько месяцев спустя (вероятнее всего, по ходатайству пешковской «Помощи политзаключенным») литератора перевели в Саратов, где он

¹ См.: Лавров А.В. Иванов-Разумник // Русские писатели. 1800-1917: Биографический словарь. Т.2. М., 1992. С.121-122; Леонтьев Я.В. Р.В.Иванов-Разумник: Библиография // Библиография. 1993. №3. С.64-73; Белоус В.Г. «Скифское», или Трагедия «мировоззрительного отношения» к действительности // Звезда. 1991. №10. С.158-166; Он же. Испытание духовным максимализмом: О мировоззрении и судьбе Р.В.Иванова-Разумника // Литературное обозрение. 1993. №5. С.25-36; Иванов-Разумник: Личность. Творчество. Роль в культуре: Сборник материалов международной конференции. 16-17 марта 1996 г. Царское Село / Ред.-сост. В.Г.Белоус. СПб., 1996.

² См.: Иванов-Разумник. Тюрьмы и ссылки. («По тюрьмам на родине») / Публ. В.Г. Белоуса // Мбра. 1994. №2. С.152-210.

провел два с половиной года. Впереди были каширское «затворничество», страшные камеры Бутырки и Лубянки 1937-1939, жизнь в оккупированном гитлеровцами Пушкине и, наконец, «прусское изгнание», завершившееся тихой кончиной в Мюнхене 9 июня 1946.

Со своей будущей женой — Варварой Николаевной Оттенберг — Р.В.Иванов познакомился в 1901, когда гостил у знакомых во Владимирской губернии. Последняя его книга — мемуары «Тюрьмы и ссылки» — вышла посмертно в 1953 в Нью-Йорке с посвящением: «Памяти Варвары Николаевны Ивановой (умерла 18 марта 1946 года в Рендсбурге), вместе с которой мы 40 лет переживали содержание этой книги». Писательница Е.Мор вспоминала:

Разумник Васильевич [Иванов-Разумник] /.../ был очень привязан к Царскому Селу. Он неизменно возвращался туда вновь после своих многочисленных очередных ссылок, а жена его терпеливо ожидала его, коротая дни в одиночестве среди книг их скромного уголка. Она старалась выходить как можно реже за покупками. И тогда она шла по улицам с рассеянной улыбкой и отсутствующим взглядом голубых глаз, скромно одетая и такая странно-тихая. Досужие кумушки, «знающие все», иногда смотрели ей вслед, качая головами, и рассказывали, что, мол, вот «несуразная какая женщина, муж у нее знаменитый из писателей, а сама она была раньше его прислугой!» Но это, конечно, было невероятным абсурдом. Жена Разумника Васильевича говорила на нескольких иностранных языках, была образованным человеком, всегда интересовалась литературой и свято хранила библиотеку мужа³.

Если воспринимать память как сопротивление «утрачиваемому времени», то жизненный путь Иванова-Разумника является великолепным подтверждением этой максимы. Его письма из ссылки, обращенные к жене, не столько заполнены описаниями личного бытия, сколько представляют собой исторический документ, адресованный будущему, и потому — литературны в подлинном смысле этого слова. Даже «мелочные» подробности ежемесячных расходов, столь тщательно воспроизводимые в письмах, напоминают отчет Робинзона о его пребывании на необитаемом острове, и тем могут быть интересны современному читателю. По жанру их можно назвать «нравственными письмами», в центре которых — человек, думающий о прожитой и будущей жизни, возвращающийся к своим друзьям (или к тем, кого он считал таковыми), договаривающийся недоговоренное, прощающийся, прощающий и сам просящий прощения. В споре Иванова-Разумника и Андрея Белого, который волею судьбы оказался в центре эпистолярных отчетов начала 1934, последнее горькое слово принадлежало критику, настаивающему на своей правоте и в то же время оставляющему потомкам право самим разо-

³ См.: Мор Евг. (Евгения Сидорова). Воспоминания об Иванове-Разумнике / Публ. В.Белоуса и Ж.Шерона // Русская мысль. 1996. 24-30 октября. №4146. С.11.

браться в аргументах сторон в этой далеко не историко-литературной дискуссии.

В публикуемых здесь четырех письмах отражены первые месяцы саратовской ссылки Иванова-Разумника (ИРЛИ. Ф.79. Оп.1. Ед.хр.200. Л.8-9об., 16-17об., 37-37об.). Это лишь малая выборка из 153 писем Р.В.Иванова к жене, сохранившихся в архиве Пушкинского Дома и охватывающих период с 1901 по 1937 гг. (ИРЛИ. Ф.79. Оп.1. №197, 198, 200). Ответные письма В.Н.Ивановой утрачены. Тексты приведены в соответствии с правилами современной пунктуации; правописание слов оставлено в авторской редакции. Сокращения в письмах (за исключением инициалов, которые объясняются в примечаниях) раскрываются в квадратных скобках.

Благодарю за поддержку The Research Support Scheme (Soros Foundation).

1

28 января 1934
Саратов

Дорогая моя и любимая Варя, большого резона писать именно сегодня это письмо нет, так как поджидаю твоих писем, а у меня нового ничего нет; но чтобы не нарушать воскресно-четверговой традиции — пишу и сегодня. Если вы получили мою открытку от 25-го, то знаете, что до меня к тому времени уже дошли и телеграфный перевод, и открытка из Москвы. А вчера я получил и простое закрытое из Д[етского] Села от 22/1 — вот оно как! Не две недели, а всего пять дней (вместо законных трех) шло письмо. — Если же вы моей открытки не получили, то сообщаю о своих бытовых делах нижеследующее: Коля с отцом и няней¹ уехали 22-го и с того же дня прекратились мои обеды. Я сговорился было со своими хозяевами столоваться у них (за ту же цену, что и у О.А.²), но в последнюю минуту они испугались не то хлопот, не то расходов — и дело не вышло. А питаться в столовой мне очень не хотелось, тем более, что О.А. решила просто ходить туда обедать, а не брать на дом. Тогда я сговорился с бабушкой, которая сперва не хотела ничего брать за «лишнюю кружку воды в кастрюлю», но потом я ее убедил — и мы условились, что я буду уплачивать 15 р[ублей] в месяц. Вот уже неделя, как я устроился таким образом — к полному своему удовольствию. Бабушка варит борщи и супы (очень густые) в десять раз вкуснее «мамы-Лизы», наливают мне пол-судка (по крайней мере две глубокие тарелки), так что я чаще всего не могу одолеть такую порцию сразу, а оставляю вторую тарелку на ужин, разогревая ее в «голландке». Очень сыт

и хвалю себя за догадливость, что так хорошо устроился: и близко, и сытно, и вкусно, и неожиданная экономия 30 р[ублей] в месяц.

Ну вот вам первое мое бытовое дело. Второе: дня четыре тому назад у нас случился переполох³ — заболел хозяйский мальчик, температура 40°, родители перепугались: сыпняк! Пришел доктор, но тоже не утешил: определил дифтерит. Однако исследование не нашло дифтеритных палочек, оказалась простая ангина; сегодня у мальчика уже нормальная температура, и он даже собрался было в школу. Его, конечно, не пустили. Ну — все хорошо, что хорошо кончается.

Вот и все мои скудные бытовые сведения, ради которых не стоило и бумаги марать. Наоборот, у тебя есть что порассказать из путевых впечатлений, а потому жду твоего письма. Если ты написала его даже дней через пять после приезда, то все-таки оно уже в дороге, и если не запоздает, то вот-вот придет. Жду. — За это время я получил письмо от Левы Пришвина⁴ с тремя фотографическими карточками Б.Н. в гробу⁵; вероятно, ты видела эти карточки в Москве, а то даже и получила их от него. Смерть Б.Н. поразила нас в первую минуту своей неожиданностью; после твоего отъезда, в полном одиночестве, я как-то острее почувствовал эту утрату. Совсем неважно, что за последний год все сношения наши с ним прекратились, что он и К.Н.⁶ неожиданно для нас оказались среди тех многих лиц, которых я характеризую именем их патрона — иже во святых отец наших св.мученика Труса⁷. Мы целый год прожили с Бугаевыми⁸ и знаем человеческие, слишком человеческие слабости их (ведь и у нас есть свои)⁹, знаем детский эгоизм, недостаток мужества, приспособляемость. Мало ли что мы знаем! Но ведь не этим будет помянут Б.Н. даже как человек, а не как писатель. О писателе — что и говорить. Но когда человек уходит от нас — все мелкое невольно отпадает перед лицом смерти, и вовсе не фарисейски является народная латинская мудрость — *de mortuis nil nisi bene* — о мертвых — только хорошее. И я вполне искренне забыл, без всякого усилия, все то теневое, что еще так недавно, еще месяц тому назад готов был ставить Б.Н.-чу в мелкую человеческую вину. Все это мелкое — было, но ведь не этим мелким связаны мы были целые двадцать лет. А потом в моем одиночестве очень остро чувствуется вот что еще: он ушел, и кроме Пришвина¹⁰ из старых литературных друзей никого больше не осталось. Я вчера написал об этом Михалмихалычу, говоря ему, что ведь и у него остался из литературных сверстников и друзей только я один. Убедительно просил жить его подольше и сам обещал приложить со своей стороны всяческое старание.

С теплым чувством вспомнил я и Сологуба¹¹, с которым мы так уютно прожили стена в стену целых два года. Как крепко забыт он теперь! Через немного времени та же судьба постигнет и Белого. Все это поколение, по слову Герцена, должно еще быть засыпано слоем навоза (об этом уж постарайтесь!), занесено снегом, чтобы пустить зеленые ростки и воскреснуть вместе с весной. Кстати о навозе: не сохранился ли у Р.-К.¹² посвященный Белому номер «Литературной Газеты»¹³ — когда-нибудь о Белом будут написаны тома, а пока — не следует ждать от упражнений («у» — это только для вежливости) «Литературной Газеты» ничего другого, кроме того, что она может дать. *La pluss belle fille*¹⁴ — и т.д., пословица известная. — Написал письмо Кл. Ник. — и между прочим не скрыл, что был огорчен их годовым молчанием и что сам поэтому не писал им первый, не зная — не напугает ли их появление письма. Но все это в форме мягкой, чтобы не задеть ее болью в такие тяжелые дни. — А что «Начало века»¹⁵? достанет ли мне его К.Н. Если нет, то попроси А.А.¹⁶ — он умеет доставать всякие редкости.

Сегодня на этом кончаю и надеюсь, что к следующему моему письму я уже буду иметь весточку от тебя. — Коля¹⁷, вероятно, уже уехал; я написал Аленушке¹⁸ и ему в Москву, но не заказные письма, так что дойдет ли? Я писал тебе, что от Аленушки получил (собственно — ты получила) открытку с адресом, которым не собираюсь воспользоваться. — За здоровье вчерашней новорожденной¹⁹ на днях чокнулся с О.А., — как раз был день рождения ее старшего сына²⁰.

Целую вас, дорогие мои, крепко-крепко и жду писем.

Любящий Н[ик]²¹

¹ Вероятно, родственники О.А.Крогиус (см. след. прим.), приютившие Иванова-Разумника в первые дни после его приезда в Саратов.

² Ольга Александровна Крогиус — вдова профессора психологии Августа Адольфовича Крогиуса (1871-1933). Ср.: «Кстати сказать, переехала она с семьей в Петербург в 1935 году, откуда (только что узнал) в августе сего 1937 года выслана среди многих других, ей подобных, в Казахстан, — за то, что старший сын ее, Арсений, находился в "концентрационном лагере"...» — Иванов-Разумник. Тюремь и ссылки (По тюрьмам на родине) // Мбра. 1994. №4. С.183.

³ Ср.: «Избушка состояла всего-навсего из кухни с русской печью и двух комнат. Большую из них занимала семья сапожника Ирнархова —

он, жена и десятилетний сын, — а меньшую предоставили мне. По размерам это была точная копия моей камеры в ДПЗ — семь на три шага; узкая кровать, столик, стул, этажерка — вот и вся мебель; два покосившихся окошечка в двух стенах; тонкая фанерная перегородка, не доходившая до потолка. Садик, размером с чайное блюдечко. Вид на Волгу. Через дом — музей Чернышевского. Я уютно прожил в этой комнатенке (от которой приходили в ужас саратовские знакомые) почти три года...» — Иванов-Разумник. Тюремьы и ссылки. Указ. изд.

⁴ Лев Михайлович *Пришвин-Алпатов* (1906-1957) — сын М.М.Пришвина.

⁵ Речь идет о Борисе Николаевиче Бугаеве (Андрее Белом), долгие годы находившемся в близких дружеских отношениях с Ивановым-Разумником и скончавшемся 8 января. Об их контактах в начале 1930-х см.: Из писем Андрея Белого к Иванову-Разумнику / Публ. А.В.Лаврова и Д.Е.Максимова // Андрей Белый: Проблемы творчества. М., 1988. С.707-749.

⁶ Клавдия Николаевна Бугаева-Васильева (1886-1970) — жена Б.Н.Бугаева.

⁷ Ср.: «У каждого из нас много друзей — приятелей до черного дня. Но естественно, что на другой же день после моего ареста все эти друзья-приятель забились в кусты. Очень запуганы и зайцеподобны стали теперь люди, иной раз носящие весьма громкие имена» — Иванов-Разумник. Тюремьы и ссылки. Указ. изд. С.178.

⁸ А.Белый с женой жили в Детском Селе по адресу Октябрьский бульвар, 32 в соседстве с Р.В.Ивановым и В.Н.Ивановой с апреля 1931 по апрель 1932.

⁹ Ср.: «В.Н. держалась с нами на границах возможного "приличия", неделями заставляя меня чувствовать себя, что я — лишний в их доме, в то время как Р.В. и пошучивал, и поугивал с колючими приятностями и приятными колючестями, был настолько *ненужно щепетил* в других мелочах, что от такой щепетильности делалось лишь тяжелее нам...» — из письма А.Белого Д.М.Пинесу (см. также прим. 15 к письму 4), написанного, но не отправленного весной 1932. — РГАЛИ. Ф.53. Оп.1. Ед.хр.126. Частично письмо опубликовано Дж.Малмстадом (Письма Андрея Белого Д.М.Пинесу // Новое литературное обозрение. 1995. №12. С.86-87).

¹⁰ Писатель М.М.*Пришвин* был близким другом Иванова-Разумника. Ср.: «Здесь подробнее скажу только о другом старом друге, М.М.Пришвине. Не только писал он мне бодрые письма в Новосибирск и Саратов, не только присылал новые свои книги, не только хлопотал в московских издательствах о какой-нибудь работе для меня, но даже, когда хлопоты эти не увенчались успехом, по собственному почину, нисколько не скрывая этого, решил высылать мне ежемесячно по двести рублей. Только благодаря ему я еще и существую в сем "физическом плане" — и не могу

умолчать об этом». — Иванов-Разумник. Тюрьмы и ссылки. Указ. изд. С.178.

¹¹ В 1920-е Иванов-Разумник и Ф.Сологуб были соседями в доме по Колпинской, 20 в Детском Селе. См.: Иванов-Разумник Р. Писательские судьбы. Нью-Йорк, 1951. С.13-19.

¹² Римские-Корсаковы: Андрей Николаевич Римский-Корсаков (1878-1940) — музыковед и библиограф, сын композитора Н.А.Римского-Корсакова; с Ивановым-Разумником его связывала многолетняя дружба; Юлия Лазаревна Вейсберг (1879-1942) — жена А.Н.Римского-Корсакова. Ср.:

Спасибо за помощь, за письма, за поздравление, за посылку (получил ее вчера) — все это очень меня тронуло (без фраз) и еще раз заставило провести грань между «друзьями-приятелями до черного до дня» и истинными друзьями, которые познаются в беде. А тут и беды-то еще никакой не случилось, а друзья тепло откликаются. Знаете, как в сказке: Это горе — что за горе! Горе будет впереди! Так вот, я уверен, что если бы оно и пришло, то многие друзья и тогда не оставят памятью и подмогой.

РИИИ. Ф.8. Р.VII. Ед.хр.216/2. Л.54.

¹³ См.: Локс К. Памяти Андрея Белого // Литературная газета. 1934. №2. 11 января.

¹⁴ Начало французской поговорки: «Самая красивая девушка на свете дает только то, что она имеет».

¹⁵ Книга А.Белого «Начало века» вышла в свет в ноябре 1933 с предисловием Л.Б.Каменева (в те годы — директора издательства «Academia»), которое вызвало гнев автора и ускорило его кончину.

¹⁶ Александр Александрович Кроленко (1889-1970) — главный редактор издательства «Academia»; поддерживал отношения с Ивановым-Разумником до лета 1941. См.: Иванов-Разумник Р. Писательские судьбы. Указ. изд. С.4-6.

¹⁷ Николай Николаевич Оттенберг (1878-1956) — брат В.Н.Ивановой.

¹⁸ Елена Николаевна Оттенберг (1906-1965) — дочь Н.Н.Оттенберга.

¹⁹ Речь идет об Ирине Разумниковне Ивановой (1908-1996) — дочери Р.В.Иванова и В.Н.Ивановой, которая родилась 27 января.

²⁰ Речь идет об Арсении Августовиче Крогиусе. Ср.: «Арсений умер в концентрационном лагере в 1938 году». — Иванов-Разумник. Тюрьмы и ссылки. Указ. изд. С.183.

²¹ *Ник* — домашнее имя Иванова-Разумника.

4 февраля 1934
Саратов

Дорогая и любимая моя Варя, все поджидаю твоего письма, так как полученные мною уже два — не в счет: первое было только извещением о благополучном прибытии, а второе (от 25 янв[аря]) — лишь немного более подробным подобием первого. Впрочем, во втором письме была и юмористическая вставка — о том, как Вячшишу¹ вернули 250 р[ублей], и грустный рассказ о болезни и смерти Б.Н. Я уже писал тебе — в последней открытке, что об этом я получил ряд писем, в том числе открытку от Кл. Ник. и большое письмо от Михалмихалыча; прислала свой рассказ об этом и Н.И.², — Кл. Ник не обиделась на то, что я вполне откровенно сообщил ей, как грустно мне было, что Б.Н. и она были за последний год в числе тех друзей, которые оказались «в нетях»; что Б.Н., присылая свои «Маски»³ летом Вячшишу (нашел кому!), не прислал их тебе для меня. Она пишет: «Так тронуло и взволновало Ваше письмо. Простите, что отвечаю открыткой. На письмо еще сил нет. Но напишу непременно. Теперь хочу только спросить: как лучше переправить Вам книги? Было бы жаль, если бы они пропали. Буду ждать Ваших указаний. Едва ли сумею и в письме написать Вам как следует. Скажу еще только, что Б.Н. постоянно следил за Вами, помнил. В Коктебеле он не пропускал ни одного вновь приехавшего, чтобы о Вас не спросить. — И еще скажу: он отошел совершенно тихо, точно заснул. Ни агонии, ни мук. Легкий выдох — и все... Простите уж, что так бессвязно пишу. Хочу поскорее ответить. А сознание жизни сейчас такое странное. Милый, простите. Будем помнить и любить его вместе. Я знаю, что Вы его очень любили, как и он Вас любил и ценил всегда. Ваша К.Б.». — Ну вот, почти всю открытку переписал. А письмо Михалмихалыча (большое и яркое) — и фактически не смог бы переписать, да и не к чему, так как все это ты от него еще подробнее слышала⁴. Что же ты ничего не пишешь о своих загорских впечатлениях? Михалмихалыч пишет о тебе подробно. — Но вот что из его письма я тебе сообщу и что меня глубоко тронуло, — фантастический его проект начать хлопоты о том, чтобы меня отдали ему на поруки вкупе с Мейерхольдом⁵ и поселили бы в Загорске! Я хохотал, но скажу правду — тронут был почти до слез, сравнивал этот его, пусть фантастический, проект с поведением таких «старых друзей», как Петров-Водкин⁶ и всех подобных (увы! вплоть до Б.Н., не тем будь помянут), спрятавшихся в кусты. — Конечно, я ему ответил, что никаких хлопот не надо, но что самое

предложение очень и очень ценю. — Познакомилась ли ты с Машкой? Он пишет: «Машку вчера весь день смазывал: рычит, чудит, глядит. На днях сам возил Ефр. Павл.⁸ в Переяславль. Дивны дела твои!» Пишет о ста рублях⁹. Не это ли в своем письме ты называешь «гонораром»?

Круто сворачиваю на дела финансовые, раз пришлось к слову. Они у меня теперь в таком положении: месячный бюджет доведен до 100 р[ублей] — меньше нельзя! Из них комната — 20 р[ублей], хлеб — 45 р[ублей] (половина расходов, а считая 5 р[ублей] Володе — и ровно половина), обед — 15 р[ублей] (получаю ровно половину «противогаза» — всю твою металлическую мисочку до краев, с двумя-тремя кусочками мяса; густо и вкусно; сразу съесть невозможно); стирка — 5 р[ублей]; марки — 5 р[ублей]; керосин — 5 р[ублей]. Вот тебе и ровно сто. Если прибавить рублей 10-15 на мелочи — табак, спички, газеты и т.п., то и за глаза довольно. Теперь так: у О.А. было моих денег 32 р[убля], у меня в кошельке — 10 р[ублей], да получил я 150 р[ублей], итого актив — 192 р[убля]. Из них: долг — 40 р[ублей] (а не 50, как ты пишешь); за обеды с 1 по 22 янв[аря] — 48 р[ублей]; стирка — 5 р[ублей] (получил все; Колин отец взял мешок для передачи тебе; что делать с остальным? там и 2 наволочки от маленькой подушки); керосин — 6 р[ублей]; марки и конверты — 6 р[ублей]; пенснэ — 6 р[ублей]; табак — 7 р[ублей]; Володе — 5 р[ублей]; хлеб с 17 по 31 янв[аря] — 12 р[ублей]; спички — 2 р[убля]; разошлось по мелочам (газеты, клей и т.п.) — 5 р. Итого пассив 142 р[убля]. На 1-ое февраля сальдо в мою пользу — 50 р[ублей] (так, кажется, говорят в бухгалтерии?). Пишу так подробно для того, чтобы вы имели понятие о типе моих расходов и не присылали бы мне денег свыше нормы. На оставшиеся 50 р[ублей] я проживу долго, а «большие» расходы предстоят не скоро (20-го февр[аля] — 20 р[ублей] за комнату по 20 марта, а 23 февр[аля] — 15 р[ублей] за обед за истекший месяц с 23 января). Если будут какие-либо экстренные расходы (доктора и т.п.) — напишу; во всяком случае всегда могу для экстренных расходов и экстренно взять займы.

Кончаю эту скучную материю, чтобы больше к ней не возвращаться; ты сама знаешь теперь, что больших денег здесь некуда и девать. В театры я не хожу, вина не пью, книг не покупаю — куда же мне деньги? Заодно уж и о ваших посылках: имейте в виду, что из старых запасов у меня еще имеется: полная большая коробка масла (маленькую — съел и выпарил), нетронутая грудинка, чуть початое римско-корсаковское малороссийское сало; нетронутое кофе; нетронутое какао; вся крупа в нетронutom состоянии; коробка шпротов; шоколадная плитка (на Пасху подарю ее

Натусе); сахар употребляю понемногу, но у меня его еще на весь месяц; мед почти в прежнем состоянии. Куда же мне девать ваши новые «посылки», которыми ты угрожаешь? Да к тому же морозы кончились, и продукты начнут портиться. Пожалуйста, имей все это в виду.

Письмо кончаю, — хотя осталось еще и много места, — так как хочу успеть сдать его на почту сегодня же, а теперь уже третий час. — Быт мой ни в чем не изменился, за исключением того, что теперь бываю у О.А. не ежедневно, как это бывало по случаю обеда, а раза два в неделю, в условленные дни; встречаю у нее Току¹⁰, которую как-то странно называть теперь Токой с ее седыми волосами. Да ведь и сами мы не помолодели за эти тридцать лет. — Новых знакомств не завожу и заводить не собираюсь. Хожу только к тетке¹¹, и — скучная новость — уже не два раза в месяц, а раз в пятidineвку. Погода чудесная — солнце и легкий морозец. Шуба висит на стене и мозолит мне глаза.

Жду писем и новостей. Иночку¹² крепко целую; спасибо ей за подарок — возвращение денег Вяжишу. Впрочем, не церемоньтесь взять и снова, если понадобится. Целую тебя, любимая моя, крепко и горячо.

Любящий тебя Н.

Любимая моя Варя, — заклеил конверт и собрался было идти на почту, как «письмоносица» принесла мне два заказных: открытку от К.Н. и твое письмо от 30/31 января. Пришлось портить конверт, отклеивая, чтобы написать еще несколько слов. — Начну с К.Н.: она пишет, что не стала ждать моего ответа и выслала мне книги ценной посылкой. Готовый для Академи'и том стихов Б.Н.¹³. — Значит, книг Б.Н. мне не доставай. — На твое письмо отвечаю вкратце по пунктам: 1) вещи¹⁴ получила — хорошо! Все? И кольцо? Оставь его себе. — Очки закажу у лучшего окулиста; если таковых здесь не окажется — пришлю «рецепт»; 2) про обеды у бабушки — писал дважды, 28/1 и сегодня, так что ты теперь знаешь разгадку; 3) Горнфельд¹⁵ прислал мне не книги, а книгу, свою («Как работали Гете, Шиллер, Гейне»); что же он сказал о возможности моих работ? Письма от него я еще не получал. Обывательщинка в нем есть. Из Блока¹⁶ у него есть т.т. I-IV; если будет случай — пошли ему V-VII-ой; 4) в Гихл писать не буду (бедняга Буш¹⁷! стоило ли так лакействовать, чтоб кончить ударом!); подожду, что ты напишешь мне, переговорив с А.А.; 5) о В.Н.¹⁸ «прочел с удовольствием»; при случае пришли мне книгу со статьей Горького¹⁹; 6) ты собираешься писать мне «раз в пятidineвку» — куда как хорошо! Я доволен был бы и разом в неделю!; 7) в прошлом письме я поздравил тебя с тридцать одной и одной

годовщиной²⁰, любимая моя; еще раз поздравляю, спасибо тебе за все и прости за все вины. Взаимное прощение и взаимная любовь — все, что остается, и этого совсем не мало.

Кончаю. Вспомнил еще: записку о корректурах Блока при случае перешли, она может понадобиться для работы по Блоку, но особой надобности в ней нет, можно и не посылать.

Ну вот, ответил на все, а на почту опоздал. Поэтому после обеда пойду в почтамт, где письма принимают до позднего вечера; погода хорошая и прогулка полезная.

Целую крепко тебя, любимая Варя, и Иночку; как вы отпраздновали 27-ое января?

Твой Н.

P.S. Получил книгу от Горнфельда и поблагодарил его отрывком.

¹ Вячеслав Яковлевич Шишков (1873-1945) — писатель, сосед Иванова-Разумника по Детскому Селу. См.: Завалишина Н. Детскосельские встречи: Главы из воспоминаний // Звезда. 1976. №3. С.172-183. В письмах Р.В.Иванова к В.Н.Ивановой есть еще несколько упоминаний о Ш. В письме от 22 апреля 1934: «Надо ли заходить к Вячишишу за "Угрюм-рекой"? Конечно, нет; я только забавлялся, представляя его физиономию, когда ты спросишь его об этой книге для меня. При случае, когда ты встретишь, — отчего не спросить? Забавно. А специально заходить — ну его и с его романом». Спустя шесть лет, во время работы Иванова-Разумника над архивом М.М.Пришвина, ригоризм его оценок несколько смягчается: «А вот если вы не были у Шишковых, то зайдите; не стоит разрывать знакомства с хорошими "в общем и целом" людьми. Вспомнил об этом под впечатлением писем Вячишиша к ММ, в которых самое горячее отношение к нам. Правда, это было до научной командировки, — но ведь тогда и ММ оказался в сетях. По нынешним временам судить за это строго людей не приходится» (Письмо от 14 февраля 1940) — ИРЛИ. Ф.79. Оп.1. Ед.хр.200. Л.23об., 69об. Упоминаемая в последнем письме «научная командировка» — пребывание Иванова-Разумника с сентября 1937 по июнь 1939 в общих камерах Бутырской тюрьмы.

² Нина Ивановна Гаген-Торн (1900-1986) — этнограф, в начале 1920-х слушательница Вольфилов. См.: Гаген-Торн Н.И. Борис Николаевич Бугаев (Андрей Белый) // Андрей Белый: Проблемы творчества. М., 1988. С.546-556. В архиве Иванова-Разумника сохранилось письмо Н.И.Гаген-Торн от 21 янв. 1934, отправленное из Ленинграда:

Дорогой Разумник Васильевич! Давно хотела написать Вам, но потеряла и только сейчас нашла Ваш адрес, данный мне Р.Я. при отъезде. Хотелось написать, чтобы рассказать Вам о Борисе Николаевиче в тот последний заезд к нему, когда я еще видела его живым, и о Клавдии Николаевне, которую видела, приехав на

похороны. О смерти Вы знаете из газет и, по-видимому, пожалуй, только из газет, милый Разумник Васильевич, т.к. Спасские и Кл. Ник. Вашего адреса не знают, а Р.Я. еще не вернулась. Заболел Борис Николаевич еще в Коктебеле, летом — было кровоизлияние в мозг, на почве склероза, но как-то никто этого не сумел определить и приписал солнечному удару. Всю осень были мучительные головные боли, а лечили от невроза. Очень сильно повлияло на него предисловие Каменева ко II т[ому] воспоминаний («Начало века»). Б.Н. был взбешен и выведен из себя. Случилось вторичное кровоизлияние 3/ХII. 8-го декабря его отправили в больницу [1 сл. нрзб.], а 8-го января — он умер. Все время — мучительные головные боли. И у меня впечатление — он, быть может, не до конца сознательно, но чувствовал — близость завершения итогов. Это было страшно ясно в последней прогулке с ним. Шли в Новодевичий монастырь, рассказывал он о могиле Соловьева, о воспоминаниях, связанных с Новодевичьем. Был очень грустный. Начались головные боли опять. Но работал много — всю осень. Закончил III т[ом] воспоминаний и 2 главы IV т[ома]. Серг. Дмит. отдал III т[ом] в издат[ельство] Писателей. Если у Вас нет «Начало века», дорогой Разумник Васильевич, я Вам пришлю на время свой экземпляр и постараюсь достать для Вас. Хорошо? Буду очень рада письму от Вас и известиям, как Вы живете. Часто вспоминаю Вас и Дм. Мих. Борис Ник. в последнее свидание с ним много говорил о Вас. Кл. Ник. — молодец. Привет сердечный.

ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 1. Ед. хр. 250. Л. 1-10б.

Упоминаемые в письме: 1) Р.Я. — Роза Яковлевна Пинес (урожд. Мительман), жена Д.М.Пинеса; см. прим. 15 к письму 4; 2) Серг. Дм. — Сергей Дмитриевич Мстиславский (наст. имя — С.Д.Масловский; 1886-1943) — публицист, один из редакторов альманаха «Скифы», в 1920-1930 занимался литературно-издательской деятельностью.

³ Роман А.Белого «Маски» (М.; Л.: ГИХЛ) вышел в свет в середине января 1933.

⁴ После поездки к мужу в Саратов В.Н.Иванова посетила М.М.Пришвина, жившего тогда в Загорске.

⁵ В 1918-1919 В.Э.Мейерхольд возглавлял Театральный отдел Наркомпроса, в котором работал Иванов-Разумник и где зародилась Петроградская Вольная Философская Ассоциация (Вольфила).

⁶ Кузьма Сергеевич *Петров-Водкин* (1878-1939) — художник, писатель; иллюстрировал альманах «Скифы», принимал участие в организации и работе Вольной Философской Ассоциации; сосед Иванова-Разумника по Детскому Селу.

⁷ Прозвище автомобиля М.М.Пришвина.

⁸ *Ефросинья Павловна Пришвина* (1883-1953) — первая жена М.М.Пришвина.

⁹ Ср.: «Получил [от М.М.Пришвина. — В.Б.] 200 р[ублей] и следующее письменное сообщение на переводе: "Этот уголок перевода есть единственная для меня возможность написать: все пропадает. С работой плохо: Лева все еще не добился ничего. Год по 200 р[ублей] гарантирую. С поручками отговаривают: что это Вам будет в отношении меня стеснительно"» — Из письма Иванова-Разумника В.Н.Ивановой от 22 апреля 1934 (ИРЛИ. Ф.79. Оп.1. Ед.хр.200. Л.23об.).

¹⁰ Вероятно, общая знакомая Иванова-Разумника и О.А.Крогиус по Петербургу.

¹¹ Ср.: «"Теткой" прозвали мы в небольшом писательском кругу — ГПУ, а поводом к этому послужили две строчки из поэмы "Комсомолия" замечательного поэта земли русской Безыменского: Комсомол — он мой папаша, ВКП — моя мамаша... Этот запоминающийся дистих, без ведома автора очаровательно пародирующий пародию Глеба Успенского ("который был моим папашей, который был моим мамашей"...), как-то, к случаю, позволил мне сказать, что хотя не у каждого из нас есть трехбуквенная мамаша, но зато у каждого имеется трехбуквенная тетка ГПУ; еще Фамусов о ней знал, грозя сослать дочь — "в деревню, к тетке, в глушь, в Саратов!"» — Иванов-Разумник. Тюремь и ссылки. Указ. изд. №2. С.156.

¹² Ирину Разумниковну Иванову.

¹³ Книга не вышла в свет. Собрание стихотворений, над которым А.Белый работал в начале 1930-х, сохранилось в ОР РНБ.

¹⁴ Речь идет о вещах (в том числе об обручальном кольце), изъятых у Иванова-Разумника при аресте 2 февраля 1933.

¹⁵ Аркадий Георгиевич *Горнфельд* (1867-1941) — литературовед, критик. Упоминается книга «Как работали Гете, Шиллер и Гейне» (М., 1933). Письма Иванова-Разумника А.Г.Горнфельду сохранились в РГАЛИ и РНБ. Откликаясь на кончину А.Белого, Иванов-Разумник писал 18 апреля 1934 А.Г.Горнфельду:

Смерть Андрея Белого ошеломила меня своей (для меня) неожиданностью; я больно переживал ее и до сих пор еще не «освоился» с нею. Я знаю, что он не был героем Вашего романа, но воздавать должное можно и идейному врагу. Думаю, что Вы прочли уже «Начало века», второй том воспоминаний; третий печатается теперь в Издательстве Писателей («Между двух революций»), в Апреле должна выйти посмертная книга его «Мастерство Гоголя», которую он три года тому назад писал у нас в [детском] Селе и читал нам главу за главою. Когда прочтете эту замечательную книгу — напишите мне о ней. Если прибавить ко всему этому «Маски», вышедшие год тому назад, и начатый IV-ый том

воспоминаний, то больно подумать, в каком расцвете писательских сил ушел он от нас и что он еще мог бы нам дать. Тесная двадцатилетняя дружба не мешала и не мешает мне быть объективным, видеть провалы и слабости (не те и не там, где видит их статья в сборнике «Год шестнадцатый», которую Вы, вероятно, читали), но слабость эта — не художественная и не идейная, а слабость приспособленчества, которая, конечно, отразилась и на идеях и на искусстве.

Он был «никаким» критиком: мог же он (в разговорах со мной) ставить длинную поэму Санникова выше «Возмездия» Блока, мог же он в последний год жизни написать статью о Гладкове (которую я не читал, но довольно и заглавия), мог же он пройти мимо Пришвина и т.д. В двух первых случаях — слабость приспособленчества причиной; она же отразилась и в ряде мест «Начала века» (особенно — предисловие), и в «Гоголе» (как Вы увидите), и даже в «Масках» (главы о Львове). Возмездие за все это он получил в глубоко потрясшем и взбесившем его редакционном предисловии к «Началу века». Но все это — тлен и прах, слабость великого писателя, не это будет его бессмертием. В сказке Андерсена говорится, что «позолота — сотрется, свиная кожа останется», — и это верно, если дело идет о мишурной позолоте. Но если это золото, то останется оно, а истлеет свиная кожа. Сие и буди.

РГАЛИ. Ф.155. Оп.1. Ед.хр.321. Л.25-25об.

Упоминаемые в тексте письма: 1) статья в сборнике «Год шестнадцатый» — см.: прим. 19 к письму 2 наст. публ.; 2) отзыв о поэме Г.Санникова «В гостях у египтян» см.: Новый мир. 1932. №11. С.229-248; 3) статья о Гладкове см.: Белый А. Энергия // Новый мир. 1933. №4. С.273-291; 4) о «Мастерстве Гоголя» — см.: прим. 33 и 35 к письму 4 наст. публ.

¹⁶ В 1931-1933 Иванов-Разумник готовил к печати двенадцатитомное собрание сочинений А.А.Блока. См.: Иванов-Разумник Р. Писательские судьбы. Указ. изд. С.8; а также Лавров А.В. О Блоке и Пушкине (Царском Селе): Письмо Иванова-Разумника к В.Д.Бояч-Бруевичу // Новое литературное обозрение. 1993. №4. С.143-150.

¹⁷ Владимир Владимирович Буш (1888-1934) — литературовед, специалист по Салтыкову-Щедрину, проф. Саратовского университета (1924-1931), затем ученый секретарь ИРЛИ. Ср.:

Случайно прочел в подвернувшейся «Ленинградской правде» о смерти Буша — и жалко стало его. Стоило ли так извиваться, лакействовать, угождать! И проживи он еще пятьдесят лет — ничто не изменилось бы в сути дела: игра не стоит свеч. Припомнил и других подобных, вроде Данько. Сколько их! Куда их гонит! Жизнь, хотя бы и столетняя, так коротка, что прожить ее недостойно (а это значит — не в гармонии со своим внутрен-

ним «я»), лишь бы вкусно есть и пить а la супруг Туси, или карьеры ради (и какой мизерной!) а la Буш — и глупо, и обидно.

Из письма Иванова-Разумника В.Н.Ивановой от 18-20 мая 1934. — ИРЛИ. Ф.79. Оп.1. Ед.хр.200. Л.31об.

Упоминаемые в письме: Елена Яковлевна Данько (1898-1942) — поэтесса, секретарь правления Ленинградского отделения Всероссийского Союза писателей; Туся — Наталья Васильевна Крандиевская-Толстая (1888-1963) — третья жена А.Н.Толстого. Письмо Иванова-Разумника В.В.Бушу, связанное с комментированием собрания сочинений М.Е.Салтыкова-Щедрина, хранится в ОР РНБ (Ф.117. Ед.хр.135).

¹⁸ Вероятно, Вера Николаевна Фигнер (1852-1942) — народоволка, принимавшая активное участие в ходатайствах по политическим процессам 1920-1930-х, в частности, по делу Иванова-Разумника. См.: Незапечатанный труд: Из архива В.Н.Фигнер / Публ. Я.В.Леонтьева и К.С.Юрьева // Звенья: Исторический альманах. Вып.2. М., 1992. С.424-488.

¹⁹ Горький М. О прозе // Год шестнадцатый: Альманах первый. М., 1933. С.316-332.

²⁰ Речь идет о тридцатилетней годовщине со дня свадьбы Р.В.Иванова и В.Н.Ивановой-Оттенберг, а также об аресте Иванова-Разумника, происшедшем в «юбилейную» ночь 1933. Ср.: «Вот мы уже и "десятилетний юбилей" совместной жизни справили, а я все по-прежнему думаю о тебе, как о своей единственной на всю жизнь "Прекрасной Даме", которую мне посчастливилось встретить на своем пути» (Из письма Иванова-Разумника В.Н.Ивановой от 4 июля 1913) — ИРЛИ.Ф.79. Оп.1. Ед.хр.198. Л.131.

3

11 марта 1934
Саратов

Любимая моя Варя, не успел я третьего дня отправить тебе заказное письмо («замоткрытку»), как, вернувшись домой, получил ваши 100 р[ублей], высланные по телеграфу 8/III. Я писал, чтоб вы мне не высылали денег до Апреля, так как только что получил (5/III) 100 р[ублей] от Михалмихалыча, — но эта моя просьба еще не дошла до вас. Ну, ладно; имейте только в виду, что теперь денег мне хватит надолго, несмотря на все экстренные медицинские расходы, которые были за последнее время и еще предстоят. Так как все равно, с чего начинать письма, то начну уж, к слову, рассказом о расходах и докторах. — Получив от вас 21 и 22/II сразу 200 р[ублей], я в несколько дней растратил три четверти их, уплатив 20 р[ублей] долгу, 20 р[ублей] за комнату (до 20/III), 23 р[убля] за обед (по 22/II), 20 р[ублей] за две доверенности (тебе и Алпатову), 10 р[ублей] окулисту, 10 р[ублей] за очки и лекар-

ства (для уха), 15 р[ублей] ушной врачихе за 4 визита, 10 р[ублей] на табак (на месяц), 10 р[ублей] за две стирки (январскую и февральскую), 5 р[ублей] на конверты и марки, 3 р[убля] за два ценных письма, 5 р[ублей] Володе за февраль. Вот и вышло 150 р[ублей], которые (с 22/II) были израсходованы в несколько дней. Но оставшихся 50-ти вполне хватило бы до 20/III на единственный ежедневный расход — хлеб. Так что теперь с новыми 200 р[ублями] и без экстренных расходов я обеспечен на очень долгое время, хотя медицинские расходы еще не кончены. Теперь — о медиках. Об ушной врачихе я тебе писал, что очень доволен ею; буду у нее еще завтра, через неделю после последнего визита: она хотела еще раз осмотреть ухо и дать лекарство для постоянного пользования (что мне и Коля¹ в письме советовал). — Если получу от вас очки и лекарство для глаз, то еще раз зайду и к окулисту. — Наконец, для завершения коллекции, вчера был я у того хирурга (5 р[ублей]), у дверей которого мы как-то звонились в январе. Злокачественного в моем годовом флюсе он пока ничего не нашел, но предложил немедленно побывать у зубного врача и вырвать тот зуб, который виновен в этой опухоли. Сегодня и завтра узнаю адрес хорошего зубного врача и побываю у него. Как видишь — круг завершен; я уже писал тебе, что для полной коллекции не хватает только врача по женским болезням; но зато коллекцию завершают гомеопатические лекарства! За эти два месяца я начал и закончил три «антисклерозные» коробочки: 1) Arsenic. Jod; 2) Jodium и 3) Adrenalin. При случае спроси — надо ли повторить «курс лечения», и если надо, то при случае пришли мне эти три коробочки. Рецепт прилагаю; нужное — обведено красным карандашом. Уехавший отсюда Ю.И. оказался тоже сторонником гомеопатии (придворный его врач — та же Сидорова) и, как естественник, считает, что при нынешних открытиях о действии «бесконечно малых» гомеопатия стоит «на вершинах человеческого знания».

Ко всему этому лечению отношусь я довольно юмористически, — но от безделья и то рукоделье. Впрочем — ухо надо было полечить, глаза — тоже, флюс — тоже; ничего не поделаешь. А по поводу очков — так скажу даже, что с ними я «точно на свет родился», — т.е. не родился с очками на носу, но чувствую теперь «свет» совершенно по-новому; очень приятное ощущение.

Дав вам отчет по делам финансовым и медицинским, не буду давать столь же скучного отчета по делам почтовым, тем более, что подробно писал об этом третьего дня и что с тех пор перемен не произошло: заказных от 20 и 25 февр[аля] я так и не получил. Последнее твое письмо было от 3/III (полученное 6-го!). Посылки обе получил, о чем уже сообщал; еще раз спасибо. Ну, по

ненасытности своей, жду и еще посылки — с тюфячком и со шляпой. Или тюфяк этот так велик, что не умещается в посылку? А я послал вам заказной бандеролью «Начало века»; получили ли? Карандашные отметки — исключительно «полемиические» на тему полученного мною «Тихони» из «Котика Летаева»². Я думаю, что Б.Н. в значительной мере сам виноват в предисловии; как оно ни плоско, но вызвано позицией «тихони». Tu l'as voulu, Georges Dandin!³ Об этом, как помнишь, много было копий поломано с Б.Н. за чайным столом⁴. Это же относится и к критической статье, но уже не по адресу Б.Н., а по адресу Кузи⁵. Статья грубая и тоже плоская, но что греха таить! на три четверти Кузя получил по заслугам. А ведь как приходилось убеждать его, что вся его «беллетристика» — провал, а все ценное — как раз не в «беллетристических» главах! Этого ценного критику понять не дано, не в коня корм, так же как и стиль Б.Н.⁶ Когда-нибудь вышлю вам в посылке все эти «отчитанные» мною книги, чтобы не залеживались, вместе с накопившимися у меня мешками от посылок. — За бумагу спасибо; почтовой бумаги и тетрадей больше не высылайте, а писчую бумагу, если понадобится, еще попрошу. Последнее в значительной мере зависит от результатов переговоров Алпатова. — Об этих переговорах я уже писал тебе; недавно получил новое письмо от него — все еще без каких-либо «конкретностей». Вопрос о редактировании Гл. Успенского⁷ пока отложен, впредь до результатов переписки «Academi'i» с Академией по поводу рукописей Успенского. Заведующий собирается предложить мне редактировать Щербину⁸, но я уже ответил Алпатову, что это невыполнимо — в виду того, что необходима для этого кропотливая работа (я вел ее в 1928, кажется, году) в Публичной Библиотеке и Пушкинском Доме. Так что по-прежнему — сижу у Волги и жду погоды. От «двух Г» (Груздева⁹ и Горнфельда) писем нет.

Письма мои своей «фактичностью» напоминают мне преysкранты или расписания поездов; но что подделаешь, с одной стороны — пропая заказных, с другой — бессмертное шпекинство¹⁰ (возможно, что и связанные друг с другом), поневоле приходится ограничиваться повторением прописей — рассказом о посланных и неполученных письмах. Кстати, не помнишь ли содержания своих писем от 20 и 25 февр[аля]? Если да, то повтори в двух словах. Получил недели полторы-две тому назад письмо от Р.Я.; пусть напишет мне, когда вернется из Москвы. От Р.К. писем не получал (последнее было от 25/XII, на которое я еще при тебе ответил). Как-то в самом конце января (или начале февраля) написал благодарственное письмо Л.И., но послал не заказным; интересно, было ли получено. Конечно, не жду ответа от Кузи на письмо с ока-

зией; почему-то видел во сне Кузю, хотя совсем о нем не думал, 2-го марта, да так ясно, точно он действительно сидел в моей комнате.

2-ое марта здесь я написал не случайно, так как через три дня это число по старому стилю много для нас с тобой значит. Не знаю, поздравлять ли нам взаимно друг друга с двойным нашим юбилеем — рождения сына¹¹ и выхода в свет в тот же день первой моей статьи в мартовской книге «Русской мысли»¹². 30-летний юбилей! Вспоминая и оценивая прошлое — одно скажу: всю свою тридцатилетнюю литературную деятельность и десятки написанных и проредактированных томов я, не колеблясь ни минуты, отдал бы за счастливый жизненный путь Лемы. И еще: нет в мире виноватых, но в то же время каждый виновен за всех, и уж конечно — отец за сына. Все это у меня давно переболело, прошло, зарубцевалось (боюсь, что у тебя — нет), даже видеться с ним я больше не желаю, но в то же время очень хотел бы попросить у него прощения за все то, в чем я перед ним виноват. А виноват — конечно, хотя бы неумением выправить на место вывихнутый ум, поставить на рельсы сошедшего с них человека. Но время — необратимо, ничем ничему не поможешь. Да и 30 лет человеку — это не три года и не тринадцать лет, когда еще можно помогать и выпрямлять. Но за прошлое надо быть благодарным; и милый мальчик Лева 1904-1914 года до сих пор живет в моей памяти; с его-то рождением я тебя и поздравляю, любимая, за что и прошу его простить меня. Надеюсь, впрочем, что он где-нибудь далеко и что вы избавлены от тяжелых посещений. Если это не так — напиши все же.

Грустные эти «тридцатилетние юбилеи», к счастью, никого, кроме нас, не касаются. А помнишь веселое празднование Вольфилой моего двадцатилетнего «юбилея»¹³? Иных уж нет, а те далекие! Тоже грустно.

Чтобы не кончать грустным — кончу веселым: с месяц тому назад, на масленицу, я писал, что в этом году масленица у меня была безблинная. Ан нет! в последний день, 18-го февр[аля] я был приглашен бабушкой на заправские блины. В последней вашей посылке том Гауфа приберегу до Пасхи, когда и передам от твоего имени внучке. И еще веселое: 14-го приглашен Токой на ее именины; за мной зайдет О.А., чтобы ехать вместе. Собираюсь из большого количества оставшегося у меня масла отрезать половину (выйдет не меньше фунта), чтобы отвезти ей в подарок, так как она (и это уже не веселое) ведет жизнь полуголодную. Нанимается домовничать и шить в разные дома, получая за это обед и 20 р[ублей] в месяц. К ней приехал 25-ти летний сын, детина

здоровенный и бурбонистый. Да, мало веселого на свете: начнешь за здравие, кончишь за упокой.

Но вот уже решительное «за здравие»: поцелуй от меня милую дочку и скажи ей, какая мне радость знать, что она весь этот год была с тобой вместе (тоже, кажется, юбилей — годовой?). Спасибо ей за все, что она дала нам за всю свою жизнь, в самые трудные наши годы и дни. А что она, свинуха, никогда мне не напишет — с этим я примирился, так как и свои письма чаще всего пишу вам обеим, и твои письма, любимая Варя, часто являются как бы письмами от обеих.

Интересно — какие заказные пропадут в Марте и сколько их будет? Вот напишешь такую простынь для чтения какого-нибудь Шпекина! Поневоле ограничишься заказными открытками — самый верный и безобидный род писем!

Метеорологический бюллетень: 1 марта была метель, намела сугробы; вчера и сегодня — непрерывный снегопад, но без ветра и без холода. Последние усилия зимы. Неделю тому назад, в солнечный день, пролетела на север стая скворцов (и я это увидел — вот очки-то!); придется им вернуться назад.

До моего сведения дошло, что до вашего сведения дошло, будто я с О.А. был в театре. Сие не соответствует действительности: она, действительно, принесла мне билет; но я как раз в те дни был «расклеен» и в театр не пошел.

Хватит, — эк сколько понаписал! Целую и обнимаю крепко, любимая моя. Дочку поцелуй.

Любящий Н.

¹ Н.Н.Оттенберг.

² Ср.: «...И оттого-то я скрыл свои взгляды... до очень позднего возраста; оттого-то и в гимназии я прослыл "дурачком"; для домашних же был я "Котенком", — хорошеньким мальчиком... в платьице, становящимся на *карачки*: повилать им всем хвостиком». — Белый А. Старый Арбат. М., 1989. С.537.

³ Ты этого хотел, Жорж Данден! (*фр.*).

⁴ См.: Иванов-Разумник. Тюрьмы и ссылки / Публ. В.Белоуса // Вопросы литературы. 1991. №11/12. С.252-277.

⁵ К.С.Петров-Водкин. Речь идет о статье М.Горького «О прозе», где, в частности, говорится:

Духовный родственник «Тартарена из Тараскона», Козьма Петров-Водкин выдумывает так плохо, что верить ему — невозможно. Плохо выдумывает он потому, что при всей его непомерной хвастливости и самообожании, он человек всесторонне мало-

грамотный. О нем можно бы и не говорить, если бы книга его не являлась вместилищем словесного хлама.

Год шестнадцатый. Указ. изд. С.325

Ср. с высказыванием Иванова-Разумника из письма А.Н.Римскому-Корсакову от 17 марта 1934: «Бедный Кузя! "Человек всесторонне малограмотный, при всей его непомерной хвастливости и самообожании". Так аттестует его М.Горький в альманахе "Год шестнадцатый" (только что прочел). А Вы все-таки прочтите (если не читали) "Пространство Эвклида" — замечательная книга» — РИИИ. Ф.8. Р.VII. Ед.хр.216/2. Л.55.

⁶ О романе А.Белого «Маски» М.Горький писал:

Поиски новых форм — «муки слова» — далеко не всегда вызываются требованиями мастерства, поисками силы убедительности его, силы внушения, а чаще знаменуют стремление подчеркнуть свою индивидуальность, показать себя — во что бы то ни стало — не таким, как собратья по работе. /.../ А.Белый написал предисловие к «Маскам» для критиков и литераторов, а текст «Масок» для того, чтобы показать им, как ловко он может портить русский язык. О читателе он забыл.

Год шестнадцатый. Указ. изд. С.323

⁷ Нереализованный замысел. Полное собрание сочинений Гл.Успенского вышло только в 1952.

⁸ В 1929 в ленинградском издательстве «Прибой» под редакцией Иванова-Разумника вышла книга Н.Щербины «Альбом ипохондрика. Эпиграммы и сатиры». В 1937 стихотворения Н.Ф.Щербины увидели свет в издательстве «Советский писатель» со вступительной статьей, редакцией и примечаниями И.Айзенштока.

⁹ Илья Александрович *Груздев* (1892-1960) — литературовед, один из руководителей кооперативного «Издательства писателей в Ленинграде».

¹⁰ Намек на гоголевского персонажа, символизирующий его почтовую перлюстрацию.

¹¹ Лев Разумникович Иванов (1904-1938) — сын Р.В.Иванова и В.Н.Ивановой. По свидетельству А.З.Штейнберга, в начале 1920-х Л.Р.Иванов сошелся с уголовной средой и находился в заключении, после чего «оказался сотрудником одного из отделов Чрезвычайной комиссии». См.: Штейнберг А.З. Друзья моих ранних лет. (1911-1928). Париж, 1991. С.108-110. Последняя информация не подтверждалась И.Р.Ивановой.

¹² См.: Иванов-Разумник. Н.К.Михайловский: Центральный пункт его мировоззрения // Русская мысль. 1904. Кн.3. С.156-163.

¹³ Чествование Иванова-Разумника друзьями по Вольной Философской Ассоциации состоялось 3 марта 1924, о чем Конст. Эрбергом (К.А.Сюннербергом) была написана шуточная поэма «Вольфильский Юбилей» (ИРЛИ. Ф.474. Ед.хр.48).

1 июля 1934 г.
Саратов

Любимая Варя, первое после твоего отъезда письмо — лишь краткое сообщение: за эти дни — все без перемен, кроме той (и очень относительной), что тебя нет. На другой же день — наступило лето, небо без облачка, солнце, — и я сразу отдал хозяйке хурду-мурду, в том числе и пальто; а сегодня — опять облачка, побрызгивал микроскопический дождик, полу-прохладно: очень хорошо! Да, новость: горе случилось, сломал окончательно и без того сломанную трубку; остались две — обе большущие и неудобные. Нет ли у меня в столе еще какой-либо из старых? — Писем ни от кого не получал, телеграммы от тебя — тоже; буду ждать писем из Д[етского] Села. — Сегодня написал Кл. Ник., а копию сим прилагаю тебе; место о «Мастерстве Гоголя»¹ можешь дать Р.Я., если захочешь (и захочет). — Как нашла дочку? Ее — поцелуй, Натю² поблагодари.

Спасибо, любимая моя, что приехала и погостила так долго.
Целую тебя крепко

Всегда твой Н.

P.S. 2/VII. Только что получил письмо от Алпатова из Свердловска, где он будет до сентября работать над историей Лысьвенского завода³; там же живет Лундберг⁴, занимающийся историей Верхне-Исетского завода. — Об авансе от «Academi'и» сообщает, что аванс этот — пока без определенной работы, а лишь «впредь до», — пока не выяснится сама работа.

1 июля 1934 г.
Саратов

Милая Клавдия Николаевна, прежде всего простите, что опоздал с ответом на Ваше письмо, полученное уже с неделю тому назад. Это были предотъездные дни Варв. Ник., пробывшей здесь целый месяц и только что отбывшей домой; она просила очень Вам кланяться. Теперь, снова оставшись один, могу приняться за слегка запущенную, хотя и не слишком обширную корреспонденцию, и в первую очередь хочу ответить на Ваше письмо.

Впрочем — ответ на него потребовал бы целой тетради; приходится быть кратким, чтобы ответить на существеннейшее. В порядке Ваших вопросов — отвечаю:

1) Первая мимолетняя моя встреча с Б.Н. произошла на «башне» Вяч. Иванова⁵ — кажется, в 1910 году; был я на башне этой, затащенный Л.Шестовым⁶, всего единожды в жизни — и больше там не появлялся, до того отвратно там мне показалось. Встречу эту с Б.Н. не считаю: мы не обменялись ни единым словом и косились друг на друга. Годами двумя ранее я напечатал в «Русск[их] Вед[омостях]» что-то весьма неодобрительное о философских статьях Б.Н.⁷, а еще года за два до того — в «Весакх» было напечатано (кажется, Эллисом) что-то еще более неодобрительное о моей книге «Ист[ория] русск[ой] общ[ественной] мысли»⁸. Да и позднее (не в этом ли 1910 году?) Б.Н. печатно отозвался обо мне не то в «Арабесках», не то в «Символизме» — весьма кисло⁹. Так что первая встреча в этом году — была не встреча, а случайное прохождение через одну и ту же комнату. — Первая встреча произошла весной 1913 года¹⁰, когда Б.Н. с Асей приехали в СПб. перед отъездом за границу (ведь это было весной 1913-го, а не осенью 1912-го?) Незадолго до этого Блоку и мне (тогда — редактору изд-ва «Сирин»¹¹) с великими трудами удалось проташить «Петербург»¹² сквозь Клавдинские теснины семьи Терещенок (издателей)¹³ и старания близкого к ним Ремизова¹⁴ не допустить этот роман в сборники «Сирин». Блок и я — одолели; Б.Н. приехал заключать договор и был у меня в «Сирине» *в первый же день приезда*; разговор продолжался три-четыре часа. Эту встречу я и считаю первой; после отъезда Б.Н. началась между нами деятельная переписка — сперва чисто деловая, потом — все менее и менее деловая (когда весной 1915 года «Сирин» прекратил существование).

2) Первая встреча Б.Н. с Д.М.¹⁵ могла произойти либо в конце 1920 года (на Рождестве, если Б.Н. в это время был в Петербурге¹⁶), либо в начале 1921 года, в Вольфиле¹⁷. Более точной справки дать не могу.

3) Время (приблизительное) и место последней встречи Блока с Б.Н. — очень помню, потому что это свидание происходило при мне. Б.Н. жил на М.Морской в гостинице «Спартак». Незадолго до последней поездки Блока в Москву¹⁸ я как-то зашел к нему по вольфилским делам и мы вместе с ним отправились к Б.Н. Это было в Апреле 1921 года. Прекрасно помню весь происходивший разговор (несколько часов); помню, с каким увлечением говорил Б.Н. о десятитомной «Эпопее»¹⁹ и остроумную реплику Блока: «А что, Боря, если бы десять томов списать в один?» К фресковой живописи, требующей целых стен, Блок относился недоверчиво. — После возвращения Блока из Москвы мы с Б.Н. зашли к нему в середине июня, но уже не могли его увидеть. А еще через

два месяца — несли гроб Блока после отпевания к могиле. — Б.Н. с 7-го Августа 1921 года по начало сентября, целый месяц, вел дневник²⁰, очень подробный, день за днем отмечавший его впечатления и настроения — с того момента, когда я, вернувшись домой в Д[етское] Село с квартиры Блока, сообщил Б.Н. о смерти (Б.Н. тогда жил у нас). Этот «блоковский дневник» Б.Н. подарил мне, уезжая осенью 1921 года за границу. Дневник — ценнейший для Б.Н. и для Блока. Цел ли он — не знаю, т.е. не знаю, у меня он или нет. Отрывочную страничку из этого дневника (о «Петербурге») я напечатал в книге «Вершины» в статье о «Петербурге»²¹.

4) Ликский²² — пишется через «к», а не через «г», имя — Константин, отчества — не помню; А.С.Петровский²³ может найти это отчество в некрологах Ликского, а еще проще — справиться у Софьи Гитмановны²⁴.

5) Справки о январе—феврале 1917 года дать, к сожалению, никак не могу, т.к. тогда письмо мое обратилось бы в тетрадь²⁵. Б.Н. в январе—феврале этого года жил у нас в Д[етском] Селе; в январе прочел лекцию (в помещении Петровского Училища), которую почтила своим присутствием Вера Фигнер²⁶. В дни революции (27-28 февраля и позднее) мы с ним то встречались в городе (где он тогда бывал у Мережковских; один раз — тоже единственный раз в моей жизни — я посетил его в 12 ч[асов] ночи у Мережковских перед тем, как идти на ночь в Гос[ударственную] Думу; никогда не забуду совершенно растерянных двух Дим и одну Зину²⁷), то прорывались — с трудом — в Д[етское] Село. Точные дни и даты совершенно не припомню. — И в Октябрьскую революцию, накануне ее, Б.Н. жил у нас — и еле успел проскочить в Москву, чтобы там, на Арбате, испытать бомбардировку. Очень характерны письма, которыми мы тогда обменялись, вскоре после этих событий.

Всего пять вопросов — а ответы пишу уже час, и бумага к концу подходит. Поэтому о «Мастерстве Гоголя» — ничего не напишу, кроме такой отписки: я эту книгу читаю (параллельно с самим Гоголем) уже в третий раз с карандашом в руке. Книга изумительная, но кто же из нас не знал, что Б.Н. — гениальный человек, оживотворявший все, к чему бы ни прикоснулся? Но Вы помните: и в Д[етском] Селе, когда Б.Н. писал (и читал нам) эту свою книгу, — у нас вспыхивали «дискусии»; как часто отражение их, полемическое, нахожу в тексте²⁸! И до сих пор для меня совершенно неприемлемы две стороны этой книги: «переверзевская»²⁹ и «мережковская»³⁰. Для меня это — темные пятна. Везде, где я встречаю:

«не оттого ли», «не потому ли» (излюбленные обороты Мережковского), хочется ответить: да вовсе не оттого! Но очень часто и без этих риторических вопросов конструкция мысли остается «мережковской». Таких мест (к моему горю) — сотни; ограничиваюсь лишь одним примером. Хлестаков в трактире: насвистывает сперва бодро, из «Роберта», потом, начиная унывать, переходит на меланхолическое «Не шей ты мне, матушка», и наконец (надоело же ждать!) «ни то, ни се»³¹. Очень тонко и остроумно схвачено. А вот «мережковские» комментарии: героиня «Роберта» (откуда мы знаем, что «героинка»? а может быть, вальс?) есть переступление через узы родства: проклятый Петро (почему же, допустим, вальс из «Роберта» есть переступление через род?); потом сентиментальный романсик «Не шей ты мне, матушка» оказывается лицом Поприщина с его «Матушка, пожалей о дитятке» (до чего же это ужасно «мережковское»!); наконец «ни то, ни се» есть перерождение дворянского рода в мещанство (а это уже — «перверзевщина», под которой я понимаю давно уже огорчавшую и огорчающую меня до сих пор попытку Б.Н. натянуть на себя марксизм). Все это — глубоко неприемлемо для меня, и об этом у нас с Б.Н. — помните? — в Д[етском] Селе происходили частые споры; все такие места в книге — точно уколы иглы. Я понимаю и знаю, что Б.Н. считал, будто нельзя провести книгу через цензурно-издательские Фермопилы, не омарксичив ее, — и в этом он очень ошибался. Только что прочел замечательную книгу М.М.Пришвина «Золотой рог»³² (достаньте и прочтите) — совершенно не омарксиченную и вполне цензурную. А к чему привели попытки Б.Н. говорить о «классах», о «динамике капиталистического процесса» и т.п.³³? К предисловию в «Начале века». Так и хочется спросить в стиле этих же мест из книги Б.Н.: «что, сынку? Помогли тебе твои ляхи?».

Все это мне очень больно, и Вы простите меня, если я огорчил Вас этой последней страничкой; но думаю, что еще более огорчил бы Вас безусловным и неискренним восхищением перед посмертной книгой Б.Н.: разве Вам это нужно? Тем более, что всем остальным в книге (т.е. 3/4 ее) — я восхищаюсь, радуюсь, читая; кстати — чудесные рисунки! как жаль, что их так мало! Все они — сам Б.Н. Приходится обрывать письмо. Рад буду получить весточку от Вас, — она, кстати, докажет мне, что Вы не в обиде на мою откровенность. Всего и всего Вам доброго, сердечный привет.

Р.Иванов

¹ Книга А.Белого «Мастерство Гоголя» (М.; Л.: ГИХЛ) вышла в апреле 1934.

² Наталья Васильевна Оттенберг — первая жена Н.Н.Оттенберга.

³ В начале сентября 1931 М.Горький выступил с инициативой создания «Истории фабрик и заводов», которая должна была стать «энциклопедией нашего времени» (Известия. №244. 4 сентября.). В октябре было принято постановление ЦК ВКП(б) о создании книжной серии «История заводов». Поездки Л.Алпатова и Е.Г.Лундберга были связаны с работой по выполнению данного «государственного заказа»; книги в их исполнении не были подготовлены.

⁴ Евгений Германович *Лундберг* (1887-1965) — писатель, в 1917-1918 сотрудничал в левозсеровских изданиях вместе с Ивановым-Разумником, принимал активное участие в организации Вольной Философской Ассоциации; в начале 1920-х возглавлял берлинское левонародническое издательство «Скифы», с которым сотрудничал Иванов-Разумник. См.: Лундберг Е. Записки писателя. Берлин, 1922; Он же. Записки писателя. Кн.1-2. Л., 1932. В архиве Конст. Эрберга (К.А.Сюннерберга) сохранилось письмо к нему Е.Г.Лундберга, датированное 1934 г. (вероятно, лето—осень), где, в частности, говорилось:

Хочется Вас видеть, хочется быть в Петербурге. И еще, быть может, мотив — но только «может быть» — гонит меня внутренняя тревога. Говорят, я возвратился домой психически больным. Действительно, последние три—четыре месяца я жил бредовыми представлениями. Но суть того бреда была вовсе не больная. Теперь бреда нет, а [тревога?] осталась. Непередаваемое острое чувство призрачности всего и чувство близости гибели, вернее, не близости, а того, что она случится через секунду, ибо секунда и десять лет равны. Этим очень острым, почти никогда не ослабевающим в своей напряженности мироощущением окрашена моя нынешняя жизнь. /.../ Я хотел бы иметь на две-три недели комнату где-нибудь в чужом доме — хотя бы в Детском Селе (но только не у Разумника...)

ИРЛИ. Ф.474. Ед.хр.184

С версией о сотрудничестве Л. в ЧК (см.: Штейнберг А.З. Друзья моих ранних лет. Указ. изд. С.99-101) согласиться нельзя. В 1939 Е.Г.Лундберг был арестован по делу Иванова-Разумника, но никаких показаний в пользу обвинения не дал. После выхода Иванова-Разумника на свободу возобновил с ним переписку, поддерживая его в литературной работе (см.: ИРЛИ. Ф.79. Оп.1. Ед.хр.289-290).

⁵ О жизни А.Белого на «башне» в феврале—марте 1910 см.: Белый А. Начало века. М., 1990. С.344-361.

⁶ Лев *Шестов* (наст. имя и фам. Лев Исаакович Шварцман; 1866-1938). Иванов-Разумник посвятил его воззрениям главу в книге «О смыс-

ле жизни. Ф.Сологуб, Л.Андреев, Л.Шестов» (СПб., 1908). Их личное знакомство состоялось 1 апреля 1908 в Киеве. См. письмо Иванова-Разумника В.Н.Ивановой от 2 апреля 1908:

В 12 1/2 ч.д. попал к Шестову (это его псевдоним; настоящая его фамилия — если не ошибаюсь — Шрейбер)... Скажу только, что это высоченный мужчина, лет сорока пяти, мешковатый, обросший волосами, с виду ничего особенно не представляющий. Он меня встретил крайне любезно, оставил обедать, а после обеда, часа в три, повел меня по Киеву и показал новые, удивительные места. Расстались мы большими друзьями.

ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 1. №198. Л. 96

Эта дружба продолжалась в течение многих лет. См.: Штейнберг А. Друзья моих ранних лет. Указ. изд. С.232-238. Шестов был автором первого альманаха «Скифы» (1917); числился одним из учредителей петроградской Вольфилы, однако реального участия в ее создании и работе не принимал. С именем Шестова связан скандал вокруг берлинского издательства «Скифы» и берлинской ВФА в 1920-1921. См.: Белоус В.Г., Обатнина Е.Р. Берлинская Вольфила (1921-1922): Хроника // Вопросы философии. 1997. №7. С.141-155.

⁷ Иванов-Разумник. Русская литература в 1908 г. // Русские ведомости. 1909. №1. 1 января.

⁸ Ср.: «Заполняющая собой два обширных тома (около 500 стр. каждый) и выходящая уже 2-ым изданием эта обстоятельная, систематическая и содержащая в себе огромное количество интересных данных работа не представляет, однако, собой ничего иного, как довольно жалкую и неосуществимую по существу попытку связать в одно стройное целое идейную жизнь и творческое развитие отдельных личностей с теми или иными проявлениями их влияния в общественной среде» — Эллис. [Рец. на кн.] Иванов-Разумник. История русской общественной мысли. Изд. II. СПб., 1907 // Весы. 1907. №11. С.57.

⁹ Ср.: «История литературы у нас изобилует фундаментальными сочинениями самых противоположных направлений; и все же вопиющий субъективизм и бездоказательность преследует наших литературных критиков; читаю ли я интересного quasi-объективного (а на самом деле субъективного) Венгерова, хлесткого Иванова-Разумника, почтенного Овсяннико-Куликовского, раздерганного П.Д.Боборыкина, Говоруку-Отрока, Страхова, меня преследует одна убийственная для наших критиков мысль: все это — порождение глубокой интеллигентской беспочвенности, все это порождение нарочитого аскетизма, все это — боязнь полюбить самую плоть выражения мысли художника: слова, соединения слов!..» — Белый А. Символизм. М., 1910. С.598-599.

¹⁰ Личное знакомство Иванова-Разумника с Андреем Белым состоялось 11 мая 1913, в день приезда А.Белого и его жены — Анны Алексеевны Тургенева (1890-1966) в Петербург.

¹¹ В 1912-1915 Иванов-Разумник являлся литературным редактором петербургского издательства «Сирин». См.: Лавров А.В. Переписка [А.А.Блока] с Р.В.Ивановым-Разумником // Литературное наследство. Т.92: Александр Блок: Новые материалы и исследования. Кн.2. М., 1981. С.366-414.

¹² Речь идет о публикации романа А.Белого «Петербург» в альманахе «Сирин» (Вып.1-3. СПб., 1913-1914). См.: Иванов-Разумник. К истории текста «Петербурга» // Вершины: Александр Блок. Андрей Белый. Пг., 1923. С.89-101. Об участии А.А.Блока в публикации «Петербурга» см.: Лавров А.В. Переписка [А.А.Блока] с Р.В.Ивановым-Разумником. Указ. изд. С.388.

¹³ Михаил Иванович *Тереженко* (1886-1958) — сахарозаводчик, вместе со своими сестрами возглавлял издательство «Сирин».

¹⁴ А.М.*Ремизов* привлек Иванова-Разумника к редактированию альманахов «Сирин», в 1917 принимал участие в сборниках «Скифы» и в деятельности ВФА.

¹⁵ Дмитрий Михайлович Пинес (1891-1937) — историк литературы, библиограф, ученый секретарь Вольфилы (1922-1924). Готовил вместе с К.Н.Бугаевой и А.С.Петровским обзор «Литературное наследство Андрея Белого» в томе «Литературного наследства» (т.27-28. М., 1937), посвященном русскому символизму. Арестован и сослан по «делу Иванова-Разумника» в 1933. Впоследствии погиб в заключении. См.: De Profundis: Письма Д.М.Пинеса к А.Н.Римскому-Корсакову / Публикация М.Д.Эльзона // Историко-библиографические исследования: Сб. научных трудов. Вып.4. СПб., 1994. С.129-157.

¹⁶ В конце 1920 А.Белый находился в Москве. См.: Андрей Белый: Хронологическая канва жизни и творчества / Сост. А.В.Лавров // Андрей Белый: Проблемы творчества. М., 1988. С.773-805.

¹⁷ А.Белый приехал в Петроград 31 марта 1921 и выступал в Вольной Философской Ассоциации с лекциями о символизме с мая по июнь. См.: Белоус В.Г. Андрей Белый — представитель Вольной Философской Ассоциации (Вольфилы) // Вопросы философии. 1996. №10. С.113-122; Он же. Петроградская Вольная Философская Ассоциация (1919-1924) — антитоталитарный эксперимент в коммунистической стране. М., 1997.

¹⁸ Со 2 по 10 мая 1921 Блок находился в Москве, где выступал с чтением стихов. См.: Письма Блока к Н.А.Нолле-Коган и воспоминания Н.А.Нолле-Коган о Блоке (1913-1921) / Публ. Л.К.Кувановой // Литературное наследство. Т.92. Кн.2. С.353-365.

¹⁹ А.Белый в конце 1910-х — начале 1920-х намеревался написать многотомную «Эпопею», результатом чего стали «Записки чудака», опубликованные в «Записках мечтателей» (Пб., 1919-1921. №1, 2/3).

²⁰ См.: ИРЛИ. Ф.79. Оп.3. Ед.хр.41-42. Опубликовано С.С.Гречишковым и А.В.Лавровым с сокращениями. См.: Белый А. Дневниковые записи // Литературное наследство. Т.92. Кн.3. М., 1982. С.788-830.

²¹ См.: Иванов-Разумник. Вершины: Александр Блок. Андрей Белый. Пг., 1923. С.109-110.

²² Константин Андреевич *Лигский* (1882-1931) — эсер, антропософ, участвовал в строительстве Гетенаума в Дорнахе, после Октябрьской революции — член ВКП(б), работал в Комиссариате иностранных дел. (Правописание фамилии Лигского через «к» не подтверждается современными исследователями.) См.: Андрей Белый и антропософия / Публикация Дж.Малмстада // Минувшее: Исторический альманах. Вып.6. М., 1992. С.399-400; 444.

²³ Алексей Сергеевич *Петровский* (1881-1958) — сотрудник библиотеки Румянцевского музея, ближайший друг А.Белого.

²⁴ *Софья Гитмановна* Каплун (1901-1962) — заведующая кружками Вольфилы, впоследствии жена литератора С.Д.Спасского. Принимала вместе с мужем близкое участие в делах А.Белого. См.: Письма Андрея Белого к С.Д. и С.Г.Спасским / Публ. Н.Алексеевой // Ново-Басманная, 19. М., 1990. С.642-662.

²⁵ Иванов-Разумник посвятил этим событиям свои краткие воспоминания. См.: Иванов-Разумник. 27 февраля 1917 года (Страница из воспоминаний) // Иванов-Разумник. Перед грозой. Пг., 1923. С.131-136.

²⁶ А.Белый и В.Н.Фигнер «встретились» также на страницах первого выпуска альманаха «Скифы» (Пг., 1917), редактором которого был Иванов-Разумник.

²⁷ Речь идет о Дмитрие Сергеевиче Мережковском (1865-1941), Зинаиде Николаевне Гиппиус (1869-1945) и Дмитрие Владимировиче Философове (1872-1940). Свидетельства о ночном визите Иванова-Разумника к Мережковским, жившим неподалеку от Таврического дворца, где заседала Государственная дума, сохранились в дневниках З.Н.Гиппиус и Д.В.Философова. В обоих случаях этот визит датируется 1 марта. См.: Гиппиус З. Живые лица: Стихи. Дневники. Кн.1. Тбилиси, 1991. С.294-296; Филосов Д.В. Дневник / Публ. Б.Колоницкого // Звезда. 1992. №2. С.191-192.

²⁸ Ср.:

Не даром нас разделили Клюев и Сологуб, которых ценю, но которых... не *л-ю-б-л-ю*, так точно, как Р.В. не любит *героев моего романа*; наши перманентные распри о Гоголе; он «*грыз*» меня с сентября, создавая каждый день «*маленькие неприятности*» моей работе, как умел только он, — «*ненавижу Гоголя*», «*ненавижу все, что ни коренится в Гоголе*» с подчеркиком: «*Не думайте, что люблю Вас, как писателя: ц-е-н-ю, ненавижда собственно*»... То, что он кидался на меня, когда я читал по просьбе других отрывки-черновики, — лишь следствие каждодневных разговоров,

в которых «приятная соль» была всегда сильно присыпаемою с какой-то странной веселостью: причинить *боль для боли*.

См.: Письма Андрея Белого Д.М.Пинесу // Новое литературное обозрение. 1995. №12. С.87. Примечательно, что и М.М.Пришвин в личном общении с Ивановым-Разумником имел резоны жаловаться на колюче-крикительский нрав своего «старого литературного друга»:

Разумник со времени «Заветов» не сказал ни одного одобрительного слова о моих вещах, написанных при советской власти: он ревнует. Пришвина ведь он открыл. Я начинаю подозревать, что он вовсе и не понимал и не понимает, о чем я пишу. /.../ Ему, наверно, нравятся во мне некоторые стилистические приемы, по всей вероятности, действительно в прежнее время еще более четкие, чем теперь. А до А.Белого, как говорит Разумник, я и совсем не дошел.

Пришвин М. «Жизнь стала веселей...»: Из дневника 1936 года / Публ. Л.А.Рязановой // Октябрь. 1993. №10. С.9.

²⁹ Валериан Федорович Переверзев (1882-1968) — литературовед, автор книги «Творчество Гоголя» (М., 1928). «Переверзевщина» — синоним «вульгарного материализма» в литературной критике 1920-х.

³⁰ Д.С.Мережковский — автор исследования «Гоголь и черт» (1906).

³¹ Ср.:

«Личное у Гоголя — мелко, не эстетично, не героично; личность, выписавшись из дворянства, крестьянства, казачества, гибнет телесно с Поприциным, или... прижизненно мертвенеет в мещанском сословии, в которое переползает дворянчик; Хлестаков неспроста «насвистывает сначала из "Роберта"», потом «*Не шей ты мне, матушка*», а наконец — «*ни се, ни то*». Сперва — геронка «*Роберта-Дьявола*»: переступление через узы родства: Петрусь Безродный, проклятый Петро; потом — ужаснувшийся своим «королевством» Поприцин: «*Матушка, пожалей о... дитятке*» (ЗС); и, наконец, — смерть в мещанстве: «*не слишком толст, не слишком тонок, нельзя сказать, чтобы стар, однакож и не так, чтобы слишком молод*» (МД); эволюция слов сопоставляет перерождению дворянского рода в мещанство; сначала «*все*», потом — «*ничто*»; наконец — «*не ничто*»: «*ни се*», по «*ни то*»; оторванные сознания, не обретая «я», изживаются раздрызгами жеста; в смеси колеров коричневатых, голубоватых и желтоватых, в серых они — толчея в толчее.

Белый А. *Мастерство Гоголя: Исследование*. М.; Л., 1934. С.163.

³² Книга М.М.Пришвина «Золотой Рог» была издана в 1934 Издательством писателей в Ленинграде.

³³ Вероятно, здесь Иванов-Разумник имел в виду в первую очередь главу «Тенденция "Мертвых душ"». См.: Белый А. *Мастерство Гоголя...* Указ. изд. С.104-111.

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ: ПОСМЕРТНАЯ ДИАГНОСТИКА ГЕНИАЛЬНОСТИ, ИЛИ ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ ТВОРЧЕСКОЙ ЛИЧНОСТИ

Публикация М.Л. Спивак

/.../ В январский суровый вечер 1934 года я зашел в анатомический музей одной из клиник на Большой Пироговской. Служитель провел меня в большое пустынное помещение. Там на огромном цинковом ложе я увидел смертное тело человека. Это было тем, что осталось от писателя Андрея Белого и — человека, Бориса Николаевича Бугаева.

И — мое впечатление: это тело казалось не трупом, а было подобно совершенным созданиям гениального художника античных времен. Но художником была сама Природа, создавшая это совершенное тело.

— это из записей Петра Никаноровича Зайцева (1889-1970)¹, младшего друга и литературного секретаря Андрея Белого. Вместе с женой писателя Клавдией Николаевной Бугаевой (1886-1970) Зайцев дежурил у больничной постели, после делил с ней тяжесть горя, бремя бюрократических и бытовых хлопот. Автор уникальных дневников и воспоминаний², П.Н.Зайцев запечатлел образ Андрея Белого в жизни и, как мы видим, в смерти.

Смерть наступила 8 января 1934 от паралича дыхательного центра. 9 января в книге регистрации актов гражданского состояния сделали соответствующую запись. В тот же день в помещении Оргкомитета Союза советских писателей (ул. Воровского, 50) состоялась гражданская пани-

¹ Цитируется по машинописи, хранящейся в Мемориальной квартире Андрея Белого. В дальнейшем, за исключением специально оговоренных случаев, также используются материалы рукописного фонда музея.

² Зайцев П. Московские встречи: Из воспоминаний об Андрее Белом / Предисловие Ю.Юшкина. Публ. и прим. В.П.Абрамова // Андрей Белый: Проблемы творчества. М., 1988. С.557-591; Зайцев П.Н. Воспоминания об А.Белом / Публ. В.П.Абрамова // Литературное обозрение. 1995. №4/5. С.77-104. Дневники П.Н. Зайцева пока не опубликованы, как и полный, «канонический» текст мемуаров.

хида. 10 января тело писателя кремировали, а 16-го была готова урна, «8-гр[анная], сер[ая], мр[аморная], прод[олговатая] писателю т.А.Белому». 18 января урну захоронили на Новодевичьем кладбище.

Казалось бы, отныне жизнь и творчество А.Белого становятся исключительно достоянием мемуаристов, биографов и критиков. Но в день смерти интерес к писателю проявило и учреждение, от литературы далекое, — Институт мозга.

Кто-то, должно быть, Гр.Ал.Санников³, мне в те дни рассказывал, — продолжал свои воспоминания П.Н.Зайцев, — тело Андрея Белого очень скоро было перевезено из лечебницы имени Корсакова на Божениновской улице в клинику на Б.Пироговской — для вскрытия /.../ и извлечения мозга.

Мемуары об А.Белом Зайцев писал в 1950-е, возможно, запамätовав некоторые детали происходившего в те печальные январские дни, а может, просто не посчитав нужным о них писать. В его письме от 11 января 1934 говорится:

Его не стало. И с тем большей глубиной и любовью живет он в сознании, в памяти, в сердце. Живет, очищенный, освобожденный от всего преходящего. 6 января я был у него в последний раз, ухаживая за ним, еще живым, с 3 ч. дня до 10 ч. вечера. Говорил с ним, слышал его голос, помогал ему. А 8-го — в понедельник, мне позвонили по телефону о его кончине. Он скончался в 12.30 дня. В два часа я был в клинике. Без слов обнялись с К.Н. Она открыла ее лицо. Оно сияло улыбкой и было исполнено света и покоя. Это было лицо Дитяти и Мудреца, отрешенного от всего земного. К.Н. рассказала о его последних минутах. Смерть его была тиха и спокойна. Он умер-уснул. За десять минут до конца он говорил с ней — о свете.

Половина третьего мы проводили его в Анатомический зал клиники около Новодевичьего.

³ Григорий Александрович Санников (1899-1969) — поэт, литератор, сотрудник журнала «Новый мир», близкий друг А.Белого.

⁴ Это письмо адресовано хорошей знакомой П.Н.Зайцева — Лидии Васильевне. Сохранилось еще несколько писем к ней и от нее, свидетельствующих о ее близости к семье Бугаевых. В 1934, будучи членом антропософского общества, она находилась в орловской ссылке. В «Заявлении советскому прокурору Катаняну...» А.Белый называет среди своих арестованных в 1931 друзей и Л.В.Каликину (Новый журнал. 1976. №124. С.154-158), а в «Дневнике» 1933 г. упоминает об Л.В. в связи со слухами о скором освобождении репрессированных антропософов. В «Воспоминаниях о Московском антропософском обществе» М.Н.Жемчужниковой также фигурирует Лидия Васильевна, но с фамилией Калинкина: «Кружок вела и Лидия Васильевна Калинкина, педагог, методист дошкольного воспитания, очень ценный специалист в своей области. /.../ кружок был очень дружный, сплоченный и между собой и вокруг своей руководительницы» (Минувшее: Исторический альманах. Вып. 6. М., 1992. С.23). Думается, что адресат письма Зайцева, «Л.В.Каликина» А.Белого и «Л.В.Калинкина» Жемчужниковой являются одним и тем же лицом.

На другое утро в 10 часов мы с А.С.⁵ были в Анатомическом. Через час проф. Абрикосов⁶, производивший вскрытие, подошел к нам с Т.П.⁷ и рассказал нам, что они нашли в момент вскрытия. Большая часть сосудов мозга была захвачена склерозом. Был ряд кровоизлияний — первое в Коктебеле⁸ и последнее 8 января. Положение было непоправимое. Лечение слишком запоздало. Полтора-два года назад нужно было приняться за серьезное лечение. Удар в Коктебеле, по словам, проф. Абрикосова, только ускорил неизбежную развязку. Т.П. подтвердила это, когда мы остались втроем.

Мозг тотчас же после вскрытия поступил на исследование в Институт Мозга...

Дополнительные сведения о судьбе мозга А.Белого обнаруживаются в письме М.Н.Жемчужниковой от 23 июня 1981 к известному литературоведу Д.Е.Максимову. Тот был дружен с вдовой писателя, а после ее смерти поддерживал отношения с ее подругами. Мария Николаевна Жемчужникова (1899-1987) сошлась с четой Бугаевых на почве увлечения антропософией, была активной последовательницей идей Р.Штейнера, членом Московского антропософского общества, о работе которого оставила мемуары⁹. В ответ на просьбу Д.Е.Максимова рассказать, что ей известно о смерти А.Белого, она, со слов К.Н.Бугаевой (сама М.Н. в 1933 была арестована), вспомнила следующее:

Существовало какое-то медицинское учреждение, специально занимавшееся исследованием мозга умерших людей (конечно, не всех подряд, а выдающихся). Туда был направлен и мозг Бориса Николаевича.

Из этого заведения приходили сотрудники к Клавдии Николаевне и очень допрашивали — не был ли Борис Николаевич лев-

---

⁵ Алексей Сергеевич Петровский (1881-1958) — переводчик, литератор, ближайший друг А.Белого. Он вернулся из ссылки в Москву осенью 1933, когда А.Белый уже был тяжело болен; после помещения писателя в клинику ухаживал за ним, дежурил у постели, подменяя жену.

⁶ Алексей Иванович Абрикосов (1875-1955) — знаменитый советский патологоанатом, профессор, академик, лауреат государственных премий.

⁷ Татьяна Павловна Симсон (1892-1960) — лечащий врач А.Белого, психиатр, психоневролог, впоследствии доктор медицинских наук, зав. детской клиникой Института психиатрии. С ее помощью А.Белого удалось поместить в больницу, за что окружение писателя было ей очень благодарно. После госпитализации А.Белого Т.П.Симсон информировала близких о состоянии его здоровья.

⁸ Летом 1933 А.Белый с К.Н.Бугаевой отдыхал в Коктебеле. 15 июля с ним случился солнечный удар и, по-видимому, инсульт, от последствий которого писатель уже не смог оправиться.

⁹ Жемчужникова М.Н. Воспоминания о Московском антропософском обществе / Публ. Дж.Малмстада // Минувшее. Вып.6. М., 1992. С.7-53. См. также: «Или к "Маскам" возможен иной подход?»: Из переписки Д.Е.Максимова и М.Н.Жемчужниковой / Публ. Н.И.Жемчужниковой // Литературное обозрение. 1995. №4/5. С.74-77.

шой. И очень удивлялись, что не был. Она тоже удивлялась их вопросу. Было бы интересно узнать, какие именно особенности этого мозга наводили их на мысль, что он был левой¹⁰.

***

Итак, в январе 1934 коллекция Института мозга пополнилась еще одним экспонатом — мозгом Андрея Белого.

Основа этой знаменитой коллекции была заложена за десять лет до кончины писателя. В 1924 умер В.И. Ленин. Тогда же «на основе опыта Берлинского института мозга была создана небольшая лаборатория под руководством профессора Фохта»¹¹. В 1928 эту лабораторию, занимающуюся изучением мозга вождя, реорганизовали в институт.

В 1930-е деятельность нового учреждения не без помпы освещалась в печати:

Московскому институту мозга суждено приподнять острием своих выводов мистическую завесу, веками прикрывавшую проблему мозговой коры. /.../ Мозговая кора, этот сгусток индивидуального опыта, не представляет собой однородно построенного органа. Мозговая кора разделяется на так называемые территории и поля различных структур. И здесь, в этих структурных соотношениях, в архитектонике коры большого мозга, институт ищет истоки гениальности¹².

Чтобы обеспечить ученых материалом для работы, нужен был мозг выдающихся людей, пусть не таких, как Ленин, но все же... Стали собирать коллекцию. В качестве доноров выступали умершие лидеры партии и правительства, деятели науки и искусства. Не была забыта и литература. «Правда» писала, что «научный коллектив Института подготовил и уже изучает мозги [Так!] Клары Цеткин, Сен-Катаина, Луначарского, Цюрупы, М.Н. Покровского, Маяковского, Андрея Белого, академика Гулевича». Позднее собрание пополнилось мозгом режиссера Станиславского и певца Собинова, писателя Горького и академика Карпинского, поэта Багрицкого и других...

Газеты подробно излагали детали научного поиска:

Кажется, что после смерти мозг еще продолжает жить здесь. Кажется, что он живет в этих лабораториях, в этом стильном особняке, где сосредоточены научные усилия по глубокому изучению такого сложного органа, как мозг /.../ Прежде чем поступить на стол к ученому, мозг подвергается длительному исследованию. Подготовка одного мозга взрослого человека для научной работы продолжается около года. Мозг делится при помощи макротомы — машины, напоминающей гильотину, — на куски;

¹⁰ Копия письма хранится в собрании Н.И. Жемчужниковой.

¹¹ Рест О. Московский институт мозга // Правда. 1934. №259 (19 сентября).

¹² Там же.

эти куски проходят уплотнение в формалине, в спирту и заливаются в парафин, превращаясь в белые застывшие блоки. Блоки разлагаются микротомом — машиной чрезвычайной точности — на огромное количество срезов. На каждый мозг приходится приблизительно 15 тысяч срезов толщиной в 20 микрон. Только после такой долгой и сложной подготовки препарат попадает под микроскоп.

Музей мозга существует до сих пор — «богатый по количеству и редкий по качеству имеющихся в нем материалов и экспонатов». До сих пор существует лаборатория, исследующая эту коллекцию. И до сих пор, как нам подтвердили в институте, хранится в специально оборудованном помещении мозг писателя Андрея Белого — в виде четырех кирпичиков, напоминающих по форме и цвету куски хозяйственного мыла. В законсервированном указанном выше способом виде мозг может храниться многие годы. В отличие от мозга Ленина или Маяковского, мозг Белого не изучался. До него не дошла очередь...

Однако ученые института занимались изучением не только материи мозга, но и особенностями личности его обладателя: «Чрезвычайно бережно и тщательно институт сравнивает детали и характеры, собирает материал о привычках, об отличительных особенностях каждого»¹³. В нашем распоряжении оказались подготовительные материалы для нескольких «писательских дел»¹⁴, в том числе, для «дела» А.Белого, а также «Схема исследования», своеобразная методичка, содержащая подробный (15 машинописных страниц) перечень вопросов, ответы на которые сотрудник института должен был стараться найти. Собственно медицинскому анализу мозга предшествовало обстоятельнейшее психологическое исследование умершего гения. И вот это-то собрание уникальных фактов и представляет, на наш взгляд, безусловный интерес.

Материалом для подобного исследования служили прежде всего так называемые «беседы»: сотрудник института подробно опрашивал ближайших родственников и друзей покойного. В дополнение к «беседам» изучались произведения писателя и его архив. Таким образом выяснялись основные этапы биографии, с рождения до смерти, и специфика каждого из выделенных периодов (детство, годы учебы, зрелость, старость и т.д.). Усиленно собирались сведения о бытовых привычках и фобиях, о сексуальной и общественной жизни, об отношении к себе и окружающим... Фиксировались перенесенные заболевания и психические травмы, особенности памяти и воображения и многое другое.

На этой основе создавался подробный психологический портрет личности. Он состоял из нескольких разделов. Сначала давались «Краткие биографические сведения». Далее — сведения о наследственности. Затем шла самая большая часть, посвященная конституциональным и

¹³ Рест О. Московский институт мозга. Указ. соч.

¹⁴ Например, «дело» Э.Г.Багрицкого. См.: Спивак М.Л. Эдуард Багрицкий: мемуары для служебного пользования, или Посмертная диагностика гениальности // Литературное обозрение. 1996. №5/6. С.183-198; 1997. №1. С.34-60.

психическим характеристикам объекта анализа. Потом делалось заключение. В итоговом документе информанты фигурировали под буквенными обозначениями. Часто указывалось их место в жизни объекта исследования: жена, сестра, друг детства и т.д. Краткие записи «бесед» и «ключ-дешифратор» должны были прилагаться к «делу».

По-видимому, подобное психологическое описание выступало в роли своеобразных сопроводительных документов к экспонату коллекции и использовалось при его изучении; вероятно, имелось в виду увязать специфику мозговых тканей с особенностями личности.

В материалах, имеющихся в нашем распоряжении, личность А. Белого описана в мельчайших подробностях. Составитель этого документа — сотрудник Института мозга, известный психолог, впоследствии лауреат Государственной премии, профессор Григорий Израилевич Поляков (1903-1982). Содержащиеся в «деле» факты и умозаключения основываются на проведенных им беседах, а также на изучении творческого наследия и архива писателя. В «деле» имеются цитаты из различных автобиографических произведений А. Белого — это мемуары «На рубеже двух столетий» (М.; Л., 1930), «Начало века» (М.; Л., 1933), «Между двух революций» (Л., 1934), повесть «Котик Летаев» (Пб., 1922), роман «Крещеный китаец» (М., 1927), книга путевых очерков «Ветер с Кавказа» (М., 1928) и др. Исследователь был знаком и с неопубликованными текстами А. Белого (например, предисловием к несостоявшемуся в 1928 переизданию «Котика Летаева» в «Никитинских субботниках»), а также его рисунками, письмами, схемами, фотографиями.

Основным информантом Г.И. Полякова была К.Н. Бугаева, являвшаяся с 1923 самым близким А. Белому человеком. Только ей, сначала подруге-единомышленнице и спутнице жизни, потом жене, могли быть известны указанные в исследовании детали бытового поведения, психические и физиологические особенности Белого-писателя и Белого-человека. Ряд фигурирующих в «деле» эпизодов были вставлены К.Н. Бугаевой в ее воспоминания о муже¹⁵. Однако большая часть сведений в мемуары не вошла и сохранилась лишь в записях профессора Полякова. В основном корпусе текста К.Н. Бугаева фигурирует под кодовым обозначением «А». Расшифровка литеры дается в прилагающихся к «делу» «беседах» с К.Н. Бугаевой.

Фигурирующий в «деле» информант «Б», к показаниям которого Г.И. Поляков обращается тоже весьма активно, не назван, и отдельная запись «беседы» с ним, к сожалению, отсутствует. Однако указывается, что это близкий и давний, со студенческих времен, друг А. Белого. «Б» рассказывает, например, о Бугаеве-первокурснике, оказывается посвящен в перипетии его личной жизни и обнаруживает знакомство с материалами архива, оставшегося после смерти писателя. Думается, этих данных достаточно для вывода о том, что под литерой «Б» скрыт Алексей Сергеевич Петровский (1881-1958). Вместе с А. Белым А.С. Петров-

¹⁵ Бугаева К.Н. Воспоминания о Белом / Edited, annotated and with introduction by J.E. Malmstad. Berkeley, 1981.

ский учился на естественном факультете Московского университета, входил в кружок аргонавтов, вместе с А.Белым увлекся идеями Р.Штейнера, стал активным антропософом, работал в Дорнахе над возведением антропософского храма Гетенаума, а после вернулся в Россию. Только с А.С.Петровским А.Белого связывала тесная тридцатилетняя дружба. И, наконец, из студенческих товарищей только Петровский занимался разбором архива писателя: вместе с К.Н.Бугаевой он готовил к изданию раздел об А.Белом в посвященном символистам томе «Литературного наследства»¹⁶. Рассказанное А.С.Петровским представляет тем большую ценность, что воспоминаний он не оставил.

Помимо К.Н.Бугаевой и А.С.Петровского были опрошены Г.И.Чулков и Г.А.Санников: краткие записи «бесед» с ними имеются в «деле».

С писателем-символистом Георгием Ивановичем Чулковым (1879-1939) А.Белого связывали отношения длительные и сложные. Проповедуемая Чулковым и популярная в середине 1900-х у петербуржцев теория «мистического анархизма»¹⁷ воспринималась москвичом Белым как измена заветам символизма и как профанация высоких идей. Чулков стал объектом яростных, порой оскорбительных нападок А.Белого, выступившего в 1907 в «Весах» с обличительными статьями, а после вспоминавшего: «в эти годы ему я приписывал множество злодеяний; от этого приписания поздней хватался за голову...»¹⁸ Идеологическая непримиримость тех лет подогрелась причинами сугубо личными — ревностью к Л.Д.Блок. Однако к концу жизни прежняя неприязнь угасла, как угасла и страсть к Любови Дмитриевне; утратила актуальность и разделившая их некогда полемика о «мистическом анархизме». В мировидении пожилых символистов обнаружилось больше общего, чем различного. Обоим в советское время приходилось несладко. В середине 1920-х они сблизились, на квартире у Г.И.Чулкова стали устраиваться чтения и обсуждения произведений А.Белого. В своих поздних мемуарах А.Белый отдал дань уважения Г.И.Чулкову, «врагу» юности и другу последнего десятилетия жизни: «Георгий Иванович — уже седогривый, уравновесившийся, почтенный, умный, талантливый литературовед, труды которого чту; и этот Георгий Иванович простил мне мои окаянства»¹⁹.

Иной характер носили отношения с поэтом и журнальным деятелем Григорием Александровичем Санниковым (1899-1969). Если Г.И.Чулков воспринимал А.Белого как равный, то Г.А.Санников — как «единственного литературного учителя», как «великого друга»²⁰. А.Белый сблизился

¹⁶ Литературное наследство Андрея Белого: Обзор К.Бугаевой и А.Петровского // Литературное наследство. Т.27/28. М., 1937. С.575-638.

¹⁷ См., напр.: Чулков Г. О мистическом анархизме // Вопросы жизни. 1905. №7; Чулков Г. О мистическом анархизме / Со вступительной статьей Вяч. Иванова «О неприятии мира». СПб., 1906.

¹⁸ Белый А. Между двух революций / Подг. текста и комм. А.В.Лаврова. М., 1990. С.60.

¹⁹ Там же. С.61.

²⁰ О Г.А.Санникове и его отношениях с А.Белым см.: «Каждому свой черед»: Письма Г.А.Санникову; Из записей Г.А.Санникова / Вст. статья и публ. Д.Санникова. Комм. В.Нехотина // Наше наследие. 1990. №5. С.91-98.

с ним только в конце 1920-х и нашел в молодом писателе преданного помощника и товарища. Г.А.Санников старался устраивать издательские дела А.Белого, хлопотал о выделении квартиры, доставал путевки... Естественно, А.Белый был ему благодарен.

Имя Г.А.Санникова вместе с именами Б.Л.Пастернака и Б.А.Пильняка стоит под знаменитым, единственным апологетическим некрологом, где А.Белый назван «замечательнейшим писателем нашего века», «гением». Похоже, что им же принадлежала и инициатива сохранить мозг А.Белого для науки и потомства. Об этом говорится в записных тетрадях Г.А.Санникова:

В оргкомитете происходило заседание секретариата /.../ Почтили вставанием. Предоставили слово мне и Пильн[яку]. Образовали комиссию. Подошел Пастернак. Наметили порядок. Приехали в клинику, в анатомичку, оставили заявление о передаче мозга в Ин[сти]тут мозга. Заехали к Кл[авдий] Ник[олаевне]. Вечером засели за некролог²¹.

Некролог, опубликованный 9 января в «Известиях», вызвал нареkania властей. Однако и власти, вероятно, считали А.Белого личностью незаурядной: иначе не было бы отдано распоряжение об изъятии и сохранении его мозга.

В истории с мозгом А.Белого многое требует дополнительных разысканий. Так, не известно, на чье и от чьего имени писали свое заявление в Институт мозга Пастернак, Пильняк и Санников. Не известно, кто в конечном счете решал, чей мозг стоит включать в коллекцию, а чьим можно пренебречь, кто определял очередность исследования экспонатов. Возникают вопросы и в связи с датами публикуемых материалов. Имеющиеся в нашем распоряжении записи «бесед» помечены концом 1935 — первой третью 1936; значит, изучение личности писателя началось почти через два года после поступления его мозга в институт. Причины такого временного зазора нам не известны. Не известно, впрочем, и многое другое.

Ясно однако, что тайну гениальности, несмотря на все усилия специалистов и чаяния эпохи, открыть тогда не сумели. Институт стал заниматься решением других, может быть, не столь грандиозных, но более реальных проблем, а научное направление, для работы которого так интенсивно собиралась коллекция, кануло в небытие. Оценить значимость работ по диагностике одаренности мы не беремся. Однако ценность проведенного Г.И.Поляковым исследования представляется очевидной.

Текст печатается по машинописи, хранящейся в Мемориальной квартире Андрея Белого на Арбате (сектор Государственного музея А.С.Пушкина). Мы позволили себе произвести небольшую стилистическую правку и сокращения.

Не вошли в публикацию «беседы» с К.Н.Бугаевой, посвященные родне А.Белого и являющиеся, по преимуществу, пересказом сведений, содер-

²¹ Архив Д.Г.Санникова.

жащихся в изданных мемуарах писателя. По той же причине опущена основная часть раздела о наследственности. Чтобы не нарушать общей структуры документа и сохранить последовательность частей, мы оставили в тексте публикации «заключение к разделу о наследственности».

БИОГРАФИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ

Борис Николаевич Бугаев — Андрей Белый — родился 14 октября 1880 г. в Москве, в доме Рахманова, на углу Арбата и Дежнего переулка¹. Материальные условия в течение детских лет благоприятные. Точно установить, когда начал ходить и говорить, не удастся. Есть указания на то, что говорить начал около года.

Из событий раннего детства необходимо указать на перенесенные в возрасте трех лет корь и тут же после нее скарлатину. Это обстоятельство имеет особое значение потому, что первые наиболее ранние воспоминания Б.Н. связаны именно с этими, перенесенными им в раннем детстве заболеваниями. Он пространно описывает свои переживания, связанные с состоянием бреда, и придает им исключительно большое значение в смысле влияния их на дальнейшее формирование его психики.

Приведем несколько цитат из его книги «На рубеже...»:

Скарлатинный бред — моя генеалогия; еще я не верю в мирность и безопасность поданной яви, которой изнанка — только что пережитый бред; я удивляюсь силе воспоминаний о пережитых бредах в эти шестьдесят дней; она сложила морщину, которую жизнь не изгладила; выгравировался особый штришок восприятия, которого я не встречал у очень многих детей, начинающих воспоминания с нормальной яви, а не с болезни; особенность моей психики в усилиях разобраться между *этой*, мирной картиной детской и *тем* мороком еще недавно пережитого².

И далее:

Я напуган болезнью; и меня посещает она еще в страшных снах; впоследствии я поступаю совсем удивительно: я научаюсь вспоминать во сне, что это — сон и что из него можно проснуться; я во сне кулаками протираю глаза; и вынырываю из сонной опасности в мир яви; и это умение проснуться (я его позднее потерял) указывает на самообладание и трезвость, совмещающиеся с исключительной впечатлительностью и пылкостью фантазии³.

Любопытно, что свое символистское восприятие мифа Б.Н. сводит к этим же первым проблескам сознания, складывавшимся в жару болезни:

В усилиях связать явь детской с воспоминаниями о бреде... — я уже символист; объяснение мне — миф, построенный на метафоре; слышу слова: «Пал в обморок». И тотчас сон: провалилась плитка пола детской; и я упал в незнакомые комнаты под полом, которые называются «обморок». Так я стал символистом⁴.

В связи со всем вышеизложенным обращаем внимание на необыкновенно рано появившуюся способность запоминания:

Природа наделила меня необыкновенно длинной памятью; я себя помню... на рубеже третьего года (двух лет!) и помню совсем особый мир, в котором я жил.

Ненапечатанное предисловие к повести «Котик Летаев»⁵

В качестве иллюстрации исключительно раннего появления памяти приводим следующий отрывок, представляющий также большой интерес с точки зрения характера восприятия мира, как он рисуется трех- или четырехлетнему ребенку:

Обычно дети себя вспоминают уже четырехлетними: трехлетний период виден лишь в смутных, отдельных образах; я же встретил свои три года и провел свое трехлетие в твердом уме, в трезвой памяти и без перерывов сознания; и я же помню свое четырех-пятилетие; должен сказать, что с четырех лет исчезает бесследно, на всю жизнь, ряд интереснейших, неповторимых переживаний; и кто пробуждается к сознанию позднее, тот ничего не знает уже о целом пласте переживаний; тот пласт, который подается сознанию ребенка, вступающего в третий год жизни, в отличие от воспоминаний четырехлетнего, так характеризуем: представьте ваше сознание погруженным в ваше подсознание; представьте его несколько ослабленным от этого, но не угасшим вовсе; невероятная текучесть характеризует его; объекты подсознательных, растительных процессов, жизнь органов, о которой потом мы уже ничего не знаем, проникая психику физиологией, самую эту физиологию мифизируют весьма фантастически; я копошусь как бы в другом мире, переживаю предметную действительность комнаты не как ребенок, живущий в комнате, а как рыбка, живущая в аквариуме, поставленном в комнате; представьте себе эту рыбку сознающим себя ребенком, и вы поймете, что действительность ему подана как сквозь толщу воды. Четырех лет ребенок уже вылез из аквариума; и тот, кто проспал свою трехлетнюю жизнь и проснулся к жизни четырехлетним, уже никогда не переживет того, что он бы мог пережить, если бы память у него была длиннее и сознание сложилось ранее.

Третий год жизни по отношению даже к четвертому, пятому неизмеримо растянут⁶.

Чрезвычайно существенным моментом, воздействовавшим на формирование его психики в период раннего детства, является конфликт между родителями. Уже с четырехлетнего возраста он осознает себя как объект борьбы между отцом и матерью⁷.

Меня раздирают на части; я вновь перепуган до ужаса; я слышу слова о разезде; я слышу: кто-то матери предлагает развод с отцом; но отец не отдает меня, и мать из-за меня остается в доме. /.../⁸

Я был цепями, скованными их; и я это знал всем существом; четырех лет; и нес «вину», в которой был неповинен. Оба нежно любили меня: отец, тая экспансию нежности, вцелился в меня ясностью формулы; мать затерзывала меня именно противоречивой экспрессией ласк и преследований, сменявших друг друга безо всякого мотива; я дрожал и от ласки, зная ее эфемерность; и терпел гонения, зная, что они — напраслина /.../⁹.

И я жил в ожидании конца мира с первых сознательных лет; и это ожидание угомонилось лишь после десятилетия.

Первые впечатления были: рубеж между отцом и матерью; рубеж между мною и ими; и — кризис квартиры, вне которой мне в мире не было еще мира; так апокалиптической мистикой конца я был переполнен до всякого «Апокалипсиса»¹⁰.

Вот несколько цитат, ярко рисующих противоречивость влияний, оказываемых на него родителями:

Отец влиял на жизнь мысли во мне; мать — на волю, оказывая давление; а чувствами я разрывался меж ними /.../

А отец без матери уже меня накачивает «рациональными яслями» /.../¹¹

Любовь матери была сильна, ревнива, жестока; она владела мной, своим «котенком», своим зверенышем /.../¹²

Между гусаром и цепкохвостой обезьяной в виде «Бореньки-доцента» рвалась моя жизнь: в центре разрыва образовывалась торичеллиева пустота, черное ничто; но этим центром было «Я» ребенка; и «Я» — падало в обморок; начинались кошмары: я кричал по ночам; был призван доктор; он заявил: «Не читайте ему сказок: у него слишком пылкая фантазия!»¹³

На основании вышеизложенного ясно, что конфликт между отцом и матерью воспринимался им чрезвычайно болезненно. Причиной этого являются начавшие проявляться очень рано наблюдательность и обостренность в восприятии впечатлений окружающего мира в связи с более глубоким, чем это свойственно обычно столь раннему возрасту, осмысливанием происходящего. При этом необходимо отметить наряду с болезненностью восприятия конфликта между родителями, также и положительные

стороны влияния каждого из них в отдельности на формирование его психики. Влияние отца шло, как это ясно из предыдущего, по линии развития склонности к познанию окружающего, рациональной стороны его личности. Отсюда берет начало его любовь к естествознанию:

Я не помню эпохи, когда бы я не знал, что человек произошел от обезьяны, ибо все то было по-своему впитано мною из шуток отца и разговоров его с друзьями /.../¹⁴

«Ядом» естествознания я был охвачен до поступления на естественный факультет: первое увлечение переживалось четырёх-пятилетним; второе — одиннадцати-двенадцатилетним; все грезы сводились к одному: «Когда же я буду натуралистом?» Но пятилетний интересовался главным образом млекопитающими; двенадцатилетний специализировался на птицах (сочинение Кайгородова¹⁵ было изучено назубок)¹⁶.

Стремление к познанию окружающего выявлялось в его отношении к игрушкам:

Было стремление узнать, что содержится внутри каждой игрушки, поэтому часто ломал свои игрушки. Однажды, когда подарили шоколадное яйцо с погремушкой внутри и запретили его разбивать, то для того, чтобы узнать содержимое, нарочно уронил его на пол, сделав вид, что уронил нечаянно.

Беседа с А.

Влияние отца сказывалось также и в развитии склонности к гротескам как к выражению протеста против окружающего быта.

Я уже «чудил», следуя по стопам отца; у него я учился юмору и будущим своим «декадентским» гротескам; самые странности отца воспринимались по прямому проводу; «чудит», то есть поступает не как все; так и надо поступать; но у отца каламбуры и странности были «искусством для искусства»; у меня стали тенденцией: нарушать бытовой канон¹⁷.

Влияние матери сказывалось преимущественно в развитии эмоциональной, художественной стороны его личности, что трудно понять, принимая во внимание то, что она была сама одаренной в художественном отношении натурой, особенно в области музыки. Именно с ней связаны первые музыкальные впечатления, которые относятся примерно к трехлетнему возрасту:

Впервые выступают мне звуки, действующие на меня потрясающе: мать играет Бетховена, Шопена и Шумана¹⁸.

Помимо отца и матери большое влияние оказала на него смеившая няню воспитательница Раиса Ивановна, которая развила в нем уже сознательную любовь к сказке, мифу. По крайней мере, сам Б.Н. связывает с ней начало «сказочного» периода в его жизни. Благотворное влияние этой воспитательницы выразилось также в том, что она старалась отстранить от него столь болезненно воспринимаемые им противоречивые влияния родителей:

Следующий период /.../ я назвал бы сказочным; он начинается /.../ появлением Раисы Ивановны, согретшей меня удивительной нежностью и лаской, отвеявшей от меня драму в доме и зачитавшей мне и стихи и сказки (я уже понимаю по-немецки: когда я выучился — не помню; вероятно, учился у Каролины Карловны). /.../ ¹⁹

С Раисой Ивановной замкнулись в детской; она читает мне стихи Уланда, Гейне, Гете и Эйхендорфа (вероятно — для себя читает), я плохо понимаю фабулу, но понимаю сердцем стихи²⁰.

Любовь к сказкам должна быть рассматриваема как указание на очень быстрое и сильное воображение, которое, как мы видим, начало проявляться наряду с обостренным восприятием впечатлений внешнего мира и стремлением к осмысленной их обработке также очень рано, уже в возрасте трех-четырёх лет. Помимо этого, сам Б.Н. отмечает, что уже в этот период сказка играла для него роль убежища от болезненных переживаний и окружающего:

От мыслей об увиденном я спасаюсь в тот мир, где все протекает не по правилам индуктивного мышления Джона Стюарта Милля.

И это — мир сказок. /.../ ²¹

Сказки мне были материалом упражнения в переживаниях; и я развил себе в детстве крепкие мускулы: владенья собой.

В этом — роль сказок и музыки для меня²².

На возраст четырех лет падают первые осознанные впечатления природы, полученные за время пребывания летом 1884 г. в имении В.И.Танеева в Демьянове (Клинского уезда)²³.

Чрезвычайно интересным представляется следующее обстоятельство. В четырехлетнем возрасте самоучкой научился складывать слова по кубикам и читать их. По данным А., скрывал от всех, «это был его секрет». Однако мать, узнав об этом и опасаясь, что это занятие привьет ему любовь к науке (больше всего боялась, как бы не сделался, подобно отцу, математиком), запретила складывать кубики. В дальнейшем, уже в возрасте семи

лет, пришлось заново учиться грамоте, причем учение давалось на этот раз с большим трудом:

И я, складывающий из квадратиков слова «папа», «мама», вдруг их лишенный, пяти лет забыл буквы, которые знал четырем лет; семи лет я с трудом одолел грамоту; с пяти до семи — строжайший карантин:

— Не смей читать²⁴.

Возможно, что причиной этого было то, что занималась с ним сама мать, которая вследствие несдержанности в своих проявлениях действовала на него лишь тормозящим образом и тем мешала усвоению предмета.

Относительно внешних проявлений в период раннего детства имеются следующие данные.

По сведениям, полученным у А.:

Уже очень рано боялся проявлять простым и естественным образом свои переживания вовне, не зная, какая реакция на это последует со стороны отца и в особенности со стороны матери. С ранних лет развивалась неестественная для ребенка скрытность, которая тем более была трудна для него, что у него была большая потребность делиться своими переживаниями с окружающими.

Этому способствовало также и то, что до пяти лет рос один, без общения с другими детьми (из-за опасений матери, что может заразиться от них какой-либо инфекцией). Лишь в возрасте пяти лет, когда познакомился с детьми проф. Стороженко²⁵, появилось детское общество. Такая обрисовка характера вполне согласуется с высказываниями самого Б.Н., относящимися к рассматриваемому периоду:

Среда подалась с первым мигом сознания; я, наблюдательный, скрытный и тихий ребенок, не видящий вовсе детей, изучающий мужей науки, я рос одиноком «подпольщиком» /.../²⁶

Тихий мальчик, весьма деликатный, пинки давать я не умел /.../

Я ведь был одинок; не умел разговаривать; даже играть не умел, как другие (играл я по-своему) /.../²⁷

А я — я боялся всего: и гостинцев срывать не умел, а чтобы затереть Скифосовского или там Янжула — скорее броситься в воду, чем эдакое позволить себе; это все оттого, что Маруся и Коля рассматривали Ивана Ивановича Янжула просто, а я — с разглядами, с критикою; в выявленях же внешних и пятилетним став, выглядел, точно трехлетний²⁸.

С соматической стороны, под данным А., был довольно болезненным ребенком, склонным к частым желудочно-кишечным заболеваниям.

Переходим теперь ко второму пятилетию жизни.

Этот период также характеризуется отмеченными выше особенностями складывавшейся вокруг него обстановки и, в частности, противоречивым влиянием отца и матери. В связи с ростом сознательного отношения к окружающему этот конфликт воспринимается им в еще более обостренной форме, чем до того. Отметим, что из-за каприза матери, всячески стремившейся нейтрализовать влияние отца, его примерно лет до восьми одевали под девочку: в платьице, с кудряшками. На фотографических карточках, относящихся к этому периоду, он выглядит в этом одеянии типичной девочкой. Этот момент, по признанию самого Б.Н., оказывал очень гнетущее впечатление на его психику и служил добавочным, травмирующим его психику фактором:

Вот первое, что узнал о себе: «уже лобан»: и переживал свой лоб, как чудовищное преступление: чтобы скрыть это, отрастили мне кудри; и с шапкой волос я ходил гимназистом уже; для этого же нарядили в атласное платьице:

— У, девчонка! дразнили мальчишки.

И — новое горе: отвергнут детьми я; кто станет с «девчонкой» играть?

Любовь родителей явно разрезала на две части²⁹.

Любовь к сказке, сохраняясь в полной мере, начинает развиваться в нем в интерес к художественной литературе вообще. Очень любит слушать вслух чтение взрослых. В возрасте семи лет он знакомится с «Сказками кота Мурлыки», «Давидом Копперфильдом». Оба эти произведения произвели на него сильное впечатление. Несколько позднее он знакомится с «Князем Серебряным», песнями Оссиана, а также с литературой приключений и путешествий: Майн Ридом, Фенимором Купером, Жюль Верном, затем арабскими сказками³⁰. Большую роль в развитии в нем склонности к художественной литературе сыграло появление новой воспитательницы — француженки Беллы Раден. Она поняла «серьезную драму маленького "человечка" и протянула ему /.../ руку помощи»³¹. С ней он занимается географией, историей, этнографией, а также обучается игре на рояле. В обучении его грамматике и арифметике принимает участие отец; учение дается очень легко, шутя и играючи.

По данным А., «появление Беллы Раден внесло заметный освобождающий перелом во всю его жизнь; он значительно ожив-

ляется, становится более подвижным, чем ранее: "как бы вместе с интеллектуальным освобождением развязался весь", "брызнуло то, что тайлось внутри"».

Отец и мать с их противоречивым влиянием отходят в сторону, их влияние в этом возрасте значительно ослабевает, он начинает выявлять свободнее свои стремления (снятие задержек раннего детства). Много общается с детьми.

Отметим, что примерно в этот период времени проявляется свойственная Б.Н. общая моторная одаренность. Летом 1889 года, во время пребывания в упомянутом выше Демьянове, он очень подвижен, много бегает, лазает по деревьям, занимается гимнастикой. Уже по возвращении в Москву, осенью того же года, посещает немецкое гимнастическое общество, где обучается прыжкам, упражнениям на трапеции и т.п.

На этот же период времени падает появление у него интереса к коллекционированию иностранных марок.

Летом 1890 г. совершает первое дальнее путешествие из Москвы в Киев, которое дает ему обильный материал для наблюдений и размышлений. По возвращении из него, в октябре, заболевает дифтеритом в легкой форме. Этот момент имеет значение потому, что за время болезни матерью был прочитан ему ряд рассказов Гоголя из «Вечеров на хуторе близ Диканьки». Эти рассказы, особенно, как он упоминал впоследствии, «Тарас Бульба»³², оставили у него неизгладимое впечатление на всю жизнь. Несомненно под влиянием их, возможно, еще усиленным ассоциацией с недавней поездкой на Украину, в нем в выраженной степени пробуждается любовь к истории. Этот интерес к истории проявляется очень своеобразно, в виде изобретения им «исторических игр» для себя. Сущность этих игр заключалась в том, что он на определенный отрезок времени воображал себя в роли того или другого исторического героя, и во все свои действия вкладывал тайный смысл в соответствии с воображаемой ролью. Эта игра продолжается и в дальнейшем, на протяжении ряда последующих лет. Она является одним из наиболее ярких проявлений того богатства и динамичности воображения, которые ему свойственны вообще.

В сентябре 1891 г. одиннадцати лет от роду поступает в частную гимназию Л.И.Поливанова.

Поступление в школу внесло значительные изменения в обстановку жизни.

По выражению А., «это событие открыло перед ним целый новый мир», главным образом благодаря тому, что до того дет-

ское общество было очень ограниченным, вращался преимущественно среди взрослых.

А. указывает далее, что:

Первое время после поступления был очень счастлив переменной, внесенной школой в его жизнь. Благодаря очень хорошей подготовке и очевидно хорошим способностям, учение давалось очень легко, «играючи», шел первым учеником. Большое значение имеет то, что в школе он впервые почувствовал себя свободным от царившей дома гнетущей атмосферы, впервые почувствовал, что с ним считаются как с определенной единицей, личностью. Но из товарищей по классу близко не сошелся ни с кем и в своих мемуарных произведениях об них почти не пишет.

Б.Н. также упоминает в мемуарах об этом: «Бугаев у нас идет первым /.../ не жизнь, а триумф!»³³

Со второго класса выступают на первый план два стремления: увлечение естествознанием, с одной стороны, и русским языком и литературой — с другой. В этой последней области огромное влияние оказали на его развитие уроки блестящего педагога Поливанова («культ Поливанова»). Он пишет о «синтаксическом разборе» фразы, как о лепке «художественных конструкций». К остальным предметам интерес его охладевает, начинает учиться хуже, сходит с места первого ученика. В особенности он отмечает гнетущее влияние на него преподавателя латыни Павликовского, которого называет «кошмаром наяву»³⁴. Интерес к естествознанию шел по линии внешкольной, выражался главным образом в чтении соответствующих книг, как например, «Пернатое царство» Кайгородова.

Из событий, произошедших вне школы в этот период, необходимо отметить расставание с его воспитательницей Беллой Раден, к которой он очень сильно привязался (был способен привязываться к людям) и которая оказала на него благотворное, освобождающее влияние. Это обстоятельство сильно на него повлияло, так как в лице ее лишился своей единственной моральной поддержки. Пишет, что после ее ухода «осталась в душе точно яма...»³⁵. Считает это началом первого мрачного периода в своей жизни, который продолжался до встречи с семьей Соловьевых, которая произошла в 1895 г.³⁶

В 1893 г. выявилась большая склонность к театру, началом которой послужило его знакомство с Малым театром, постановкой пьес Островского с участием Ермоловой и Садовской³⁷. У него появилось желание одеваться в соответствующие костюмы и воображать себя героем пьес, зрителем которых он был, —

«страсть к маскараду». Это можно рассматривать как видоизменение изобретенных им для себя «игр», о которых была речь выше.

Приблизительно в этот же период времени началось увлечение танцами. Связано оно с тем, что примерно к этому времени относятся первые полусознательные переживания пола. Во время пребывания на даче было несколько легких увлечений девушками, значительно более старшими по сравнению с ним. Среди этих увлечений необходимо выделить одно более сильное — к Жене Дейбель³⁸, которое он считает своей первой влюбленностью. Эта влюбленность была кратковременна и не оставила после себя каких-либо значительных следов.

В гимназии идет по-прежнему средне, гимназическая среда не привлекает его, он равнодушен к ней, за исключением уроков Поливанова. Центр тяжести развития его личности перемещается внутрь него: «Начинаю учиться у себя». Он прочитывает огромное количество книг, беспорядочно, все, что попадалось под руку (Гоголь, Диккенс, Алексей Толстой, Лермонтов, Майков, «Физиология ума» Карпентьера, Аллан Кардек, «Вопросы философии и психологии»³⁹).

По-видимому, интереса к музыке активного в это время не проявлял, уроки с матерью, как кажется, прекратились ранее.

В отношении характера особых изменений на протяжении этого периода не отмечается. Основные черты: «невольная замкнутость» вследствие отсутствия людей, с которыми мог бы поделиться своими переживаниями, обостренная наблюдательность к происходящему вокруг, интенсивное осмысливание внутри себя прочитанного. Интенсивная, непрестанная деятельность воображения выражается в его продолжающихся играх с самим собой в «исторических героев». Колоссальную для своего возраста эрудицию скрывал.

В образовании замкнутости и отчужденности большую роль играло то, что не мог сходить с товарищами по школе. Со стороны товарищей отмечает насмешливое отношение, а со стороны некоторых и прямые издевательства. Вызывалось это главным образом его женственной наружностью, тихостью и отвращением к нецензурным, ходким среди гимназистов оборотам речи. Никогда не имел карманных денег, это вызывало к нему презрение «аристократических сливок — богачей» среди школьников. Такое отношение сильно на него действовало.

Со стороны семьи — отца, матери — ему по-прежнему уделялось мало внимания, урывками и как бы между прочим. Таким

образом он как в школе, так и в домашней обстановке был представлен самому себе — был оторван.

В четвертом классе написал первый отрывок в прозе для школьного журнала.

В 1895 г. произошло событие, имеющее большое значение для его дальнейшего развития. Он познакомился с семьей Соловьевых, причем особенно он сдружился с 10-летним Сережей, который, несмотря на то, что был на 5 лет моложе его, благодаря своему необыкновенному развитию, подходил ему по уровню. В этой семье его поняли и оценили по достоинству, там он открывался в своих мыслях, он мог действовать так, как чувствовал. Он рассматривал это знакомство как «спасительный клапан» для себя. Вел с Сережей Соловьевым длинные увлекательные игры.

Сексуальное влечение в течение этого периода жизни внешне не выявлялось резко и во всяком случае этот момент, по-видимому, занимает мало места в его мыслях и желаниях. Сексуальное влечение, если и было, приходило и уходило очень легко. Необходимо, однако, отметить, что в 16 лет он пережил очень бурное, но кратковременное увлечение, причем не был даже знаком с предметом своего увлечения «из стыда»⁴⁰.

В 16 лет начинают (впервые) отчетливо оформляться его писательские склонности. Большое значение для этого имеют, помимо общения с Соловьевыми, его беседы о французской литературе и живописи с неким французом Габриэлем Оже⁴¹, имевшим какое-то отношение к литературе. В это время он прочитал также «Войну и мир» Толстого, что произвело на него очень большое впечатление. Начинает писать, пока лишь для себя, поэмы, фантастическую повесть, которые не сохранились. Начал вести, приблизительно с этого возраста, литературно-художественные дневники о прочитанном, виденном в различных областях искусства. Увлечение буддизмом, Шопенгауэром.

Дневник личных, интимных переживаний не вел. Это говорит о том, что его интересы были направлены не на себя, а на «хлынувшую на него огромную волну культуры».

Необходимо также указать, что в рассматриваемый нами период совершил вместе с матерью несколько поездок, из которых одна была заграничная; побывал в Париже, Берлине, Берне, Цюрихе⁴². Эти поездки оказали несомненно большое влияние на общее его развитие.

Приведем в качестве иллюстрации того, до какой степени доходило его увлечение чтением художественной литературы, следующий случай, произошедший с ним во время пребывания его в шестом классе гимназии. А. передает об этом следующим образом:

Увлечшись чтением художественной литературы, в течение почти полутора месяцев не посещал уроки, проводя все свое время в читальне им. Островского на Сенной площади. Для оправдания подделал записку матери о том, что пропускал уроки по болезни. Этот проступок, который он называл «преступлением за культуру», оказал сильное влияние на его психику, он сравнивает его с потерей своей моральной чистоты, «преступлением Каина», «убийством своей совести»⁴³.

Спустя год отмечается значительное усиление его активного стремления к искусству и на этой почве происходит сближение с матерью. Он посещает с ней ряд выставок, концертов, спектаклей в театрах. Также повысился его интерес к науке и философии, что должно быть связано с влиянием, исходившим со стороны отца.

Прочитывает ряд философских и естественнонаучных книг, которые ему были рекомендованы отцом. Начинает высказывать окружающим свою точку зрения, притом это выявление своих мыслей вовне происходит в очень бурной форме. Он употребляет для иллюстрации этого такие выражения, как «хлынул словами», «лопнул словами»⁴⁴. Ранее молчаливый, стеснительный и замкнутый в себе, он как бы высвобождается и начинает оказывать влияние на окружающих. Особенно ярко проявляется у него страсть к спорам. Вступает в споры с профессорами, не смущаясь тем значением, которое они имеют в жизни. У себя в классе становится «классным Петронием»⁴⁵, законодателем литературных вкусов.

Этот коренной перелом во всей его личности, падающий на возраст 17-18 лет, совершился в течение очень короткого промежутка времени, сам собой, без какой-либо сознательной подготовки с его стороны. Уже в это время проповедовал, по-видимому, осознанные еще смутно взгляды, которые были ему свойственны и в более поздний период, когда он стал оформившимся вполне символистом. Психическому перелому соответствовал и перелом во всем облике и поведении. Стал очень подвижный, голос стал громким, надо полагать, что была известная экспансивность проявлений.

Каких-либо усилений в проявлении сексуального чувства, по имеющимся данным, не отмечается совершенно.

Весной 1898 г. (17-ти лет) были написаны первые куски драмы «Пришедший», которые в дальнейшем (в 1903 г.) были напечатаны в переработанном виде в журнале «Северные цветы»⁴⁶.

Таким образом, на этот период падает также и первое напечатанное произведение.

Лето 1898 г. проводит в имении Соловьевых «Дедово». Здесь он много читает поэтическую литературу («Я здесь был крещен в

в поэзию Фета»), а также знакомится с Кантом («Критика чистого разума»).

В восьмом классе, под влиянием уроков Поливанова, с особенной силой выявляется у него активный интерес к поэзии Пушкина. Проявляет большой интерес также и к современным поэтам, особенно Бальмонту. Пишет сам стихи. Сам себя характеризует в этот период времени так: «самоопределяюсь как начинающий писатель».

К окончанию гимназии мы не имеем у него концентрации внимания на одной какой-либо области знания или искусства. Собирался поступить на историко-филологический факультет из-за большого влечения к философии. Но в то же время очень усиленно интересовался также и самыми разнообразными областями искусства (поэзия, музыка) и науки (естествознанием). Интерес шел исключительно по линии теоретической, склонности к практической деятельности не было совершенно. В то же время выраженный интерес к музыке — украдкой занимается композицией, причем сочиненные им композиции больше всего приближаются к стилю Грига — «лирическое, северное», продолжает прочитывать огромное количество литературы в самых разнообразных областях. Приходится поражаться его необыкновенной продуктивности в занятиях. Трудно постигнуть, как он успевает все это усваивать.

Социальными и политико-экономическими вопросами не интересовался.

К этому времени у него имеется несколько близких товарищей, с которыми он охотно общается. Однако надо полагать, что большую часть времени проводит один, посвящая его своим занятиям. Указаний на участие в товарищеских встречах более широкого характера, вечеринках и т. д. не имеется.

По желанию отца, не хотя его огорчать, поступил в 1899 г. на естественный факультет Московского университета. Занятия в университете поглощают главную долю его внимания. Он оказывается с головой погруженным в зоологию, анатомию, биологию, эмбриологию, гистологию, физику, ботанику, химию. Изучает высшую математику, аналитическую геометрию. Наряду с этим остается время и для удовлетворения его интересов к художественной литературе, музыке, философии. Продолжает писать для себя стихи и отрывки в прозе, думает над дальнейшим развитием своих идей символизма. Живет, как и ранее, в семье отца, бытовой уклад жизни с поступлением в университет не изменился.

Представление об общем облике Б.Н. при поступлении его в университет дают следующие высказывания одного его товарища по университету:

Обращал на себя внимание с первого же взгляда. Очень интересное, необычайное лицо, необычное выражение лица. Чувствовалась большая внутренняя работа мысли. Натура не только рецептивная, но и натура, которая все впечатления очень интенсивно внутри себя перерабатывает. Сосредоточенный взгляд. Немного подтянутая наружность, хорошо одет, платье хорошего покроя. Богатая шевелюра, слегка вьющаяся. В поведении была замкнутость, застенчивость, сдержанность, нелегко сходился с товарищами. Не был в то время экспансивным и открытым. В дальнейшем стал общительнее, когда освоился с обстановкой в университете. Сначала немного «дичился» других студентов. Сдержанность во всем, в жестикуляции, некоторая скупость в движениях, в речи.

Дома в присутствии родителей не был самим собой. Из-за этого в значительной степени сдержанность. Таким образом, это качество было не врожденной чертой характера. Старался не высказывать своих взглядов, когда родители были вместе из-за расхождения в их мнениях. В отношении отца и матери (каждого в отдельности) была своя особая линия поведения. Если иначе сложились бы условия воспитания в детстве, был бы в значительной степени другим.

Беседа с Б.

На протяжении всех лет пребывания в университете мы видим непрерывно переплетающиеся между собою линии влечения к науке и искусству.

На втором курсе появился интерес к религиозно-философским проблемам, которые временно заслоняют собой все остальные (момент мистичности?). Этот интерес вызван главным образом чтением произведений Соловьева⁴⁷, его стихов.

1901 год считает «началом» биографии Андрея Белого. «Это связано с тем, что в этот период написал свою Северную симфонию»⁴⁸.

Интересно, однако, то, что, несмотря на погруженность в художественную творческую деятельность и подведение идеологической базы под свое мировоззрение как символиста, его интересы к самым разнообразным областям искусства и науки не только не снижаются, но, напротив, дают сильный взлет. По крайней мере, упоминая о том, что «рубеж столетий /.../ совпадает с моим биографическим рубежом» (т.е. как Андрея Белого. — *Григорий П[оляков]*), он далее пишет: «В 1901 я колебался: кто я? Композитор, философ, биолог, поэт, литератор или критик?»⁴⁹. Он бросается из одной области в другую, раздираемый интересами ко всему и стремящийся все познать.

Из событий личной жизни отметим имевшее место в 1901 г. его сильное увлечение М.К.Морозовой, которое носило в тот пе-

риод чисто платонический характер. Очень важно, что связывал в воображении ее образ с образом Софии из сочинений Соловьева и художественно сплавлял в себе эти оба образа. Писал ей длинные письма, содержание которых лицо, дающее сведения (беседа с А.), сообщить не может⁵⁰; по-видимому, большое место занимали в них, наряду с лирическим изложением его чувств, идеи символизма. Встречался с М.К.Морозовой на концертах и в обществе. Острый период, в течение которого продолжается это увлечение, равняется, по-видимому, 1-2 годам.

В декабре 1902 г. знакомится с Брюсовым, Гиппиус и Межковским, затем с Блоком⁵¹. Эти встречи можно рассматривать в известной степени как определяющие в смысле дальнейшего направления его интересов в области литературы, пишет много стихов. В это время пишет свою кандидатскую работу об оврагах⁵².

Конец 1902 г. и начало 1903 г. являются началом его известности как литератора-символиста. В это время публикуется его «письмо к либералам и консерваторам»⁵³, открывается псевдоним, под которым вышла еще в апреле 1902 г. его «Вторая симфония»⁵⁴. Вокруг его имени поднимается большой шум в интеллигентских кругах, в особенности в профессорских. В то же время он сближается с литераторами, группировавшимися вокруг издательства «Скорпион».

Одновременно идет напряженная работа по подготовке к сдаче государственных экзаменов.

28 мая 1903 г. кончает университет по естественному отделению физико-математического факультета с дипломом первой степени. На следующий день после получения диплома умирает его отец, профессор Н.В.Бугаев. По данным А., «смерть отца произвела на него большое впечатление. При этом пережил особое состояние углубленного примирения со смертью отца. Воспринял его смерть не в трагическом плане, а в "светлом", не как разлуку, а, напротив, как сближение с отцом (мистическое состояние? — Г.П.)». Переживал это двойственно: с одной стороны, как утрату физического человека, которого любил, а с другой стороны, как большую полноту от сближения с его, если можно так выразиться, духовным обликом.

Впоследствии вспоминал об этих переживаниях с большим волнением, но без трагических проявлений: «светлая грусть». Смерть отца не отразилась на его занятиях: летом и осенью 1903 г. пишет ряд произведений, стихов и статей.

Литературная продукция идет все время «крещендо» в течение 1902-1904 годов. За это время печатается ряд произведений раз-

нообразного характера: поэзия, проза, литературно-критические статьи. 1904 г. /.../ можно считать годом его окончательного закрепления на поприще литературы. В то же время (1904 г.) поступает на историко-филологический факультет, философское отделение. Вопросами общественно-политическими, назревающей революцией интересовался сильно, приглядывался к происходящим общественным сдвигам, но сам активного участия не принимал.

Продолжал жить в квартире отца⁵⁵. Дома проводил мало времени, почти все время был «на людях», жизнь была очень открытая и насыщенная большим количеством впечатлений, очень много встреч с людьми из разнообразных кругов общества: литераторы, философы, общественные деятели, студенты.

Был совершенно независим в своих действиях. Жил очень скромно в смысле удовлетворения своих потребностей, так как предоставил наследство отца матери.

В январе 1904 г. знакомится с Блоками, с которыми он быстро сближается, во время их пребывания в Москве видится с ними ежедневно⁵⁶.

Несколько позже познакомился с одной писательницей (Петровской, печатавшейся в «Весах»⁵⁷), с которой у него впервые в жизни произошло интимное сближение. Как передавал сам Б.Н. (по данным А.), это случилось совершенно для него неожиданно, так как никакого чувства он к этой писательнице не питал. Инициатива исходила с ее стороны. Чтобы прекратить эту связь, он в ближайшие дни уехал внезапно из Москвы в Нижний⁵⁸, где пробыл месяц. Особого значения это событие на него не оказало. Это следует из того, что в Нижнем он продолжает очень усиленно работать над начатыми литературными произведениями.

В июле 1904 г. он вторично встречается с Блоками во время поездки на короткое время в их имение Шахматово, где проявляется его чувство к Любви Дмитриевне Блок (урожденной Менделеевой)⁵⁹. Это чувство, быстро возникшее и достигшее чрезвычайной интенсивности, все, с кем приходилось по этому поводу беседовать, характеризуют однозначно как страстное увлечение, «пламенную страсть». Так, А. указывает, что основным в его отношениях с Л.Д. Блок было влечение к ней как к женщине. «Нравились в ней голубые глаза с "разбойным разрезом", золотистые волосы и изумительный, "миндального лепестка" цвет лица» (беседа с А.).

Точно так же и Б. передает, что Б.Н. «был всецело захвачен этим чувством, и это выявлялось с его стороны в очень бурных формах». Л.Д. получала по несколько писем в день. Л.Д. тяготи-

лась его бурным темпераментом, очень быстро утомлялась. Л.Д. была одно время просто захвачена бурностью его чувства к ней: «была захвачена этим потоком чувств».

Январь и февраль 1905 г. проводит в Петербурге. Получает там массу впечатлений от общения с литературными кругами. В течение этого времени особенно тесно сближается с Блоками. Его чувства к Л.Д.Блок еще более усилились. Когда оставался с ней вдвоем, говорил ей о своем чувстве, говорил, что не может жить без нее. Часто гуляли вдвоем. Л.Д.Блок «играла» его чувством, мучила его.

По возвращении в Москву получает вызов на дуэль от Брюсова. После обмена письмами это недоразумение с дуэлью ликвидировалось⁶⁰, и даже спустя несколько месяцев, к лету, отношения их улучшились. Было всегда взаимное тяготение друг к другу на почве очень большого внутреннего понимания и оценки таланта. Однако «тени» на их отношения набегали и в дальнейшем. В этом выражается двойственный характер отношений между ними.

Отношения с Л.Д.Блок в дальнейшем рисуются следующим образом. В течение 1905 и 1906 гг. виделся с Блоками периодически, по 2-3 раза в год. Его влечение к Л.Д.Блок продолжало оставаться очень интенсивным. Положение между ним и Блоками создалось очень напряженное. Старался его разрешить решительным объяснением, но, как передавал в дальнейшем сам Б.Н. (со слов А.), Блок от этого уклонялся.

В 1906 г. в августе делает попытку вызвать Блока на дуэль, чтобы разрешить создавшуюся ситуацию. Эта попытка была предпринята Б.Н. под значительным влиянием Эллиса, который поехал секундантом к Блоку. Но когда Эллис приехал к Блоку договариваться о дуэли, последний отговорил его, и дуэль не состоялась⁶¹.

Через год Блок вызывает Б.Н. на дуэль на почве литературных споров (резкое письмо Б.Н. о сотрудничестве Блока в «Золотом руне»⁶²). Очевидно, как фон, вышеописанные интимные отношения имели большое значение.

После дуэли отношения с Блоком возобновились и даже приняли очень сердечный и дружеский характер. Этому предшествовал 12-часовой разговор с Блоком, в течение которого они выяснили до конца свои отношения как в литературном, так и бытовом плане, и поняли, насколько они близки друг другу.

Что касается Л.Д., то ее линия поведения была чрезвычайно изменчивая и неверная. Она несколько раз поддавалась просьбам Б.Н. и соглашалась порвать с мужем и жить вместе с Б.Н., но спустя короткое время снова отказывалась от этого. Очевидно,

она Б.Н. не любила, но вследствие его бурного темперамента подпадала в моменты объяснений под его влияние и временно соглашалась. Поведение А.А.Блока оставалось на всю жизнь загадкой для Б.Н. Например, был такой случай. После одного из объяснений Б.Н. с Л.Д. они вошли, обнявшись, в комнату, в которой находился А.А., и объявили ему, что Л.Д. уходит от него. На это он ответил, что очень рад. Они мирно начали беседовать втроем. А на следующий день отношения Л.Д. к Б.Н. снова резко изменились. Л.Д. вновь не хотела с ним видаться, говорила, что не может принять у себя и т.д. Такое поведение сильно нервировало Б.Н. Осенью 1906 г. он после одного решительного объяснения с Л.Д., во время которого он бросил ей упрек в том, что она «бездушная кукла», придя домой, серьезно думал о самоубийстве, провел бессонную ночь и лишь после длительного раздумья не привел в исполнение своего намерения. Но утром получил от Л.Д. записку с приглашением прийти к ней. Здесь они договорились, что в качестве испытательного срока не будут встречаться друг с другом в течение года. Для этой цели, чтобы не поддаваться искушению, он должен был уехать за границу⁶³. Перед расставанием дали друг другу обещание переписываться. Но Л.Д. снова нарушила обещание и перестала ему писать. В 1907 г. в начале марта вернулся из Мюнхена и Парижа снова в Москву, сильно разбитый и опустошенный своим неразделенным чувством к Л.Д. Теперь ему стало ясно, что из отношений с Л.Д. ничего не выйдет. Наступило разочарование. Рассматривал свое увлечение как «несчастную встречу».

Как передает А., на почве интоксикации организма, вследствие сильных неразрешенных перенапряжений в связи с этим увлечением, Б.Н. заболел зимой 1906-1907 гг. колоссальной величины карбункулом в области прямой кишки. Была сделана (в Париже) операция.

Отношения с Л.Д. в дальнейшем приняли со стороны Б.Н. совершенно спокойную форму. Его чувство к ней, столь бурное ранее, сгладилось. Этому способствовало и то, что он узнал, что у нее был ряд и других «романов».

Важно отметить, что, несмотря на все вышеперечисленные сильные личные переживания, его литературная продуктивность и живость его интересов ко всему происходящему не показывает никакого снижения.

Роман с Л.Д. не мешает тому, что революционные события 1905 г. сильно захватывают Б.Н. В «Начале века» он пишет: «переполненный весь впечатлениями от революции, пережитой в Петербурге». Он революционно настроен, принимает участие в

студенческих митингах, забастовках, уличных выступлениях. Читает Маркса, Бебеля, Каутского. По словам А., сочувствует социал-демократии. «Лютая ненависть к правительству».

Создается впечатление, что сильное напряжение общественно-политической жизни в этот период времени и то же в его личных переживаниях сплетались неразрывно друг с другом, одно другое обостряло и как бы воспламеняло.

Эпоху реакции на революцию 1905 г. переживал очень остро. Выражает это в своих стихах («Пепел»⁶⁴). Многие стихи на эту тему не были пропущены цензурой, некоторые из них затерялись.

В течение всего периода 1906-1907 гг. продолжается бурная литературная деятельность. В это время в нем зреют замыслы его будущих романов (в том числе «Петербург»). Посещение ночных чайных, пивных, разговоры с почтальонами, солдатами, кучерами, мастерами, извозчиками, мелкими чиновниками — как бессознательное собирание материала для будущего романа «Петербург». В период 1907-1908 гг. очень много выступает как лектор. Очень много работает над литературными произведениями и статьями по символизму. Необходимо отметить, что в это время большинство его бывших литературных товарищей были направлены против него.

Во время пребывания в Париже большое впечатление произвели на Б.Н. встречи с Жоресом⁶⁵. У него Б.Н. учился приемам лектора и старался их перенять.

В апреле 1909 г. начинается его сближение с будущей женой Анной Алексеевной Тургеневой (Асей Тургеневой). Познакомился с ней за несколько лет до того у Петра Ивановича Дальгейма⁶⁶, но до 1909 г. встречи были на концертах или на положении «гостя» у Дальгейма.

Летом 1910 г. решил жениться на А.А.Тургеневой⁶⁷. Это произошло в Луцке, в семье ее матери. Уезжают вместе за границу в декабре 1910 г.

Характер отношений Б.Н. к А.А.Тургеневой, по сведениям А., рисуется следующим образом:

Вначале у Б.Н. не было глубокого влечения к А.А. Чувство к ней носило у него в значительной мере реактивный характер на ту душевную «опустошенность», которая осталась у него после бурных переживаний, связанных с Л.Д. С другой стороны, А.А., которая жила у своего дяди (ушла из семьи вследствие конфликта между ее родителями), являлась в некотором роде как бы «сиротой». Она сумела тонко и чутко подойти к Б.Н., учесть то состояние, в котором он в то время находился, и таким образом ее присутствие действовало на него благотворно. Тем более,

что в этот период времени он оказался в одиночестве вследствие расхождений с некоторыми из своих сотоварищей по перу.

Таким образом, его чувство к А.А. рисуется в другом виде, чем его чувство к Л.Д.Блок. Во всяком случае, элемент «страсти», который был так резко выражен в отношении его к Л.Д.Блок, здесь не давал себя чувствовать в сильной степени. Здесь чувство развивалось главным образом на почве растущей привязанности и, если можно так выразиться, «родственной близости». Чисто сексуальный момент был выражен, по-видимому, в нормальной, свойственной обоим степени. Б.Н. был почти на десять лет старше А.А.

«Церковным браком не были оформлены, так как А.А. была против этого».

За границей пробыли около года-двух, посетили Венецию, Рим, Неаполь и ряд других городов, после чего вернулись снова в Москву⁶⁸. В 1912 г. вновь уезжают за границу уже на более долгий срок, до 1916 г.⁶⁹ За время обоих путешествий много ездят, живут в Мюнхене, Берлине, Швейцарии, посетили Африку. А. указывает также, что в углублении чувств Б.Н. к А.А. большое значение играло то, что оно развивалось на фоне прекрасных и все время сменяющихся картин природы.

Период пребывания за границей 1912-1916 гг. характеризуется дальнейшим развитием его художественного творчества. В это время был написан ряд крупных произведений. Много работал над проблемами ритма стихов. Интенсивная работа над теоретико-познавательными вопросами.

Это было время окончательного преодоления Канта. Простудировал естественно-научные работы Гете. Гете, так же как и Ломоносов, интересовал его потому, что и тот и другой представляют собой сочетание художника и ученого. Считал их близкими к себе типами.

Во время жизни в Швейцарии бывали моменты, когда чувствовал себя очень одиноким, особенно во время блужданий по горам, что очень любил делать. Однажды во время этих экскурсий в горы с ним произошел случай, едва не стоивший ему жизни. Забрался в такое место (над бездной), откуда, казалось, не было выхода. «Мелькнуло в сознании, что смерть». Затем «вновь поднялись силы жизни», и ему удалось выйти из опасного положения. Этот случай в горах переживал очень сильно, говорил, что он дал ему представление о том, какую ценность представляет собой жизнь.

Одно время (в 1914 г.) были сердечные недомогания, которые А. описывает следующим образом: «Ему казалось, что он как бы

чувствует сердце вне себя и что оно стеклянное. Поэтому старался ходить осторожно, немного наклоняясь вперед, чтобы не ударить это хрупкое сердце обо что-нибудь. Обращался к докторам, которые находили невроз сердца. Ни до того, ни после таких явлений не отмечалось».

Материальное положение в течение всего времени было скромное, иногда почти доходило до лишений. Приходилось часто занимать деньги или просить их у матери.

Объявление мировой войны произвело на него очень тяжелое впечатление. Месяца два был «как больной». Был настроен резко антимилитаристически. Этому в очень большой степени способствовало то обстоятельство, что во время объявления войны жил в Швейцарии и мог ознакомиться с прессой всех воюющих государств.

В 1916 г. Б.Н. по призыву возвращается в Россию. А.А. не едет вместе с ним и остается жить в Швейцарии. Перед расставанием они дают друг другу полную свободу в своей дальнейшей жизни. Имеются указания на то, что их расхождение друг с другом начало назреть уже за несколько лет до этого, постепенно все усугубляясь. Инициатива происходила со стороны А.А., и ее охлаждение воспринималось Б.Н. очень тяжело.

По возвращении из-за границы Б.Н. первое время живет вместе с матерью. Находится в состоянии ожидания надвигающихся событий. Принял Февральскую революцию очень горячо. Был в это время в Петрограде. Участвует в литературных вечерах, уличных митингах и т.д.

После Октябрьской революции принимает участие в общественной жизни литературных кругов столицы, в организации нарождавшихся тогда обществ. Общается с рядом поэтов (Есенин, футуристы), читает лекции о ритме в «Студии поэтов»⁷⁰. Начинает работать в пролетарских организациях: «Пролеткульте», «Тео», «Лито» (вместе с Брюсовым)⁷¹. Участвует в разработке проектов программ для организации театрального университета, художественных студий, постановок и т.д.

В 1919 г. принимал большое участие в работе «Дворца искусств».

В феврале 1918 г. переезжает от матери и живет отдельно. В бытовом отношении жизнь складывается в течение этого периода времени, до отъезда за границу в 1921 г., очень неустроенно, беспорядочно, ведет кочевой образ жизни. Обедает в «столовке» или у знакомых.

За годы военного коммунизма литературная продукция несколько уменьшилась по сравнению с предыдущими годами, хо-

тя все же написал несколько крупных произведений. Акцент в этот период падает больше на лекционную работу.

Личная жизнь Б.Н. складывается в этот период времени следующим образом.

В письмах, которые он получал от А.А., он все более чувствовал нарастающее охлаждение с ее стороны, которое должно было в конце концов привести к неминуемому разрыву. Это переживалось им очень тяжело, хотя не всегда угнетало его в одинаковой степени, вспыхивая более сильно периодами, между которыми он отвлекался от личных переживаний и погружался в происходившие вокруг него события, развертывающиеся в то время в нашей стране.

Тоска по А.А. постепенно возросла в нем в такой степени, что решил уехать к ней, чтобы путем личных переговоров окончательно разрешить вопрос о том, как быть в дальнейшем. Эта мысль появилась в 1919 году, но уехать удалось только в октябре 1921 г.

Во время происшедшего объяснения определилось окончательно, что совместная жизнь между ними невозможна⁷². Этот разрыв Б.Н. пережил очень болезненно.

Сильно ухудшилось состояние здоровья. Помимо постоянных мигреней, которые в этот период особенно усилились, была бессонница, было очень нервное состояние, часто болел (гриппом).

Бурность реакций на разрыв с А.А. выразилась также в том, что начал «пить». При этом оказалось, что был настолько чувствителен к алкоголю, что достаточно было выпить 2-3 рюмки, чтобы совершенно забыться. Состояние опьянения выражалось в том, что становился очень оживленным, остроумным, веселым, но ничего не помнил в дальнейшем о своих действиях — «провалы памяти». Кроме того, «ударился» в этот период пребывания за границей в фокстроты, танцевал их «до безумия».

Необходимо, однако, отметить, что, как это вообще для него было характерно, тяжелые личные переживания не мешали творческой деятельности. Так, за время пребывания в Берлине им написан ряд работ (воспоминания о Блоке⁷³ и ряд других автобиографических работ, оставшихся в значительной степени неизданными⁷⁴).

При переезде из-за границы обратно в Москву первое время было очень трудно с жилищным вопросом. Жил вначале при одном заводе — Анилтреста⁷⁵, временами у знакомых. В 1925 г. удалось устроиться под Москвой в Кучино, где жил до 1931 г.

В течение этого периода времени необычайно усиленно работает над рядом художественных произведений. Здоровье стало

слабее. Все последние годы, примерно с 1928 г., Б.Н. часто хворал, главным образом, гриппами, причем большую роль в этом играло переутомление. Материальное положение до 1925 г. было очень плохое, приходилось зарабатывать чтением отрывков. С 1932 г. вновь стал принимать активное участие в общественно-литературной жизни (в ГИХЛе), от которой до того был оторван. В 1931 г. выяснились также окончательно и отношения со второй его женой Клавдией Николаевной, с которой он стал жить с этого времени совместно⁷⁶.

В 1933 г. 15 июля, когда находился в Коктебеле, случился удар. Сначала почувствовал жар в затылке, встал, пошатнулся и упал. Был без сознания несколько часов. Когда пришел в себя, было сильное возбуждение. Рвался идти гулять к морю, очень много говорил. Прележал несколько дней. Появилась какая-то задержка, связанность в области шеи и верхней половине спины. Движения были гораздо более замедленные, чем ранее, со стороны психики была потеря чувства времени.

Был потрясен сознанием того, что он больной и «должен» делать анализы. Это на него действовало очень угнетающим образом — был в состоянии депрессии. В дальнейшем головные боли в затылке и висках, которые и до того были, усиливались временами до невыносимой степени. Несмотря на это, все время рвался к деятельности. Ходил на собрания (например, в ГИХЛ). Все время был на ногах. Это его сильно утомляло.

Осенью 1933 г. болезненное состояние начало нарастать особенно сильно. Работоспособность резко упала. Ходить становилось все труднее. Его пошатывало, отклоняло в правую сторону. Ориентировка в окружающем была в порядке. Последний приступ головных болей сопровождался бредом, была потеря чувства пространства. 8 декабря 1933 г. был доставлен в психиатрическую клинику, где и находился до момента смерти — 8 января 1934 г.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ ПО НАСЛЕДСТВЕННОСТИ

Со стороны наследственности можем отметить следующее.

Большая интеллектуальная одаренность по линии отца. Отец — профессор математики с выраженной склонностью к философии. Один из его братьев обладал недюжинными способностями к научной деятельности, другой обладал большой эрудицией в философии. Сын последнего (двоюродный брат Б.Н.) преподаватель математики⁷⁷.

По линии матери — большая одаренность в художественном отношении. У матери, наряду с общим художественным развитием, необходимо отметить сильно выраженную музыкальную одаренность («насквозь музыкальное существо»). То же у деда со стороны матери.

Таким образом, мы имеем в наследственности Б.Н. сочетание двух основных, выраженных потом в развитой степени моментов, играющих решающую роль в общей структуре его личности как творческого работника: момента интеллектуального, познавательного, и момента эмоционального, момента художественного восприятия.

Далее, у членов семьи необходимо отметить следующую черту характера. У отца и дядей со стороны отца — страсть к спорам и сильная склонность к гротеску (причудам, чудацествам). Последняя особенность сочеталась у них с тенденцией к протесту против окружающего их быта («все Бугаевы — спорщики», «срыватели масок», «Бугаевы — люди с перцем»).

У отца имеет место кроме того, наряду с выдающимся развитием интеллектуальной сферы, сильное развитие также эмоционально-аффективной и волевой. При этом в особенности важным представляется отметить неуравновешенность, диспропорцию во взаимодействии этих областей психики между собою, связанную, по-видимому, со свойственной ему экспансивностью в проявлении своих реакций вовне.

По линии матери — тенденция к замкнутости и углублению в себя: у деда и тетки, младшей сестры матери⁷⁸. Сильное развитие эмоциональной сферы — у деда и матери. Со стороны матери, кроме того, резко выраженная неуравновешенность и явно истерические проявления реакций⁷⁹.

Таким образом, неуравновешенность во взаимодействии различных сторон личности имеется и у отца, и у матери.

Указаний на психические заболевания в роду не имеется.

КОНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ

Рост немного выше среднего. Вес около 4-х пудов, немного меньше.

Телосложение правильное. Лицо удлиненное, заостряющееся книзу. Глаза синие, иногда с серым оттенком. Уши с большой ушной раковиной, имеющей внутри бугроватые очертания. Ушные раковины прилежат к черепу, мочки приращены. Лоб несколько покатый назад. Надбровные дуги сильно развиты. Нос прямой. Очень сильно выражены носогубные складки. Сильно выдающаяся

ся затылочная часть черепа. Виски несколько запавшие. Костная система туловища и конечностей развита нормально. Кости тонкие. Мышечная система развита достаточно, дряблости мускулатуры не было. Грудная клетка ранее была развита хорошо. Но за последние два года начал горбиться, грудная клетка стала принимать несколько западающий характер. Конечности были скорее длинные, но это не производило впечатления чрезмерности. Кисти рук правильной и красивой формы, несколько удлинненные, с длинными и узкими пальцами («музыкальная рука», как находил Танев⁸⁰). Был худощав, подкожно-жировой слой был развит слабо, ребра всегда выдавались под кожей отчетливо.

Волосы на голове очень мягкие и пушистые, мелко-волнистые («точно наэлектризованные»), ранее были очень светлые, годам к тридцати начали заметно темнеть. Седеть стал после 40 лет. Лысина начала появляться приблизительно в возрасте 26-27 лет, полысение прогрессировало очень быстро, так что годам к тридцати пяти большая часть головы была лишена волос.

Цвет кожи — бледный с оттенком слоновой кости. В области левой ключицы темное плоское родимое пятно величиной с горошину.

Сердечно-сосудистая система

Сердце всегда находили хорошим. До последнего времени, когда случился удар, артериосклероза не находили. Мог переносить высокий горный климат, и врачи ему это разрешали.

Всю жизнь страдал мигренями, довольно частыми, длительностью от нескольких часов до нескольких дней. Болели виски или затылок, чаще всего правый висок. Лицо при этом бледнело. Затягивал голову полотенцем, смоченным холодной водой.

Органы дыхания

Частые бронхиты, ларингиты. Одно время даже предполагали туберкулез дыхательных путей, но в дальнейшем это не подтвердилось. Дыхание свободное. Был свойственен легкий кашель, «откашливание». Склонность к гриппозным заболеваниям.

Желудочно-кишечная система

Была склонность к поносам, особенно в детстве, но бывали временами и запоры (последнее усилилось за год до смерти). Вообще отмечалась слабость желудочно-кишечной системы — легко заболел с этой стороны. Не переносил жирную пищу.

До последнего заболевания выраженных психических расстройств не отмечалось. Приблизительно с ноября месяца временами сознание бывало не вполне ясным, затемненным, что усиливалось во время мозговых припадков до бредового состояния. Припадки выражались в резком усилении головных болей, приступах тошноты и рвоты, болях в крестце, отдававших в бедра, сильной общей слабости. Одновременно отмечались спутанность в отношении правой и левой стороны, расстройства глотания и речи (по данным жены).

В отношении интоксикаций отметим следующее.

Алкоголя систематически не употреблял. Вина не любил, но иногда пил за обедом красное вино, разбавленное водой.

Курил много. Во время работы мог выкуривать до 50 штук в день⁸¹, но не затягивался или затягивался слегка, часто бросал папиросы недокуренными.

ПСИХОМОТОРНАЯ СФЕРА

Обычно все делал правой рукой. Однако имеются неясные указания на то, что мог некоторые действия производить и левой рукой. Так, жена указывает, что иногда мог рисовать левой рукой. На основании этих данных можно заключить, что левшой не был наверное, но неясно, не было ли двурукости.

Физической силы большой не было. Больших тяжестей поднимать не приходилось. Даже в сравнительно молодые годы с трудом поднимал не очень тяжелый чемодан. Последние годы (лет 6) жаловался на упадок физической силы.

В руках сила была. Когда занимался скульптурой по дереву⁸², то владел хорошо довольно тяжелым молотком и стамеской, мог работать с этими инструментами часами.

Был способен к довольно продолжительной физической работе и любил ее. Например, любил сам колоть дрова и носить их, любил сгрести снег, расчищать дорожки, разгребать осенью листья, очищать от сорных трав огород. Был способен производить такую работу в продолжении примерно часов двух. При этом очень сильно потел, приходилось менять белье, появлялась сильная испарина на голове; по окончании работы чувствовалось утомление, по-видимому, довольно сильное, так как после этого обыкновенно ложился. В момент работы утомления не чувствовал, так как сильно увлекался. Чувствовал себя после физической работы всегда освеженным, было приятное ощущение во всем теле.

Когда бывало необходимо, делал всю домашнюю работу: подметал пол, стирал пыль, мыл посуду и т.д.

Был очень подвижен, но не суетлив. Предпочитал или двигаться — ходить или гулять — или лежать. Находиться в сидячем положении не любил. Говорил: «Мои два состояния — ходить и лежать». Предпочитал обдумывать вещи лежа. Когда приходилось писать, то всегда делал это сидя, что сильно его утомляло, затекали ноги, были неприятные ощущения в спине и шее. Это особенно усилилось за последние годы. Сам процесс писания воспринимал как тяжелый физический труд. Последние лет 6 охотно проделывал гимнастику пальцев по системе, показанной одной массажисткой.

Всегда говорил, что у него очень сильные ноги и слабые руки. Мог, например, сидеть на корточках на восточный манер очень длительное время. Называл себя поэтому «врожденным арабом». Охотно принимал положение на корточках во время беседы и т.д. «Сидел на корточках, как вылитый» и «очень нелегко его сбить из этого положения».

Когда сидел обычно, то почти никогда не опирался на что-либо, сидел всегда прямо. Часто вскакивал. Любил сидеть, подложив под себя ногу, подпрыгивая на ней и как бы «пружина» всем туловищем.

Была привычка ежедневно гулять днем в течение двух часов, а также перед сном в течение получаса.

Движения были очень простые и естественные, скованности или разболтанности не было.

Дрожания, судорог не отмечалось.

Движения отличались большой стремительностью, но, несмотря на это, были в то же время очень плавные, мягкие и скорее закругленные. Острых углов, резкости не было, даже когда делал внезапные порывистые движения. Движениям была свойственна очень большая ритмичность («музыкальные движения»). «Движения исходили из всего организма», «в каждом движении принимало участие все тело, все части тела». «Цельность порыва». Например, во время лекции делал жест, потрясая карандашом. Это движение напоминало трепетание крыльев бабочки, причем все тело принимало в нем участие. Когда оборачивался, то всегда всем туловищем. Даже когда шел, то в походке принимали участие не столько раскачивания рук, сколько всей верхней части туловища.

Когда что-либо осматривал или разглядывал, мог очень быстро двигать шей в разные стороны и кругом. Шей была в особенности подвижная, мышцы шеи очень сильно развиты.

«Движения шей напоминали что-то птичье, орлиное или соколиное».

Необычайно подвижная спина. «Шла волнами», «пробегала волна по всей спине, как это бывает у диких зверей, например, леопардов». Чувства удовольствия или недовольства очень выразительно сказывались в движениях плечами. Движения вообще были очень свободные, «но не размашистые».

Обыкновенно ходил быстро, медленно ходить не мог. В молодые годы любил бегать и прыгать, мог это делать хорошо. Быстрая ходьба сохранилась до того, как заболел. Походка замедлялась только в некоторых случаях, когда что-либо обдумывал или рассматривал. Когда шел, то создавалось впечатление, что «центр» движения находится в области груди. «Как будто ведут не ноги, а грудь». Ходил по улице грудью вперед.

Походка менялась в зависимости от внутреннего состояния. Обыкновенно всегда ходил с палкой, «палка была его какой-то неразлучный друг». Руками при ходьбе размахивал не сильно.

Одно хорошо знавшее его лицо следующим образом характеризует его движения:

Необычайная ритмичность, легкость и четкость во всех движениях, в них сказывалась сила — ощущение большой концентрации воли. В то же время движения были настолько естественны, что не требовали, казалось, никаких усилий, казались страшно легкими.

В качестве одной из основных особенностей его психомоторики нужно признать, наряду с ритмичностью, очень большую ловкость в общих движениях. Как выражается один из собеседников, «были выраженные акробатические таланты». Приведем несколько высказываний и примеров.

В детстве занимался гимнастикой, упражнялся на трапециях. Лет девяти занимался в гимнастическом обществе. Интересно, что мог одновременно ездить верхом и писать. Вообще очень любил в молодые годы карабкаться, цепляться, лазать, прыгать. Высоты не боялся совершенно. В студенческие годы, когда работал в химической лаборатории, любил, балансируя, прохаживаться по балюстраде крыши здания, часто со стаканом чая в руках. Другой раз, вместе с одним товарищем, пробрался по карнизам одного дома на высоте второго этажа для того, чтобы продемонстрировать, каким образом воры могут залезть в дом⁸³.

Уже в 1923 г., когда был в Альбеке⁸⁴, потерял однажды ключ от комнаты. В комнату можно было проникнуть только с балкона соседней комнаты, пробравшись затем по карнизу до окна. Про-

делал это очень ловко. Собралась толпа, с недоумением смотрящая на это зрелище и вначале принявшая его за жулика.

Чувство равновесия было развито чрезвычайно сильно. «Было в этой ловкости что-то от горной козы». Риска падения не боялся и даже любил его.

Очень легко и ловко мог карабкаться по горам, переходить через горные ручьи, речки по узкому бревнышку. Очень любил подходить к краю пропасти, обрыва и, наклонившись, смотреть вниз. Любил пройти по узкому карнизу с отвесными обрывами. Был очень счастлив, когда ему приходилось это делать. «Любил ощущения глубины». «Взгляд сверху вниз — с этим связана была целая теория»⁸⁵. Головокружения при этом не чувствовал совершенно.

Очень хорошо мог играть в мяч, крокет, серсо.

Мог хорошо грести. Когда был в Свинемюнде (1922 г.)⁸⁶, то уезжал один в лодке далеко в море. Плавать мог, но особой любви к этому не чувствовал. В молодости одно время занимался как будто фехтованием.

Очень любил танцевать. В молодости, особенно в первые годы студенчества, много и хорошо танцевал. Танцевал вальсы, мог сплясать русскую. В 1923 г., когда был за границей, с увлечением изучал фокстрот, который ему очень нравился как танец тем, что в нем ритмичность движений доведена до высшей точки. Подчеркивал при этом, что необходимо чувствовать внутренний ритм фокстрота⁸⁷.

В 1913-14 гг., когда был в Базеле⁸⁸, занимался скульптурой по дереву. Высекал из особенным образом спрессованных больших кусков дерева монументальные архитектурные формы, как например, капители. В остальном каким-либо мастерством или ремеслом не занимался.

Приведем описание некоторых излюбленных в быту жестов.

Все время расхаживал по комнате, например, когда рассказывал что-нибудь, любил делать характерный жест: поворачивался вокруг себя и, вытянув руки, разводил их перед собой и затем соединял ладонями с небольшим прихлопыванием. Правая рука при этом была сверху. При разговорах или спорах любил потирать руки. Любил сидеть несколько наклонившись вперед, руки спокойно сложенные кистями одна поверх другой.

Когда встречал кого-нибудь, кого приятно было видеть, то приветствовал с некоторой экспансивностью: откидывался назад, широко разводил руки в стороны, издавал приветственное восклицание. Вообще же манера приветствия обычная. Манера подавания руки при встрече открытая. Жал руку энергично.

Когда курил, то делал несколько «изошренное» движение: наклонялся всем корпусом в сторону руки, держащей папиросу, которая в это время совершала плавный полукруглый жест в сторону, головой в то же время отклоняясь несколько в противоположную сторону.

Театральности, вычурности, манерности в движениях не отмечалось совершенно.

Переходим теперь к тонким ручным движениям.

В противоположность общим движениям, которые, как мы с уверенностью можем заключить, отличались большой ловкостью, тонкие ручные движения удавались плохо. Это сказывалось во всем, вплоть до мелочей. Например, когда чинил карандаш, то получалось очень уродливо, с буграми, «только чтобы обнажить графит». Жена указывает, что «было совершенное мучение надевать запонки, было страшно трудно попасть в отверстие». «С запонками всегда была война». С трудом удавалось завязывание галстука (из-за этого предпочитал носить галстук бантиком), надевание воротничка, с трудом застегивал пуговицы, с трудом шнуровал ботинки. Не мог пришить себе пуговицы. Поэтому, когда жил один, «ходил», по его выражению, «в системе английских булавок».

Когда раздевался, то со страшной силой срывал с себя белье, если что-либо застревало, старался не высвободить, но сорвать, из-за чего часто рвал белье. Процесс одевания проходил спокойнее.

Вообще в отношении всех процедур туалета, требовавших некоторой ручной ловкости, отмечалась очень большая нетерпеливость, из-за чего часто вместо того, чтобы поправить то, что не удавалось, ухудшал. Представляется очень вероятным, что эта нетерпеливость происходила главным образом из-за его неумения владеть вещами.

Спички зажигал хорошо.

Чрезвычайно интересный в свете всего вышесказанного факт. В Свинемюнде в 1922 г. преподаватель фокстрота, с которым он занимался, научил его «артистически» завязывать галстук. Действительно выучился этому «искусству» и мог хорошо завязывать галстук (как он выражался, хорошо решал эту проблему). Но затем, когда вернулся в СССР, вновь разучился это делать (!).

Не мог обращаться с механизмами. Говорил, что «они его не любят». Часто ломал часы, ронял их, сворачивал пружины. Всегда бывали сломаны запоры на его портфелях, чемоданах, дверях комнат, где он жил. «Не мог обращаться с ключом». Когда замок был с «капризом», но всем было известно, что при повороте нуж-

но его в определенную сторону нажать или сделать что-либо подобное, то ему это никак не удавалось.

Товарищ по университету также отмечает, что особой ловкости тонких ручных движений не отмечалось. Не было склонности сосредоточиваться на тонкой ручной работе (что-нибудь тонко сделать, отпрепарировать и т.д.).

Исключением являются два факта: первый заключается в его умении бриться. «Брился безопасной бритвой очень ловко, когда резался, было событие, если очень уж спешил». После бритья сам протирал и просушивал (особыми тряпочками и бумажками) бритву. Второе заключалось в указании его жены на то, что «мальчиком, когда был классе в пятом гимназии, любил показывать карточные фокусы, в которых требовалось с очень большой быстротой передернуть карты, причем эти фокусы удавались ему хорошо».

Отметим в заключение, что за последние год-полтора, в связи с его заболеванием, движения стали менее ловкими, жаловался на то, что пальцы потеряли ощущение предметов, «руки стали как крюки», по-видимому, было ослабление осязания в пальцах. Часто начал ронять вещи и рассыпать их, например, папку с бумагами, чего ранее никогда не бывало.

Падения, если бывали, то очень редко. Жена не может припомнить ни одного случая падения. Даже когда приходилось поскользнуться, очень легко восстанавливал равновесие.

Переходим к выразительным движениям.

Мимика и жестикация были очень богатые и разнообразные.

Выразительным движениям, как и всем движениям вообще, была свойственна временами порывистость. Отмечалось чрезвычайно сильное развитие и усиленная деятельность всех лицевых мышц (у носогубной складки, лобных). Этим объяснялась чрезвычайная выразительность и подвижность лица. В особенности выразительной была нижняя часть лица, область рта — «брызжащее лицо». Это делало зарисовку его лица очень трудной для художников.

Очень выразительным был, далее, взгляд. Вот описание первого впечатления от встречи с ним: «Больше всего поражали его глаза (взгляд совершенно необыкновенный), лучистые, как будто из глаз исходил какой-то сжигающий свет».

Необычайная активность в движениях и жестах при разговоре с собеседником, особенно во время споров. Всеми частями тела — глазами, руками — как бы тормозил собеседника, требовал от него ответа и активного участия в разговоре. Это требовало вза-

имной реакции, взаимодействия, резко выявлялось во время чтения своих произведений. «Должна была быть хоть какая-нибудь реакция, хотя бы вкривь и вкось».

Улыбался часто, обычно улыбка была очень ласковая. Очень любил смеяться. Смех на «ха-ха-ха», поднимающийся вверх, часто не хватало дыхания, смех почти всегда из-за этого обрывался, на глазах выступали слезы. Так могло повторяться несколько раз подряд.

Вот как описывает хорошо знавшее его лицо общий характер жестов во время речи:

Свои слова сопровождал очень выразительными, но краткими жестами, как бы иллюстрировал жестами свою речь, но не был их рабом. Большая гармония жестов с содержанием речи, без утрировки.

Была способность, когда рассказывал о каком-либо человеке, передавать в жестах, интонациях голоса, мимических движениях основное впечатление о данном человеке. При этом у разных людей передавал существенную, подмеченную, у них особенность разными способами, используя для этого разные выразительные движения. Например, у Брюсова передавал свойственный ему жест сложенных на груди рук, у Мейерхольда какую-то рассеянность в жестах, у Блока что-то от «каменности» командора и т.д. Важно отметить, что передавал не просто жесты или приемы изображаемых лиц, а скрывавшиеся за ними существенные черты характера. В соответствии с этим в его имитациях не было точного копирования жестов или приемов других, но скорее намеки на эти последние, но намеки столь глубокие, метко и верно схваченные, что они выявляли одновременно и существенные особенности данных людей.

Была склонность к воплощению себя в воображаемые образы и в отношении костюмов. Так, в юношестве любил одеваться в воображаемых героев. Это у него появилось после того, как посетил впервые несколько спектаклей в театре. Уже во время пребывания в Коктебеле в 1924 г. принял раз участие, вместе с Брюсовым, в одном вечере импровизации. В очень короткий срок, не более 10 минут, переоделся и загримировался под авантюриста, наложил соответствующие штрихи на лицо, расположил соответствующим образом шляпу, рубашку, придал лицу «гориллообразное» выражение. Провел свою роль очень хорошо⁸⁹.

Обладал необыкновенно развитой способностью изображать животных⁹⁰. Неподражаемо мог представлять, например, собаку, передавая ее движения хвостом, лапами, рычание и вздохи. Пере-

давал спокойное и презрительное жмуренье кота, движение хобота слона при помощи движения носа и рук, притоптывал при этом ногой, гримасничанье и пляску обезьянки под шарманку, переваливание медведя и движения целого ряда других зверей.

Удавались, главным образом, выразительные движения зверей, подражание голосам животных в его передаче занимали сравнительно малое место.

Игра на музыкальных инструментах

В детстве и юношестве играл на рояле, техника, по-видимому, была невысокая. В дальнейшем ни на каких музыкальных инструментах не играл. В 1923 г. за границей принимал одно время участие в каком-то джаз-банде, манипулировал при этом какими-то колотушками или трещотками.

Речь

Голос средней высоты, с очень хорошей дикцией — необыкновенно отчетливый, громкий и звучный. Когда волновался или уставал, то голос часто приобретал крикливость, переходил в крик.

Это в особенности стало заметно за последние годы. Шепотом говорил очень редко, этого не любил.

Речь очень быстрая, иногда настолько, что не успевал договаривать слова. Во время разговора была манера часто обращаться к собеседнику с фразой: «Вы понимаете», причем эта фраза произносилась настолько быстро, что превращалась в какой-то нерасчлененный возглас. Но иногда во время потока речи, когда доходил до какого-то «ударного» места, вдруг резко менял ритм речи, произнесение слов становилось растянутым. Благодаря этим изменениям, речь его была очень выразительна.

Необычайно богатая и красочная палитра выразительных интонаций и нюансов голоса, не только в произнесении отдельных слов, но вплоть до букв: «голос, который шел как бы прямо к сердцу, звучащий настолько ритмично, что по сравнению с ним все остальные голоса казались как бы "тянучими"».

Мог необычайно тонко передавать при помощи разнообразнейших оттенков модуляций содержание стихов, которые произносил.

Речь лилась плавно и свободно. Когда бывали задержки из-за подбора слов, то растягивал это место, пока не находил нужных выражений. Это бывало, главным образом, когда выступал как лектор, в разговорной речи этого не замечалось.

Случаев выпадения из памяти отдельных слов или неумения их произнести не отмечалось, то же в отношении смысла или значения отдельных слов.

Грамматическое и синтаксическое построение речи в общем правильное. Но в последние годы, особенно сильно в последний год, отмечалось расхождение, несогласованность в падежах и родах отдельных слов. В наибольшей степени это выражалось в письменной речи, ему приходилось в дальнейшем делать соответствующие поправки в своих рукописях. Не удается выяснить, было ли ему это свойственно и ранее. Создается впечатление, что здесь всегда было его слабое место.

Пение

Не пел. Говорил, что не в состоянии пропеть ни одной ноты. При одной мысли об этом ему становилось очень смешно. Говорил, что не представляет себе, как бы он мог петь. В то же время в первые годы поэтического творчества почти пел свои стихи на разные мелодии, которые сам же изобретал, так что их в его передаче можно было бы переложить на ноты. Писал в первые годы к своим стихам композиции, на манер романсов (голос и аккомпанемент). С технической стороны это было довольно безграмотно. Никогда не напевал, не свистел и не насвистывал.

Письмо

Писал очень быстро, так же как и говорил. Самый процесс письма очень не любил. Последние годы (года за два до смерти) очень охотно прибегал к диктовке своих произведений жене, которая из записывала. При этом всегда расхаживал, давал волю своим жестам, сопровождающим течение мыслей. Такой способ работы ему очень нравился. Он чувствовал себя гораздо свободнее. Годился он, однако, для таких произведений как мемуары, статьи. Чисто художественные произведения творить таким образом, по-видимому, не мог бы.

Особенно необходимо подчеркнуть большую изменчивость почерка. Это выражалось в значительном различии в почерке, которое заметно, если сравнить между собою начало письма и конец, когда начинало сказываться утомление.

Почерк менялся на протяжении всей жизни. Вначале, в молодости, он был очень мелкий, легкий, горизонтальный и неразборчивый (у отца был очень мелкий бисерный почерк, но очень четкий). В дальнейшем он стал значительно более вытянутым в вертикальном направлении.

Путем более детальных расспросов выяснилось, что перелом в почерке произошел между 1914-16 гг., причем основную роль сыграла в этом сознательная волевая работа над почерком, направленная на то, чтобы сделать его более понятным для наборщиков. Таким образом, изменения почерка должны быть рассматриваемы как вызванные произвольным процессом. Этим объясняется то, что в последние годы писал в начале письма очень удлиненными буквами, а когда уставал, почерк становился все более мелким по мере того, как в связи с утомлением ослабевал произвольный импульс.

Пропусков букв, слогов, слов в письме не встречалось. Личные письма писал так же, как и свои произведения, очень длинные. Мог, например, написать письмо в 40 листов. Когда их писал, то писал «как следует», очень подробно, как в разговорной речи. Иногда письмо представляло собой форму дневника за несколько дней. Никаких сокращений в письменной речи не употреблял, всегда полностью выписывал слова. Определенного преобладания письменной или устной речи друг над другом установить нельзя. И то и другое использовал в полной мере.

Чертить не умел. «Схемы, к которым прибегал очень охотно, бывали всегда очень выразительные, но не точные». Например, если рисовал какую-нибудь фигуру, то «она прямо как жила», но в то же время могла быть исполнена технически неправильно в смысле требуемого соотношения отдельных частей. Сам про себя говорил, что «прямой линии провести не умею». Не было уверенности и ровности нажима, линии получались нечеткие. Не мог работать с линейкой, несмотря на то, что приходилось много чертить схем. Когда употреблял линейку, получались кляксы, сдвиги.

На основании вышеизложенного создается определенное впечатление, что в черчении была та же моторная неловкость и недостаточность координации, что отмечалось и в тонких ручных движениях вообще.

Рисование и живопись

Ранее особой склонности к рисованию не было, рисовал только карикатуры. Потребность в рисовании появилась во вторую половину жизни, примерно с 1913-14 гг.⁹¹ В дальнейшем она постепенно усиливалась. Сделал много самостоятельных рисунков к «Маскам» и «Москве», а также несколько набросков чернилами (например, контур фигуры сенатора Аблеухова к роману «Петербург»).

Некоторые рисунки в «Масках» были художником только оформлены по эскизам Б.Н.⁹² Во всех этих рисунках чрезвычайно резко выпирает элемент гротеска, шаржа.

До 1927 года зарисовок с натуры не было. В 1927 году, когда был на Кавказе, делал зарисовки пейзажей с натуры⁹³. Все рисунки с технической стороны слабые, но необычайно импрессионистичны, насквозь проникнуты символикой. В особенности это сказывается в даваемых одними контурами рисунках горных хребтов и, главным образом, в сочетаниях и переходах оттенков красок. В общем, некоторые рисунки, несмотря на явную техническую слабость, производят сильное впечатление своей выразительностью.

Было продемонстрировано несколько рисунков бытового характера. Одни — типа шаржа, другие изображают определенные ощущения, например, бессонницы, бессилия и т.д. Они также технически очень слабы, но очень выразительны своей символикой.

Имеется ряд рисунков типа орнаментов, ряд набросков архитектурного характера⁹⁴. Слабость технического оформления, но сильное выявление самых разнообразных цветовых комбинаций. Очевидно, что чувство цветов, красок и их комбинаций было очень сильно развито.

Несколько рисунков сделаны уже во время болезни. Они носят мрачный, жуткий характер, передавая, очевидно, соответствующие болезненные ощущения.

ПСИХОСЕНСОРНАЯ СФЕРА

Зрение

Хорошее. В 1922 г. начала появляться дальновзоркость, постепенно усиливавшаяся, были прописаны очки для работы. Вдаль видел очень хорошо. При работе без очков несколько отставлял от себя рукопись.

Глазомер, по-видимому, был развит удовлетворительно. Это выражалось в том, что мог хорошо рассчитать расстояние при игре в мяч и когда перепрыгивал с камня на камень. Хорошо играл в серсо. Хорошо мог играть в крокет. В рассказах точно передавал расстояния между предметами и величины, обращал на это внимание.

Страдал куриной слепотой. Особенно это заболевание усилилось за последние годы. Когда стало появляться, сведений нет. Выражалось это в том, что очень плохо видел в сумерки; как толь-

ко начинало темнеть, передвигался очень осторожно, с большой опаской.

Цвета различал правильно, вплоть до самых тончайших оттенков. Дальтонизма не было. Очень любил яркий дневной и солнечный свет. Это сильно поднимало его настроение. Мог спать без темных занавесей. Не было стремления укрыться от света.

Случаев неузнавания формы или значения отдельных предметов не отмечалось. Ни зрительных, ни слуховых иллюзий или галлюцинаций не отмечалось.

Очень сильное развитие восприятия цветов и красок. Это с несомненностью вытекает из приведенного выше анализа его рисунков. В качестве подтверждающего этот момент факта приводим следующие указания жены. Когда заканчивал какой-нибудь напряженный этап работы и был свободный промежуток, производил уборку стола. Покрывал его особым образом подобранными листами цветной глянцевитой бумаги. Брал различные сочетания цветов, например, темно-синий с темно-вишневым, коричневый и персиковый, красное с белым, голубое с серебром. Подбор комбинаций устанавливался в зависимости от желания: «чего глаз просит».

Наряду с сильно развитым восприятием цветов и красок было также выраженное восприятие рельефа, чувство формы. Превалирования одного над другим не отмечалось. Любил как живопись, так и скульптуру и архитектуру, причем последняя, пожалуй, была наиболее ему близка.

Очень сильно развитая зрительная память. Очень хорошо запоминал и впоследствии мог точно передать то, что видел. Всегда стремился, когда где-либо бывал, приобретать как можно больше открыток с видами той местности, где находился⁹⁵. Сам мотивировал это тем, что он все воспринимает импрессионистически, синтетически, тогда как необходимо иметь и отдельные факты. Стремления самому фотографировать интересовавшие его места не было.

Слух

Хорошо слышал на оба уха. По временам, особенно во время усталости, бывал звон в ушах. Слух был очень тонкий. Хорошо разбирал шепотную речь. Мог правильно определить направление по слуху. Например, ночью мог определить по свистку, где находится поезд. Одинаково хорошо воспринимал высокие и низкие тона. Слуховых иллюзий и галлюцинаций не отмечалось. Слуховая память была хорошая. Любил слушать чтение вслух других.

Переходим теперь к рецептивной стороне музыкальной одаренности. Эта сторона, в противоположность экспрессивной, была развита сильно. Абсолютным слухом не обладал. Относительный слух был развит хорошо. Очень хорошо запоминал то, что слушал, как в отношении мелодии, так и в отношении ритма. Всегда чувствовалось что, когда он говорит об определенной мелодии, она в нем звучит.

Относительно того, мог ли определить составные части аккордов, указаний нет. Инструменты по тембру различал очень хорошо, мог различить в оркестре звуки отдельных инструментов, каждый обладал для него индивидуальностью. Связывал звуки определенных инструментов с определенными образами. Виолончель — исключительно певучее, валторна — строгая.

Ноты знал. Мог ли читать ноты с листа — неизвестно.

Очень любил рояль и виолончель. Очень любил также скрипку. Предпочитал концерты, камерные, симфонические, квартеты. К опере питал меньше интереса, но некоторые оперы также любил, особенно «Кармен» и «Пиковая дама», «Хованщина». Повидимому, мешала воспринимать оперный род музыки нелепость некоторых моментов, несоответствие некоторых эпизодов в опере реалистическому пониманию мира (например, говорил, что в опере «три раза умирают и каждый раз два часа поют»). Склонности к балету выраженной не было. За последние годы ни разу не посетил балета.

В отношении музыки вообще нужно отметить, что восприятие ее было очень сильно развито. Была очень большая утонченность всех музыкальных восприятий и переживаний. Отмечал в каждой вещи характерный для нее музыкальный рисунок, особенности тональности, ритма, фабулы. Обладал способностью воспринимать музыку, так сказать, «в ее непосредственной сфере». Имеются указания на то, что была определенная способность к композиции, в юношеские годы одно время увлекался этим. Имеется также высказывание такого рода, с нашей точки зрения, преувеличенное, что «мог бы быть таким же выдающимся композитором, каким был литератором».

Была ассоциация зрительных ощущений со звуковыми. Музыкальные восприятия вызывали в нем ощущения определенных цветов, точно связи определенных цветов с определенной высоты нотами определить не удастся.

Указаний на то, что определенные цвета вызывали ощущение определенных звуков, не имеется. Таким образом можно полагать, что синестезии шли преимущественно от слуховой сферы к зрительной.

Большой интерес представляет то, что отдельные буквы также переживались им в определенных световых ощущениях. Каждая буква имела свой цветоцветовой оттенок. «С» и «Ч» — светлые буквы, «Р» — красное. Помимо этого каждая буква имела свой, как он выражался, пантомимический жест, например, «М», «П», «Л» — мягкость, влажность, как бы льются; «Г» и «К» — твердое, ударное, как бы ударялись камни; «Р» — энергия, движение. Говорил, что слышит и чувствует в языке, буквах и словах все те элементы, из которых состоит природа.

Вкус

Вкус нормальный. Различал вкусовые ощущения самые разнообразные. Склонности к острым блюдам не было, за исключением соли и перца. «Много солил и сильно перчил». Извращений вкуса не было.

Обоняние

Запахи, самые разнообразные, различал нормально. Не любил запаха духов, употреблял лишь одеколон. Любимые запахи: скипидара, нафталина, нашатырного спирта, камфары. Доходило до того, что клал себе нафталин в папиросы, из-за чего часто не мог угощать папиросами знакомых. Пряных запахов и ароматов цветов (например, магнолии) не любил. Любил сухие запахи, степные, морские, запах озона после грозы. Особой чувствительности к неприятным запахам не было. Запах розы, ландыша, других цветов любил.

В особенности любил запах жареного кофе. Здесь были какие-то ассоциации с его путешествием в Египет⁹⁶.

Извращений обоняния не было.

В общем, обонятельная сфера не занимала большого места в его бытовой и творческой жизни.

Проприоцептивные ощущения и осязание

До болезни нормальное. Относительно способности производить тонкую ручную работу без помощи зрения определенно высказаться не удастся. Имеются указания, что мог узнавать на ощупь предметы и определять их форму.

Когда видел перед собой незнакомый механизм или предмет, то было как будто стремление в первую очередь всмотреться и вслушаться, но не осязать руками.

Животных гладить очень любил.

Горячее и холодное воспринималось очень нормально. Отмечалась очень большая чувствительность к холоду. Был очень зябкий, особенно во время работы. Чувствовал малейшие ветерки. Очень часто говорил, что «продрог». Перед наступлением зимы все предметы для него становились холоднее (!). Носил зимой три-четыре пары носков.

Была необыкновенная чувствительность к барометрическому давлению, улавливал малейшие колебания последнего. «Барометр на нем очень сказывался». «От барометра, можно сказать, он зависел», испытывал тягостное ощущение при падении барометрического давления перед грозой. Ухудшалось самочувствие, падал тонус работы, становился более раздражительным. По этой причине сильно чувствовал сырость.

Вестибулярный аппарат

Совершенно не был подвержен действию морской болезни. Однажды во время бури на море (ветер в 10 баллов), совершенно свободно расхаживал по палубе, в то время как всех пассажиров укачало. Совершенно не был подвержен головокружению, не боялся высоты.

Быструю езду (на автомобиле, в поезде или верхом) очень любил (связывалось с большой любовью к динамике вообще). Мог ехать спиной к движению.

Плохо ориентировался в городе в незнакомом месте. Плохо запоминал направление пути, если бывало несколько поворотов в переулки. В Берлине постоянно «плутал», плохо разбирался даже в местах, где несколько раз бывал до того. То же отмечалось в Эривани, в Тифлисе, в Батуме⁹⁷.

В природных условиях этого не отмечалось, по крайней мере, в выраженной степени. Например, посетивши раз одну местность, второй раз уже находил дорогу уверенно.

Дающая сведения указывает на то, что плохая ориентировка в городе представляет определенный дефект в его ориентировке в местности вообще. Сам даже удивлялся этому, зная свою хорошую память.

ЭМОЦИОНАЛЬНО-АФФЕКТИВНАЯ СФЕРА

Настроение было, в общем, когда не оказывалось влияющих на него внешних причин, довольно ровное. Сам себя считал в ос-

новном спокойным и размеренным человеком. Когда жил где-либо в тихом месте, то мог неделями быть совсем спокойным. Циклических смен настроения спонтанного характера не отмечалось. Настроение обычно было богато различными оттенками, в зависимости от условий жизни и работы (серьезность, сосредоточенность, шутливость, веселость и др.).

Основной тон настроения — «внутренняя наполненность», заполненность творческими мыслями, а если бывал на природе, то ощущениями, идущими от нее. Чувствовался очень большой внутренний тонус. Вот как описывает один из его университетских товарищей первое впечатление о нем: «Производил впечатление человека, полного жизни и творческой энергии. Источник излучающейся энергии, полнота внутренних сил».

Была свойственна большая бурность и порывистость в реакциях на внешние поводы, которые знающие его близко лица характеризуют как вспыльчивость. Приведем несколько иллюстрирующих это высказываний и примеров:

Был способен к очень сильному, но довольно кратковременному аффекту, который мог очень бурно прорываться, затем моментально отходил, и снова улыбка, дружеский разговор. Была тенденция изливать свои переживания непосредственно, соответственно на них реагируя.

Из беседы с товарищем по университету

На настроении отражались в сильной степени неувязки с его литературно-издательскими делами. Под влиянием их настроение часто менялось мгновенно, что могло сопровождаться очень бурными реакциями: мог дать в первый момент вспышку отчаяния, вскрикивал, взмахивал руками, бросался на постель ничком и т.д.

Если причина была очень болезненна для него, то уже целый день не мог вернуться к работе или это давалось ему с большим трудом. Успокоительно действовала в таких случаях небольшая прогулка.

Был способен на очень бурные действия, особенно во время литературных споров. Иногда даже не разобравшись точно, в чем дело, в пылу раздражения набрасывался на одного из противников. Выходили скандальные истории, когда дело чуть не доходило до драки /.../

Яростность в разговоре, доходившая до крика /.../

Не мог переносить, когда мешали его работе. Одно время в Москве жил в доме по соседству с молочной, около которой всегда была очередь⁹⁸. Его настолько выводил из себя шум, исходивший от очереди, что часто вне себя выскакивал из дома и на-

чинал расталкивать собравшихся в очереди старух. Поднимался еще больший шум, свист, зеваки начинали еще больше подзадоривать толпу для его посмешища. После одной из таких сцен ввалился в отделение милиции и с отчаянием заявил: «Вот до чего довели человека». Прислали милиционера, и он отвел очередь в другое место.

Другой характерный случай. В Кучино учинил как-то большой шум в лавке из-за того, что отказывались отпустить необходимый для работы керосин, хотя было разрешение на это от соответствующих инстанций⁹⁹. Вышел из себя, махал руками, топал ногами, кричал на продавца. Последний жаловался впоследствии, что Бугаев хотел его избить палкой (Б.Н. всегда ходил с палкой).

Бывали чудачества. Казался для окружающих странным, вследствие своей необычности. Интенсивность реакции, не считался с условностями.

Чрезвычайно болезненно действовали на него отрывы со стороны кого-либо во время работы. Вот как описывает жена его реакцию на это:

Если отрывали в момент усиленного творчества, то обычно вначале вскрикивал: «Ай», очень торопился убрать рукопись. Спустя минуту-две овладевал собой настолько, что мог приветливо встретить кого-либо, кого нельзя было не принять. В других случаях приходил в состояние сильнейшего раздражения, буквально бросался на людей «с белыми глазами», кричал, выходил из себя, «мог спустить с лестницы».

Внешне реакция во время волнения выражалась главным образом в том, что сильно бледнел. Краснел очень редко. Потение отмечалось преимущественно при усиленной речевой деятельности, например, во время лекций. Отмечалось, кроме того, что во время сильного раздражения глаза светлели «до белых глаз», в результате чего получали «очень устрашающее выражение». Это было верным признаком, что вскоре «взорвется». С бурностью и непосредственностью реакций вполне гармонирует также и большая нетерпеливость, которая была ему свойственна.

Очень хорошим показателем непосредственности его реакций могут служить его письма. Так, жена передает, что «писал письма большей частью очень непосредственно, под впечатлением минуты, когда не приходилось вкладывать в письма определенный тайный смысл или не было стремления при помощи их убедить в чем-либо или доказать что-либо».

Характерно то, что был целый ряд неотправленных писем. В таких случаях писал письма, чтобы излить на бумаге свои переживания. Например, когда был возмущен опубликованием дневников Блока без соответствующей, необходимой, по его мнению, обработки, то сел писать длиннейшее, на несколько страниц, письмо Л.Д.Блок и издателю Медведеву¹⁰⁰, причем это письмо так и не было отправлено.

Считаем необходимо подчеркнуть одну общую особенность характера его реагирования на воздействие извне, заключающаяся в том, что мог давать внешне очень бурные и несдержанные реакции на сравнительно малосущественные поводы, тогда как в отношении серьезных и значительных обстоятельств мог проявлять большую выдержку во внешних действиях. Приведем несколько высказываний, подтверждающих это:

В общем, очень бурно и несдержанно реагировал на мелочи, тогда как на крупные события проявлял очень большую выдержку, держал себя в руках. В таких случаях худел, терял аппетит, но внешне казался спокойным и даже веселым /.../

Большую боль переносил очень терпеливо, пересиливал себя. Но в отношении незначительной боли был нетерпелив.

Бурность реагирования не ограничивалась внешними проявлениями. Был способен к интенсивным, глубоко затрагивающим все его существо переживаниям. Подтверждением этому может служить одно его увлечение молодости, достигавшее степени «пламенной страсти»¹⁰¹. Имеются указания на то, что в связи с неразделенностью чувства думал о самоубийстве и даже делал попытки к этому. Так, по имеющимся данным, в виде ответа на неудачную любовь будто решил уморить себя голодом. Несколько дней не ел, но затем под влиянием уговоров друзей от этого отказался.

Другой раз после одного тяжелого объяснения решил броситься в Неву, но, увидав неэстетическое зрелище плывших по ней барж, отказался от этого намерения. Тем не менее нужно признать, что попытки к самоубийству не имели серьезного характера и представляются ему несвойственными.

В качестве примера реагирования на тяжелые переживания приведем следующее высказывание жены:

В 1931 г. при получении очень неприятного и тяжелого известия был в начале как бы ошеломлен¹⁰². Затем два дня находился в «убитом» состоянии, ничего не мог делать. На третий день пересилил себя и заставил работать.

На большую радость реагировал также очень сильно. Весь светлеет, «становился насквозь открытым». Внешней экспансивности мог и не проявлять. В этом сказывалась свойственная ему вообще известная сдержанность реагирования на сильные переживания.

Особой пугливости, вздрагиваний при неожиданном шуме не отмечалось.

Приведем несколько примеров поведения в моменты опасности. В Пассанауре в 1927 г. начал гладить привязанного на веревке у дверей гостиницы горного медведя, приняв его за медвежонка¹⁰³. Медведь схватил его лапами за правую ногу и начал тащить к себе. Б.Н. не растерялся, попросил у кого-то из находившихся палку и ударил ею медведя по носу, чем ошеломил его. После этого случая сделалось сильное сердцебиение, с четверть часа лежал бледный, как полотно, затем взял себя в руки (был в этот день приглашен на званый обед к грузинским поэтам).

В Кучино в 1927 г., когда сидел и работал, в углу недалеко от стола, за которым сидел, загорелась корзина с бумагами, вероятно, от непотушенной спички. Настолько был увлечен работой, что не заметил этого (!! — Г.П.). Когда К.Н. обратила его внимание на то, что горит, совершенно не растерялся, в мгновение ока начал набрасывать на горящее одеяла, подушки и быстро затушил пламя.

О самообладании говорит и следующий случай.

Когда был гимназистом, упал с горящей лампой. Успел в момент падения сделать движение руками, предохранившее лампу от падения, и тем предотвратить ее от воспламенения¹⁰⁴. После падения была нервная дрожь.

Склонности к риску и азарту, а также к опасным положениям не было.

Выраженных черт тревожно-мнительной конституции не отмечалось. Тем не менее некоторые «малые признаки» все же, по видимому, имели место, как об этом можно судить на основании следующих высказываний:

Когда заболел даже незначительной болезнью, например, простудой, нарывал палец и т.д., то сильно волновался, рисовал себе всяческие ужасы, мерил температуру, щупал пульс и т.д. /.../

Был очень осторожен при обращении с лекарствами, если бывало малейшее сомнение в лекарстве, не употреблял его.

Выраженной мнительности не было, хотя и высказывал опасения при небольших порезах, заболеваниях и т.д.

Был невероятно брезглив в отношении вшей. Панически боялся этого. Если узнавал о том, что имеются в белье насекомые, то был в состоянии выбросить всю корзину с бельем. Очень осматривался и сторонился, когда приходилось ехать в вагоне, в котором было много пассажиров.

К этому можно было присоединить еще и то, что в 1907 г. под влиянием литературных расхождений было чувство, как будто он преследуем со стороны сотоварищей по перу.

Последние два-три года отмечается нарастание чувства общей тревожности, причиной его, возможно, явилось нарастание болезненных явлений, связанных с его заболеванием.

Переходим теперь к комплексу черт характера, связанному с его отношением к людям, природе и самому себе. Вот отрывки из беседы, рисующие общую установку его в отношении окружающих:

Была большая отзывчивость к людям. Сочувствовал им в их несчастье или радости. Например, проявлял горячее участие, когда у хозяев, у которых жил в Красной поляне¹⁰⁵, пропала лошадь, радовался вместе с ними, когда лошадь нашлась. То же наблюдалось, когда у другой хозяйки заболел ребенок.

Когда жил в Кучине, то был в курсе всех дел всех местных жителей, знал, что у кого делается. Отразил этот кучинский быт в романе «Маски» («переулочные темы», как он их называл)¹⁰⁶.

Когда у Волошиной умер муж, навещал ее¹⁰⁷.

Проявлял свое сочувствие своеобразно, не путем прямого утешения, а путем отвлечения внимания от тяжелых переживаний. Находил соответствующий подход, индивидуальный в каждом отдельном случае.

Был при этом непередаваемый тон. В особенности старался в каждом таком случае, как он выражался, «утвердить начало жизни», которое сильно колебалось при смерти близкого человека или аналогичном большом несчастье. Действовал очень успокаивающе на людей. «Скупая, но наполненная изнутри ласка». Много было людей, которые обращались к нему в трудных случаях жизни за утешением. Иногда на этой почве бывали крупные неприятности, например в тех случаях, когда не имел возможности принять кого-либо из обращающихся к нему. Тогда оскорблялись, писали письма с упреками в бездушии, бессердечии. /.../

Весь облик его возбуждал к себе чувство огромного доверия. /.../

Был очень доступен, общителен и прост в обращении с людьми самыми разнообразными, к какому бы слою общества они не относились. С очень большим интересом беседовал с рабочими, ремесленниками, вникал в суть их занятий и т.д. Надо полагать,

что в первую очередь они интересовали его как типы для его художественных образов и как специалисты своего дела. Говорил, что во всяком мастерстве есть свои глубины. /.../

Темперамент был общественный, не был кабинетным ученым. /.../

Была сильно выраженная потребность общаться с людьми. Например, очень много рассказывал о себе и показывал свои вещи, работы домохозяйке, простой женщине, у которой жил в Кучино¹⁰⁸.

То же отмечалось в его отношениях к литературным работникам:

При разборе художественных произведений других подход был очень благожелательным, отмечал сперва положительные стороны, затем отрицательные.

На основании всех приведенных выше высказываний Б.Н. рисуется в виде доступного и общительного человека, способного входить в прямой и непосредственный контакт с окружающими. Однако имеются указания на то, что такой контакт, к которому он, несомненно, был способен, не всегда имел место и, во всяком случае, не являлся единственно определяющим характер его отношений к окружающим. Имеются указания на то, что при определенных условиях такой контакт как раз оказывался для него невозможным. Очень характерным в этом отношении являются следующие высказывания:

В быту был очень чувствителен к тому, что называл «мешанством». Из-за этого в быту очень часто выходили недоразумения с окружающими. Например, выходил из себя, раздражался и поднимал крик, если не получал должного ответа от обслуживающего персонала. /.../

Не мог достаточно просто изъясниться в своих нуждах, а начинал одновременно и извиняться, и кричать. Не мог просто сказать домработнице: «Аннушка, поставь самовар». Выражался вроде: «Нельзя ли вас попросить, если у вас есть время и т.д.»¹⁰⁹. Не мог иной раз просто подойти к людям, не мог просто изложить свои требования.

В то же время, когда встречался с людьми без требований к ним, то был очень прост и естественен в обращении с ними.

Характерно также следующее высказывание:

Во всяком случае, в его взаимоотношениях с людьми был какой-то особый уровень, исходил при этом из каких-то особых критериев.

Таким образом, с несомненностью вырисовывается, что именно тогда, когда входил в такие отношения с людьми, при которых он в чем-либо нуждался или о чем-нибудь просил их, то даже если исполнение его желаний входило в круг их обязанностей, такие обращения сопровождалось у него неприятными ощущениями и давались ему с известным трудом. Оказывался в этом отношении чрезмерно чувствительным, легко терял равновесие и выходил из себя.

Очевидно, находился в это время в состоянии какого-то внутреннего конфликта. С одной стороны, как бы стеснялся их просить и в то же время знал, что имеет право это делать. В этом мы находим указание на большую, можно сказать, обостренную чувствительность и ранимость глубинного ядра его личности в отношениях с окружающими.

На чрезвычайную чувствительность и ранимость его личности указывают также следующие отрывки из бесед:

Был очень чувствителен ко всякому теплему душевному движению, вниманию, помнил и очень ценил это. В такой же степени был чувствителен ко всякой несправедливости в отношении него и никогда ее не забывал, например, старую ссору /.../

Был необычайно чувствителен к тому, как к нему относятся люди, например, реагировал на доброжелательность или недоброжелательность, официальность и т.д. Ярким примером этого является следующий факт. Во время болезни несколько раз собирался «серьезно» поговорить с врачами относительно своего состояния. Но достаточно было войти к нему врачу и обратиться с трафаретным «Как поживаете?», как Б.Н. немедленно замыкался в себе, и вместо «серьезного разговора» все сводилось к обычным для таких визитов фразам.

Здесь мы имеем дело поистине с мимозоподобной чувствительностью. Удерживало его также и сознание слишком большой сложности того, что хотел сказать.

Если сопоставить эту «мимозоподобную» чувствительность в одних случаях с описанным выше открытым и непосредственным контактом его с окружающими в других, то мы должны прийти к заключению, что имеем дело с внутренне противоречивой личностью, способной в зависимости от условий давать, на первый взгляд, казалось бы, взаимно исключаящие друг друга реакции. Эта противоречивость внутренней структуры личности с отчетливостью вытекает и из некоторых других проявлений глубинных ее сторон, к которым мы сейчас переходим.

Так, наряду с общительностью и способностью быть откровенным с близкими ему лицами, имеются определенные указа-

ния на наличие у него одновременно большой скрытности и стремления замыкаться в себе:

По предрасположению, по задаткам относится к типу людей, склонных к открытому и глубокому интимному контакту с [другими] и ищущих этого контакта. Но очень легко («чрезмерно») ранимый характер и условия детства сделали из него человека малодоступного типа /.../

С трудом обнаруживал свои подлинные чувства, была замкнутость. Из гордости, когда бывало тяжелое состояние, мог рассказывать о поверхностных моментах последнего, как бы брал параллельную линию, или же становился повышенно веселым /.../

Был очень сложным человеком. Был очень общителен. В отношении интимных чувств был откровенен не со всеми и не всегда. Однако был способен на неожиданную откровенность, мог говорить с людьми, мало ему знакомыми, о личных делах. В то же время был внутри него «невскрываемый» мир, какое-то подводное течение, которое по временам выявлялось наружу, но в общем всегда находилось скрытым в глубине него. Это был мир его самых интимных творческих идей, возможно, и личных интимных моментов. /.../

Была определенная группа вопросов, которую изживал внутри себя.

На основании этих высказываний с определенностью выявляется, что мы имеем дело с очень сложным объектом, который нельзя трактовать как синтонный или асинтонный, но который должен быть рассматриваем как смешение того и другого.

Переходим теперь к кругу вопросов, связанных преимущественно с его отношением к самому себе.

В быту был очень прост, естественен; очень непритязателен в пище, обстановке. В быту не было никаких утонченностей, стремления к комфорту, не любил их. Требования минимальных удобств в жизни. Роскошь была для него чем-то отталкивающим. Отношение к деньгам равнодушное, денег не ценил. Давал, если просили, очень охотно.

Влечение к еде было выражено довольно сильно. Однако предпочитал простую пищу, например, гороховый суп, картофельное пюре, мясо в разных формах. Ел с удовольствием, любил отдаваться еде и чувствовать процесс еды. Присутствие посторонних мешало еде, так как мешало получению ощущений от принятия пищи. Во время еды избегал сколько-нибудь серьезных разговоров по этой же причине. Не любил есть в той комнате, где работал, говорил, что у него мешаются впечатления от работы с ощущениями при еде.

Любил быть хорошо одетым. Но сам обычно одевался скромно. Хорошо сидел только сюртук. Большого значения своей внешности не придавал.

Сентиментальности не было вовсе. Например, нищим обычно не подавал; если замечал профессиональных нищих, то иногда переходил на другую сторону.

Самолюбивым не был, также как и честолюбивым. Был обидчив в мелочах, например, обиделся, когда однажды забыли привести обещанные ему карандаши. В то же время не обижался там, где другой обиделся бы. Например, когда однажды возвратили заказанную рукопись, то принял это без обиды.

Остановимся теперь на отношении его к природе. Дающие сведения единогласно указывают на его большую любовь к природе и необыкновенно развитую у него способность воспринимать идущие от нее впечатления. Это сказывалось во всем:

Очень любил трогать поверхности природных вещей, например, камней, когда находился в горах, поверхность коры деревьев, листьев. Когда был на Кавказе, брал на ладонь и рассматривал землю. Часто пробовал палкой консистенцию предметов, чтобы узнать, совпадает ли она со зрительными ощущениями /.../

Была очень большая любовь к дереву вообще. Очень любил различные сорта деревьев, запах дерева. Иногда брал стружку, вдыхал ее запах и говорил, что это лучше всяких духов. Называл дерево «самой прекрасной тканью». Очень любил растительность вообще, но древесину, ствол дерева больше всего остальных. Очень хорошо знал оттенки цветов всех деревьев на разрезе и очень живописно их передавал. Часто на прогулке подбирал и рассматривал куски коры /.../

Очень интересовался движением облаков и всегда пристально к ним присматривался. Чувствовалось, что он как бы воспринимает на основании движения облаков и их формы течение ветров в соответствующих сферах. Навейные облаками образы вошли во многие из его художественных произведений /.../

Ветер, особенно в горах, летом любил, но не чрезмерный. Это «оживление в природе» повышало его самочувствие и работоспособность. Любил смотреть прибой взволнованного моря. Очень любил метель, изучал ее и знал различные ее оттенки. Различал три рода метели: верховую, низовую и круговую. Метель является богатым источником для его художественного творчества, с ней связано много образов. Любил ходить гулять в метель¹¹⁰.

ВОЛЕВАЯ СФЕРА

В сфере творчества доводил до конца поставленные перед собой задачи. Вообще был человек очень сильной воли. Было огром-

ное волевое напряжение в натуре. Мог владеть собой. Любимое выражение: «взял себя в руки». Был настойчив в осуществлении своих стремлений, добивался того, чего хотел. Но в быту это выражалось не часто из-за того, что целиком бывал погружен в творческую работу, и именно в ней волевая сторона личности находила полное свое применение.

В серьезных вещах не поддавался уговорам, поступал по-своему. Часто при этом мог соглашаться с обратным мнением, но затем поступал все-таки по-своему.

Всегда очень тщательно и всесторонне обдумывал принимаемые решения, принятые решения не менял, если не являлось новых поводов или не вставало неодолимых препятствий.

В мелочах был очень нерешительным.

Действовал временами под влиянием чувства. Это было ему свойственно наряду с обдуманными действиями. Бывало так, что он не мог объяснить свои действия, но говорил, что должен был поступить именно таким образом.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ СФЕРА

Речь всегда понятная. Склонность скорее к сжатой, отрывистой речи, но речь при этом была связная. Очень интересно, живо и ярко рассказывал. Когда рассказывал, все его существо принимало в этом участие, весь переживал то, что говорил. Все время чувствовалась в нем большая сила, концентрация.

Любил очень употреблять иностранные слова даже в бытовом обиходе, не считаясь с тем, понимают ли его слушатели или нет. Было много любимых словечек и пословиц: «проблема», «система», «градация», «ракурс», «куда ни шло», «хлебом меня не корми», «с недобором», «с места в карьер», «вынь да положь», «махнул не туда», «не то сказал» и т.д.

Считался сильным лектором, увлекал внимание аудитории мыслью и чувством.

Был также хорошим оратором. Чем больше была аудитория, тем сильнее говорил.

Очень хорошо декламировал стихи, как свои, так и чужие.

Говорил в детстве на французском и немецком, в дальнейшем мог изъясняться на этих языках, но плохо, особенно по-немецки, коверкал, когда говорил на этих языках, слова, ударения, падежи. Других языков не знал. В общем, усваивал иностранную речь плохо. Читал на этих языках довольно свободно, лучше по-французски. Очень усиленно интересовался корнями слов, не только

русских, но и иностранных. С очень большим интересом изучал народные слова и выражения, так как считал, что абстрагирующая работа мысли не успела на них сказаться в такой степени, и они еще сохранили свою «сочность». Изучал словарь Даля¹¹.

Письмо

Склад языка (письменного) был всегда очень тяжелый. Это сказалось уже во время его первого студенческого доклада¹². Было очень трудно слушать, когда читал по писанному этот доклад. Очень короткие фразы: подлежащее и сказуемое. Была особенность делать письменный язык все круче и круче. Обычно первые черновики были написаны вполне легким и доступным языком, а удовлетворявший его окончательно вариант становился значительно труднее.

Из-за этого часто приходилось слушать сильно сердившие его упреки в том, что он портит вначале хорошие произведения. Напомним еще раз, что это относится к письменной речи. Устная речь была свободная, доступная, «обычная», особой сжатости и крутости в ней не было.

Чтение

Читал очень быстро, «книги просто глотал». За вечер мог прочесть книгу страниц в 200. Серьезную литературу читал обычно без пропусков, также и художественную литературу. Очень любил слушать чтение вслух других. Например, с большим удовольствием слушал, когда читали Гоголя, Диккенса. Была большая любовь «слушать» вообще.

Внимание

Свойственно было раздвоение внимания. С одной стороны, оно было направлено внутрь себя, поглощено внутренней творческой непрерывно происходящей работой, с другой стороны, оно было обращено на внешний мир. Из этого раздвоения внимания проистекало смешение наблюдательности и рассеянности. Иногда пользовался рассеянностью как особым приемом, как бы опускал забрало, чтобы видеть из внешнего мира только то, что его интересовало. Любил говорить, что «пускает свои шупальца в окружающее», причем это требует погашения некоторой части внимания, направленного вовне за счет концентрации его на чем-либо одном. Был очень острый и тонкий наблюдатель. Всегда и везде,

даже во время самого горячего спора оставался наблюдателем. Замечал все, хотя внешне часто производил впечатление рассеянного, занятого своими мыслями человека. Очень точно запоминал одежду людей, с которыми приходилось иметь дело. Очень тонко подмечал все жесты, движения людей.

Чрезвычайно сильно была выражена «реакция оглядывания». Это наблюдалось всюду и обращало на себя внимание. Например, когда входил в вагон железной дороги, то первым делом очень внимательно оглядывался вокруг, всматривался в находившихся там людей. Иногда со стороны могло казаться, что оглядывается очень рассеянно, но в действительности все подмечал очень внимательно.

Воображение

Было развито в чрезвычайно сильной степени. Помимо того колоссального значения, которое это имело для его художественной деятельности, яркое выражение оно находило в склонности его к «играм», изображаемым им на протяжении почти всей жизни:

Одновременно с интенсивной и концентрированной творческой работой воображения над определенными задуманными художественными произведениями все время шла «игра воображения», выполнявшая роль отвлечения и выражавшаяся в импровизации им для самого себя разных сцен, повестей с героями, приключениями в стиле Жюль Верна, Киплинга, Конан-Дойля. Охотно делился ими с своей женой. Эти импровизации представляют собой продолжение «исторических игр», которыми он увлекался в юности, это свободная «игра творческого воображения». Когда приезжал куда-либо, то включал новое место в цепь этой игры.

Любил «сознательно» мечтать вслух. Это также был род игры с самим собою, чаще всего на тему путешествий.

Был способен к очень большой концентрации внимания, как это следует из следующего высказывания:

Наряду с большой выразительностью и подвижностью всех движений временами отмечалось, когда находился на природе или слушал музыку, состояние совершенного затихания, заморания. Весь превращался во внимание и восприятие, как бы в какое-то воспринимающее существо, внимающее всеми фибрами идущим извне впечатлениям. В таких случаях было свойственно очень спокойное выражение, никакого напряжения, какая-то «мягкая тишина».

Память

Память на события личной жизни была исключительная. По данным жены, то же отмечалось в отношении исторических событий (но не дат), прочитанных в книге или услышанных из бесед фактов и научных теорий. На отвлеченные понятия память также была очень хорошая. Сам говорил, что с течением времени память на события, «взгляд в прошлое», становилась у него под влиянием упражнения все крепче и сильнее. Полагал, что память можно расширять так же, как сознание.

Обладал способностью углубляться в свои воспоминания, вплоть до самого раннего детства, «выныривать в прошлое».

Один из его товарищей по университету сообщает следующие данные:

Необыкновенная феноменальная память на встречи, лица, даты, места. В 1923 г. составил список своих жизненных встреч, главным образом литературных, который в точности соответствовал действительности, как оказалось при последующей проверке¹³.

Мог спустя много лет рассказать очень точно и подробно то, что видел. Очень хорошо запоминал то, что слышал. Трудно установить, было ли превалирование зрительной памяти над слуховой или наоборот. Было развито и то и другое «довольно равно». Может быть, был некоторый акцент на зрительной памяти, но это неясно.

Когда в своих рассказах передавал подробности людей, то с одинаковой полнотой передавал как свои зрительные, так и слуховые от них впечатления. Передавал то, что было в отношении того или другого наиболее характерным.

В то же время, на фоне исключительного развития памяти в целом, были отдельные провалы. Так, жена сообщает:

Несмотря на свою очень хорошую память, никогда не мог точно передать ни одной цитаты. Не удавались даже стихотворные цитаты, даже пушкинские. Если нужно было что-либо процитировать (например, для лекций), всегда выписывал цитату полностью /.../

Не помнил своих стихов и быстро забывал их.

Приведем в заключение следующие чрезвычайно любопытные высказывания самого Б.Н. относительно механизма памяти и вообще характера восприятий, переданные нам его женой:

Говорил, что аппарат памяти у него был очень разработан. Бывал в состоянии как бы расслаивать получаемые впечатления. Подмечать виденное для настоящего и в то же время запоминать как бы «впрок», для будущего. Говорил, что восприятие окружающего у него идет многослойным образом: часть того, что воспринимал, воспринимал сознательно, а другую часть как бы подсознательно. Впоследствии, однако, мог эти подсознательные ощущения (например, как повязан галстук, поворот облака, форма куста) вызывать в сознании в процессе своей творческой деятельности. Сам сравнивал это «запоминание впрок» с фотографом, который «нащелкивает» ряд снимков на будущее, проявляемых им спустя тот или иной промежуток времени после того, как они сняты. Называл эту особенность восприятия и памяти «мой кодак»¹¹⁴.

Интересно, что когда запасал описанным выше образом впечатления «впрок», то внешне выглядел очень рассеянным.

Работоспособность

Способен был к очень длительному сосредоточению на напряженной работе. Мог работать в любых условиях, можно было громко разговаривать и т.д. Единственным необходимым условием было наличие «доброй атмосферы» или отсутствие, по его выражению, «злых ветерков», т.е. отсутствие склок, дрызг и т.д., даже когда они его непосредственно не касались. Все же и в этих условиях мог, но только на время, делать усилие над собою и заставлять себя работать. Из физических моментов очень сильно мешали творческой работе холод и плохое освещение. Мог заставлять себя работать при плохом душевном состоянии. Одновременно заниматься несколькими делами не мог. Сразу включался в работу, «как только садился за стол», так же быстро мог выключаться из работы по ее окончании.

Работа всегда была строго рассчитана. Если не выполнял в срок, то наверстывал впоследствии. Когда было необходимо, то мог перестраивать свою работу и весь распорядок дня в зависимости от внешних обстоятельств. Во время работы внешне был необыкновенно спокойный вид без признаков усилия, даже во время самых трудных и сложных моментов работы.

Личные переживания никогда не являлись фактором, снижающим его работоспособность. Напротив, отмечается скорее тенденция усиленно работать в периоды таких, связанных с личными переживаниями, даже мучительными, напряженных состояний. Эти последние как бы вызвали усиление его творческой энергии.

В качестве одной из наиболее характерных его черт отмечали свойственную ему во всем, вплоть до мелочей, аккуратность и систематичность. Об этом дают представление следующие выдержки из бесед:

Был очень точен и аккуратен. Никогда не опаздывал на лекции и заседания, хотя бы и знал на собственном опыте, что начнутся с запозданием /.../

Когда творил художественно, то работал с точностью и педантичностью ученого. Сам придерживался той точки зрения, что противопоставлять искусство и науку друг другу невозможно, ненормально, что одно переходит в другое /.../

Во время путешествий сам раскладывал свои вещи в чемодане в определенном порядке. Особенно тщательно сортировал перед отъездом необходимые ему деловые бумаги. Никогда не терял нужных бумаг (рукописи же пропадали прежде нередко) /.../

Во всем была система. Например, когда одно лето провел в Коктебеле, то загорал по особому, им выработанному методу. Стремился достигнуть наибольшего и притом равномерного повсюду загара. Для этого выбирал в определенные часы определенные места, сообразуясь с углом падения солнечных лучей. Подставлял под действие их части тела в определенном, заранее выработанном плане.

Необычайно резко был выражен во всем его психическом складе элемент познания окружающего, который является неотъемлемой частью его творческой деятельности. Показательно в этом отношении следующее излюбленное двустушище Пушкина, до известной степени являвшееся его девизом:

Я тебя понять хочу,
Темный твой язык учу.

Этот момент налагает свою печать на все его действия вплоть до мелочей, часто принимая курьезную форму, как, например, в следующих случаях:

Когда приходилось жить без домработницы, его обязанностью было подметать пол и стирать пыль. Предварительно тщательно исследовал строение пола, шероховатости его поверхности, направление ветра при метении. Подметал пол (всегда от себя), сообразуясь с этим предварительным изучением. Окончив подметать, собирал сор на бумагу и так же тщательно изучал его состав¹¹⁵.

Вот очень яркое высказывание одного его товарища по университету:

Было необычайное умение «видеть» любой предмет. Когда видел какой-нибудь предмет, сейчас же начинал его рассматривать, ошупывать руками со всех сторон. Это как бы выражало сущность его «хватки идей», строя и хода мыслей. Неутомимость познавательного процесса и желание приобщать к нему других людей.

Одной из существенных черт его мировоззрения было мнение, что в потенции человеческое познание не ограничено.

Чрезвычайно ценной чертой его характера является то, что из всего извлекал материал для своей творческой деятельности. Вероятно, этим объясняется то, что никогда не тяготился никакой работой.

На основании всего вышеизложенного становится понятной необыкновенная разносторонность и многообразие его познаний и интересов в самых разнообразных областях науки и искусства. Не останавливаясь на этом из-за недостатка места, приведем здесь лишь следующее высказывание, характеризующее его литературные вкусы:

Очень любил американскую литературу — Драйзера, из английских писателей любил Честертона, Диккенса, Вальтера Скотта. Байрона не очень любил из-за того, что не мог читать в подлиннике. Шекспиром очень интересовался, часто перечитывал, особенно трагедии «Король Лир», «Гамлет», «Макбет». Французской литературы не любил, например, Бальзака, Золя. Из нашей литературы больше всего интересовали Гоголь и Толстой. Ранее очень сильно интересовался Достоевским. Напротив, Марселя Пруста не любил, находил его очень скучным.

Газеты читал регулярно, «не мог обходиться без газет».

Характер мышления

В работе были свойственны логичность и последовательность. Всегда писал задуманное произведение последовательно с начала до конца. Потом мог менять порядок глав.

Было стремление (по крайней мере, субъективно) воспринимать все критически: «критицизм». По данным жены, был свойственен критический подход к окружающему.

Видел, как говорил Мейерхольд про него, «все во всем»¹¹⁶. Было как бы пресечение очень многих «линий», «многотонность» в восприятии окружающего.

Второй характерной особенностью является тенденция к максимальной конденсации в процессе художественной переработки получаемых впечатлений. Для внесения определенных творческих

обобщений всегда накапливал фактический материал. Была выраженная способность передать суть чего-либо очень кратко и сжато, «в двух-трех словах». Была свойственна отточенность формулировок и логичность в ходе мыслей.

Наряду с необычайной образностью и конкретностью мышления, свойственных ему как художнику, отмечалась хорошо выраженная способность к абстрактному теоретическому мышлению. Это проявлялось в резко выраженной тенденции графически изображать свои мысли. Пытался изображать графически, например, соотношение искусства и естествознания, ритм в таблицах Менделеева и в идеях трансформизма Гете, процессы прохождения звуков через дыхательные пути. То же самое делал для иллюстрации построения слова, конструкции фразы и т.д.¹¹⁷ Создается впечатление, что в его графических рисунках мы имеем сильный налет символики (символизма), смешение графического изображения с символикой. Это можно понимать как следствие смешения логического познавательного процесса с свойственным ему образом художественного восприятия мира.

Остановимся теперь на некоторых более мелких особенностях интеллектуальной сферы. Не был остроумен в обычном смысле слова. Не любил внешнего остроумия. Остроумие было во внутреннем построении мысли. Не был в состоянии перебрасываться остроумными «салонными» шутками. Этим объясняется то, что часто терялся и бывал ошарашен, когда в его адрес острили, не мог найти сразу, что ответить.

В быту, в мелочах сообразительности особой не отмечалось. Часто не догадывался о простых вещах, многое было для него как бы «колумбово яйцо». Практической сметки не было. Знал в себе этот дефект и относился к этому: «горбатого могила исправит».

В новой обстановке разбирался достаточно хорошо, хотя «житейской ловкости при этом не проявлял».

Спорить очень любил. Очень сильно увлекался. Мог при этом сильно преувеличивать, спорил очень убедительно, напористо, с большой силой. Но был очень терпим к мнению противника. Любил, «чтобы его потрели».

В спорах почти никогда не отвечал прямо: да или нет, а в ответ развивал целую определенную систему.

Была очень большая склонность к афоризмам, считал их очень важной областью искусства. Написал статью с несколькими афоризмами¹¹⁸.

Стремления к изобретательству не наблюдалось.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ ПО ОТДЕЛЬНЫМ РАЗДЕЛАМ СХЕМЫ, КАСАЮЩИМСЯ ЛИЧНОСТИ САМОГО Б.Н.

Со стороны психомоторики мы можем отметить богато развитую общую подвижность, легкость, ловкость, точность и соразмерность движений, в которых принимало участие все тело. Яркой иллюстрацией этого могут служить в особенности его акробатические способности, затем способности к танцам, физическим играм и т.д.

В противоположность этому, координация тонких ручных движений была развита в подавляющем большинстве случаев плохо, доказательством чему является его неспособность обращаться с механизмами и неловкость в быту, например, в процессах, связанных с туалетом и т.п. Таким образом, мы можем констатировать наличие резко выраженной и бросающейся в глаза диссоциации между плохим развитием тонких и моторных ручных процессов и очень хорошим развитием общих глобальных движений.

Выразительные движения (мимика, жестикуляция, голос) были развиты очень хорошо и отличались богатством оттенков. С этим необходимо сопоставить отчетливо проявившуюся у него способность к изображению выразительных движений других людей и животных. Эту способность мы можем рассматривать как свойственный ему элемент актерской одаренности, который проявлялся также и в других формах.

Со стороны психосенсорной сферы отметим хорошее развитие восприятий всех органов чувств, и, в частности, большую устойчивость вестибулярного аппарата.

В отношении более сложных функций психосенсорной сферы необходимо указать на живость и образность речи, затем на наличие элементов одаренности к живописи и рисованию. В отношении этих последних имела место слабость формальных способностей при наличии очень высоко развитого чувства цветов и красок. Высоко развитым необходимо признать также и чувство формы (пластическое). Что касается музыкальных способностей, то здесь мы имеем выраженную диссоциацию между степенью развития моторного и сенсорного компонентов: в то время как первый не проявлялся в сколько-нибудь заметной степени, последний был развит в выдающейся степени во всех направлениях, вплоть до способности к композиции. Сильным развитием психосенсорного компонента объясняется то выдающееся значение, которое он имел для творческой деятельности Б.Н.

Добавить еще, что имеются указания на наличие синестезий зрительных ощущений со слуховыми.

Со стороны эмоционально-аффективной сферы отметим в первую очередь то большое значение, которое она играла во всей его личности и в особенности в его художественной творческой деятельности. По поводу отдельных моментов укажем на бурность и порывистость реакций (вспыльчивость) и способность к интенсивным и глубоким чувствованиям при наличии в то же время известной сдержанности в проявлениях своих переживаний во вне. Отмечалась известная парадоксальность в характере реагирования, проявлявшаяся в том, что в ответ на незначительные и менее существенные поводы мог давать более бурную реакцию, в то время как при серьезных положениях «держал себя в руках».

Нерезко выраженные явления мнительности и тревожности.

В отношении способности или неспособности входить в интимный контакт с окружающими положение представляется более сложным, чем обычно. Б.Н. не может быть отнесен к числу чисто синтонных или асинтонных типов, но должен быть рассматриваем в этом отношении как смешанный тип. Такое заключение вытекает из его способности к глубокой откровенности, к открытому и непосредственному контакту с людьми при одних условиях и в то же время из наличия у него определенной замкнутости и скрытности, неумения входить в контакт с людьми при других условиях («открытость в закрытости и обратно»).

Волевая сфера, в общем, была выражена в достаточной степени.

Со стороны интеллектуальной сферы отметим выдающееся развитие внимания, памяти и воображения. Изохронная наблюдательность, необыкновенная развитая способность к впитыванию в себя впечатлений, идущих извне. Наряду с большой образностью и конкретностью мышления, свойственной ему как художнику, отмечалась выраженная в высокой степени способность к теоретическому, абстрактному мышлению. Как на одно из наиболее ярких проявлений этой способности можно указать, помимо склонности к теоретическим и философским областям знания, на его любовь к схематическому, графическому изображению своих мыслей.

Отметим в связи с этим резко выраженный элемент познавательного подхода к действительности, а также систематичность и последовательность, которые были ему свойственны во всем.

На основании вышеизложенного общая структура личности Б.Н. рисуется перед нами как параллельное выдающееся развитие эмоциональной и интеллектуальной сфер. Именно этот момент дуализма эмоции и интеллекта мы считаем основным для понимания личности Б.Н. Далее необходимо подчеркнуть общую,

очень большую сложность его личности, в которой, помимо отмеченного выше переплетения художественного и логическо-познавательного элементов, принимает участие ряд диссоциаций внутри отдельных психических сфер, например, противоречивость в отношении способности входить в контакт с людьми, диссоциация в развитии рецептивного и экспрессивного компонентов в музыке и рисовании, диссоциация моторики.

БЕСЕДА С Г.И.ЧУЛКОВЫМ ОТ 23/V-36 г.

Была сильно повышенная чувствительность к отзывам о нем, болезненное самолюбие, всегда был настороже. Был гениальным человеком, его поведение всегда выходило из нормы. Был всегда увлечен своим художественным творчеством. Производил на людей впечатление человека странного.

Суть Андрея Белого определяется «пафосом иллюзионизма». Его мир всегда был фантастичен и полон иллюзий. Всякое мгновение мог оскорбиться. Во время полемики опасался, не желают ли его уличить в некомпетентности.

Сведений о галлюцинациях нет. Был способен на несдержанные приступы гнева, истеричный, терял самообладание.

Был гениальным актером, изумительно читал свои произведения, это производило сильнейшее впечатление, не читал, разыгрывал их, как артист. Возможно, что во время своих приступов гнева часто несколько нарочито разыгрывал их и наблюдал одновременно себя со стороны, давал в известной степени как бы спектакль.

Во всех воспоминаниях его есть указание, что его преследуют враги, хотя условия были благоприятные, и в этом отношении было как бы приближение к мании. В моменты увлечения вскакивал с кресла и, горячо жестикулируя и почти танцуя, высказывал свои мысли. Когда был во вражде с Чулковым, то высказывал мнение, что в Чулкове сконцентрировалось все зло мира (Чулков проповедовал тогда идеи мистического анархизма). Была свойственна во всем резкая тенденция к преувеличению, гиперболизация. Это сказывалось как в его творческих и философских взглядах, так и в его личных отношениях.

В половом отношении Чулков высказывает предположение о возможности каких-то отклонений, хотя ничего определенного указать не может. Он передает о слухах, будто разрыв между Белым и Асей Тургеневой произошел потому, что Белый, видимо, не удовлетворял последнюю с физиологической стороны.

Очень нормальный человек с особенностями, которые возникают не из ненормальностей, но развились у нормального ребенка с необычайной внутренней направленностью в себя. Целый ряд странностей, которые были у его отца, могут быть отнесены к Белому. К таким признакам относится рассеянность. Он путался в этажах, в собственных комнатах, например, не мог найти спичек или машинально засовывал обгоревшие спички к себе в карман.

Ключ к разгадке А.Белого в страстности его темперамента. Это может производить впечатление странности. Любовь к Клавдии Николаевне носила чрезмерный характер, очень беспокоился за нее, даже если запаздывала на 15 минут. Каждое чувство у него резко гиперболизировалось. Гиперболизм чувствований может быть рассматриваем лишь как следствие повышенной тревожности. В частности, тревога за Клавдию Николаевну была связана с психическим шоком (ее арестом).

***

Когда он читал лекции, вдруг останавливался, делал глубокую паузу, затем следовал целый поток слов, в отчаянии хлопал себя по голове, и снова поток необычайно гладко построенной речи, начинал после этого как бы заикаться, приседать и затем, как взлохмаченный, вскакивает и произносит самое существенное. Эти ораторские приемы многие воспринимали как странности, идущие от клоунады или от того, что он ненормальный. Но тот, кто вникал в его позы, видел очень правильно построенную, по законам ораторского искусства, необычайно ритмическую концепцию. У него каждое слово было связано с жестом, и мысль с ними обоими.

В толпе крестьян, во время разговоров с ними, казался не просто чудачком-баринном, а очень откровенным и близким им человеком, а они начинали воспринимать его как мудрого простачка.

Когда очередь в молочную мешала ему работать (жил в полуподвале), вылезал к толпившимся в очереди людям на окно и начинал убеждать толпу не мешать ему работать. И толпа чувствовала в нем человека, который справедливо негодует, и выказывала ему сочувствие. Было уменье подойти к людям обывательского склада. Действовал на них своей горячностью и взволнованностью. Производил впечатление какого-то ученого со странностями, мыслителя, не приспособленного к жизни, со свойственными

для этого типа людей странностями. Это вызывало впечатление странности, чудачества.

Когда его слушали, например, на лекциях, второй или третий раз, то начинали видеть, что это уже не чудака, но мыслитель, относились к нему заботливо. Слушатели звали его к себе на обед и т.д.

***

Внутренне был очень сконцентрированный и организованный человек. Внешняя небрежность. Мог быть неправильно повязан галстук, на губах зубной порошок и т.д. Мог всего этого не замечать, но внутренне была необычайная направленность, собранность. Мог мысль облечь прямо в формулу. Лекции сопровождались сотнями цитат из различнейших произведений. Необычайная эрудиция и феноменальная память. Необыкновенное внимание художника. Ничто не ускользало от его взгляда. Освещал все, что его интересовало как художника, словно прожектором.

Поток красноречия, мысли и чувств. Во время страстного увлечения своими мыслями, мог не замечать ничего, что творилось вокруг него.

Одна знакомая определила его, как «кипящий чайник». Мог разбушеваться по пустяку, например, потому, что нет бумаги. Но умелым словом можно было его сразу внезапно успокоить, как бы «снять чайник». Мучительным делом было, скажем, написать заявление и т.д. Был в практическом отношении совершенно неприспособленным человеком. Все мелочные преграды в быту его крайне раздражали.

***

Когда кто-либо ему оказывал хотя бы мелкую услугу, выражал этому человеку «тысячу благодарностей».

***

Многое в его поведении вытекает из условий воспитания в детстве.

В сфере своих отношений с издателями вел себя очень естественно и просто, в противоположность характеру отношений с людьми, с которыми он сталкивался в быту. Первая сфера была ему адекватна, вторая неадекватна, и этим объяснялись его странности и чудачества в быту. Его поведение определялось тем, подходит ли он как художник или нет.

***

Он был чрезвычайно мистичным человеком. Такой, какой он есть, он разговаривал с людьми самых разнообразных занятий и кругов, знакомыми и незнакомыми. Был всегда во всех своих проявлениях тот же, единство очень собранного внутренне человека, но беспомощного в быту.

***

С одними людьми мог быстро, даже сразу перейти на большую откровенность в отношении своих воззрений на литературу, искусство и т.д., но только в том случае, если чувствовал встречную направленность со стороны собеседника (что улавливал очень быстро). Иногда же замыкался в себе, очень трудно было его расшевелить. Это бывало в том случае, когда чувствовал, что данный человек его понимает не так, как должно, или имеет к нему личную вражду. Когда его выводили из себя, мог в глаза «сыпать», что думал о том или другом человеке.

Спорил всегда по существу и всем своим существом, углубляясь в предмет. Зерно, брошенное собеседником в споре, выросло у Белого в целое растение, и на следующий день он развивал перед своим собеседником целую теорию.

Неуспокоенность ни на чем, ничто не казалось ему совершенным. Необычайная пытливість мысли, постоянное слушание себя и собрание всего мира в себя объединяло в нем одновременно большого философа и писателя. Сочетание двух начал, художника и ученого, породило его своеобразный стиль. Идеалом для него был Ломоносов. Был более ученым из всех писателей и художников, более сильным из всех своих современников. Сочетание художника и ученого создало из него фигуру как будто формалиста. На самом деле это не так. Если художник идет путем синтеза, то ученый путем анализа. Сочетать эти различные методы необычайно трудно.

Белый во всей своей художественной деятельности пытался сочетать оба эти метода. Эта попытка создала его стиль, который считается очень непонятным и сейчас, но который в дальнейшей разработке может привести к очень простому и доступному пониманию его для всех людей. Б.Пильняк, Ю.Олеша во многом идут от Белого, некоторые элементы его творчества отразились на Ф.Гладкове, также творчестве Б.Пастернака.

Был чрезвычайно противоречивым человеком вообще и в отношении творчества в частности. Самокритика была развита в

высшей степени в отношении своей художественной деятельности. Сознал в то же время значимость делаемой им работы.

Был способен к крайне напряженной деятельности.

Если бы не преждевременная болезнь, то, может быть, под конец заблестел, как очень простая и понятная литературная фигура.

Не был по существу формалистом, так как в его творчестве всегда был очень большой внутренний смысл.

В образе профессора Коробкина в «Масках» предстают все особенности самого автора — Андрея Белого. Вполне его образ раскрывается через его художественные произведения.

Как человек был интереснее, чем как писатель. Потенциально в нем было заложено гораздо больше, чем он дал.

В нем часто взгляд художника предопределял развитие науки. Это сказывается в его схемах, это выражено в одном месте в суждениях его героя проф. Коробкина; в этих суждениях предваряются новые открытия в математике. Через два года в математике было открыто то, что Белый вложил в высказывания проф. Коробкина. Какой-то математик написал в одной из провинциальных газет статью (между прочим, Белый, когда писал, то при этом сам работал над этим математическим вопросом). Когда Белый узнал об этой статье, то с большой восторженностью говорил, что высказал как художник то, что впоследствии открыли ученые.

Ряд его формул и схем носит пока как бы неоправданный характер, но возможно, что наука их в дальнейшем примет. Его работы по ритму сейчас являются полемическими, хотя частности из его работы в этой области приемлются литературоведами.

В Андрее Белом были несомненно задатки, элементы гениальности.

***

Как передают по слухам, разрыв с Асей Тургеневой произошел по той причине, что Б.Н. сознательно воздерживался от полового общения с целью сублимации энергии в творческую деятельность¹¹⁹.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Сейчас в бывшем доме Рахманова (Арбат, 55) находится Мемориальная квартира Андрея Белого.

² Белый А. На рубеже двух столетий / Вст. статья, подг. текста и комм. А.В.Лаврова. М., 1989. С.182.

³ Там же. С.183.

⁴ Там же. С.182.

⁵ Имеется в виду предисловие к планировавшемуся в 1928 переизданию повести «Котик Летаев» в «Никитинских субботниках». Этот издательский проект не осуществился, «Предисловие...» было опубликовано А.В.Лавровым: Русская литература. 1988. №1.

⁶ Белый А. На рубеже двух столетий. Указ. изд. С.183-184.

⁷ Николай Васильевич Бугаев (1837-1903) и Александра Дмитриевна Бугаева (урожд. Егорова; 1858-1922).

⁸ Белый А. На рубеже двух столетий. Указ. изд. С.185.

⁹ Там же. С.97.

¹⁰ Там же. С.99.

¹¹ Там же. С.185.

¹² Там же. С.98.

¹³ Там же. С.103.

¹⁴ Там же. С.98.

¹⁵ Кайгородов Д.Н. Из царства пернатых. СПб., 1893.

¹⁶ Белый А. На рубеже двух столетий. Указ. изд. С.99.

¹⁷ Там же. С.90.

¹⁸ Там же. С.186.

¹⁹ Там же. С.186. *Каролина Карловна* — первая бонна Б.Н.Бугаева. О ней см.: С.184, 497. *Раиса Ивановна* Раппопорт была гувернанткой А.Белого с весны 1884 по осень 1885.

²⁰ Там же. С.186.

²¹ Там же. С.177.

²² Там же. С.178.

²³ Владимир Иванович *Танеев* (1840-1921) — брат композитора С.И.Танеева. В Демьянове семья Бугаевых отдыхала в 1884, 1889 и 1891.

²⁴ Белый А. На рубеже двух столетий. Указ. изд. С.99.

²⁵ Николай Ильич *Стороженко* (1836-1906) — профессор Московского университета, историк литературы, близкий друг Н.В.Бугаева. А.Белый

в детстве общался с его детьми Колей и Марусей (Николаем Николаевичем и Марией Николаевной Стороженко).

²⁶ Белый А. На рубеже двух столетий. Указ. изд. С.104.

²⁷ Там же. С.134.

²⁸ Там же. Хирург Николай Васильевич *Склифосовский* (1836-1904) и экономист, профессор Московского университета *Иван Иванович Янжул* (1846-1914) — друзья Н.В.Бугаева.

²⁹ Там же. С.98.

³⁰ О своем детском восприятии «Сказок кота Мурлыки» Н.П.Вагнера (1872) и романа Ч.Диккенса «Жизнь Дэвида Копперфильда, рассказанная им самим» (1850) А.Белый пишет в мемуарах. См.: Белый А. На рубеже двух столетий. Указ. изд. С.214-215. О чтении исторического романа А.К.Толстого «Князь Серебряный. Повесть времен Иоанна Грозного» (1862), «Поэм Оссиана» Дж.Макферсона (1765), об увлечении романами Жюль Верна, Майна Рида, Фенимора Купера и другой литературой см. там же (С.219, 221).

³¹ Там же. С.220. *Белла Раден* была гувернанткой А.Белого с весны 1889 по осень 1892.

³² Там же. С.229.

³³ Там же.

³⁴ О Казимире Карловиче *Павликовском* см.: Белый А. На рубеже двух столетий. Указ. изд. С.292-298.

³⁵ Там же. С.301.

³⁶ В 1895 Михаил Сергеевич *Соловьев* (1862-1903) с женой Ольгой Михайловной (1855-1903) и сыном Сергеем (1885-1942) поселился в том же доме на углу Арбата и Денежного переулка, где жила семья Бугаевых, этажом ниже.

³⁷ *Ермолова* Мария Николаевна (1853-1928), *Садовская* Ольга Осиповна (1849-1919). В мемуарах А.Белый пишет о том, что он «процветал любовью к Малому театру, к Ермоловой, к Садовским, к Гореву, к пьесам Островского...» (На рубеже двух столетий. Указ. изд. С.322). О страсти к «маскараду» там же: С.323.

³⁸ Это увлечение относится к лету 1892, тогда Бугаевы снимали дачу в Перловке. См.: Белый А. На рубеже двух столетий. Указ. изд. С.301.

³⁹ Ср.: «С четвертого класса я превращаюсь в дрянненького воришку, снедаемого страстью к художественной культуре /.../ прочитаны: Диккенс, Гоголь, весь Алексей Толстой, Лермонтов, Майков /.../ я читал "Физиологию ума" Карпентера, не имея никакого представления о физиологии, и дрянную книжку Аллана Кардэка "La жenez дю спиритизм"; и я уже присвоил себе тайное право рыться в "Вопросах философии и психологии" за ряд лет» (Белый А. На рубеже двух столетий. Указ. изд. С.317).

⁴⁰ Имеется в виду влюбленность в дочь врача-невропатолога М.П.Ограновича, в санатории которого в Аляхове А.Белый отдыхал летом 1896. См.: Белый А. На рубеже двух столетий. Указ. изд. С.336.

⁴¹ С французским священником *Габриэлем Оже* А.Белый общался летом 1896 и особенно сблизился с ним в санатории в Аляхове, где Оже отдыхал вместе с семьей Бугаевых: «Он предложил мне брать у него уроки языка и истории литературы в обмен на свои упражнения в русском...» (Белый А. На рубеже двух столетий. Указ. изд. С.335).

⁴² Поездка с матерью за границу состоялась в мае—июне 1896.

⁴³ Белый А. На рубеже двух столетий. Указ. изд. С.319-320.

⁴⁴ Там же. С.368, 372.

⁴⁵ Там же. С.373.

⁴⁶ Белый А. Пришедший: Отрывок из ненаписанной мистерии // Северные цветы: Третий альманах кн-ва «Скорпион». М., 1903. С.2-25.

⁴⁷ О том, что сочинения В.С.Соловьева (1853-1900) А.Белый «начал студировать с осени 1900 года», говорится в книге «На рубеже двух столетий» (С.441).

⁴⁸ Написанное в 1901, произведение было опубликовано несколько лет спустя. См.: Белый А. Северная симфония (1-я, героическая). М.: «Скорпион», 1904.

⁴⁹ Белый А. Начало века / Подг. текста и комм. А.В.Лаврова. М., 1990. С.135.

⁵⁰ Фрагменты этих писем А.Белого к Маргарите Кирилловне *Морозовой* (1873-1958) вошли в ее мемуары о писателе. См.: Морозова М.К. Андрей Белый / Пред. и прим. В.П.Енишерлова. Публ. Е.М.Буромской-Морозовой и В.П.Енишерлова // Андрей Белый: Проблемы творчества. М., 1988. С.522-546.

⁵¹ «/.../ в 1901 году происходит мое знакомство с Брюсовым, с Мережковским, с Гиппиус, протягиваются связи со "Скорпионом" /.../ в 1901 году происходит впервые моя яркая встреча с поэзией Блока...» (Белый А. На рубеже двух столетий. Указ. изд. С.453).

⁵² Над кандидатским сочинением «Об оврагах» А.Белый работал весной 1902.

⁵³ Белый А. Несколько слов декадента, обращенных к либералам и консерваторам // Хроника журнала «Мир искусства». 1903. №7. С.65-67.

⁵⁴ Белый А. Симфония (2-ая, драматическая). М., 1902.

⁵⁵ А.Белый с матерью переехали с квартиры в доме Рахманова на углу Арбата и Денежного переулка в Никольский переулок в 1906.

⁵⁶ Имеется в виду приезд А.А.Блока и его жены Л.Д.Блок в Москву в январе 1904. Знакомству поэтов предшествовала переписка.

⁵⁷ Нина Ивановна *Петровская* (1879-1928) — прозаик, критик, переводчик, первая жена поэта С.А.Соколова (Кречетова), владельца книгоиздательства «Гриф» и редактора журнала «Перевал». Ее роман с А.Белым возник в 1903 и закончился разрывом в августе 1904. История этих взаимоотношений рассказана в воспоминаниях обоих участников драмы (Белый А. Начало века. Указ. изд. С.304-316 и др.; Петровская Н. Воспоминания / Публ. Э.Гарэтто // Минувшее. Вып.8. М., 1992. С.17-79. См. также: Письма Андрея Белого к Н.И.Петровской / Публ. А.В.Лаврова // Минувшее. Вып.13. М.; СПб., 1993. С.198-214). Трагическая история жизни Н.И.Петровской описана мемуаристами и исследователями (См., напр.: Ходасевич В.Ф. Конец Ренаты // Ходасевич В.Ф. Колеблемый треножник. М., 1991. С.269-276; Жизнь и смерть Нины Петровской / Публ. Э.Гарэтто // Минувшее. Вып.8. Указ. изд. С.7-138; Лавров А.В. Андрей Белый в 1900-е годы. М., 1995. С.159-175).

⁵⁸ В Нижнем Новгороде у своего ближайшего в то время друга Э.К.Метнера А.Белый гостил в апреле 1904.

⁵⁹ Об истории отношений А.Белого с Л.Д.Блок см.: Лавров А.В. Андрей Белый в 1900-е годы. Указ. изд. С.196-206.

⁶⁰ Причиной этого конфликта А.Белого и В.Брюсова невольно стал Д.С.Мережковский, у которого А.Белый в Петербурге жил и с которым очень сдружился. А.Белый обиделся за нелестные слова Брюсова о Мережковском и изложил свою обиду в письме. Брюсов в ответ недвусмысленно намекнул на возможность дуэли, но А.Белый постарался сгладить ситуацию. См.: Переписка с Андреем Белым / Публ. С.С.Гречишкина и А.В.Лаврова // Литературное наследство. Т.85: Валерий Брюсов. М., 1976. С.381-383.

⁶¹ Об *Эллисе* (Л.Л.Кобылинском; 1879-1947) в роли секунданта А.Белого см., напр.: Белый А. Между двух революций. Указ. изд. С.85-86; Блок Л.Д. И был и небылицы о Блоке и о себе // Александр Блок в воспоминаниях современников. Т.1. М., 1980. С.176-178.

⁶² История этой, также несостоявшейся, дуэли отражена в переписке поэтов за август 1907. См.: Александр Блок и Андрей Белый: Переписка / Ред., вст. ст., комм. В.Н.Орлова. М., 1940. С.192-213.

⁶³ В конце сентября 1906 А.Белый уезжает в Мюнхен, зиму проводит в Париже.

⁶⁴ Белый А. Пепел: Стихи. СПб., 1909 — второй стихотворный сборник А.Белого.

⁶⁵ Знакомство А.Белого с лидером Французской социалистической партии Жаном *Жоресом* (1859-1914) произошло в декабре 1906 во время пребывания писателя в Париже.

⁶⁶ П.И.д'Альгейм (1862-1926) — французский литератор и музыкальный деятель, муж знаменитой певицы М.А.Олениной-д'Альгейм, тетки А.А.Тургеневой (1890-1966).

⁶⁷ Живя с этого времени как муж и жена, А.Белый и А.А.Тургенева официально сочетались гражданским браком только в 1914.

⁶⁸ За время путешествия побывали в Италии (Венеция, Рим, Палермо, Монреаль), Тунисе, Египте, Палестине. Вернулись в Россию в мае 1911.

⁶⁹ В исследовании Г.И.Полякова совершенно игнорируется роль антропософии в жизни А.Белого. Возможно, ни К.Н.Бугаева, ни А.С.Петровский не посчитали нужным об этом с ним говорить. В 1912 А.Белый и А.А.Тургенева становятся на путь антропософского ученичества. Вслед за Р.Штейнером они ездят по городам Европы, слушая курсы лекций. Весной 1913 возвращаются в Россию, а летом снова уезжают. С 1914 по 1916 живут в Дорнахе (Швейцария), где под руководством учителя работают на строительстве Гетеанума, антропософского центра и храма.

⁷⁰ Здесь, наверное, имеются в виду лекции в литературной студии «Пролеткульта».

⁷¹ В первые годы советской власти А.Белый служил в «Пролеткульте» (1918-1919), Театральном отделе (ТЕО) Наркомпроса (1919), участвовал в организации Литературного отдела (ЛИТО) при Наркомпросе, московского «Дворца искусств» (1919), Института театральных знаний (1920).

⁷² Окончательный разрыв с А.А.Тургеневой произошел весной 1922 в Берлине.

⁷³ Белый А. Воспоминания о Блоке // Эпопея: Литературный ежемесячник под ред. Андрея Белого. 1922. №1-3; 1923. №4.

⁷⁴ Например, «Материал к биографии (интимный), предназначенный для изучения только после смерти автора» (1923). См.: Андрей Белый и антропософия / Публ. Дж.Малмстада // Минувшее. Вып.6, 8, 9. М., 1992.

⁷⁵ После возвращения из Берлина А.Белый поселился на Бережковской набережной у четы Анненковых, в доме при заводе Анилтреста. О.Н.Анненкова, как и Белый, была членом антропософского общества, а ее муж — директором химического завода.

⁷⁶ Брак был заключен в мае 1931. До этого Клавдия Николаевна (урожд. Алексеева) состояла в браке с П.Н.Васильевым. Ее совместная жизнь с А.Белым началась значительно раньше, вскоре по возвращении из Германии.

⁷⁷ Имеются в виду братья Николая Васильевича Бугаева — Владимир Васильевич и Георгий Васильевич. Учителем математики был сын Г.В.Бугаева — Олег Георгиевич Бугаев. Он не упоминается в мемуарах А.Белого. В проведенной 22 декабря 1935 «беседе» с К.Н.Бугаевой о нем общается: «Ему в настоящее время около 50 лет. Преподаватель математики. Очень спокойный и уравновешенный человек. Скорее медлительный. Бугаевские умные глаза».

⁷⁸ Имеются в виду отец Александры Дмитриевны Бугаевой — Егоров Дмитрий Егорович и ее младшая сестра Егорова Екатерина Дмитриевна.

⁷⁹ В «беседе» от 22 декабря 1935 об А.Д.Бугаевой сообщается:

Вышла замуж 22 лет. После замужества бывали сильные увлечения. Первое из них не окончилось разводом с мужем только из-за Б.Н., которому тогда было около 4-х лет. Была очень темпераментная. /.../ По-видимому, не особенно глубокая. Пользовалась очень большим успехом. Эгонстка. Думала только о своем удовольствии. Указания на прямые измены мужу. Когда Б.Н., уже взрослым, мало зарабатывая литературным трудом, обращался к ней за помощью, то она давала деньги с оговорками, хотя в то же время сильно любила сына. Была добра, когда это не касалось ее лично. Подлинное в ней было хорошее, но это подлинное маскировалось тем, что слишком занята была собой. Была избалована и капризна. Умерла 64 лет в 1922 г. от кровоизлияния в мозг. Был удар. Лежала в клинике Россолимо.

⁸⁰ Отзыв директора Московской консерватории, композитора С.И.Танеева (1856-1915) А.Белый приводит в книге мемуаров «Начало века»: «Впоследствии С.И.Танеев, рассматривая мою руку и растягивая ее так и эдак, сказал: "Рука музыканта"» (С.24).

⁸¹ В период последней болезни А.Белый активно боролся с курением, и ему иногда удавалось снизить ежедневную норму до полутора сигарет. Ход борьбы с курением отражал в специальной схеме-таблице.

⁸² Имеется в виду работа А.Белого над архитравами Иоаннова здания (Гетенаума) в Дорнахе. О его работе «резчика по дереву» см.: Белый А. Материал к биографии (интимный) // Минувшее. Вып.8, 9. М. 1992; Белый А. Воспоминания о Штейнере / Подг. текста, пред., прим. Ф.Козлика. Paris, 1982; и др.

⁸³ В химической лаборатории Московского университета А.Белый-студент занимался в 1902. «Заседания» на крыше лаборатории и собственные акробатические трюки описаны в книге мемуаров «На рубеже двух столетий» (С.419-420); «Другой его "номер" в то время — хождение по карнизу стены квартиры Владимировых на Смоленском бульваре, на высоте второго этажа. Распластав по стене руки, распростершись на плоскости, он осторожно передвигался к ближайшему окну, "демонстрируя" своим знакомым, как вор может забраться в окно в их квартиру» (Бугаева К.Н. Воспоминания о Белом. Указ. изд. С.64-65).

⁸⁴ В Альбек, балтийский курорт, писатель ездил в июле 1923. См.: Бугаева К.Н. Воспоминания о Белом. Указ. изд. С.65.

⁸⁵ В мемуарах К.Н.Бугаевой поясняется, что эта теория родилась в период их совместного отдыха в 1928 и 1929 в Коджорах, высокогорном местечке близ Тифлиса, во время длительных прогулок и созерцания пейзажа: «Для наблюдений он выбрал себе "лабораторию зрительных опытов" — на Коджорской вершине /.../ И кончил тем, что построил целую теорию "перспективы 4-го измерения", основанную на принципе глубины, на взгляде "сверху вниз", с высоты. Об этом в сжатом виде сказал в "Мастерстве Гоголя" (1934, 118-119), а в дневнике своем, там же в Коджо-

рах, с увлечением исписал ряд листов» (Бугаева К.Н. Воспоминания о Белом. Указ. изд. С.109).

⁸⁶ В Свиномюнде, курортном местечке на Балтике, А.Белый отдыхал летом 1922.

⁸⁷ О занятии танцами в детстве см.: Белый А. На рубеже двух столетий. Указ. изд. С.323. Увлечение А.Белого фокстротом в период его берлинской эмиграции производило на современников впечатление болезненное и почти шоковое, о чем рассказывается в многочисленных мемуарах. Сам писатель считал фокстрот способом изживания глубокого душевного кризиса, вызванного разрывом отношений с первой женой А.А.Тургеневой и конфликтом с антропософским обществом: «я не жаловался, а — плясал фокстрот» (Белый А. Почему я стал символистом... // Белый А. Символизм как миропонимание. М., 1994. С.481).

⁸⁸ В Дорнахе, швейцарской деревне близ Базеля, А.Белый поселился в 1914. В 1913 вопрос о переезде еще только обсуждался.

⁸⁹ Подробно об исполнении А.Белым роли в коктебельском представлении 1924 года см. в воспоминаниях Н.А.Северцевой-Габричевской «Андрей Белый "террорист"» (Литературное обозрение. 1995. №4/5. С.112-117).

⁹⁰ О способности А.Белого подражать повадкам животных см.: Кезельман Е.Н. Жизнь в Лебедяни летом 32-го года // Бугаева К.Н. Воспоминания о Белом. Указ. изд. С.298-299.

⁹¹ Вероятно, импульсом к рисованию стала для А.Белого антропософия, ученичество у Штейнера. По его заданию писатель зарисовывал свои духовные имажинации.

⁹² Иллюстрировать роман «Маски» (М.;Л.: ГИХЛ, 1932) должен был Н.В.Кузьмин (1890-1987). Художник обратился к писателю с просьбой показать, как тот представляет себе персонажей произведения, и А.Белый сделал двенадцать рисунков.

Он приготовил для меня рисунки действующих лиц на клочках бумаги и стал их показывать с некоторой неловкостью, с какой дилетант демонстрирует свои работы перед профессионалом. Рисунки были детски неумелые (в таком же роде рисунки Белого воспроизведены в томе переписки с Блоком), но они мне очень пригодились. Белый обладал даром схватывать характерное, и некоторые его портретные формулировки я перенес в свои иллюстрации почти целиком.

Кузьмин Н. Иллюстрируя Андрея Белого // Звезда. 1972. №5. С.182.

Так, в книге практически воспроизведены сделанные А.Белым портреты профессора Коробкина и Мандро.

⁹³ С апреля по июнь 1927 А.Белый и К.Н.Бугаева путешествовали по Грузии. О страстном увлечении А.Белого рисованием в этот период

см.: Бугаева К.Н. Воспоминания о Белом. Указ. изд. С.125-128. Коджорские пейзажи А.Белого см.: Рисунки русских писателей XVII — начала XX века / Автор-составитель Р.В.Дуганов. М., 1988. С.210-211.

⁹⁴ Классификация рисунков и схем А.Белого, а также его художественного стиля дана в статье Н.А.Кайдаловой «Рисунки Андрея Белого» (Андрей Белый: Проблемы творчества. Указ. изд. С.597-605).

⁹⁵ «Б.Н. /.../ вспоминал, как при писании "Путевых заметок" смогли ему простые открытки, которые пачками он накопил в Италии, в Тунисе, в Египте. То же самое пытался он сделать теперь на Кавказе, — в Батуми, Тифлисе, в Армении. Но потерпел неудачу. Выбор открыток и снимков был слишком скудным. Тогда-то желание хоть как-нибудь закрепить характерные мелочи посещаемых мест толкнуло его к зарисовкам» (Бугаева К.Н. Воспоминания о Белом. Указ. изд. С.125). Среди личных вещей писателя, хранящихся в Мемориальной квартире А.Белого, — альбом с видами Швейцарии, открытки с видами Свинемюнде, несколько наборов открыток с видами Кавказа.

⁹⁶ В Египте А.Белый и А.А.Тургенева были весной 1911.

⁹⁷ А.Белый и К.Н.Бугаева отдыхали на Кавказе в 1927, 1928, 1929, неоднократно были в Тифлисе, Батуми и Эривани. См.: Белый А. Ветер с Кавказа: Впечатления. М., 1928; Белый А. Армения // Красная новь. 1928. №8.

⁹⁸ Полуподвальное помещение в Долгом переулке на Плющихе (д.53, кв.1). Реакция А.Белого на «хвост» очереди в молочную, заслонявший ему окно, описана в мемуарах В.А.Милашевского «Вчера, позавчера... Воспоминания художника» (М., 1989. С.283-285).

⁹⁹ Скандалы из-за керосина происходили в Кучино постоянно, один из них нашел отражение в дневниковых записях П.Н.Зайцева: «В местном кооперативе нет керосина. В Салтыковке керосин выдается неопределенно по каким дням и в какие часы. Его надо ловить. Очередь за ним выстраивается, доходя до 500-600 человек. Бор. Ник. говорит, что он уже хотел ехать в Москву и идти в "Правду", заявить о беспорядках в снабжении керосином» (19 января 1931).

¹⁰⁰ Имеется в виду «Дневник Ал. Блока» (В 2-х тт. Под. ред. П.Н.Медведева. Л., 1928), в котором были опущены записи периода «Стихов о Прекрасной Даме» и то, что касалось отношений с Л.Д.Блок. Принципы такого издания оговорены во вступительной статье к 1 тому. О реакции А.Белого свидетельствуют дневниковые записи П.Н.Зайцева:

10 марта 1928 г.

/.../ Бор. Ник. очень раздражен «Дневником» Блока, выпущенным Любовью Дмитриевной Блок и М.А.Бекетовой. Находит «Дневник» ужасным, а опубликование его за эти именно годы, без связи с остальными годами (вне контекста!) бестактным. Хотел даже написать нечто вроде декларации, меморандума и в

рукописи переслать несколько экземпляров в ГАХН — П.С.Когану, в «Новый мир» — В.П.Полонскому, в «Красную новь» и в другие журналы...

— Когда умер А.Блок, я написал о нем в «Эпопее», отмечая все личное, себя затемняя, отводя в тень... А уж если такие дневники появляются, то позвольте и мне восстановить истину! Белый, щадя Блока, щадя Любовь Дмитриевну, приукрыл все темное, оставил только светлое, в ущерб себе, вывел Блока максималистом, себя поставив в положение минималиста /.../ Так пусть же знают всю правду, освещение со всех сторон!

Бор. Ник. в субботу, 10-го марта, был у меня, страшно нервничал в связи с этим дневником, кричал на всю квартиру...

¹⁰¹ Имеется в виду страсть к Л.Д.Блок.

¹⁰² В мае 1931 была арестована Клавдия Николаевна Васильева (Бугаевой она стала после регистрации с А.Белым в июле 1931), и А.Белому пришлось давать объяснительные показания на Лубянке, активно хлопотать о ее освобождении. Потом был арестован его друг и литературный секретарь П.Н.Зайцев, а также многие другие люди из его близкого окружения. В результате обысков на квартире у К.Н.Васильевой и П.Н.Зайцева были изъяты материалы личного архива писателя, творческие рукописи, финансовые документы и т.д.

¹⁰³ Этот эпизод рассказан в книге А.Белого «Ветер с Кавказа» (С.210-212), упоминается он также и в «Воспоминаниях о Белом» К.Н.Бугаевой (С.59-61).

¹⁰⁴ Подробнее см.: Бугаева К.Н. Воспоминания о Белом. Указ. изд. С.50, 62.

¹⁰⁵ В Красной Поляне, местечке близ Сочи, чета Бугаевых отдыхала в июне 1929.

¹⁰⁶ Подробно об общении А.Белого с соседями по Кучино см.: Бугаева К.Н. Воспоминания о Белом. Указ. изд. С.252-254.

¹⁰⁷ Летом 1932, когда умер М.А.Волошин (11 августа), Б.Н. и К.Н.Бугаевы отдыхали в Лебедяни и в Крыму не были, потому соболезнования могли выражать только в письмах. См., напр., приписку А.Белого к письму К.Н.Бугаевой от 24 ноября 1932 (хранится в Доме-музее М.А.Волошина в Коктебеле: НВ. №3688). Зато летом 1933 А.Белый действительно тесно общался с Марией Степановной и написал в Коктебеле очерк «Дом-музей М.А.Волошина», за что вдова поэта была ему очень благодарна.

¹⁰⁸ Елизавета Трофимовна Шипова. На даче у нее и ее мужа, Николая Емельяновича Шипова, в подмосковном поселке Кучино А.Белый и К.Н.Бугаева с небольшими перерывами жили с сентября 1925 по апрель 1931.

¹⁰⁹ «История» с самоваром и прислугой Аннушкой произошла, по свидетельству К.Н.Бугаевой, в Карачеве (Орловская обл.), где А.Белый в

1919 проводил часть лета (Бугаева К.Н. Воспоминания о Белом. Указ. изд. С.256).

¹¹⁰ См., напр., «Кубок метелей. Четвертая симфония» (М., 1908), описание метели в романе «Маски» (М., 1932). См. также: Бугаева К.Н. Воспоминания о Белом. Указ. изд. С.197.

¹¹¹ См.: Там же. С.164.

¹¹² Возможно, имеется в виду реферат в физическом кружке проф. Н.А.Умова «О задачах и методах физики» в ноябре 1899.

¹¹³ См., напр.: «Материал к биографии (интимный)», над которым А.Белый трудился с 1923 (Минувшее. Вып. 6, 8, 9), и предисловие к публикации Дж.Малмстада (Минувшее. Вып.6. С.337-342). Помимо «Материала к биографии...» существует множество автобиографических текстов разного объема, где писатель скрупулезно фиксировал события собственной жизни. Так, подробный перечень «жизненных встреч» прилагается к «Раккурсу к Дневнику» (РГАЛИ. Ф.53. Оп.1. Ед.хр.100). После смерти А.Белого разбор его архива К.Н.Бугаева занималась вместе с А.С.Петровским. См.: раздел «Биографические материалы» в обзоре К.Бугаевой и А.Петровского «Литературное наследство Андрея Белого» (Литературное наследство. Т.27/28. М., 1937. С.633-634).

¹¹⁴ Подробнее см.: Бугаева К.Н. Воспоминания о Белом. Указ. изд. С.122-123.

¹¹⁵ О манере Белого мести полы см. там же: С.37.

¹¹⁶ Эти слова В.Э.Мейерхольда приведены А.Белым в книге «Ветер с Кавказа» (М., 1928. С.77).

¹¹⁷ См. рисунки и схемы А.Белого в его книгах «Рудольф Штейнер и Гете в мировоззрении современности» (М., 1917); «Глоссалалия» (Берлин, 1922); «Мастерство Гоголя» (М., 1934) и др. Писатель часто иллюстрировал схемами свои устные выступления и порой прибегал к ним в письмах. См.: Рисунки русских писателей... Указ. изд. С.208-209, 212-213.

¹¹⁸ По всей видимости, имеется в виду работа А.Белого «Так говорит правда» (Записки мечтателей. 1922. №5). К.Н.Бугаева любила и неоднократно цитировала ее, называя «афоризмы о "Правде"» (Воспоминания о Белом. Указ. изд. С.263-264).

¹¹⁹ В «Материале к биографии (интимном)» А.Белый высказывал прямо противоположную точку зрения (Минувшее. Вып.6. С.380 и др.)

ДНЕВНИКИ
ЗАПИСНЫЕ КНИЖКИ
МАРГИНАЛИИ

Анна Радлова

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО ФРАНЦИИ. 1925

Публикация К.Н.Левиной и А.Л.Дмитренко

Возросший в последнее время интерес к творческому наследию Анны Дмитриевны Радловой (1891-1949)¹ обусловлен вниманием исследователей к литераторам круга «позднего» М.Кузмина, а также связан с разработкой «сектантской» темы в литературе Серебряного века². Именно хлыстовские мотивы в творчестве Радловой привлекли внимание Т.Л.Никольской, а затем и А.М.Эткинда, который первоначально использовал их в качестве иллюстрации своей культурологической концепции³. Таким образом, изучение творчества А.Радловой идет как бы по кас-

¹ Начало посмертным публикациям А.Д.Радловой положил Л.Н.Чертков, начатавший два неизвестных стихотворения поэтессы в журнале «Континент» (1985. №43. С.359-361). Другие публикации: Михайлов А., Кравцова А. Анна Радлова // Смена. 1989. 25 окт. №245. С.1; Радлова А. О Блоке / Публ. А.В.Лаврова // Книги и рукописи в собрании М.С.Лесмана: Аннотированный каталог. М., 1989. С.356-357; Радлова А. Из неизданных стихотворений / Публ. Г.Морева // Русская мысль. 1991. №3895. 13 сент.; Морев Г. «Слова, летучие, как пламень» // Вечерний Петербург. 1992. 16 апр. №90. С.3. Отдельные посмертные издания: Радлова А. Стихотворения / Сост. и вступ. заметка Ю.В.Зобнина. Л., 1991; Радлова А. Богородицын корабль; Крылатый гость; Повесть о Татариновой / Публ., предисловие и прим. А.Эткинда. М., 1996.

² Некоторым исключением был цикл из трех радиопередач об А.Д.Радловой, подготовленный С.Д.Радловым и прозвучавший на Би-Би-Си в 1995-1996. Особое внимание в них было уделено радловским переводам Шекспира, а также связям А.Д.Радловой с театром. Любопытные материалы к творческой биографии А.Радловой (включающие впервые публикуемое стихотворение) содержатся в кн.: Кофейня разбитых сердец: Коллективная шуточная пьеса в стихах при участии О.Э.Мандельштама / Публ. Т.Л.Никольской, Р.Д.Тименчика и А.Г.Меца. Stanford Slavic Studies. 1997. Vol.12.

³ Никольская Т.Л. Тема мистического сектантства в русской поэзии 20-х годов XX века // Учен. зап. Тартуского ун-та. 1990. Вып.883. Тарту, 1990. С.157-169; Никольская Т.Л. Новая Ева // Искусство Ленинграда. 1991. №8. С.92; Эткинд А. Содом и Психея. М., 1996. С.140-213; Эткинд А. Предисловие // Радлова А. Богородицын корабль... Указ. изд. С.5-49.

тельной, о чем свидетельствует и закрепление за поэтессой хлыстовской темы, и рассмотрение ее литературной деятельности исключительно в контексте «эмоционализма». Мы надеемся, что введение в читательский оборот не только «забытых», но и ранее неизвестных текстов А. Радловой будет способствовать формированию целостного восприятия ее творчества как самобытного явления поэтической культуры Серебряного века.

Анна Дмитриевна Радлова (урожд. Дармолатова) родилась в Петербурге 3 (15) февраля 1891. Ее отец Дмитрий Иванович Дармолатов, уроженец Ростова-на-Дону, получил высшее образование и личное дворянство и состоял долгое время членом правления Азовско-Донского коммерческого банка в Петербурге. В этом банке у него был собственный вклад — 500 тысяч рублей. Мать — Мария Николаевна (урожд. Оленникова, ?-1942) также происходила из дворян⁴. Помимо Анны Дмитриевны в семье было еще три дочери.

В январе 1909 А. Д. поступила на историко-филологический факультет курсов Н. П. Раева, где слушала лекции И. Ф. Анненского, Вяч. Иванова и Ф. Ф. Зелинского. В 1913-1915 училась на Бестужевских курсах.

После смерти Дмитрия Ивановича в 1915 его семья получила по завещанию наследство в размере 500 тысяч рублей. Пятая часть этой суммы (100 тысяч) досталась лично Анне Дмитриевне, на проценты с этих денег она и жила. После национализации банков в 1917-1918 семья Дармолатовых, в том числе и Анна Дмитриевна, лишилась сбережений.

В 1914 А. Д. вышла замуж за Сергея Эрнестовича Радлова (1892-1958), в то время студента Петербургского университета. В 1915 у А. Д. и С. Э. родился сын Дмитрий (1915-1969). Брак с С. Э. и вхождение в семью Радловых позволили А. Д. приобщиться к артистической жизни Петербурга. Она была знакома со многими литераторами и художниками (с некоторыми ее связывали и родственные отношения)⁵, посещала поэтические вечера и салоны.

Впервые А. Д. выступила в печати в 1916 — в журнале «Аполлон» (№9/10) были опубликованы три ее стихотворения. В 1918 вышла ее первая книга стихов «Соты». В этом же году Радлова поступила на службу переводчицей в репертуарную секцию Театрального отдела Наркомпроса⁶. В 1920, 1922 и 1923 были выпущены последовательно три ее книги: «Корабли», «Крылатый гость» и «Богородицын корабль». Немаловажную роль в литературной судьбе Радловой сыграло знакомство с Михаилом Кузминым. Именно он с симпатией откликнулся на ее первый сборник

⁴ Биографические данные о семье Дармолатовых, зафиксированные в протоколе допроса А. Радловой в НКГБ от 7 марта 1945, любезно предоставлены нам С. Д. Радловым.

⁵ Сестра А. Радловой Сарра (1892-1967) была замужем за художником В. В. Лебедевым, а в 1930-х сама стала известным скульптором, на второй сестре Надежде (?-1922) был женат брат О. Мандельштама Евгений. Художниками были брат С. Радлова — Николай (1889-1942), его первая жена — Э. Я. Радлова (урожд. Зандер, 1887-1924) и вторая жена — Н. К. Шведе-Радлова (урожд. Плансон, в первом браке Шведе, 1894-1944).

⁶ См. об этом: Радлова А. О Блоке. Указ. изд. С. 356-357.

стихов⁷, в 1922-1923 Радлова и Кузмин вместе редактировали альманахи «Абрассас». О характере этого литературного альянса красноречиво свидетельствует запись в дневнике поэта от 21 сентября 1922, сделанная под впечатлением предстоящего отъезда за границу семьи Блохов: «Все-таки отъезд Блохов очень огорчает. Кто остается? только Радлова, но я не знаю, не партийная ли скорее это привязанность, чем дружба»⁸.

Именно «партийными привязанностями» руководствовалась прежде всего большая часть критиков, писавших в то время о поэзии А. Радловой. Их пристрастные отзывы, как восторженные, так и резко отрицательные, исказили и восприятие ее творчества и литературную репутацию⁹. То же можно сказать и о более поздних мемуарных свидетельствах — главным образом, Н. Я. Мандельштам и Л. К. Чуковской¹⁰. Отметим, что еще в начале 1920-х в литературной среде возникло ощущение соперничества двух Анн: Радловой и Ахматовой, отчасти спровоцированное дискуссией в прессе, но обусловленное в основном личными мотивами¹¹.

На начало 1920-х приходится пик поэтической активности А. Радловой. В ее книгах «Корабли» и «Крылатый гость» («кружение» войн и бедствий представлялось как радование России о сошествии Святого Духа. Интерес к русским сектантам (старообрядцам, хлыстам и скопцам) сохранился у Радловой вплоть до 1930-х. Драма «Богородицын корабль» основана на хлыстовской легенде, а прозаическая «Повесть о Татариневой» (1931) посвящена тайной секте, близкой кскопческой ереси.

В 1930-е Радлова, как и многие ее современники — поэты, «ушла» в переводческую деятельность. Делом ее жизни стали переводы шекспировских трагедий, в которых нашли отражение элементы эмоционалистских воззрений на сущность искусства¹².

В 1942 вместе с частью труппы Театра им. Ленсовета Радлова попала в зону немецкой оккупации в Пятигорске, куда театр был эвакуирован

⁷ Кузмин М. [Рец.]. А. Радлова. «Соты» // Жизнь искусства. 1918. №16 (8 ноября).

⁸ Цит. по: Тимофеев А. Г. Михаил Кузмин и издательство «Петрополис» // Русская литература. 1991. №1. С. 204.

⁹ См. напр.: Егo [Голлербах Э. Ф.]. «Корабли» Анны Радловой: [Рец.] // Вестник литературы. 1921. №3 (27). С. 9; Пяст В. Два ожерелья // Жизнь искусства. 1921. №810; Чудовский В. По поводу одного сборника стихов (О «Кораблях») // Начала. 1921. №1. С. 209-210; Шагинян М. «В мягком мешке шило» (ответ М. Кузмину) // Жизнь искусства. 1922. №30 (853). С. 3; Кузмин М. Голос поэта // Кузмин М. Условности. Пг., 1923. С. 170-171; Кузмин М. «Крылатый гость», гербарий и экзамены // Там же. С. 172-176.

¹⁰ Мандельштам Н. Я. Вторая книга. М., 1990. С. 105-106, 184, 371-372; Чуковская Л. К. Записки об Анне Ахматовой. Ч. 1. М., 1989. С. 46, 48, 62, 141.

¹¹ Недвусмысленное суждение А. А. Ахматовой по этому поводу зафиксировано П. Н. Лукницким: Лукницкий П. Н. Асумана: Встречи с Анной Ахматовой. Paris, 1991. Т. 1. С. 59-60. См. также: Тименчик Р. Д. Об одном письме Анны Ахматовой // Звезда. 1991. №9. С. 165-167.

¹² См. об этом: Чекалов И. Переводы «Гамлета» М. Лозинским, А. Радловой и Б. Пастернаком в оценке советской критики 30-х годов // Шекспировские чтения. М., 1990. С. 183-200; Радлов С. [Д.] Шекспиризация // Московский наблюдатель. 1997. №1-2. С. 24-25.

из Ленинграда. Участники группы были отправлены в Германию, впоследствии оказались во Франции, откуда возвратились в СССР только в 1945. По возвращении А.Д. вместе с мужем С.Э. попала в лагерь, где умерла 23 февраля 1949¹³.

Наследие Радловой, не отличаясь большим объемом, охватывает, тем не менее, все виды литературного творчества: поэзию, прозу, драматургию, журналистику и переводы. Нам известны также два ее дневника. Оба велись за границей, во Франции¹⁴.

Публикуемые заметки относятся ко времени поездки Радловой во Францию летом—осенью 1925. Это был ее первый выезд из России после длительного перерыва: с 1905 по 1914 Радлова ежегодно подолгу путешествовала, главным образом по Франции и Италии¹⁵.

Поездка в Европу уже из советской России воспринималась Радловой неоднозначно. «Неужели я вправду уеду? — писала она мужу 1 апреля 1925, — думаю об этом без радости, а с удовольствием только о том, когда вернусь домой и вся моя поездка и лечение будут позади»¹⁶. Между тем, М.Кузмин отмечает в дневнике 20 июня, что А.Д. была у него и «хвасталась о путешествии»¹⁷. Можно предположить, что некоторое эмоциональное напряжение, связанное с предстоящим путешествием, не в последнюю очередь было обусловлено ожиданием встречи со знакомыми и друзьями, эмигрировавшими несколько лет назад, и необходимостью занять определенную позицию в противостоянии советской России и русской эмиграции.

Поездка, вопреки исключительно частному характеру ее (лечение), стала для Радловой не только фактом личной биографии, но и своего рода миссией, уникальным опытом, которым она затем стремилась поделиться со своими соотечественниками. Свидетельством тому — появление публикуемого текста, в котором трагические впечатления послереволюционных лет сопоставлены с иной действительностью и иной правдой.

28 августа 1925 она писала С.Э.Радлову:

Я здесь в Anglet (Биарриц) начала писать довольно занятную штуку, нечто вроде путевых заметок или впечатлений о Франции.

Там есть и пейзажи, и обычаи и нравы, и театр, и немножко лич-

¹³ Об этом периоде жизни А.Радловой см.: Гайдабура В. «Так расскажи правдиво...» // Советская культура. 1989. №100. 22 авг. С.6; Он же. «Русский» рисунок Жана Кокто, или Наша ностальгия по гуманности // Театральная жизнь. 1990. №8. С.27-28; Он же. «И наша первая любовь горит последней любовью» // Театр. 1992. №10. С.101-110; Письма С.Э.Радлова В.Я.Чобуру (1949-1950) / Публ. В.Гайдабуры // Там же. С.110-126.

¹⁴ Кроме публикуемого здесь текста сохранился также дневник, который Радлова вела во Франции в 1943-1945 (Собрание С.Д.Радлова).

¹⁵ См.: Радлова А. Автобиография // ОР РНБ. Ф.474. Ед.хр.2. Отметим, что на основе этой или очень похожей автобиографии составлена биографическая справка о поэте в словаре «Писатели современной эпохи» (М., 1995. С.160).

¹⁶ ОР РНБ. Ф.625. Ед.хр.480. Л.12-12об. Радлова ехала во Францию по рекомендации своего врача проф. Гароша.

¹⁷ Дневник М.А.Кузмина 1925 г. здесь и далее цитируется по тексту, любезно предоставленному С.В.Шумихиным.

ного, одним словом, винегрет путешественный. Пишется это в виде отрывочных абзацев, ничем друг с другом не связанных. В России это может быть любопытно, т.к. все-таки у нас очень мало знают Францию. Думаю рукопись послать вместе с книгами Ионову¹⁸ в Ленгиз, как только закончу. Возможно, что Государственному Издательству это будет интересно напечатать. Если же нет, может издать «Academia»¹⁹.

Заметки так и не были напечатаны, но намерение Радловой их опубликовать говорит о том, что изначально она придавала им статус литературного произведения. Она использовала форму, синтезировавшую французскую афористическую традицию (Б.Паскаль, Ф.Ларошфуко), жанр сентиментального путешествия (Л.Стерн, Н.М.Карамзин) и розановские «Опавшие листья». Под впечатлением от радловских заметок М.Кузмин записал в дневнике 10 окт. 1925: «Читала описание путешествия, вроде "Опавшие листья". Очень по-дамски, но ничего». Сам Кузмин также обращался к подобной форме в эссе «Чешуя в неводе»²⁰.

Несмотря на наличие отдельных черт, присущих жанру путевого дневника, радловские заметки более всего тяготеют к эссеистике с характерными для нее элементами ретроспективной оценки и анализа. Н.А.Богомолов отметил, что «в творчестве поэтов-постсимволистов дневники практически отсутствуют. Они не нужны, так как роль фиксатора жизненных впечатлений отведена не их сегодняшней регистрации, а воспоминанию и их художественному обобщению»²¹.

Механизм трансформации непосредственных впечатлений в ретроспективную литературную форму станет особенно наглядным, если сравнить текст заметок с почти синхронными ему письмами Радловой к мужу. Приведем несколько примеров:

Письма к С.Э.Радлову

12 июля

Мака возил меня в Версаль, С.Клу и по Булонскому лесу. Париж потрясающе красив, особенно ночью, когда бесчисленные уличные и автомобильные фонари отражаются в асфальте, как в тихом озере²².

Текст заметок

№3

Париж — магия и очарование в огнях, в тысячах тысяч фонарей уличных и автомобильных, отражающихся в асфальте, как в глубоком и темном меланхолическом озере.

¹⁸ Илья Ионович *Ионов* (наст. фам. Бернштейн, 1887-1942) — поэт и издательский деятель, возглавлял Ленинградское отделение ГИЗа. Погиб в заключении.

¹⁹ ОР РНБ. Ф.625. Ед.хр.481. Л.24.

²⁰ Кузмин М. Чешуя в неводе (Только для себя) // Стрелец: Сб. третий и последний. СПб., 1922. С.95-109.

²¹ Богомолов Н.А. Дневники в русской культуре начала XX века // Тынниковский сборник: Четвертые тыняновские чтения. Рига, 1990. С.154.

²² ОР РНБ. Ф.625. Ед.хр.480. Л.39. *Мака* — неустановленное лицо. Возможно, речь идет о Сергее Константиновиче Маковском (1877-1962) — поэте, художественном критике, издателе и мемуаристе.

6 сентября

Сейчас, через полчаса, еду в Байону на бой быков и продолжать буду письмо вечером по возвращении. — Бой быков — самое упительное зрелище, которое я когда-либо видела в жизни. Ничего нет красивее на земле в смысле красок, ритма размеренного, как в балете, костюмов и человеческой смелости. Посылаю тебе программу этого боя. Лучший из тореадоров — Дон Антонио Каньеро, который дерется с быком верхом на лошади по-португальски. Арена была так полна, что яблоку негде упасть, и сама толпа, то неистово и восторженно кричащая и аплодирующая, то улюлюкающая и свистящая неправильным ударам или недостаточно смелым движениям, — сама по себе незабываемое зрелище. Мне было страшно жалко, что тебя не было со мной, потому что ты наслаждался бы этим как настоящий артист и понял бы, что все, что говорят против боев быков, — пустое и формальное лютеранство. Я очень понимаю женщин, влюбляющихся в тореадоров. Куда там артистам с ними тягаться!²³

Лаконизм заметок не всегда позволяет восстановить фактографическую канву путешествия — Радлова не стремилась к методичной фиксации событий. Весьма вероятно, что, читая свой текст в кругу друзей и знакомых, она сопровождала его комментариями. Для нас такими авторскими комментариями могут служить ее письма к мужу. В частности, благодаря этим письмам удалось восстановить хронологию и маршрут путешествия.

2 июля 1925 А.Д. выехала на пароме из Ленинграда в Штеттин, откуда 6 июля поездом добралась до Берлина. Там она гостила в семье Я.Н.Блоха (его адрес ей дал перед отъездом М.А.Кузмин).

²³ ОР РНБ. Ф.625. Ед.хр.481. Л.45об.

№74

Бой быков — самое упительное зрелище, которое я когда-либо видела в жизни. Надо быть безнадежным интеллигентом и ханжой-вегетарианцем, чтоб не увидеть незабываемой красоты этого зрелища. Толпа аплодирующая, живая и страстная, как настоящее живое сердце. Желтый песок арены и яростный черный бык, шитые серебром и золотом тугие костюмы матадоров, пикадоров и бандерильсоров, шпаги в разноцветных лентах, блестящие ножи и горячая кровь, и главное и первое — бессмертное чудо человеческой смелости, ловкости и бесстрашия. Дон Антонио Каньеро, у меня билось сердце, когда Вы бросили мне отрезанное ухо убитого Вами с риском Вашей драгоценной, Вашей архаической жизни, быка.

6 июля

Вчера же вечером разыскала Якова Ноевича и Лилию и Гришу. Все мне были страшно рады и уговаривают меня остаться на несколько дней в Берлине, но я, по-видимому, уеду завтра, во вторник, если получу спальное место. На сегодня и завтра перееду к Якову Ноевичу в видах экономии, т.к. все-таки в гостинице дорого и на чай прислуге и все прочее /.../ Берлин до отвращения не изменился с 14-го года, все тот же прилизанный и мещанский. Шуму здесь не многим больше, чем в Москве, но мостовые лучше. Одеты немки отвратительно. Гораздо хуже, чем мы. Вообще, не понимаю восторгов перед берлинской «заграницей». М. б., Париж мне больше понравится и чем-нибудь поразит, а здесь я ни в какой экстаз не впадаю²⁴.

Проведя два дня в Берлине, А.Д. выехала через Франкфурт в Париж. Первые же ее парижские письма зафиксировали впечатления от встреч с русскими эмигрантами. То, что в заметках предстает в сжатой, лаконичной форме, в письмах к С.Э. нашло более эмоциональное и конкретное выражение.

9 июля

Какие здесь люди живут, еще не поспела разглядеть, кажется, по большей части старые девы английские. К счастью, нет русских эмигрантов, которые уже в дороге поспели мне осточертеть. Отвратительный народ эмигранты, еще более противный, чем это можно вообразить, сидя в России.

13 июля

Французы гораздо больше понимают толку и лучше относятся к современной России, чем русские, давно из нее уехавшие. Есть среди них совершенные идиоты, вроде старухи Маковской, которую поразили мои похвалы нынешнему Петербургу и Москве, и она к каждому моему слову относилась, как к коммунистической пропаганде. Я думаю, что видя много эмигрантских дураков, можно стать коммунистом, хотя бы из духа противоречия. Уж больно глупы эмигранты. К счастью, я их почти не вижу. Заходила я к Ремизову, но он меня до странности холодно принял, впрочем, пригласил прийти еще. М. б., он тоже подозревает меня в коммунизме. Думаю, что больше к нему не пойду, ну его к черту. Вообще же люди в России лучше, чем здесь. Приехать на время сюда хорошо, а жить должно быть русскому человеку здесь тяжело²⁵.

²⁴ ОР РНБ. Ф.625. Ед.хр.480. Л.24об.-25об.

²⁵ Там же. Л.33, 41. Оценивая искренность радловских заявлений относительно эмиграции, советской России и французов, следует помнить, что публикуемые заметки предназначались для советской печати, а письма к мужу отправлялись по почте. В обоих случаях нельзя исключать возможность автоцензуры.

В Париже А.Д. Радлова провела две недели, а затем по рекомендации врача выехала на водный курорт Виши:

25 июля

Vichy, по-моему, очень противное место, типичная ville d'eau. Шумно, набито битком людьми и дорогами магазинами. Парк здесь хороший, но особенной красоты в смысле природы нет²⁶.

Через месяц интенсивного лечения она покидает Виши и едет в Англз (около Биаррица):

27 августа

Вчера вечером гуляла и смотрела на освещенный Biarritz, отражавшийся в море, и на чудный маяк, и на молодой месяц, купавшийся в волнах. /.../ Мне здесь изумительно хорошо, и я очень отдыхаю от паршивого Vichy, его дождей, морд игроков и хождения от источника к источнику со стаканчиком²⁷.

15 сентября Радлова возвращается в Париж, чтобы оттуда отправиться прежним путем (через Берлин и Штеттин) в Ленинград. В Париже ее несколько задержало участие в киносьемках²⁸:

29 августа

Мне очень хочется сняться, и даже если это потребует лишь одной-двух недель сидения в Париже, я считаю, что этим пожертвовать стоит²⁹.

Съемка состоялась в 20-х числах сентября:

27 сентября

Не писала тебе два дня, так как была занята съемкой в кино и не хотела писать тебе, еще не зная, как вышло. Я прокрутила больше пятидесяти метров пробной съемки, которая вышла настолько хорошо, что если б я не уезжала послезавтра в Россию, то могла бы здесь сразу получить большую роль. Свой фильм я привезу с собой, и ты его просмотришь в Севзапкино или Госкино. Думаю, что в Ленинграде я смогу получить предложение участвовать в какой-нибудь фильме. Это меня очень радует, т.к.

²⁶ ОР РНБ. Ф.625. Ед.хр.480. Л.64об.

²⁷ Там же. Ед.хр.481. Л.22об.

²⁸ Еще 1 апреля 1925, будучи в Москве, А.Д. писала С.Э. о желании сниматься: «Она [Тамара Миклашевская] мне предложила сниматься, т.к. еще не переговорив со мной, говорила обо мне с Фроловым, которому нужна для кино "красавица". Я не хочу пренебрегать этим предложением и в пятницу, вероятно, встречу с Ефремовым. М.б., чем черт не шутит, найду себе gagne-pain [заработок (фр.)] в этой неожиданной-негаданной области. Хорошо бы» (Там же. Л.12).

²⁹ Там же. Ед.хр.481. Л.24об.

я смогу немножко помогать тебе и зарабатывать самостоятельно но какие-нибудь деньги³⁰.

Этот эпизод жизни Радловой во Франции в заметках отражения не нашел, как и попытка знакомых устроить ее поэтический вечер в Париже:

4 августа

В Париже мне предложили сниматься в кино, а также устроить вечер моих стихов. Я сказала, что я смогу читать стихи только в том случае, если получу разрешение из нашего советского полпредства. Правильно я поступила?³¹

Вечер стихов, по-видимому, не состоялся, а 6 октября А.Радлова возвратилась в Ленинград³². Под впечатлением встречи с ней 10 октября М.Кузмин записывает в дневнике:

Что-то неприятное все-таки вкралось от ее рассказов о знакомых: о подлости Адамовича, славе Ходасевича, коварстве Ремизова, официальности Блохов, общего равнодушия. Но что же и немцы, и Гюнтер?³³

Известно о двух случаях публичного чтения Радловой своих заметок. Помимо приведенной выше записи в дневнике Кузмина от 10 октября 1925, имеется развернутое свидетельство А.И.Оношкович-Яцыны о публичном их чтении 7 мая 1927:

Вчера были вечером у Егорьевых³⁴. Анна Радлова читала свои воспоминания, вернее, впечатления о Франции, где она провела в 25-м году три с половиной месяца. Франция и Россия составляли антитезу, и Анна Дмитриевна «со светлым лицом и грешными глазами»³⁵ олицетворяла Россию. Конечно, такое изумительное лицо, как у нее, обязывает. Приходится быть архангелом или Мессалиной. /.../ Она была в архангельском одеянии — черное с серебром — и уже не имела права смеяться. /.../ Читала она низким, глубоким голосом, сидя в большом низком кресле и слабо шелестя листами рукописи. /.../³⁶

Намек на то, что Радлова олицетворяет Россию, действительно присутствует в заметках «Путешествие по Франции», но Оношкович-Яцына

³⁰ ОР РНБ. Ф.625. Ед.хр.481. Л.68.

³¹ Там же. Ед.хр.480. Л.81.

³² См. запись в дневнике М.А.Кузмина от 6 октября 1925: «Сегодня приезжает Ан.Дм. М.б., что-нибудь привезла от Блохов».

³³ О встречах Радловой с Г.В.Адамовичем, В.Ф.Ходасевичем и И. фон Гюнтером сведениями мы не располагаем.

³⁴ *Егорьевы* — Всеволод Евгеньевич и Августа Ивановна, друзья Н.К.Шведе-Радловой и ее первого мужа Е.Е.Шведе.

³⁵ В оригинале заметок «*святое лицо и грешные глаза*» (№26).

³⁶ Оношкович-Яцына А.И. Дневник 1919-1927 / Публ. Н.К.Телетовой // Минувшее: Исторический альманах. Вып.13. М.; СПб., 1993. С.443.

восприняла его лишь в сопоставлении с реальным обликом поэтессы, а запомнившаяся ей фраза о «*святом* лице и *грешных* глазах» в контексте заметок является не только автопортретом Радловой, но и образом русской души в глазах француза.

Идея двойственности «русской души» — возможность карамазовского соединения в ней «идеала содомского» с «идеалом Мадонны» — очевидно, была близка Радловой. По-видимому, сходные мотивы определяли и ее интерес к русским сектантам: «сочетание красоты, греха, святости, тайной и неограниченной власти»³⁷. Обладание мистической «русской душой» было для Радловой одним из существенных аспектов ее индивидуального «жизнетворчества».

Эти размышления, а также раздумья о судьбе России в сопоставлении ее с Францией образуют смысловой стержень заметок и определяют их место в контексте всего творчества А.Д.Радловой.

Текст печатается по авторской рукописи (ОР РНБ. Ф.625. Ед.хр.582), представляющей собой самодельный блокнот (9 x 22 см), сшитый нитками. Каждая запись помещена на отдельном листке. Все записи пронумерованы красным карандашом, видимо, рукой А.Д.Радловой. Некоторые листки отсутствуют, чем объясняются сбои в нумерации — нет №5, 13, 14, 23, 79, 127. Орфография и пунктуация приведены нами в соответствие с современными нормами. Вместе с тем сохранены характерные для Радловой написания имен собственных (иногда неправильные). Переводы иностранных слов и выражений вынесены в подстраничные примечания. К сожалению, сведений о некоторых лицах, упоминаемых в заметках, найти не удалось. В частности, нам ничего не известно о Робэре (№24, 37 и др.), о президенте дз Шанель (№99), непонятно также, кто является обладателем инициалов L.W.³⁸ (№41).

Считаем своим долгом выразить признательность Сергею Дмитриевичу Радлову и Павлу Вячеславовичу Дмитриеву.

---

³⁷ Шаповалова В. Хлыстовская богородица: к истории развития литературного типа // *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae*. Vol.40. Budapest, 1995. P.154.

³⁸ По нашему предположению, обладателем этих инициалов может быть некий Лазар (Mr.Lazare), упоминаемый А.Д. в письмах к С.Э., ее друг, с которым она познакомилась в свою первую поездку в Пиренеи. См., напр., письмо от 10 августа из Виши: «Mr.Lazare принимал меня в замечательном отеле, и сам он очень хороший. Хотя мне было немного больно, что он опять (через 12 лет!) говорил мне о любви. Он очень театральный человек и много понимает и чувствует в театре. Он хорошо знает Иду Рубинштейн, знаешь, танцовщицу, у которой свой театр в Париже?» (ОР РНБ. Ф.625. Ед.хр.480. Л.87об.).

№1. Оккупированная область, новенькие домики для рабочих, похожие на тысячи маленьких казарм, и старый перегоревший шлак¹.

№2. Немец, почтенный, говорит в вагоне, глядя в окно на опустошенную страну: французы, победив, вели себя не как французы, а как пруссаки.

№3. Париж — магия и очарование в огнях, в тысячах тысяч фонарей уличных и автомобильных, отражающихся в асфальте, как в глубоком и темном меланхолическом озере.

№4. Mistinguette — кабацкая богиня, уличная царица, взволнованная пошлость, возведенная в стиль².

№6. Французы говорят о России или с романтической ненавистью, или с романтической влюбленностью. Запрет, потому «мама, дай мне луну».

№7. Разница между Францией и Россией та, что в России есть еще несколько человек, которые думают, что не все можно купить.

№8. Ki-ki — стыдные похабные песни и унылый тихий голос, нежный и печальный. В самой глубине obscenity — что-то чистое и плачущее, как кукушка в лесу³.

№9. Во Франции бедность — порок, несчастье и позор, который надо скрывать. А в России мы, новые францисканцы, носим нашу бедность со смирением и гордостью.

№10. Француз, заглянувший в русскую душу и увидевший там что-то, кроме «славянского сумбура», отравлен на всю жизнь, как человек, который помнил бы то, что было до рождения, и узнал то, что будет после смерти.

№11. Для них любовь — радость, если увенчана; несчастье — если отвергнута. Для нас любовь — жертва, восторг и мука, независимо от постели.

№12. Во Франции замечательное прикладное искусство — вид благородной корысти, свойственной этому народу.

№15. Если соединить француза с русской, родится чудовище двуголовое без сердца или о двух сердцах без головы.

№16. За игорным столом, независимо от национальности, все мужчины — в потенции шулера, все женщины — шлюхи.

№17. Французы больше всего на свете боятся волнения, поэтому им отвратителен эмоциональный русский театр.

№18. Увидела на винной этикетке 1919 год. А думала, что такой год бывает только на братских могилах.

№19. Радигэ — гений, но какой разрушительный гений. Если б он не умер в двадцать лет, камня на камне не осталось бы от всей французской литературы⁴.

№20. Снежные горы над зелеными неправдоподобны, м.б., потому они так поражают.

№21. Старая ресторанный музыка была фоном, на котором звучали слова. Джаз-банд создан, чтоб скрыть страшную пустоту небьющихся сердец.

№22. Проезжала мимо Дах'а. Там четырнадцатилетней девочкой я плакала, увидев звездное небо, и написала прескверные французские стихи. Выглянула в окно посмотреть на небо. Оно — такое, как всюду, и волнения и счастья больше не нашла.

№24. Некоторые художники, чтоб определить интенсивность цветов в картине, переворачивают ее вверх ногами, чтоб отвлечься от сюжета. Человеческое сердце, перевёрнутое любовью, дает верное понятие о его силе и прелести. Ваше перевёрнутое, ваше разорванное сердце, Робэр.

№25. Больше всего потрясает французов стабилизация русского рубля.

№26. Одна женщина сказала мне, что у меня святое лицо и грешные глаза. Не это ли хотят они видеть в России?

№27. Claude Ahnet, трогательно любящий Россию, и Paul Mo-gand, злобствующий, одинаково ничего в ней не понимают. Один Radiguet, если б поднял на Россию свои мудрые пристальные восемнадцатилетние глаза, сказал бы о ней правду (эпизод prince Naroumoff в *Bal du Comte d'Orgel* — едва намеченный эскиз)⁵.

№28. Вообще, по-настоящему умны бывают люди от 14 до 22 лет. Потом происходит засорение мозга, как желудка, и человек идет под горку. Второе цветение уже около 50 лет, когда человек понимает слово и понятие — смерть.

№29. Французы горько жалуются на американское нашествие на Париж. Скоро, говорят, в Париже не услышишь французской речи.

§ 30. Renoir хорошо бы написал мой портрет.

№31. На выставке поражает свет, пользование огнем, электрические фонтаны, свет с водой, безумная расточительность и щедрость световых эффектов. Все остальное — гигантский *testimonium paupertatis** французского, вернее, европейского усталого от войны гения⁶.

* Букв. «свидетельство о бедности» — признание слабости, несостоятельности в чем либо (лат.).

№32. Citroën, владелец автомобильной фабрики, купил или нанял Эйфелеву башню и использовал ее для световых реклам. Над ночным Парижем сотнями звезд, зигзагов и спиралей взлетает ежесекундно Ситроеновская мощь.

№33. В Париже есть еще старые глухие дома с винтовой лестницей и газовым освещением. Живущие по 60 лет в квартирах жильцы протестуют против проведения электричества как освещения опасного.

№34. Мужчины о войне молчат, а женщины проклинают. Жена сенатора и старая служанка при *Établissement thermal** сказали мне с одинаковым выражением: если б спросили женщин, войны бы не было. Для чего нам Эльзас, когда убиты наши дети. (Трагический Аристофан)⁷.

№35. Что ужасно в французах, это — признанное почтенное мещанство. В России даже сам мещанин понимает, что это позорно, и стыдится себя.

№36. Как странно, что за океаном, таким громадным и невозделанным и таким свободным от человека, — Америка, разграфленная страна.

№37. Иногда я думаю, что Робэр, отравленный Россией так страстно и так мучительно, ищет во мне разгадку тайны, окружающей мою родину. Так со мной он изменяет мне для России.

№38. Эмигранты, когда я хвалю Россию, очень обижаются. Им хотелось бы, чтоб на панелях лежали дохлые лошади и мы умирали бы с голоду.

№39. Хозяйка моего отеля, толстая марсельская француженка, рассказывает: «Я, когда открыла отель, пошла в церковь и отдала свое дело под покровительство *Sacre Coeur de Jesus***», чтоб никогда невенчаные люди не останавливались у меня».

№40. Старые француженки — или насадки, не лишены величия матриархата, или сводни. В одном отеле заведующая, поглядев на меня с одобрением, удивилась, что я одна, потом прибавила: «*Quand on est comme Madame on ne reste pas longtemps seule****».

№41. Я рассказала L.W. содержание «Богородицына Корабля». Он сказал: *comme c'est violent*****. Они не приемлют России и революции потому, что она тоже *violente*, и их истонченные нервы не выдерживают слишком бурной крови.

* Павильон минеральных вод (фр.).

** Святое сердце Иисуса (фр.).

*** Такие, как мадам, не остаются долго в одиночестве (фр.).

**** Как это жестоко (фр.).

№42. Бой быков и состязание аэропланов — анахроническая тоска Европы по наглядной борьбе. Я понимаю людей, которые хотели бы повесить ученых изобретателей военных газов.

№43. Развелась порода французско-русских писателей. Они проклинаят русскую революцию и кормятся ею как сюжетом.

№44. Современные носители старого героического романтизма Франции — авиаторы. Им завидуют мужчины и улыбаются женщины, потому что женщины всех времен и народов любят готовую пролиться кровь.

№45. Модный герой французских романов — незаметный воин колониальных войск.

№46. Мы растем в ощущении, что любовь и смерть — сестры, и привыкаем к этому. Француз, прозревший внезапно и узнавший страшное родство, не выдерживает этой мысли и убивает свою подругу и себя. Оттого столько убийств и самоубийств на романтической почве во Франции, и таким толстым шрифтом печатаются они в газетах.

№47. Здесь извращенная мода — женщины, тонкие и прямые, пытаются походить на эфебов⁸, а мужчины с широкими виляющими бедрами и грудями — на проституток.

№48. Гольф — возмутительная игра: взрослые люди играют, а маленькие мальчики тащат за ними тяжелые инструменты и подбирают мячики.

№50. Самое печальное в эмиграции, что она не трагична, а скучна.

№51. Французы восхищаются природой, как старики любовью, вынимая из мозговых ящичков готовые ретроспективные формулы.

№52. Для нас природа — мы сами, и морем мы любимеся с физиологическим волнением, еще не совсем отделившись от природы, как дети от матери, — не разрезана пуповина⁹.

№53. В Париже есть академия с двумя отделениями, мужчин и женщин обучают там всем ухищрениям изысканной любви.

№54. Иногда глубокой ночью в Булонском лесу на лужайке собираются автомобили (впускают в этот круг только очень дорогие и хорошие автомобили, с каким-нибудь Citroën 10 chevaux* не примут), в них сидят мужчины в смокингах и плащах и совершенно голые женщины под меховыми манти. Все они выходят из автомобилей и на лужайке предаются свальному греху. Автомо-

* 10 лошадиных сил (*фр.*).

бильные фонари — новые Содомские солнца — освещают эту картину, а у руля сидят неподвижные, как изваяния, шофферы.

№55. Французы удивительно долго не стареют. Я видела людей за шестьдесят лет во всей полноте человеческих желаний, честолюбия, любви и силы.

№56. Все женщины здесь сильно красятся. Это очень молодит пожилых и очень старит молодых женщин. К накрашенным лицам быстро привыкаешь. Раз в Виши в Casino я случайно увидела себя в зеркале рядом с другими женщинами и показалась себе неестественно мертвенно-бледной.

№57. Биаррицкий маяк — фонарь, как граненый искуснейшим ювелиром бриллиант. И над ним прозрачное легкое французское небо.

№58. В моем саду растут мимозы и лавры, когда под вечер выхожу в сад, лавры пахнут опьяняюще сильно и неотвязно. Как это ни странно, они пахнут не супом, а славой.

№59. Французский театр совсем сдлся кинематографу. А в Германии и в России он еще борется героически. М.б., побежденным странам нужно слово и крик больше, чем победителям.

№60. Во Франции очень легко жить, именно не интересно, не полно, м.б., даже не счастливо, а легко. Над красивыми городами встает веселое солнце, прозрачное вино блестит в стаканах, ходят по земле уверенные в себе и в своей родине люди и совсем-совсем не думают о смерти.

№61. Одна из самых знаменитых звезд парижских мюзикхоллей Х больна неизлечимой и страшной болезнью. Все это знают, но такова сила моды и обаяния имени, что француженки и американки, подражая ей безбровому лицу, выщипывают себе брови и рисуют на выщипанном месте тонким карандашиком искусственные¹⁰.

№62. Когда о жене Y, знаменитого в Париже японского художника, написали, что она до знакомства с Y была натурщицей, она с возмущением опровергла это и говорила — никогда я не была натурщицей, я была б...¹¹

№63. Видела «Бориса Годунова» в французском исполнении. Певец, певший Бориса, подражал Шляпину, все остальные очень грамотно играли, один дьяк крестился на католический лад, но все вместе было нестерпимо фольклорно и экзотично, м.б., от публики, которая смотрела на это, как на танцы фиджийцев или португальский бой быков¹².

№64. Русскому для того, чтобы навсегда поселиться во Франции, надо не только отречься от России, но по возможности забыть свой язык и стать французом. Это удалось нескольким русским евреям.

№65. Французские роялисты — никому не опасные старые и очень воспитанные люди. Они никому не мешают, их держат, как зубров в Беловежской пуще, и все боятся, что скоро они совсем переведутся, а их существование льстит французской республике.

№66. Какими мертвыми покажутся мне все моря земли после океана. Прилив и отлив океана — какое это ежедневное живое чудо.

№67. Здесь очень легко и часто говорят слово — любовь, но тяжело ложится каменная рука любви на сердце, воистину любившее и не узнавшее в страшной своей гостье ту, о которой так легко говорят эти легко живущие.

№68. То, что мы вынесли холод, голод и нищету, одни считают героизмом, другие русским легкомыслием. Это ни то и ни другое. Просто мы знаем, что есть боль худшая.

№69. А все-таки, как их тянет заглянуть в эту незнакомую, темную и волнующую русскую душу.

№70. В Франции делают все возможное, чтоб забыть о бывшей войне; Германия каждый день растравляет свои раны, чтоб не дать себе забыть.

№71. Полное проникновение природой — когда стираются грани между чувствами. Когда я лежу на горячем желтом песке и слышу, и вижу, и вдыхаю синее соленое море, это уж не зрение, не слух, не осязание, не обоняние, а любовь.

№72. Присутствие, осязаемое существование души для француза — неизлечимый и странный недуг. М.б., поэтому такой чужой среди своих соплеменников и такой неприкаянный* мой друг Робэр.

№73. Марокканская война поразительно непопулярна, хотя газеты и пишут восторженно штампованные статьи о маршале Мюте и на всех курортах устраиваются балы в пользу увечных¹³.

№74. Бой быков — самое упойтельное зрелище, которое я когда-либо видела в жизни. Надо быть безнадежным интеллигентом и ханжой-вегетарианцем, чтоб не увидеть незабываемой красоты этого зрелища. Толпа аплодирующая, живая и страстная, как настоящее живое сердце. Желтый песок арены и яростный черный бык, шитые серебром и золотом тугие костюмы матадо-

* Зачеркнуто: нелепый (Лубл.).

ров, пикадоров и бандерильсоров, шпаги в разноцветных лентах, блестящие ножи и горячая кровь, и главное и первое — бессмертное чудо человеческой смелости, ловкости, бесстрашия. Дон Антонио Канbero, у меня билось сердце, когда Вы бросили мне отрезанное ухо убитого Вами с риском Вашей драгоценной, Вашей арагонской жизни, быка.

№75. R.M., звезда Casino de Paris, была отлучена своим духовником от причастия. Как верная католичка она отправилась в Рим, добилась аудиенции у папы, пела перед ним все свои песенки, которые Св. отец признал благочестивыми и снял с знаменитой vedette* отлучение¹⁴.

№76. Рабочие во Франции не любят крестьян, т.к. крестьяне сильно нажились во время войны. Здесь почти нет бедняков среди крестьянства. В Нормандии и Пиренеях у многих крестьян (не фермеров) есть автомобили для перевозки масла, молока, овощей на рынок в ближайший город.

№77. 14 июля в Париже весь город, площади, улицы освещены разноцветными фонарями, как фантастический бальный зал, оркестры на всех площадях, и три ночи подряд народ танцует под открытым звездным небом.

№78. Из Evian ночью вид через все Женевское озеро на Montreux, будто за черной водой громадное гнездо трепещущих светляков.

№80. Во всех dancing'ax и больших thé** есть профессиональные danseur'ы***. Безукоризненно одетый и хорошо воспитанный человек приглашает вас танцевать. Если же вы с мужчиной, просит у него разрешения вас пригласить. Танцует с вами и беседует. Потом вы даете ему 25-50 франков на чай. Некоторые богатые дамы имеют своего постоянного danseur'a на жалованьи. Такого имела в Mac-Mahon Palace Л.Б. К стыду, видела среди этих профессионалов очень много русских¹⁵.

№81. Многие ловкие предприниматели и предпринимательницы берут в свои мастерские (автомобильные, кутюрные и пр.) только русских, платят им гроши и эксплуатируют их 10-12 часов в сутки, обращаются с ними, как с рабами, т.к. русские не находятся под защитой синдикатов.

№82. Познакомилась с двумя стариками — он теософ, милый мечтатель, говорящий о музыке сфер и астральных телах, с гла-

* Звезда (эстрады) (фр.).

** Вечеринка с чаем (фр.).

*** Жиголо, профессиональные партнеры в дансингах (фр.).

зами визионера, убежденными и немного безумными, она — уже старая, но держащаяся за жизнь женщина, презирующая своего чудака-мужа за беспочвенность и неумение сохранить когда-то большое состояние. Насколько мужчины даже во Франции бескорыстнее женщин.

№83. Французская литература мало касается войны. Но все даже такое отдаленное, как *Vitriol de la lune*, напр. (История смерти Людовика XV), проникнуто настоящим запахом крови. Человек, не бывший на войне, не мог бы написать такую книгу. Все пытки какого-нибудь Мирбо кажутся сделанными из картона рядом с простым и кровавым описанием казни в книге Беро. Видимо, растянув сердце и воображение по масштабам трагическим, трудно вернуться к сладкой водичке алькова¹⁶.

№84. В Casino в Биаррице днем пьют чай и под два оркестра джаз-банда танцуют очаровательно красивые и нарядные женщины с профессиональными и полупрофессиональными *danseur'*ами, которые все похожи на котов по профессии и педерастов по сердечному влечению.

№85. В больших кутюрных домах каждое платье, демонстрируемое на манекене, имеет свое имя или кличку, напр., — «*Fleur de mai*», «*Rends moi*», «*Petrouchka*»*.

№86. Говорят, что книга Бенуа «*Le puits de Jacob*» написана по заказу сионистской организации, во главе которой стоит старый барон Эдмон Ротшильд. Забавно, что сыновья его Морис и Анри — антисемиты¹⁷.

№87. Все художники во Франции находятся в рабстве у торговцев картинами. Они покупают всю продукцию художника на известное число лет, а иногда на всю жизнь, и выплачивают ему за это ежемесячную ренту. Торговцы картинами очень любят талантливых и больных художников, т.к. в случае смерти художника они являются наследниками всего, что он создал.

№88. Прочла в одном романе выражение «*les horreurs de la paix*» по аналогии с «*les horreurs de la guerre*»**. Наиболее дальновидные пугаются того безумия и опьянения победителей, которое заставляет в *dancing'*ах забывать о смерти, крови и хлебе.

№89. Пока одни работают на заводах, не разгибая спины, другие заглушают память и сердце джаз-бандом, третьи — самые немногочисленные и страшные — в глубине лабораторий и кабинетов готовятся к новой истребительной войне с Германией.

* «Майский цветок», «Отдай мне», «Петрушка» (фр.).

** Ужасы мира — ужасы войны (фр.).

№90. И все-все-все думают о Революции.

№91. Когда в пять—шесть часов утра кутящая компания пьяная, в манто и черных крылатых плащах, в тысячных автомобилях возвращается домой через уже не спящий город, рабочие провожают ее черными взглядами и жестокими, пахнущими 18-м годом словами.

№92. Широкая публика совсем не знает ни Аполлинэра, ни Вильдрака, немного больше Валери¹⁸.

№93. Самые пышные спектакли сезона — премьеры в Театре Иды Рубинштейн. Все — и критика, и публика считают ее плохой актрисой¹⁹.

№94. Небо в Биаррице в безлунные ночи алмазное, и на него накинута черная дырявая плащ, из дырок — звезды.

№95. Клоуны бр. Фрателлини получили орден Почетного легиона и академические пальмы. Во время войны они объезжали фронт и давали представления в первой линии окопов²⁰.

№96. Yvonne Georges — шантанная певица, в черном платье на сером фоне театра Empire²¹, освещенная двумя рефлекторами, за нею две гигантских черных ее тени — вампирическое видение Эдгара По или Бодлэра.

№97. Fête des Basques* в Биаррице — шествие с флагами, дети в национальных костюмах и украшенные цветами высокие шесты, пляшущие куклы в два человеческих и четыре человеческих роста — гигантские марионетки.

№98. Когда умер Анри Батайль²² от разрыва сердца на руках своей подруги Ивонн дэ Брэ, французская академия устроила ему торжественные похороны, на которые Ивонн дэ Брэ не была приглашена, как незаконная жена.

№99. Причина ухода президента дэ Шанель — припадок, во время которого он выбросился из вагона и ночью пошел гулять по шпалам в пижаме. Потом во всех кабаках распевали и во всех магазинах продавали «Le Pygama du president»**.

№100. Увижу ли я когда-нибудь тот океан, и легкое над ним небо, и баобабы в саду, и лавры, и гортензии под забором. Услышу ли еще пронзительный крик осла и шум моря, привычный, как прибой собственной крови, и буду ли еще когда-нибудь такой простой, веселой, легкой и глупой, как была здесь, далеко от любви и смерти, и темного русского Бога?

* Праздник басков (фр.).

** Пижамы президента (фр.).

№101. Когда я сказала R., что пора расстаться, он ответил: «Слишком поздно. И я счастлив, что слишком поздно. И так хорошо. И да будет». Неужели достаточно прикоснуться к нам, принявшим страдания, чтоб благословить, и принять, и прославить свою боль, муку непривыкшего к муке сердца.

№102. За время, что я живу во Франции, мне несколько раз люди очень приличные и воспитанные, когда я их о чем-нибудь просила, предлагали в ответ поступить к ним на содержание.

№103. Стравинского очень любят во Франции и много исполняют.

№104. В Англэ комната у меня низкая, большая, совсем квадратная. Из окна виден сосновый лес и песок и слышен океан. Вместо туалета комод, умывальник допотопный и гигантская французская кровать, на которой должны умирать старики и рождаться дети²³.

№105. Письмо от R. Он пишет книгу обо мне и славит в ней бездонную темную чужую Россию.

№106. Собор в Байоне — кружевное готическое чудо, начат в XIII в., закончен чуть ли не в XVIII. Высокие окна, черные с белым и красным и цветные — расписные. Пилястры черные с золотом испанские. Двор cloître^a* с каменной легчайшей галереей и внутри лавры, мирты и пальмы. Перед Immaculée Conception и Sacre Coeur de Jesus** неподвижные молящиеся старухи — баски. А у входа над benitier*** со святой водой печатное объявление Байонского епископа, запрещающее посещение собора и особенно принятие св. причастия женщинам и девушкам в открытых платьях с обнаженными руками.

№107. Море на прощанье фиолетовое, страшное и поминальное.

№108. Под Arc de Triomphe находится могила неизвестного солдата, похороненного там во время войны. Могила украшена венками и цветами, всегда над ней стоят склоненные люди. Когда какие-то немцы возложили на могилу венок, он был сразу же снят и выброшен парижанами.

№109. Чичерин для французов — какой-то enfant terrible Европы²⁴.

№110. За истекший год в Париже напечатано около восьмисот книг только беллетристического содержания, не считая стихов.

* монастыря (фр.).

** Непорочное зачатие, Святое сердце Иисуса (фр.).

*** кропильница (фр.).

№111. Во Франции у всех людей милая общеобязательная маска на лице, одинаковая, как костюм. В России все ходят с душой на лице, явной и тревожащей, как проказа.

№112. Я живу в Париже в XV arrondissement*, в рабочем районе. Рабочие по субботам горланят песни, а банковские служащие расклеивают революционные воззвания, аккуратно отпечатанные в типографии, о своей забастовке, сорванной банкирами.

№113. Здесь все стонут от налогов, особенно от налога на наследство. Если вы наследуете от дяди или тети, то платите правительству 80% всего наследства. Налогом обложено безбрачие, бездетный брак, а также титул графский, княжеский, маркизский прогрессивно. Несмотря на довольно высокий налог, почти все титулованные люди титул носят.

№114. На некоторых улицах и площадях часов в 5-6 автомобили стоят по двадцати минут неподвижно из-за скопления. И Place de la Concorde — громадный гараж.

№115. Когда я говорю, что уезжаю в Россию, мои собеседники смотрят на меня с волнением, опаской и своеобразной завистью, как на человека, который собрался бы ехать на луну.

№116. Некоторые эмигранты, не отрекшиеся от России, произвели на меня впечатление печальное (А.М.Р. или Л.П.К.²⁵), будто они сами перед собой самих себя пародируют, чтобы не забыть свое лицо.

№117. Франция очень неверующая в Бога страна, но здесь безбожие — простое, уверенное и немногословное, ничего общего с русской богоборческой истерикой.

№118. Франция живет в полноте и расцвете творческих сил — разума (ученые), сердца (художники) и воли (государственники), но почему же так боится будущего, так трепещет перед чужой культурой и чужой революцией, и в трепете ее есть что-то обреченное?

№119. Всякое новое министерство во Франции начинает с декларации о том, что им будут взысканы русские долги.

№120. Ничего нет надрывнее русского кабака на Монмартре. Курьезно ведут себя там американцы — подпевают цыганам, приплясывают, особенно пьяные — пускаются вприсядку, и все без исключения после величания бьют посуду. Им, верно, кажется, что это проникновение «русской душой».

---

* округ (фр.).

№121. Французы не любят русских эмигрантов; им прощают их бездомность, только если они очень богатые. Есть и такие.

№122. Grand Gignol удивительно плохой театр. Несмотря на то, что на сцене протыкают глаза, по лицу жертвы течет кровь, у сумасшедших брызжет пена изо рта, нет никакой возможности испугаться, т.к. актеры слишком плохо играют. В зрительном зале стоит сплошной хохот²⁶.

№123. Если б Чарли Чаплин захотел сделаться президентом французской республики, я думаю, что это ему удалось бы, до того велика, широка и глубока его популярность. М.б., это единственный человек, которого по-настоящему любят во Франции.

№124. Почему-то мужская проституция противнее женской — 17-летний gigolo с 70-летней американкой.

№125. У эмигрантов есть такая игра — сидят и стараются вспомнить возможно большее количество петербургских улиц. Кто припомнил больше всех, считается выигравшим. Правда, страшно?

№126. Никогда не чувствуешь такого полного прилива любви к родине, как когда говоришь о ней на Западе с здешними или желающими стать здешними людьми. Забываешь все, что в России тяготит, раздражает или даже мучит, скрываешь это от собеседника, чтоб не дать «чужаку» осудить и не смешаться с ним в осуждении.

№128. Быть французом проще, чем быть русским. А все же я бы не променяла.

Анна Радлова
Paris — Anglet. 1925 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Радлова проезжала по территории индустриально насыщенного Рурского бассейна. В начале 1923 он был оккупирован франко-бельгийскими войсками (формально — в ответ на невыполнение Германией репарационных обязательств). Вывод оккупационных войск начался в августе 1924, а завершился в августе 1925.

² *Muscmanagem (Mistinguett)* — артистический псевдоним Жанн-Мари Буржуа (1875-1956), актрисы варьете, водевиля, ревю и кино. Дебютировала в «Казино де Пари» как певица эксцентрического жанра под именем Miss Tinguette, которое впоследствии преобразовалось в Missmistinguette, а затем в Mistinguett. «Некрасивая лицом, но с выразительными глазами

и прекрасными зубами, Мистангетт обладала резким и гортанным голосом и ценилась на сцене прежде всего за свою сексапильность и за ту неповторимую искру духа, за которую была признана в этом веке самым подлинным выражением души Парижа» (Enciclopedia della spettacolo. Vol.7. Roma, [1958]. P.651. Цит. в пер. с итал.). В Париже Радлова неоднократно посещала мюзик-холлы. Об одном из таких посещений она писала С.Э.Радлову 15 июля:

Вчера вечером я была в Casino de Paris на одной из здешних самых знаменитых revue, которая идет уже восемь месяцев каждый день. Ты себе представить не можешь, до чего это безвкусно, наивно и глупо. Все неприличие заключается в том, что показывают совсем голых женщин в трусиках, но т.к. они главным образом честно маршируют, как солдаты, то мгновенно теряется всякое ощущение эротики. Танцуют они все ужасно, поют так же. Декорации такие, что у нас в какой-нибудь Костроме или Тетюшах постеснялись бы допотопия. Костюмы главным образом состоят из перьев разных цветов и невероятных размеров на голове, а иногда на заду в виде длинных хвостов. Содержания revue не имеет никакого. Из всего, что я вчера видела, есть только одна совершенная вещь — это Mistinguette. Она танцовщица, diseuse [остроумная рассказчица (фр.)] и актриса, жанр у нее — апащеские лирические драмки. Она изумительна по чистоте и четкости движения и по какой-то необычайной силе лирического воздействия, несмотря на надтреснутый голос и, говорят, 56 лет. Последнему страшно трудно поверить, т.к. двигается она, как хорошо тренированная двадцатилетняя девушка. /.../ Программы составлены так — идет подробное перечисление из каких магазинов платья, шляпы, чулки, перчатки, сумочки Mistinguette и еще двух или трех актрис, а где-то совсем-совсем внизу маленькими буквами указана фамилия режиссера.

ОР РНБ. Ф. 625. Ед.хр.480. Л.44-44об.

³ В письме к мужу от 19 июля А.Д. описывала посещения «кабацких театриков»:

Наконец, была в Jecky-dancing. Там столики, и между ними пляшут здорово неприлично, потом там есть две танцовщицы-певицы, кот[орых] зовут Ki-Ki и Chiffon. Первая заунывным голосом с неподвижным раскрашенным лицом поет аристофановски-похабные песни с потрясающим лиризмом, и вся публика подпевает припев. Все это страшно любопытно, и мне ужасно жалко, что это вижу я, а не ты, потому что такие вещи пригодились бы страшно и по-новому, только как ты один умеешь, претворенными в настоящее большое искусство.

ОР РНБ. Ф. 625. Ед.хр.480. Л.52об.

⁴ Раймон Радигэ (Raymond Radiguet, 1903-1923) — фр. романист. В возрасте 20 лет умер от тифа. Автор двух романов, принесших ему лите-

ратурную славу «*Le diable au corps*» («Дьявол во плоти», 1919) и «*Le bal du comte d'Orgel*» («Бал графа д'Оржель», 1923). О Радигэ идет речь в письме А. Радловой к С.Э. от 19 августа:

Я нашла очень интересный роман Raymond Radiguet «*Le diable au corps*», совсем новый. Я начала его переводить и буду посылать тебе, а ты пристрой его в какое-нибудь издательство. Цензура пропустит, и я уверена, что он будет иметь успех. Raymond Radiguet, 18-летний мальчишка, написавший два блестящих романа и умерший в прошлом году уже большой знаменитостью. «*Le diable au corps*» вышел в 1923 году. Я буду посылать тебе по главам.

ОР РНБ. Ф.625. Ед.хр.481. Л.110б.

⁵ *Claude Annet* (Клод Анэ, 1868-?) — псевдоним французского писателя Жана Шопфера, кавалера ордена Почетного легиона, автора двух романов, посвященных России: «*Agiane, jeune fille russe*», («Арина, русская девушка») и «*L'amour en Russie*» («Любовь в России»).

5 августа А.Д. писала С.Э.:

/.../ читала совсем новую, очень шумевшую здесь книгу Claud Annet [Так! — К.Л., А.Д.] «*Agiane, jeune fille russe*». Книга, как все, что пишут французы о русских, очень поверхностная, но с большим знанием русской довоенной и дореволюционной жизни и с некоторым чутьем.

ОР РНБ. Ф.625. Ед.хр.480. Л.840б.

Paul Morand (Поль Моран, 1889-1975) — французский писатель. Радлова имеет в виду его рассказ «*Je brûle Moscou*», вошедший в книгу «*L'Europe galante*» (1925). В этом рассказе Моран описал свои впечатления от поездки в Москву и в пародийном ключе изобразил Маяковского и семью Бриков. См.: Золотоносов М. М/З, или Катаморан: Рассказ Поля Морана «Я жгу Москву» с комментариями. СПб., 1996. Ср. также прим. 15.

Эпизод с князем Нарумовым (*Narumof*) — один из финальных эпизодов романа Радигэ «*Le bal du comte d'Orgel*». Князь Нарумов, приближенный Николая II, неожиданно появляется в доме графа д'Оржель — как бы с того света. Все его считали убитым большевиками. Очевидно, внимание Радловой привлек диалог на тему русской революции, состоявшийся в гостиной графа д'Оржель. На реплику одного из гостей «Как же Вы должны их ненавидеть, этих большевиков!» — Нарумов отвечает: «Разве можно обвинять людей в произошедшем землетрясении? То, что должно случиться, случается. Я думаю, что Франция слишком расположена судить русскую революцию по примеру собственной. /.../ Слово Революция всегда казалось мне не слишком точным для обозначения того, что происходит у нас. Это катаклизм, если хотите, но что касается меня, я отказываюсь обвинять этих несчастных, сделавших мне столько зла. То, что вы считали меня убитым, — продолжал Нарумов, — доказывает вашу неосведомленность. Они не тронули волоса на моей голове. Да, это

так, — добавил он, помрачнев, — мне сохранили жизнь, но у меня отняли ее смысл» (Radiguet R. *Le bal du comte d'Orgel*. Paris, 1924. P.219. Цит. в пер. с фр.).

⁶ Речь идет о Международной художественно-промышленной выставке, открывшейся в Париже 28 апреля 1925. 16 июля А.Д. писала С.Э.:

Вчера я была вечером на выставке. Это грандиозное зрелище в смысле электрического света и замечательного использования пространства. Выставка устроена по двум берегам Сены и на мосту, а кажется, будто она построена на пустыре. Павильоны ужасные по архитектуре и живописи (кое-где живописные панно), какой-то мюнхенский стиль довоенный. Самые лучшие павильоны — наш и японский. Наш павильон построен не без влияния Татлиновской башни. Строил его какой-то Мельников. Внутрь я пойду сегодня или завтра.

ОР РНБ. Ф.625. Ед.хр.480. Л.46об.-47

⁷ *Эльзас* — историческая область на востоке Франции, соответствует современным департаментам Верхний Рейн и Нижний Рейн, в 1871-1918 — входил в состав германской имперской земли Эльзас-Лотарингия. По Версальскому мирному договору 1919 была возвращена Франции.

Замечание Радловой о *трагическом Аристофане* становится понятным, если вспомнить о постановке С.Э.Радловым комедии «Лисистрата», осуществленной осенью 1924 на сцене Акрдры (Пер. Адр.Питровского. Худ. Е.Б.Словцова. Муз. Н.М.Стрельникова). Ср. реплику одной из героинь: «Для того ль сыновей мы рожали, чтоб на бой и на смерть провожать сыновей!» Спектакль был задуман как «выражение глубоких и трагических политико-общественных идей в неожиданной форме /.../ площадного балагана». По мысли С.Э.Радлова, подчеркивание патетически-ораторского стиля игры делало этот спектакль «своего рода юбилейным в дни 10-летия войны» (Новые постановки Акрдры // Жизнь искусства. 1924. №37. 9 сент. С.24).

⁸ *Эфебы* — в Древней Греции — свободнорожденные юноши 18-20 лет, обучавшиеся военному искусству и посещавшие школы риторов, философов и др.

⁹ Ср. в письме к С.Э. от 31 августа:

Погода стоит чудная, и я наслаждаюсь теплом и морем не как человек, а как зверь, с жадностью всеми порами вбираю в себя соленый воздух и жаркое солнце.

ОР РНБ. Ф.625. Ед.хр.481. Л.32об.

¹⁰ Возможно, имеется в виду одна из самых ярких звезд парижских мюзик-холлов Ивонн Жорж (Yvonne Georges, 1896-1930). В 1920-х выступала на сцене театра «Олимпиа», в «Казино де Пари», в «Мулен руж».

¹¹ По-видимому, речь идет о французском художнике японского происхождения Леонарде Цугухару Фужита (Leonard Tsuguharu Foujita, 1886-

-1968) и его третьей жене Люси Бардо (Lucie Bardot), брак с которой был заключен в 1924. О Люси Бардо нам известно лишь то, что впоследствии она стала женой Робера Десноса и что Фужита дал ей псевдоним Юки (снег) за удивительно белый цвет ее кожи. См.: Hori N. Leonard Tsuguhanu Foujita. Köln, 1982. S.64, 265.

¹² Подробнее о посещении этого спектакля А.Радлова писала мужу из Виши 3 августа:

Была я здесь на «Борисе Годунове». Постановка, в общем, передвижнически грамотная, кроме одного места, где французский режиссер решил изобразить «и мальчики кровавые в глазах». Он поставил против трона вертушку с куклой, которая вертится, освещенная красным светом. Можешь себе представить такую безвкусицу? Оркестр очень хороший, и есть очень хорошие голоса, а актер, певший Бориса, даже играл хорошо, видимо, насмотревшись на Шаляпина. Так было странно после «Бориса Годунова» выйти в парк Vichy, а не на площадь Мариинского театра.

ОР РНБ. Ф.625. Ед.хр.480. Л.74об.

¹³ *Марокканская война* — речь идет об участии Франции в так называемых испано-марокканских войнах (1924-1926). Французские войска выступали как самостоятельно, так и совместно с испанской армией против армии Рифской республики, возникшей в 1921 на территории северной (испанской) зоны Марокко. *Мютэ* — очевидно, описка А.Радловой. Имеется в виду Анри Филипп Петен (Petain, 1856-1951), военный и государственный деятель, маршал Франции (1919), командовавший французскими войсками в Марокко.

¹⁴ Инициалы *R.M.* принадлежат актрисе Раquel Меллер (Raquel Meiler, 1897-?), певице испанского происхождения, снявавшей в 1920-е популярность на парижской сцене. *Casino de Paris* — парижский мюзик-холл, с 1917 под руководством Л.Вольтерра стал одним из самых значительных заведений такого рода. Среди звезд его *grandes revues*, неизменно сопровождавшихся успехом, были: Жозефина Беккер, Морис Шевалье, Мистангетт, Тино Росси.

¹⁵ *Mac-Mahon Palace* — отель в Париже в районе Елисейских полей (ав. Мас-Махон, 29). *Л.Б.* — по-видимому, Лили Юрьевна Брик (1891-1978). Л. Брик была в Париже весной 1925, где демонстрировала на парижской выставке платье работы Н.П.Ламановой (см. об этом: Катанян В.В. Прикосновение к идолам. М., 1997. С.121). Ср. в одном из писем Радловой к С.Э. (5 августа):

Прочла забавную книгу Paul Morand «L'Europe galante», теперь читаю вторую «Lewis et Irene». В первой из этих книг есть отдельный рассказ, в котором в карикатурном виде изображена Лили, Маяковский и Осип Брик. Карикатура на Лиллю и ее эротоманию и жажду покорять мужчин очень едкая.

ОР РНБ. Ф.625. Ед.хр.480. Л.84об.

¹⁶ Анри Бера (Henri Beraud, 1885-1958) — французский писатель и публицист. Автор романа «*Vitriol de Lune*» («Лунный купорос», 1922), за который был удостоен Гонкуровской премии. Октав Мирбо (1850-1917) — французский писатель и драматург.

¹⁷ Пьер Бенуа (Pier Benoit, 1886-1962) — французский писатель, автор многочисленных авантюрных романов, в том числе «*Les puits de Jacob*» («Колодцы Иакова», 1925). Барон Эдмон Джеймс де Ротшильд (1845-1934) — банкир, представитель французской ветви семьи Ротшильдов, один из крупных деятелей и финансистов сионистского движения. Морис Ротшильд (1881-?) — государственный деятель, член французского Сената. Анри Ротшильд (1872-1947) — доктор медицины, физик. Выступал как драматург (псевд. *Charles des Fontaines, Andre Pascal*). Последний, однако, являлся сыном французского общественного деятеля и писателя Джеймса-Эдуарда Ротшильда (1844-1881).

¹⁸ Гийом Аполлинер (1880-1918), Шарль Вильдрак (1882-1971), Поль Валери (1871-1945) — французские поэты.

¹⁹ Ида Львовна Рубинштейн (1885-1960) — русская артистка балета, в 1920-1930-е руководила собственной труппой в Париже.

²⁰ Братья Фрателлини (Поль, Франсуа, Альберт) — члены цирковой династии Фрателлини, знаменитое в Европе трио клоунов, гастролировавшее в начале 1920-х в России и Испании. Затем были приняты в один из цирков Парижа. В 1923 удостоены ордена Почетного легиона и публичной благодарности министра просвещения Франции за художественные достижения и благотворительную деятельность. В декабре 1924 журнал «*La Hergse*» посвятил братьям Фрателлини специальный номер, в котором участвовали известные литераторы и театральные деятели того времени. Один из братьев, Альберт, родился в Москве.

²¹ Театр Амбир (*Empire*) — один из самых известных в Париже 1920-х гг. мюзик-холлов. Он насчитывал 3000 мест и имел огромную сцену. В нем шли знаменитые шоу с участием Мориса Шевалье и Ракель Меллер. В 1931, все еще показывая различные представления, мюзик-холл был переоборудован в кинотеатр.

²² Анри Феликс Батайль (1872-1922) — французский драматург и поэт.

²³ Пример почти дословного совпадения текста заметок с фрагментом одного из писем А.Д. мужу (23 августа):

Пансион, в кот[ором] я поселилась, неважный, не очень чистый и кормят средне. Комната у меня чудесная, просторная, с глупым комодом и зеркалом, в кот[ором] ничего не видно, и гигантской деревянной кроватью, на кот[орой] должны рождаться дети и умирать столетние старики.

ОР РНБ. Ф.625. Ед.хр.481. Л.16об.

²⁴ Речь идет о Георгии Васильевиче Чичерине (1872-1931), в 1918-1930 — наркомне иностранных дел РСФСР (СССР).

²⁵ *А.М.Р.* — А.М.Ремизов, упоминание о парижской встрече с которым содержится в письмах А.Д. к С.Э. (см. вступ. статью). *Л.П.К.* — возможно, Лев Платонович Карсавин (1882-1952), историк и философ, который в 1922-1928 жил в Берлине, однако сведениями о встрече Радловой с ним мы не располагаем.

²⁶ *Grand-Guignol* (Гран Гиньоль) — так называли во Франции и за ее пределами театр ужасов. Такое имя дал в 1899 своему парижскому театральному салону Макс Морей. Впоследствии оно использовалось для обозначения жанра, развитого в этом театре. В нем натуралистическая формула «как в жизни» была доведена до самых крайних форм. Преступления, пытки, садизм, безумие — характерные составляющие этой драматургии. В 1925 на сцене Гран Гиньоль был поставлен «Кабинет доктора Калигари».

Иннокентий Басалаев
ЗАПИСИ БЕСЕД С АХМАТОВОЙ (1961-1963)

Публикация Е.М.Царенковой

Примечания И.Колосова и Н.Крайневой

Публикуемые записи относятся к числу тех «почти протокольных» (по слову Д.Е.Максимова¹) свидетельств об Анне Ахматовой, большинство из которых фиксируют события позднего периода ее жизни. Иннокентий Мемнонович Басалаев (1897-1964), поэт, критик, профессиональный редактор, в 1945-1964 работал в редакции ленинградского журнала «Звезда»². Благодаря ему в эти годы в «Звезде» появилось несколько публикаций Ахматовой. Однако темы его бесед с Ахматовой выходили далеко за рамки дел редакционных и, как видим, охватывали широкий круг общих литературных интересов. Необходимо отметить, что главным делом своей жизни Басалаев считал создание «Записок» — своего рода литературной летописи, трудов и дней ленинградской писательской жизни, в которых мемуарное начало сочеталось с непосредственностью подневных записей. Произведение под названием «Записки для себя» Басалаев издавал с 1926 по 1961 год — было написано десять тетрадей-глав³. В начале 1960-х он познакомил с ними некоторых писателей, в том числе и Ахматову⁴. Известно, что в 1964 Басалаев намеревался продолжать вести «Записки»⁵, однако смерть помешала ему.

¹ Максимов Д.Е. Об Анне Ахматовой, какой помню // Воспоминания об Анне Ахматовой. М., 1991. С.107.

² Подробнее о Басалаеве см.: Напельбаум И.М. Послужной список Иннокентия Мемноновича Басалаева [1964] // ОР РНБ. Ф.1076. Ед.хр.10.

³ См. наиболее полную публикацию (1, 3 и 4 главы): Басалаев И. Записки для себя / Пред. А.И.Павловского. Публ. Е.М.Царенковой. Прим. А.Л.Дмитренко // Минувшее: Исторический альманах. Вып.19. М.; СПб., 1996. С.369-370.

⁴ Этот факт нашел отражение в автобиблиографии Ахматовой, где под номером 466 читаем: «Ин. Басалаев [так! — Публ.]: Мемуары (Рукопись). 1926-1938» (ОР РНБ. Ф.1073. Ед.хр.669. Л.20).

⁵ Ср. в письме К.А.Федина к Басалаеву от 21 июля 1964: «Рад, что Вы не оставляете мысли продолжать свои мемуары» (ОР РНБ. Ф.1076. Ед.хр.330. Л.60б.).

Вероятно, записи бесед с Ахматовой — в том литературно необработанном виде, в каком они дошли до нас, — являются подготовительным материалом для так и не завершенных «Записок».

Записи бесед с Ахматовой вместе с большей частью литературного наследия Басалаева сохранились в архиве его жены (с 1944), поэтессы Иды Моисеевны Наппельбаум (1900-1992). Впервые этот текст привлек внимание Эммы Григорьевны Герштейн, которая в конце 1960-х собирала материалы для сборника воспоминаний об Ахматовой. В архиве И.М.Наппельбаум сохранилась неполная машинописная копия бесед, снятая Герштейн в марте 1968. Впоследствии Герштейн от своего замысла отказалась⁶, но небольшой фрагмент скопированного ею текста (о Пушкине) все же опубликовала в кн.: Ахматова А. О Пушкине: Статьи и заметки / Сост., послесловие и прим. Э.Г.Герштейн. Горький, 1984. С.347.

В настоящем издании печатается полный текст записей Басалаева по авторизованной машинописи, принадлежащей дочери И.М.Наппельбаум — Е.М.Царенковой.

В первых числах февраля (61 г.) вдруг решил узнать об А.Ахм[атовой]. Позвонил по старому телефону и неожиданно узнал: она должна приехать из Москвы седьмого, во вторник.

9 февраля утром (после предварительного телефонного звонка) у нее на ул. Красной Конницы¹. Первые слова приветствия, извинения за беспокойство и напоминание о стихотворении, которое она написала в мой альбом в 46 г.², а спустя лет десять вдруг позвонила мне какая-то дама, приехавшая из Москвы, и просила с разрешения А.А. показать эти стихи, но альбом мой был в эти годы переслан в Ташкент, и я не мог исполнить ее просьбу, а вот теперь — рад, привез и, если угодно, перепечатаю на машинке и привезу в след[ующий] раз.

— Очень хорошо, я эти стихи уже забыла, они давно написаны, еще в Ташкенте (в годы эвакуации), их можно переделать и напечатать, ну, конечно, заменив фамилии (Айбек).

Рассказываю, когда ее видел в первый раз — в 1926 г. в квартире еще в Мраморном дворце³.

Большая, полная, в утреннем домашнем халате-платье темноголилового цвета широкого покроя, с толстой короткой косой (через пять минут, уходя в соседнюю комнату, наспех подобрала косу на затылке), то сидела, то вставала взять очки, опять ушла в соседнюю комнату и принесла большую фотографию своего портрета, написанного Тырсой⁴.

— Вот какая я тогда была! — с улыбкой.

⁶ Материалы Э.Г.Герштейн легли в основу сборника, составленного В.Я.Вилениным и В.А.Черных (Воспоминания об Анне Ахматовой. М., 1991).

— А у меня есть ваша напфельбаумовская большая фотография.

Разговор о ее книгах — какие у меня есть.

— А пятьдесят восьмого года нет?

— Нет, к сожалению.

Потом: — А! Та в самый разгар постановления. Должна была выйти. У нас всегда кого-нибудь делают гениальным и дают огромные тиражи, а нужные книги выходят маленькими тиражами.

— Как живу? Да вот. В последнее время переводила вместе с покойным Заболоцким сербские стихи⁵. Очень хорошие стихи. Это те, которые Пушкин называл «песнями западных славян»... А ту мою книжку, которую набрали, но не выпустили, видели? Мне Сурков подарил — говорит, украл у кого-то (уходит на минутку). Вот посмотрите — там даже указано, чья была она. Не видели? Сейчас покажу (читаю: «А.Еголин»)⁶.

— Когда моя новая книга? Вот-вот, в феврале выходит. Нет, там много не будет. Зато там есть впервые написанная автобиография. А предисловие к книге — Суркова⁷. — Хитро улыбаясь: — Стихи, они такие — все выдерживают!

— Что вы печатаете в «Звезде»?

Рассказываю о планах первого, второго и третьего номеров журнала.

— А Решетов⁸ у вас заведует отделом поэзии?

— Да.

— Он был у меня в прошлом году. Просил дать стихи в журнал. Говорил между прочим: «а то набрали каких-то стариков — Авраменко да Брауна»⁹. Улыбаясь: — Вдруг все старые стали. Помню, еще в те годы, в начале революции, в рецензиях о сборниках стихов писали: а из стариков там только Ахматова. А мне тогда только двадцать с небольшим было!

— А от чего он умер?.. Вот так и не видишься с людьми. Живем в Москве, а друг друга не видим. А вспомнишь, когда же виделись в последний раз? Да лет четырнадцать назад.

— Спасибо, что вспомнили, и за стихи эти. Я забыла их. Теперь надо имена изменить. А этот портрет переснять можно? Застеклить, окантовать...

— Нет, фотографии на стену не вешают, только подлинники. Подарю Пушкинскому Дому, у них там собирают и кое-что уже есть.

— Надолго ли я приехала? — Громко: — Да нет! Вы не поняли. Я приехала домой. Это мой дом!

— Поэма? Я слышала, в Нью-Йорке напечатали с пометкой: «печатаем без разрешения автора»¹⁰.

— У меня есть.

— Это довоенный, старый вариант. Выбросьте. (Уже в коридоре). А у вас нет нового? Если хотите, я дам.

Привез книгу — ее переводов корейских поэтов. Прошу подписать¹¹. Искала, чем надписать. Я не взял, собираясь к ней, не терплю торчащих из нагрудного кармана «вечных перьев». Пошла в соседнюю — другую комнату, приоткрыла, попросила у кого-то перо.

О сборнике «День поэзии»: — Там будут и мои. В прошлом году меня пять раз напечатали. В «Неве» читали? Я посмотрела нынче стихи «День поэзии», удивилась: зачем так много Рождественских! (Роберт Рождественский, Всеволод Рождественский)¹².

— Нет, я никуда не выхожу. Плохо чувствую себя — старая болезнь сердца.

25 февраля. В маленькой комнатке.

Я ведь царскоселка. Жила там с первых лет до шестнадцатого года. В десятом году приехал Николай Степанович Гумилев. Родители мои разошлись. И я с мамой лет пять в разных городах жила. И в Киеве. Меня считают киевлянкой. Южанка? Понятно, киевлянка и фамилия украинская — Горенко. А почему стала Ахматовой? Это от бабушки моей матери — Прасковьи... В двадцать шестом году вышла замуж (второй раз) — за Шилейко Владимира¹³... Потом мы разошлись. И когда вы меня видели в двадцать шестом году — это был дом казенный и вещи были не мои, и никакой «моды на круглые столы», как вы пишете в своих воспоминаниях, не знала¹⁴. Не была я и на вечере Мандельштама в начале тридцатых годов, это вы сочинили (разуверять не стал, так как хорошо помню)¹⁵.

Спрашиваю: — А где сейчас тот портрет ее, рисунок Модильяни, о котором упоминает Эренбург в «Новом мире»?¹⁶

— А вот он! — и указывает рукой на рисунок за своей спиной на стене — над кроватью. — Это он рисовал в одиннадцатом году.

Разговор переходит на те годы, двадцать шестой год, о Замятине.

— Замятин умер десятого марта тридцать седьмого года (?), а через год в этот же месяц — Булгаков¹⁷. Федин рассказывал, когда он был в Париже: Евгений Иванович жил у художника Григорьева в Ницце¹⁸. Телефона не было в квартире — Григорьев жил на четвертом этаже. Он должен был спускаться, чтобы позвонить, а чув-

ствовал он себя не очень здоровым, неважно жил. Что делал, чем жил? Написал сценарий для кинокартины: Шаляпин в «Дон Кихоте»¹⁹.

11 часов 50 минут. Раздается звонок — телеграмма из Москвы о чистых листах книги. Рассказывает.

— В журнале «Наш современник» есть такой Сидоренко Николай Николаевич²⁰, он так просил, так умолял дать стихи. И вот я дала. В третьем номере прошлого года они вышли. Не читали?²¹

Вот вы пишете о Кузmine. Нет, он меня не любил (видимо, другая среда, противники, оттого тут же переход на Анну Радлову и не совсем лестная характеристика — упоминание о ней)²². Мандельштам — это да, это явление. А другие, начинавшие в те годы, сколько их было! Ничего не вышло.

Был период, когда меня совсем забыли, не печатали до тридцать девятого года²³. С первым постановлением ЦК я не была знакома, я не знала, что такое ЦК, какое оно имеет отношение к литературе, к поэзии, я просто не обратила внимания. И узнала о нем от Эренбурга, в первый раз открыла для себя²⁴... До этого обо мне писали Жирмунский, Эйхенбаум, Корней Чуковский²⁵...

— В Ташкенте болела брюшным тифом, должна была остричься, сняла челку. Туда я попала из Москвы. А из Ленинграда меня приказал вывезти на самолете Сталин. Из Москвы я с Корнеем Ивановичем Чуковским попала в Чистополь. В поезде был специальный вагон Маршака. В Ташкенте жила на улице Карла Маркса, шесть²⁶, на площади. Там меня принимали из-за фамилии за татарку. А казахи меня считали казашкой, фамилия, мол, казахская — Ахматова, а узбеки хотели, чтобы фамилия моя писалась по-узбекски — Ахметова. Русские — гадали, откуда моя фамилия — от акме, акмеистка...

Вот вы пишете о Пильняке. Почему так резко о нем²⁷? По-моему, он один из первых, кто смел писать о том, о чем он считал долгом говорить вслух. Нет, не была я на вечере Мандельштама. Неверно. Все мемуаристы ошибаются.

(Беседа продолжалась с 3 ч. дня до 4 ч. 30 мин.).

28 февраля. С 8 ч. 45 м. до 9 ч. 30 м.

— О моей поэме Пастернак сказал: как всегда необычно... Есть мнение Зенкевича²⁸. Как это было в сорок шестом году? Евгений Максимов на вечере Блока говорил: «Статья о вас написана, должна выйти в "Известиях", но почему-то нет». А на другой день вышло постановление («О журналах "Звезда" и "Ленин-

град'»)»²⁹. Когда в сорок девятом году из-за сына был у меня обыск, следовательно, увидев поэму, просил разрешения прочитать; я, конечно, позволила. Он сел, закурил и прочитал. Но (улыбаясь) не взял ее. Вы спрашиваете, кому принадлежит эпитафия, кто скрывается под инициалами Н.К.? Нет, не скажу, не могу, нельзя³⁰.

— Но известный поэт, печатающийся?

— Да, наш, мой современник. А если бы вы знали, что перед этим сказано (какие строки)!

— Я нездорова. И доктор и все будет... В поэме есть и свой сюжет и своя строфа. Я не понимаю, как можно писать без этого. Вот у Твардовского — длинные, — разведя руками и протягивая стихи, — и все кубики, кубики. «Достоевский»³¹ — да, это тут прилагательное. Да, об этом мне многое говорилось.

Провожая, в передней: — А не много ли города в поэме? Вот Толстой писал о Петербурге, а города не описывал! А не кажется ли странным, неуместным «золотое» и рядом «серебряный месяц»³²? А то все одинаково. Хотелось по-своему. Это намеренно. Но еще подумаю. Это Блок тут и прямое указание: «черную розу в бокале»³³. А третьего героя вы не могли знать³⁴. Значит, все понятно? Примечания пародийные. Все они не от автора. Тут какое-то письмо, там просто чьи-то замечания. Вот о моих стихах в «Литературной» о Блоке («трагический тенор эпохи»³⁵) много говорилось, в этих стихах видели совсем не то, обвиняли меня — это, мол, она счеты свела с символистами. Нет, это не так, поэма реалистическая. Большая часть поэмы написана в Ташкенте, я там много над ней поработала.

Говорю, что «с ко мне не пришедшим»³⁶ звучит плохо.

— Подумаю. И вам не надоело? (это о моих замечаниях, о придирах к мелочам).

— Привык, привычка.

— В Ташкенте мне говорили: о, вот бы вы застали раньше! а теперь тут никого нет!

— Бауты? Это капюшон мантильи. Все три этих куска будут в моей книге³⁷.

(Ни в коем случае не хочет упоминать перед стихами, которые будут напечатаны в «Звезде», об исполняющемся в июне пятидесятилетия работы в поэзии»³⁸. У нее больной вид.)

Об Айбеке — узбекском писателе рассказывает так:

— В Ташкенте на каком-то банкете сидела рядом с ним, он был пьян, но не так, чтобы ничего не соображать. (Он выступал о ее поэзии). Говорил так тонко, понимающе, как никто не говорил. Я была поражена. Потом он сел и после банкета и позже ничего мне не сказал.

23 марта 61 г.

— А кто бы вы думали заявился ко мне на днях? Ни много, ни мало как сам заместитель Аджубея, а его сопровождал... конечно, Азаров. Позвольте, как же его фамилия? Крепко сбитый, уверенный по-современному, средних лет³⁹... Стихи не просил, нет, только прозу, а именно, воспоминания — о дореволюционных литературных салонах Москвы и Петербурга, для приложения к «Известиям», для «Недели». Он думает, что я давно пишу воспоминания, и вот он придет, и готово — получит их. Мне пришлось его разочаровать, но он, видимо, не поверил мне...

— Вячеслав Иванов уехал от нас за границу в двадцать четвертом году. Но он еще в Баку был, преподавал там. А потом уехал в Италию. Году в двадцать седьмом он принял католичество⁴⁰. Он, кажется, там работал в библиотеке Ватикана.

— А дети?

— Сын. Знаю, приезжал к Пастернаку⁴¹.

— Вот там лежит письмо из Царского Села. Видите? Прочтите. Какие-то читатели, поклонники этого старинного городка, теперь города Пушкина, обращаются как к старой царскоселке с просьбой, не будет ли она добра рассказать, где была такая-то улица, где был такой-то дом и пр. (Рассказывает, что целый день сидела и рисовала по памяти план бывшего Царского Села. И показывает:) — Вот Широкая, она упиралась сюда, тут вот мы жили... — И действительно, на целом листке бумаги карандашом нанесены улицы, кварталы — все испещрено карандашными линиями и значками.

— Приезжала Оля Берггольц, привезла вот эту книжку... на итальянском (читает). Они прислали Малышко, Берггольц, а мне почему-то нет. Вот видите — поэт М.Бажан во врубке пишет — тут курсивом дано — великий поэт Анна Ахматова написала автобиографию. Вот тут сказано: в это Сообщество европейских писателей вошли Шолохов, Федин, Ахматова⁴²... Вот фотография учредителей. Входят двадцать три страны — французы, четыре англичанина — мало, очень много югославы, итальянцы...

— А чехи?

— Да.

— Испанцы?

— Да, и испанцы, португальцы. А немцев нет.

— А скандинавы?

— Вот, верно, ни одного. Конечно, нет американцев, потому что это европейское сообщество. Откуда они набрали эти двадцать три страны?

— Кто же теперь остался из серапионов? Старики...

— У нас Слонимский⁴³. Ну, это...

— Я нарисовала план. Вот Малая, тридцать, до дворца Николая Второго. От вокзала — идет Широкая улица.

— Всеволод (Рождественский) все наврал, все. Чудовишно. Мы его совсем не знали. Он был лет на десять моложе нас. Я узнала его в девятнадцатом году. Я жила тогда с В.Шилейко, а потом в доме матери Николая Степановича⁴⁴.

— Эренбург получил несколько экземпляров своей книги на итальянском языке⁴⁵ и не знал, что с ними делать, — это авторские они ему послали — кому давать. И очень обрадовался, когда я попросила. Он сейчас уехал в Париж. Он должен привезти мне лекарство, которого здесь нет...

— Как разгадали инициалы эпитафии Н.К.? Сознаться, кто сказал? Там за точками моя фамилия.

— Никто мне ничего не сказал. Просто взял книгу «Поэзия XX века» под редакцией Шамурина и Ежова и стал искать в списке поэтов — в конце книги — кто имеет такие инициалы. И нашел — Наталья Крандиевская. Но этих самих стихов там нет⁴⁶.

— Вчера Мария Сергеевна⁴⁷ звонила из Москвы — вышел сигнал моей книги — она передает моей книгой. Какое сегодня число? 22 марта? Значит, деньги — сорок процентов мне выписаны. Нет, дело не в деньгах, деньги есть...

— Три стихотворения посвятил мне Пастернак. Третье долго объяснять. Вы не знаете «Наследницу»? — это еще в пятьдесят седьмом году написано⁴⁸.

— Да, я знаю его. Вы не слышали такой фамилии — Саргиджан? Это Бородин. Тот самый «Дмитрий Донской» («Звезды над Самаркандом»). Все уехали тогда. Он остался. В Москве. Они с Мандельштамом повздорили. Он избил Надю — жену Осипа Эмильевича, подал в суд. Алексей Толстой был пьяный, шутил, это его обычное шутство. Как все знают, это для него характерно. Горький тогда сказал — нельзя бить поэтов! Мандельштам обиделся, и все дальше, как у вас, в ваших воспоминаниях, записках⁴⁹.

— Послесловие написал Алексей Алексеевич Сурков. Он повторил все из доклада Жданова⁵⁰. Но он же дал им (итальянцам) и мою автобиографию⁵¹. Одной рукой давал, другой — делал вид, что не знает? Остроумно.

— Правда? Но это ничего. Я ничего не имею против, я рада.

— У Всеволода Иванова вышел шеститомник. Прошел тихо, незаметно. Сын Кома⁵². Мы с ним друзья. Умный, талантливый, голова.

— Математик, говорят?

— Больше. Кибернетик. Он тоже скуласт. Он рассказывал, что мать Всеволода Вячеславовича — как женщина-казах? — Казашка? Да, казашка. Ее удочерил адъютант генерала Кауфмана. Кто отец ее, он не знает. А может быть, Кауфман и был ее отцом. Вот откуда его такое вылепленное, скульптурное лицо⁵³.

— Это рисунок, рисовала Аня Коган — умерла в блокаду. Оригинал — у Рыбаковой⁵⁴. Меня очень много рисовали.

— Статью о Пушкине? Вот заболела. Не могу кончить. Обещала в «Русскую литературу»⁵⁵.

— У него (Паст[ернака]) есть такие стихи... тяжелая евангельская старость и горький «Гефсиманский сад» — написаны уже после христианского цикла⁵⁶. Но я давно предсказала эти темы у него.

— Вот Шкловский о Толстом, Блок в ОПоязе — это похоже на него⁵⁷ (поправки среди разговоров).

— Училась я в Фундуклеевской гимназии в Киеве.

— От Царского ничего не осталось, все разрушено. На Широкой улице даже места не найдешь, где стоял дом.

11 апреля 61 г.

— Книга вышла⁵⁸. Вы не видели?

— Нет.

— Но мне говорили, что выслали авторские. А в продаже будет через месяц.

— А это я отказалась от зеленых переплетов. У Рахлина (кн[ижный] магазин у Мариинского театра) несколько десятков уже было. В Москве продана одна тысяча, из них большая часть в своем киоске. Озеров⁵⁹ приезжал, уж он наверное знает. Я уже получила много писем. Озеров прислал письмо. Говорит, что в Москве останутся все двадцать пять тысяч экземпляров.

— А вы боялись, боялись, что не разойдутся пятьдесят тысяч. В Книжной лавке писателей еще нет.

— Мне сказали, что там уже записалось шестьдесят пять писателей. Я писала Владыкину⁶⁰, чтобы сто экземпляров оставили за мой счет. Горский сказал: сколько угодно для вас, Анна Андреевна. Плохо себя чувствую. Завтра у нас ремонт начнется. Вот Александр Федорович Попов⁶¹ придет. Куда нас — ничего не знаю. Вот когда разрешат врачи, поеду в Комарово.

— В Дом творчества?

— У меня там дача. Там всю зиму топили. Надеюсь, не промерзло. Но вот будет теплее... Спасибо за большой конверт (для

того, чтобы послать стихи в «Наш современник»⁶²). Вот здесь слово не то. Надо вставить, я думаю, четыре строчки. Они были, правда, уже напечатаны, но сюда, думаю, ведь можно. Вы опытный, вот скажите, подойдет к этим стихам еще третье (читает).

15 мая 61 г.

Уехала в Комарово. В квартире на Красной Коннице должен был начаться ремонт.

21 мая.

Ездили с А.А.Урбаном⁶³ к ней туда.

Рассказывала с улыбкой, как к ней приходила армянская поэтесса Маро Маркарян, стихи которой Анна Андреевна переводила по-русски: «И вот она мне что-то долго рассказывала, рассказывала. Я плохо понимала ее речь. Наконец я услышала такую фразу: "Она молитвенно к вам относится". — "Кто?" — спрашиваю с удивлением. — "Софронов!"», — рассказывая, мило улыбается⁶⁴.

— Как поживает Анечка? А вот она, посмотрите. Вот она, Аня⁶⁵. (Фотография одной головы с косичками, перед губами — блюдце с чаем.)

— Она меня прямо удивила. Я тут не могла из-за нездоровья поехать в Гослитиздат перед печатанием книги. Поехала она. Горский (директор издательства)⁶⁶ показывал ей образцы бумаги, и она с важным видом обсуждала издание, выбирала бумагу, одну отвергала, другую принимала.

Потом рассказ об Алигер⁶⁷.

Приехала Маргарита Алигер в Италию. Услышав о ней, итальянские поэты обиделись: подумайте, и чего только эти русские не выдумают! В мире есть один Алигьери — наш Данте Алигьери. А они взяли и назвали так одного своего поэта. Мало того, поэт этот еще и женщина! — И уже без веселой улыбки: — Ничего они там не понимают, все путают. Мою фамилию производят от корня «акмэ». Один из итальянских писателей как-то тут приехал, приходил извиняться за своих коллег: они, мол, коллеги, ничего не понимают. — И прибавила тихо: — Только один понимает, но он стар и болен. Все они, иностранцы, интересуются: а сколько заплатят мне за стихотворение, за книгу... Художник Анненков жив, живет в Париже⁶⁸.

К 21 V. Наговорила на пластинки. Грамзапись 14 минут⁶⁹.

— Это Федия знает о смерти [Замятина от] Людм. Николаевны Замятиной. Она присылала письмо домработнице. Наверное, умерла в блокаду⁷⁰.

— Книгу Лукницкого Вы тоже знаете⁷¹. Он мне прислал ее. Ну, скажите, зачем это он пишет, что в 41 г. у 18-летней жены Вл. Ник. Орлова родился сын и ребенок умер?

В 29 г., когда исключили из Союза Пильняка и Замятина, я ушла из членов Союза. В 41 меня приняли. В 46 — исключили. В 50-м году все думали — как быть: вновь принять или восстановить. Сурков сказал: конечно, восстановить⁷²! С Зоценко другое: его вновь принимали⁷³.

Урбан:

— В книге мало стихов 40-41 гг.

— Нет, было, многих не напечатали.

(16.VI.61). На ул. Плеханова, в квартире Адмони⁷⁴.

— А статья?

— Вот за этим-то вы и приглашены сюда.

Ищет. Сундучок. Папки. Находит черновики. Читает. Это только кусочек. Прочитывает пять-шесть страниц, рассказывает, что читали пушкинисты Бонди и Цявловский⁷⁵.

— Они то же самое сказали.

— Это более чем интересно. Вы пошли совсем иным путем — это не литературный путь. В основе его лежит большой житейский опыт, близкое знание среды, что можно сделать — чего нельзя, что положено, чего не положено. Это действительно разоблачение клеветы, пущенной Геккерном. Николай и Бенкендорф поверили частному письму, а всё — взаимоотношения сестер, письма (недавно опубликованные, семьи Карамзиных), Закржевская... противоречит.

Глава «Александрина» войдет в мою книжку о Пушкине, посвященную концу Пушкина.

О втором съезде⁷⁶. О радиозаписи.

— Здесь только что был Лев Николаевич. Он недавно защитил докторскую, его диссертация о тюрках, он тюрколог⁷⁷. Вот он и проводит меня до Москвы.

— Здоровье мое плохое. Нельзя здесь остаться на июнь.

На ней сиреневый капот-платье, покрашенные губы, читает в больших роговых очках. Читала стихи, я записывал — для «Звезд»... (Из книги Царств. Мелхола⁷⁸).

Когда приехал из отпуска, А.А. уже была в больнице (на Вас. острове, им. Ленина)⁷⁹.

25 окт. первый раз посетил ее.

30 окт. по ее просьбе привез из писат. библиотеки три книжечки стихов (узбекских поэтов) Халима Алимджана и от себя «Голоса друзей» в переводе К. Симонова. Прошлый раз говорила, что ее просили написать о погибшем Алимджане из Ташкента⁸⁰.

Подошел к палате, заглянул в приоткрытую дверь — она лежит справа у стены, на левом боку, читает. Вижу четкий профиль крутого лба, носа с горбинкой, выразительных губ и твердого подбородка — такие профили только на монеты ставить или в медалях отражать. Услышав мое «извините» и «здравствуйте», обернулась, тяжело повернулась, отложила книгу. Я, конечно, обратил внимание на книгу.

— Это Пастернак, новое издание⁸¹. Хорошо издали. Все главное есть, можно составить представление о поэте.

Говорим о ее статье к февральскому номеру «Звезды» о Пушкине. Она обещала ее дать нам⁸².

— Статья моя еще не готова. Я ведь вам говорила: мне еще нужно над ней поработать. Все зависит даже не от меня, а от одного товарища... он в Москве. Есть ряд невыясненных обстоятельств. А теперь я заболела, работать не могу...

22 ноября.

Разговор опять вокруг статьи. Показывает письмо, полученное на днях [от] А.А. Суркова. Вежливо и дружески пишет о желании видеть ее, и вот-де собираемся с женой вскоре в Ленинград и тогда непременно посетим ее, пожелания здоровья и приветы. Я снова возвращаюсь к статье, сроки сдачи материала подходят — материал февральского номера надо сдавать в декабре. Наконец она придумывает дать — вместо «Александрины» — небольшое «Слово о Пушкине», — это не то, что «вы просите», но о Пушкине⁸³.

5 декабря 61 г.

Уже в седьмом часу, к концу приема, попадаю в больницу. Пропуск к ней дают постоянно, даже в праздники и в неприемные дни. Тороплюсь у вешалки, сую руки в подаваемый больничный белый халат с какими-то тесемками на рукавах, номерок в карман, быстро прохожу большую приемную с больными и гостями на диванах и секунды три-четыре «отдыхиваюсь» перед дверьми в ее палату. Затем чуточку приоткрываю дверь: лежит с наушниками, увидела, косит глаза. Тут же узнает, приглашает, улыба-

ется, протягивает руку. У ней особая манера подавать руку — что-то капризное и неперменное.

— Как ваше самочувствие?

— Благодарю, — кисло и капризно, с легким жестом — мол, неважно, не спрашивайте, неважно. И тут же: — Вот и хорошо, что пришли.

Благодарю за рукопись, объясняю, зачем пришел, — рассказываю, как думаем давать в журнале это «Слово о Пушкине» — с врубкой, с комментариями. Слово «заключение»⁸⁴ сверху выбросим, оно, в общем, ни к чему. Показать примерный макет?

— Нет, нет, не надо. Я вижу, мы сходимся, я тоже думала, что надо дать пояснения. Конечно, надо объяснить читателю, не знакомому с эпохой.

Говорю, что в двух-трех местах по-своему расставил абзацы, знаки препинания.

— Конечно, делайте, как надо. Я потому и хотела показать Люсе.

— Простите, какой Люсе?

— Да Гинзбург⁸⁵.

Разъясняю, что Лидия Яковлевна Гинзбург, когда я должен был условиться о времени, чтобы дать ей рукопись на просмотр, сказала мне по телефону, что завтра утром уезжает в Комарово.

— А вы и поверили? Как будто это Комарово бог знает где.

— Я предлагал, что приеду туда, если нужно. Но ведь читал еще Максимов⁸⁶.

— Да, знаю. Он читал. Я не ожидала, что вы возьмете это «Слово». Ведь это так мало, с фитюлечку...

— Страницы две будет, а с врубкой, с пояснениями...

— Когда я послала его с Аней, подумала еще кое-что прибавить.

— Это хорошо. Мы успеем вставить, когда будет первая корректура.

— Я сейчас подумала — может быть, вставить вот это — мне Николай Николаевич (Пуни)⁸⁷ еще рассказывал. В тридцать седьмом году — к годовщине гибели Пушкина — хотели снести памятник, тот, который называли «банным», — на Пушкинской, там рядом бани... И вот, когда подъехал грузовик увезти памятник, — маленькие дети, играющие в садике, зашумели, не позволили, закричали: не дадим, не дадим, это наш Пушкин, мы тут играем... Те послушали, послушали и махнули рукой — не стали обижать ребят, уехали. Это же прелестно! Только надо бы проверить, действительно ли было это⁸⁸.

— Думаю, что даже если и не было, великолепный сюжет.

— Хотелось бы знать все-таки... Тут мне вспоминается и анекдот. Его кто-то рассказывал давно еще. Вот какой. Ехал некто из Михайловского. Тогда, конечно, не было еще ни автобусов, ни прочего. Ехал с ямщиком. Разговорились. «Значит, барин, от Пушкина едешь?» — «Да, ездил поклониться могиле его». — «Вот, вишь ты, бывать, его весь уезд знает». — «Какой уезд! Его всюду знают!» — «И в губернии знают?» — «Что в губернии! Его весь мир знает!» — «Неужто и в столице?» — «Да его вся Россия знает, весь мир знает!» — «Скажи ты! А был наш скобарь!»... Ведь поразительно! Такого о Пушкине я еще никогда не слыхала!..

Показывает на книги и письма на тумбочке у кровати и на табурете.

— Вот конверт! Договор прислали, надо подписать.

— Так в чем же дело?

— А в том, что теперь так сложно, за перевод сюда берут огромную сумму. Не знаю, на какую книжку перевести — на ленинградскую или московскую. — Помолчала.

— Все пишут. Вот Виноградов прислал свою новую книжку. Видели?

— Это новое издание его «Стиля»?

— Да нет, только что вышла, новая. Вот, посмотрите, он мне тут написал в книге⁸⁹.

Вежливая дарственная надпись с «уважаемой» и прочими полагающимися словами.

— Пишут и акулы.

— Какие акулы?

Хитро улыбается: — Акулы капитализма, конечно! Вот, почитайте!

Читаю открытку с картинкой древнейшей христианской надписи на камне чуть ли XI века, на обороте — синим карандашом по-русски, — что редактор путешествует по Италии, кто-то благодарит за исправления, видимо, каких-то ошибок в словах — наверное, в стихах ее, попавших к ним через десятки руки. И подпись: Гринберг⁹⁰.

Она поясняет: полусердито о редакторе, который выпустил в Нью-Йорке два раза ее стихи.

— Ну и как издали?

— Да я и в глаза не видела. Разрешения у меня не спрашивали. Обратите внимание на обратный адрес. Видимо, что гостиница, она известна в Риме, что ни улицы, ни номера дома.

— Так же, как и ваш адрес! тут! Ленинград, улица Красной Конницы, Анне Андреевне Ахматовой! Нашли ведь!

Она улыбается, видимо, ей не приходило это в голову.

— А я вам не говорила, пластинка вышла. С теми летними записями.

— Где? Когда?

— Получила письмо из Москвы от Виталия Глебовича Виленкина⁹¹. Пишет, что у него она уже есть, пока в единственном экземпляре. Слушаем, пишет, пока я и мои гости.

— Что же туда вошло?

— Там читает шесть человек. Ольга Федоровна (Берггольц) и еще кто-то.

— Долгоиграющая?

— Да. Обещает тираж в начале января.

— А как получилась?

— Пишет: хорошо. — Помолчала.

Вспоминаю: — Кстати, стихи ваши тоже могут пойти в летних номерах. Об Александре Македонском, их можно рядом с теми, которые вы читали мне летом.

— О «Мелхоле»?

— Да, да, «Мелхола» вместе с «Александром» — стихи одного цикла.

— Что же, это хорошо. Библейское и древняя история, — улыбается⁹². — А я вам не читала? Ну, вам-то можно. — Берет зеленый широкий блокнот⁹³. — Вы поймете. — Перелистывает. Молча читает написанное карандашом, задумывается.

Смотрю на профиль. Лежит на левом боку — так лучше падает свет потолочной лампы. Нос горбинкой, тяжелый подбородок, большое расплывшееся лицо.

Читает громко, нараспев, как всегда. Не знаю, слышат ли ее три соседки по палате, но если и слышат — не удивляются, наверное, привыкли, но думаю, все-таки ничего не понимают ни в ее стихах, ни вообще — мол, у каждой больной свои причуды. В стихах упоминается «бузина» и в конце, последнее: «Марина»⁹⁴.

— Понятно кто? — спрашивает.

— Понятно.

— Недавно я тут читала «Тарусские страницы». Видели?

— Это Паустовского издание? Еще нет.

— Там есть и Паустовский. Там многие⁹⁵. Марина Цветаева пишет, как ей понравилось одно место около Тарусы. Я хотела бы, говорит она, где бы я ни умерла, чтоб тут положили камень и написали: здесь хотела быть похороненной Марина Цветаева⁹⁶. А дальше страшная глупость!

— Конечно, — говорю, — когда я услышал о бузине, я сразу подумал о ней. Вы помните, у нее есть стихотворение, оно все как бы на одном выдохе, а выдох — одно слово «рябина»?

— Да, да. Это лучшие ее стихи. Я отлично помню. Это все в том же сборнике (? проверить)⁹⁷.

— Я этого сборника не знаю, только одно-два стихотворения, видимо, из него.

Смотрю невежливо на часы и прошу извинения.

— К сожалению, время истекло. Сейчас уже семь, и я боюсь вас утомить, да, пожалуй, меня сейчас и попросят отсюда. Когда будет корректура, тотчас постараюсь привезти, и вы еще успеете внести свои правки. Это будет в конце декабря. Может быть, и новое еще напишете.

— Не видно пока, что я скоро встану. Да и врачи не позволяют брать в руки перо. Пока только позволили вставать. Сначала меня водили за руки, а теперь два раза я двигалась самостоятельно до окна и обратно. У меня двое врачей: лечащий врач и заведующая отделением. Лечащий говорит: это естественно, что левая сторона мне кажется тяжелее. А заведующая отделением говорит: «Этого не должно быть». А я лежу горизонтально, как море.

Помолчала.

Я поражен этим сравнением.

— А вы знаете, Лев Николаевич защитил диссертацию.

— Знаю. Сейчас он в Ленинграде?

— Да, здесь.

— А как Анечка? Сдала экзамен по античной истории?

— Сдала и еще сдает.

— Когда я прошлый раз заезжал за рукописью на улицу Ленина, видел только Романа Альбертовича. Он сказал, что Ирина Николаевна⁹⁸ уже приехала с Сиверской. Анечки я не видел. А дверь мне открыл какой-то молодой человек, мне неизвестный.

— Это муж Ани, — с легкой улыбкой отвечает.

— Она уже замужем? Когда она успела?

— Она вышла замуж в восемнадцать лет.

— А кто муж?

— Молодой художник⁹⁹. Еще учится. Уже так разрисовал двери, что, кажется, человек со вкусом¹⁰⁰...

— Еще раз извините, желаю вам... — и я прощаюсь.

26 дек. [1961]. В больнице. 6 ч. 15 мин. — 7 ч. 5 мин.

Ей принесли пшеничную кашу. Видимо, каша ей надоела, и она не стала ее есть, попросила унести. Подали кружку кофе, ей тоже не хотелось его пить, она отказалась. Нянечка невозмутимо ответила: «Что ж, что прописано, то и носим».

Рассказывает: получила письмо от Гали Корниловой из «Литературной»¹⁰¹, предупреждающей о статье Льва Никулина по поводу американского корреспондента Алана Уильямса, напечатанного в одной газете свое интервью с Ахматовой¹⁰². Статья Л. Никулина действительно была напечатана в «Литературной газете» 28 декабря 61 г. в №153 в связи с выходом сборника стихотворений А. Ахматовой — А. Ахматова. Стихотворения (1909-1960). После словие Ал. Суркова. Государственное издательство художественной литературы. 1961; в конце статьи Никулин тактично и мягко указал на ошибки и отсебятину Алана Морей Уильямса, допущенные им в своем интервью.

Показывает библиографию, составленную Пушкинским Домом по просьбе одной зарубежной библиотеки и присланную ей — то ли для того, чтобы проверить, или для того, чтобы получить ее санкцию, разрешение. Библиография — отпечатана на пиш. машинке и занимает три страницы. Говорит: — Плохо составлена, и не все сюда вошло. Брюсова статья обо мне. Двадцать второго года есть, а шестнадцатого года — нет¹⁰³. У меня дома есть более полная библиография.

О своем «Слове о Пушкине» читала. — Я послала в Москву стихи — «Мелхолу», «Бузину», «День Александра». У вас в «Звезде», вы сказали, будет напечатано в июне. (Читает еще «только вам лично», читает о детях у памятника Пушкина. Но как к «Слову...» в «Литературную»).

В это время в палату входит Роман Альбертович — муж падчерицы Анны Андреевны (дочь Пунина) с двенадцатым номером «Нового мира» в руках.

— Вы незнакомы, еще не читали? — протягивает он ей журнал. Она с удивлением берет в руки журнал, приподнимается. Садится на [постели?].

— Вот, вот, на этой странице! — угодливо подсказывает он, открывает указываемую страницу.

Она молча читает. Замерла. Мы тоже молчим. Наконец она прочитала. Подняла на нас глаза и сказала с улыбкой и с удивлением одно только слово: «Потрясающе!»¹⁰⁴

Я ничего еще не знаю, поэтому ничего не могу сказать. А он доволен, доволен, что первый принес эту весть.

— Я как увидел, тотчас решил ехать к вам! — говорит он и уже не скрывает своего тщеславного удовлетворения: зачем, мол, ждать, когда обрадуют другие, приятные известия всегда приятно и доставить; его болтливые мягкие движения вежливы и благо-расположенны.

И первое, что она говорит:

— Скажете завтра же Леве. Хотя он в библиотеке, ничего не читает, кроме того, что ему нужно для своей работы.

— Простите, в какой он библиотеке работает? — спрашиваю.

— В Эрмитаже. Завтра же пошлю Аню к нему, — говорит Роман Альбертович.

— Нет! — возбуждаясь, говорит она постепенно, как будто только сейчас начинает доходить до нее весь смысл опубликованного. — Ведь это ж и реабилитация Гумилева... — и, помолчав, ко мне: — Когда будете его печатать, дам его стихи, у меня много его неопубликованных. — Помедлила, собираясь с мыслями и чувствами. — Это для меня! — И приложила руку к сердцу. — Я не буду спать сегодня! — говорит она с улыбкой, как будто поняв все то, что прочитала, и вдруг глаза ее завлажнели.

Роман Альбертович улыбается: — Ах, вам нельзя волноваться, я совсем забыл. Я думал, вы уже знаете.

И будто спохватившись, она быстро произносит: «Спасибо вам, Роман Альбертович!» и рассказывает: — Да, я была у Федина два раза, когда он лежал в Кремлевской больнице¹⁰⁵. Привозила все документы, и от Артамонова¹⁰⁶ и от... (ученые, профессора, знавшие Л.Н.Гумилева как молодого ученого), мы с ним говорили, он обещал сделать, что мог... — Она то надевает свои роговые очки, то снимает, потом перекладывает книги с табуретки на столик — с тумбочки и потом через несколько секунд обратно. И все это не замечая, машинально. Она необычно оживлена, возбуждена. И только тут вдруг замечаю, что она уже не лежит, а сидит на постели.

Говорит: — Мне последние дни гораздо лучше. Я похудела на шесть килограммов, и врач меня похвалила.

8 января 62 г. А.А. выписали из больницы.

10 января 62 г., в среду, к А.А. на ул. Ленина ездила И[да] Моисеевна¹⁰⁷.

— Вы были у меня в больнице? Я могу внести вас в список моих посетителей — вы пятьдесят девятая. Москвичей — куда!

3 апреля 62 г. На улице Ленина, 34.

Разговор идет о стихах и статье о Пушкине, которую она собирается нам дать в «Звезду». Говорит, что после опубликования материала Эммы Григорьевны... в «Новом мире»¹⁰⁸ теперь мне можно воспользоваться этими письмами, у нас с ней было так условлено, я не опубликую этой статьи до тех пор, пока не будет напечатана ее (это, видимо, тот самый таинственный «товарищ»),

об имени которого она не могла до времени говорить и чей материал она должна была учесть при публикации своей статьи «Александрина»). Ведь последние часы Пушкина записаны по часам Жуковским. И Строганов, и тетка, и Полетика все же были, но никто не зашел к нему... Щеголев думал об этой истории со сплетней, обвиняющей Александру, сестру Натали, что она результат маразма, отчасти это так, но все это напето... Бобринская, внучка, не любила меня, а ее дочка, живущая в Лондоне, переводит меня, мои стихи...

— Вот из Рима прислали анкету, отпечатанную по-русски, с пробелами для заполнения, для моих ответов, причем так много вопросов, и таких подробностей автор их требует, что я просто думаю, что он просто хочет, чтобы я за него написала книгу о себе, а он бы ее там издал, — улыбаясь иронически. — Говорят, в Москве обо мне многие пишут, собираются чуть ли не издавать целые книги. И все хотят, чтобы я отвечала на их вопросы. Вот из США Хавен-университет просит у меня автограф стихов и фотографию, у них уже есть откуда-то экземпляр стихотворения «Настоящую нежность не спутаешь...». Ну, конечно, я горжусь, что самый богатый — (с легкой иронией) — американский университет имеет мои автографы... «Знамя» просит прислать им стихи... А на днях пришел посланец от Аджубея... Говорил, говорил... Я спрашиваю: как ваша фамилия? — Анна Андреевна, — отвечает, — вы меня не узнали. Я — Саша Авдеенко. — Боже мой, Саша, как вы выросли, — оказалось, я его давно знаю, с тех пор, как он с одноклассниками-ребятами Ардова играл¹⁰⁹. Словом, все хотят, чтобы я писала! Нет того, чтобы кто-нибудь сказал: «Отдохните, Анна Андреевна!»

Разговор пересказывает: — Георгий Иванов умер в пятьдесят восьмом, последняя книжка его стихов была¹¹⁰...

Спрашиваю, как думает, из чего составит книга прозы.

— Туда войдут мои старые статьи о Пушкине, это, собственно, маргиналии, записанные на полях книги, потом вот «Александрина».

Три года она не подписывает договор на книгу с «Советским писателем» — все что-то не ясно для нее.

Говорит, что готовится однотомник Мандельштама, прекрасный том, приготовленный Вл. Орловым¹¹¹.

Вспоминает, как я добивался у ней статьи этой «Слово о Пушкине», опубликованной в февральской книжке журнала: «Ну, это было гениально...» — и смеется.

5 апреля 62 г.

Рассказывает как о сенсации — ночное французское радио заявило, публикуются (где, когда — ничего не знаю) письма Натальи Николаевны к Дантесу. (Известно, что писем Нат. Ник. не осталось.)¹¹² Дантес говорил другое: он все письма Нат. Ник. уничтожил.

— Я вам сейчас покажу. Будьте добры, вон книгу видите, толстую, «Дуэль и смерть Пушкина».

Достаю с полки книгу П.Щеголева в переплете, старое издание.

— Откройте на странице... Вот Трубецкой пишет: лето проводили на Черной речке, посылали через горничную Пушкиных записочки Наталье Николаевне, и ее ответы — записочки, ничего не значащие. Вот их-то он, видимо, и сохранил. Они и публикуются сейчас.

Затем хочет через меня передать в редакцию какую-то большую статью дочери литературоведа Казанского о Пушкине¹¹³. Зовет Анечку. Просит позвонить Казанской. «Позвони сейчас». — «Хорошо, бабуля!» — отвечает та. Это «бабуля» так странно звучит для меня. Все равно, если какой-нибудь мальчик вдруг сказал [бы], обращаясь к Пушкину, назвал бы его дедушкой: «Хорошо, дедуля!» Впоследствии с этой статьей ничего не вышло — автор отказалась от намерения печатать ее у нас.

12 июня 62 г.

Неожиданно позвонила А.А. На днях приехала из Москвы. Собирается ехать в Комарово, на дачу. В «Новом мире» пойдет кусок из поэмы. Как корректура ее стихов? В номере седьмом идут?

— Да, в седьмом номере, уже все корректуры прошли.

— Я так в Москве всем и говорила: в седьмом номере «Звезды».

6 марта 63 г. На ул. Ленина, 34.

Она выглядит лучше. Чуть похудела, миловидней (под глазами явственной мешочки). Тут же пришел молодой Неман¹¹⁴ — видимо, переводчик, черный, худой, скромный, вежливый, принес две путевки... Судя по обращению с ним, он что-то вроде киндер-фюр аллес или что-то в этом роде для (недомашних поручений) услуг. Посылает его с путевками к Ирине Николаевне — падчерице.

— Почти год я не была в Ленинграде, пробыла все время в Москве. Хочу обрадовать вас. О Замятине Евгении Ивановиче заговорили, пишут о нем, его переводят. У меня там был Роман Якобсон¹¹⁵ и рассказывал об этом. О жене его, Людмиле Николаевне, он ничего не знает (это на вопрос — жива ли она). О Мандельштаме там тоже интересуются, пишут. Чиполлини пишет — это все Сурков рассказывал мне. Что сказать о моей книге. Вот жду приезда Пагирева¹¹⁶ из правления (Ленинградское отделение Союза писателей). Написали такое мне письмо в Москву — хотят издать мою книгу стихов. Но не хочу ни избранного, ни однотомника. Просто я хочу издать седьмую — если по счету — книжку. Чтобы виден был путь. А что выйдет, какая будет книга, когда — ничего сама еще не знаю.

— Это издание, наверное, в связи с вашим [?]-летием!

— Все перепутали. В одной «Лит. энц.» — родилась в 1898, в другой — в 1899, — мол, женщины, скрывают свой возраст, а по паспорту [1889]. Мне на будущий год будет семьдесят пять, но книга, наверное, раньше выйдет, ну, ближе к концу, потому что пока соберется книга, пока пройдет весь процесс издания, так и выйдет или к концу этого или к началу шестидесяти четвертого.

(В начале.) Видели? Нет? — и показывает на толстенную книгу и письмо на машинке, подписанное атташе по вопросам культуры при посольстве государства Израиль в Москве. Книга представляет собой издание собрания европейских поэтов — здесь два Ваших [Так! — *Публ.*] стихотворения. Вам, наверное, безынтересно... на еврейском языке...

Белая бумага, четкий, черный с нажимом шрифт, читается справа налево, перелистываю в обратном порядке — с последней страницы к первой¹¹⁷.

Рассказывает о предстоящей встрече на Ленинских горах¹¹⁸.

— Думаю, по вопросам кинематографа и театра. Твардовский будто бы сказал: сам не уйду из «Нового мира», разве только снимут!

— Еду в Комарово в дом творчества. Насколько? Как и полагается, на двадцать шесть дней. — И тем же естественным, простым и в то же время необыкновенным, содержательным жестом поправляет платок, сползающий с плеч, почти невидимый платок.

Прошу о статье к июню об Александрине и если будут — новые стихи: — Дай бог здоровья вашему ангелу, который нашептывает вам стихи, как вы когда-то, не так давно писали в своем интервью в московской «Вечерке»¹¹⁹!

— А если это не ангел? — шурясь, с улыбкой спрашивает.

— Даже если демон!

Она лукаво смеется.

Входит Анечка. А.А. посылает Неймана к Ирине Николаевне справиться о путевке. Он входит снова: — Ну как?

— Прекрасно!

— Ну вот и хорошо!

(А сопровождать ее в Комарово приедет какая-то дама из Риги). Всего 20-25 минут (15-20 минут, ушел в 7 ч. 20 мин.).

10 апреля 6[3? г.]. На ул. Ленина, 34.

Ждет с минуты на минуту — позвонили — Чепурова¹²⁰ из правления и разговора о книге.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ахматова жила в доме 4 по улице Красной Конницы (кв.3) в 1952-1961. В мае 1961 дом этот пошел на капитальный ремонт, и она получила квартиру в «писательском доме» на улице Ленина (д.34, кв. 23).

² Стихотворный «Отрывок», вписанный Ахматовой в альбом Басалаева 28 сентября 1945, впервые опубликован и прокомментирован Е.Б.Рейном (Вопросы литературы, 1981. №6. С.311-313). Приводим полный текст альбомной записи (факсимильно воспроизведена в кн.: Напельбаум И. Угол отражения: Краткие встречи долгой жизни. СПб., 1995. Между С.96 и 97):

Отрывок
(черн.)

*Ин. Басалаеву на память
о нашем Ташкенте*

.....
Не знала б, как цветет айва,
Не знала б, как звучат слова
На вашем языке,
Как в город с гор ползет туман
И что проходит караван
Чрез пыльный Бешагач,
Как луч, как ветер, как поток.

***

И город древен, как земля,
Из чистой глины сбитый,
Вокруг бескрайние поля
Тюльпанами залиты.

***

Теперь я всех благодарю,
Рахмат и хайер говорю
И вам машу платком.
Рахмат, Айбек, рахмат, Чусты,
Рахмат, Тошкент! — прости, прости,
Мой тихий древний дом.
Рахмат и звездам, и цветам,
И маленьким баранчукам
У черноколых матерей
На молодых руках...
Я восемьсот волшебных дней
Под синей чашею твоей,
Лапислазурной чашей,
Тобой дышала, жгучий сад...
Ахматова.
28 сентября 1945.
Ленинград.

Айбек (наст. имя Муса Ташмухамедов, 1904/1905-1968), *Чусты* (1903-1966) — узбекские писатели. «Рахмат» и «хайер» (*узб.*) — «спасибо» и «до свидания». Баранчук (*узб.*) — мальчик, малыш.

³ В 1926 Басалаев посетил Ахматову в квартире В.К.Шилейко в служебном флигеле Мраморного дворца — ул. Халтурина (Миллионная), дом 5, кв. 12. О первом визите к Ахматовой (1926) Басалаев упоминает в «Записках для себя» (см.: Басалаев И. Записки для себя. Указ. изд. С.369-370).

⁴ Акварельный портрет Ахматовой (1928) работы Николая Андреевича Тырсы (1887-1942) воспроизведен в ее сборнике «Из шести книг» (Л., 1940).

⁵ Переводы А.Ахматовой и Н.А.Заболоцкого вошли в кн.: Сербский эпос. В 2-х тт. М., 1960.

⁶ Речь идет о книге «Стихотворения Анны Ахматовой: 1909-1945» (М.; Л., 1946), почти весь тираж которой был уничтожен в результате Постановления ЦК ВКП(б) от 14 августа 1946. Показанный Басалаеву экземпляр этой книги первоначально принадлежал Александру Михайловичу Еголину (1896-1959) — литературоведу, партийному деятелю, одному из основных участников травли Ахматовой. Впоследствии — поэту Алексею Александровичу Суркову (1899-1983), который подарил его Ахматовой. См.: Латманизов М.В. Разговоры с Ахматовой / Пред., публ. и прим. А.Г.Терехова // Русская литература. 1989. №3. С.73 (здесь вместо А.Еголина ошибочно — В.Ермилов); Чуковская Л. Записки об Анне Ахматовой. Т.2. М., 1997. С.53, 670.

⁷ Речь идет об издании книги «Стихотворения (1909-1960)» (М., 1961).

⁸ Александр Ефимович *Решетов* (1909-1971) — поэт.

⁹ Илья Корнильевич *Авраменко* (1907-1973), Николай Леопольдович *Браун* (1902-1975) — поэты. Три стихотворения Ахматовой были напечатаны в «Звезде» в 1961 (№5. С.146).

¹⁰ Речь идет о публикации «Поэмы без героя» в нью-йоркском альманахе «Воздушные пути» (Кн.2. N.Y., 1961. С.111-152).

¹¹ Корейская классическая поэзия / Перевод А.Ахматовой. М., 1958. Надпись: «Ин. Басалаеву / в знак / душевной приязни / А.Ахматова / 9 февраля / 1961 / Ленинград». Хранится в собрании А.М.Луценко (Санкт-Петербург).

¹² Три стихотворения Ахматовой в 1961 были напечатаны в сборнике «День поэзии» (Л., 1961. С.53-55). В 1960 действительно появилось пять стихотворных публикаций Ахматовой, в том числе и в журнале «Нева» (1960. №3. С.55). *Роберт Иванович Рождественский* (1932-1994), *Всеволод Александрович Рождественский* (1895-1977) — поэты.

¹³ Изложенные здесь сведения крайне неточны. Ахматова познакомилась с Н.Гумилевым в 1903, а в 1910 они поженились, замуж за *Владимира Казимировича Шилейко* (1891-1930) Ахматова вышла в 1918, а не в 1926 и т.д. Отсылаем читателя к «Летописи жизни и творчества Анны Ахматовой», часть 1: 1889-1917, составленной В.А.Черных (М., 1996).

¹⁴ Ахматова комментирует следующий фрагмент «Записок» Басалаева: «Живет Ахматова тесно, неудобно. Окруженная плотно вещами. Обыкновеннейшие столы, стулья, диван. На одном столе белая скатерть. Стол этот, вопреки моде на круглые, — четырехугольный» (Басалаев И. Записки для себя. Указ. изд. С.370).

¹⁵ Речь идет о творческом вечере О.Мандельштама в зале Ленинградской Капеллы 22 февраля 1933. Ср. в «Записках» Басалаева: «И впереди всех, в первом ряду кресел, одинокая, в черном платье, высохшая после болезни, с матовыми руками и лицом Анна Ахматова. Она внимательно слушает и небрежно аплодирует. В антракте она сидит за кулисами с женой Мандельштама и виновато улыбается одними губами» (Басалаев И. Записки для себя. Указ. изд. С.436).

¹⁶ Портрет Ахматовой работы Амедео *Модильяни* (1911) упомянут И.Эренбургом в воспоминаниях «Люди, годы, жизнь» (Новый мир. 1960. №9. С.134). Ахматова встречалась с Модильяни во время двух своих коротких поездок в Париж в мае 1910 и в мае—июне 1911. См. также: Чуковская Л. Записки об Анне Ахматовой. Т.2. Указ. изд. С.429, 746-747.

¹⁷ Е.И.Замятин умер 10 марта 1937. М.А.Булгаков — 10 марта 1940.

¹⁸ К.А.Федин был в Париже в начале 1934 и неоднократно встречался с Замятым, который хлопотал о визе для него (см.: Федин К.А. Дневники и записные книжки: 1928-1968 / Сост., подг. текста и комм. Н.К.Феди-

ной и А.Н.Старкова // Федин К.А. Собр. соч.: В 12 тт. Т.12. М., 1988. По указателю). Е.И. и Л.Н.Замятины поселились у художника Бориса Дмитриевича Григорьева (1886-1939) и его жены Елизаветы Георгиевны на вилле Бориселла в небольшом городке Кань-сюр-Мер (Cagne-sur-Mer) неподалеку от Ниццы вскоре после приезда во Францию (см.: Письма Б.Д. и Е.Г.Григорьевых к Е.И. и Л.Н.Замятыным из собрания Бахметевского архива / Вступ. статья И.А.Доронченкова. Публ. и комм. И.А.Доронченкова и М.Ю.Любимовой // Russian Studies. 1997. Т.2. №3. С.354-367).

¹⁹ Ф.И.Шалпин снялся во французском кинофильме «Дон Кихот» (1932. Режиссер Г.В.Пабст). Факт участия Замятина в создании сценария этого фильма не установлен. В письме к Ю.П.Анненкову от 30 сентября 1932 из Кросс-де-Кань Замятин писал: «Встретился здесь, в студии, со стариком Федором Ивановичем — Дон-Кихотом» (Анненков Ю.П. Дневник моих встреч. Т.1. М., 1991. С.270). Это и предыдущее примечания составлены на основе сведений, любезно предоставленных М.Ю.Любимовой.

²⁰ Николай Николаевич Сидоренко (1905-1981) — поэт, переводчик. Стихотворение Сидоренко, посвященное Ахматовой, «Постепенно обходит, покуда...» напечатано в журнале «Огонек» (1966. №30).

²¹ Ахматова А. Стихи разных лет // Наш современник. 1960. №3. С.178-179.

²² Ахматова комментирует следующий фрагмент «Записок» Басалаева: «Однажды он [Кузмин. — Публ.] вспомнил. Гумилев рассказал ему о новой поэтессе — Анне Ахматовой. Потом познакомил. Она читала стихи. "Длинные стихи, — рассказывал Михаил Алексеевич, — и все одно и то же: поднимаюсь на гору да поднимаюсь". Он вспоминает это весело и как бы мысленно разводя руками перед современной Ахматовой. И в голосе его нежность к ней и любовь» (Басалаев И. Записки для себя. Указ. изд. С.467). Резко отрицательное отношение Ахматовой к Кузмину отразилось в «Поэме без героя» и в ряде ее устных высказываний, зафиксированных мемуаристами. Ср., например: «Меня он терпеть не мог. В его салоне царил Анна Дмитриевна. Я до сих пор узнаю безошибочно людей из салона Кузмина — мне довольно одной фразы» (Чуковская Л. Записки об Анне Ахматовой. Т.1. М., 1997. С.175). Ощущение соперничества — литературного и человеческого — Ахматовой и Анны Дмитриевны Радловой (урожд. Дармолатовой, 1891-1949) возникло в начале 1920-х, причем, по мнению Ахматовой, «ненависть», которую питала к ней Радлова, была обусловлена прежде всего личными мотивами (см.: Лукницкий П.Н. Асумиана: Встречи с Анной Ахматовой. Т.1. Paris, 1991. С.59-60).

²³ В 1923-1939 не вышло ни одной книги Ахматовой, за исключением ее переводов писем П.П.Рубенса (М.; Л., 1933).

²⁴ Имеется в виду резолюция ЦК ВКП(б) «О политике партии в области художественной литературы», опубликованная в «Правде» 1 июля 1925. Речь здесь шла об «антипролетарских тенденциях, наметившихся

в советской литературе» в результате нэпа. Ни одного писательского имени упомянуто не было. Об этом постановлении Ахматова рассказывала Л. Чуковская 20 февраля 1954: «Я узнала о нем только в 27-м, встретив на Невском Шагина. Я тогда, судя по мемуарам, была поглощена "личной жизнью" — так ведь это теперь называется? — и не обратила внимания. Да я и не знала тогда, что такое Ц.К....» (Чуковская Л. Записки об Анне Ахматовой. Т.2. Указ. изд. С.90). С И.Г.Эренбургом Ахматова познакомилась в марте 1924 в Ленинграде. (Сообщено Б.Я.Фрезинским).

²⁵ См.: Жирмунский В. Преодолевшие символизм // Русская мысль. 1916. №12. С.33; Он же. Два направления современной лирики // Жизнь искусства. 1920. 10-11 января; Эйхенбаум Б. Анна Ахматова: Опыт анализа. Пб., 1923; Чуковский К. Ахматова и Маяковский // Дом Искусств. №1. Пб., 1921 (на обл.: 1920). С.23-45.

²⁶ В Ташкенте Ахматова недолгое время жила в общежитии писателей (ул. Карла Маркса, 7), а затем в комнате на ул. Жуковского, 54.

²⁷ В «Записках» Басалаева (четвертая тетрадь, 1932-1938) имеется несколько иронических пассажей о Б.А.Пильняке. В частности, Басалаев заметил, что в одной из статей о Средней Азии Пильняк «утверждал, что Тимур — это полководец, а Тамерлан — это завоеватель, не подозревая, что это одно и то же лицо» (Басалаев И. Записки для себя. Указ. изд. С.430).

²⁸ Речь идет о «Поэме без героя». Михаил Александрович *Зенкевич* (1891-1973) — поэт, переводчик.

²⁹ *Евгений Максимов* — ошибка Басалаева. Речь идет о поэте, литературоведе и критике Дмитрие Евгеньевиче *Максимове* (1904-1987), многолетнем знакомом Ахматовой. В своих воспоминаниях Максимов упоминает о своем присутствии на вечере памяти А.Блока в Большом драматическом театре 7 августа 1946, где с чтением стихов выступала Ахматова (Максимов Д.Е. Об Анне Ахматовой, какой помню // Воспоминания об Анне Ахматовой. М., 1991. С.119). Незадолго перед этим Максимов для газеты «Ленинградская правда» написал рецензию на книгу «Стихотворения Анны Ахматовой: 1909-1945» (М.; Л., 1946) (см. прим. 6). Статья Максимова в печать тогда не попала. Она была опубликована в «Ленинградской правде» спустя 43 года, к столетию Ахматовой (1989. 29 января). Подробнее см.: Серебровская Е. Между прошлым и будущим: Записки свидетеля. Ч.1. СПб., 1994. С.137; То же. Ч.2. СПб., 1995. С.22.

³⁰ Речь идет об эпитафии ко второй части «Поэмы без героя»: «...жасминный куст, / Где Данте шел и воздух пуст», который является измененной цитатой из стихотворения Н.А.Клюева «Клеветникам искусства» (1932). Ср. у Клюева:

Ахматова — жасминный куст,
Обжженный асфальтом серым,
Тропу утратила ль к пещерам,

Где Данте шел и воздух густ,
И нимфа лен прядет хрустальный?

³¹ Ср. в «Поэме без героя» (часть первая, глава третья):

И царицей Авдотьей заклятый,
Достоевский и бесноватый,
Город в свой уходил туман.

³² Речь идет о следующих строках первой части «Поэмы без героя»: «Золотого ль века виденье» (глава вторая) и «И серебряный месяц ярко / Над серебряным веком стыл» (глава третья).

³³ Ср. в «Поэме без героя» (часть первая, глава вторая):

Это он в переполненном зале
Слал ту черную розу в бокале,
Или все это было сном?

³⁴ Третий герой — Всеволод Гаврилович Князев (1891-1913).

³⁵ Цитата из стихотворения Ахматовой «И в памяти черной, пошарив, найдешь...».

³⁶ Строка «И с тобой, ко мне не пришедшим» (в начале первой главы первой части), в ранней редакции — «И вдвоем с ко мне не пришедшим».

³⁷ По поводу баут (упоминаются во второй части, в XII строфе) Ахматова ввела соответствующее примечание: «Баута — в Италии — маска с кашпоном».

³⁸ Речь идет о готовившейся в это время публикации стихотворения Ахматовой в «Звезде» (1961. №5. С.146).

³⁹ Заместитель Аджубея — речь идет либо об А.Авдеенко (см. прим. 109), либо о Валентине Петровиче Гольцеве (р.1909), с начала 1960-х специальном корреспонденте «Известий», с 1965 — редакторе военного отдела этой газеты. В 1964 он принес Ахматовой весть о возможной реабилитации Н.С.Гумилева. Именно о нем, как о человеке, «близком к Аджубею», Ахматова рассказывала М.Латманизову 24 июня 1964. (См.: Латманизов М.В. Разговоры с Ахматовой. Указ. изд. С.85; Чуковская Л. Записки об Анне Ахматовой. Т.3. Указ. изд. С.399, 402; Пунина И. О Валерии Срезневской // Звезда. 1989. №6. С.140). Алексей Иванович Аджубей (1924-1993) — журналист, главный редактор «Известий», член ЦК КПСС, зять Н.С.Хрущева. Всеволод Борисович Азаров (1913-1990) — поэт, прозаик, переводчик, критик; в 1960-е жил в одном доме с Ахматовой.

⁴⁰ Вячеслав Иванович Иванов (1866-1949) принял католичество в марте 1926.

⁴¹ Дмитрий Вячеславович Иванов (р.1912), сын Вяч.И.Иванова от В.К.Шварсалон — журналист, писатель.

⁴² О какой итальянской книге идет речь, выяснить не удалось. Очевидно, имеется в виду издание Европейского сообщества писателей, созданного в 1960 (генеральный секретарь — Джанкарло Вигорелли). Ахматова была известна о принятии в число членов сообщества 21 ноября 1960, и 1 января 1961 ей был выписан членский билет (ОР РНБ. Ф.1073. Ед.хр.18, 19). Андрей Самойлович *Малышко* (1912-1970), Микола (Николай Платонович) *Бажан* (1904-1973) — украинские поэты. Ольга Федоровна *Берггольц* (1910-1975) — поэтесса.

⁴³ Михаил Леонидович *Слонимский* (1897-1972) — прозаик.

⁴⁴ Имеются в виду воспоминания Вс.Рожественского «Страницы жизни» (М.; Л., 1962), публикация которых готовилась в журнале «Звезда», но не состоялась. У Басалаева имелся их текст и, возможно, он ознакомил с ним Ахматову (сообщено Т.В.Рожественской).

⁴⁵ Речь идет об издании: Erenburg I. *Homini, anni, vita*. Vol.1. Roma: Editori Riuniti, 1961. (Сообщено Б.Я.Фрезинским).

⁴⁶ *Наталья Васильевна Крандиевская-Толстая* (1890-1963) — поэтесса. Речь идет об антологии И.С.Ежова и Е.И.Шамурина «Русская поэзия XX века», в которую, впрочем, включены и стихи Н.А.Клюева, истинного автора строк, взятых Ахматовой в качестве эпиграфа к «Поэме без героя» (см. прим. 30).

⁴⁷ *Мария Сергеевна Петровых* (1908-1979) — поэтесса, переводчица.

⁴⁸ Кроме «Наследницы» Пастернак посвятил Ахматовой стихотворение «Мне кажется, я подберу слова...» (1928).

⁴⁹ Сергей Петрович *Бородин* (1902-1974; до 1941 выступал под псевдонимом *Амир Саргиджан*) в 1932 во время ссоры из-за невозвращенного Мандельштамом долга ударил Н.Я.Мандельштам, что послужило причиной разбирательства на третьей инстанции под председательством А.Н.Толстого. Суд вынес двусмысленное порицание обеим сторонам, что привело к ссоре Мандельштама с Толстым и к знаменитой истории с пощечиной (май 1934). Разговор о Саргиджане зашел в связи с чтением Ахматовой «Записок для себя» Басалаева, где эпизод с пощечиной описан: Басалаев И. *Записки для себя*. Указ. изд. С.441.

⁵⁰ Речь идет об издании книги «Стихотворения (1909-1960)», предисловие к которой написал А.Сурков.

⁵¹ Возможно, имеется в виду автобиография для Европейского сообщества писателей (см. прим. 42).

⁵² Восьмитомник Вс. Вяч. Иванова (1895-1963) выходил в Москве в 1958-1960. *Кома* — Вячеслав Всеволодович Иванов (р.1929) — филолог, переводчик.

⁵³ Ср. в автобиографии Вс.Иванова (1924): «Мать, Ирина Семеновна Савицкая, родом из ссыльноколяторжан польских конфедератов, позднее

смешавшихся с киргизами /.../. Отец, Вячеслав Алексеевич, незаконно-рожденный сын туркестанского генерал-губернатора (фамилию запамятовал, кажется, Кауфман) от экономки Дарьи Бундовой» (Иванов Вс. Собр. соч.: В 8 тт. Т.8. М., 1978). В другой автобиографии (1922) писатель называет свою мать казачкой (Там же. С.5).

⁵⁴ *Аня Коган* — имеется в виду художница Нина Иосифовна Коган (1889-1942). Выполненный ею портрет Ахматовой находится в собрании Ольги Иосифовны *Рыбаковой* (р. 1915), инженера, переводчицы, дочери коллекционера Иосифа Израилевича Рыбакова (1880-1938). Ахматова была дружна с семьей Рыбаковых с 1920-х.

⁵⁵ Имеется в виду статья «Гибель Пушкина», напечатанная уже после смерти Ахматовой (Вопросы литературы. 1973. №3. С.207-236).

⁵⁶ Такого цикла у Пастернака нет. Под этим названием Ахматова, по-видимому, объединяет ряд стихотворений из цикла «Стихотворения Юрия Живаго (1946-1953)»: «На Страстной», «Рождественская звезда», «Гефсиманский сад» и др.

⁵⁷ Смысл этой фразы нам остался неясен.

⁵⁸ Речь идет о книге «Стихотворения (1909-1960)». Ахматова подарила ее Басалаеву с надписью: «Ин. Басалаеву / хоть такую / Ахматова / 27 апр. / 1961» (собрание А.М.Луценко).

⁵⁹ Лев Адольфович *Озеров* (р. 1914) — поэт, историк литературы.

⁶⁰ Григорий Иванович *Владыкин* (1909-1983) — литературовед, с 1957 директор Гослитиздата. В интервью, напечатанном в «Литературной газете» (1961. 6 июля), Владыкин, в частности, упомянул о выходе книги Ахматовой.

⁶¹ *Александр Федорович Попов* — по-видимому, врач.

⁶² В 1961 три стихотворения Ахматовой были напечатаны в журнале «Наш современник» (№6. С.138-139).

⁶³ Адольф Адольфович *Урбан* (1933-1989) — критик, литературовед.

⁶⁴ Описание этого эпизода см. также: Чуковская Л. Записки об Анне Ахматовой. Т.2. Указ. изд. С.424. Переводы Ахматовой из *Маро Маркарян* (р.1915) помещены в сборниках Маркарян «Стихотворения» (М., 1955), «Лирика» (М., 1960), «Горная дорога» (М., 1962). См. ее воспоминания об Ахматовой в кн.: Ахматова А. Стихотворения, переводы. Ереван, 1989. *Софронов* Анатолий Владимирович (1911-1990) — писатель, литературный администратор.

⁶⁵ *Анечка* — Анна Генриховна Каминская (р.1939) — дочь И.Н.Пуниной от первого брака.

⁶⁶ Речь идет об издании книги «Стихотворения (1909-1960)». Сведений о Горском не обнаружено, директором Гослитиздата с 1957 был Г.И.Владыкин (см. прим. 60).

⁶⁷ Маргарита Иосифовна *Алигер* (1915-1992) — поэтесса.

⁶⁸ Юрий Павлович *Анненков* (1889-1974) — художник.

⁶⁹ Грампластинка «Поэты читают свои стихи» вышла в 1962. Ахматова читает здесь цикл стихов «Тайны ремесла».

⁷⁰ *Людмила Николаевна Замятина* (урожд. Усова, 1883-1965) — вдова Е.Замятина. Домработница Замятиных — Аграфена Павловна Гроздова (ум. 1942). В «Записках» Басалаева (третья тетрадь, 1932-1938) — иное освещение событий: «Алексею Толстому пришла телеграмма из Парижа: умер Евгений Замятин. Послала жена. Они дружили семьями» (Басалаев И. Записки для себя. Указ. изд. С.469).

⁷¹ Речь идет о следующем издании: Лукницкий П.Н. Ленинград действует...: [Фронтальной дневник]. Кн.1. М., 1961.

⁷² Ахматова была принята вновь в Союз писателей не в 1941, а в 1939, в 1946 исключена, а 19 января 1951 восстановлена.

⁷³ На заседании президиума СП 23 июня 1953 Зошенко было отказано в «восстановлении» и было решено принять его заново как переводчика и автора «Партизанских рассказов». См.: Сарнов Б., Чуковская Е. Случай Зошенко // Юность. 1988. №8. С.76-77.

⁷⁴ Владимир Григорьевич *Адмони-Красный* (1909-1994), поэт, переводчик, литературовед, критик. Жил на ул. Плеханова (дом 8/9, кв. 49).

⁷⁵ Вероятно, имеется в виду статья «Александрина», написанная Ахматовой после «Гибели Пушкина» и являющаяся ее своего рода продолжением в раскрытии роли свояченицы в гибели поэта (впервые опублик.: Звезда. 1973. №2. С.208-213). Сергей Михайлович *Бонди* (1891-1983), Мстислав Александрович *Цявловский* (1883-1947) — литературоведы-пушкинисты.

⁷⁶ Второй Всесоюзный съезд писателей проходил 15-16 декабря 1954. Ахматова была на нем делегатом с правом решающего голоса.

⁷⁷ *Лев Николаевич* Гумилев (1912-1990) — историк, сын Н.С.Гумилева и А.Ахматовой. В 1961 Л.Гумилев защищал докторскую диссертацию по истории, однако не был утвержден в степени. В 1973 он защитил докторскую диссертацию по географии.

⁷⁸ Речь идет о стихотворении «Мелхола», опубликованном впоследствии в «Звезде» (1962. №7. С.94).

⁷⁹ Ахматова находилась в больнице №1 на Васильевском острове с октября 1961 до января 1962.

⁸⁰ Статья Ахматовой об узбекском поэте, публицисте и критике Хамиде *Алимджане* (1909-1944), по-видимому, не была написана. Константин Михайлович *Симонов* (1915-1979) — писатель. Имеется в виду книга его переводов «Голоса друзей» (М., 1960).

⁸¹ Пастернак Б. Стихотворения и поэмы. М., 1961.

⁸² Речь идет о статье «Александрина».

⁸³ Вместо «Александрины» было опубликовано «Слово о Пушкине»: Ахматова А. Слово о Пушкине: [К 125-летию со дня смерти] // Звезда. 1962. №2. С.171-172.

⁸⁴ «Слово о Пушкине» создавалось Ахматовой как заключительная глава к статье «Гибель Пушкина».

⁸⁵ Лидия Яковлевна *Гинзбург* (1902-1990) — литературовед, критик.

⁸⁶ Д.Е.Максимов (см. прим. 29).

⁸⁷ *Николай Николаевич Пунин* (1888-1953) — искусствовед, третий муж Ахматовой.

⁸⁸ Эмма Григорьевна Герштейн, опубликовавшая эту запись Басалаева, прокомментировала ее следующим образом: «Проверить достоверность эпизода с памятником Пушкину оказалось невозможным. Но творческое воображение Ахматовой, затронутое всплывшим в памяти давнишним рассказом Н.Н.Пунина, не успокаивалось. В 1963 году Ахматова написала маленький рассказ "Пушкин и дети". Как видно, он был ей дорог, потому что фигурирует во многих ее планах для разных изданий, иногда в составе "Пестрых заметок". В 1965 году рассказ передавался по Ленинградскому телевидению в авторском исполнении» (Ахматова А. О Пушкине: Статьи и заметки / Сост., послесловие и прим. Э.Г.Герштейн. Горький, 1984. С.348). Рассказ «Пушкин и дети», основанный на описываемом сюжете, был опубликован в «Литературной газете» (1974. 1 мая) и с дополнениями по автографу: Ахматова А. О Пушкине. Указ. изд. С.348-349.

⁸⁹ Виктор Владимирович *Виноградов* (1895-1969) — языковед, литературовед. Вероятно, здесь имеется в виду его книга «Проблема авторства и теория стилей» (М., 1961). Два инскрипта Виноградова, обращенных к Ахматовой (датированных 5 июля 1961), приведены в кн.: Из личной библиотеки Анны Ахматовой: Собрание Ардовых — Толстякова. М., 1989. С.23.

⁹⁰ Роман Николаевич *Гринберг* (1883-1969) — журналист, редактор альманаха «Воздушные пути».

⁹¹ *Виталий Яковлевич Виленкин* (1911-1997) — искусствовед, литературовед, мемуарист.

⁹² Речь идет о стихотворении «Александр у Фив» (впервые: Литературная газета. 1962. 16 января), впоследствии вошедшее в цикл «Античная страничка». В июльском номере «Звезды» (№7. С.94) было напечатано только стихотворение «Мелхола».

⁹³ Имеется в виду записная книжка Ахматовой «Лермонтов».

⁹⁴ Стихотворение «Комаровские кроки», впервые напечатанное в подборке со стихотворением «Александр у Фив» (Литературная газета. 1962. 16 января).

⁹⁵ Альманах «Тарусские страницы» (Калуга, 1961) был издан по инициативе московских писателей во главе с К.Г.Паустовским. В него вошли стихи Н.Коржавина, В.Корнилова, Б.Слуцкого, Д.Самойлова и др., очерки К.Паустовского, Н.Мандельштам (под псевдонимом Н.Яковлева), Ф.Вигдоровой, стихи М.Цветаевой, Н.Заболоцкого и др. Альманах подвергся нападкам в советской прессе. Часть тиража пошла под нож. Второй выпуск «Тарусских страниц» был запрещен.

⁹⁶ См. об этом: Цветаева М. Кирилловны // Тарусские страницы. Калуга, 1961. С.254.

⁹⁷ Речь идет о стихотворении М.И.Цветаевой «Тоска по родине! Давно...», впервые опублик. в «Современных записках» (1935. №57. С.239).

⁹⁸ Роман Альбертович Рубинштейн (1905-1985) — актер, чтец, второй муж Ирины Николаевны Пуниной (р.1921), дочери Н.Н.Пунина.

⁹⁹ Муж А.Г.Каминской — Леонид Александрович Зыков (р.1940) — художник. Они вступили в брак в 1961 (т.е. А.Г. было не 18, а 22 года).

¹⁰⁰ Дверь комнаты, в которой жила Ахматова, была украшена нероглифами и изображением дракона на фоне восточного пейзажа с горой.

¹⁰¹ Галина Петровна Корнилова (р.1928) — журналист, работала в 1960-1962 в «Литературной газете» в отделе литературы.

¹⁰² Статья Алана Морея Уильямса «Russians Republish Poems Banned in 1920's as Exotic» («Русские переиздают стихи, запрещенные в 20-е годы как эротические») (New York Herald Tribune. 1961. 24 пов.). Выдержки из русского перевода этой статьи приводит А.Г.Терехов в комм. к публ.: Латманов М.В. Разговоры с Ахматовой. Указ. изд. С.94.

¹⁰³ Ахматова имеет в виду следующие статьи: Брюсов В. Новые течения в русской поэзии: Акмеизм // Русская мысль. 1913. №4. С.140-142 (3-я pag.); Он же. Вчера, сегодня и завтра русской поэзии // Печать и революция. 1922. №47. С.48-50.

¹⁰⁴ В 1961 в 12-м номере «Нового мира» (С.195) было опубликовано письмо А.А.Фадеева в Главную военную прокуратуру от 2 марта 1956 с просьбой ускорить рассмотрение дела Л.Н.Гумилева (публикация С.Преображенского).

¹⁰⁵ В машинописной копии настоящего текста, снятой Э.Герштейн, имеется ее примечание к этим словам Ахматовой: «А мне кажется, один раз. Э.Г.».

¹⁰⁶ Михаил Илларионович Артамонов (1898-1972) — археолог, в 1951-1964 был директором Эрмитажа.

¹⁰⁷ Ида Моисеевна Наппельбаум свой визит к Ахматовой в квартиру на улице Ленина описала в мемуарах: Наппельбаум И. Угол отражения. Указ. изд. С.82-83.

¹⁰⁸ Речь идет о статье Э.Г.Герштейн «Вокруг гибели Пушкина» (Новый мир. 1962. №1, 2).

¹⁰⁹ *Александр Авдеенко* — вероятно, сын прозаика и драматурга Александра Остаповича Авдеенко — журналист, был специальным корреспондентом Агентства печати «Новости». Опубликовал интервью с Ахматовой (см. прим. 118). «Ребята Ардовых» — Михаил (р.1937) и Борис (р.1940), сыновья Виктора Ефимовича и Нины Антоновны Ардовых; Алексей Владимирович Баталов (р.1928) — сын Нины Антоновны Ардовой от первого брака.

¹¹⁰ Последний сборник стихов Г.В.Иванова — «Портрет без сходства» (Париж, 1950).

¹¹¹ Мандельштам О. Стихотворения / Вступ. статья А.Л.Дымшица. Комм. Н.И.Харджиева, Л., 1974 (Библиотека поэта. Большая серия). Работа над этим изданием началась в 1962. Владимир Николаевич Орлов (1908-1985) был главным редактором серии. Об истории этого издания см. комм. А.Г.Терехова к публ.: Латманизов М.В. Разговоры с Ахматовой. Указ. изд. С.91.

¹¹² Такой публикации не существует.

¹¹³ Татьяна Борисовна Казанская (1916-?) — дочь Бориса Васильевича Казанского (1889-1962). Казанские жили в писательском доме на ул. Ленина этажом ниже Ахматовой. О какой статье Т.Б.Казанской идет речь, нам неизвестно.

¹¹⁴ Имеется в виду Александр Генрихович Найман (р.1936) — поэт, переводчик, в 1962-1966 был секретарем Ахматовой.

¹¹⁵ Роман Осипович Якобсон (1896-1982) — литературовед.

¹¹⁶ Глеб Валентинович Пагирев (1914-1986) — поэт.

¹¹⁷ По-видимому, речь идет об издании на иврите: [Современные русские повести. Тель-Авив, 1962], где в переводе Мордехая Севера были помещены ахматовские стихотворения «Летний сад» и «Отрывок» (С.110). Сообщено Р.Д. Тименчиком.

¹¹⁸ Речь идет о встрече руководителей партии и правительства с деятелями советской культуры 7-8 марта 1963, во время которой Н.С.Хрущев выступил с нападками на интеллигенцию.

¹¹⁹ Имеется в виду следующий фрагмент статьи А.Авдеенко (см. о нем прим. 109) «Мир поэзии: В гостях у Анны Ахматовой» (Вечерняя Москва. 1962. 2 марта):

«— А сейчас Вы работаете над стихами?

— Никогда в жизни этого не делала. Мне всегда казалось, что кто-то стоит за моей спиной и диктует стихи. Иначе, по-моему, писать невозможно».

¹²⁰ Анатолий Николаевич Чепуров (1922-1990) — поэт.

ANNEX

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН*

- *А.Г. 356
 Абрамов В.П. 448
 Абрикосов А.И. 450
 Аввакум Петрович 274
 Авдеев А.А. 567, 579, 587, 593
 Авдеев А.О. 593
 Аверинцев С.С. 180
 Аверченко А.Т. 55, 397
 Авраменко И.К. 563, 584
 Агафонов В.К. 322-324, 332, 333, 338, 339
 Аггеев К.М. 43, 144
 Агнивцев Н.Я. 372, 378
 Агурский М. 168
 Адамович Г.В. 407, 541
 Аджубей А.И. 567, 579, 587
 Адлер Б.Ф. 103-105, 155
 Адмони-Красный В.Г. 571, 590
 *Адуев Н.А. 354, 356
 Азадовский К.М. 407
 Азаров В.Б. 567, 587
 Азов В.А. 397
 *Азовский А. 355, 362, 368
 *Айбек 562, 566, 583
 Айвазовский И.К. 145
 Айзеншток И. 438
 Айналов Д.В. 7, 116, 117, 157
 Аксаков И.С. 263
 Александр II, имп. 256, 410
 Александр III, имп. 58, 136
 Александр Македонский 575
 Александра Федоровна, имп. 72
 Александрова Е.В. 158
 Алексеева К.Н. см. Бугаева К.Н.
 Алексеева Н. 446
 Алексей Михайлович, царь 279-281
 Алексинский Г.А. 257, 258
 Аленникова Н.С. 402, 403
 Алигер М.И. 570, 590
 Алимджан Х. 572, 590
 Аллой В.Е. 159-203
 Аллой Р.Г. 179, 180, 182-184, 187, 189-192, 198
 Альтман Н.И. 26, 31, 32, 63, 64, 137, 393, 414
 Амфитеатрова А.В. см. Пассек
 Ананьич Б.В. 154
 Андерсен Х.К. 22, 432
 Андерсон П.Ф. 163
 Андреев Л.Н. 44, 45, 144, 444
 Андреева М.Ф. 416
 Андронникова-Гальперн С.Н. 416
 Анисфельд Б.И. 23, 135, 136, 387, 402
 Анна Иоанновна, имп. 220
 Анненков Ю.П. 141, 570, 585, 590
 Анненкова О.Н. 524
 Анненковы, семья 524
 Анненский В.И. см. *Кривич В.
 Анненский И.Ф. 126, 128, 158, 534
 Антонович В.Б. 208, 247
 Анциферов Н.П. 15, 157
 *Анэ К. 544, 556
 Аполлинер Г. 551, 559
 Апухтин А.Н. 353, 374, 376
 Арапов А.А. 137

* Курсивом выделены номера страниц, где соответствующее лицо выступает как автор или публикатор. Звездочкой (*) отмечены псевдонимы или криптонимы.

- Аргаров (Архаров), сотр.
 Наробраза 64, 66, 67, 73, 147
 Ардов Б.В. 579, 593
 Ардов В.Е. 579, 593
 Ардов М.Б. 579, 593
 Ардова Н.А. 593
 Ардовы, семья 591
 Арендт Х. 300
 Аристофан 545, 557
 Аррениус С. 325
 Аросев А.Я. 155, 156
 Артаксеркс 142
 Артамонов М.И. 578, 592
 *Аскольдов С.А. 196
 Ауслендер С.А. 405, 414
 *Ахматова А.А. 30, 31, 37, 145,
 148, 381, 383, 393, 398, 406, 407,
 409-411, 413-415, 417, 535, 561-593
 *Аш см. Шайкевич А.Е.
 Бабель И.Э. 16
 Багалея Д.И. 208, 232, 246, 247
 *Багрицкий Э.Г. 451, 452
 Бажан М. (Н.П.) 567, 588
 Бажанов, студент 209
 Базанова Д.В. 349
 Базилевский В. 402
 Байков И. 180-184
 Байрон Дж.Н.Г. 511
 Баккар, ювелир 321
 Бакст Л.С. 21, 22, 70, 97, 134,
 135
 Бакунин Мих. Алексеевич 298
 Бакунина С.М. 298
 Бакушинский А.В. 14, 84, 85,
 150
 Балестриери Л. 17, 131
 Балиев Н.Ф. 404
 Бальзак О. де 511
 Бальмонт К.Д. 322, 372, 408, 468
 Барабанов, чиновник посольства
 41
 *Баранов-Россинэ В.Д. 63, 147
 Баранова-Шестова Н.Л. 196
 Барбюс А. 72, 94, 95, 148
 Бардо Л. 547, 558
 Барсуков Н.П. 279, 280, 282
 Басалаев И.М. 561-562, 562-582,
 582-593
 Батайль А.Ф. 551, 559
 Баталов А.В. 579, 593
 Бауман К.Я. 311, 319, 320, 326
 Бауэр, виноторговец 417
 Бах И.С. 363, 368
 Бахметев Б.А. 338, 340
 Бахрах А.В. 175, 339, 340
 Бахтин В.С. 384
 Башкиров Б.Н. 354, 356, 363
 *Баян В. 345-349, 349-378, 378-
 380
 Бебель А. 474
 Бебутова-Кузнецова Е.М. 95,
 142
 Безыменский А.И. 431
 Бейли Дж. 174
 Бекетова М.А. 527
 Беккер Ж. 558
 Беклин А. 17, 131, 132
 Белинский В.Г. 299
 Белов Н.В. 296
 Белоус В.Г. 419-447
 Белоусов В.В. 333
 *Белый А. 191, 193, 420, 422-426,
 428-432, 435, 437, 438, 440-529
 Бем А.-Г. 232, 233
 Бенедиктов В.Г. 372
 Бенешевич В.Н. 233
 Бенксендорф А.Х. 571
 Бенау А.А. 18, 62, 132, 147
 Бенау А.К. 18, 132
 Бенау А.Н. 14, 17-20, 24, 26, 61,
 62, 97, 112, 132-136, 138, 147, 157
 Бенау Е.А. 18, 62, 132, 147
 Бенау Н.А. 18, 132
 Бенау П. 550, 559
 Берберова Н.Н. 175, 403
 Берг Б.Г. 392, 408, 410
 Берг Г. 410
 Берг Л.С. 310
 Берг П.О. см. Богданова-Бель-
 ская П.О.
 Берггольц О.Ф. 567, 575, 588
 Бергсон А. 333, 334
 Березняк, типограф 169

- Берлин И. 416
 Бернардацци А.А. 387, 398
 Бернардацци Е.А. 386, 387
 Бернацкая С.Ф. 319, 325
 Берникова В.В. 348
 Бернштейн З.И. см. Лилина З.И.
 Бернштейн И.И. см. *Ионов И.И.
 Бери А. 550, 559
 Бетаки В.П. 175
 Бетховен Л. ван 17, 32, 131, 459
 Билибин И.Я. 23, 134-136
 Бион 289
 Блок А.А. 9, 14, 37, 46, 60, 63, 137, 145, 146, 398, 408, 428, 429, 432, 440, 441, 445, 446, 470-473, 477, 487, 498, 522-524, 526-528, 533, 534, 565, 566, 569, 586
 Блок Л.Д. 146, 398, 454, 471-475, 498, 522, 523, 527, 528
 Блос В. 279
 Блох Я.Н. 538, 539
 Блохи, семья 535, 541
 *Бобищ см. Романов Б.Г.
 Бобович Б.В. 355, 362, 368, 372
 Боборыкин П.Д. 444
 Богаевский К.Ф. 23, 135, 136, 138
 *Богданов А.А. см. Малиновский
 Богданова-Бельская П.О. 381, 391, 392, 405-408, 410, 415
 Богданович А.И. 7
 Богомолов, диктор 361
 Богомолов Б.Д. 352, 354-356, 358, 361, 362, 364, 365, 367, 372, 378
 Богомолов Н.А. 296, 405, 537
 Боденгаузен К. де 17, 131
 Бодлер Ш. 9, 551
 Боже, бухгалтер 193
 Бойчук М. 223
 Большаков К.А. 374, 379
 Бомаш, сотр. Севпроса 78, 79
 Бонамур Ж. 199
 Бонгардт-Левин Г.М. 308
 Бонди С.М. 571, 590
 Бонч-Бруевич В.Д. 432
 Бор Н. 33, 140
 Боратынский Е.А. 9, 14
 Борель Э. 323, 324
 Борзяк, студент 209
 Борис Годунов 392, 547, 558
 Борисов-Мусатов В.Э. 29
 Бородин С.П. 568, 588
 Боссуэл Дж. 282, 283
 *Боттичелли С. 22
 Боулт Дж. 382, 406
 Боханов А.Н. 416, 417
 Брагинская Н.В. 299
 Браз О.Э. 33, 134, 136, 140
 Брак Ж. 36, 142
 Браславская Е.А. см. Бенуа Е.А.
 Браун Н.Л. 563, 584
 Браун Ф.А. 334, 337
 Брешко-Брешковский Н.Н. 135
 Бриан А. 309
 Брик Л.Ю. 345, 349, 350, 360, 367, 549, 556, 558
 Брик О.М. 556, 558
 Бринкман А.Э. 116, 120, 156
 Бродский И.А. 177
 Бродский И.И. 97, 139, 153
 Брокгауз Ф.А. 57
 Бромирский П.П. 137
 Бронштейн О.Д. см. Каменева О.Д.
 Бронштейн С.Ю. см. *Семковский
 Брэ И. де 551
 Брюн де Сент-Ипполит В.А. 230
 Брюсов В.Я. 470, 472, 476, 487, 522, 523, 577, 592
 Бубнов А.С. 13, 97, 98, 152, 153, 314, 316
 Бугаев В.В. 478, 479, 524
 Бугаев Г.В. 478, 479, 524
 Бугаев Н.В. 458-463, 465, 467-471, 478, 479, 489, 520, 521, 524
 Бугаев О.Г. 478, 524
 Бугаева А.Д. 458-463, 465, 467, 469, 471, 476, 479, 520, 522, 524, 525
 Бугаева К.Н. 422-424, 426, 428-430, 439-442, 445, 448-450, 453-455, 460-464, 466, 470-475, 478, 481, 485, 486, 489, 492, 497-499, 508, 511, 516, 524-529

- Буковский В.К. 171, 178, 188,
 189, 200
 Булгаков М.А. 564, 584
 Булгаковы, семья 307
 Булич С.К. 276, 277
 Бундова Д. 589
 Бунин И.А. 72, 321
 Буржуа Ж.-М. см. *Мистангетт
 Бурлюк В.Д. 138
 Бурлюк Д.Д. 138, 346, 349, 351,
 354, 356, 359, 364-366, 372
 Бурлюк М.Н. 346
 Буромская-Морозова Е.М. 522
 Бурцев В.Л. 257
 Бутковская Н.И. 395, 417
 Бухарин Н.И. 314, 316, 330
 Бучинская Н.А. см. *Тэффи Н.А.
 Буш В.В. 428, 432, 433
 Бушен Д.Д. 117, 157
 Бычков В.П. 29, 139
 Бэттен Д. 148
- *В.К. 395
 Вавилов Н.И. 309
 Вагнер Н.П. 521
 Вайли Ш. де 156
 Вайнер Л. Я. 141
 Вайнрайх М. 300
 Валери П. 551, 559
 Валь А. 279
 Варжапетян В. 383
 Василенко Н.П. 269, 271
 Василий, архиеп. (Кривоше-
 ин В.А. 167
 Васильев А.А. 230
 Васильев В.А. 141
 Васильев О. 135
 Васильев П.Н. 524
 Васильев С. 331
 Васильев С.А. 416
 Васильева К.Н. см. Бугаева К.Н.
 Василько М. 211
 Васнецов А.М. 133, 135
 Васнецов В.М. 93, 94, 152
 Ватагина М.И. 403
 Вебер М. 287, 288
 Вейдле В.В. 117, 157, 175
- Вейсберг Ю.Л. 425
 Вейс П.Э. 323, 324
 Венгеров С.А. 444
 Веневитинов Д.В. 348, 352, 355,
 371
 Вениамин, митр. (Казанский В.П.)
 279
- *Венский Е. 361, 362, 367
 Верейский Г.С. 129, 158
 Верещагин В.В. 19, 20, 133
 *Верин Б. см. Башкиров Б.Н.
 Верн Ж. 462, 507, 521
 Вернадская Н.В. см. Толль Н.В.
 Вернадская (урожд. Ильин-
 ская Н.В.) 307, 315, 316
 Вернадская Н.Е. 302-305, 310,
 314, 315, 329-332, 340
 Вернадские, семья 298, 300, 330,
 342
 Вернадский В.И. 230, 251-253,
 295-300, 301-342
 Вернадский Г.В. 295, 297-342, 383
 Верник И.И. 163, 165
 Вертинский А.Н. 418
 Верховский В.Н. 116, 156
 Верховский Ю.Н. 156
- *Вехин см. Ховин В.Р.
 Виардо П. 290
 Вигдорова Ф.А. 592
 Вигорелли Дж. 588
 Виленкин В.Я. 562, 575, 591
 Вильгельм II, имп. 257, 273, 284
 Вильдрак Ш. 551, 559
 Вилькорейский Ф. 127
 Вильямс П.В. 141
 Вильямс Ф. 192
 Виноградов А.П. 303, 309, 317,
 318, 320, 334
 Виноградов В.В. 574, 591
 Виноградов М.Л. 153
 Виноградов Н. 145
 Виноградов П.Г. 287, 288
 Виноградов С.А. 28, 133, 139
 Виноградова Л.Д. 320
 Виснапу Э. 348
 Витте С.Ю. 250
 Владимир I Святославович 209

- Владимир Михайлович, вел. кн. 77
- Владимировы, семья 525
- Владыкин Г.И. 569, 589
- Вламинк М. 154
- Водов С.А. 175, 194
- Водовозов В.В. 298
- Войнович В.Н. 166, 177, 188
- Волгин В.П. 303, 305, 310, 331
- Волков Н.Д. 403
- Волконская М.Н. 392
- Волконский С.М. 392, 408-411
- Волошин М.А. 500, 528
- Волошина М.С. 500, 528
- *Вольтер 287
- Вольтерр Л. 558
- Вольф М.О. 371, 373
- Воронов Е.П. 308, 315, 316
- Воронцов В.П. 274, 275
- Ворошилов К.Е. 335
- Вортман Р. 300
- Воскресенская Е.В. 291, 292
- Воскресенская Н.В. 266, 293
- Воскресенские, семья 267, 268, 289
- Врангель Н.Н. 117, 157, 383, 409, 410
- Врангель П.Н. 297, 298, 379
- Врубель М.А. 27, 28, 138
- Выборнова, сотр. музея 107, 114
- Выговский И.Е. 253, 254
- Вырубов Н.В. 173
- Высотская О.Н. 381, 397
- Вышнеградская Е.А. см. Бенау Е.А.
- Вялов К.А. 141
- Гаген-Торн Н.И. 426, 429
- Гайдабура В. 536
- Галанина Ю.Е. 381
- Гальм Г. 259
- Гальперн А.Я. 381, 394, 416
- Гальперн Я.М. 416
- Ган О. 307, 321
- Ганди И. 100
- Гарбер Х.И. 331
- Гарнак А. 287, 288
- Гарош, врач 536
- Гарэтто Э. 523
- Гаузенштейн В. 118, 157, 158
- Гауэнер Ж. 418
- Гауф К. 436
- Гауш А.Ф. 138
- Гейгер Х. 124
- Гейзенберг В. 140
- Гейне Г. 428, 431, 460
- Гейнсборо Т. 66, 147
- Гейссер Л. 279
- Геккери де Беверваард Л.-Б. 571
- Геллер М.Я. 175, 177
- Георгович Л. 347
- Гераклит 158
- Герасимов С.В. 35, 141
- Геродот 279
- Герцен А.И. 10, 129, 281, 423
- Гершензон М.О. 85, 150
- Гершман К. 200
- Герштейн Э.Г. 562, 572, 578, 591-593
- Гессен И.В. 167
- Гете И.В. 334, 337, 428, 431, 460, 475, 512, 529
- Гибшман К.Э. 391, 404, 405
- Гидулянов П.В. 276, 278
- Гиз Ф. 368
- Гильдебранд А. фон 80, 149
- Гинзбург А.И. 171-173, 176-179, 185, 186, 202
- Гинзбург И. 134
- Гинзбург И.С. 172, 173, 176, 177, 179, 184-186, 202
- Гинзбург Л.И. 172, 179
- Гинзбург Л.Я. 573, 591
- Гиппиус З.Н. 42-44, 144, 407, 408, 441, 446, 470, 522
- Гирич И. 298
- *Гитлер А. 300
- Гладков Ф.В. 432, 518
- Глебова-Судейкина О.А. 393
- Глезер А.Д. 170, 171, 177, 179
- Глезер М. 170
- Гнатюк В.М. 213

- Гнедов В.И. 348, 369-371
 Говоруха-Отрок Ю.Н. 444
 Гоген П. 20, 21, 134, 404
 *Гоголь, сотр. ДП 209
 Гоголь Н.В. 78, 431, 432, 439, 441, 443, 446, 447, 463, 465, 506, 511, 521, 525, 529
 Гойхбарг А.Г. 284, 285
 Голдберг А. 177
 Голлербах Э.Ф. 535
 Головань В.А. 80, 149
 Головачева Е.А. см. Нагродская Е.А.
 Голубев А.В. 156
 Голубкина А.С. 29, 94, 139
 Голубовский П.В. 208
 Гольдшмидт В.-М. 307
 Гольстрем А. 135
 Гольцев В.П. 567, 587
 Гольштейны, семья 307
 Гончарова А.Н. 579, 581, 590, 591
 Гончарова Н.Н. 579, 580
 Гончарова Н.С. 18, 30, 136, 408
 Горбаневская Н.Е. 175, 188, 192, 195
 Горбунов Н.П. 308, 311, 317, 319, 321, 325, 332
 *Горев Ф.П. 521
 Горемыкин И.Л. 252
 Горнфельд А.Г. 428, 429, 431, 432, 435
 Городецкий С.М. 392, 406, 413
 Горский, сотр. изд-ва 570, 589
 *Горький А.М. 11, 13, 18, 44-46, 98, 103, 105, 106, 132, 144, 145, 153, 154, 329, 341, 342, 428, 433, 437, 438, 443, 451, 568
 Готье, издатель 323
 Гофман Е.М. 391
 Гофман Э.Т.А. 79, 110
 Гофмансталь Г. 135
 Грабар А.Н. 117, 157
 Грабарь В.Э. 263-294
 Грабарь И.Э. 36, 134, 137, 141, 263, 264, 266, 270
 Грабарь О.А. 263
 Грабарь Э. 263
 Грабарь-Пассек М.Е. 266-268, 277, 289-294
 Градовская см. Шахматова Н.А.
 Гревс И.М. 117, 157, 268, 270, 275-277, 284, 289, 290
 Гревс М.С. 276, 277
 Греков Б.Д. 283, 284
 Греч Н.И. 148
 Гречишкин С.С. 446, 523
 Грианова А. 355, 362, 368
 Григ Э. 468
 Григорьев Б.Д. 26, 31, 137, 138, 564, 585
 Григорьева Е.Г. 585
 Григорьева О.Г. см. Тарле О.Г.
 Grimm Д.Д. 230, 258, 259, 269, 270, 284, 285
 Grimm Э.Д. 269-271
 Гринберг, фр. живописец 17, 131
 Гринберг Р.Н. 574, 591
 Гриневецкий В.И. 336-338
 Гринер В.А. 411
 Гроздова А.П. 571, 590
 Гроот Г. де см. *Гроций Г.
 Гросс Э.В. 407, 408
 *Гроций Г. 290
 Груздев И.А. 435, 438
 Грузенберг О.(И.)О. 394, 417
 Грузенберг С.О. 394, 417
 Грушевская М.С. 222, 223, 228
 Грушевский А.С. 216-218, 221, 222, 227, 228, 242, 246
 Грушевский М.С. 207-262
 Грюнберг М.Г. 23, 135, 136
 Грюнберг Ю.О. 136
 Губкин И.М. 309
 Гулевич В.С. 451
 Гумилев Л.Н. 566, 571, 576, 578, 590, 592
 Гумилев Н.С. 46, 58, 140, 145, 167, 368, 392, 393, 406-408, 410, 413, 416, 564, 568, 578, 584, 585, 587, 590
 Гурвич А.Г. 310
 Гурвич Г.Д. 280
 Гуревич А.Я. 60, 75, 76, 83, 146

- Гуревич Л.Я. 146
 Гуревич-Крюковский Я.Г. 398
 Гуро Е.Г. 138
 Гусев Н.Н. 102, 155
 Гюго В. 50
 Гюнтер И. фон 541
- Даль В.И. 506
 Д'Альгейм П.И. 474, 523
 Данилов В.А. 43, 44, 144
 Данилов О. 207
 Данте А. 290, 570, 586, 587
 Дантес (Геккери) Ж.-К. 580
 Даныо Е.Я. 432, 433
 Даран Д.Б. 98, 154
 Дармолатов Д.И. 416, 534
 Дармолатова А.Д. см. Радлова А.Д.
 Дармолатова В.Д. 416, 534
 Дармолатова М.Н. 416, 534
 Дармолатова Н.Д. 416, 534
 Дармолатова С.Д. см. Лебедева С.Д.
 Дармолатовы, семья 394, 416, 534
 Дашкевич Я. 298
 Деборин А.М. 311, 331
 Дебюро Ж.Б.Г. 72, 148
 Дега Э. 36
 Дегио К.К. 273, 274, 277, 278
 Дедюлин С.В. 192
 Дейбель Е. 465
 Дейкарханова Т.Х. 416, 417
 Дейнека А.А. 34, 108, 141, 156
 Делла-Вос-Кардовская О.Л. 139
 Делоне В.Н. 193
 Дельбрюк Г. 283, 284
 Денисовский Н.Ф. 141
 Дерен А. 154
 Дерман А.Б. 353, 355, 356
 Десей П. 178
 Деснос Р. 558
 Джекобс Дж. 70, 148
 Джонсон С. 282, 283
 *Джорджоне 113
 Джунковский В.Ф. 221, 222, 242-245
- Диккенс Ч. 78, 120, 465, 506, 511, 521
 *Дм. см. Цензор Д.М.
 Дмитренко А.Л. 345-380, 533-560, 561
 Дмитриев П.В. 542
 Добкин А.И. 144
 Доброклонский М.В. 128, 158
 Добролюбов Н.А. 299
 Добрянский А.И. 263, 264
 Добужинский М.В. 22-24, 56, 58, 63, 92, 134-136, 151, 415
 Добычина Н.Е. 30-32, 140
 Добычинский Ф. 226
 Дойл А.К. 507
 Долгополов Л.К. 180
 Домбровский Ю.О. 166
 Доронченков И.А. 585
 Дорошенко Д.И. 232, 233, 257, 258
 Дорошенко П.Д. 254
 Достоевский Ф.М. 95, 124, 185, 511, 566
 Драгоманов М.П. 256, 258
 Дремлюга В.А. 188
 Дризен Н.В. см. Остен-Дризен Н.В.
 Дриттенпрейс В.П. 137
 Дуганов Р.В. 527
 Дудко Д.С. 195, 196
 Дудыкевич, чиновник 213
 Дурденевский В.Н. 263, 283
 Дурново П.Н. 288
 Дурова Н.А. 348
 Дурылин С.Н. 152
 Дыдышко К.В. 138
 Дымшиц А.Л. 593
 Дымшиц М.Ю. 171
 Дымшиц-Толстая С.И. 389, 403
 Дьяконов М.А. 269, 270, 274, 284, 285
 Дэн Сяопин 297
 Дюлак Ш. 321
 Дюран К. 167
 Дюфи Р. 154
 Дягилев С.П. 131, 321, 408

- Евгения, имп. 183
 Евреинов Н.Н. 385, 395, 397, 398,
 407, 417
 Еголин А.М. 563, 583
 Егоров Д.Е. 479, 524
 Егорова А.Д. см. Бугаева А.Д.
 Егорова Е.Д. 479, 524
 Егорьев В.Е. 541
 Егорьева А.И. 541
 Ежов И.С. 568, 588
 Екатерина II, имп. 70
 Еленев Н.А. 355
 *Еленин С. см. Рогинский А.Б.
 *Елецкий П. 207-262
 Ельчанинов К.А. 163
 Енишерлов В.П. 522
 Енукидзе А.С. 335, 337
 Ермилов В.В. 583
 Ермолова М.Н. 464, 521
 Ернфельт Е. 135
 Ерофеев Вен.В. 166
 Есаков В.Д. 310
 Есенин С.А. 476
 Ефремов, кинодеятель 540
 Ефрон И.А. 57

 Жак-Далькроз Э. 392, 411
 Жакулина А.В. 227
 Жанен Ю. 148
 Жантиль Л. 323
 Жданов А.А. 568
 Жебелев С.А. 276, 277, 281, 284
 Жедринский В. 297
 *Жемчугова П.И. 107
 Жемчужникова М.Н. 449, 450
 Жемчужникова Н.И. 450, 451
 Жирмунский В.М. 565, 586
 Жорес Ж. 474, 523
 Жорж И. 547, 551, 557
 Жуков Г.К. 154
 Жуковский В.А. 579
 Жуковский С.Ю. 28, 133, 139

 Забела-Врубель Н.И. 28, 138
 Заболоцкий Н.А. 563, 583, 592
 Завадская Н.Н. см. Миловидова Н.Н.

 Завалишина Н. 429
 Загоскин М.Н. 136
 Займовский С.Г. 148
 Зайцев П.Н. 448, 449, 527, 528
 Зак А.Н. 290
 Зак Е.С. 27, 137, 138
 Захаржевская Е.П. 571
 *Закхей см. Дерман А.Б.
 Залеман К.Г. 232
 Замирайло В.Д. 23, 135, 136, 157
 Замятин Е.И. 145, 564, 565, 571,
 581, 584, 585, 590
 Замятина Л.Н. 571, 581, 585, 590
 Зандер Э.Я. см. Радлова Э.Я.
 Заозерский А.И. 279-283
 *Заречная С. 396
 Зарудная М.С. см. Гревс М.С.
 Зарудный С.М. 341, 342
 Захаров А.Д. 63
 Зверев В.Е. 183, 184
 Зверева Ж.А. 183, 184
 Зеленко В.А. 83, 147, 150
 Зеленов М.В. 308
 Зелинский В. 193, 195
 Зелинский Ф.Ф. 534
 Зельманова А.М. 138
 Зенгер Г.Э. 271, 272, 274-276,
 284
 Зенкевич М.А. 401, 565, 586
 Зеньковский В.В. 271
 Зерафим Э. 273, 274
 Зернова М.В. 170
 Зибель Г. фон 279
 *Зиновьев Г.Е. 77, 149, 330
 Зобнин Ю.В. 533
 Золотарев И.М. 211
 Золотоносов М. 556
 Золя Э. 511
 Зошенко М.М. 16, 571, 590
 Зубакин Б.М. 399
 Зубов В.П. 80, 383, 392, 408-411
 Зыков Л.А. 576, 592

 Иванов Александр Александрович
 276, 277
 Иванов Александр Андреевич
 56, 68, 146

- Иванов Вс. Вяч. 568, 569, 588, 589
 Иванов Вяч. А. 589
 Иванов Вяч. Вс. 180, 568, 569, 588
 Иванов Вяч. И. 393, 415, 440, 534, 567, 587
 Иванов Г. В. 145, 175, 182, 398, 399, 401, 407, 409, 410, 415, 417, 579, 593
 Иванов Д. В. 567, 587
 Иванов Л. Р. 436, 438
 Иванов М. Ф. 138
 Иванов С. А. 230
 *Иванов-Разумник Р. В. 419-421, 421-442, 443-447
 Иванова В. Н. 419-447
 Иванова И. Р. 423, 425, 428, 429, 431, 437-439
 Иванова-Шварсалон В. К. 393, 415, 587
 Иверни В. И. 175
 *Ивнев Р. 393, 399, 415, 417
 *Игнатъев И. В. 351, 355, 358, 365
 Иеринг Р. фон 270, 271
 Израилевич Я. Л. 394, 416
 Иловайская И. А. 167, 174-176, 184, 186, 189, 191-196
 Ильинская Е. В. 315, 316, 329, 330
 Ильинский Г. А. 220, 227
 Ильинский И. В. 315, 316, 341
 *Ильф И. 193
 Ильюнина Л. А. 9
 Инбер В. М. 373, 378
 *Ингулов С. см. Рейзер С. Б.
 Иоанн IV Грозный 521
 *Ионов И. И. 537
 Ипатьев В. Н. 305, 310
 Иринархов, сапожник 423, 424
 Иринарховы, семья 424
 Истрин В. М. 321
 *К. 397
 *К. К. 297
 *К. Р. см. Константин Константинович, вел. кн.
 *К-ий Ал. 366
 Каганович Б. С. 263-294, 298
 Казанская Т. Б. 580, 593
 Казанский Б. В. 580, 593
 Казанский И. В. см. *Игнатъев И. В.
 Казароза Б. Г. 390, 393, 403, 411
 Казнина О. 416
 Кайгородов Д. Н. 459, 464, 520
 Кайдалова Н. А. 527
 Каликина (Калинкина) Л. В. 449
 Калмыкова А. М. 69, 148
 Калмыкова М. И. 353-356, 368
 Кальдерон де ла Барка П. 390
 *Каменев Л. Б. 84, 150, 330, 425, 430
 Каменева О. Д. 84, 150
 Каменский В. В. 359, 365, 366, 396, 397
 Камерон Ч. 70
 Каминская А. Г. 570, 573, 576, 578, 580, 582, 589, 592
 Кандауров К. В. 292, 151
 Кант И. 284, 285, 468, 475
 Каньеро А. 538, 549
 Капабланка Х. Р. 408
 Капица О. И. 69
 Капица П. Л. 296, 310
 Каплун С. Г. 441, 446
 Карамзин Н. М. 222, 338, 340, 537
 Карамзины, семья 571
 Карбовские, семья 73
 Карбовский, фармацевт 72, 73
 Кардек А. 465, 521
 Кардовский Д. Н. 138
 Карев Н. 330
 Кареев Н. И. 268, 270, 276
 Карл I, англ. король 286
 Карпентьер В. Б. 465, 521
 Карпинский А. П. 308, 317, 318, 321, 451
 Карпович М. М. 325
 Карсавин Л. П. 268, 270, 553, 560
 Карсавина Т. П. 44, 144, 394, 395, 408, 417
 Карташев А. В. 43, 144

- Кассо Л.А. 272, 278
 Катаян В.А. 350, 352, 357, 367, 370
 Катаян В.В. 363, 558
 Катаян Р.А. 449
 Катаяма С. 451
 Катков Г.М. 188
 Катков М.Н. 264
 Каутский К. 474
 Кауфман К.П. 569, 589
 Качалов В.И. 408
 Кашинцев Ф. 379
 Кашницкий В.Н. 398
 Кезельман Е.Н. 526
 Кейнс Дж.М. 339
 Келлер Г. 74
 Керенский А.Ф. 62, 416
 Кизеветтер А.А. 247, 248, 325
 Кинд А.К. см. Бенуа А.К.
 Киплинг Р. 321, 507
 Кир Младший, перс. царь 142
 Кистяковский Б.А. 269-271
 Кистяковский И.А. 269-271
 Клейнборт Л.М. 59, 146
 Клеман Е.А. см. Бенуа Е.А.
 Клюев Н.А. 446, 566, 568, 586, 588
 Ключевский В.О. 264
 Кнабе И.А. 137
 Кнауэр Ф.И. 223, 227
 Кнебель И.Н. 61, 62, 136
 Князев А.П. 160, 162-164
 Князев В.Г. 395, 566, 587
 Князева Н.Г. 384
 Кобылинский Л.Л. см. *Эллис
 Ковалев М.А. см. *Ивнев Р.
 Ковалевский М.М. 230, 264
 Коган Д. 416
 Коган Н.И. 569, 589
 Коган П.С. 528
 Козлик Ф. 525
 Козовцов П.К. 317, 321
 Кокорев И.Т. 348, 352, 355, 357, 367
 Кокто Ж. 411, 536
 Колоницкий Б.И. 446
 *Колосов И. 561-562, 582-593
 Кольцов Н.К. 310
 Комаров В.Л. 317, 321, 332
 Коммиссаржевская В.Ф. 134, 385
 Кондакова И.А. 296
 Кондратьев А.А. 406
 Коненков С.Т. 29, 139
 Конечный А.М. 381, 397
 Кони А.Ф. 285, 289
 Кониц Г. 259
 Константин Константинович, вел.кн. 213-218, 221, 222, 225, 226, 230, 233-237, 239-246, 259
 Констель Дж. 36, 142
 Кончаловская Н.П. 93
 Кончаловская О.В. 93, 99, 100
 Кончаловский М.П. 99, 100
 Кончаловский П.П. 30, 34, 92, 93, 99, 100, 108, 140, 141, 151, 156
 Копейкин А. 192
 Копиленко О.Л. 207
 Коренди В.Б. 348
 *Коржавин Н. 592
 Корин П.Д. 13, 34, 98, 141, 153, 154
 Кормер В.Ф. 166
 Корнилов А.А. 383
 Корнилов В.Н. 592
 Корнилова Г.П. 577, 592
 Коровин К.А. 19, 29, 133
 Королев Б.Д. 141
 Королева В.Н. 386, 398
 Короленко В.Г. 10
 Корти М. 176
 Корш Ф.Е. 214, 220, 222, 229, 238
 Костин С.Н. 141
 Костомаров Н.И. 253, 254, 257
 Котляревский Н.А. 215, 383
 Кочановская С.А. см. *Заречная С.
 Кравцова А. 533
 Крайнева Н.И. 561-562, 582-593
 Кралин М.М. 407
 Крамской И.Н. 19, 133
 Крандиевская-Толстая Н.В. 433, 568, 588

- Кранц Д.М. 384, 387, 388, 397
Кранц М.Н. 397
*Краснопольская Т. 417
Крафт, землевладелец 342
Крейд В. 381
*Кречетов С. см. Соколов С.А.
Кржижановский Г.М. 319, 325, 330, 332
*Кривич В. 145
Кривошеин В.А. см. Василий, архиеп.
Кривошеина Н.А. 167
Кристи М.П. 276, 277
Крогиус Авг.Ад. 423
Крогиус Арс.Авг. 423, 425
Крогиус О.А. 421, 423, 427, 428, 431, 436, 437
Кроленко А.А. 423, 425, 428
Крон Э.К. 408
Крупская Н.К. 78, 83
Крусанов А.В. 345-380
Крушинская А.Ф. 390
Крушинский В.Ф. 383, 384, 387-390, 394, 395
Крыжановский С.Е. 297
Крылов А.Н. 321
Крылов И.А. 66
Крымов Н.П. 29, 134, 137, 139
Ксенофонт 38, 142
Кублановский Ю.М. 193
Куванова Л.К. 445
Кудрявский Д.Н. 267-271
Кузмин М.А. 137, 390, 391, 398, 404, 405, 407, 410, 411, 414, 533-538, 541, 565, 585
Кузнецов А.М. 195
Кузнецов Н.В. 414
Кузнецов П.В. 89, 95, 97, 137, 151, 152
Кузнецов Э.С. 171, 178
*Кузничик см. Кузнецов Н.В.
Кузьмин Н.В. 526
Кузьмина-Караваева Е.Ю. 393, 415
Куинджи А.И. 138, 145
Куйбышев В.В. 207, 310, 312, 314, 315
Кулаковский Ю.А. 250
Кулиш П.А. 253, 254, 257
Кульбакин С.М. 220
Кульбин Н.И. 359, 365, 401, 410
Купер Ф. 462, 521
Купреянов Н.Н. 9
Куприн А.А. 92
Куприн А.В. 92, 93, 141, 151
Куприн А.И. 322, 372
Куприна А.Т. 93
Купченко В.П. 368
Курбаковская, актриса 359, 365
Курбаковская Н.Д. 365
Курбаковская О.В. 365
Курбатов С.М. 333
Курдиновский Б. 407
Курдюмов В. 406
Куркин, статистик 146
Курнаков Н.С. 321
Курчатов И.В. 321
Кускова Е.Д. 315, 316, 329
Кустодиев Б.М. 22, 97, 134, 135, 138
Кюи Ц.А. 372, 378
Кюри М. 307, 322
Кюри П. 333, 334
*Л.Б.Г. 148
Лабас А.А. 141
Лависс Э. 287, 288
Лавров А.В. 419, 424, 432, 445, 446, 454, 520, 522, 523, 533
Лазар, знакомый А.Д.Радовой 542
Лакруа А. 323
Ламанова Н.П. 558
Ламанский В.И. 208
Ландезен Г. 277, 278
Ланжевен П. 323
Лансере Е.Е. 134
Лаппо И.И. 283, 284
Лаппо-Данилевский А.С. 244, 247-250, 274, 275, 280
Ларичев В.А. 154
Ларошфуко Ф. 537
Латманизов М.В. 583, 587, 592, 593

- Латри М.П. 138
 Лебедев В.В. 394, 415, 534
 Лебедева С.Д. 394, 415, 416, 534
 Леви С. 322, 323
 Левина К.Н. 533-560
 Левинсон А.Я. 414
 Левинсон-Лессинг Ф.Ю. 321
 Левинтон Г.А. 16
 Левитан И.И. 98
 Лейбман Б.Я. 356
 Лемке М.К. 265, 281-283, 286-288
 * Ленин В.И. 11, 69, 73, 74, 83, 85, 106, 107, 120, 295, 301, 307, 416, 451, 452
 Лентулов А.В. 92, 135, 141, 151
 Леонардо да Винчи 100
 Леонтович В.В. 167, 188
 Леонтьев Я.В. 419, 433
 Лермонтов М.Ю. 465, 521
 Леруа Э. 333, 334
 Лерхе, вице-дир. ДП 211
 Лесгафт П.Ф. 367
 Лесман М.С. 384, 533
 Лецнус И.(Э.)А. 227, 253
 Ливен А.П. 135, 136
 Лившиц Б.К. 371
 Лигский К.А. 441, 446
 Лилина З.И. 75, 149
 Лин В. 82
 Линниченко И.А. 208
 Липпи Ф. 82
 Литвинов И.П. 362, 368
 Литвинов М.М. 335
 Лифарь Л.М. 168, 169, 196
 Лифарь С.М. 169
 Лихтварк А. 84, 126, 150
 Лишневская В.А. 387, 398, 399
 Лишневский А.Л. 387, 398
 Лозинский М.Л. 535
 Локс К.Г. 425
 Ломоносов М.В. 410, 475, 518
 Лопатин Г.А. 274, 275
 Лосенко А.П. 117, 157
 Лосский Н.О. 48
 * Лужский В.В. 404
 Лузин Н.Н. 311
 Лука, архиеп. (Войно-Ясенецкий В.Ф.) 167, 168
 Лукницкий П.Н. 409, 416, 535, 571, 585, 590
 Лукомский Г.К. 410
 Лукьянова Н.Н. 184
 Луначарская А.А. 69, 86, 148, 150
 Луначарская Н.А. см. Розенель-Луначарская Н.А.
 Луначарский А.В. 18, 69, 77, 84, 107, 132, 144, 148, 153, 267, 279, 303, 309, 310, 387, 398, 399, 401, 451
 Лундберг Е.Г. 439, 443
 Луппол И.К. 14
 Лурия А.П. см. *Невидимка
 Лурье А.Н. 384
 Лурье А.С. 30, 31, 140
 Лурье Я.С. 193
 Луцевич П.А. 414
 Луценко А.М. 584, 589
 Львов П.И. 138
 Любавский М.К. 246, 247
 Любарский К.А. 178, 195
 Любимова М.Ю. 585
 Любощинская М.М. 316
 Любощинский В.М. 297
 Людовик XV, король 550
 Люксембург Р. 397
 Мабо М.М. см. *Азовский А.
 Мазепа И.С. 253, 254
 Мазинг Л.Г. 277, 278
 Майков А.Н. 465, 521
 Макаров В., дир. Музея Маяковского 351
 Макаров В.И. 207
 Маковская, эмигрантка 539
 Маковский В.Е. 298
 Маковский С.К. 92, 134, 135, 151, 537
 Маколей Т. 282, 283
 Максименков Л.В. 13
 Максимов В.Е. 167, 171, 173, 175
 Максимов Д.Е. 424, 450, 561, 565, 573, 586, 591

- Максимович М.А. 253, 257
 Макферсон Дж. 521
 Малевич К.С. 13, 95-97, 138, 152, 153
 Малиновская А.А. см. Луначарская А.А.
 Малиновский А.А. 148
 Малмстад Дж.Э. 199, 405, 424, 446, 450, 453, 524, 529
 Малышко А.С. 567, 588
 Мальчиков, музыкант 66, 67
 Малявин Ф.А. 84, 136, 150
 Мамонтова А.С. 11
 Мамонтова В.С. 11
 Мамонтовы, семья 11
 Мандельштам Е.Э. 416, 534
 Мандельштам Н.Я. 167, 416, 535, 568, 584, 588, 592
 Мандельштам О.Э. 9, 14, 117, 146, 148, 150, 151, 159, 167, 168, 355, 362, 406, 416, 533, 534, 564, 565, 568, 579, 581, 584, 588, 593
 Мане Э. 27
 Манн Т. 124
 Маннергейм К.Г. 86
 Мантенья А. 36, 142
 Маре Г. фон 149
 Маринетти Ф.Т. 408, 410
 Мария Федоровна, имп. 72
 Марк Аврелий 270
 Маркаде Ж.-К. 140
 Маркарян М. 570, 589
 Марке А. 98, 99, 154
 Марков В.И. 138
 Маркс А.Ф. 136
 Маркс К. 139, 474
 Мароз А.Ш. 157
 Марр Н.Я. 103, 105, 155, 276, 299
 *Мартов Ю.О. 74
 Маршак С.Я. 565
 Масловский С.Д. см. *Мстиславский С.Д.
 Матвеев А.Т. 29, 137, 139
 *Матвеев-Бодрый Н.Н. 348
 *Матвей см. Марков В.И.
 Матисс А. 21, 34, 134, 135, 154
 Махно Н.И. 280
 Машков И.И. 30, 92, 138-141
 Машковцев Н.Г. 18, 19, 94, 132
 Маяковский В.В. 63, 73, 147, 345, 346, 349-355, 357-359, 362-366, 368-370, 372-374, 376, 377, 397, 400, 408, 451, 452, 556, 558, 586
 Мгебров А.А. 387, 397
 Медведев П.Н. 398, 498, 527
 Медынский Е.Н. 55, 59, 60, 83, 87, 145, 151
 Месрзон И.А. 153
 Межлаук В.И.(М.И.) 320, 326
 Мейер А.А. 193
 Мейер Э. 287, 288
 Мейерхольд В.Э. 30, 31, 383, 385, 390, 398, 426, 430, 487, 511, 529
 Мейтнер Л. 307
 Меллер Р. 549, 558, 559
 Мельников К.С. 557
 Менделеев В.Д. 146
 Менделеев Д.И. 60, 512
 Менделеева Л.Д. см. Блок Л.Д.
 Мендельсон Я.Л.Ф. 363, 368
 Менжинская В.Р. 77, 149
 Менжинская Л.Р. 77-79, 82, 83, 149, 150
 Менжинский В.Р. 77, 341
 Мережковский Д.С. 43, 322, 407, 408, 441, 442, 446, 447, 470, 522, 523
 Меркулов Ю.А. 141
 Метнер Э.К. 523
 Мец А.Г. 406, 533
 Мещанинов И.И. 299
 Миклашевская Т. 540
 Миклашевский К.М. 381, 385, 397, 403, 417
 Микса, врач 326, 329
 Микулинский С.Р. 298, 309
 Милашевский В.А. 35, 141, 527
 Милиоти В.Д. 137
 Милиоти Н.Д. 26, 137
 Милль Дж.Ст. 460
 Миловидова Н.Н. 390, 403
 Милорадович С.Н. 193
 Мильтон, эстрадный артист 66

- Милюков П.Н. 175, 329, 330
 Минден Дж. 201
 Миндлин Э.Л. 347, 368, 379
 Мирбо О. 550, 559
 Мирошников И. 305, 310
 *Мистангетт 543, 554, 555, 558
 Мительман Р.Я. см. Пинес Р.Я.
 Митрохин Д.И. 33, 140
 Митурич П.В. 31, 140
 Михайлов А. 533
 Михайловский Н.К. 438
 Михальчук К.П. 220
 Могилянский М.М. 381, 397
 Могилянский Н.М. 381
 Модильяни А. 34, 564, 584
 Модоров Ф.А. 112, 156
 Мокульский С.С. 375, 379
 Молдавский Д.М. 403
 Молок Ю.А. 414
 *Молотов В.М. 298, 304, 305, 312-316, 319, 335
 Монастырский А.А. 87, 88, 90, 151
 Монферран О.Р. де 64
 *Мор Е. 420
 Моравская М.Л. 393, 415
 Моран П. 544, 556, 558
 Моргунов А.А. 138
 Мордерер В.Я. 381
 Морев Г.А. 533
 Морей М. 560
 Моризо Б. 27
 Мороз В.Я. 171
 Морозов И.В. 160-164, 180, 187, 190
 Морозов С.А. 135
 Морозова М.К. 469, 470, 522
 Морр фон, ротмистр 209
 Мосх 289
 Мочалов И.И. 299, 309, 311
 Мошнягер А. 199
 *Мстиславский С.Д. 430
 Муйжель В.В. 145
 Муравьева М.Г. 291, 292
 Мурашко А.А. 138
 Мутер Р. 27, 132, 138
 Мюссе А. де 408
 Мютэ см.: Петен А.Ф.
- Набоков В.В. 9, 14, 201
 Набоков В.Д. 105
 Набоков Н.В. 9
 Нагловский А.Д. 267, 268
 Наградская Е.А. 395, 417
 Нагубников С.А. 138
 Надсон С.Я. 353, 374, 376
 Найман А.Г. 580, 582, 593
 Наполеон I, имп. 279, 286, 287
 Наполеон III, имп. 277
 Наппельбаум И.М. 561, 562, 578, 582, 592
 Наппельбаум М.С. 149, 563
 Нарбут В.И. 193
 Нарбут Г.И. 23, 135, 136
 Насонов Н.В. 321
 Невежин В.А. 156
 *Невидимка 346
 Неврев Н.В. 8
 Нейманис О. 193
 Некрасов Н.А. 9, 128
 Некрич А.М. 175, 194
 Немирович-Данченко Вас.И. 380
 Немирович-Данченко Вл.И. 375, 380
 Немирович-Данченко Г.В. 375, 379, 380
 Непржецкие, семья 182
 Нерадовский П.И. 18, 133, 138
 Неру Дж. 100
 Нестеров М.В. 12, 13, 34, 93, 94, 141, 152, 154
 Нехотин В. 454
 Нечаев В.П. 411
 Нидерле Л. 250
 Николаев Г. 191
 Николаева Н. 131
 Николай I, имп. 146, 264
 Николай II, имп. 223, 250, 341, 342, 556, 568, 571
 Николай Николаевич, вел.кн. 225, 226, 264
 Никольская Т.Л. 406, 533
 Никольский, цензор 219
 Никольский Б.В. 265, 271, 272, 276-278, 282
 Никольский Н.М. 321

- Никольский Ю.А. 414
 Никулин Л.В. 401, 577
 Нильсен Е. 329
 Нисневич Л.М. 120, 158
 Новгородцев П.И. 337, 338
 Новицкий П.И. 353, 355, 356
 Новогрудский В.И. 311
 Нодье Ш. 112, 156
 Нолле-Коган Н.А. 445
 Носовы, семья 414
 Нотгафт Ф.Ф. 151
- Обатнина Е.Р. 444
 Обер А.Л. 18, 132, 134
 Овсянко-Куликовский Д.Н. 444
 *Овчинников Ю. см. Добкин А.И.
 Огранович М.П. 522
 Одарченко Ю.П. 193
 *Одоевцева И.В. 182, 193
 Оже Г. 466, 522
 Озеров И.Х. 230
 Озеров Л.А. 569, 589
 Околович Н.А. 138
 Оленина Д'Альгейм М.А. 523
 Оленикова М.Н. см. Дармолотова М.Н.
 Олеша Ю.К. 518
 Оливье Э. 275, 277
 *Олимпов К. 348, 370, 371, 379
 Ольберт Л.А. 331
 Ольденбург А.Д. 341, 342
 Ольденбург С.С. 341, 342
 Ольденбург С.Ф. 101, 102, 154, 230, 258, 259, 284-286, 322, 323, 342
 Ольденбурги, семья 307
 Ольшевская Н.А. см. Ардова Н.А.
 Оношкович-Яцына А.И. 140, 541, 542
 Орбели Л.А. 299
 Ордин-Нащокин А.Л. 278
 Орлов В.Н. 523, 571, 579, 593
 Орлова О.К. 23, 136
 Осмеркин А.А. 141
 *Осоргин М.А. 248, 249
 Осповат А.Л. 383
- Остен-Дризен Н.В. 385, 397, 398
 Остен-Сакен О. 168
 Островский А.Н. 327, 328, 464, 521
 Острогорский А.Я. 7, 21, 135
 Остроумова-Лебедева А.П. 30, 134-136, 157
 Остроухов И.С. 136
 Оттенберг В.Н. см. Иванова В.Н.
 Оттенберг Е.Н. 423, 425
 Оттенберг Н.В. 439, 443
 Оттенберг Н.Н. 423, 425, 434, 437, 443
- Пабст Г.В. 585
 Павликовский К.К. 464, 521
 Павлов И.П. 296, 299
 Павлов Н.Ф. 348, 352, 355
 Павлова А.П. 22, 135
 Павловский А.И. 561
 Пагирев Г.В. 581, 593
 Пайпс Р. 197, 199, 200
 Палиевский П.В. 180
 Палкин К.П. 75, 76, 149
 Панях В.М. 154
 Панина С.В. 298
 *Парвус А.Л. 257
 Парнис А.Е. 381
 Пархомовский М. 416
 Паскаль Б. 270, 537
 Паскен, живописец 114, 115
 Пассек А.В. 267, 268
 Пастер Л. 333, 334
 Пастернак Б.Л. 408, 455, 518, 535, 565, 567-569, 572, 588, 589
 Пастернак Л.О. 133, 135
 Пастухов В.Л. 415
 Паустовский К.Г. 592
 Пашуканис В.В. 350
 Пергамент М.Я. 269, 270, 272, 276, 283-285, 292
 Переверзев В.Ф. 441, 447
 Переверзев П.Н. 416
 Переплетчиков В.В. 133, 135
 Перетц В.Н. 213-215, 219, 220, 222-224, 226, 227, 250, 257
 Перов В.Г. 95

- Перрен Ж. 322, 323
 Перцов В.О. 352, 355
 Перченоч Ф.Ф. 154
 Петен А.Ф. 548, 558
 Петица М.И. 70
 Петлюра С.В. 152
 Петр I, имп. 136
 Петр Георгиевич, принц Ольденбургский 62, 146
 Петров Д.К. 281, 283
 *Петров Е.П. 193
 Петров Н.В. 391, 395, 404, 405, 413
 Петров Н.Ф. 138
 Петров-Водкин К.С. 18, 20, 22, 25, 63, 97, 134, 135, 137, 426, 430, 435-438
 Петрова Н.Г. см. Чулкова Н.Г.
 Петровская Е. 404
 Петровская Н.И. 471, 523
 Петровский А.С. 441, 445, 446, 450, 453, 454, 469, 471, 486, 496, 508, 510, 524, 529
 Петровых М.С. 568, 588
 Петрункевич И.И. 319, 325
 Петрушевский Д.М. 266, 290
 Пешехонов А.В. 383
 Пешкова Е.П. 316, 419
 Пикассо П. 11, 16, 34, 130, 131
 *Пильняк Б.А. 455, 518, 565, 571, 586
 Пильский П.М. 359, 366
 Пименов Ю.И. 141
 Пинес Д.М. 424, 430, 440, 445, 447
 Пинес Р.Я. 429, 430, 435, 439
 Пиотровский А.И. 557
 Пиріг Р.Я. 207
 Пирогов Н.В. 138
 Плансон Н.К. см. Шведе-Радлова Н.К.
 Пластов А.А. 108, 156
 Платон 223
 Платонов А.П. 12, 16, 177
 Платонов С.Ф. 218, 219, 221, 239, 240, 273-275, 281-283
 Плетнев Д.Д. 326, 329, 330
 Плеханов Г.В. 73
 По Э.А. 551
 Погодин М.П. 279, 280, 282
 Погребинский М.С. 342
 Подгорный В.А. 397
 Покровский В.К. 370
 Покровский М.Н. 77, 149, 288, 302, 308, 451
 Полетика И.Г. 579
 Поливанов К.М. 364
 Поливанов Л.И. 463-465, 468
 Полиевктов М.А. 274, 275
 Полозов И. 369, 371
 Полонский В.П. 528
 Полуэктова Г. 368
 Поляков Г.И. 453, 455, 456-519, 524
 Полянский, издатель 363
 Померанцев К.Д. 175
 Попелло-Давыдов М.М. 401
 Попов А.Ф. 569, 589
 Поповский М.А. 167, 168, 196
 Потемкин П.П. 404
 Потипака П.Д. 138
 Правдин Б.В. 348
 Прахов А.В. 93, 152
 Прахова Е.А. 93, 94, 152
 Преображенский С. 592
 Пресняков А.Е. 269, 270, 274
 Пресняков В.И. 397
 Пригожин И. 331
 Прилежаева-Барская Б.М. 381-384, 384-395, 395-418
 Прицак О. 207
 Пришвин М.М. 422, 424, 426, 429-433, 442, 447
 Пришвин-Алпатов Л.М. 422, 424, 431, 433, 435, 439, 443
 Пришвина Е.П. 427, 431
 Пронин Б.К. 381, 382, 384-389, 394, 398, 408
 Пронина Е.Б. 398
 Пронина М.Б. 387, 399
 Пронина М.Э. 387, 399
 Протопопов В.Д. 138
 Пруст М. 511
 Псковитинов Е. 402, 408, 413

- Пузанов И.И. 335, 337
Пунин Н.Н. 153, 573, 577, 591, 592
Пунина И.Н. 576, 577, 580, 582, 587, 589, 592
Пушкин А.С. 50, 156, 392, 410, 468, 508, 510, 562, 563, 569, 571-574, 577-580, 589-591, 593
Пырков, зам. директора Радиового ин-та 313
*Пяст В.А. 381, 382, 403, 405, 415, 535
Пяткин Е.О. см. *Венский Е.
Пятницкий М.Е. 146
- *Р.Д. 368
*Р-ов 395
Рабинович Н.А. см. Адуев Н.А.
Рагозина С.И. 64, 65, 147
Раден Б. 462, 464, 521
Радигэ Р. 544, 555-557
Радлов Д.С. 534
Радлов Н.Э. 534
Радлов С.Д. 533-536, 542
Радлов С.Э. 394, 534, 536-542, 555-560
Радлов Э.Л. 246, 247
Радлова А.Д. 394, 416, 533-542, 543-554, 555-560, 565, 585
Радлова Э.Я. 534
Радловы, семья 534
Радль Э. 319, 325
Раев М.И. 199
Раев Н.П. 534
Раздольский О.И. 223, 258, 260
Разин С.Т. 63
Райкин А.И. 405
Ракинт В.Н. 117, 157
*Ракитин Ю.Л. 404
Ракузина И. 192
Рамзин Л.К. 102, 154, 310
Раппопорт Р.И. 460, 520
*Распутин Г.Е. 72, 417, 418
Растрелли В.В. 63
*Ратмир 397
Рафалович В. 405
Рахлин, дир. книжн. маг. 569
- Ребиндер А.А. 180, 182
Ребиндеры, семья 182
Регель В.Э. 268, 269
Регельсон Л.Л. 168
Редлих А.А. 137
Резерфорд Э. 307, 319, 325
Рейзер С.Б. 319, 325
Рейн Е.Б. 582
Рейснер М.А. 276, 277
Рейц Е. 91, 151
Рембрандт Х. ван Р. 16, 119, 128, 129, 131
Ремизов А.М. 193, 440, 445, 539, 541, 553, 560
*Ренников А. 232, 233
Ренуар О. 544
Репин И.Е. 8, 20, 32, 134-138, 145
Рерих Н.К. 23, 25, 134, 136
Рест О. 451, 452
Реформатская Н.В. 350, 352
Решетов А.Е. 563, 584
Рид Т.М. 462, 521
Римский-Корсаков А.Н. 67, 148, 423, 425, 438, 445
Римский-Корсаков Н.А. 67, 425
Рише Ш. 324
Робинсон Л.М. 51, 145
Робэр, знакомый А.Д. Радловой 542, 544, 545, 548, 552
Рогинский А.Б. 144, 198
Рогинский Б.А. 7-158
Роден О. 139
Родичев Ф.И. 318, 319, 325, 329
Родичева С.Ф. см. Бернацкая С.Ф.
Родичевы, семья 307
Рождественская Т.В. 588
Рождественский В.А. 145, 564, 568, 584, 588
Рождественский В.В. 92, 141, 151
Рождественский Р.И. 564
Розанов В.В. 9, 537, 584
Розанова О.В. 138
Розенель-Луначарская Н.А. 387, 400, 401
Розенталь, семья 7

- Розенталь В.С. 7, 117
 Розенталь И.Я. 16
 Розенталь Л.В. 7-16, 17-131, 131-158
 Розенталь Л.М. 318, 321-325
 Розенталь Н.В. 123
 Розенталь Р. 322
 Розенфельд Б. 32, 140
 Роллан Р. 105, 340
 Романов Б.А. 270
 Романов Б.Г. 414
 Роскина Н.А. 167
 Рославец Н.А. 371
 Россельс, типограф 168
 Росси К.И. 63
 Росси Т. 558
 Ростан Э. 183
 Ростовцев М.И. 301, 307, 308, 383
 Ротшильд А. 550, 559
 Ротшильд Дж.-Э. 559
 Ротшильд М. 550, 559
 Ротшильд Э.Дж. де 550, 559
 Ротшильды, семья 559
 Рошфор В.-А. 275
 Рубенс П.П. 585
 Рубинштейн Д.Л. 395, 417, 418
 Рубинштейн И.Л. 23, 24, 136, 542, 551, 559
 Рубинштейн Р.А. 576-578, 592
 Рубинштейн С.Г. 418
 Рудзутак Я.Э. 312, 315
 Руманов А.В. 369, 370
 Руо Ж. 36, 142, 154
 Рутченко А.А. 166
 Рыбаков И.И. 589
 Рыбакова О.И. 569, 589
 Рыжанков Ф.С. 253-257
 Рыков А.И. 303
 Рылеев К.Ф. 383
 Рышков В. 395, 402
 Рябушинский Н.П. 137
 *Рязанов Д.Б. 266, 276, 277, 302, 308
 Рязанова Л.А. 447

 Сабанеев Л. 401
 Савин А. 166
 Савицкая И.С. 588, 589
 Савицкий Г.К. 108, 156
 Савич Н.В. 379
 Садовников В.С. 53
 Садовская Е. 291, 293, 294
 Садовская О.О. 464, 521
 Садовской Б.А. 272, 383, 406
 *Салтыков-Щедрин М.Е. 327, 328, 432, 433
 *Самойлов Д.С. 592
 Санников Г.А. 432, 449, 454, 455, 516-519
 Санников Д. 454
 Сапунов Н.Н. 23, 26, 136, 137, 387, 402
 *Саргиджан А. см. Бородин С.П.
 Сарнов Б.М. 590
 Сарьян М.С. 25, 98, 108, 136, 137, 139, 156
 Сахаров А.Д. 173, 176
 Сахновский В.Г. 400
 Сац, семья 400, 401
 Сац И.А. 387, 401
 Сац Н.А. см. Розенель-Луначарская Н.А.
 Светов Ф.Г. 168
 Святловский В.В. 286-288
 Север М. 593
 Северов, сотр. Юрьевского ун-та 267
 Северцева-Габричевская Н.А. 526
 *Северянин И. 346-361, 363-367, 369-372, 377, 378, 380, 393, 394, 396, 406-408, 415, 418
 Сегал Д.М. 199
 *Седых А. 322
 Сезанн П. 18
 Селитренников А.М. см. *Ренников А.
 Семенов-Тянь-Шанский А.Д. 180
 Семенова М.А. 390, 403
 Семенова М.Т. 112, 156, 408
 Семенова О.А. 390, 403
 Семковские, семья 74, 148
 *Семковский С.Ю. 74, 148
 Сент-Илер К.К. 267, 268

- Сергеев А.А. 381
 Серебровская Е.С. 586
 Серебрякова З.Е. 24, 33, 136, 137
 Серов В.А. 22-24, 29, 31, 56, 134-137
 Сибирцев, сотр. Наробраза 64-67, 70, 73, 147
 *Сигей С. 371
 Сидамон-Эристов Г.Д. 389, 390, 403, 416
 Сидоренко Н.Н. 565, 585
 Сидоров, сотр. Севпроса 78, 79
 Сидоров В.И. см. *Баян В.
 Сидорова, врач 434
 Сидорова Е. см. *Мор Е.
 Сидорова М.И. см. Калмыкова М.И.
 Сильвестр, еп. (Харун И.А.) 162, 163
 Симони П.К. 224, 226
 Симонов К.М. 572, 590
 Симсон Т.П. 450
 Сингалевский, журналист 335, 336
 Синев Н. 405
 Синявская М.В. 175, 195
 Синявский А.Д. 175, 195
 Скаруффи Э. 300
 Склифософский Н.В. 461, 521
 Скоропадский П.П. 212, 233, 271
 Скотт В. 511
 Скрыпник Н.А. 283
 Славик Ф. 321
 Слезкин Ю.Л. 145
 Словцова Е.Б. 557
 Слонимский М.Л. 568, 588
 Слуцкий Б.А. 592
 Смаль-Стоцкий, лингвист 214
 Смирнский Б.В. 345-380
 Смирнский В.В. 348
 Смирнова Э.С. 157
 Смолий В.П. 207
 Собинов Л.В. 372, 377, 378, 400, 451
 Соболевский А.И. 215, 223, 224
 Соколов Б.М. 103, 155
 Соколов С.А. 360, 365, 366, 523
 Соколов-Скаля П.П. 35, 141
 Соколовский А. 368
 Солженицын А.И. 160, 162-164, 167-169, 172-176, 184-188, 190, 194
 Солженицына Н.Д. 162-164, 172, 184, 186, 195, 196
 *Соловцов Н.Н. 147
 Соловьев В.С. 9, 430, 469, 470, 522
 Соловьев М.С. 464, 466, 467, 521
 Соловьев С.М. 464, 466, 467, 521
 Соловьева Е.Е. 69, 148
 Соловьева О.М. 464, 466, 467, 521
 *Сологуб Ф.К. 9, 44, 135, 144, 352, 358, 359, 364, 365, 372, 377, 378, 423, 425, 444, 446
 Сомов К.А. 23, 33, 92, 96, 134, 135, 140, 151, 157
 Сорель Ж. 306, 310
 Сорин С.А. 382, 417
 Сорокина М.Ю. 253, 295-342
 Сорос Дж. 201, 263, 321, 421
 Софронов А.В. 570, 589
 Сохань П.С. 207
 Спандиков Э.К. 138
 Спасские, семья 430
 Спасский С.Д. 446
 Спивак М.Л. 448-529
 Спиридонова Л.А. 342
 Срезневская В.С. 587
 Стааль Н. 407
 *Сталин И.В. 130, 156, 295, 303, 304, 309, 329, 330, 335, 336, 341, 565
 *Станиславский К.С. 101, 341, 342, 408, 451
 Станкевич А.А. 356
 Старинкевич П.О. см. Богданова-Бельская П.О.
 Старицкая Н.Е. см. Вернадская Н.Е.
 Старк Э.А. 414
 Старков А.Н. 585
 Старынкевич А.Д. см. Ольденбург А.Д.
 Стасов Д.В. 23, 135, 136
 Стасюлович М.М. 282, 283

- Стеклов В.А. 144
 *Стеклов Ю.М. 309
 Степанова Н.Г. см. Чулкова Н.Г.
 Стерн Л. 537
 Столпнер Б.Г. 43, 144
 Столпянский П.Н. 79, 149
 Стороженко М.Н. 461, 521
 Стороженко Н.И. 461, 520, 521
 Стороженко Н.Н. 461, 521
 Стравинская В.А. 382, 405, 406
 Стравинский И.Ф. 131, 411, 552
 Страхов Н.Н. 444
 Стрельников Н.М. 557
 Строганов Г.А. 579
 Строк О.Д. 415
 Струве В.В. 276, 278
 Струве Д.Н. 185
 Струве М.А. 164, 186
 Струве М.П. 166
 Струве Н.А. 160, 162-165, 167-169,
 172, 173, 177-179, 184-187, 189-
 191, 194-196, 202
 Струве П.А. 166
 Струве П.Б. 175, 408
 *Суварин Б. 329
 Судейкин С.Ю. 136, 137, 382, 387,
 393, 402, 408, 410, 414, 416
 Сулягин, сопр. Наробраза 55-57,
 74, 83
 Сум Н.Э. 60, 146
 Сумеркин А. 201
 Сумцов Н.Ф. 209
 Суперфин Г.Г. 197-199
 Суриков В.И. 43, 93, 99, 100, 145
 Сурков А.А. 563, 568, 571, 572,
 577, 581, 583, 588
 Сутин Х. 36, 142
 Сыркина Е.Г. 7, 117
 Сюннерберг К.А. 415, 438, 443

 Тагор Р. 105
 Танги И. 86, 150
 Тангиева Е.А. см. Нагрод-
 ская Е.А.
 Танеев В.И. 460, 520
 Танеев С.И. 480, 520, 525
 Тани Ф. 388

 Тарановский Ф.В. 280
 Тарасенко В.Е. 267, 268
 Тарасова А.К. 407, 408
 Гардые А. 309
 Гарле Е.В. 263-294
 Гарле О.Г. 266-268, 289, 290, 292-
 294
 Гархов Н.А. 134
 Татищев С.Н. 170, 171, 173
 Татлин В.Е. 9, 13, 27, 94, 97-99,
 137, 138, 153, 154, 557
 Ташмухамедов М. см. *Айбек
 Твардовский А.Т. 566
 Тевна П. 392, 411
 Тейяр де Шарден П. 334
 Телетова Н.К. 541
 Тенишев В.Н. 9
 Терапиано Ю.К. 175
 Терехов А.Г. 583, 592, 593
 Терещенко В.Н. см. Ханенко В.Н.
 Терещенко М.И. 440, 445
 Тернер У. 36, 142
 Теснер А.А. 138
 Тизенгаузен Е.П. см. Захаржев-
 ская Е.П.
 Тиль В.-М. 171
 Тиленчик Р.Д. 356, 381-418, 533,
 535, 593
 Тимирязев К.А. 354, 356
 Тиморев В.П. 138
 Тимофеев А.Г. 535
 Тимченко Е.К. 220, 257, 258
 Тиняков А.И. 383
 *Тирсо де Моллина 58, 403
 Титбол, представитель УМСА
 163
 Тихвинская Л.И. 381
 Тихеева Е.И. 69, 148
 Ткачев, следователь 117
 Толль Н.В. 295, 307, 317, 320,
 322, 383
 Толль Н.П. 307, 317, 320
 Толль Т.Н. 304, 317, 320, 332
 Толстой А.К. 465, 521
 Толстой А.Н. 72, 341, 342, 383,
 389, 433, 568, 588, 590
 Толстой Д.И. 136

- Толстой И.Л. 400
Толстой Л.Н. 105, 155, 185, 466, 511, 566, 569
Толстяков А.П. 591
Торквемада Т. 341, 342
Трепов А.Ф. 211
Трискорни А. 30
Троцкий, ген. 213, 228
*Троцкий Л.Д. 33, 84, 148, 150, 330, 416
Трубейской Н.П. 580
Тугенхольд Я.А. 27, 31, 132, 138
Туглас Ф. 348
Тураев Б.А. 274, 275, 286
Тургенев И.С. 9, 50, 66, 290
Тургенева А.А. 440, 444, 474-477, 515, 519, 523, 524, 526, 527
Туржанский Л.В. 29, 139
Турыгин А.А. 152
Тынянов Ю.Н. 16
Тырса Н.А. 562, 583
*Тэффи Н.А. 55, 346, 392, 404, 411
Тютчев Ф.И. 9, 14, 36
- Уайльд О. 82
Уваров М. 397
Уварова В.М. 386, 387, 397
Уварова К.М. 386, 397
Уильямс А.М. 577, 592
Уланд Л. 460
Ульянов Н.П. 29, 139
Умов Н.А. 529
Урановский Я. 331
Урбан А.А. 570, 571, 589
Урбен Ж. 323, 324
Усова Л.Н. см. Замятина Л.Н.
Успенский Г.И. 56, 431, 435, 438
Успенский Ф.И. 289
Уткин П.С. 29, 137, 139, 157
Утрилло М. 34
Уэллс Г. 11, 47, 105-107, 145, 353, 409
- Фадеев А.А. 592
Фальк Р.Р. 30, 34, 37, 92, 140-142
Фаминцын А.С. 274, 275
- Фасмер М. 232, 233
Федин К.А. 561, 564, 567, 571, 578, 584, 585
Федина Н.К. 584, 585
Федоров Г.В. 141
Федоров Н.Н. см. *Соловцов Н.Н.
Федоров-Давыдов А. 152
Федотов П.А. 9
Фейербах Л. 43
Фельдман О. 381
Феокрит 289
Феофилактос Н.П. 137
Ферсман А.Е. 311, 317, 318, 321, 332
Фет А.А. 468
Фигнер В.Н. 428, 433, 441, 446
Фидий 122
Фидлер К. 80, 149
Фидлер Ф.Ф. 372, 378
Физ Б.Ю. 159-163, 166, 195
*Филиппов Б.А. 168, 196
Филонов П.Н. 32, 138
Философов Д.В. 42, 43, 441, 446
Фиолетова Н.Ю. 415
Фишбейн Э.С. 9, 29, 31, 34-36, 52, 58, 68-70, 73, 74, 81, 86, 87, 91, 93, 116, 119, 125, 126, 128, 139, 151
Фишман Н.Е. см. Добычина Н.Е.
Флок И. 167, 168, 190, 193
Флоренский П.А. 180
Флоринский Т.Д. 250
Флоровский Г.В. 163
Фокин А.М. 315, 316
Фокин Н.М. 138
Фомин И.А. 384, 389, 396
Фонвизин А.В. 137
Фортунатов Ф.Ф. 238
Фофанов К.К. см. *Олимпов К.
Фофанов К.М. 371
Фохт А.Б. 451
Франк В.С. 197
Франк С.Л. 197
Франкль П. 115, 116, 120, 156
Франко И.Я. 213, 260
Франкфурт Л.С. 9, 10, 14, 131, 142-144, 158

- Франкфурт Т.Г. 16, 143
 *Франс А. 47
 Франц Фердинанд, эрцгерцог
 211, 238
 Франциск Ассизский 43, 289
 Фрателлини А. 551, 559
 Фрателлини П. 551, 559
 Фрателлини Ф. 551, 559
 Фрателлини, династия 559
 Фрезинский Б.Я. 142, 586, 588
 Фрейденберг О.М. 299
 Френкель Я.И. 310
 Фриц Б.С. 110-113
 Фриче В.М. 158
 Фролов, режиссер 540
 Фрумкина Р.Н. 104
 Фужита Л.Ц. 547, 557, 558
 Фучик Ю. 167
- Хавкина А.Б. 148
 Хаит Д.М. 372, 378
 Хайдеггер М. 300
 Халатов А.Б. 46, 145
 Хальс Ф. 36, 82
 Хананье А. 166
 Ханенко Б.И. 224
 Ханенко В.Н. 223, 224
 Харджиев Н.И. 346, 593
 Харламов П. 407
 Хвостов А.Н. 252, 253
 Хевеши Г. 307
 Хлопин В.Г. 303, 308-310, 313,
 318, 321
 Хмельницкий Б.М. 254
 Ховин В.Р. 347, 357, 360, 366,
 370, 382
 Ходасевич В.М. 408
 Ходасевич В.Ф. 175, 193, 523, 541
 Холланд Б. 192
 Хомяков А.С. 263
 Хохолуш В.Н. 166
 Хрущев Н.С. 587, 593
- Царенкова Е.М. 561-582
 Цветаева М.И. 575, 592
 Пензор Д.М. 145, 395
 Церетели Г.Ф. 274, 275
- Цеткин К. 451
 Цетлин М.С. 136
 Ционглинский Я.Ф. 134, 136
 Цулукидзе Т. 403
 Цуриков Н.А. 341, 342
 Цыбульский Н.К. 382, 387, 398,
 401
 Цюрупа А.Д. 451
 Цявловская Т.Г. 272
 Цявловский М.А. 571, 590
- Чаадаев П.Я. 316
 Чайков И.М. 130, 158
 Чалидзе В.Н. 195
 Чаплин Ч. 554
 Чаплюк Е. 166
 Чеботаревская Ан.Н. 352, 358,
 364, 365, 372, 378
 Чедвик Д. 307
 Чекалов И. 535
 Чекан В. 398
 Чекрыгин И.И. 411
 Чепуров А.Н. 582, 593
 Черкесова А.А. см. Бенуа А.А.
 Черных В.А. 562, 584
 Чернышевский Н.Г. 424
 Чертков Л.Н. 533
 Честертон Г.К. 511
 Чехов А.П. 9, 35, 36, 127, 141,
 158, 165
 Чириков Е.Н. 372, 378
 Чичерин Г.В. 552, 559
 Чичибабин А.Е. 305, 310
 Чобур В.Я. 536
 Чубинский М.П. 269-271
 Чудовский В.А. 403, 535
 Чукалов С.К. 348
 Чуковская Е.Ц. 590
 Чуковская Л.К. 167, 168, 535,
 583, 584, 586, 587, 589
 *Чуковский К.И. 105, 155, 369,
 370, 565, 586
 Чуковский Н.К. 356
 Чулков Г.И. 24, 454, 515
 Чулкова Н.Г. 24, 136, 137
 *Чусти 583
 Чюрленис М.К. 22-24, 135

- Шагал М. 25, 31, 32, 140
Шагинян М.С. 535, 586
Шайкевич А.Е. 411
Шалапин Ф.И. 29, 146, 182, 377, 418, 547, 558, 565, 585
Шалапин Ф.Ф. 418
Шамардина С.С. 347, 357-360, 363, 364, 366-370
Шамурин Е.И. 568, 588
Шанель де, президент 542, 551
Шапиро Т.М. 153
Шаповалова В. 542
Шафрановский И.И. 296
Шахматов А.А. 207, 213-215, 219-229, 231-233, 238, 240-246, 250, 251, 258-262, 281, 283, 286
Шахматова Н.А. 223, 224, 231
Шаховская Д. 322
Шаховская З.А. 174, 175, 194
Шаховской Д.И. 315, 316, 318, 329
Швайцар К.С. 108, 111, 156
Шварсалон С.К. 407
Шварц Е.Л. 193, 416
Шведе Е.Е. 541
Шведе-Радлова Н.К. 534, 541
Шебуев Н.Г. 372, 378, 404
Шевалье М. 558, 559
Шевченко В.П. 207
Шевченко Т.Г. 254
Шекспир, нач. радиостанции «Свободная Европа» 174
Шекспир У. 15, 145, 511, 533, 535
Шенберг Э. 277, 278
Шенгели Г.А. 368, 372, 378
Шенфельд Т. см. *Краснопольская Т.
Шептицкий А. 249
Шервашидзе А.К. 410, 417
Шервуд Л.В. 394
Шереметев П.С. 107, 156
Шереметевы, семья 107
Шероц Ж. 322, 420
Шершеневич В.Г. 372, 378
*Шестов Л.И. 193, 196, 440, 443, 444
Шилейко В.К. 564, 568, 583, 584
Шиллер Ф. 428, 431
Шиман Т. 286, 287
Шиперович Д.М. 78, 79, 82, 83, 149
Шипов Н.Е. 528
Шипова Е.Т. 501, 528
Широков П.Д. 369, 371
Шитт, поставщик 388
Шишкин И.И. 71
Шишков В.Я. 145, 426, 428, 429
Шкловский В.Б. 16, 370, 371, 416, 569
Школьник И.С. 138
Шлейфер Ц.Я. 138
Шляпкин И.А. 281, 283
Шмарзов А. 116, 120, 157
Шмеман А.Д. 160, 162, 163, 165, 167, 178, 187
Шмеман Н.А. 167
Шмидт, зав. гостиницей 111, 113
Шмурло Е.Ф. 226, 248, 249
Шнейдеров А.Л. 358-360, 364, 367
Шнейдеров Л. 360
Шолохов М.А. 567
Шопен Ф. 459
Шопенгауэр А. 16, 466
Шопфер Ж. см. *Анз К.
Шоу Б. 96, 97
Шпажинский И.В. 372, 378
Шпис-Эшенбрух В.А. 395
Штакеншнейдер А.И. 108
Штейнберг А.З. 438, 443, 444
Штейнер Р. 191, 450, 454, 524-526, 529
Штеренберг Д.П. 141
Штурман А.Н. 138
Шувалова, гр. 410
Шуман Р. 459
Шумихин С.В. 272, 536
Шухард Ч. 334
Щеголев П.Е. 397, 579, 580
Щеголев С.Н. 255
Щеголь А.Я. 358-360, 364
Щекин-Кротова А.В. 37, 142
Щепкина-Куперник Т.Л. 363, 368, 372, 375, 379, 404

- Шербина Н.Ф. 435, 438
 Щусев А.В. 18-20, 96, 132, 133, 138, 152
 Щусева И.С. 25, 136
- Эйнштейн А. 120
 Эйхенбаум Б.М. 384, 565, 586
 Эйхендорф Й. 460
 *Эллис 440, 444, 472, 523
 Эльзон М.Д. 368, 445
 Энгельс Ф. 120
 Эпштейн М.С. 154
 *Эрберг К. см. Сюннерберг К.А.
 Эренбург И.Г. 130, 564, 565, 568, 584, 586, 588
 Эрнст С.Р. 117, 157
 Эррандоне Н.И. 182
 *Эсклармонда Орлеанская см. Шамардина С.С.
 Эсхил 82
 Эткинд А.М. 533
 Эткинд Е.Г. 175, 192, 195
 Эттингер П.Д. 36, 141
 Эфендиев С.М. 112, 156
 Эфрос А.М. 18, 19, 132
- *Юки см. Бардо Л.
 Юон К.Ф. 29, 56, 134, 139
 Юрьев К.С. 433
 Юрьев Ю.М. 395, 408
 Юсупов Ф.Ф. 406
 Юсуповы, семья 138
 Юхневич М.Ю. 14
 Юшкин Ю. 448
 Ющенко А.И. 275-277
- Яворский, журналист 213
 Ягич В.(И.В.) 250
 Ягода Г.Г. 340-342, 383
 Якобсон Р.О. 416, 581, 593
 Яковенко П.А. 267-269, 271
 Яковлев А.Е. 26, 132, 138
 Яковлев А.С. 403
 *Яковлева Н. см. Мандельштам Н.Я.
- Яковлева-Шапорина Л.В. 398, 410
 Янгиоров Р.М. 397, 415
 Янгфельдт Б. 416
 Янжул И.И. 461, 521
 Янушкевич Н.Н. 264
 Яншина Ф. 308
 Яременко, студент 209
 Яремич С.П. 134, 136
 Яровая В. 406
 Ярошенко Н.А. 32
 Ярцев П.М. 414
 Ясиновский В.П. 141
 Ясинский И.И. 371
 *Яшин В. см. Рышков В.
- *Ahnet С. см. *Анэ К.
 Bailes К.Е. 298
 Bardot L. см. Бардо Л.
 Beckers E. 150
 Benoit P. см. Бенуа П.
 Beraud H. см. Беро А.
 Briffault V. 322
 *Charle des Fontaine см. Ротшильд А.
 *Chiffon, танцовщица 555
 Citroën A. 545
 *Ego см. Голлербах Э.Ф.
 Faensen H. 149
 Foujita L.Ts. см. Фужита Л.Ц.
 Georges Y. см. Жорж И.
 Kattinger F. 279
 Keynes см. Кейнс Дж.М.
 *Ki-ki, танцовщица 543, 555
 *L.W. 542, 545
 Meller R. см. Меллер Р.
 Morand P. см. Моран П.
 Nori N. 558
 Oehlschläger A.G. 281
 *Pascal A. см. Ротшильд А.
 Radiguet R. см. Радигэ Р.
 Shuman H. 322
 Stawell F.M. 279
 Todes D.P. 299

АННОТАЦИИ

В о с п о м и н а н и я

Л.В.Розенталь. НЕПРИМЕЧАТЕЛЬНЫЕ ДОСТОВЕРНОСТИ.
Публикация Б.Рогинского.

Искусствовед и музейный работник повествует о жизни в России 1900-1970-х гг., увиденной им как динамичное живописное полотно. Светлые выставочные впечатления соседствуют с мрачными реалиями эпохи: жизнерадостные «буйства» мирискусников и деятелей «Бубнового валета», первые шаги «культурной революции», ведомственный быт Третьяковской галереи, крушение авангардистских чаяний под напором соцреализма, памятник Сталину с подвязанной щекой в 1937 (!) и др. В комментариях — справки об упоминаемых лицах, художественных группах и событиях. 10 + 114 + 27 с.

Владимир Аллой. ЗАПИСКИ АУТСАЙДЕРА. Окончание.

Завершение повествования, начатого в предыдущих выпусках. Автор — историк, журналист, редактор, издатель — рассказывает о малоизвестных сторонах эмигрантской действительности 1970-1980-х: реформирование и деятельность издательства УМСА-Press, создание русского Культурного центра в Монжероне, эмигрантский быт, газета «Русская мысль», начало альманаха «Минувшее», перестроечная Россия, организация издательств «Atheneum» и «Феникс». 45 с.

И з и с т о р и и н а у к и

ССЫЛКА М.С.ГРУШЕВСКОГО. Подготовил Павел Елецкий

Заподозрив ученого в деятельности, направленной против территориальной целостности Империи, царское правительство осенью 1914 сослало его в Симбирск; представленные документы Департамента полиции и переписка хлопотавших за Грушевского академиков (вел.кн. Константина, В.Н.Перетца, С.Ф.Платонова, А.А.Шахматова и др.; всего — 34 текста) содержат также материалы о русско-украинской ситуации в годы Первой мировой войны. В комментариях, помимо справок об упоминаемых лицах и реалиях, приведены данные о деятельности АН в защиту культурных ценностей, оказавшихся на театре военных действий; информация о политических аспектах филологических дискуссий и др. 7 + 50 с.

ПИСЬМА Е.В.ТАРЛЕ к В.Э.ГРАБАРЮ (1918-1934). Публикация
Б.С.Кагановича.

Знаменитый историк остро живописует детали советского академического и университетского быта; с легкой самоиронией сообщает о своих ученых занятиях. В предисловии — обстоятельная справка об адресате — юристе-международнике; осторожные гипотезы о причинах разрыва между корреспондентами в 1934. 4 + 28 с.

WEEK-END В БОЛШЕВО, ИЛИ ЕЩЕ РАЗ «ВОЛЬНЫЕ» ПИСЬМА АКАДЕМИКА В.И.ВЕРНАДСКОГО. Публикация
М.Ю.Сорокиной

9 обстоятельных писем ученого к сыну, написанных во время пребывания в Европе в 1932-1936, позволяют серьезно скорректировать устоявшиеся в последнее время представления о противостоянии Вернадского сталинскому режиму. В предисловии и комментариях проанализированы обстоятельства заключения «конкордата» между научной элитой и властью в СССР. 6 + 42 с.

Из истории литературной жизни

ПИСЬМА ВАДИМА БАЯНА К Б.В.СМИРЕНСКОМУ. Публикация
А.Л.Дмитренко и А.В.Крусанова.

Заря русского футуризма дана в представлении рядового участника движения, сохранившего и через полвека эстетические привязанности и воодушевление эпохи. В предисловии и комментариях — критика источника, справки о героях и событиях, образцы поэтического творчества автора. 4 + 32 с.

Б.М.Прилежаева-Барская. «БРОДЯЧАЯ СОБАКА». Публикация
Р.Д.Тименчика.

Воспоминания посетительницы знаменитого артистического кабаре обрамлены новонайденными материалами по истории этого культурного явления. 4 + 11 + 23 с.

«ДОРОГАЯ МОЯ И ЛЮБИМАЯ ВАРЯ...» Письма Иванова-Разумника В.Н.Ивановой из саратовской ссылки. Публикация
В.Г.Белоуса.

4 письма ссыльного публициста содержат его размышления по широкому кругу нравственных и литературных вопросов: отношения с А.Белым, К.Петровым-Водкиным и М.Пришвиным и др. 3 + 27 с.

**АНДРЕЙ БЕЛЫЙ: ПОСМЕРТНАЯ ДИАГНОСТИКА ГЕНИ-
АЛЬНОСТИ, ИЛИ ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ ТВОРЧЕСКОЙ
ЛИЧНОСТИ. Публикация М.Л.Спивак.**

Подробное посмертное невропсихологическое описание личности поэта, сделанное в 1936 сотрудником Института мозга на основе опросов родных и близких и архивных материалов для последующего (так и не осуществленного) сопоставления этих данных с особенностями строения головного мозга умершего. В примечаниях — источниковедческий контекст сообщаемых сведений. 8 + 64 + 10 с.

Дневники, записные книжки, маргиналии

Анна Радлова. ПУТЕШЕСТВИЕ ПО ФРАНЦИИ. 1925. Публикация К.Н.Левинной и А.Л.Дмитренко.

Афористические по форме заметки писательницы помимо путевых впечатлений содержат размышления о судьбе России в сопоставлении ее с Францией и наблюдательные оценки культурных сюжетов, не встречающихся на родине. В предисловии и комментариях — реконструкция ближайших контекстов повествования. 10 + 12 + 6 с.

Иннокентий Басалаев. ЗАПИСИ БЕСЕД С АХМАТОВОЙ (1961-1963). Публикация Е.М.Царенковой. Примечания И.Колосова и Н.Крайневой.

Отклики на события литературной и общественной жизни, высказывания о творчестве, замечания о прошлом, оценки зарубежных исследователей и публикаторов, надежды на реабилитацию Н.Гумилева и др. 1 + 21 + 11 с.

ANNEX

ABSTRACTS

Mem o i r s

L.V.Rosental. UNREMARKABLE TESTIMONIES. Edited by B.Roginsky.

An art critic and museum curator narrates about life in Russia in 1900-1970s, depicting it as a dynamic and vivid whole. Bright exhibition episodes are recorded along with the grim realities of the epoch: the joyful «routs» of the members of the «World of Art» society as well as of activists of the «Jack of Diamonds», the first steps of the «cultural revolution», the «inner life» of the Tretyakov Gallery, the ruin of avangardists' aspirations under the pressure of social realism, a monument to Stalin with a bandaged cheek in 1937 (!). The annotations include references to persons, art groups and events mentioned in the text. 10 + 114 + 27 pp.

Vladimir Alloy. MEMOIRS OF AN OUTSIDER.

This completes the publication started in the previous issues of the anthology. The author — a historian, journalist, editor and publisher — gives an account of some little known aspects of the Russian emigre life in 1970s-1980s such as the reorganization and activities of the YMCA-Press publishing house, the creation of the Russian Cultural Centre in Mongeron, the emigrants' everyday life, the newspaper «Russkaya Mysl'», the starting of the anthology «Minuvsheye», the perestroika in Russia, the organization of the «Atheneum» and «Phenix» publishing houses. 45 pp.

From the History of Science

THE EXILE OF M.S.GRUSHEVSKY. Edited by Pavel Eletsky.

Having suspected the scientist of activities aimed at undermining the territorial integrity of the Russian Empire, the tsarist government exiled him to Simbirsk in the latter half of 1914. The cited documents of the Department of Police and correspondence of Grushevsky's protectors, members of the Russian Academy (Grand Duke Konstantin, V.N.Perets, S.F.Platonov, A.A.Shakhmatov and others) also provide evidence of the Russian-Ukrain situation during the world war. The annotations, apart from references to persons and events mentioned, contain information on the activities of the Academy towards protection of the cultural values from destruction during the time of war, as well as on the political aspects of philological discussions. 7 + 50 pp.

LETTERS FROM E.V.TARLE TO V.E.GRABAR' (1918-1934). Edited by B.S.Kaganovich.

The eminent historian E.V.Tarle describes vividly the peculiarities of the academic and university life and speaks with self-irony about his own scholarly studies. The preface provides detailed information on the addressee V.E.Grabar', a lawyer specializing in international relations, and speculates on the reasons why the correspondent broke off their relations in 1934. 4 + 28 pp.

WEEK-END IN BOLSHEVO, OR THE «FREE» LETTERS OF THE ACADEMIC V.I.VERNADSKY. Edited by M.Yu.Sorokina.

Nine letters of the eminent scientist V.I.Vernadsky to his son, written during his time in Europe in 1932-1936, considerably change our views of Vernadsky's opposition to Stalin's regime. The preface and commentaries analyze the reasons why the academic elite chose to come to an agreement with the party authorities in the USSR. 6 + 42 pp.

From the History of Literary Life

LETTERS FROM VADIM BAYAN TO B.V.SMIRENSKY. Edited by A.L. Dmitrenko and A.V.Krusanov.

The dawn of the Russian futurism is seen through the eyes of a rank-and-file member of the movement, who half a century later still has the esthetic affection and enthusiasm of the epoch. The preface and commentary give the critical analyses of the material, contain references to people and events and offer samples of the poetical work of the author. 4 + 32 pp.

B.M.Prilejhaeva-Barskaya. «THE STRAY DOG». Edited by R.D.Timenchik.

The reminiscences of a visitor of the famous artistic cabaret are placed within the context of newly found material relating to this cultural phenomenon. 4 + 11 + 23 pp.

«MY DARLING, MY BELOVED VARYA...» Letters from Ivanov-Razumnik to V.N.Ivanova from his Saratov exile. Edited by V.G.Belous.

Four letters of the exiled pamphleteer contain his reflections on a wide range of moral and literary subjects. His relations with A.Bely, K.Petrov-Vodkin, M.Prishvin and others. 3 + 27 pp.

ANREY BELY. THE POSTHUMOUS DIAGNOSTICS OF THE GENIUS, OR SKETCHING A PORTRAIT OF A CREATIVE PERSONALITY. Edited by M.L.Spivak.

This is a detailed posthumous neuropsychological description of the poet's personality, made in 1936 by an expert of the Institute of Brain on the basis of interviews with his relatives and the archival material, with a view of collating these data later (which in fact has never been done) with the peculiarities of

the brain structure of the deceased. The annotations revise the sources of the given data. 8 + 64 + 10 pp.

Diaries, Notebooks, Marginalia

Anna Radlova. **A JOURNEY IN FRANCE**. 1925. Edited by K.N.Levina and A.L.Dmitrenko.

The aphorismic notes of the lady writer, apart from travel impressions, contain reflections on Russia's destiny compared with that of France, as well as observations of the cultural subjects, alien to her homeland. 10 + 12 + 6 pp.

Innokentii Basalaev. **RECORDS OF CONVERSATIONS WITH AKHMATOVA** (1961-1963). Edited by E.M.Tsarenkova. Comments by I.Kolosova and N.I.Kraïneva.

These records include Akhmatova's perceptions of the events of literary and public life, views of the creative work, of the past, appraisal of foreign researchers and publishers, hopes for rehabilitation of N.Gumilev etc. 1 + 21 + 11 pp.

СОДЕРЖАНИЕ

Воспоминания

- Л.В.Розенталь. НЕПРИМЕЧАТЕЛЬНЫЕ ДОСТОВЕРНОСТИ.
Публ. Б.Рогинского 7
Владимир Аллой. ЗАПИСКИ АУТСАЙДЕРА. Окончание 159

Из истории науки

- ССЫЛКА М.С.ГРУШЕВСКОГО. Подготовил Павел Елецкий 207
ПИСЬМА Е.В.ТАРЛЕ К В.Э.ГРАБАРЮ (1918-1934)
Публ. Б.С.Кагановича 263
WEEK-END В БОЛШЕВО, ИЛИ ЕЩЕ РАЗ «ВОЛЬНЫЕ»
ПИСЬМА АКАДЕМИКА В.И.ВЕРНАДСКОГО.
Публ. М.Ю.Сорокиной 295

Из истории литературной жизни

- ПИСЬМА ВАДИМА БАЯНА К Б.В.СМИРЕНСКОМУ.
Публ. А.Л.Дмитренко и А.В.Крусанова 345
Б.М.Прилежаева-Барская. «БРОДЯЧАЯ СОБАКА».
Публ. Р.Д.Тименчика 381
«ДОРОГАЯ МОЯ И ЛЮБИМАЯ ВАРЯ...»
Письма Иванова-Разумника В.Н.Ивановой из саратовской
ссылки. Публ. В.Г.Белоуса 419
АНДРЕЙ БЕЛЫЙ: ПОСМЕРТНАЯ ДИАГНОСТИКА
ГЕНИАЛЬНОСТИ, ИЛИ ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ
ТВОРЧЕСКОЙ ЛИЧНОСТИ. Публ. М.Л.Спивак 448

Дневники, записные книжки, маргиналии

- Анна Радлова. ПУТЕШЕСТВИЕ ПО ФРАНЦИИ. 1925.
Публ. К.Н.Левиной и А.Л.Дмитренко 533
Иннокентий Басалаев. ЗАПИСИ БЕСЕД С АХМАТОВОЙ
(1961-1963). Публ. Е.М.Царенковой. Прим. И.Колосова и
Н.Крайневой 561
Аппех 597

КНИГИ, НЕОБХОДИМЫЕ КАЖДОМУ, КТО ИНТЕРЕСУЕТСЯ ОТЕЧЕСТВЕННЫМ ПРОШЛЫМ

публикации комментированных архивных материалов и исследований по русской культурной, политической и социальной истории; биографика; краеведение.

ЧИТАЙТЕ И ТРЕБУЙТЕ В МАГАЗИНАХ

МИНУВШЕЕ. Исторический альманах.	Тома 1-23
ЛИЦА. Биографический альманах.	Тома 1-7
НЕВСКИЙ АРХИВ. Краеведческий сборник.	Тома 1-3
ЯРОСЛАВСКИЙ АРХИВ. Краеведческий сборник.	Том 1
ЗВЕНЬЯ. Альманах Научно-исследовательского и просветительского центра общества «Мемориал»	Тома 1-2

**КНИГИ МОЖНО ЗАКАЗАТЬ ТАКЖЕ
В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ «ФЕНИКС» – «ATHENEUM»**

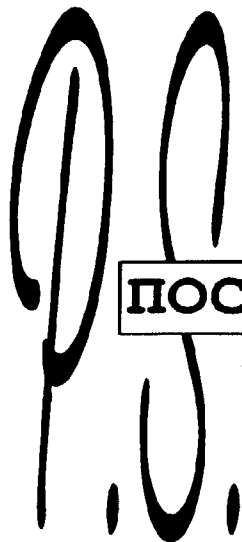
193060, Санкт-Петербург, ул. Смольного, 1/3, подъезд 6а

Тел. 276-13-35, 276-14-77

E-mail: orders@phenix.spb.su

2.1998

ПОСТСКРИПТУМ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
ВЛАДИМИРА АЛЛОЯ,
ТАТЬЯНЫ ВОЛЬТСКОЙ,
САМУИЛА ЛУРЬЕ

ВЫХОДИТ ТРИ РАЗА В ГОД

- 3 Ольга Шамборант. Везение
8 Татьяна Вольтская. Тень. Стихи
14 Борис Евсеев. Юрод. Повесть
80 Светлана Кекова. Прерванная речь. Стихи
84 Александр Вяльцев. Беззвездность
115 Александр Волков. Римляне. Драма в трех действиях
181 Дмитрий Веденяпин. Голос. Стихи
183 Анатолий Барзах. ...Без фабулы
211 Г.Амелин, В.Мордерер. Хлебников и Мандельштам
218 Нина Савушкина. Клаустрофобия. Стихи
223 Виктор Топоров. «Жена, ты девушкой слыла...»
231 Алексей Недлинский. Поселение

ЖУРНАЛ МОЖНО ПРИОБРЕСТИ ТАКЖЕ
В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ «ФЕНИКС» – «ATHENEUM»

193060, Санкт-Петербург, ул. Смольного, 1/3, подъезд ба

Тел. 276-13-35, 276-14-77

E-mail: orders@phenix.spb.su

МИНУВШЕЕ
Исторический альманах
23

ATHENEUM • ФЕНИКС

Редактор Т.Б.Притыкина
Наборщик — И.М.Курдина

ЛР №064815 от 30.X.1996

Подписано в печать 15.03.1998. Формат 60 x 88 ¹/₁₆.
Бумага офсетная №1. Печать офсетная.
Объем 39,5 п.л. + 1 л. вклеек. Тираж 2000 экз. Заказ №3558

Издательство «Феникс»: 193060, С.-Петербург,
ул. Смольного, 1/3, подъезд ба
Тел. 276-13-35, 276-14-77
e-mail: order @ phenix.spb.su

Санкт-Петербургская типография «Наука» РАН
199034, Санкт-Петербург, 9-я лин., 12.

Л.В.Розенталь. 1914. Рим. Фотоателье Luigi Chevreton.
Архив И.Я.Розенталь (Москва).

Л.В.Розенталь и Э.С.Фишбейн. 1916-1917. Петроград.
Архив И.Я.Розенталь (Москва).

Сотрудники Третьяковской галереи. *Сидят слева направо:* И.Н.Кнебель, М.М.Колпакчи, З.Т.Зонова, А.М.Скворцов, А.Ф.Дугачева, Е.А.Тюрина, М.С.Моргунов. *Стоят:* М.Д.Коноплева, А.Е.Нойзес, неуст. лицо, Люб.Вл.Розенталь, А.С.Галушкина, Н.М.Щекотов, Лаз.Вл.Розенталь, Ю.Д.Соколов, О.А.Лесковская, неуст. лицо, Е.М.Штейн, неуст. лицо. 1925.
Архив И.Я.Розенталь (Москва).

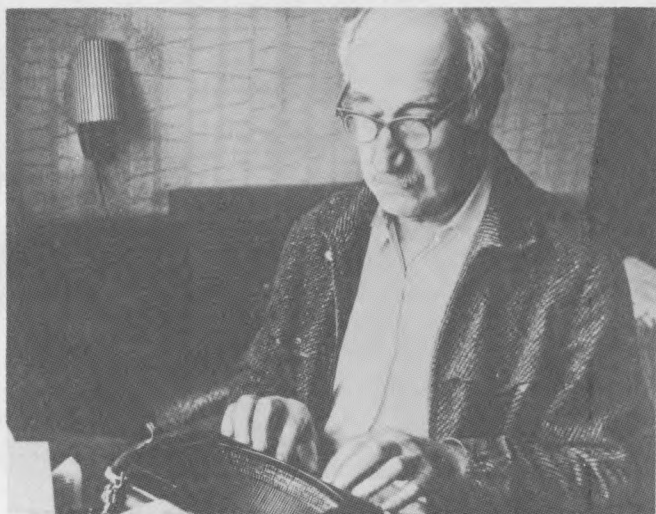

Л.В.Розенталь с группой экскурсантов. 1960-е. Ленинград.
Архив И.Я.Розенталь (Москва).

А.Л.Бакст и Л.В.Розенталь. 1967. Архив И.Я.Розенталь (Москва).

Л.В.Розенталь. 1968. Архив И.Я.Розенталь (Москва).

Команда издательства «Феникс». Слева направо: А.И.Добкин,
Т.Б.Притыкина, В.Е.Аллой, Е.В.Русакова, И.М.Курдина.
(К сожалению, отсутствует шестой участник — Л.Н.Фромченко).
1993. С.-Петербург.

Второй слева — М.Н.Покровский, четвертый слева — Е.В.Тарле. 1920-е.
АРАН. Ф.627. Оп.2. Ед.хр.82.

Перед возвращением старших Вернадских в СССР. Слева направо:
Н.В.Вернадская (ур. Ильинская), Г.В.Вернадский (стоит), Н.Е. и
В.И.Вернадские, Н.В.Толль. Прага. Февраль 1926.

Г.В.Вернадский. 1930-е. Нью-Хэйвен (Коннектикут, США).

В.Баян, Б.Д.Богомолов, А.Н.Чеботаревская, Ф.Сологуб, И.Северянин.
Осень 1913.

Портрет Вадима Баяна работы В.Маяковского. Январь 1914. Надпись:
«Владимиру Ивановичу в знак истинного расположения. В.Маяковский».

В.Н.Иванова (Оттенберг). 1900-е. Коллекция Л.Ф.Карохина
(С.-Петербург).

Р.В.Иванов-Разумник. 1917-1918. РО ИРЛИ.

Б.Бугаев. Вторая пол. 1880-х. Музей А.Белого в Москве.

А.Белый в гробу. Рис. П.Я.Павлинова. 1934. Музей А.Белого (Москва).

А.Д.Радлова. 1925. Ленинград. Собрание А.Л.Дмитренко (С.-Петербург).

И.М.Басалаев. 1960-е. К оригиналу подклеен автограф стихотворения И.М.: «У завалинки дружбы и мира / В час вечерний и поутру рано / Забывал он законы Корана / И звенела призывная лира». Собрание Е.М.Царенковой (С.-Петербург).

МИНУВШЕЕ

23